

9.111
M-38

Л. МАЦЕР

ТАБОР
В ГУСИТСКОМ
РЕВОЛЮЦИОННОМ
ДВИЖЕНИИ

У(ч)1
ИЗБ.

И. М А Ц Е К

ТАБОР В ГУСИТСКОМ РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

122601

НБ ПНУС
122601

Перевод с чешского
Н. А. АРОСЬЕВОЙ, Т. А. ЕГЕРЕВОЙ, Н. М. ПАШАЕВОЙ

Редакция и предисловие
П. И. РЕЗОНОВА

ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ
ИСТОРИЧНЫХ НАУК

БИБЛИОТЕКА
Станция...
№ ...

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва—1956

115884

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

АННОТАЦИЯ

Книга известного чехословацкого историка Й. Мацека представляет собой первую большую марксистскую монографию по истории гуситского движения. Это конкретное историческое исследование, в основе которого лежит тщательный анализ обширного материала источников. Автор создал яркую картину состояния чешского общества во второй половине XIV и начала XV веков, осветил слабые страницы истории чешского народа.

Советские люди живо интересуются историей братских чешского и словацкого народов, внимательно следят за развитием марксистской исторической науки в Чехословакии, с большим интересом читают переведенные на русский язык книги чешских авторов. История революционной борьбы трудящихся за свое национальное и социальное освобождение, естественно, привлекает особое внимание советских читателей. Настоящая книга—«Табор в гуситском революционном движении», несомненно, представляет для нас огромный интерес.

Й. Мацек посвятил свою работу одному из самых славных периодов в истории чешского народа, периоду его героической борьбы за свою национальную независимость и социальное освобождение. Являясь одним из крупнейших революционных выступлений широких народных масс в средние века, гуситское революционное движение первой половины XV века оставило глубокие следы в сознании народа, заложило в нем прочные революционные традиции, оказало огромное влияние на всю последующую историю страны. Самоотверженная борьба чешского народа в период гуситских войн переросла рамки чисто чешского события и приобрела огромное международное значение. Революционно-демократические силы чешского общества, воодушевленные идеями справедливой войны за свободу и независимость, отражали атаки реакционных сил всей феодально-монархической Европы, наносили сокрушительные удары одному из столпов феодального общества—средневековой католической церкви.

На протяжении всей последующей истории гуситское революционное движение явилось вдохновляющим примером для угнетенных и эксплуатируемых, а также для всех прогрессивных сил чешского общества. Передовые

представители чешской общественной мысли всегда высоко ценили значение гуситского революционного движения. Недаром оценка гусизма стала критерием для определения степени прогрессивности того или иного общественного деятеля в Чехословакии.

Наша русская дореволюционная историография посвятила гуситскому движению значительное количество работ. Однако этими проблемами занимались преимущественно историки-славянофилы, которые тенденциозно освещали это движение, сводя его к моментам чисто религиозным. Такие историки, как Новиков¹, Елагин², Гильфердинг³, Бильбасов⁴, стремились доказать, что все гуситское движение в конечном счете являлось борьбой элементов православия, сохранившихся в Чехии со времени Кирилла и Мефодия и усилившихся благодаря выступлению Гуса против римской католической церкви. В этой борьбе православия против католицизма они и видели основное содержание гусизма. Подобная же мысль, правда, в более утонченной форме проводится в книге Пальмова⁵ и Надлера⁶. Пенытки русских либерально-буржуазных историков опровергнуть тенденциозную, примитивно-религиозную концепцию славянофилов ограничились лишь критикой ее несостоятельности⁷. Проникнутые духом сочувствия к движению народных масс статьи известного русского историка литературы Венгерова⁸, написанные им в 80-х годах XIX века, и монография Ястребова «Этюды о Петре Хельчицком» не могли создать противовеса общим реакционным тенденциям в русской буржуазно-дворянской историографии о гусизме.

¹ Е. Новиков, Православие у чехов («Чтение общества истории и древностей российских», № 9, 1848 г.).

² В. Елагин, Об истории Ф. Палацкого («Чтение общества истории и древностей российских», № 7, 1848 г.).

³ А. Ф. Гильфердинг, Гус и его отношение к православной церкви, СПб., 1893 г.

⁴ В. А. Бильбасов, Чех Ян Гус из Гусинца, СПб., 1869 г.

⁵ И. С. Пальмов, Вопрос о чаше в гуситском движении, СПб., 1881 г.

⁶ В. К. Надлер, Причины и первые проявления оппозиции католицизму в Чехии и Западной Европе в конце XIV и начале XV веков, Харьков, 1864 г.

⁷ См. статью Васильева «Причины и характер чешского религиозного движения» («Журнал Министерства Просвещения», 1876 г., т. XXXVI, стр. 234 и след.).

⁸ Венгеров, Табориты и их общественно-политические идеалы («Вестник Европы», № 7—8, 1882 г.).

Чешская дворянско-буржуазная историография, много занимавшаяся проблемами гуситского движения, освещала его с позиций господствующего класса и в соответствии с задачами, которые стояли перед дворянством и буржуазией на различных этапах их развития. В чешской историографии о гусизме особенно наглядно проявилась эволюция взглядов буржуазии, ее развитие от класса передового и прогрессивного, выступавшего в годы своей молодости знаменосцем использования объективных законов в интересах общества, до архиреакционнейшего и контрреволюционного класса периода империализма и общего кризиса капитализма. В годы существования чехословацкой буржуазной республики окончательно восторжествовало самое реакционное направление историографии, представленное историками школы Й. Пекаржа, которые в угоду контрреволюционной монополистической буржуазии изображали борьбу чешского народа в период гуситских войн как массовое сумасшествие, разбойничье движение, принесшее стране несчастья и бедствия. Сторонники Пекаржа в последние годы существования чехословацкой буржуазной республики задавали тон во всей чехословацкой буржуазной историографии. Это было подлинное засилье «школы Пекаржа» в чешской исторической науке. Свою бесцеремонную фальсификацию истории гуситского движения они прикрывали рассуждениями о необходимости более «научного» и «объективного» подхода к исследуемым проблемам, уверяя, что строго следуют лозунгу «Ad fontes!» («К источникам!»), выдвинутому в свое время крупным чешским историком-позитивистом Ярославом Голлом. Таким образом, антинародная контрреволюционная концепция Пекаржа и его сторонников была хорошо замаскирована, снабжена обширным научным аппаратом и представлена как последнее достижение науки. Вполне понятно поэтому, что перед историками народно-демократической Чехословакии во всей полноте своей встала задача воссоздать подлинную историю массовой народной борьбы в период гуситского революционного движения, проанализировать ее с позиций марксизма-ленинизма. Естественно, что борьба за подлинную историю гуситского движения была одновременно борьбой против школы Пекаржа.

За последние годы чехословацкие историки-марксисты проделали большую работу; написан ряд монографий, брошюр и статей, посвященных этому важнейшему периоду

истории страны¹. Наибольший вклад в дело изучения «гуситского революционного движения» сделал член-корреспондент Чехословацкой Академии наук Йозеф Мацек. Его перу принадлежит уже переведенная на русский язык и хорошо известная советскому читателю книга «Гуситское революционное движение»², где в популярной форме изложены ход движения и основные вопросы его истории. Й. Мацеку принадлежат также книги: «Кто они, божьи воины»³, «Гуситы на Балтике и в Великой Польше»⁴, «Прокopf Великий»⁵, соответствующие главы в учебниках и ряд статей, помещенных в чехословацких журналах «Новая мысль» и «Чехословенски часопис гисторицики».

Книга «Табор в гуситском революционном движении» является основной работой автора и представляет собой первый том обширной монографии о Таборе и движении таборитов⁶. Из всей совокупности проблем борьбы чешского народа в период гуситских войн автор взял основную—борьбу революционно-демократического лагеря гуситов, отдавая себе ясный отчет в том, что именно борьба таборитов определяла основное содержание гуситского революционного движения как национально-чешской крестьянской войны.

Руководствуясь марксистско-ленинским учением о закономерности развития общества и классовой борьбы, автор на основе всестороннего анализа и критического разбора источников, а также существующей исторической литературы вскрывает классовую сущность и антифеодальную направленность движения таборитов; определяет социальный состав революционно-демократического лагеря гуситов, прослеживая его эволюцию на различных этапах движения; анализирует развитие гуситского революционного движения в целом и показывает ведущую роль в нем Табора как центра революционно-демократического лагеря гуситов. Й. Мацек определяет роль и значение таборитской идеологии, в частности хилиазма; исследует изменения в социальном

¹ Обзор новой литературы о гуситском революционном движении, вышедшей в народно-демократической Чехословакии, дан в «Вопросах истории», № 10, 1954.

² Й. Мацек, Гуситское революционное движение, Издательство иностранной литературы, Москва, 1954.

³ J. Mašek, Ktož jsu boží bojovníci, Praha, 1951.

⁴ J. Mašek, Husité na Baltu a ve Velikopolsku, Praha, 1952.

⁵ J. Mašek, Prokop Veliký, Praha, 1953.

⁶ В конце 1955 года вышел в свет II том монографии Й. Мацека о Таборе.

составе участников движения, а в связи с этим и изменения в социально-экономической программе таборитов.

Большим достоинством книги Мацека является то, что в ней с марксистских позиций рассматривается эволюция чешской буржуазной историографии о гуситском движении, определены основные этапы в ее развитии.

Совершенно правильно оценивает Мацек позицию Палацкого—идеолога молодой чешской буржуазии, основоположника чешской буржуазной историографии, проделавшего большую работу по сбору, изучению и изданию источников о гуситских войнах и создавшего прогрессивную для своего времени концепцию гусизма. В условиях революционного подъема в стране накануне революции 1848 года Палацкий в своем III томе «Истории чешского народа» высоко оценил гуситский период истории Чехии, называя его кульминационным пунктом и высшим этапом борьбы чешской демократии, периодом «борьбы за прогресс во всем мире». Подробно воспроизведенная Палацким борьба чешского народа против чужеземного господства за национальную свободу и демократию послужила источником вдохновения для многих работников культуры и искусства и нашла свое отражение, как это правильно подчеркнул Ф. Кавка, в произведениях композитора Берджиха Сметаны, художника Микулаша Алаша, писателя Алонса Ирасека¹. Ранние работы Палацкого о гусизме положили начало прогрессивному направлению в чешской буржуазной историографии.

Правильно отмечая заслуги Ф. Палацкого в развитии исторических знаний о гуситском движении, Й. Мацек вместе с тем критикует его концепцию, вскрывает методологическую несостоятельность и классовую ограниченность его взглядов. Являясь идеологом либеральной буржуазии и оставаясь на позициях идеализма, Палацкий не мог, конечно, проникнуть в сущность исторического процесса, не был в состоянии дать всестороннего анализа гуситского движения, вскрыть его классовые корни, понять его характер и причины. «Гусизм был для него,—пишет Мацек,—прежде всего религиозным движением, реформацией, в ходе ее впервые свободно были высказаны протестантские взгляды, которые он сам разделял. Здесь требования буржуазии, добившейся реформ феодально-клерикального правитель-

¹ «Nová mysl», 1953, № 7.

ства Габсбургов, переключались с требованиями, которые выдвинули гуситы пятьсот лет назад¹.

К сожалению, Мацек не показал, как изменились взгляды самого Палацкого. Известно, что при переработке своей «Истории народа чешского» в 1870—1873 годах он внес в III том ряд дополнений и изменений; теперь он в более резкой форме отрицал революционную борьбу и выдвигал на первый план разрушительные последствия гуситского движения. Ясно, что в эти годы перед нами уже не представитель молодой буржуазии, а лидер партии старочехов; он как бы дает совет австрийскому правительству: уступите нам, договоритесь с нами, и мы вам гарантируем, что никакой революции не будет.

С переходом от доминирующего капитализма к империализму происходит эволюция во взглядах буржуазных чешских историков, усиливается реакционная тенденция в историографии, пересматривается ранняя концепция Палацкого. Чешские буржуазные историки, как это правильно показал Й. Мацек, один за другим отказываются от положительной оценки значения гусизма в чешской истории.

Чешская буржуазия становится особенно реакционной после первой мировой империалистической войны и в годы существования буржуазной чехословацкой республики. Напуганная Великой Октябрьской социалистической революцией в России и массовым революционным движением внутри страны, чешская империалистическая буржуазия и ее идеологи стремились очернить, оклеветать русскую пролетарскую революцию, запугать трудящихся своей страны «отрицательными» последствиями революции, в том числе и последствиями гуситского революционного движения.

Вся книга Мацека с ее твердой методологической основой и тщательным анализом конкретного материала представляет собой полемику с реакционной историографией и прежде всего с так называемой «школой Пекаржа». Мацек правильно подчеркнул, что в монографии Пекаржа «Жижка и его время»² прозвучал голос империалистической реакции, всеми силами пытавшейся оклеветать революцию, показать ее «ужасные» последствия и этим предостеречь от подражания. В этом истинный смысл книги Пекаржа.

¹ См. данную книгу, стр. 27—28.

² P e k a ř, Žižka a jeho doba, díl. I—III.

Если «школа Пекаржа» открыто предпринимала яростные атаки против гуситского революционного движения, стремясь исказить истинный смысл борьбы таборитов, дискредитировать их в глазах народа и тем самым искоренить гуситские революционные традиции, то буржуазный политик Масарик делал, как это показывает Й. Мацек, то же самое, но более тонкими средствами. Спекулируя на симпатиях чешских рабочих к революционному Табору и стремясь отвлечь их от социалистической революции в годы революционного подъема Масарик даже выдвинул в 1918 году лозунг «Табор—наша программа!» Но вскоре после разгрома рабочих в период декабрьской всеобщей стачки 1920 года он стал выдвигать на первый план уже не революционную сторону Табора, а якобы присущее ему стремление к порядку. Не случайно буржуазия в 1924 году так истолковала лозунг Масарика: «Порядок—вот наша программа!»

Характеризуя прогрессивное направление в чешской буржуазной историографии, которое ведет свое начало со времен Палацкого, Мацек положительно оценивает работы К. Крофты, М. Ф. Бартоша, Р. Урбанека и др., продолжавших отстаивать и развивать выдвинутую Палацким в своих ранних работах концепцию гуситского движения, относясь к нему как к самому славному периоду чешской истории.

В 1937 году К. Крофта выступил против Пекаржа: «Я утверждаю без всяких колебаний,—писал он,—что если бы это и было в моей власти, я ни за что на свете не вычеркнул бы со страниц нашей истории гуситскую революцию... Гуситская революция, несмотря на ее теневые стороны, это не только наша гордость, но и наше счастье»¹.

Однако и прогрессивное направление в историографии не могло дать правильного освещения проблем гуситского движения, поскольку ему присущи все недостатки, свойственные буржуазной историографии: классовая ограниченность, идеалистическая методология и т. д. Мацек совершенно правильно отметил слабые стороны в работах К. Крофты, М. Ф. Бартоша, Р. Урбанека и др.

Вместе с тем автор показал то неоспоримое большое и положительное значение, которое имели для развития чешской историографии работы З. Неедлы «История гуситской песни» и «Гус и наше время», указав, что концепция трудов З. Неедлы, написанных до 1918 года, приближается к точке

¹ K r o f t a, Žižka a husitská revoluce, Praha, 1937.

зрения научного социализма. Для Неедлы гуситское движение было прежде всего борьбой широких народных масс за национальное и социальное освобождение. Он показал Табор и движение таборитов в их историческом развитии.

Подводя итог развитию чешской историографии, Мацек правильно подчеркнул, что только исторический материализм дает подлинно научную основу и теоретическую базу для правильного всестороннего исследования исторических событий, в том числе и такого сложного социального явления, какой была борьба чешского народа в первой половине XV века. Поэтому он обращается к трудам Маркса и Энгельса, где содержатся немногочисленные, но существенно важные и необходимые для понимания основных проблем гуситского движения высказывания, которые наметили совершенно новую точку зрения, положенную в основу марксистской концепции истории гусизма. Огромное значение, как указывает Мацек, в этом отношении принадлежит книге Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», без знания которой невозможно понять революционное движение и Табор.

Вместе с тем Мацек анализирует первые работы чешских историков-коммунистов К. Крайбиха, К. Конрада, занимавшихся вопросами гусизма, а также высказывания К. Готвалда, Я. Швермы, Ю. Фучика и других руководителей Коммунистической партии Чехословакии, положенные автором в основу при изучении конкретных материалов по истории Табора и таборитов.

Книга Й. Мацека представляет собой первую большую марксистскую монографию по истории гуситского движения. Это—конкретно-историческое исследование, построенное на основе тщательного анализа обширного материала источников. Прекрасное знание их позволило автору нарисовать яркую картину состояния чешского общества во второй половине XIV и начала XV вв. Он убедительно показывает эксплуататорскую роль церкви в Чехии, характеризует ее огромные земельные богатства, источники дохода, формы и методы эксплуатации зависимых от церкви крестьян, алчность и моральное разложение высшего духовенства. Богатой церковной знати он противопоставляет бедных священников и бродячих проповедников, которые нередко проникались настроениями крестьян и вместе с ними шли на борьбу против церкви и всего феодального общественного строя.

При рассмотрении позиций отдельных классовых группировок и определении их роли в гуситском движении автор, исходя из основного марксистско-ленинского положения, вскрывает классовые корни исторических явлений, обнаруживает материальные классовые интересы, которые в конечном счете обуславливали поведение людей и целых социальных групп. Мацек наглядно показал, как материальная заинтересованность чешских панов, стремившихся к захвату церковно-монастырских земель, сделала некоторых из них сторонниками гусизма и как те же паны, захватив церковные земли, утратили всякий интерес к гуситскому учению, перебежали на сторону католиков. С материалистических позиций Мацек объяснил поведение бюргеров, мелких ремесленников, крестьян, городской и сельской бедноты. Мацек решительно разоблачает реакционных буржуазных историков, изображавших период конца XIV и начала XV веков как время наибольшего крестьянского благополучия, как «золотой век» в жизни чешского крестьянства. На большом документальном материале и по высказываниям современников (Штитного, Гуса, Хельчицкого и др.) Мацек показывает крайне тяжелое положение феодально-зависимых крестьян, их политическое бесправие, рост феодальных платежей, церковных поборов и, как следствие этого, усиление феодального гнета, обострение классовых противоречий, нарастание антифеодальной борьбы в деревне.

Интересный материал приводит Мацек о социальной дифференциации крестьянства, в результате которой в деревне образовались различные категории крестьян и возникло крайне неравномерное распределение земли среди держателей. В поместьях Страговского монастыря 551 крестьянский надел по своим размерам распределялся следующим образом: 75 мельчайших, 88 по $\frac{1}{4}$ лана, 148 по $\frac{1}{2}$ лана, 124 по $\frac{3}{4}$ лана, 64 по целому лану и 52 надела размером больше одного лана. Аналогичная картина наблюдалась в поместьях Тржебоньского и Златокорунского монастырей и в других поместьях южной Чехии. Очевидно, что социальная дифференциация, получившая в деревне широкое распространение, привела к образованию прослойки зажиточного крестьянства на одном полюсе и деревенской бедноты—на другом. Это хорошо показано в исследовании Мацека. Однако следует заметить, что, правильно отмечая образование этих двух прослоек, Мацек почему-то ничего не говорит

о среднем крестьянстве, которое, как это видно из им же самим приведенных данных, составляло основную массу сельского населения. Среднее крестьянство совершенно выпало из поля зрения автора, в книге фигурируют только бедняки и зажиточные крестьяне, причем к категории зажиточных крестьян автор относит тех, которые владели от половины лан и выше, а всех остальных крестьян, владевших наделами, содержащими менее полулана, зачисляет в разряд бедноты.

В связи с этим в книге Мацека не дано четкой характеристики позиции среднего крестьянства, недостаточно выявлена его роль в движении таборитов. Автор всюду оперирует термином городская и сельская беднота, отводя ей главную и решающую роль в движении, но он недооценивает среднего крестьянина и не показывает его участия в борьбе. Само собой понятно, что подобная позиция автора дала себя знать и при рассмотрении социально-политических взглядов таборитов. Антифеодальные требования крестьян, стоявшие на первом плане в программе крестьянско-плебейского лагеря гуситов, недостаточно полно раскрываются автором.

Большой интерес представляет глава «Идеология как отражение классовых противоречий», где автор совершенно правильно подверг резкой критике идеалистические теории происхождения гуситских идей и с марксистских позиций объяснил происхождение гуситской идеологии, рассматривая ее как отражение классовых противоречий, как выражение назревших задач материальной жизни общества. Автор правильно отверг несостоятельную теорию филиации идей и доказал, что учение Гуса и его последователей было порождено социально-экономическими условиями чешского общества. Мацек подробно проследил, как зарождались гуситские идеи, проанализировал выступления предшественников Гуса: Томаша Штитного, Вальдгаузера, Яна Милича из Кромержижа, Матвея из Янова. Описывая жизнь и деятельность магистра Яна Гуса, Мацек наглядно показал его как национального героя, выразителя и защитника интересов чешского народа. В книге подробно исследуется вопрос о народных ересьях, которые сыграли большую роль в идеологической подготовке гуситского революционного движения.

Всесторонне, с привлечением большого количества источников автор исследует первые годы гуситского

революционного движения, показывает, как население Чехии восприняло известие о смерти Яна Гуса и Иеронима Пражского, как пришли в движение различные социальные группы, по тем или иным причинам заинтересованные в выступлении и борьбе против католической церкви и монастырей, а также против чужеземного патрициата в городах. Автор подробно рассказывает о выступлениях чешского дворянства и захвате церковного имущества, о борьбе бюргерства против патрициата в городах, о начале крестьянского движения, о паломничестве на горы, о выступлении Вацлава Коранды и других бедных проповедников. Мацек правильно оценивает массовое паломничество крестьян, бедных ремесленников, городской бедноты как социальное движение, подготовившее почву для вооруженной борьбы против католической церкви и всего феодального строя. Естественным продолжением паломничества на горы явилось восстание бедноты и мелких ремесленников в Новом Месте в Праге 30 июля 1419 года, массовое иконоборчество, развернувшееся по всей стране, и борьба крестьян против духовных и светских феодалов, завершившаяся образованием центра революционного движения—города Табора.

Совершенно правильно Й. Мацек определяет роль хилиазма в гуситском движении, изображая его как идеологию городской и сельской бедноты первого периода крестьянской войны, призванную возвеличить и оправдать начавшуюся вооруженную борьбу трудящихся против существующего феодального строя, вдохновить массы повстанцев на победоносное окончание начатой борьбы, вдохнуть в них веру в победу¹.

Наибольший интерес в книге представляет глава «Социальный состав таборитов в 1420—1452 годах», весьма оригинальная и совершенно заново разработанная. Мацек делает подробный разбор источников. Он внимательно исследует «Книгу казней» панов из Рожмберка, ставя основной своей задачей выяснение социального состава подсудимых, подвергшихся наказанию за участие в гуситском революционном движении. Данные этой книги он сопоставляет с материалами других источников, в частности с реестром ЗлатокоRUNского монастыря, отрывками из урбария Тржебонь-

¹ Подробный анализ идеологии хилиазма с социально-политической программой таборитов дается во II томе данной монографии.

ЧИТАЛЬНИЙ ЗАЛ
ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК

ского монастыря, списком запрещенных ремесел и мелких промыслов, рихтаржским реестром и т. д. Официальные источники он дополняет показаниями хронистов и в первую очередь данными из хроники Вавржинца из Бржезовы. Автор сделал подробный разбор хроник, определил социальное положение и отношение их авторов к движению таборитов. Совершенно справедливо Мацек указал на особенность источников, которыми приходится пользоваться при изучении социального состава таборитов и их социально-политических взглядов. Эта особенность состоит в том, что абсолютное большинство сохранившихся письменных памятников написано классовыми противниками таборитов, которые в своих хрониках, трактатах, письмах и т. д. стремились скомпрометировать и оклеветать своих противников, приписывая им всевозможные злодеяния. Мацек правильно подчеркивает, что пока не будет выяснено, на чьей стороне находится автор той или иной хроники, чьи классовые интересы он отстаивает, нельзя правильно понять источник и научно воспользоваться его сведениями. Больше того, при изучении источников о таборитах приходится внимательно учитывать, в какие годы писалась та или иная хроника или даже часть хроники. Известно, например, что в хронике Вавржинца из Бржезовы резко выделяются три части и в каждой из них он по-разному относится к таборитам. Мацек правильно рекомендует учитывать не только классовую принадлежность автора, но и эволюцию его взглядов, а следовательно, и степень его враждебности к таборитам на различных этапах движения.

В связи с этим Мацек очень удачно разоблачает псевдообъективность Пекаржа, утверждавшего, что он беспристрастно дает говорить всем участникам событий, заранее зная, что будет говорить не сами табориты, а их противники из рядов реакционного католического лагеря или представители умеренного рыцарско-бюргерского крыла гуситов — чашники. Так, например, как указывает Мацек, из 23 наиболее значительных источников, использованных Пекаржем для характеристики таборитов, 14 источников вышли из-под пера махровых реакционеров, защищавших интересы реакционно-католического лагеря. Все они были отъявленными врагами трудящихся, ярыми противниками таборитов, выходцами из аристократической верхушки (эмигранты, придворные Сигизмунда, представители папской курии); 6 авторов сообщений принадлежали к право-

му крылу чашников, причем некоторые из них ~~даже~~ не отличаются от идеологов католической реакции; два источника вышли из других группировок и только один письменный памятник, использованный Пекаржем, принадлежал табориту Микулашу из Пельгржимова. Совершенно ясно, что голос Микулаша потонул в хоре противников таборитов, которым Пекарж предоставил слово.

Приведенные Мацеком многочисленные сведения о социальном составе таборитов, почерпнутые из разнообразных источников, позволили автору сделать вполне обоснованные выводы о структуре и социальном устройстве Табора в первые годы его существования. Автор показывает, как с момента основания Табор был убежищем широких масс крестьянства, центром притяжения для тех, кто подвергался наиболее жестокому угнетению. Крестьяне покидали свои деревни и уходили в Табор. Сюда шли не только из ближайших деревень и городов, но и из далеких мест, даже из Германии и Польши.

10961

«В 1420 году, — подчеркивает Мацек, — численное преобладание сельского населения, главным образом бедноты, представляет собой неоспоримый факт».

В последующее время произошли изменения в социальном составе населения Табора, где в ходе гуситского революционного движения усиливался ремесленнический элемент, ослабевало влияние крестьянства и городской бедноты. Это бесспорные факты, прекрасно доказанные автором, против них невозможно возражать.

Выводы автора о крестьянском характере Табора, о наличии в нем значительного количества деревенской бедноты особенно важны. Однако утверждения Мацека о том, что в 1421 году гегемония в Таборе от бедноты перешла к бюргерству, не вытекают из того анализа, который проделал сам автор. Если даже допустить мысль, что в течение двух лет многие бывшие крестьяне превратились в ремесленников, то вряд ли они уже утратили свой крестьянский образ мышления и стали настоящими бюргерами.

В условиях войны, сопровождавшейся массовым перемещением населения и непрерывным притоком в Табор все новых и новых выходцев из деревни, вряд ли могло произойти такое быстрое перерождение Табора в бюргерский город. Нам кажется, что он попрежнему оставался центром крестьянско-плебейского лагеря, могучим фактором национально-чешской крестьянской войны.

145884

Автор недостаточно учитывает, что в движении таборитов огромную роль играли не только жители Табора, но и широкие слои сельского населения тех районов, в которых одержал победу революционно-демократический лагерь гуситов. Недооценка основной движущей силы гуситского революционного движения—среднего крестьянства, участие которого, несомненно, накладывало отпечаток на весь ход крестьянской войны, на позицию городской бедноты и города Табора на протяжении всей истории, вплоть до Липан,— это один из самых больших недостатков данной книги.

Правда, автор в следующем томе обещает показать Табор как центр движения всего революционного лагеря таборитов, а следовательно, более подробно познакомить читателя с социальным составом всех участников движения, а не только с населением Табора.

И. Мацек, следуя за Ф. Граусом, придерживается мнения, что Западная Европа в XIV—XV вв. переживала период всеобщего кризиса феодального общественного строя (стр. 64 и сл.), период потрясения феодализма. Самым ярким доказательством обостряющегося кризиса феодализма, по мнению автора, являются могучие революционные движения, в которых рождающийся общественный класс со всеми эксплуатируемыми восставал против класса феодалов. В подтверждение своего мнения о всеобщем кризисе феодализма в XIV—XV вв. Мацек ссылается на положение Энгельса о том, что «в XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась, таким образом, в полном упадке»¹ и на работы советских авторов, в частности на книгу В. В. Стоклицкой-Терешкович «Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв.».

Положению Энгельса о полном упадке феодальной системы в Западной Европе автор дал, несомненно, слишком широкое толкование, ставя знак равенства между «полным упадком» и всеобщим кризисом феодализма. Ф. Энгельс, говоря о полном упадке феодальной системы, как это видно из всего текста его работы, имел в виду упадок феодального хозяйства в его чистом, «классическом» виде, в основном натурального, в котором не было места для денег, а феодал получал от крестьян все необходимое или в форме

труда, или в форме готового продукта. «Каждое феодальное хозяйство,— пишет Энгельс,— само удовлетворяло свои нужды целиком, даже военные поставки собирались продуктами. Торговых сношений, обмена не было, деньги были излишни»¹.

Далее, Энгельс анализирует то новое, что внесли в жизнь феодального общества товарно-денежные отношения и развитие городов, обращая внимание на то, как сильно деньги подточили и развели изнутри феодальную систему в конце XV в. и делает вывод об упадке феодальной системы. Энгельс подчеркивал, что теперь все изменилось, что сами феодалы не могли теперь жить без денег. В феодальные области повсюду вклинивались города с их богатством, привилегиями и особым правом. Бюргеры все больше становились тем социальным слоем, который олицетворял собой дальнейшее развитие производства и обмена.

Говоря о всех этих переменах, Энгельс одновременно с этим обращает внимание на их ограниченный характер. «Производство оставалось скованным формами чисто цехового ремесла, следовательно само сохраняло еще феодальный характер; торговля шла в пределах европейских вод...»² и т. д. Совершенно очевидно, что, говоря о полном упадке феодальной системы в Западной Европе в XV веке, Энгельс имеет в виду не общий кризис феодализма, а лишь упадок феодального хозяйства, обусловленный ростом простого товарного производства, торговли и денежного обращения.

Конечно, все это подрывало основу натурального феодального хозяйства, вносило существенные перемены в экономическую жизнь феодального общества. Под влиянием роста товарно-денежных отношений изменялась форма феодальной ренты, совершалась замена барщины и натуральных повинностей денежными платежами, происходило усиление феодального гнета, усиление классовых противоречий и антифеодальной борьбы эксплуатируемых против эксплуататоров. Вступление городских ремесленников (бюргеров) и плебеев в борьбу против феодалов расширило фронт классовой борьбы. Это, конечно, были симптомы надвигающегося кризиса, но еще не сам кризис феодальной формации. Разложение феодализма началось в отдельных странах, но оно происходило на базе роста про-

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, 1952, стр. 155.

² Там же, стр. 154.

¹ Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств (см. «Крестьянская война в Германии», Госполитиздат, 1953, стр. 156).

стого товарного производства, торговли и денежного обращения. Зарождение элементов нового способа производства — капиталистического — в XIV веке происходило лишь спорадически в отдельных местах Западной Европы. Следовательно, экономическая структура феодального общества, хотя и претерпевала существенные изменения, все же не подвергалась разложению и в ее недрах не зарождались элементы нового экономического базиса, а лишь подготавливались некоторые условия для этого. Только тогда, когда в недрах феодального общества стали складываться в качестве уклада элементы капитализма, а феодальные производственные отношения превратились в величайший тормоз для развития производительных сил, началось разложение феодального экономического базиса, кризис феодализма, упадок феодальной общественно-экономической формации. В советской исторической и экономической литературе период кризиса феодализма в Западной Европе начинают обычно с конца XV и с XVI в., а не с XIV, как это делает Мацек.

Классовая борьба, происходившая в XIII—XIV вв. в отдельных странах Западной Европы, о которой Мацек говорит, как о ярком проявлении общего кризиса феодализма, развертывалась в период развитого феодализма на базе обострения внутренних противоречий, обусловленных развитием товарно-денежных отношений и усилением феодальной эксплуатации.

Утверждение автора о гегемонии бюргерства в Таборе в 1421—1434 годах также вызывает серьезные возражения и во всяком случае не представляется доказанным. Здесь еще раз сказывается недооценка автором роли основной массы крестьянства, которое, несомненно, оказывало большое влияние на всю политику Тора в этот период. Иное понимание уничтожает разницу между бюргерско-рыцарским лагерем чашников и бюргерским лагерем Тора.

В книге дается не совсем правильное истолкование положения Энгельса о крестьянско-плебейской оппозиции, которая, несмотря на четкую формулировку, данную Энгельсом, изображается Мацеком как «блок революционной гуситской бедноты»¹.

Эта формулировка сужает понятие крестьянско-плебейской оппозиции, подменяет ее другой формулой, ставя-

щей знак равенства между блоком революционной гуситской бедноты и крестьянско-плебейской оппозиции. Вместе с тем формулировка Мацека исключает из крестьянско-плебейского лагеря крестьянство, которое играло в тот период решающую роль в движении, и оставляет в нем лишь городскую плебс и сельскую бедноту.

Здесь еще раз проявляется недооценка крестьянства, без которого сама по себе беднота, в частности городские плебеи, не выступала в то время с революционными требованиями. Энгельс неоднократно подчеркивал, что городское плебейство в партию превращают лишь крестьянские восстания, но и в этом случае оно почти везде следует в своих требованиях за крестьянами и только в этом случае играет революционную роль¹).

Говоря о недостатках монографии Мацека, мы вовсе не хотим умалить ее огромных достоинств. Книга «Табор в гуситском революционном движении» — обстоятельное, действительно научное исследование, построенное на основе тщательного изучения источников и всей предшествующей литературы. Это — фундаментальная марксистская работа.

Советский читатель получит возможность более глубоко ознакомиться с героической борьбой братского чешского народа в период гуситского революционного движения.

П. Резнов.

¹ См. Энгельс, «Крестьянская война в Германии», Госполитиздат, 1952, стр. 29—30.

¹ См. стр. 57—58 настоящей книги.

ПРЕДИСЛОВИЕ

«Гуситская эпоха—славная эпоха нашей истории, и именно сейчас ее идеи наиболее близки нам».

Эти слова президента Клемента Готвальда из письма к деятелям Союза чешской молодежи показывают, что изучение истории гуситского революционного движения является делом первостепенной важности для нашей марксистской историографии. Однако Табору, несмотря на то, что он является кульминационным пунктом гуситского революционного движения и с его возникновением начинается один из важнейших периодов нашей истории, не посвящено до сих пор ни одной научной монографии, которая показала бы его возникновение, развитие и значение. Между тем без монографии, посвященной Табору, невозможно глубоко осветить историю гуситского движения. Настоящая работа и представляет собой попытку осветить основные проблемы, относящиеся к истории Табора.

В основу моего исследования по истории Табора положена концепция книги Ф. Энгельса «Крестьянская война в Германии», главные методологические положения которой позволили мне объяснить историю Табора. Основным источником для данной монографии послужила старейшая городская книга Табора (1432—1450), которая дала мне возможность понять его социальную структуру как в период Липан, так и после них. Исходя из анализа этой книги, я попытался воссоздать картину социального расслоения в Таборе, начиная от его основания (1420) и вплоть до тридцатых годов XIV века.

Если Табор возник в 1420 году как революционный центр деревенской и городской бедноты, в период Липан он в экономическом и социальном отношении был уже обычным городом, подобным другим королевским городам.

Завершением этого процесса эволюции города, примирившегося с феодальным общественным строем, был 1452 год, когда Табор покорно присоединился к рыцарско-городскому союзу Иржи Подебрада. Нет нужды подчеркивать, что эта эволюция Табора, его превращение из революционного центра бедноты в обычный королевский город имели важнейшие последствия для занятой им позиции, политической и особенно идеологической.

В процессе развития социальной структуры Табора обозначились следующие периоды его истории.

Первый период истории Табора—с 1420 по 1421 год—прошел под знаком преобладания деревенской бедноты; основой общественного порядка была общность имущества, покоящаяся на общности потребления; преобладающей идеологией был хилиазм.

Второй период—с 1421 по 1434 год—характерен тем, что на первый план выступила бюргерская оппозиция (то есть горожане и низшее дворянство). В Таборе в эти годы бюргерская оппозиция была гегемоном; движущей силой попрежнему была городская и деревенская беднота.

Липаны (1434) были резкой гранью, переломным пунктом в процессе эволюции Табора. В битве при Липанах бюргерская оппозиция избавилась от своего союзника—народа. Ничто уже не могло помешать ее повороту вправо—из лагеря революции в лагерь феодалов. В 1452 году таборское бюргерство окончательно вернулось в лоно феодализма. Такова общая канва истории Табора, какой она предстает на основании проделанной до сих пор подготовительной работы, прежде всего на основании анализа процесса социального расслоения Табора.

Я счел нужным наметить перспективы своей дальнейшей работы; что же касается настоящей книги, то она является лишь вводной частью монографии о Таборе. В этой книге я попытался проникнуть в существо событий, выяснить, в силу каких причин в конце XIV и в начале XV столетий в Чехии росло революционное движение, кульминационным пунктом которого было основание Табора весной 1420 года. Последняя глава этой части намечает содержание дальнейших разделов истории Табора. Во второй книге автор воспроизводит историю Табора в период преобладания бедноты, историю падения строя, основанного на общности имущества, укрепления бюргерской оппозиции под предводительством Яна Жижки из Троцнова; он рас-

крывает славные страницы истории Тabora в то время, когда вождем был Прокоп Великий, показывает причины Липанской трагедии, последний бой Рогача из Дубы и, наконец, те удары, которые потрясли гуситский Табор в 1452 году.

Во введении дается обзор важнейшей литературы о Таборе и гуситском революционном движении.

Приношу благодарность всем товарищам за дружескую помощь и советы, в особенности же благодарю доктора Фр. Грауса, который предоставил в мое распоряжение множество сведений, почерпнутых им в ходе его собственного изучения предгуситской эпохи.

Прага, 15 апреля 1951 года

И. Мацек.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ОЦЕНКА ТАБОРА—МЕРИЛО ПРОГРЕССИВНОСТИ ИСТОРИКА

Произведения Франтишека Палацкого как выражение позиции молодой чешской буржуазии.—Работа В. В. Томека и позитивистов как выражение классовых интересов экономически господствующей буржуазии.—Произведения И. Пекаржа, В. Халоупецкого, Т. Г. Масарика и И. Славика как выражение позиции загнивающей буржуазии периода империализма.—Зденек Неедлы—хранитель и завершитель народных традиций.—Принципиальное значение работ Карла Маркса и Фридриха Энгельса для научного объяснения истории гуситского Тabora.—Только Коммунистическая партия Чехословакии в произведениях Зд. Неедлы, К. Крейбиха, К. Конрада и прежде всего Клемента Готвальда отстояла подлинно революционное значение Тabora и разоблачила те извращения истории, которые допускает Пекарж и Масарик.

В анализе и оценке значения гуситского Тabora и гуситско-революционного движения проявляются классовые позиции каждого историка. Пожалуй, ни в одном разделе истории нашего народа классовый характер историографии не выступает так ясно, как в оценке этого самого славного ее этапа. Здесь вполне применимы слова Зденека Неедлы, утверждавшего, что о чешском историке можно сказать: «Скажи мне, как ты судишь о гусизме, и я скажу тебе, кто ты»¹.

В произведениях основателя современной чешской историографии Франтишека Палацкого отразилась позиция молодой чешской буржуазии того периода, когда она боролась за власть. Франтишек Палацкий был идеологом чешской либеральной буржуазии, стремившейся в 1848 году изменить общественную систему Австрии, приспособить ее к интересам капиталистов².

¹ Z d. Nejedlý, Spor o smysl českých dějin, Praha, 1914, str. 29. (См. Z d. Nejedlý, O smyslu českých dějin, Svoboda, Praha, 1952, str. 16.)

² И. И. Удалцов, К характеристике политической деятельности Франтишека Палацкого, «Вопросы истории», 1950, № 10, стр. 72.

Либеральная буржуазия вовсе не хотела революции, уничтожения старого общественного строя; она верила, что достичь цели можно путем соглашений и реформ.

«История чешского народа» Палацкого (третий том которой вышел в 1848 году) отражает классовые позиции буржуазии, сказавшиеся прежде всего в области оценки гусизма. С позиции буржуазии Палацкий не мог раскрыть истинного смысла борьбы таборитских «божьих воинов». Хотя Палацкий примыкал к прогрессивному направлению в историографии, тем не менее он не сумел проникнуть в существо гуситского революционного движения. Как идеолог буржуазии он не мог, да и не хотел совлечь религиозный покров, скрывавший истинную сущность гусизма, не сумел показать борьбу таборитов как классовую борьбу эпохи феодализма. Буржуазная историческая наука, исходившая из идеалистического понимания истории, в силу свойственных ей форм мышления не могла проникнуть в суть исторического процесса.

«Имело или не имело это движение нравственное значение и основание»¹—вот тот основной вопрос, который определил взгляды Палацкого на гуситский Табор.

Нравственным критерием для него являлся прежде всего критерий религиозный. Отсюда та высокая оценка, которую он дает нравственной и религиозной идее, а отнюдь не классовым, социальным требованиям гуситов. Франтишек Палацкий критически относился к революционной стороне гусизма. Во «Введении к гуситским войнам» он так охарактеризовал развитие гуситского революционного движения: «Чешская история после смерти короля Вацлава приобретает неожиданный характер и значение. Мы вдруг попадаем в эпоху, когда под лозунгом благочестия и веры воцарились подлость и греховность, когда угасла любовь среди людей, разгорелись злоба и страсти, исчезли мир и порядок, совершены были бесконечные ужасы и мерзости, накликаны неслыханные битвы и войны, убиты сотни тысяч людей, разрушены замки, разорены города, сожжены деревни, целые области разграблены и опустошены. Религиозный фанатизм разорвал все связи в обществе, разрушил древние основы государства, погубил прекрасные цветы науки и искусства, надолго ожесточил дух и уничтожил благососто-

¹ Fr. Palacký, Die Geschichte des Hussitentums und prof. Constantin Höfler, Praha, 1868.

яние населения. Кто поймет и охватит умом, кто опишет все злодеяния и пороки, все самоуправство и жестокости, все страдания, боль и стенания, плач и рыдание во дворцах и лачугах того времени. И у кого хватит духу наслаждаться этими картинами и желать их возобновления»¹.

Ясно, что Палацкий не имел намерения ставить в пример своим современникам революционное, насильственное выступление народных масс, как это сделал, например, в 1848 году Э. Арнольд, идеолог радикального демократического крыла чешской буржуазии². Либеральная буржуазия видела в гусизме прежде всего великое дело исправления общества, дело реформы. Согласно Палацкому, Чехии не пришлось бы пережить столь страшный смерч революции, «если бы ей из-за ее новых убеждений не произошло насилие и полная гибель»³. Реформация переросла, по его мнению, в революцию под напором реакции, а гуситов, стремившихся исповедовать свои религиозные взгляды, принудила к борьбе неуступчивость старой церкви.

Говоря о разрушительной силе революции, Палацкий тем не менее положительно оценил значение гусизма: «Итак, в начальный период реформации в Чехии, как бы ни были печальны его последствия в отдельных случаях, в целом было много благотворного, он—важное звено в цепи прогресса и мировой культуры, и не следует ни осуждать его, ни умалять его значения»⁴. Чешскому народу пришлось тогда «сломать узкие рамки средневековых представлений и убеждений, какими бы спасительными они ни были или ни казались; помочь человеческому духу найти беспредельный путь прогресса и вместе с большей свободой обрести и большее достоинство»⁵.

Таким образом, при оценке гуситского революционного движения Палацкий, описывая губительные последствия революции и утверждая, что до борьбы дело дошло вследствие неуступчивости реакции, выдвигал на первый план «духовные» заветы гусизма. Гусизм был для него прежде

¹ Fr. Palacký, Dějiny národu českého v Čechách a v Moravě, 3 vyd. 1877, III—1, str. 299—300. (Далее будет указываться сокращенно: Fr. Palacký, Dějiny.)

² E. Arnold, Děje husitů s zvláštním zřetelom na Jana Žižku, Praha, 1848 (во введении: «...народное восстание очищает...»).

³ Fr. Palacký, Dějiny, III—1, str. 300.

⁴ Там же, стр. 301.

⁵ Там же, стр. 302.

всего религиозным движением, реформацией, в ходе ее впервые свободно были высказаны протестантские взгляды, которые он сам разделял. Здесь требования буржуазии, добывшей реформ феодально-клерикального правительства Габсбургов, перекликались с требованиями, которые выдвинули гуситы пятьсот лет назад.

Палацкий рассматривал гусизм не только как религиозное реформационное движение, но и как национальное движение. «Действительно, в мировой истории мало найдется примеров, когда небольшой по численности народ выказал одновременно столько героизма, мужества и силы, столько воодушевления и мудрости, столько самоотверженности и упорства, как это произошло в гуситских войнах»¹.

Если учесть, что чешская буржуазия, боровшаяся за власть в стране, имела противников не только в рядах феодалов, но и среди немецкой буржуазии и что, выдвигая на первый план национальный вопрос, она отвлекала внимание народных масс от классовой борьбы, станет понятно, почему в словах Палацкого звучала нота столь горячего национального чувства. Палацкий возвеличивал чешский народ, подчеркивал национальные чувства, считал, что демократия изначально присуща Чехии. Он считал, что рабство и крепостничество не были свойственными «старославянскому демократическому духу», что феодализм по духу своему чужд Чехии и заимствован с Запада, от немцев.

В предгуситскую эпоху, по мнению Палацкого, «славянский дух, не признающий разделения сословий», был уже надломлен проникновением немецкого феодализма. «Лишь гуситские войны дали ему новый стимул и воскресили его не только к самосознанию, но и к новой деятельности. Мы уже показали, как в самом начале войн демократический элемент проявился в Чехии и, получив немалую силу благодаря священнику Яну*, Жижке и таборитам, вступил на общественную арену»².

Табор и его борьба, по мнению Палацкого, были результатом оживления старославянского духа демократии. По его мнению, табориты боролись против старой церкви, во имя религиозной цели и программы потому, что они сохранили

¹ F. r. P a l a c k ý, D ě j i n y, III—1, str. 303.

* Имется в виду Ян Желивский, один из руководителей левого крыла гуситов в Праге.—Прим. ред.

² F. r. P a l a c k ý, D ě j i n y, III—3, str. 8—9.

и развили «дух демократии», который является составной частью чешских и славянских идей. Отсюда и оценка Липан в знаменитой фразе: «На могиле демократии разрастался феодализм и чем далее, тем неодолимей»¹.

В понимании Палацкого Табор был, разумеется, прежде всего понятием, обозначающим совокупность идей «установления возможно большей свободы личности и разумности общественной жизни»². Палацкому была впрочем понятна та социальная грань, которая отделяла Прагу от Табора: «Там преобладало дворянство, ученые магистры и городской патрициат с зависимыми от них людьми; здесь—города, земане, крестьяне—вообще демократическая стихия»³.

Это классовое деление—в основном правильное—было, однако, для Палацкого не исходным пунктом анализа, а лишь следствием развития различных идей. По его мнению, Табор не претерпевал никаких изменений. Вследствие своего идеалистического понимания истории Палацкий рассматривал Табор не в его историческом развитии, а лишь в качестве неизменного комплекса «демократических» идей. Поэтому он и не мог правильно показать период таборитского хилиазма и пикарства (1420—1421), хотя очень верно чувствовал его значение⁴. Хилиасты остались для него только «крайней сектой». Палацкий не сумел разобраться в сущности учения хилиастов, скрытой за ее религиозными формами⁵.

Но как бы ни была классово ограничена концепция Палацкого, все же ей свойственна высокая оценка гуситского движения. «Гуситство чрезвычайно важное и вместе с тем до сих пор еще мало известное явление мировой истории»⁶,—писал Палацкий еще в 1873 году—в период, когда чешская буржуазия хотя и не разделяла революционных идей, но еще не видела в них прямой опасности. В середине XIX века буржуазия была прогрессивным классом. Социальный слой рабочих тогда был еще слабым, классово не сложившимся и политически не оформленным, его революцион-

¹ F. r. P a l a c k ý, D ě j i n y, III—3, str. 159.

² Там же.

³ Там же.

⁴ F. r. P a l a c k ý, D ě j i n y, III—1, str. 343. (Здесь говорится о том, что хилиасты хотели своими пророчествами поднять народ на борьбу).

⁵ F. r. P a l a c k ý, D ě j i n y, III—2, str. 27.

⁶ F. r. P a l a c k ý, Urkundliche Beiträge zur Geschichte des Hussitentums, I, 1873, str. IV.

ная борьба за свержение капиталистического гнета еще только начиналась. Вот почему буржуазия не боялась тогда говорить о революционных традициях и восхвалять их.

Однако с развитием капитализма, с переходом к эпохе империализма буржуазия из класса, стремящегося к власти, стала господствующим классом, тормозом общественного развития. Выдвижение на первый план революционных традиций в историографии служило уже не делу буржуазии, а рабочему классу, который все настойчивее заявлял о своих правах. Концепция Палацкого, согласно которой борьба Табора и гуситов имела далеко идущие последствия, была постепенно оставлена. Позитивистская историография полностью соответствовала требованиям правящего класса. От исследования закономерностей исторического развития она перешла к собиранию фактов и описанию событий, не пытаясь раскрыть их взаимосвязь.

На основе подобного метода написан труд В. В. Томека «История города Праги»¹. Значение этой работы в обилии материала, который Томек собрал, пользуясь ранее не тронутыми источниками, в частности городскими книгами. Тем не менее этой работе недостает обобщения и оценки того материала, который в ней содержится. Если Томек пытался дать оценку тому или иному факту, то это была точка зрения профессора австрийского императорского университета, идеолога правящего класса, для которого порядок выше всего. Все, что служило делу революции, осталось без какой бы то ни было оценки. Борьба пражской бедноты для Томека— всего лишь «злодеяния, учиненные пражским уличным сбродом»², а движение бедноты в Таборе он называл «крайностями пикартов»³.

Симпатии Томека на стороне политической концепции гуситской бюргерской оппозиции (горожане и низшее дворянство). Характерно, что он восхваляет представителей гуситского центра именно тогда, когда они выступили против революционно настроенных левых гуситов. Жижка у Томека— рассудительный, осторожный политик, ликвидировавший «крайние элементы» в Таборе и «уличный сброд» Желивского в Праге. Жижка особенно привлекает симпатии Томека в тот момент, когда он решительными ме-

¹ V. V. Tom ek, Dějepis města Prahy, 2 vyd., 1899. Для изучения истории Табора и гусизма имеют значение том III и IV.

² V. V. Tom ek, Dějepis města Prahy, 2 vyd., 1899, IV, str. 7.

³ V. V. Tom ek, Jan Žižka, Praha, 1879, str. 85 n.

рами обеспечил «порядок». «Как муж, заботящийся о сохранении государственного порядка, как враг неразумного безвластия, он с самого начала стремится на место свергнутого государя возвести нового, то есть сохранить королевскую власть, с той лишь разницей, что государь должен быть из другого рода»¹.

Оценивая деятельность Жижки, Томек совершенно игнорирует тот факт, что Жижка возглавлял народную революционную армию.

Томек счел нужным подчеркнуть лишь национальное значение борьбы Табора: «Защита родины была главной целью, которая неизменно стояла перед ним»². Как идеолог правящего класса в эпоху, когда чешская буржуазия приходила к политической власти и уже испытывала страх перед растущим рабочим движением, Томек не мог показать революционное значение борьбы народа в Таборе, классовой борьбы гуситов.

Не случайно, что на социально-политическое значение Табора и всего гуситского революционного движения указывал в эту эпоху немецкий историк-позитивист Фридрих фон Бецольд. Для немецкой исторической науки такая оценка не имела прямых политических последствий. В исследовании «К истории гуситства» (1874) он обратил особое внимание на социальный вопрос в гуситстве, однако разбор источников, которыми он подтверждает свои выводы, сделан им с позиций идеалистического понимания процесса исторического развития. Вследствие этого его книга, весьма прогрессивная для своего времени и до сих пор не потерявшая значения, не могла опровергнуть укоренившегося взгляда на Табор как на явление религиозного порядка.

В предисловии к чешскому изданию книги Бецольда (1904) Йозеф Пекарж, полемизируя с ее автором именно с этой точки зрения³, критиковал работы Бецольда с реакционных позиций. Это был первый этап творчества Пекаржа на его пути идеолога контрреволюции⁴. В лице этих трех истори-

¹ V. V. Tom ek, Jan Žižka, Praha, 1879, str. 211.

² Там же, 1879, стр. 38.

³ F. v. Bezold, K dějinám husitsví, Praha, 1904, úvod, str. VIII.

⁴ О Пекарже как идеологе контрреволюции писал К. Конрад, в наследии которого содержится много материала для углубленной критики реакционной позиции Пекаржа и его школы. В духе замечаний Конрада облик Пекаржа дал и Ян Пахта (Jan P a c h t a, Pekař—ideolog kontrarevoluce, «Nová mysl», I, 1947, str. 40 n;

ков—Палацкого, Томека и Пекаржа—отражаются три различных этапа развития буржуазии. В то время как Палацкий был идеологом буржуазии, идущей к власти, а Томек— буржуазии господствующей, Пекарж был идеологом буржуазии эпохи ее разложения, эпохи империализма и острой классовой борьбы. Книга Пекаржа «Жижка и его время», ставившая целью развеять «миф о гуситском Таборе», была написана в 1927—1933 годах, то есть в тот период, когда после кажущейся временной стабилизации капитализма наступил глубокий кризис. Рабочий класс, на который капиталисты ввалили все бремя кризиса, под водительством Коммунистической партии Чехословакии сплотился для все более решительной борьбы с эксплуататорами. Именно тогда в книге Пекаржа о Жижке прозвучал голос реакции, всеми силами пытавшейся оклеветать революцию, показать ее ужасные последствия, предостеречь против тех, кто готов был следовать по пути гуситов. В этом истинный смысл книги Пекаржа. Дело шло не об «объективном беспристрастном толковании», а о сознательной борьбе против революционных сил и революционных традиций. В автореферате своей книги Пекарж указал, в чем его исследование Табора изменило существовавшее «представление о гуситской эпохе и что оно принесло нового». Он писал, что «прежде всего (курсив мой—И. М.) оно не прославляет революцию»¹; действительно, каждый абзац этой книги подтверждает, что истинной задачей ее было искоренение революционных традиций, клевета на революцию.

Показательно отношение Пекаржа к революционным боям 1419—1420 годов. «Читатель моей книги, несомненно, заметил,—пишет Пекарж,—с каким скрупулезным вниманием я проследил эти весенние дни и недели 1420 года,

II, 1948, str. 44 n.). Это исследование, вновь переработанное и дополненное, выпустило издательство Rovnost, 1951 («Pekař a pekařovština v českém dějepisectví»). В связи с этим я буду заниматься лишь некоторыми основными вопросами понимания Пекаржем Табора. В тексте я даю новую критическую оценку всего метода и указываю на ошибки в изложении отдельных деталей, из которых выросла контрреволюционная концепция Пекаржа.

¹ J. P e k a ř, Žižka a jeho doba, IV, str. XII. (Далее будет цитироваться сокращенно: J. P e k a ř, Žižka). Пекарж высказал открыто свою контрреволюционную точку зрения, когда написал: «Это жалоба, это точка зрения, для которой должен созреть историк, не являющийся поклонником революции ради революции» (там же, стр. XIV).

когда решался вопрос о том, признает ли Прага Сигизмунда своим королем или будет бунтовать против него. Это были драматически напряженные мгновения, когда—как мы теперь знаем—на карту была поставлена судьба Чехии. Читатель, конечно, понял, что я был бы рад, если бы было заключено соглашение с королем, если бы объединенными усилиями короля и гуситской Чехии была побеждена (на 14 лет раньше!) таборитская революция, если бы был достигнут приемлемый, пусть даже и убогий компромисс (курсив мой.—И. М.) в вопросе о чаше и был восстановлен не только внутренний мир, но и мир с церковью и остальным христианским миром»¹. Страх Пекаржа перед революцией отражает страх буржуазии, тот страх, который привел ее к открыто контрреволюционной позиции. Пекарж не скрывает, что полностью стоит на стороне противников революционного Табора и что желал бы их поражения еще в 1420 году. Основная цель его книги показать, что революция представляет негодный способ решения классовых противоречий, этой задачей определяется схема, которая положена в основу книги². В предгуситскую эпоху всем жилось хорошо, а если и были недостатки, то они могли быть устранены путем мирных реформ; и если бы не безумные проповедники, которые толкали народ на борьбу, дело не дошло бы до революционного взрыва—такова вкратце скрытая суть всей концепции.

Историки, которые, подобно Пекаржу, утверждали, что гуситское движение было вызвано спорами университетских магистров и деятельностью проповедников, стояли на той же точке зрения, что и современные империалисты, которые считают, что демонстрации и забастовки безработных в капиталистических странах являются результатом коммунистической пропаганды; при этом они закрывают глаза на тяжелое положение трудящихся масс, идущих на борьбу ради получения работы и хлеба. Столь же поверхностно объясняет Пекарж и зарождение революционного движения. По его мнению, из-за фанатизма проповедников, «лихорадки, охватившей ту эпоху» и стечения случайных обстоятельств—в результате всех этих причин и возник революционный пожар, который уничтожил все прекрасное и здоровое, что было в стране, и превратил в пустыню цве-

¹ J. P e k a ř, Žižka, III, str. 322.

² Такую схему дал Пекарж в своей работе о Жижке (J. P e k a ř, Žižka, III, str. 324 n.)

тущие чешские земли: «То, что раньше составляло славу Чехии, теперь лежало в развалинах; страна была разграблена и разорена и, что самое горькое, лишена той многочисленной интеллигенции, вместе с которой предыдущее поколение вступило в борьбу за освобождение своего народа»¹. Тот, кто надеялся, что революция улучшит его положение, по мнению Пекаржа, не только горько разочаровался, но обрел одни лишь несчастья и страдания.

По замыслу Пекаржа, из его монографии о Жижке рабочий класс должен сделать следующий вывод: прекратить восстания, прекратить революционную борьбу и довольствоваться мелкими уступками, достигнутыми в результате постепенных реформ. Таков, по его мнению, урок истории.

В оценке, которую дал Пекарж гуситскому революционному движению, полностью проявилась реакционная сущность теории Пекаржа, его «беспристрастной», «непредубежденной», «надклассовой» «чистой науки»². Табор и табориты в представлении Пекаржа отождествлялись с большевиками. Своей книгой Пекарж включился в компанию буржуазной печати, которая была направлена против усиливающейся борьбы рабочего класса. Шестую часть мира, где советский народ вел героическую борьбу за социализм, Пекарж ненавидел той же ненавистью, какой ненавидел Табор и таборитов.

«Совершенно очевидно, что для того, чтобы понять, как христианская Европа смотрела на чешскую ересь в эпоху Жижки и Прокопа, достаточно вспомнить те мрачные представления, которые имел и имеет средний европейский читатель (исключая, разумеется, коммунистов) о зверствах и характере русского большевизма»³. Идеолог реакционной чешской буржуазии, Пекарж в этих словах о Таборе, гуситах и большевиках продемонстрировал контрреволюционную сущность своей книги. Даже историк идеалистического направления, каким является Ф. М. Бартош, указал, что оценка Пекаржем Табора и революции служила не научной истине, а классовым интересам буржуазии.

«Действительность показала, что критическая точка зрения Пекаржа в высшей степени соответствовала на-

¹ J. P e k a ř, Žižka, III, str. 325.

² J. P e k a ř, Smysl českých dějin. O nový názor na české dějiny, Praha, 1929, str. 21.

³ J. P e k a ř, Žižka, II, str. 119.

строению большей части нашего буржуазного общества после переворота (курсив мой.—И. М.), и на долю автора досталось гораздо больше похвал, чем критики»¹.

Но как мог Пекарж написать книгу, в которой так бесстыдно фальсифицировал историю эпохи, считавшуюся до этого почти всеми историками кульминационным пунктом чешской национальной истории? В основу работы Пекаржа легла идеалистическая концепция, в плену которой находилась вся буржуазная историография. Монография Пекаржа, в которой обильно приводятся высказывания тогдашних ученых, участников событий, в которой на каждой странице появляются такие понятия, как «дух эпохи», «освобождающий характер готической эпохи», могла этой чисто идеалистической концепцией полностью затемнить оценку событий. При выяснении причин гуситской революции автор, исходивший из предвзятой концепции, согласно которой условия жизни в Чехии якобы непрерывно улучшались, использовал чисто идеалистическую теорию «возникновения революционных идей» и дополнил ее таким, по его мнению, творящим историю фактором, как «случайность». Он считал, что «...роковые решения, принятые весной 1420 года, имевшие для нашей истории столь трагические последствия, были скорее результатом стечения в значительной степени случайных обстоятельств и во всяком случае не являлись безусловно неизбежным выходом из создавшегося положения (курсив мой.—И. М.)»².

Искаженный взгляд на возникновение революции является также результатом метода Пекаржа, который он сам называет методом «допроса свидетелей». Пекарж заявлял, что для совершенно «объективной» оценки гуситства «необходимо выслушать свидетелей». Поэтому в первой части своей книги о Жижке он один за другим приводит отрывки из хроник, стихов и трактатов, в которых упоминаются Жижка и табориты. Не говоря уже о том, что в самом подборе отрывков из этих источников сказалась классовая позиция Пекаржа, следует отметить, что большинство этих «свидетелей» принадлежало к самым упорным классовым врагам Табора³. Сплетни, ложь и брань католических магистров, идеологов панства и эмиграции—вот тот источник, откуда

¹ F. M. B a r t o š, Pekařův Žižka, JSH, VI, 1933, str. 87.

² J. P e k a ř, Žižka, III, str. 327.

³ Сравни обзор и классовую принадлежность свидетелей на стр. 394—395.

Пекарж черпал грязь, которой чернил Табор, вот что преподносилось читателю под видом «объективного допроса свидетелей». Этот грязный метод—метод лжи и фальсификации—был уже, впрочем, разоблачен и осмеян другими буржуазными историками, такими, например, как Камил Крофта¹.

Кроме того, Пекарж умышленно закрывал глаза на положение в чешском обществе в предгуситскую эпоху. Он ограничился тем, что выдвинул ничем не подкрепленное, основанное лишь на поверхностном сочинении Халоупецкого утверждение, что сельскому народу в целом жилось хорошо². Он даже не сопоставил стоявших тогда социальных проблем с теми идеями, которые выдвинуло гуситское движение. В книге, насчитывающей почти тысячу страниц, этой проблеме была посвящена лишь одна глава в двадцать страниц («О социально-политическом содержании таборитства»). При решении этой проблемы Пекарж, однако, шел от идей к социальным требованиям, не сделав даже попытки поставить вопрос о взаимозависимости социальной проблематики и идеологии. Вся эта коротенькая глава была написана лишь для «доказательства» того, что в гуситском движении и движении таборитов нет и следа классово-борьбы. В качестве образца того метода, каким пользовался Пекарж, отметим тот факт, что во всей книге «Жижка и его время» полностью игнорируются даже буржуазные исторические работы, посвященные экономической и социальной истории предгуситской Чехии. Так, например, Пекарж вообще не использует заслуживающих внимания работ Мендла. Трудно поверить, что в труде, переполненном ссылками на источники и литературу, совершенно игнорируются результаты работ Мендла³.

Создавая книгу, в основу которой легла чисто идеалистическая концепция, Пекарж, разумеется, не нуждался в ис-

¹ K. K r o f t a, *Žižka a husitská revoluce*, Praha, 1937, str. 7 n.

² J. P e k a ř, *Žižka*, I, str. 191. (Этот вопрос изложен подробнее в III главе данной книги, стр. 151 и сл.)

³ Пекарж во всей своей книге, которая насчитывает тысячу страниц, цитирует Б. Мендла лишь три раза (см. именной указатель к книге Пекаржа о Жижке, IV, стр. 234): два раза в случайных упоминаниях—ссылка на будеевицкую городскую книгу и идентификация пражского храма—и один раз в вопросе о Собеславских правах. Однако он полностью игнорирует основное значение исследования Мендла о социальной структуре городов.

следовании, которое выявляло бы разнородность интересов городского населения, классовые противоречия в городе и классовую борьбу.

Чтобы обосновать утверждение, будто «идеи управляют историей», нужно было исследовать мировоззрение «предшественников гуситов», механически проанализировать эти идеи и установить их последовательность и связь с гуситскими идеями. А поскольку идеи и их влияние якобы были колыбелью революции, то и университет получил высокий титул «источника революционных идей». «Кто знаком с научными спорами в университете, не станет отрицать, что тут к идейной борьбе примешалось много мелочного личного и помогало творить историю»¹. Здесь Пекарж говорит об университетской дискуссии по вопросу о том, могут ли младенцы причащаться под обоими видами, и эта дискуссия, к которой «примешалось много мелочного, личного», якобы помогала «творить историю». Я умышленно выбрал это место из многих других, чтобы подтвердить беспомощность и ограниченность буржуазной науки, исходящей из идеалистической концепции, которая неизбежно заводит эту науку в тупик. Вместо истории народных масс Пекарж преподносит схему идей, оторванных от жизни, а по ним искусственно конструирует—в своих классовых целях—«психологические портреты отдельных личностей». Уже название книги «Жижка и его время» показывает, что его методология ставит науку вверх ногами. Личность, «психологический очерк» которой является чистейшим вымыслом историка (источников по этому вопросу крайне мало), якобы определяет весь ход истории и накладывает отпечаток на ее характер. Вопрос об участии в революции народных масс был отодвинут на задний план, внимание автора сосредоточено на нескольких отдельных личностях. Во всей работе Пекаржа, в каждом се абзаце красной нитью проходит этот антинародный взгляд с его презрительным отношением к народным массам, недооценкой революционных сил народа. Вряд ли есть необходимость говорить, что это опять-таки стоит в тесной связи с контрреволюционными требованиями буржуазии.

Контрреволюционный, антинародный характер монографии Пекаржа был тесно связан с его типично буржуазным космополитизмом. Хотя Пекарж непрестанно подчер-

¹ J. P e k a ř, *Žižka*, I, str. 26.

квивал в гуситстве «чешско-немецкие противоречия»¹, которые призваны были скрыть классовый характер борьбы таборитов, его единственным стремлением было доказать, что таборитство было чуждо «чешскому духу». «Попробуем понять,—писал Пекарж,—взаимосвязь главных факторов на примере, который нам ближе всего,—на гусизме. Я утверждаю, что его идеи, его дух привнесены готикой, что в них нет ничего исконно чешского»². Только человек, совершенно порвавший со своим народом и защищающий интересы буржуазии, только историк, тесно связанный с международным капиталом, только представитель контрреволюции мог написать эти слова, только идеолог контрреволюции мог свести историю гуситского движения и Табора к сумме идей, импортированных из-за границы. В этом вопросе видна глубокая пропасть между концепцией Пекаржа и Палацкого. Франтишек Палацкий, писавший в эпоху подъема буржуазии, использовал исторические примеры в интересах буржуазии, идущей к власти. В рядах «божьих воинов» впервые весь чешский народ восстал на борьбу с церковью и королем Сигизмундом. Молодая буржуазия, пытавшаяся в своих целях использовать революционный подъем народных масс, не могла пройти мимо этого факта. Но загнивающая буржуазия тридцатых годов XX века уже не хотела и слышать о национально-революционном энтузиазме народа. Нация была для нее только лозунгом для обмана народных масс. Действительно национальные, то есть народные и прогрессивные, страницы нашей истории были ей враждебны, их нужно было уничтожить. Это и попытался сделать Пекарж.

Его книга, снабженная большим научным аппаратом, переполненная цитатами из источников, которые являются самой ценной частью работы, должна была прежде всего воздействовать своей «ученостью» и солидностью. Мы уже показали в общих чертах, насколько гнили корни этой учености. Однако для опровержения такого обширного труда недостаточно осудить автора в общих чертах. Поэтому ниже я попытаюсь показать на конкретных примерах, что Пекарж вполне сознательно подбирал факты, которые можно было бы втиснуть в заранее сконструированную

¹ См., например, предметный указатель к книге Пекаржа о Жижке (J. P e k a ř, Žižka, IV, str. 252—253).

² J. P e k a ř, Smysl českých dějin. O nový názor na české dějiny, Praha, 1929, str. 17.

схему. Я попытаюсь показать, что не только концепция Пекаржа была ошибочна, но и столь свойственная школе Голла подчеркнутая скрупулезность в области критического анализа в труде Пекаржа призвана лишь для того, чтобы извратить действительность. Даже стиль книги «Жижка и его время», легкий и пленительный, должен был выполнить определенную задачу—затушевать истинный смысл этого произведения. Й. Пекарж умел смешивать черную и белую краски, показать отрицательные последствия борьбы таборитов и в то же время ненароком обронить слово похвалы, всегда, однако, с единственной целью—создать впечатление беспристрастия и тем усилить убедительность своей работы. Давая оценку Липан, Й. Пекарж сформулировал свои взгляды одной фразой: «Короче говоря, день победы объединенных чешских партий над войском таборитов и сирот—счастливый день нашей истории»¹. Что же удивительного в том, что именно монография Пекаржа о Жижке после 1939 года служила нацистским оккупантам в качестве орудия в борьбе за систематическое искоренение любой прогрессивной чешской идеи. В силу своих антинародных взглядов идеолог контрреволюции стал находкой для нацистской пропаганды подобно тому, как ранее он служил интересам отечественных фашистов.

Представители школы Пекаржа, отрицавшие наличие классовой борьбы в Таборе, пытавшиеся искоренить революционные традиции нашей истории, могли бы удостовериться в существовании классовой борьбы и революционного народного энтузиазма, если бы они вышли из тиши своих кабинетов к безработным и голодным бастующим рабочим. Между тем представители этой школы распределили между собой роли. Вацлаву Халоупецкому досталась задача доказать, что в предгуситскую эпоху не существовало классовых противоречий и что в деревне не было оснований для классовой борьбы. В краткой работе «Крестьянский вопрос в гуситстве» Халоупецкий стремился доказать, что причину вспыхнувшего революционного движения следует искать не в тяжелом положении крепостных, а в иной области—в области идеологии. Так же, как и его учитель Йозеф Пекарж, Вацлав Халоупецкий

¹ Статья Пекаржа в «Народной политике» [«Narodní politika» 27 května 1934. (См. J. P e k a ř, Z duchovních dějin českých, Praha, 1941, str. 109)].

был полностью в плену классовых буржуазных воззрений. Идеалистическое понимание истории мешало ему понять действительность, которая теперь предстает перед нами в истинном свете. Согласно взглядам Халоупецкого, причину революционного движения нужно искать в университете. «Причин было, конечно, больше. Но одной из главных и решающих была, бесспорно, нравственная миссия и влияние Пражского университета. Это тот путь, по которому приходят к нам прогрессивные и в своей сущности революционные идеи с Запада... В то время как во Франции, в Англии, в Италии и Германии о христианском демократизме дискутировали лишь в теоретическом плане... наша наивная и чувствительная славянская душа не могла понять, почему новая правда не должна породить новую жизнь. Аналогичное явление мы наблюдаем и в современный период (1926 г.—Прим. автора). Мечта о марксистском рае не имела особо важных последствий в стране, где он возник, если не считать нескольких небольших потрясений. В славянской России те же идеи привели к революции и большевизму»¹.

Это высказывание о «наивной славянской душе», призванное «разрешить» вопрос о возникновении гуситского революционного движения, само по себе столь поверхностно и детски наивно, что не стоит того, чтобы задерживать на нем внимание. Оно интересно постольку, поскольку на его основании можно документально проследить классовые позиции Халоупецкого. Он сравнивает гуситское движение со строительством социализма в Советском Союзе и равно осуждает как то, так и другое. Классовое лицо Халоупецкого выявится еще ясней, если мы обратим внимание на те места его книги, где он говорит о таборитском хилизме и общности имущества, основанной на общности потребления. Являясь идеологом буржуазии, он занял по отношению к хилизмам крайне отрицательную позицию, равно как и к движению рабочего класса. «Тогда действительно дух разрушения поднялся над чешской землей. Странно видеть, как движение, исходящее из благороднейших чешских идеалов человечности, из благородного

¹ V. Chaloupecký, *Selská otázka v husitství*, str. 21. Подробно я разбираю это исследование в соответствующих местах текста. Мысль, что колыбелью революции был университет, Халоупецкий развивал еще в 1946 г. в книге «*Arnošt z Pardubic, první arcibiskup pražský (1346—1364)*», Praha, 1946, str. 153.

стремления к равенству, свободе и братству (термин нового времени, прекрасно выражающий ту эпоху), как это движение превращается в кровожадную ярость, в апофеоз разрушения ради разрушения. Явление удивительное, однако свойственное всем социальным революциям, характерное для них. Тогда действительно можно было опасаться, как бы народ, который первым в Средней Европе сформулировал, и не только сформулировал, но и пытался ввести в жизнь идеалы гуманности, не стал жертвой неистового коммунизма, а после кратковременного наивного коммунистического помешательства не стал бы жертвой реакции, которая, несомненно, последовала бы за победой войск Сигизмунда»¹. Эти нападки Халоупецкого на революцию и революционные силы были связаны с антикоммунистической пропагандой, которую чешская буржуазия развернула после Великой Октябрьской социалистической революции. К этой политической травле, к этой антисоветской кампании Вацлав Халоупецкий присоединился в своей антиреволюционной оценке гуситского движения.

Халоупецкий, так же как и Пекарж, представляет себе предгуситскую эпоху как время расцвета, мира и покоя. Это только оттеняет ужас, мрачные краски оборотной стороны гуситства. «Трудно себе представить, к чему пришло бы движение чешской религиозной интеллигенции и какие блага оно принесло бы нашему народу и всему человечеству, если бы этому движению дали время надлежащим образом развиться и созреть, если бы все моральные ценности, созданные нашими средневековыми просветителями, не были превращены, так сказать, в ничто вспыхнувшей гуситской революцией»². По мнению Халоупецкого, путем реформ можно было достигнуть постепенного улучшения, а путь революции вел к гибели. «Революция и особенно гражданская война стали могилой, в которой были погребены гуманистические устремления гуситской эпохи»³. Нет сомнения в том, что эта контрреволюционная точка зрения Халоупецкого была с благодарностью принята правящим классом первой республики, не перестававшим предсказывать, что революционное движение рабочего класса не может увенчаться успехом. О том, что Вацлав Халоупец-

¹ V. Chaloupecký, *Selská otázka v husitství*, str. 54.

² Там же, стр. 47.

³ Там же, стр. 60.

кий действительно являлся идеологом контрреволюции, свидетельствуют цитаты из его рецензии на книгу Пекаржа «Жижка и его время». В этой рецензии, написанной в духе буржуазной пропаганды, в духе высказываний его учителя, Халоупецкий не ограничился осуждением революционного движения таборитов, но также выступил и против Советов. «Богатая, цветущая в социальном и экономическом отношении, исключительно прогрессивная страна была опустошена и чем дальше, тем больше покрывалась развалинами деревень и городов; голод и мор, духовный и нравственный упадок были неизменными спутниками войны. Таким образом, показателем нравственной силы и разума было то, что чехи смогли объединить свои силы и положить конец дальнейшим несчастьям, избавиться от этого религиозного большевизма»¹.

Куда девались утверждения Халоупецкого о непредвзятой беспристрастной науке? Да и можно ли поверить, чтобы историк не понимал, за кого он ратует, когда непрестанно клеветает одновременно и на Табор и на Советский Союз? Напротив, Халоупецкий прекрасно понимал, что в силу столь явной фальсификации истории Пекаржа и его школу можно было справедливо упрекнуть в служении реакции. «А в новой отрицательной оценке гуситской революции и революционности,—пишет автор,—они (защитники Палацкого и Масарика.—Прим. автора), быть может, увидят иные побуждения, кроме стремления к чистому познанию исторической истины и ее отношения к современности; быть может, захотят найти отголоски якобы «непрогрессивного», «недемократического», недостаточно направленного против Рима склада мыслей автора книги о Жижке»². Несмотря на это, Халоупецкий утверждал, что ищет «объективную историческую истину», и усиленно защищал труд Пекаржа. Он хорошо понимал, что правящий класс с 1918 года все меньше и меньше склонен кокетничать революционными традициями. «Нельзя закрывать глаза на тот факт, что наше отношение к национальному прошлому за неполное десятилетие нашей самостоятельности в корне изменилось. У вождей духа, у пионеров новой мысли это изме-

нение произошло гораздо раньше, чем у более широких и консервативных слоев, не говоря уже о массах. Через некоторое время его, конечно, усвоят и слои, которые нуждаются в вождах, но пока они еще идут за теми, кто раньше указывал им путь... Однако, если до переворота самой любимой и благодарной темой нашей истории и философии национальной истории была революция и революционность (нам нужна была «победоносная мощь революции», а поэтому мы искали и находили ее в истории!), со времен нашей самостоятельности ее место занимают государство и государственность. Результатом был тот факт, что ореол революции померк»¹. Этим Халоупецкий выразил, только иными словами, то, что было сказано выше о Пекарже и чешской буржуазии. Если стремящаяся к власти чешская буржуазия использовала революционные традиции в борьбе против Габсбургов, теперь и этот последний повод исчез и вместо идеи революции нужно было выдвинуть идею «государства» и «государственности», то есть идею безусловной охраны буржуазного порядка. В. Халоупецкий следовал зову господствующего класса и по образцу Пекаржа стирал «ореол революции», которым было окружено наше историческое прошлое. Этим он помогал реакции в ее борьбе с рабочим классом. Контрреволюционная позиция В. Халоупецкого, как в фокусе, отразилась в одной фразе—в оценке Липан: «Липаны—не трагедия, а та спасительная операция, с помощью которой народ избавился от злокачественного нарыва—от радикального и невежественного таборитства»². Таким образом, Вацлав Халоупецкий лишний раз подтвердил, что его исторический труд служит интересам чешской буржуазии в период ее разложения.

По пути Й. Пекаржа и В. Халоупецкого шел также и их ученик Р. Голинка, который еще больше развил реакционные идеи своих учителей. Его задачей было доказать, что гуситское движение вообще, а таборитство в особенности были проявлением чуждых идей—вальденских, пикартских, уиклифистских и т. д.³

Таким образом, тот штурм, который предприняла школа Пекаржа, имел целью исказить классовый характер Табора,

¹ V. Chaloupecký, Nový názor na husitskou revoluci, Bratislava, I, 1927, str. 296. (Далее будет указываться сокращенно: V. Chaloupecký, Nový názor.)

² Там же, стр. 291.

¹ V. Chaloupecký, Nový názor, str. 292.

² Там же, стр. 291.

³ R. Holinka, Sektářství v Čechách před revolucí husitskou, Bratislava, 1929; Počátky tábořského pikartství, Bratislava, VI, 1932, str. 187 n. (Критический разбор я даю в тексте.)

извратить истинный смысл борьбы таборитов, искоренить гуситские революционные традиции.

И в дальнейшем буржуазная историография, именно потому, что она была слишком тесно связана с интересами правящего класса, не могла в полной мере раскрыть значения Табора в нашей национальной истории. Т. Г. Масарик, подобно Палацкому, считал, что движущей силой нашей истории были не классовая борьба народа за лучший, более справедливый общественный строй, а религиозные идеи, развитие которых вело к гуманизму. «Так, в течение четырех веков нашей истории религиозная идея была ведущей идеей»¹. Для Масарика гуситское движение прежде всего было попыткой реформации², целью которой было нравственное и религиозное исправление общества. Между тем если, например, Палацкий видел в гуситстве и его сильный социальный элемент, то Масарик подчеркивал только религиозную и нравственную сторону проблемы: «Гус и его предшественники начали проповедовать нравственные и религиозные реформы, а теории, как правило, не касались. За нравственное очищение и свободу совести в вопросах нравственности встал и весь чешский народ. Эти нравственные и религиозные требования Гуса и всего народа привели к спору с Римом—высшим авторитетом в подобных делах»³.

Ясно, что концепция Масарика была чисто идеалистической, она отвлекала внимание в первую очередь в область религии и фактически затушевывала классовую борьбу. Подчеркивая значение гусизма, Масарик не мог, тем не менее, считать, что рабочий класс должен следовать примеру гуситов, так как сам был буржуазным политиком. Вот почему он и говорил о «духовной революции», «революции умов», вот почему он так высоко ставил религиозного мечтателя и теоретика Петра Хельчицкого, который в период роста революционных сил занял в основном антиреволюционную позицию, несмотря на то, что теоретически поднялся до смелых идей и отразил глубокие классовые противоречия, присущие феодальному обществу. «В момент, когда были приняты компактаты (1436), — этот трусливый стговор гусизма с коварным Римом—Хельчицкий представлял собой луч-

ший образец чешского мужа: ясный, последовательный и бесстрашный мыслитель, труженик и в то же время враг насилия, Гус и Жижка в одном лице»¹.

Масарик ставил Хельчицкого столь высоко прежде всего потому, что последний был как бы воплощенным отрицанием революции: поднявшись до смелых идей, он был, однако, чрезвычайно далек от их революционного осуществления. Зато Масарик осуждает Табор именно потому, что он превратился в революционный центр и перешел к активной борьбе: «Из неопределенного, неясного гуситства возникло бурное таборитство, руководствовавшееся в своих действиях не разумом, а вдохновением. Оно не было естественным и уже через два десятилетия после смерти Гуса было уничтожено (Липаны 1434)»².

В этой оценке Табора проявилась классовая точка зрения идеолога буржуазии, стремившегося затемнить истинный революционный смысл борьбы таборитских «божьих воинов».

В годы эмиграции, выступая против габсбургской монархии, Масарик часто говорил о гуситских традициях. Однако наиболее высокую оценку в устах Масарика Табор получил 21 декабря 1918 года, когда, вернувшись из-за границы в Чехию, Масарик провозгласил крылатый лозунг: «Табор—наша программа, и этой программе мы останемся верны!»³. Это было в период, когда под влиянием победоносной Великой Октябрьской социалистической революции чешский народ восстал на борьбу за лучший, справедливый строй, сверг габсбургскую династию и заложил основы Чехословацкой республики. Подобно остальным буржуазным политикам и вождям, Т. Г. Масарик вынужден был уступить напору революционного рабочего движения, что отразилось и в новой оценке Табора. Однако под этим лозунгом, который уже раньше стал излюбленной политической фразой, подразумевался не тот революционный Табор, который существовал в действительности с его хилиазмом и общностью имущества, а позднейший город, Табор—центр бюргерской оппозиции. Сам Масарик показал нам, что он имел в виду именно бюргерский Табор: «Современное государственное управление возникло в городах—я подразумеваю боль-

¹ Т. Г. Масарик, Palackého idea národa českého, Praha, 1947, str. 9.

² Т. Г. Масарик, O naší nynější krisi, Praha, 1948, str. 244.

³ Т. Г. Масарик, Česká otázka, Praha, 1948, str. 211.

¹ Т. Г. Масарик, Česká otázka, Praha, 1948, str. 210.

² Там же.

³ Т. Г. Масарик, Cesta demokracie, I (1918—1920), str. 6.

шие города,—и, как правильно указывают, Старый Табор был городом, где община была республикой, государством в себе. Это обычный путь развития современного государства... Табор первым стал столицей Чехии не в силу своих размеров, а в силу своих идей, своего духа и той нравственной цели, к которой он стремился¹. Это было самое большее, до чего мог дойти идеолог буржуазии в оценке Табора. Под давлением революционных масс он мог выдвинуть как образец город Табор—руководящий центр бургерской оппозиции. Но понимание Табора как революционного центра бедноты осталось недоступным для Масарика. Масарик не случайно дал новую оценку Табора. То были годы, когда решался вопрос о том, каков будет характер новой республики. Это были 1918—1920 годы, когда Масарик говорил о постепенной социализации и национализации промышленности, делая уступки под напором революционного рабочего класса, стремившегося идти по стопам русского пролетариата, по пути указанному Лениным, по пути социализма. Эта оценка Табора Масариком стоит в тесной связи с теми общими уступками пролетариату, на которые вынуждена была пойти буржуазия. Однако в результате поражения рабочего класса в конце 1920 года Чехословацкая республика стала республикой буржуазной, а не социалистической. Буржуазия укрепляла свои позиции. Революционная волна спала. В июне 1922 года Т. Г. Масарик писал в журнале «The Slavonic Review»: «Вопрос о том, насколько русские и вообще славяне склонны к коммунизму,—это вопрос сложный и нелегкий. Коммунизм советский, строго говоря, является более всего государственным капитализмом и коммунизмом собственно негативным, то есть всеобщей нищетой и нуждой... Табориты в Чехии также завели коммунистические порядки, но то был коммунизм религиозный, основанный на учении и примере апостольском. Осуществление таборитского эксперимента, впрочем локального и кратковременного, облегчило царившая в тот период политическая и экономическая разруха»². Голос Т. Г. Масарика был голосом буржуазии, которая открыла шлюзы лжи и клеветы против революции, против прогресса и подлинного гуманизма.

¹ T. G. Masaryk, Cesta demokracie, I (1918—1920), str. 287.

² Там же II, str. 280.

Клемент Готвальд отметил изменения, которые произошли в данной еще в 1929 году Масариком оценке гуситских традиций, и показал оборотную сторону лозунга «Табор—наша программа!»: «Президент Масарик—отличный буржуазный идеолог. Он великолепно знает, когда и в чем нуждается буржуазия, чтобы удержать свое господство. Стоит только вспомнить лозунг «Табор—наша программа!» Этот лозунг был выброшен после переворота, в период, когда нужно было удержать трудящихся от социальной революции. Поэтому их внимание привлекали к событиям, происходившим пятьсот лет назад, а гуситское движение истолковывали лишь как религиозную революцию. Потом пришла очередь Хельчицкого и Чешских братьев. Это было в период, когда буржуазия за счет трудящихся слоев пыталась укрепить свои пошатнувшиеся позиции, отнимала у пролетариата одно за другим все его завоевания, строила свой аппарат угнетения»¹. Цензура Первой республики конфисковала статью Готвальда, однако она не могла уничтожить заключенную в ней правду. Сегодня выступление Готвальда предстает перед нами как выражение взглядов государственного деятеля, который глубоко задумывался над национальными традициями, раскрывал их народно-революционное значение и боролся против попытки скрыть или извратить эти традиции.

Эволюция Масарика вправо, его отход от прежних идеалов, стремление защитить классовые интересы буржуазии—все это отметил в 1927 году и Вацлав Халоупецкий: «Прекрасно понял это уже президент Масарик, который в отличие от своих прежних выступлений, где он искал прежде всего религиозный и революционный смысл пашей истории, в последнее время ссылался на созидательный творческий труд Пржемысловичей и Иржи Подебрада. И, быть может, уже недалеко то время, когда мы увидим прообраз чешского государства и государственной мысли и у некоторых Габсбургов»².

Отношение к гусизму и Табору вновь явилось мерилем прогрессивности. Масарик уклонился от всесторонней оценки гуситского Табора именно потому, что шел путем буржуазии, которая стала тормозом общественного развития, потому что он разделял ее контрреволюционную, реак-

¹ Klement Gottwald, Spisy, I, Praha, 1951, str. 286.

² V. Chaloupecký, Nový názor na husitskou revoluci, Bratislava, I, 1927, str. 292.

ционную точку зрения, проявившуюся, в частности, и в отрицании таборитских революционных традиций.

Критическую позицию по отношению к книге Пекаржа «Жижка и его время» занял Камил Крофта, однако он критиковал книгу с буржуазных идеалистических позиций. В своем исследовании «Жижка и гуситская революция»¹ Крофта не ставил целью опровергнуть воззрения Пекаржа, он старался примирить точку зрения Палацкого и Масарика с концепцией Пекаржа. Другим существенным недостатком книги К. Крофты было то, что, исходя из всей концепции и не занимаясь анализом источников, он¹ молчаливо согласился с рядом ошибочных положений Пекаржа. К. Крофта не смог также разглядеть за религиозной формой социальную основу гуситской революции и отстаивал мнение, согласно которому гуситская революция была прежде всего религиозной борьбой². Однако К. Крофта решительно восстал против попыток вычеркнуть гуситские революционные традиции со страниц нашей истории: «Если во времена нашего порабощения мы находили поддержку в нашем гуситском прошлом, не понимаю, почему сегодня мы должны провозглашать его нашим несчастьем? Я согласен с Пекаржем, что нет смысла переделывать историю, но вместе с тем я утверждаю без каких бы то ни было колебаний, что если б даже это и было в моей власти, я ни за что на свете не вычеркнул бы со страниц нашей истории гуситскую революцию. Наоборот, не только в результате исторических исследований, но и в ходе практической политической деятельности я все больше и больше прихожу к убеждению, что гуситская революция, несмотря на все ее теневые стороны, это не только наша гордость, но и наше счастье»³. Если принять во внимание, что Крофта говорил так в 1937 году, когда силы внутреннего и иностранного фашизма готовили Мюнхен, мы должны будем еще более высоко оценить его отношение к гуситским революционным традициям.

Положительной оценки заслуживает также множество небольших исследований и статей, которые посвятил Табору и гуситскому движению Ф. М. Бартош, неустанно подчеркивавший, что гуситское движение является одним из

кульминационных пунктов нашей истории¹. Его многочисленные работы, статьи и исследования, основанные прежде всего на разборе и изучении трактатов и рукописей, дали возможность сделать попытку создания монографии о Таборе. Однако нужно отметить, что даже Ф. М. Бартош не избег общей участи буржуазных историков в их понимании Табора. Для Бартоша не представляло сомнения, что в ходе гуситского движения и в Таборе прежде всего решались религиозные вопросы. Чисто идеалистическое понимание исторического процесса привело Бартоша не только к искажению всей концепции Табора, но и к схематическим, ложным, неправильным формулировкам, которые подчас вообще не выдерживают критики. Резкая переоценка влияния личности и недооценка революционных народных масс видна из следующей формулировки Бартоша: «Не будет парадоксом, если я скажу, что тот сентябрьский день 1398 года, когда молодой философ Гус, увлеченный примером славного оксфордского мыслителя, посвятил себя правде и служению ей,—день рождения величия и трагизма всей нашей истории»². Столь же неточна, неверна и поверхностна та оценка, которую он дает роли чаши: «Торжественное осуждение чаши, провозглашенное Констанцским собором 15 июня 1415 года, и происшедшая через три недели после этого казнь магистра Яна—вот события, определившие на столетие направление нашей истории»³. В силу этой идеалистической концепции история Табора в работах Бартоша свелась к схеме теории и идей, к мертвым, далеким от реальной действительности спорам о религиозных вопросах, якобы определявшим ход истории. В трудах Бартоша совершенно не освещено само чешское общество с его жизненными, насущными интересами⁴. Имен-

¹ Эти статьи и исследования приведены в библиографии трудов Бартоша, находящейся в его книге «Světci a kacíři» (Praha, 1949, str. 316 n); Ф. М. Бартош кратко охарактеризовал историю Табора в исследовании «Bratrstva táborského sláva i rád» (J.S.H., IX, příl. str. 1—26). Однако это очень краткое исследование, в котором проявляется основная идеалистическая концепция; ниже я разбираю ее и даю более подробную критическую оценку.

² F. M. Bartoš, Co víme o Husovi nového, Praha, 1946, str. 92.

³ F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, Praha, 1940, str. 5.

⁴ См. критику Ф. Грауса (F. Graus) на книгу Бартоша «Čechy v době Husově» (1948) в сборнике «Sborník pro hospodářské a sociální dějiny», II, 1947, str. 214 n.

¹ K. Krofta, Žijka a husitská revoluce, Praha, 1937.

² Там же, стр. 92.

³ Там же, стр. 183—184.

но в силу этого Ф. М. Бартош, связанный идеалистической концепцией и буржуазным классовым подходом к истории Табора, сумел переоценить историческое значение бюргерской оппозиции в Таборе, но не в состоянии был понять и объяснить Табор хилиазма и общности имуществ—Табор эпохи преобладания сельской и городской бедноты. Для Бартоша, как и для всех буржуазных историков, существует «Табор» как единое и неизменное понятие; в лучшем случае в нем различают «первоначальный» и «позднейший»; однако Бартош не видит резких классовых граней, которые разделяют его. Из всей концепции Бартоша совершенно ясно, что он имеет в виду все тот же бюргерский Табор и излагает его историю: «Когда мы произносим слово «Табор», нам прежде всего приходит в голову таборитское братство, тот мощный союз городских крепостей (курсив мой.—И. М.), который был главной защитой гуситской революции в ее неравной борьбе с католической Европой»¹.

Таким образом, Табор Бартоша то же, что Табор Масарика, что Табор, возвеличиваемый чешской буржуазией. Однако исторические факты ясно говорят о том, что Табор как центр бюргерской оппозиции появился лишь на переломе 1420—1421 годов. От предшествующего периода нельзя отделяться поверхностным термином «горячка хилиазма». Классовые воззрения Бартоша отражаются и в оценке причин революционного взрыва. Здесь Ф. М. Бартош целиком стоит на точке зрения гуситской бюргерской оппозиции; он утверждает, что гуситы были вовлечены в революцию против своей воли. «Революция, которую они проклинали, которой не желали и которой сопротивлялись, предстала перед гуситами как суровая необходимость, как трагический и в то же время великий и прекрасный национальный и религиозный долг»². Точно так же рассматривали революцию пражские бюргеры и их идеологи, магистры университета. Что касается деревенской и городской бедноты, то для нее это был единственно возможный путь к лучшей жизни.

Ф. М. Бартош именно потому и не мог дать подлинно научного объяснения причин и хода гуситского револю-

¹ F. M. Bartoš, Mikuláš z Pelhřimova (Světci a kacíři, Praha, 1949, str. 175).

² F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, Praha, 1940, str. 45.

ционного движения¹, что, изучая историю предгуситской Чехии, он исходил только из идей ученых-реформаторов, а не из анализа общественных условий. Таковы недостатки работ Бартоша, богатых, тем не менее, фактическим материалом и обладающих рядом больших достоинств.

Сравнительно большее внимание социальной проблематике гусизма уделил в своих трудах Рудольф Урбанек. В основе его по существу своему идеалистической концепции лежит позитивистский метод; он собирает массу фактических данных, причем от его внимания не ускользают и такие явления, как классовые противоречия. Однако предвзятый взгляд на гуситское революционное движение, согласно которому оно представляется главным образом как движение религиозное, не позволил также и Урбанеку, несмотря на ряд верных частных наблюдений, дать правильную общую оценку его. Аксиомой, в правильности которой Урбанек вообще не сомневался, было для него мнение Ярослава Голла: «В гуситском движении при всем национальном самосознании наиболее сильной была религиозная сторона»². Он даже не поставил вопроса о том, в какой мере религиозная форма мышления и выражения зависела от содержания повседневной жизни; в основу своих работ Урбанек положил тезис, который, по его мнению, вообще не подлежит дискуссии: «Религия тогда являлась главным вопросом, вопросом жизни и смерти, перед которым все отходило на задний план, который всему придает определенный характер, ясно показывающий, что определяющим и решающим фактором является вера»³. Поэтому Р. Урбанек, столь верно подметивший социальную дифференциацию гуситов и Табора, все же утверждает, будто противоречия порождались вопросами веры и религии. Тем не менее как честный ученый Р. Урбанек при анализе фактического материала должен был неизбежно прийти к положительной оценке гусизма. Он признает большое значение борьбы таборитов под командо-

¹ По стопам Ф. М. Бартоша идет Р. Цикгарт (R. Cíkhart, Pět set let města Tábora, Příloha k JSH, X, 1937, str. 1—40). Однако в отличие от Бартоша он часто тяготеет к собиранию фактов и не дает более глубокого разбора проблем.

² Jaroslav Goll, Čechy a Prusy ve středověku, Praha, 1897, str. 180.

³ R. Urbanek, Lipany a konec polních vojsk, Praha, 1934, str. 15.

ванием Яна Жижки из Троцнова: «Жижка умер, прокладывая путь к желанной и благословенной цели, достижение которой было уже близко, и его смерть относится к самым роковым событиям в развитии чешского гусизма»¹. Урбанек считал Липаны и их последствия роковым несчастьем для Чехии, всецело разделяя, таким образом, точку зрения Фр. Палацкого², и высоко оценил значение таборитского хилиазма. Хотя он и говорил о «фанатическом пыле» и «дыхании коммунистических идей», за этими идеями он видел живого человека и показал, что за ними скрывались интересы широчайших народных масс. Он говорит о «хилиастическом периоде, когда влияние и значение народа в движении было наибольшим...»³ Если сравнить взгляды Р. Урбанека в области оценки истории Табора со взглядами так называемой школы Пекаржа, станет ясно, что Урбанек гораздо ближе к истине; однако его труд не мог опровергнуть реакционные взгляды школы Пекаржа не только потому, что Урбанека роднят с Пекаржем их общие классовые корни, но и потому, что Р. Урбанек и не пытался этого сделать. Он скорее искал компромисса между своей точкой зрения и взглядами Пекаржа⁴.

По вопросу об оценке Табора против Й. Пекаржа выступил Ян Славик в своей книге «Гуситская революция»⁵. Славик прежде всего попытался опровергнуть взгляд, будто в гуситстве решались прежде всего религиозные вопросы, и доказывал, что гуситское движение было борьбой за социальную программу, выражавшую интересы низших слоев общества. Славик совершенно справедливо отметил, что в гуситстве «в сущности решались проблемы социальной революции, усугубленной религиозным вопросом»⁶. Однако даже Ян Славик не мог поколебать концепцию Пекаржа, так как пытался подтвердить свои взгляды общими социологическими рассуждениями. Этот представитель буржуазной немецкой социологической школы делал вид, что знает классиков марксизма. Однако он не зани-

¹ R. U r b á n e k, Jan Žižka, Praha, 1925, str. 282.

² R. U r b á n e k, Lipany a konec polních vojsk, Praha, 1934, str. 10.

³ R. U r b á n e k, K české pověsti královské ČSPS XXIII, 1915, str. 67, 81 n. О хилиазме см. на стр. 84.

⁴ Сравни, например, введение к книге «Lipany a konec polních vojsk», стр. 11.

⁵ J a n S l a v í k, Husitská revoluce, Praha, 1934.

⁶ Там же, стр. 39.

мался глубоким анализом источников, которые свидетельствовали бы о том, что в гуситском движении приняли участие широкие массы революционного народа; все дело Славик свел к схеме, придуманной интеллигентами, чуждыми интересам трудящегося народа, а равно и не занимавшими непосредственным изучением источников.

Ян Славик в сущности остался в плену буржуазной идеологии. Об этом свидетельствуют такие формулировки, как «улетучивающиеся революционные флюиды»¹, а также попытки объяснить падение Прокопа Великого прежде всего «исключительным возвышением духа» и т. д.² Столь же буржуазный и поверхностный характер носит выдвинутая Славиком теория революции, которая якобы возникла не потому, что люди стали жить хуже, а потому, что они уже относительно улучшили свое положение и стали желать дальнейшего улучшения³. Исходя из буржуазного понимания истории, Ян Славик присоединился к псевдомарксистской школе М. Н. Покровского, которая, вульгаризируя основные положения исторического материализма, стремилась превратить историю в ряд безжизненных и пустых схем⁴.

Присоединившись к школе Покровского, Ян Славик не перестал вести упорную клеветническую кампанию против Советского Союза. Его книга полна абстрактных социологических схем, не подтвержденных источниками, в ней нет обоснованного анализа фактического материала. Свою сомнительную теорию Ян Славик охарактеризовал во введении: «Историки до сих пор руководствовались лозунгом: «ad fontes» («к источникам!»)... Это весьма односторонний метод. Сегодня историю гуситской борьбы нельзя излагать только на основе источников, необходимо, кроме того, знать психологию революции»⁵. Как видим, Славик совершенно намеренно уклонился от единственно возможного пути, ведущего к выяснению проблемы—от изучения источников,—и занялся социологическими умствованиями «на тему о психологии революции». Нет нужды вновь повторять, что таким методом нельзя было опровергнуть контрреволюционное толкование Пекаржа. Концепция Славика внесла в рас-

¹ J. S l a v í k, Husitská revoluce, Praha, 1934, str. 80.

² Там же, стр. 92.

³ Там же, стр. 28.

⁴ Сборник статей «Против исторической концепции М. Н. Покровского», М.—Л., 1939.

⁵ J. S l a v í k, Husitská revoluce, Praha, 1934, str. 5.

смагриваемую проблему только новую путаницу. Совершенно ясно, что объяснение и изложение истории гуситского Табора может быть дано лишь историками, которые стоят на позиции революционного рабочего класса и его идеологии—диалектического и исторического материализма.

Труды Зденека Неедлы, связанные с национальными прогрессивными и демократическими традициями, приближаются к концепции научного социализма. Заслугой Зденека Неедлы было прежде всего то, что он уже в начале нашего столетия привлек внимание историков не к выдающимся идеологам и политикам Табора, а к решающему фактору в гуситском движении—к простому народу. «История гуситских песен»¹ до сих пор является ценным пособием для изучения истории Табора именно потому, что она исходит из описания борьбы и мировоззрения простого народа. Собственно предметом исследования Зденека Неедлы была песня, однако автор расширил эту тему и показал ту среду, в которой она бытовала, и тех людей, которые ее пели. «Для меня гуситские песни совершенно расплавились в огне мощных устремлений гуситов и стали только внешним выражением этих подлинных внутренних исторических сил»². Так, книга, посвященная истории гуситских песен, стала монографией, которая с невиданной до сих пор широтой показала высший этап нашей национальной истории в ее истинном блеске и осветила самую славную страницу гуситского движения—Табор. Важно то, что хотя Неедлы занимался в основном формами мышления и литературой гуситов, он не последовал обычному взгляду на гуситство как на движение прежде всего религиозное; наоборот, он увидел в нем широко разветвленное народное движение с его социально-экономическими требованиями. «То, что гуситское движение долгое время оценивали только с религиозной точки зрения, было исторической ошибкой, которая лишала его свойственной ему полнокровной жизненности. Важно изучить социальные, культурные и национальные отношения, характерные для этой эпохи»³,—писал

¹ Z d. Nejedlý, Počátky husitského zpěvu, Praha, 1907; Z d. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu za válek husitských, Praha, 1913.

² Z d. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu za válek husitských, str. VIII.

³ Z d. Nejedlý, Spor o smysl českých dějin, Praha, 1914, str. 37. (См. Z d. Nejedlý, O smyslu českých dějin, Svoboda, Praha, 1952, str. 63).

Зденек Неедлы в 1914 году. За идеями гуситов Неедлы всегда видел бурное биение жизни всего общества и в первую очередь всего чешского народа.

Зденек Неедлы продолжил и развил труды Фр. Палацкого и обогатил историю гуситского движения новыми важными страницами. Не ограничиваясь изучением религиозного покрова гуситской идеологии, Неедлы шел дальше Масарика, историческую концепцию которого он подверг критике. Основой для становления методологии Неедлы послужила позитивистская школа Голла, тем не менее Неедлы прекрасно понимал, что подбор и критическая оценка фактов—это лишь предварительная работа для создания и построения исторического труда; нужно уметь видеть жизнь во всем ее бурном развитии и многообразии, правдиво показать эту жизнь—вот к чему должен стремиться каждый историк. Исторический метод Неедлы никогда не был метафизическим, ученый всегда старался показать данное историческое явление в его развитии, показать его возникновение, расцвет и гибель. «И в истории народа мы видим периоды его развития. Если бы мы отступили от этого положения, у нас не было бы критерия для того, чтобы судить о возможности исторического понимания событий»¹. Поэтому Неедлы показал истинную историю Табора в ее развитии, в развитии; он показал хилиастический и пикартский радикализм как необходимый этап в период подъема наиболее революционной части народа, и несмотря на то что согласно его выводу это направление не имело совершенно никакого значения для истории гуситской песни, он, тем не менее, не отбросил его, а выяснил его подлинное место в истории: «Пикарты беззаветно боролись за правду божью в твердой уверенности, что они познали самую смелую, а поэтому самую чистую, самую ясную правду»².

Таким образом, Зденек Неедлы не только указал тот этап гуситского революционного движения, когда оно действительно стало вершиной нашей национальной истории, но и дал совершенно правильную оценку периода, когда Табор был подлинно революционным центром,—периода преобладания бедноты. В чем следует видеть причину

¹ Z d. Nejedlý, Spor o smysl českých dějin, Praha, 1914, str. 27. (См. Z d. Nejedlý, O smyslu českých dějin, Svoboda, Praha, 1952, str. 54.)

² Z d. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu za válek husitských, str. 293.

столь прогрессивных воззрений? Известно, что Зденек Неедлы в своем раннем труде о гуситстве еще не исходил из методологических основ марксизма; тем не менее он очень близко подошел к точке зрения марксистской историографии. Ладислав Штолл, оценивая исторический метод Зденека Неедлы, указывал: «Неедлы не только стоял на позициях исторического детерминизма, но он решительно отстаивал принцип исторического монизма. Совершенно ясно, что от этого исторического монизма всего лишь один небольшой шаг до сознательного исторического материализма»¹. Тесная связь Зденека Неедлы со своим народом неизбежно привела его к марксизму. Зденек Неедлы сам неоднократно подчеркивал, что он никогда не был кабинетным ученым, и все его научные труды, равно как и ряд популярных и политических статей, с несомненностью это подтверждают. Он всегда был близок к трудящимся, знал их горести, их нужды. Именно поэтому он умел так действительно разоблачать все антинародные и контрреволюционные концепции, которыми идеологи правящего класса хотели затемнить историю гуситского движения в целом и Табора в частности, поэтому он мог указать на историю таборитов как на яркий образец, как на всеобщее мерило прогрессивности.

«В Зденеке Неедлы всегда в полном единстве совмещались ученый и художник, историк и эстетик. В этом он близок великим русским революционным демократам, и его нужно рассматривать как деятеля, который подготавливал в Чехии почву для распространения научного социализма»².

Только исторический материализм сделал возможным подлинно научное объяснение исторического развития прежде всего потому, что он является идеологией самого прогрессивного общественного класса—пролетариата. Марксисты никогда не скрывали, что их научные положения имеют классовый характер, так как они выражают коренные интересы широких трудящихся масс. Лишь идеологи революционного рабочего класса смогли вполне научно объяс-

¹ L. Štoll, Strážce čistého ohně (k sedmdesátinám Zdeňka Nejedlého), «Nová mysl», II, č. I, 1948, str. 7. (См. предисловие к книге Z d. Nejedlý, O smyslu českých dějin, Svoboda, Praha, 1952, str. 18.)

² L. Štoll, «Nová mysl», II, 1948, str. 6. (См. предисловие к книге Z d. Nejedlý, O smyslu českých dějin, Svoboda, Praha, 1952, str. 16.)

нить закономерности общественного развития. Неудивительно поэтому, что подлинную сущность гуситского революционного движения и, в частности, Табора раскрыли только основатели исторического материализма—Карл Маркс и Фридрих Энгельс.

Для Маркса, хотя он специально и не занимался историей гуситского движения и Табора, было очевидно, что здесь имела место классовая борьба эпохи феодализма; не возникает также сомнения в том, на чьей стороне были симпатии Маркса. В «Хронологических выписках», где был собран материал к «Капиталу»¹, Маркс во многих местах делает свои заметки и выносит оценки. Табор он охарактеризовал как «народно-революционные, евангелически-коммунистически-республиканские секты»², вкратце показав, таким образом, классовый характер борьбы таборитов. В «Новой Рейнской газете» Маркс опять пишет, что гуситское революционное движение это «национально-чешская крестьянская война религиозного характера»³. Симпатии Маркса были полностью на стороне гуситов. О последнем публичном допросе магистра Яна Гуса он замечает: «Его здесь встретили с еще большей грубостью и бранью, чем дикие помещики (giguax) в Бордо встретили Гарибальди»⁴. Итак, в своих заметках Маркс проводит параллель между Гусом в Констанце и итальянским революционером Гарибальди, против которого в 1871 году, когда Маркс писал эти записки, выступили реакционные помещики в Бордо. Церковную иерархию, судившую Гуса в Констанце, Маркс всегда называл «злейшими сторожескими псами церкви»⁵. Маркс не скрывает своего удовлетворения по поводу поражения немецких крестоносцев, которые безуспешно пытались подавить гуситское революционное движение. Так, например, в комментарии к битве при Усти (1426) он заметил: немецкие феодалы «как взбесившиеся ослы (als hirntolle Esel), пошли на приступ вагенбурга {укрепления из повозок} чехов; табориты нанесли немецкой сволочи страшное поражение»⁶. Еще в одном

¹ См. информационную статью о «Хронологических выписках» в журнале «Большевик», 1936, № 24, стр. 51—67.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 224.

³ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. VII, стр. 275.

⁴ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 218.

⁵ Там же стр. 216.

⁶ Там же, стр. 231.

месте, там, где дается описание таборитского войска и его организации, он делает пометку: «Браво!»¹. Напротив, монархам и правящему классу, к которым буржуазная историография подходила с высочайшей почтительностью и пиететом, Маркс давал уничтожающие и неизменно правильные характеристики. Так, например, определяет он короля Сигизмунда, срывая с него маску: «Этот жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр выдал Гуса епископу Констанцскому, который отправил его в свой замок Готтлебен, где безжалостно велел заковать его в цепи»². Эти мелкие замечания достаточно ясно свидетельствуют о том, как К. Маркс оценивал гуситское революционное движение и его главных деятелей. Даже в этих отрывочных заметках видна революционная, прогрессивная роль гусизма.

Повторяем, К. Маркс, занятый другими историческими проблемами, непосредственно не занимался историей гуситского движения, и в частности Табора. Тем не менее даже эти его отрывочные замечания наметили совершенно новую, противоположную прежним, точку зрения, которую могла развить марксистская историография. Более подробно коснулся проблемы гуситского революционного движения Фридрих Энгельс. Его «Крестьянская война в Германии» является основным трудом, без которого невозможно достаточно глубоко и широко понять гуситское революционное движение и Табор. Энгельс писал свою книгу в 1850 году под впечатлением контрреволюции, подавившей революционные силы в Германии и во всей Европе. Вождь интернационального движения рабочего класса, Энгельс, сумел проникнуть в самую суть явления и в гениальной исторической параллели (сопоставляя революцию 1848 года и крестьянскую войну в Германии) показал корни всех революционных движений эпохи феодализма. Труд Энгельса блестяще показал конкретную зависимость идеологической надстройки—немецкой реформации—от социально-экономического развития немецких земель в XV и XVI веках. Ценным вкладом в марксистскую науку были также его статьи, в которых Энгельс показал функции католической

церкви в феодальном обществе, церкви, являвшейся прочной опорой этого общества. Отсюда прямо вытекает выдвинутое Энгельсом положение, без которого невозможно понять ни одно религиозное движение средних веков: «Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси»¹.

В свете этого положения легче понять сущность гуситского движения, совлечь с него религиозный покров. Энгельсу принадлежит ряд высказываний по истории гусизма и Табора. Он показал, что существуют различные виды ереси, и указал, что «ересь городов,—а она собственно является официальной ересью средневековья,—была направлена главным образом против попов, на богатства и политическое положение которых она нападала»². К бюргерской ереси Ф. Энгельс относил и гуситскую бюргерскую оппозицию чашников: «Арнольд Брешианский в Италии и Германии, альбигойцы в Южной Франции, Джон Виклеф в Англии, Гус и каликстинцы в Чехии были главными представителями этого направления»³.

Ф. Энгельс совершенно правильно поставил выступление бюргерской оппозиции гуситского революционного движения в ряд других классово родственных ей революционных движений средневековья. Что же касается блока революционной гуситской бедноты, прежде всего таборитов, то Энгельс резко отличал его от бюргерской оппозиции, бюргерской ереси и относил к народной ереси: «Совершенно иной характер носила та ересь, которая являлась прямым выражением потребностей крестьян и плебеев и почти всегда сочеталась с восстанием»⁴. Табор бедноты, таборитскую потребительскую общность имуществ и хилязм Энгельс первый в истории отнес к проявлениям средневекового народного революционного движения наряду с другими проявлениями классовой борьбы сельской и городской бедноты: «Таковы, например, Джон Болл, проповедник

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 231.

² Там же, стр. 218; Маркс неустанно употреблял в отношении Сигизмунда термин «Lumpacijs»,—«Lumpacijs Vagabundus Sigismundus» (стр. 246).

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 34.

² Там же, стр. 35.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 36.

восстания Уота Тайлера, в Англии рядом с последователями Виклефа и табориты рядом с каликстинцами в Чехии. У таборитов уже тогда под теократической оболочкой выступает даже республиканская тенденция, получающая дальнейшее развитие в конце XV и в начале XVI века у представителей плебеев в Германии»¹. Таким образом, гуситское революционное движение (оба его крыла—как бюргерская оппозиция, так и беднота) впервые получило подлинно научную оценку в качестве важного этапа общественного развития на пути к уничтожению феодального общественного строя.

И, наконец, само построение книги, равно как само распределение материала по главам,—все это является еще одним неопределенным методологическим вкладом книги Энгельса в историю Табора. Впервые основные положения исторического материализма были практически подтверждены источниками по средневековой истории. Давая яркие описания боев крестьянских армий, излагая идеологию Мартина Лютера и революционные идеи Томаса Мюнцера, Энгельс поставил их в тесную связь с обостряющимися классовыми противоречиями, характерными для немецкого общества XV и XVI веков. Энгельс доказал, что только историк, работающий на основе метода исторического материализма, может дать действительно живую, полную и правдивую картину исторического развития.

Ф. Энгельс дал анализ проблем зарождения революционного движения в эпоху феодализма еще в одном коротком, но чрезвычайно содержательном исследовании «О разложении феодализма и возникновении национальных государств»², где вскрывает причины кризиса феодального общественного строя в XIV и XV столетиях. Энгельс показал, как в связи с возвышением нового общественного слоя—бюргерства—во всех европейских странах началась эпоха разложения феодального хозяйства: «Деньги были великим средством политического уравнивания в руках бюргерства»³. И эта работа в методологическом отношении также является исходным пунктом для исследования о

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 36—37.

² Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств. (См. Ф. Энгельс, «Крестьянская война в Германии», Госполитиздат, М., 1952, стр. 153—163.)

³ Там же, стр. 155.

происхождении Табора, так как гуситская революция была одним из проявлений всеобщего кризиса феодализма¹. Энгельс в письме к Марксу от 7 марта 1856 года отмечает, какое значение имело и будет иметь гуситское революционное движение для чешской революционной традиции. «И в Богемии ко всякому серьезно-национальному движению, кроме пролетарского, присоединяется еще сильная примесь гуситских традиций...»². Труды классиков марксизма-ленинизма стали основой подлинно научного объяснения истории гуситского революционного движения.

Основную концепцию классиков марксизма попытался развить в обзорной статье о таборитах Карл Каутский³. Главным недостатком работы Каутского является слишком схематичное изложение и механистическое понимание предмета. Каутский написал статью о таборитах только на основе «Истории Чехии» Фр. Палацкого, в силу чего он, разумеется, не смог избежать слишком поверхностных и общих рассуждений. Каутский нередко говорит не о фактически существовавшем Таборе, а о том Таборе, каким он, согласно представлениям автора, должен был быть. В результате этого основного недостатка, который можно объяснить тем, что статья о Таборе являлась лишь одной из глав большого труда, в ней совершенно не были раскрыты экономические корни, обусловившие возникновение революционного Табора. Каутский неправильно определил главную причину революционного взрыва, усматривая ее в развитии горного дела, в кутногорском серебре, хотя сам вынужден был признать, что источников, которые доказывали бы подобный тезис, вообще не существует⁴. В то же время, следуя за Энгельсом, Каутский совершенно правильно указал на классовое расслоение в среде гуситов, подчеркивая резкую противоположность в позициях бюргерства, с одной стороны, и городской и деревенской бедноты—

¹ Термин «всеобщий кризис феодализма» я употребляю, имея в виду кризис феодального строя в целом ряде европейских стран.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXII, стр. 129.

³ К. Каутский, Предшественники новейшего социализма, стр. 313. Каутский писал статью о таборитах в то время, когда он играл в рабочем движении важную роль. Однако позднее он перешел в лагерь предателей рабочего движения. В. И. Ленин с полным правом рассматривал поведение Каутского как позорный пример ренегатства.

⁴ К. Каутский, Предшественники научного социализма.

с другой. Наибольшее внимание уделял он проблеме таборитской общности имуществ, отводя этому явлению подобающее ему место в мировой истории. Статья Каутского до недавнего времени была самой обширной работой, которую марксистская историография посвятила Табору, хотя она и не объясняла вполне историю таборитов, а лишь намечала пути дальнейшего исследования.

Работа Каутского послужила основой для небольшой брошюры «Табор», принадлежащей перу Карела Крейбиха, одного из основателей Коммунистической партии Чехословакии¹. Ценность этой брошюрки не в научной разработке проблем, а в ее политическом значении. Устами Крейбиха незадолго перед тем основанная Коммунистическая партия Чехословакии открыто объявила себя наследницей таборитских революционных традиций. Какая огромная разница между брошюрой Крейбиха и, скажем, статьями буржуазных историков! В истории таборитов К. Крейбих выдвигает на первый план прежде всего период хилизма и общности имуществ, показывает его классовый характер и срывает тот религиозный покров, который скрывает истинную сущность движения. Представителю авангарда революционного рабочего класса, самой прогрессивной общественной силы, не нужно было скрывать революционную сущность таборитского движения, как это делали буржуазные историки. Наоборот, защищая интересы всего чешского народа, всех трудящихся Чехии, он указал на Табор как на блестящий пример и образец мужественной революционной борьбы.

И другие руководящие деятели Коммунистической партии Чехословакии оценивали историю Табора как славное начало революционных народных традиций. Стоит только просмотреть газетные статьи Швермы или Фучика, чтобы убедиться, что в этих статьях Табор предстает во всем его блеске и вечной славе. Коммунистические публицисты и журналисты неустанно указывали нашему народу, что в своей справедливой борьбе он должен опираться на народно-революционные традиции прошлого. Коммунист Курт Конрад готовял подробное исследование о гуситском революционном движении. Смерть в фашистском концентрационном лагере не дала ему закончить широко задуманную работу. После освобождения страны от фашизма

из наследия Конрада удалось издать лишь отрывки, собранные в книге «Свобода и оружие»¹. Хотя гуситскому движению и Табору в этих отрывках было уделено лишь небольшое место, тем не менее совершенно очевидно, что К. Конрад на основе метода исторического материализма оценил по-новому гуситское революционное движение, поставив его в ряд мировых революционных движений. Особенно ценна та часть книги, где говорится о гуситских войнах, раскрывается народный характер борьбы, которая должна была быть победоносной уже по одному тому, что на стороне борющихся таборитов была историческая правда и справедливость. Статьи К. Конрада, особенно в эпоху Мюнхена, призывали всю страну к боевой готовности, вселяли веру в силы народа.

Во время оккупации Клемент Готвальд непрестанно обращался из Москвы ко всему чешскому народу, призывая его следовать лозунгу таборитских «божьих воинов»: «Неприятеля не страшитесь, на число врагов не смотрите, бейте их беспощадно»². Революционные традиции Табора воодушевляли партизан в период борьбы против фашистских оккупантов.

Клемент Готвальд указал на глубокие социальные корни, из которых в ходе борьбы трудящихся за лучший, справедливый общественный строй выросла Чехословацкая народно-демократическая республика. Только в настоящее время создались благоприятные условия для правильного понимания подлинной сущности революционных традиций Табора, которые продолжают оставаться для нас высоким примером. «Наши борцы за свободу против немецких оккупантов шли по стопам Табора. В традициях Табора и национального возрождения строим мы и наше новое народное государство»³.

¹ K. Konrad, Svoboda a zbraně, Praha, 1949.

² J. Pacht, Klement Gottwald a naše dějiny, Praha, 1948, str. 32.

³ Там же, стр. 36.

¹ Kreibich, Tábor, 1923.

КРИЗИС ФЕОДАЛИЗМА В XIV И XV СТОЛЕТИЯХ

Начало кризиса феодализма, вызванного экономическим развитием городов.—Ход классовых боев во Флоренции, Фландрии, Франции, Англии, в немецких городах как выражение кризиса феодального строя.—Руководящая и движущая сила этих антифеодальных выступлений.—Роль ересей и идеология бедноты.—Кризис чешского общества на грани XIV—XV веков как одно из проявлений кризиса феодализма.

Магистр Ян Гус следующим образом представлял себе положение общества начала XV столетия: «Это несчастное богатство, которое Христос называет службой Мамоне (Лука, 16), отравило и изглодало душу почти всех христиан. Откуда распри между папами, епископами и иными священниками? Псы грызутся за кость. Отними у них кость—и перестанут: если церковь лишена богатства, ты не найдешь для нее попки. Откуда симония, откуда это бесконечное чванство священников перед мирянами, откуда разврат духовенства? Поистине, от этого яда»¹.

Мыслители того времени, видя печальное положение общества, не могли, однако, постичь причины этого явления.

Гус мог лишь указать на самые вопиющие формы злоупотреблений, однако в вопросе о том, почему возник этот «яд, разлитый в христианстве», он не шел дальше поверхности явлений: богатство, имущество—вот что породило то зло, которое отравило «душу всех христиан». В действи-

¹ M. J a n H u s, Postilla (Mistra Jana Husi sebrané spisy české, II, ed. K. J. Erben, Praha, 1866, str. 81). Я сознаю, что в этой главе о кризисе феодализма нужно было бы дать более глубокий анализ этой проблемы. Однако моей темой является Табор, и поэтому я был вынужден обратиться только к литературе и решать эту проблему лишь мимоходом.

тельности же причина злоупотреблений, характерных для феодального общественного строя в XIV и XV веках, лежала глубже.

Феодализм в эти столетия находился в стадии затяжного кризиса, причины которого можно определить только путем научного анализа закономерностей исторического развития на основе метода исторического материализма.

В XIV и XV веках главнейшие города европейских стран стали уже крупными центрами ремесла и торговли. Расцвет ремесленного производства, перераставшего рамки местного потребления, был неразрывно связан с расцветом торговли, развитие которой опять-таки предполагало наличие большого количества денег, средств обмена.

«Исторически капитал везде противостоит земельной собственности сначала в форме денег, как денежное имущество, как купеческий и ростовщический капитал»¹.

Это, по мнению К. Маркса, говорит о том, почему города—центры ремесла и торговли, сокровищницы денежного богатства, торгового и ростовщического капитала—были «чуждым элементом в лоне феодализма».

Старые феодальные производственные отношения вступили в противоречие с неустанным ростом новых производительных сил. Феодальный общественный строй был расшатан и подточен в результате развития ремесла, торговли и денежного обращения. Если первоначально эксплуатация крестьянина помещиком выражалась в присвоении последним отработочной и натуральной ренты, то с ростом денежного обращения стала преобладать денежная форма ренты. Города выступали на сцену как постоянные соперники феодалов. Этот процесс был облегчен благодаря наличию денег и торгового капитала, который «в действительности представляет собою исторически древнейшую свободную форму существования капитала»².

Причину кризиса феодального общественного строя следует искать в развитии ремесленного производства, торговли и денежного обращения, именно здесь возник зародыш исторически развивающихся капиталистических отношений.

Городам не было нужды идти в атаку в боевом строю с огнестрельным оружием против рыцарских армий феодалов.

¹ К. М а р к с, Капитал, т. I, М., 1952, стр. 153.

² Там же, т. III, М., 1954, стр. 337.

лов и штурмовать стены феодальных замков. «Еще задолго до того, как стены рыцарских замков были пробиты ядрами новых орудий, их фундамент был подорван деньгами. На самом деле порох был, так сказать, простым судебным исполнителем на службе у денег. Деньги были великим средством политического уравнивания в руках бюргерства»¹.

Неудивительно, что в XIV и XV веках, когда сила городов росла, денежное обращение и торговый капитал как выражение новых социальных отношений превратились в фактор огромной важности, неудивительно, что эти столетия были эпохой потрясения всего феодального общественного строя.

Энгельс указал, что «в XV веке во всей Западной Европе феодальная система находилась... в полном упадке»². Следует прибавить, что кризис феодального общественного строя в эти столетия был всеобщим³.

Буржуазные историки, занимавшиеся историей XIV и XV веков, разумеется, не могли найти правильного решения данной проблемы. Причина неудачи буржуазной историографии лежала не в личной неспособности того или иного историка, а в порочной методологии и классовой ограниченности буржуазной историографии.

В силу своего идеалистического мировоззрения буржуазная историография и в этом вопросе зашла в тупик. Историки, исследовавшие только идеологические проблемы средневекового общества, неизбежно должны были в конце концов прийти к пустым гипотезам и искусственно сконструированным схемам. Они видели, что в течение XIV—XV веков в обществе происходили какие-то перевороты, что-то погибало и что-то рождалось, однако они не могли правильно понять и оценить эти явления. Наиболее значительной следует признать концепцию голландского историка И. Хей-

¹ Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств. (См. Энгельс, Крестьянская война в Германии, М., 1953, стр. 155.)

² Там же, стр. 156.

³ Этой проблемы в марксистской историографии касались: советский историк В. В. Стоклицкая-Терешкович, Очерки по социальной истории немецкого города в XIV—XV вв., Издательство Академии Наук СССР, М., 1936; в Англии—М. Дobb, Studies in the development of capitalism, London, 1947 и Н. Fagan, R. Hilton, The English Rising of 1381, London, 1950; в Чехии—F. Graus, Český obchod se sukнем ve 14 a počátek 15 stol., Praha, 1950, особенно 5 глава.

зинги, который своему исследованию по истории Франции и Нидерландов XIV и XV веков дал поэтическое название «Осень средневековья»¹. Здесь он говорит о высшей точке развития позднего средневековья, о «гибели средневековой экономики», об умирающем средневековье, о «столетиях реформ», говорит для того, чтобы показать переходный характер этих двух столетий²; он исследовал упадок средневекового централизма, духа религиозности, наступление периода рационализма и индивидуализма и т. д.

Совершенно ясно, что буржуазная идеалистическая историография не могла и не может проследить закономерности общественного развития, ибо это не в интересах эксплуататорских правящих классов.

Историки, стоявшие на позициях идеализма, за некоторым исключением, как правило, игнорировали революционные потрясения, сопровождавшие кризис феодализма, или рассматривали их в отрыве от всей общественной проблематики. Между тем именно могучие революционные движения, в которых рождающийся общественный класс вместе со всеми эксплуатируемыми восставал против класса феодалов, ослабленного бесконечными внутренними раздорами, являются самым ярким доказательством обостряющегося кризиса феодализма³.

Первый чувствительный удар был нанесен феодальному строю во Флоренции и в других итальянских городах⁴.

¹ J. Huizinga, Herbst des Mittelalters (Studien über bens- und Geistesformen des 14 u. 15. Jahrhunderts in Frankreich und in den Niederlanden), Stuttgart, 1939.

² См., например, Н. Bechtle, Wirtschaftsstil des deutschen Spätmittelalters, München, Leipzig, 1930; E. Molitor, Die Reichsreformbestrebungen des 15. Jahrhunderts bis zum Tode Kaiser Friedrichs III, Breslau, 1921; v. Below, Der Untergang der mittelalterlichen Stadtwirtschaft (Hildebrands Jahrbücher III F., Bd. 21); R. Lamprecht, Zum Verständniss der wirtschaftlichen und sozialen Wandlungen, in Deutschland vom 14. zum 16. Jahrhundert, ZSWG, I, 1893.

³ У И. Славика (J. Slavík, Husitská revoluce, str. 66) и других ученых мы встречаемся с упоминаниями о «социальном кризисе» в XIV столетии. Однако у Славика понятие «социального кризиса» неясно и конкретно не разработано.

⁴ Для главы о положении во Флоренции и о классовых боях в этом городе я использовал следующую литературу: F. Graus, Třidni boj v období feudalismu do konce 14 stol. (VŠPHV, 1950), str. 83; K. Schalk, Soziale Momente in der Geschichte der Florentinischen Republik, MJÖG, VI, Egbd., 1901, str. 293 n. Основные работы: A. Doren, Studien aus der florentiner Wirt-

Уже с XIII века Флоренция стала мощным центром сукноделия; здесь обрабатывалась шерсть, которую привозили из Англии и Испании, а главным образом подвергалось дополнительной выделке сукно, вырабатываемое во Флоренции, Франции и Англии. Флорентийские суконщики владели самыми совершенными методами крашения и отделки дорогих сортов сукна, которое из Флоренции шло во все страны известного тогда мира и раскупалось представителями зажиточных слоев. Уже самый факт, что сырье необходимо было привозить из-за границы, вел к значительному развитию торговли; по Средиземному морю шли торговые пути от английских берегов до восточного Средиземноморья, откуда привозили борит—сырье, необходимое для крашения сукон.

С развитием торговли в руках флорентийского патрициата сосредоточивался значительный торговый капитал, который использовался для кредитных операций (папская курия, равно как английские короли и князья всего христианского мира, имели у флорентийских банкиров постоянный кредит).

Флорентийские купцы пытались вкладывать этот торговый капитал и в производство сукон, и в мастерские, где происходила дополнительная отделка сукна. Эти крупные мастерские при тогдашнем состоянии производительных сил разрастались и наносили ущерб мелким ремесленникам, которые, разоряясь, включались в производственный процесс в качестве наемной рабочей силы, так как не могли конкурировать с предприятиями патрициата. Потребность в рабочей силе сталкивалась с препятствием в виде феодальных отношений, тех феодальных связей, которые соединяли крепостных с феодалами, всеми силами стремившихся помешать отливу рабочей силы из деревень в города, в сукнодельные мастерские.

В борьбе за уничтожение крепостного права, которую патрициаты вели не из «братской любви к ближнему», а потому, что им нужна была свободная рабочая сила, церковь

встала на сторону феодалов. Решительное вмешательство папы Григория IX, грозившего интердиктом уже в 1234 году, помешало городскому совету итальянского города Арrezzo приступить к уничтожению крепостного права. Однако флорентийский патрициат все же добился того, что рабочая сила из деревни свободно переливалась в город.

Во Флоренции сильнее всего развивались капиталистические отношения, направленные против основ феодального общественного строя¹. В результате такого экономического развития Флоренция раньше всего превратилась в арену первых столкновений с феодалами. До середины XIII века шла затяжная и упорная борьба между двумя группами феодалов—между сторонниками папской курии и императорского двора, гвельфами и гибеллинами. Бюргерство (popolo), пока что выступавшее единым фронтом, овладело городским управлением, используя эти раздоры. Однако уже очень рано купеческий патрициат, объединенный в цехе Калимала, отделился от остальных бюргеров (ремесленников, мастеров). Патрициат объединился с цехами в борьбе против общего врага, и под их напором феодалы вынуждены были отступить. Постановлением 1289 года в округе Флоренции была окончательно запрещена продажа крепостных, а «Установление справедливости» (Ordinamenta justitiae) 1293 года исключало из городского управления всех, кто не занимался постоянно ремеслом и принадлежал к сословию рыцарей.

Так, патрициат и бюргеры обеспечили себе приток из деревни рабочей силы и овладели городским управлением. Однако с начала XIV века феодалы постепенно стали входить в городское управление, а патрициат молча терпел это из страха перед бюргерством и беднотой, в которых видел теперь своих главных врагов.

XIV век прошел во Флоренции уже не под знаком борьбы феодалов и городов, а под знаком бурной борьбы бюргерства с патрициатом. Благодаря непрерывному развитию сукноделия и торговли сукном Флоренция превратилась в большой город, оставивший далеко позади остальные средневековые города; по приблизительным подсчетам в ней

schaftsgeschichte I, II, Stuttgart 1901—1908 и R. Davidson, Geschichte von Florenz, IV—1, 1922. В чешской исторической литературе впервые эти работы использовал В. Мендл, Sociální krise a zápasy ve městech čtrnáctého věku (ČSN, XXX n.), Praha, 1926, str. 17 n., откуда частично заимствовано это описание.

¹ См. К. Маркс, Капитал, т. I, стр. 721, 189. Маркс говорит не о Флоренции, а о Сев. Италии.

было до 100 тысяч жителей. Большая часть флорентийского населения работала в мастерских патрициата, где уже осуществлялось разделение труда, неизбежное в суконном производстве¹: в отдельных мастерских было занято до 30—50 наемных рабочих. Уход деревенской бедноты в город и обнищание самостоятельных мелких ремесленников обеспечивало постоянный приток рабочей силы в мастерские крупных предпринимателей. Флорентийская беднота, лишенная средств производства и живущая только на заработную плату, которую она получала из рук патрициата, в XIV веке стала союзником ремесленников в их борьбе против купеческого патрициата, стремившегося к неограниченному господству в сфере производства.

Особенно мощным было восстание в 1378 году, вошедшее в историю под названием восстания Чомпи (так называлась беднота, работающая по найму в суконном производстве). В этот период цеховые ремесленники выступали с требованиями большего участия в управлении городом и охраны самостоятельного ремесла. Что же касается городской бедноты, то требования бюргеров не могли ее удовлетворить. В ее требованиях проявились коммунистические идеи, провозглашающие равноправие всех жителей города. Предприниматели должны стать членами цеха рабочих, в котором рабочие и предприниматели будут обладать равными правами. Предприниматели должны собственноручно участвовать в процессе производства и отделки сукон.

Когда ремесленники предали борющуюся бедноту и объединились с патрициатом, чомпи были разбиты наголову в двухдневных уличных боях.

Неудача восстания показала, что беднота далеко не созрела для того, чтобы уничтожить эксплуататорский строй, ей не хватало для этого организованности; кроме того, в рядах восставших были и обедневшие мастера, которые предали бедноту в решительную минуту. Наконец в XV веке Флоренция оказалась под властью городской олигархии рода Медичи, которая в дальнейшем подавляла малейшую попытку объединения и народного восстания.

¹ Сравни: A. D o r e n, Studien aus der florentiner Wirtschaftsgeschichte, n F. G r a u s, Soukenictví v době předhusitské (Sborník pro hospodářské a sociální dějiny, I, Praha, 1946).

Территория современной Бельгии также стала в XIV веке ареной бесконечных кровопролитных боев, являвшихся показателем кризиса феодализма и наступления бюргерства¹.

Фландрия, объединявшая часть современной Бельгии и северной Франции, была в средние века одной из самых развитых в промышленном отношении стран Европы. Только фландрские сукна могли поспорить с итальянскими, в первую очередь, с флорентийскими сукнами на английском и новгородском рынках, а также на рынках Ближнего Востока. Во фландрских городах, так же как во Флоренции, возникло мощное производство сукон, черпавшее рабочую силу из деревни и сосредоточенное в мастерских; во Фландрии, так же как и во Флоренции, бюргерство и патрициат, хотя последний в меньшей мере, стремившиеся овладеть производством, должны были бороться с феодалами и силой оружия добыть власть в городе, а равно и свободу в области производства и торговли.

С половины XIII века во Фландрии шли ожесточенные бои горожан против феодалов (против герцога фландрского и духовных феодалов—сеньоров городов, например, против Льежского епископа), из-под власти которых города постепенно освободились. Однако выгоды от этой борьбы получил патрициат. Поэтому позднее развернулась борьба бюргерства против патрициата, сопровождавшаяся волнениями бедноты, которая использовала каждый удобный случай для уличных выступлений. Особенно сильным было восстание бедноты в начале XIV века, когда хозяйственный кризис, усилившийся в связи с запрещением ввоза английской шерсти во Фландрию—необходимого сырья для фландрской промышленности, превратил жизнь бедноты в сплошное и невыносимое страдание. В 1302 году в Брюгге, одном из крупнейших городов того времени, беднота и мелкие ремесленники перебили патрициат и французский гарнизон,

¹ Классовая борьба во фландрских и брабантских городах и в деревне лучше всего освещена у Пиренна (H. P i r e n n e, Geschichte Belgiens, II, Gotha, 1902); У Грауса [F. G r a u s, Soukenictví v době předhusitské, Sborník pro hospodářské a sociální dějiny, I, Praha, 1946, str. 66 n. (Далее будет указываться сокращенно: F. G r a u s, Soukenictví.); В. Мендл. Sociální krise a zápasy ve městech čtrnáctého věku (zvl. ot. z. ČČH, XXX n.), Praha, 1926, str. 29 n. (Далее будет указываться сокращенно: В. М е н д л, Sociální krise.)

введенный в город в ходе борьбы между французским и английским королями. Кровавая «брюггская заутреня» послужила сигналом, по которому вся страна превратилась в военный лагерь. В других городах патрициат постигла та же участь; особенно сурово расправились горожане и беднота с ненавистным патрициатом. В Льеже, где патрициат был тесно связан с феодалами, «отцы города» попытались укрыться в храме, но восставший народ сжег храм вместе с ними.

Французская рыцарская конница была разбита 11 июля 1302 года при Куртрэ. Весть об этом поражении, которое нанесли цвет феодальной войска пехие «холопы», облетела весь тогдашний цивилизованный мир. Папа Иоанн XXII долго не мог забыть эту победу бюргерства и бедноты над феодалами, которая, как он говорил, принесла страшные беды не только «христианнейшему королевству французскому, но и всему свету». «Наместник Христа на земле» обнаружил, таким образом, свою классовую заинтересованность в том, чтобы феодальный общественный строй, который в связи с битвой при Куртрэ испытал значительное потрясение, был прочен и «вечен».

В волнениях внутри городов, равно как и в битве при Куртрэ, ясно выявился классовый характер борьбы: пленных не брали, горожане беспощадно убивали феодалов, обе стороны сражались ожесточенно. Однако горожане вскоре лишились достигнутых успехов, так как феодалы и патриции, избрав единственно возможную для них тактику, избегли открытых сражений, вступали в переговоры и тем самым привлекли на свою сторону зажиточные слои бюргерства, которые пошли на примирение. Патрициат и феодалы использовали также отсутствие единства между отдельными городами. Вот почему мир 1305 года принес бюргерству лишь незначительный успех. Города не избавились от постоянных стычек. Нередко во главе восставших стояла беднота, как это было, например, в середине XIV века в Генте, где у власти последовательно менялись феодалы, патрициат и цеховые ремесленники. Тогда беднота вновь начинала грезить о прекрасном будущем, когда все будут равны. Однако эти мечты о бесклассовом обществе, находившие отражение в пророчествах еретических проповедников и в учениях различных сект, гибли в потоках крови, в которых феодалы и патрициат всегда топили движение в самом его начале.

Одновременно с этими непрерывными боями внутри фландрских и брабантских городов происходили и революционные крестьянские восстания. В требованиях крестьян содержится идея равенства всех людей, а также мысль о том, что поля, воды и леса должны быть в общем владении крестьян.

Чтобы осуществить эти идеалы, нужно было уничтожить класс феодалов. Крестьянское восстание под предводительством Николая Заннекина в 1323 году было направлено против феодалов; крестьяне громили замки феодалов и беспощадно уничтожали их имущество. Пленных не брали. Это был бой, в котором жизнь сохраняли только победители,—побежденных ждала смерть. В некоторых городах на сторону борющихся крестьян встала и беднота. Бюргерство же отвернулось от классовых требований крестьянства. Но бюргерство тяжело поплатилось за то, что предало своего деревенского союзника. Феодалы при поддержке высшего духовенства собрали войско, которому удалось выманить крестьянскую армию с тех оборонительных рубежей, которые она занимала, и 23 августа 1328 года окончательно разбить ее у Касселя. Перед этим феодалы прибегли к обычным уловкам—они затягивали переговоры и не скупались на обещания. Поражение и резня у Касселя надолго избавили феодалов от угрозы революционного взрыва в деревне. Бюргеры потеряли союзника, революционный пыл которого можно было бы в будущем использовать в борьбе против феодалов. Ослаблению позиции городов способствовал упадок экономики и торговли Фландрии, а также чума—«черная смерть»—и голод, свирепствовавшие в середине XIV века почти во всех европейских странах.

Теперь, когда они были ослаблены, фландрские города вновь вошли в рамки феодального порядка. Непрерывные феодальные раздоры французских феодалов в XIV веке использовало прежде всего крестьянство, с оружием в руках восставшее против эксплуататоров.

Во Франции в отличие от Италии и Фландрии ремесленное производство не развилось настолько, чтобы города могли освободиться из-под неограниченной власти феодалов, несмотря на то, что ожесточенные бои между французскими феодалами и прежде всего так называемая Столетняя война—борьба между французской и английской коронами—должны были облегчить городам их борьбу.

После ряда мелких столкновений в 1338 году вспыхнула война Франции с Англией. Английские феодалы искали в войне на французской территории новые источники обогащения. В начале войны англичане, использовавшие не только рыцарскую конницу, но и пешие отряды лучников, неизменно одерживали победы. При Пуатье в 1356 году цвет французского рыцарства во главе с королем Иоанном попал в плен. Деньги на выкуп феодалов, шедшие в английские карманы, выколачивали из французских крестьян, для которых это было новое тяжкое бремя. И без того тяжелое положение крестьянства стало теперь невыносимым, в особенности из-за того, что отряды как своих, так и английских феодалов бесчинствовали в стране, хватали людей, грабили и опустошали деревни. Долго накопившаяся ненависть эксплуатируемых крестьян вылилась в открытое восстание, которое вспыхнуло в ряде мест средней и северной Франции в конце мая 1358 года. Так началось первое крупное крестьянское восстание эпохи феодализма—так называемая Жакерия¹ (жаками¹ феодалы называли в насмешку французских крестьян).

Вооруженные примитивным оружием крестьяне напали на дворянские усадьбы и замки, громили и сжигали их, расправлялись с эксплуататорами, уничтожали феодальные грамоты, в которых были зафиксированы крестьянские повинности.

Французские и английские дворяне, до тех пор неприязненно враждовавшие друг с другом, теперь, как только вспыхнули крестьянские восстания, нашли общий язык и, забыв вражду, объединились в борьбе против повстанцев. Естественно, что и наследник престола, дофин, несмотря на то, что восставшие крестьяне обращались к нему как к освободителю и защитнику, встал на сторону феодалов и усилил войско, посланное против «сельских бунтовщиков». Крестьяне вели борьбу разрозненно, были плохо организованы, не имели единой программы. Более организованной была лишь та часть повстанцев, которая находилась под командованием Гильома Каля. Под предлогом переговоров феодалам удалось предательски заманить крестьянского вождя в свой лагерь и бросить его в тюрьму; он был «коронован» в Клермоне раскаленной железной короной и замучен.

¹ О Жакерии см. F. G a u s, Soukenictví, str. 76 n.; о восстании Этьена Марселя см. B. M e n d l, Sociální krise, str. 43.

Храбро сражавшаяся, но плохо организованная крестьянская армия была рассеяна феодальным рыцарским войском. После поражения в стране начался «белый террор», принесший такие зверства и ужасы, что память о них сохранилась на долгие годы.

В этом кратковременном, но героическом восстании французские крестьяне боролись одни. К ним примкнула только беднота и часть мелких ремесленников. Собственно бюргерство не приняло участия в Жакерии, Париж открыто предал борющихся крестьян. В Париже во главе населения, недовольного ходом Столетней войны, встал патрициат под предводительством старшины купеческой гильдии Этьена Марселя. Однако Марсель, служивший только узким интересам купечества, не сумел добиться поддержки со стороны бюргерства и бедноты, которые остались в стороне от движения, напрасно возлагая надежды на короля. Вот почему выступление патрициата лишь поначалу (февраль 1358 года) нашло отклик в широких народных массах. Восставший народ напал на королевский дворец и захватил его; на глазах дофина были убиты два высокопоставленных королевских сановника. Марсель искал подкрепления во фландрских городах и все время подчеркивал необходимость защиты общих интересов купцов, «без чего нельзя жить».

Вначале он установил связь с мятежными крестьянами и даже послал им помощь. Однако как только феодалы объединились и пошли в генеральное наступление против повстанцев, парижский патрициат предал крестьянское восстание: Марсель отозвал в Париж отряды, посланные на помощь крестьянам. Парижский патрициат после подавления Жакерии в июне 1358 года жестоко поплатился за свое предательство. Уже 31 июля 1358 года Этьен Марсель и горсточка его друзей, стоявших во главе парижского восстания, были убиты. Так во Франции феодалам удалось снова укрепить пошатнувшийся феодальный порядок. Еще в 1380—1381 годах в Руане и в Париже восстали беднота и часть мелких ремесленников (так называемое восстание «молотил»—«maillets» или «mailloins», названное так потому, что восставшие были вооружены дубинами или молотами). Однако и это восстание было вскоре задушено силами не только феодальной реакции, но и бюргерства, которое отошло от бедноты, испугавшись ее радикальных требований.

В Англии в XIV веке также произошло мощное восстание угнетенных, столь характерное для всеобщего кризиса феодального общественного строя¹.

Сельское хозяйство в Англии имело некоторые специфические черты по сравнению с сельским хозяйством других стран.

Мы уже говорили о том, что английская шерсть являлась сырьем для суконных мастерских Флоренции и Фландрии. Вывоз шерсти из Англии стал возможен благодаря широко развитому овцеводству в поместьях духовных и светских феодалов. Особенно большие стада овец паслись на монастырских пастбищах. В крупных поместьях широко применялся труд наемных рабочих-поденщиков, в некоторых местах он даже преобладал. В английской деревне имелись также мелкие и средние крестьяне, которые должны были работать на барщине или наниматься к помещику на работу.

Положение крестьянства, страдавшего под гнетом повинностей, которые увеличились в связи с феодальными междоусобицами в стране и войнами (Столетняя война с Францией, война с Шотландией), еще более ухудшилось после страшной чумы 1348 года*, опустошившей Англию сильнее, чем другие страны. Целые деревни вымирали от «черной смерти», поля оставались невозделанными. Однако феодалов это бедствие, постигшее страну, беспокоило лишь постольку, поскольку оно угрожало их доходам.

Парламент, защищавший классовые интересы феодалов, издал в 1349* году так называемый рабочий статут: «Каждый человек, здоровый физически, в возрасте до 60 лет, не имеющий чем жить, обязан работать у того, кто его позовет, иначе он будет брошен в тюрьму и останется там до тех пор, пока не согласится работать... если рабочий или слуга уйдет с работы раньше срока соглашения, пусть

¹ О положении в Англии наиболее обширными являются труды Д. М. Петрушевского, Восстание Уота Тайлера, Очерки из истории разложения феодального строя в Англии, Петербург, 1897, 2 т. Ист. ср. в. 394 сл. (Более нового издания 1937 г. не оказалось в Праге.) A. Morton, Dějiny Anglie, Svoboda, Praha, 1950, str. 95 n. (по третьему переработанному изданию A people's history of England, 1948). M. G. Trevelyan, England in the Age of Wycliffe, London, 1946. Лучшая английская монография—марксистское исследование—H. Fagan, R. Hilton, The English Rising of 1381, London, 1950.

* В оригинале дана ошибочно дата 1350 год.—Прим. ред.

он будет заключен в тюрьму». Таким путем английские феодалы стремились обеспечить дешевую рабочую силу.

Положение крестьян еще больше ухудшилось в связи со сбором поголовного налога, который одинаково взимали и с богатых и с бедных. Однако для богачей этот налог не был особо обременительным, тогда как у бедняков он отнимал последний грош. Выступление крестьян против сбора поголовного налога послужило сигналом для начала массового восстания английских крестьян в 1381 году.

Еще задолго до восстания в английской деревне раздавались призывы к сопротивлению, к мятежу. Бедные проповедники, бродившие по деревням, говорили в своих проповедях о том времени, когда Адам пахал, а Ева пряла и когда не было дворян. Некоторые из этих священников были приверженцами учения знаменитого английского реформатора и мыслителя Джона Уиклифа, что ему самому, впрочем, оставалось неизвестным. Острие выступлений Уиклифа было направлено прежде всего против церковных богатств, что вполне удовлетворяло классовым требованиям светских феодалов, включая сюда и короля, стремившихся захватить церковное имущество. Однако, когда речь заходила об осуществлении взглядов оксфордского магистра, он не уставал подчеркивать, что дело исправления общества находится в руках божьих или по меньшей мере в руках светских сеньоров.

Ввиду того, что отвлеченные обличения общественного зла в трудах Уиклифа никак не были связаны с чаяниями и требованиями простого народа, учение Уиклифа не нашло прямого отражения в крестьянском восстании 1381 года. В числе проповедников, организаторов движения крестьян, среди которых они вели проповедническую деятельность, были и лолларды (последователи Уиклифа), однако они объясняли и развивали теорию Уиклифа по-своему. В результате деятельности этих безымянных агитаторов возникло «Великое сообщество» («Great Society»), членов которого можно было встретить по всей Англии. Выдающимся проповедником, ведшим английских крестьян на борьбу, был Джон Болл, который провозгласил, что «в Англии дела не пойдут как следует и не смогут пойти хорошо до тех пор, пока все не будет общим».

Главными районами восставших крестьян и присоединившихся к ним городской бедноты и мелких ремесленников были юго-восточная и южная Англия (Кент, Эссекс).

Восстание английского крестьянства 1381 года было организовано гораздо лучше, чем Жакерия. Заслуга в этом прежде всего принадлежит «Великому сообществу». Значительное влияние на степень организованности восстания 1381 года оказал тот факт, что многие крестьяне побывали в рядах лучников и могли, таким образом, познакомиться с техникой боя и военной организацией.

В ходе восстания множество помещичьих усадеб, монастырей и аббатств было разрушено и сожжено. Записи, определявшие размер заработной платы и фиксировавшие повинности крестьян в пользу помещиков, были уничтожены. Революционные войска, все увеличиваясь, направились к Лондону и расположились лагерем перед его стенами. Несмотря на сопротивление патрициата и бюргерства, лондонская беднота перешла на сторону восставших и открыла им ворота. Беднота напала на квартал, где жили богатые фландрские купцы; было совершено нападение на дворец герцога Ланкастерского, вооруженный народ ворвался и в королевский замок Тауэр. Всюду уничтожались драгоценности и украшения, однако даже самые ярые противники крестьянского восстания вынуждены были подтвердить, что нигде не было случаев грабежа и мародерства. Не было и открытых выступлений против короля, наоборот, восставшие считали его своей единственной опорой и защитой.

Король дважды обещал уничтожить феодальную зависимость и удовлетворить все требования крестьянства. Большая часть восставших крестьян дала себя обмануть и, получив грамоты, в которых были изложены королевские обещания, разошлась по своим домам. Только меньшая часть под руководством Джона Болла и ремесленника Уота Тайлера оставалась еще в Лондоне. Однако в то время как король лицемерно вел переговоры с мятежниками, к Лондону стягивалось королевское войско, усиленное дворянским ополчением. Уот Тайлер был убит в присутствии короля, а феодальные войска легко расправились с остатками крестьянской армии. Тысячи крестьян были убиты. Феодалы направили войска и в восставшие деревни, а когда крестьяне пытались протестовать против зверской расправы, ссылаясь на королевские обещания, им отвечали: «Вы рабы и рабами останетесь». Разобщенное крестьянство, не имеющее прочной связи с городской беднотой и бюргерством, не могло победить.

В то время как в Англии классовая борьба эксплуатируемых развертывалась прежде всего как борьба крестьянства против феодалов, немецкая деревня в XIV веке почти не принимала участия в борьбе; здесь борьба шла в городах.

Немецкие города¹, главным образом прирейнские, начиная с XIII века превратились в мощные центры ремесла и торговли.

Социальная борьба внутри городов имела тот же характер, что и во Флоренции или во Фландрии. Сначала патрициат боролся вместе с бюргерством против феодалов, позже бюргерство выступило против патрициата; беднота также поднималась на борьбу. Так, например, в Магдебурге в 1293 году патриции и бюргеры выгнали из города своего сеньора—архиепископа. В 1330 году власть в городе захватили цеховые ремесленники, а в 1402 году дело дошло до восстания бедноты и мелких ремесленников против богатых бюргеров и архиепископа. В Кельне на Рейне ремесленники под руководством ткачей также захватили власть в городе и удерживали ее в течение года. Однако это движение было подавлено патрициатом в кровавых уличных боях (Weberschlacht). Лишь в 1396 году патрицианская олигархия была окончательно свергнута. Подобные, хотя и более мелкие, восстания цеховых ремесленников происходили также во Франкфурте, Аугсбурге, Брауншвейге и Стендале. В Нюрнберге, городе, славившемся своими металлическими изделиями, в 1348 году ремесленники, поднявшиеся на борьбу с патрициатом, вступили в союз с врагами Карла IV. Карл поддержал нюрнбергских патрициев и помог им возвратиться в город.

Борьбой бедноты в немецких городах руководили подмастерья, имевшие более чем достаточно оснований для ненависти к цеховым мастерам, которые их эксплуатировали, обирали и закрывали им доступ в цеха. Еще в 1363 году подмастерья-суконщики Страсбурга боролись с цеховыми мастерами. В 1407 году на верхнем Рейне собралась из окрестных городов беднота, во главе которой стояли подмастерья-портные. Бюргеры верхнерейнских городов

¹ См. В. В. Стоклицкая-Терешкович, Очерки по социальной истории немецкого народа в XIV—XV веках, М., 1936. (О восстаниях подмастерьев см. гл. III со стр. 105, а о восстаниях в Кельне на Рейне—гл. VII, стр. 275.) В. М e n d l, Sociální krise, str. 51 п.

образовали союз в борьбе против восставших подмастерьев и бедноты, принуждая их к работе, несмотря на то, что сами с трудом справлялись с мелкой конкуренцией в области ремесла и торговли. Товарищества подмастерьев, их союзы и братства подвергались жестоким преследованиям, так как представляли для бюргерства угрозу как постоянный источник восстаний.

Революционные бои, развернувшиеся во Флоренции, Фландрии, Франции, Англии и Германии, самым ходом событий ясно подтверждают тезис о кризисе феодального общественного строя. Нельзя сказать, что наступление новых производительных сил и новых общественных классов было всегда успешным. Развитие ремесла нигде, если не считать Флоренции, не достигло тех форм, которые позволили бы бюргерству сломить власть феодалов. Однако там, где бюргерство и беднота сумели использовать противоречия внутри правящего класса, наблюдались частичные успехи бюргерства, хотя и нельзя говорить еще о его полной победе.

«В то время как неистовые битвы господствующего феодального дворянства заполняли средневековые своим шумом, незаметная работа угнетенных классов подрывала феодальную систему во всей Западной Европе, создавала условия, в которых феодалу оставалось все меньше и меньше места»¹.

Чешское общество в конце XIV и начале XV веков также переживало эпоху глубокого социального кризиса. Поэтому для того чтобы лучше и глубже понять причины возникновения революционного Тавора, необходимо было предпослать несколько страниц, посвященных проблеме всеобщего кризиса феодализма. Этот всеобщий кризис феодализма сопровождавшийся бурными революционными выступлениями составляет как бы тот фон, на котором разворачивается история Тавора. Без этого фона нельзя правильно понять причины возникновения революционного движения в нашей стране, становления и развития Тавора как центра революционного движения.

Я включил в вводную главу к истории Тавора раздел, посвященный всеобщему кризису феодализма в XIV и

XV веках и описанию хода революционных боев также и для того, чтобы дать возможность ознакомиться хотя бы с основными закономерностями развития революционного движения в эпоху феодализма. Прежде всего следует обратить внимание на тот факт, что в борьбе против старого общественного строя совершенно очевидно выступают два направления, две силы: руководящая и движущая сила восстания.

Руководящая сила является организатором и политическим вождем борющихся масс, она выдвигает боевую программу, она ведет переговоры с феодалами; она же нередко прямо предает народные массы, представляющие собой движущую силу революционных движений.

Так, например, во Флоренции и в Париже такой руководящей силой являлся патрициат; в начальный период восстания Чомпи, а также во Фландрии в 1302 году и в немецких городах руководящей силой являлось бюргерство.

Мне кажется, что и в английском крестьянском восстании явно прослеживаются эти две силы¹. Часть крестьян, которая выставила конкретные требования и ушла из Лондона, получив грамоты, в которых король обещал исполнить их требования,—это крестьяне-арендаторы, это руководящая сила, организатор и гегемон восстания. Этот социальный слой, руководящая сила революционного движения, начинает борьбу на основе своих непрерывно укрепляющихся экономических позиций. Она хочет разрушить препятствия, стоящие у нее на пути, и захватить власть.

Движущая сила в революционном движении—беднота города и деревни, такими, например, были собственно чомпи во Флоренции, крестьяне в Жакерии, беднота во фландрских городах и деревнях, беднота в Магдебурге, деревенская беднота, безземельные крестьяне и поденщики в английском восстании—это пламень, в котором гибнет мощь феодалов. Бедноту побуждает взяться за оружие страшная нужда и страдания, вызванные эксплуатацией со стороны ненасытного правящего класса. Вместе с ухудшением материального положения этих наиболее эксплуатируемых в эпоху феодализма слоев населения в их среде

¹ Я не хочу, да и не имею возможности подробно рассматривать этот вопрос. Поэтому я высказываю лишь гипотезу, возникшую у меня в ходе изучения английского крестьянского восстания по цитированной выше литературе (см. прим. 1 на стр. 76).

¹ Ф. Энгельс, О разложении феодализма и возникновении национальных государств (Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, 1952, стр. 153).

Усиливается революционное движение, достигающее кульминационной точки в период открытых вооруженных восстаний. Об этом необходимо напомнить тем историкам и вулгаризаторам истории, по мнению которых революционные движения будто бы «возникают не оттого, что люди живут хуже, чем в предшествующую эпоху, а потому, что они относительно улучшили свое положение и стали желать дальнейшего улучшения»¹.

Эти «социологизирующие историки» не учитывали того, что в революционном движении необходимо различать руководящую и движущую силы, отличные как по материальному положению, так и по своим классовым интересам.

В то время как бюргерство использует развитие производительных сил в ремесленном производстве и улучшение своего материального положения для того, чтобы требовать участия в управлении, пропорционально его растущему благосостоянию, городская и сельская беднота восстает вследствие гнета все возрастающей эксплуатации. Беднота, являясь движущей силой революционных боев эпохи феодализма, численно преобладает и борется до последнего вздоха, до последней капли крови за уничтожение эксплуатации. Руководящей силой и организатором революционных боев было меньшинство, нередко вступавшее в переговоры с феодалами и выдвигавшее концепцию, отвечающую его классовым интересам. Используя энергию восставших народных масс, оно боролось лишь за свои выгоды. Пользуясь поддержкой революционного народа, патрициат или бюргеры либо прямо приходят к власти, занимая место феодалов, либо добиваются хотя бы частичных успехов. Свои классовые интересы они выдавали за общие требования всех восставших. В действительности же они не только отодвигали на задний план справедливые требования бедноты, но и прямо замалчивали их.

В процессе анализа буржуазных революций Энгельс обратил внимание на противоречие между организатором и вождем революционного движения, составлявшим меньшинство, с одной стороны, и движущей силой, его большинством, с другой стороны. Справедливость его слов можно подтвердить и на примере разбора первых револю-

ционных движений в эпоху феодализма, когда бюргерство впервые с оружием в руках выступило против феодалов.

Энгельс писал: «Все прежние революции сводились к замене господства одного определенного класса господством другого; но все господствовшие до сих пор классы являлись лишь ничтожным меньшинством по сравнению с подвластной народной массой. Таким образом, одно господствующее меньшинство свергалось, другое меньшинство овладевало вместо него кормилом государственной власти и преобразовывало государственные порядки соответственно своим интересам. Всякий раз это бывала та группа меньшинства, которая на данном уровне экономического развития была способна и призвана господствовать... Но, если отрешиться от конкретного содержания каждого отдельного случая, общая форма всех этих революций заключалась в том, что это были революции меньшинства. Если большинство и принимало в них участие, оно действовало—сознательно или бессознательно—лишь на пользу меньшинства...»¹.

Такой же характер носили и первые революционные движения в эпоху феодализма. Лишь Великая Октябрьская социалистическая революция увенчала решительной победой многовековую борьбу трудящегося народа против эксплуататоров.

«Октябрьская революция отличается от этих революций принципиально. Она ставит своей целью не замену одной формы эксплуатации другой формой эксплуатации, одной группы эксплуататоров другой группой эксплуататоров, а уничтожение всякой эксплуатации человека человеком, уничтожение всех и всяких эксплуататорских групп, установление диктатуры пролетариата, установление власти самого революционного класса из всех существовавших до сих пор угнетенных классов, организацию нового бесклассового социалистического общества»².

Однако те слои населения, которые подвергались наиболее жестокой эксплуатации, против воли гегемона и неза-

¹ Ф. Энгельс, Введение, написанное в 1895 году к изданию К. Маркса «Классовая борьба во Франции, 1846—1850». (См. К. Маркс, Классовая борьба во Франции, М., Госполитиздат, 1952, стр. 8.)

² И. Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11, М., Госполитиздат, 1952, стр. 183.

¹ J. Slavík, Husitská revoluce, str. 28. Славик здесь лишь повторяет обычное утверждение буржуазных историков, как, например, Г. Пиренна и М. Вебера. Об этом см. гл. I, стр. 112, прим. 2.

висимо от него вступали в открытую борьбу. Они выдвигали действительно революционные требования: уничтожение старого общественного строя и даже создание нового бесклассового общества, неосуществимого в эпоху феодализма. Однако они были одиноки в своей борьбе, на них обрушились не только силы старого общественного строя, но и их прежний союзник. Против них обратили оружие феодалы и бюргерство, совместными усилиями которых движение бедноты, еще незрелое и неоформившееся, было потоплено в крови.

Исследование двух направлений в революционном движении эпохи феодализма, руководящей и движущей сил этого движения, дает нам возможность лучше понять и проанализировать развитие революционного движения в Таборе, где мы сталкиваемся с подобной же ситуацией.

Из анализа всех этих революционных движений вытекает и тот вывод, что относительно большего успеха и большей силы революционное движение достигает в том случае, если деревенская беднота вступает в союз с городской беднотой. Поэтому, например, размах английского восстания, в ходе которого крестьянская армия объединилась с лондонской беднотой, был гораздо более мощным, чем, скажем, в период Жакерии, когда горожане и крестьянство боролись порознь. Понимание этой особенности дает нам возможность лучше понять причины тех успехов, которых достигли в своей борьбе табориты.

Далее необходимо заметить, что политика бюргерства в эпоху кризиса феодализма была всегда колеблющейся, компромиссной, неопределенной. Бюргеры, оказавшись в гуще борьбы, частично склонялись к мирному соглашению с патрициатом или феодалами. Речь идет, главным образом, о более богатой части бюргерства, легко находившей путь к дворянству, королю или патрициату, и, наоборот, с трудом и лишь в крайних случаях вступавшей в союз с беднотой.

Мелкие ремесленники вступали в более тесный союз с беднотой. Однако и тут трудно было ожидать, чтобы союз мелких ремесленников с беднотой оказался длительным. В решительный момент бедноту неизменно предавали и она оказывалась отданной на произвол феодалов и патрициата. Эта колеблющаяся политика бюргерства была в тесной связи с уровнем развития производительных сил, город-

ского ремесла. Бюргерство было недовольно засильем патрициата и феодалов и с трудом сносило опеку с их стороны. Однако оно еще не было настолько развитым (если не считать бюргеров Флоренции), чтобы вступить на путь решительной борьбы со старым строем.

Патрициат, могущество которого основывалось на развитии торговли и накоплении торгового капитала, не был силой, стремившейся к уничтожению феодального общественного строя. Лишь в эпоху первых битв, когда города выступали против своих феодальных сеньоров, городской патрициат играл прогрессивную роль: в союзе с бюргерством он вел борьбу за более широкое самоуправление и вообще за большее участие в управлении городов, находившихся в руках феодалов (такова борьба во Флоренции и Фландрии в конце XIII века, борьба Этьена Марселя в середине XIV века в Париже, выступления горожан в Магдебурге и в Кельне и в других городах в конце XIII и в начале XIV веков). Однако, когда на политическую арену выступило собственно бюргерство, патрициат стал отходить от борьбы, вступал в тесный союз с феодалами и стал в сущности играть роль тормоза революционного движения, стал приверженцем старого общественного строя (так было, например, во Флоренции XIV века, во Фландрии в 1302 году, в Нюрнберге и во всех немецких городах XIV века). Купеческий капитал в этот период еще не проникал в производство, он был вложен в кредитные и банковские операции или в земельную собственность. Тем самым патрициат был тесно связан с феодальными классовыми интересами; таким образом, всюду, где властвует торговый капитал, господствуют старые отношения.

Беднота, классово не оформленная и неорганизованная (это особенно относится к деревенской бедноте), незрелое и вследствие этого склонное к компромиссу бюргерство, патрициат, из страха перед народным движением вступивший в союз с феодалами, не могли в эпоху первого кризиса феодализма успешно завершить свое историческое выступление на историческую арену. Они достигли известных успехов только там, где им удалось использовать разобщенность феодалов, однако в этой борьбе в конце концов одержал победу феодальный общественный строй.

Феодалы, и этот факт нужно особенно подчеркнуть, поскольку он характерен для всех революционных движений предшествующей эпохи, сумели применить против бо-

рющегося народа выгодную для себя тактику, с которой мы сталкиваемся и в гуситском движении. Делая вид, что уступают требованиям восставших, они начинали бесконечные переговоры и обещали золотые горы. Затягивая переговоры, они выигрывали время: в войсках восставших началось разложение, а сами феодалы получали возможность собрать подкрепление путем объединения феодальных сил. И когда феодальная армия становилась достаточно сильной, она показывала свое истинное лицо, переходя в наступление на восставших и совершая неимоверные жестокости.

Мы нарисовали картину всеобщего кризиса феодализма и революционных движений для того, чтобы показать, в какой форме шла борьба против феодализма на идеологическом фронте. Следует обратить особое внимание на тот факт, что идеи и программа построения бесклассового общества, призывы к обобществлению имущества и вообще уравнивательные требования находили свое выражение в проповеди бедных проповедников—организаторов и вождей бедноты.

Учение о гибели старого мира (то есть феодального общественного строя) и наступлении тысячелетнего царства христова—царства братьев и сестер (то есть бесклассового общества) содержится уже во взглядах идеологов флорентийской бедноты (чомпи), у Джона Болла, организатора английской деревенской бедноты и у проповедников, возглавлявших крестьянские отряды и городскую бедноту Фландрии. Неслучайным является тот факт, что именно в среде бедноты возникали страстные хилиастические мечты о создании бесклассового общества, что именно беднота была ярой сторонницей идеи уничтожения и полного искоренения старого общественного порядка. Только такие идеи, только такая программа могли вырвать эксплуатируемых из тисков величайшей эксплуатации и угнетения, лишь в борьбе за воплощение этих идеалов беднота могла воодушевиться боевым энтузиазмом. Это наблюдение облегчает нам понимание идеологии таборитской бедноты, таборитского хилиазма.

И, наконец, следует указать один из главных доводов в пользу того, что монографию о Таборе следует начать главой о всеобщем кризисе феодализма. Всеобщий кризис феодализма был, так сказать, звеном, неразрывно связующим чешское революционное движение с остальным миром; этот кризис, разумеется, разразился и в чешских землях. Именно потому, что кризис феодального общественного

строения в Чехии был частью всеобщего кризиса феодализма, мы находим в чешском революционном движении столько параллелей с той революционной борьбой, которая шла за пределами Чехии. Таким образом, не филиация идей, как это полагает буржуазная историография¹, не взаимопроникновение теорий и идей, а именно кризис феодализма роднит восстания в итальянских и фландрских городах, Жакерию и восстание Этьена Марселя во Франции, английское крестьянское восстание и так называемые цеховые восстания в немецких городах, а также гуситское революционное движение. Лишь общий кризис феодального общественного строя сделал возможным идеологическое заимствование и взаимопроникновение идей во всех странах. Общее для всей буржуазной историографии утверждение о решающей роли идеологических влияний, заимствований, о филиации идей и программ, оторванных от реальной повседневной жизни живых людей, от закономерности общественного развития, от всеобщего кризиса феодализма не могло и не может вести к правильным выводам. Подобное положение дает возможность изложить множество подробностей и любопытных фактов, однако научного объяснения причин возникновения и развития гуситского революционного движения, и в частности Табора, оно дать не может. В этом мы достаточно убеждаемся при изучении проблем истории Табора.

Анализ социально-экономического положения Чехии, которому посвящена следующая глава, подтвердит наличие кризиса феодального общественного строя также и в Чехии накануне гуситского революционного движения.

¹ Ср. гл. IV, стр. 227.

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В ПРЕДГУСИТСКОЙ
ЧЕХИИ В НАЧАЛЕ XV ВЕКА

Учение о трех сословиях как отражение классовых интересов феодалов. — Стремления народа изменить общественный строй, нашедшие отражение в учении Петра Хельчицкого и Яна Желивского. — Разрушающее воздействие денег на феодальные отношения Чехии, равно как и других стран. — Церковь. — Церковь как самый крупный феодал. — Начало концентрации церковных земельных владений. — Ненависть к церкви и ее богатству. — Фискальная политика папы и симония, способствующие усилению антицерковного движения. — Падение нравов среди духовенства и противоречия между высшим и низшим духовенством. — Дворянство. — Высшее дворянство и первые попытки концентрации панских земельных владений. — Кризис низшего дворянства. — Феодальные раздоры, ослабляющие правящий класс.

Города. — Города как элемент, чуждый феодальному обществу. — Торговый капитал и немецкий патрициат. — Борьба чешского бюргерства за власть. — Борьба городской бедноты за создание условий, необходимых для существования. — Крестьянство и городская беднота — наиболее эксплуатируемые общественные слои. — Крестьянство. — Критика взглядов буржуазных ученых на положение крестьянства. — Разница между положением богатых крестьян и деревенской бедноты. — Экономические и правовые формы притеснения крестьян. — Бессилие короля в условиях возрастающего обострения классовых противоречий и бесконечных феодальных смут. — В. И. Ленин о предпосылках успешной революции.

«Сословие духовное прежде всего учит сословие светских панов и простой трудовой народ, как следует поступать, и напоминает им, чтобы они всегда помнили бога; духовенство молится за них денно и нощно, восполняя недостаточность их покаяния, и властью, полученной от бога, отпускает им грехи, которые они совершили и в которых каются, и другие таинства совершает для них благодаря священникам. Дворянство охраняет оба сословия от неправды, сражается за них и бережет покой обоих. Третье же сословие, состоящее из трудящихся людей, своим трудом кормит дворянство и духовенство, обеспечивает их материальные

потребности. Деление общества на три сословия установлено самим богом, поэтому низшее сословие должно слушаться обоих высших... Отсюда: кто противится власти, тот противится божьему установлению и достоин осуждения. Поэтому трудящиеся люди общины, будьте послушны панам (курсив мой. — И. М.), паны — священникам, а священники — богу и его Писанию»¹.

Южночешский владыка Томаш Штитный, анализируя таким образом состояние современного ему общества, исходил из общепризнанных тогда взглядов — из учения о «трех сословиях», учение, которое стало скрижалями той эпохи. Нет нужды подробно разбирать высказывание Томаша Штитного, чтобы увидеть, что его воззрения полностью отвечают классовым требованиям феодалов. «Одни молятся, другие управляют, третьи работают» — такова вкратце суть учения о трех сословиях, весьма удачное с точки зрения феодалов разделение обязанностей, которое обеспечивало возможность эксплуатации. Представители царства божьего на земле, духовенство — мост между небом и землей — стоит на верхней ступени общественной лестницы. За ними следуют светские господа, вооруженные мечом якобы для охраны своих ближних, а на нижней ступени — «простой трудовой народ», то есть трудящийся люд города и деревни, за счет которого живут два первых «сословия». В чьих интересах была создана эта картина общественного устройства, как не в интересах духовных и светских феодалов?

Неудивительно, что делались энергичные попытки доказать, будто такое общественное устройство установлено богом и что любое нарушение «извечного порядка» повлечет не только наказание со стороны светской власти, но и самые тяжелые божьи кары. Церковь прекрасно уживалась с феодальным общественным строем, так как и церковь и светские феодалы «питались из одной миски», то есть жили трудом эксплуатируемых. Поэтому церковь грозила веч-

¹ Tomáš Štítný, *Knížky šestery o obecných věcech křesťanských*, ed. K. J. Erben, Praha, 1852, str. 119. Наиболее подробное, основанное на богатейшем фактическом материале, исследование написал Ян Гебауэр (Jan Gebauer) во введении к произведениям Томаша Штитного (Tomáš Štítný, *Spisy čiprolegomena pod názvem O životě a spísích Tomáše ze Štítného*, Praha, 1923). Из всего исследования явствует, что Штитный был типичным идеологом низшего дворянства. Сравни, например, «*Knížky šestery*», где он заступается за «панов и владык» и осуждает панов, которые «дурно» взимают с них подати и пр. (стр. 155).

ными муками тем, кто преступит предел, которым «божественное провидение» навеки ограничило земную жизнь.

Считалось вполне естественным, что представитель «третьего сословия», то есть бюргер или крестьянин, а тем более батрак или слуга «как самый низший должен подчиняться обоим высшим сословиям». Послушание и подчинение низших высшим—такова была божья заповедь, а взаимоотношения отдельных частей общества представляли собой иерархию подчинения.

Однако учение «о трех сословиях» не столько отражало действительное устройство общества, сколько рисовало его таким, каким оно должно было быть по мнению господствующих классов. В действительности не могло быть и речи о гармонии в отношениях «сословий» между собой. Классовая борьба превратила Чехию в арену кровавых боев. Духовенство использовало церковные таинства для своего обогащения, а «светский меч» нужен был прежде всего для того, чтобы принудить трудящийся народ к неуклонному выполнению растущих повинностей. Мыслители не раз задумывались над тем, что представление об обществе, основанном на гармоничном сосуществовании «трех сословий», не соответствует действительности. Петр Хельчицкий, мелкий южночешский земан, окончательно пришел к тому выводу, что учение «о трех сословиях» несправедливо¹.

Хельчицкий не мог примирить установленный богом порядок, о котором говорила церковь, со всем тем, что он видел вокруг себя в южночешских деревнях и во всей Чехии.

«А я, даст бог,—пишет Хельчицкий,—до самой смерти своей не соглашусь с таким учением о строении тела Христова; разве это правильно, что два столь больших сословия всей своей тяжестью налегли на сословие простых людей и помыкают им как хотят и притом считают себя лучше, чем тот простой народ, на котором они ездят, обращаясь с ним

¹ Здесь я не буду останавливаться более подробно на личности Петра Хельчицкого и характеристике его классовых позиций. Сошлюсь лишь на наиболее полный перечень дат жизни Хельчицкого и список его произведений у Р. Урбанека (R. Urbánek, České dějiny, Praha, 1930, III—3, str. 882 n) и на дискуссию об идентификации личности Петра с земаном Петром Загоркой из Загорья в статье Ф. М. Бартоша (F. M. Bartoš, Kdo byl Petr Chelčický? (JSH, XV, 1946, str. 1 n.) и в рецензии В. Халупецкого (ČSN, XLVIII—XLIX, 1947—1948, str. 482 n.)

не как с частью тела Христова, а как со скотом, не боясь, что он надорвется¹.

Хельчицкий решительно протестовал против того, чтобы учение «о трех сословиях», образно представляющее все общество в виде человеческого тела, в котором духовенство—голова, светские паны—руки, а трудящийся народ—ноги, понималось как божье установление, ибо это учение не соответствует действительности. Эта теория предполагала, что духовные и светские феодалы живут в мире и согласии с простым народом и взаимно дополняют друг друга как члены одного тела. Голова мыслит и молится, руки охраняют тело, а ноги служат для ходьбы—таким образом, все части тела находятся в гармонии.

«А если уж исходить из положения,—возражает Хельчицкий,—что раз страдает один член тела, с ним вместе должны страдать и все члены, то как же объяснить тот факт, что одни, держащие меч, попирают, мучают и истязают, заточают в темницы, обременяют барщиной малых сих, так что они едва держатся на ногах, а угнетатели бродят как кони из монастырских конюшен, сытые и праздные, и насмеваются над ними. А священники как зоркие глаза на этом теле смотрят во все стороны, что бы еще содрать, и все вместе—дворяне и священники—ездят на трудовом народе как им заблагорассудится. О, как далеко ушли они от учения св. Павла, призывавшего, чтобы все члены страдали за нужды каждого члена! Одни плачут, ибо их бьют, заключают в темницы, обирают, а другие насмеваются над их великой бедой»².

Ясно, что картина, которую дает Хельчицкий,—прямая противоположность той, которую рисует Штитный. И речи нет о гармонии внутри общества; оба привилегированные сословия немилосердно эксплуатируют «простой народ». Хельчицкий повторяет эту мысль неоднократно. Обратимся к третьему свидетельству—к словам Яна Желивского³,

¹ Petr Chelčický, O trojím lidu, ed R. Holinka, Praha, 1940, str. 71.

² Там же, стр. 65.

³ О Желивском, его классовой принадлежности и основных идеалах самые новые сведения см. у Ф. Грауса. (F. Graus, Chudina městská v době předhusitské, Praha, 1949, str. 165 n.) Там же, на стр. 169, р. 67 другие цитаты из Желивского. Подробности о жизни и борьбе Желивского собрала Б. Ауштецкая (B. Aušťecká, Jan Zelivský jako politik, Praha, 1925).

идеолога пражской бедноты. Перед нами опять картина общества, противоположная учению «о трех сословиях». «Этот мир подобен морю,—так же обманчив, так же горек, как морская вода, и столь же зловонен... и подобно тому, как большая рыба заглатывает маленькую, так богач пожирает бедняков». Но, быть может, только та роль проповедников-обличителей, которую взяли на себя Желивский и Хельчицкий, заставляет их видеть общественный строй в столь мрачном свете? Кто был прав в своей оценке общества—они или Штитный с его учением «о трех сословиях»? Гармония, мир, покой царили в чешском обществе, или в нем кипела классовая борьба, и говоря словами Желивского, «подобно тому, как большая рыба заглатывает маленькую, так богач пожирает бедняков». Попытаемся ответить на эти вопросы.

* * *

В предыдущей главе мы установили, что развитие городов было причиной, а деньги—спутником всеобщего кризиса феодализма. Деньги, в Чехии—пражский грош, давно стали мерилом общественного положения. В то время как раньше, согласно феодальным представлениям о застывших «трех сословиях», решающим фактором при определении положения человека в обществе была знатность, то теперь деньги могли уничтожить или ослабить этот фактор.

Значение гроша в чешском обществе накануне гуситского движения показывают стихи, озаглавленные «Спор Праги с Кутной Горой»¹, которые относятся к первым годам гуситского революционного движения. Здесь пражское бюргерство похвалялось тем, что появилось новое мерило общественного положения:

В наше время грош—мерило
Всем вещам и всякой силы.
Верно он зовется пражским,
А не королевским...²

В этих стихах звучит гордое самосознание пражского бюргерства—сознание своей экономической силы в период,

¹ «Pře Prahy s Kutnou Horou» (из будышинской рукописи). О «Споре» и других стихах будышинской рукописи подробнее всего см. А. Кгаус, Husitství v literatuře, str. 40 n.; J. Пекář, Žižka, I, str. 71 n.

² Перевод стихов в книге принадлежит Р. П. Разумовой.

когда феодальные войска Сигизмунда в 1420 году осадили Прагу. Столь высоко оценивает роль денег в предгуситском обществе и народная мудрость, выраженная в пословицах того времени. Неслучайно, что из числа тех немногих пословиц, которые дошли до нас от XIV века, три пословицы говорят о большом значении денег в экономике чешского общества: «И слова не скажи, только грош покажи», «Коли нет ни гроша—и похлебка хороша», «Без денег на базар—без соли домой»¹.

Характеризуя ниже отдельные общественные классы, мы подробно разбираем влияние денег, значение которых все более и более возрастало, на чешское общество предгуситского периода. Здесь следует лишь указать, что в Чехии, как и в других странах, в почти застывшем, недвижимом обществе феодальных «трех сословий» деньги были потоком, разрушавшим вековые основы феодальной системы и способствовавшим, таким образом, всеобщему брожению.

Перейдя к разбору классовой структуры чешского общества в предгуситский период и тех требований, которые выдвигали отдельные классы, мы увидим, что Хельчицкий и Желивский в основном правильно оценивали окружающую действительность, ибо понимали нужды эксплуатируемых, сочувствовали им (Хельчицкий) или непосредственно смотрели на все глазами эксплуатируемой бедноты (Желивский). Если для Штитного, этого мудрствующего феодала, мышление которого было ограничено мировоззрением его класса, правда осталась навсегда скрытой, то Желивский и Хельчицкий, несмотря на то, что церковь учением о «божьем установлении» умело маскировала действительность, сумели разгадать истинный эксплуататорский характер современного им общества.

Нам не удалось найти следов «братской» любви феодалов к подданным, а тем более—подданных к феодалам. Наоборот, подтвердилась справедливость слов Хельчицкого о том, что «состоящее из трех сословий христианское общество, низменное и полное раздоров, не знает и веки не будет знать единения и взаимной любви»². «Мечом паны не создадут единодушия с крестьянами...»

¹ Konrád z Halberstadt u, Tripartitus moralium (Česká přísloví, vydal V. Flajšhans v ČSM, 1906, roč. 80, str. 477).

² Petr Chelčický, O trojím lidu, ed. R. Holinka, Praha, 1940, str. 63.

В следующей части мы познакомимся с теми условиями, которые вызвали гуситское революционное движение; с той почвой, на которой возник Табор.

Церковь

О церкви предгуситской эпохи мы кое-что уже знаем из резких выступлений Гуса, направленных против огромных церковных богатств, которые он считал пагубными для церкви. Церковь в предгуситской Чехии была самым крупным феодалом и являлась, таким образом, главной опорой феодального общественного строя. В ее руках сосредоточивалась большая часть земли—основного средства производства в эпоху феодализма. Можно предположить¹, что церкви принадлежала третья часть всей обрабатываемой земли, остальными двумя третями владели светские феодалы—дворянство, король и города.

Церковь в начале XV века могла занять первое место среди феодалов потому, что ее земельные владения на основе права «мертвой руки» не подлежали дроблению, а,

¹ Основой для этого утверждения является непосредственное свидетельство Яна Гуса (M. J. Hus, Opera omnia, I, fol. 122). Шимак (J. V. Šimák, Hus a doba před ním, Praha, 1921, 2. vyd., str. 28 п.) полагает, что «церкви принадлежала половина всей земли». Правда, он говорит о «карте тогдашнего землевладения», которая, однако, никогда не была составлена. В наследии Шимака, находящемся в Государственном историческом институте в Праге, не было обнаружено ничего похожего. Я придерживаюсь вышеприведенного предположения, основываясь на взглядах В. Холоупецкого (V. Chaloupecký, Arnošt z Pardubic, první arcibiskup pražský, str. 138), который говорит, что «в эпоху Арношта и Карла добрая треть всей рентабельной земли принадлежала церкви». Однако более подробный анализ отсутствует. Работа Неймана (P. A. Neumann) с многообещающим заглавием «Церковные имения в гуситскую эпоху» («Církevní jmění za doby husitské» (1920)) в действительности ничего общего с данной проблемой не имеет. Она исходит не из разбора источников аграрного характера: урбариев, эмфитевтических документов и т. д., а из трактатов о ложных предпосылках (обширный реферат, вернее, изложение содержания дал Зингер—Heinrich Singer, Ein neuer Beitrag zur Geschichte des Kirchengutes in der Hussitenzeit, MVGD, 66, 1928).

Создание возможно более подробного обзора землевладения—весьма важное и до сих пор невыполненное дело для нашей исторической науки. Я попытался в карте № I частично осветить картину землевладения в южной Чехии; однако я не мог заняться более глубоким изучением этого вопроса и был вынужден довольствоваться предположениями, основанными на литературе.

наоборот, все увеличивались. Целибат* делал невозможным передачу имущества церковью и монастырем по наследству.

Интересно, что еще в XII веке попытки папского легата Гвидо, который в 1143 году стремился ввести в Праге строгий целибат, потерпели неудачу. Разъяренные священники едва не убили усердного посла папской курии, уже тогда хорошо понимавшего значение и действенность целибата¹. В то время в Чехии церковь еще не обладала столь обширными земельными владениями, чтобы заботиться о строгой охране их целостности. Но в XIV веке целибат был уже признан и даже в тех случаях, когда он не строго поддерживался. Этим было предотвращено дробление церковного имущества. Браки священников в Чехии в XIV веке не были редкостью. Это лучше всего показывает особый налог (cupabunales—налог с колыбели), который священники платили епископу за каждого родившегося у них ребенка. Однако церковные власти решительно боролись за соблюдение целибата, ибо видели в нем единственное средство сохранить в целостности церковное имущество².

Провозглашением целибата церковь сознательно стремилась подчеркнуть отличие своих служителей от остальных верующих, стремилась возвысить себя над ними и углубить в сознании людей пропасть между священниками, будто бы посвятившими себя только богу, и остальными христианами. Целибат помогал созданию вокруг духовенства ореола святости и тем самым возвеличению церкви—самого крупного и самого могущественного феодала.

Чешские государи очень рано оценили значение церкви как опоры феодализма. Они основывали монастыри и наделяли их обширными угодьями. Таким путем они получали также новый источник дохода, так как церковные земельные владения были подчинены «королевской палате» (camera regis), куда поступали с монастырем регулярные платежи. Дворяне не забывали «божьих служителей», и дарами и завещаниями в пользу капитулов, монастырей и церквей старались искупить свои земные прегрешения. Феодалы

* Целибат—безбрачие духовенства, обязательное для духовных лиц католической церкви.—Прим. ред.

¹ См. V. Novotný, České dějiny, I—2, Praha, 1913, str. 786 п.

² V. Chaloupecký, Arnošt z Pardubic, první arcibiskup pražský (1346—1364), Praha, 1946, str. 111.

считали бесспорным, что доступ в царствие небесное можно купить благочестивыми дарами. Поэтому чем большими грехами сопровождалось их земное странствие, тем большими должны были быть их благочестивые дарения, в частности дарения по завещанию, которыми они стремились обеспечить себе «царствие небесное»¹.

Священники ловко использовали этот страх феодалов и богачей перед адскими муками, в результате чего церкви, капитулы и монастыри накапливали все больше и больше движимого и недвижимого имущества.

Паны, князья и короли
Давали щедро что могли
Монахам и попам.
Коней на их дворы вели
И в храмы золото несли,
И хлеб в их закрома!²

Драгоценности не задерживались в церковных сокровищницах, деньги уплывали из рук, что же касается земельных владений, то они оставались, особенно когда запрещение произвольно отчуждать церковные земли стало последовательно осуществляться. Церковь издавна проводила планомерную экономическую политику, крупные монастыри становились наиболее мощными и лучше всего организованными феодальными землевладельческими предприятиями. Именно здесь, на монастырских землях, в предгуситский период появляются первые попытки создать компактные земельные владения. Так начинается концентрация земельных владений.

Первоначально земельные владения церкви и прежде всего монастырей были разбросаны на значительном расстоянии друг от друга и удалены от центра их управления, но начиная с XIV века мы видим, что на монастырских землях создаются монолитные компактные поместья, объединившиеся вокруг усадьбы, которая являлась главным или

¹ Ч. Ли, История инквизиции в средние века, т. I, стр. 27, вполне правильно говорит, что прежде всего страх перед «небесным судом» заставлял богачей делать «благочестивые» завещания.

² Из песни «Ke sti, k chvále napřed buožíe» начала XV века у Фейфалика (J. Fejfalík, Sitzungsberichte... XXXIX, s. 655).

вспомогательным административным центром¹. В качестве примера можно указать на постепенное формирование Бржевновского монастырского поместья. Здесь совершенно ясно выступает экономическая политика аббатов, которые путем покупки соседних деревень, путем колонизации, обмена и т. д. увеличивали церковные земельные владения и старались их округлить. Такое постепенное увеличение церковных владений путем купли и обмена приводило к объединению их в более или менее компактное целое. Это стремление церковных феодалов легко понять, так как поместья, управляемые из единого центра, окруженного крепостными деревнями, были самой твердой основой феодального владения.

Из слов Гуса, клеймившего эту деятельность орденских монахов («законников»), явствует, что накопление и концентрация церковной и прежде всего монастырской земли были всеобщим явлением:

«А мне случилось однажды спросить монахов, почему они так сильно добивались одной церкви: дали приходскому священнику 30 коп и пожизненное пропитание, лишь бы он уступил им эту церковь, чтобы она осталась при их монастыре. Они ответили мне: *потому, что она находится вблизи их владений и прилегает к ним* (курсив мой.—И. М.). Я сказал им: если только в этом причина, почему вы не добиваетесь захвата другой церкви, которая расположена к вам еще ближе? Они молчали, а я сказал: вероятно, потому, что она не приносит больших доходов и нет у нее больших владений. Потом я сказал им: ну, вы хотите получить эту церковь *потому, что она прилегает к вашим владениям, а когда вы ее получите, тогда другая будет прилегать к ней, и ее вы также захотите иметь, а следуя этим путем дальше и дальше, весь свет пожелает захватить* (курсив мой.—И. М.). Они устыдились»².

¹ Эти сведения, как и дальнейшие данные об экономической политике церкви в предгуситскую эпоху, я почерпнул из подготовленных к печати исследований Ф. Грауса, из его карт и анализа, которые я имел возможность изучить в рукописи. О стремлении церкви уже в XIV веке создать единые, прочные, монолитные поместья смотри также примечания к введению в работе Грубого (F. Hrubý, Z hospodárských převratů českých v století XV a XVI, ČSN, XXX, 1924, str. 205 n.), где автор говорит об «обширных церковных имениях, которые всегда представляли цельные комплексы» (там же, стр. 214).

² M. Jan Hus, O svatokupectví, ed. K. J. Erben, I, str. 425.

Передавая этот разговор, Гус показал, какие замыслы скрывались за стремлением монастырей приобрести окружающие их владения. Для них дело было не в церкви как месте проповеди и не в приходе, а в земельном владении, которое граничило с их владениями и которое они хотели приобрести.

В этой экспансии, в этом желании поглотить как можно больше соседних участков земли проницательный наблюдатель, каким был Гус, видел тем большую опасность, что жадность монахов не знала преград. Те монахи, которых Гус укорял в этой «неправде», по его словам, устыдились. Но самые резкие обличения проповедников и мыслителей не могли обуздать подобные стремления других монастырей.

Высшее духовенство требовало все новых и новых денежных сумм. С усилением эксплуатации крестьян доходы с поместий увеличивались, чему способствовали лучшая организация и концентрация земельных владений. Обличения Гуса не привели ни к чему: монастыри все энергичнее округляли свои владения.

В южной Чехии в начале XV века мы встречаемся уже с обширным владением златокорунского монастыря (на левом берегу верхней Влтавы), представлявшим собой мощную преграду против наступления южночешских дворян и прежде всего против панства рожмберкского¹. Это владение представляло собой единый комплекс и включало 160 деревень, усадеб, местечек и городов. Основной центр управления в Златой Коруне находился на расстоянии всего лишь часа пути на север от Чешского Крумлова—центральной крепости Рожмберка. Если мы посмотрим на карте № 1 расположение земельных владений обоих крупнейших южночешских феодалов, то увидим, как сильно вклинивались они друг в друга и, следовательно, давали много поводов для раздоров и распрей. Стремление церковных феодалов округлить и сделать монолитными свои владения вело к

¹ См. карту № 1, где показаны владения златокорунского и рожмберкского панства—двух типичных и наиболее крупных южночешских феодалов. О златокорунском панстве наиболее ценные сведения дает Кадлец (J a g. K a d l e c, Dějiny kláštera Zlaté Koruny, České Budějovice, 1949), приложивший также карту, из которой план панства был перенесен на нашу карту № 1. Есть еще одна более старая, но тщательно выполненная работа—Е. т. К u b í ě k a, Správa klášterního velkostatku Zlaté Koruny do válek husitských (1263—1420). První výroč. zpráva kníž. arcibisk. gymnasia v Praze-Dejvicích 1913—1914, Praha, 1914.

раздорам с другими феодалами. Гус непрестанно клеймил их стремление к захвату новых и новых владений. Окрестные деревни, которые вклинивались во владения церкви, принадлежали иногда дворянам, с которыми монастырь вынужден был договариваться о продаже или обмене.

Тогда положение было уже не таким простым, как в том случае, о котором говорит Гус, когда монастырь просто «купил» у приходского священника его приход. Дворяне неохотно уступали высшему духовенству часть своих поместий, так как сами также стремились увеличить свои родовые владения. Эти споры о пограничных деревнях вносили раскол в ряды феодалов. Начинаясь концентрация земельных владений в руках церковных феодалов вызывала недовольство окрестных светских феодалов; непрерывное расширение монастырских поместий было источником феодальных раздоров.

Увеличение и концентрация церковных владений создавали условия для введения новых форм земледельческого хозяйства. В более раннюю эпоху главным и почти единственным видом земледельческого производства было зерновое производство и только отчасти и в меньшей мере животноводство. С середины XIV века в церковных поместьях мы все чаще встречаемся с закладкой прудов¹. В частности, мы располагаем сведениями о рыбном хозяйстве во владениях бржевновского монастыря; земли соседних деревень были здесь затоплены водой и созданы новые пруды (например, в Слатине). Биограф первого пражского архиепископа Арношта из Пардубиц говорит, что «он с великими издержками устроил множество прудов, в частности в Киях, Рокицанах, Тыне, Горшовском, Пршибраме, Ржечице, Жерчицах и Хейнове»². В экономике именно архиепископских поместий рыболовство играло значительную роль. В панстве Ржечицком, принадлежавшем пражскому архиепископству, за полгода было собрано с крестьян меньше податей, чем было получено за рыбу из двух прудов в Киях (в окрестностях Праги)³. Рыба из этих прудов предназначалась не только для потребления в монастырях, но и являлась предметом торговли на пражском рынке. Зарождение на церковных землях

¹ Здесь опять я основываюсь на рукописном экскурсе Ф. Грауса (F. G r a u s, Majetek kláštera břevoňského).

² Fontes rerum Bohemicarum (FRB), I, str. 394.

³ V. C h a l o u p e c k ý, Účet pokladníka arcibiskupství pražského z let 1382—1383, Praha, 1912, str. 13—14.

рыбного хозяйства было, таким образом, связано со всеобщим развитием торговли.

В результате благочестивых завещаний, путем покупок, дарений, обмена, захватов бесконечно расширялись поля и луга, лесные массивы и пруды—огромные владения церкви, самого крупного феодала в Чехии в XIV и XV веках.

В результате успешной экономической политики, вытекавшей из общих основ церковной организации, церковные владения расширялись, концентрировались, округлялись, а введение новых видов продуктов земледелия приводило к тому, что продукты церковного землевладения находили в стране несравненно лучший сбыт, чем продукты, производимые в светских поместьях. Короли, князья, паны и рыцари, не говоря уже о бюргерах, не располагали такими богатствами, какие были скрыты за каменными стенами церковных владений. Крепостные деревни и дворы, находившиеся под их бесконтрольной властью, давали вдоволь средств для жизни, исполненной роскоши. Кладовые церковных дворцов имели в изобилии огромные запасы яств и напитков и были защищены крепкими стенами от голодающего народа. Магистр Ян Гус указал на эти богатства, нарисовал картину церковного замка, гордо возвышавшегося среди нищих деревень с их бедняцкими халупами. Кровли их (то есть церковных феодалов) «хлебов богаче, чем кровли деревенских церквей или господских замков. Разве они избрали себе суровую жизнь странников? Разве они терпят нужду? Дождь их не мочит, болото их не засасывает, богатство избавило их от голода и жажды, им все приносят, они могут все покупать, а бедняк повсюду страдает в нужде»¹. Неудивительно, что бедняк не мог безразлично смотреть на это богатство, что он хотел бы получить хотя бы крохи, падающие с богатого стола прелатов. Богатство духовенства, превышавшее богатства других общественных слоев, было предметом всеобщей и острой зависти. Движение против церкви, самого мощного феодала Чехии, имело прежде всего целью захватить ее богатства.

Проповеди и сочинения Гуса позволяют восстановить живую и правдивую картину чешского общества в начале XV века. Он верно понял причины антицерковного движения: «А именно потому, что на богатых духовных особах они

¹ M. Jan Hus, *Výklad desatera*, ed. K. J. Erben, I, str. 220.

(миряне.—И. М.) видят лучшую одежду, видят у них самых красивых коней, огромное богатство, красивейших женщин, доспехи и оружие, которые подобают мирянам, некоторые движимые завистью посягают на них кто словом, кто применяя насилие, а кто при помощи закона, как короли и князья...»¹ В начале XV века было сделано множество мелких попыток «протянуть руку» к церковному богатству, но только Табор поставил на первый план требование полного изъятия у церкви имущества, претворив таким образом в жизнь «слово» Гуса, считавшего подобную меру справедливой. Несмотря на то, что чешское общество в предгуситский период раздирали, как мы увидим ниже, классовые противоречия, у всех «светских сословий», у всех мирян была одна общая цель—уничтожить церковное богатство... «И хотя в среде гуситов существуют различные группы—они, как все еретики, едины в своей вражде к церкви»². Церковь, обладавшая огромными богатствами, церковь—самый крупный феодал—была предметом ненависти всех гуситов без исключения. Даже те элементы, которые в ходе гуситского революционного движения в основном оставались в стороне, при мысли о церковных богатствах вступали в общую борьбу, поскольку речь шла о борьбе против церкви. Это настроение выразил Вртох, фигура, которая, по мысли анонимного автора стихотворения «Вáцлав, Гавел и Табор», является олицетворением всех тех гуситов, которые занимали нерешительную, колеблющуюся позицию.

«Вртох, услышав это, почесал затылок

.....
Отнять богатство у попов я помогу»³

Лишь перспектива получить церковные богатства, как замечает идеолог Тabora, заставляет нерешительного Вртоха взяться за оружие и присоединиться к таборитам.

Однако не только богатство церкви возбуждало против нее всеобщую ненависть. С середины XIV века церковь

¹ M. Jan Hus, *Výklad desatera*, ed. K. J. Erben, I, str. 182.

² Anonymi invectiva contra Husitas (K. Höfler, *Geschichtsschreiber der hussit. Bewegung*, I, str. 621).

³ Václav, Havel a Tábor (*Výbor z literatury české*, II, str. 286—304).

в Чехии становится все менее популярной вследствие крайне грубой политики папского фиска, политики все более нагло-го грабежа чешских земель¹.

Римские папы, восседавшие «на престоле св. Петра» в качестве духовного главы христианского мира, сумели на протяжении столетий хорошо использовать свое положение «наместника Христа на земле». Превратив Рим и церковное государство в центр своего могущества, они после успешной борьбы со светской властью—с германским императором (в так называемой борьбе за инвеституру) встали во главе всего христианского мира не только в духовных вопросах (in spiritualibus), но и в светских (in temporalibus). Именно оттуда, из папской столицы, распространялось учение о трех сословиях, ставившее церковных феодалов на первое место в обществе, именно оттуда звучали слова Гонория из Отена: «Самый ничтожный священник стоит больше короля. Король и народ—подданные духовенства. Подобно тому как свет солнца несравненно ярче света месяца, так и духовенство сияет сильнее, чем миряне»². Именно в соответствии с этим положением и укреплялась папская власть, все глубже проникая в церковную жизнь христианских стран, где она поддерживала духовенство, получая взамен новые и новые доходы.

Через своих легатов папа впервые вмешался во внутренние дела Чехии в XII веке, а начиная с XIII века это вмешательство все усиливалось. Папа требовал все новые и новые суммы для содержания своего огромного двора. Финансовая политика папской курии тесно связывается с финансовой политикой итальянских банкирских домов. Во всем христианском мире папа расставляет сети для вылавливания золотых. Золотые цепи финансовых расчетов приковывали к Риму даже самые отдаленные христианские страны. Чехия, особенно в XIV веке, широко раскрыла двери сборщикам папских доходов. Начиная с Иоанна XXII приток денег из Чехии в папские сокровищницы резко увеличивается.

¹ Этот абзац написан на основе работы Галлера (J. Haller, Papsttum und Kirchenreform, I, Berlin, 1903) и исследований Крофты и Новака (K. Krofta, Kurie a církevní správa zemí českých v době předhusitské v ČSN, X, 1904 a ČSN, XII, 1906 и краткое резюме Řím a Čechy před hnutím husitským v Gollově, sborníku, 1906, str. 178—194; J. B. Novák, Avignonské papežství a zárodky českého odporu proti kurii, ČMM, XXXI, str. 219 n.)

² Ч. Ли, История инквизиции в средние века, I, стр. 3.

Потоки золота из Чехии в Рим или в Авиньон, новую папскую резиденцию, текли по многим каналам.

В то время как в XIII веке лишь один чешский епископ получил место властью папской курии, в XIV веке назначение чешских епископов папой стало обычным явлением (начиная с 1326 года и до начала гуситского революционного движения все епископы получали кафедры по воле папской курии). Так же обстояло дело и с выборами аббатов, стоявших во главе монастырей. Папская курия даровала епископу или аббату «милость» ординации отнюдь не даром. В форме так называемых «сервиций» епископы и аббаты должны были вносить в папские кассы огромные суммы (так, например, сервисия с пражского архиепископства равнялась 2800 золотых, с епископства Оломоуцкого—3500 золотых, Литомышльского—800 золотых и т. д.). Ловкой и жадной папской курии уже довольно рано удалось добиться того, что все церковные доходы, бенефиции, находившиеся в ведении папской канцелярии, которая назначала своих кандидатов на церковные должности и брала с них крупные деньги, так называемые аннаты, которые равнялись половине годового дохода от бенефиция. Постепенно возникла практика, согласно которой кандидат на каждое вакантное место обращался в Рим, а папа за особую плату, названную провизией, обеспечивал ему бенефиции. Чтобы выявлять вакантные бенефиции и взимать за их предоставление провизии, было создано огромное делопроизводство. Только в понтификат Климента VI (1342—1352) для одной Чехии было свыше 500 случаев получения провизий.

Увеличение таких отчислений является показателем все возрастающей эксплуатации чешских земель курией.

Если до Иоанна XXII было только 10 таких случаев, то в течение его понтификата их стало уже 250, при Клименте VI—более 500; а к концу XIV века число выплачиваемых отчислений достигало высшей точки. Так, например, пражская церковь была завалена таким количеством папских провизий, что без особой протекции невозможно было вообще помыслить о получении бенефиция.

Церковный бенефиций, даже если за него нужно было дорого заплатить, был предметом вожделений для многих искателей, которые лишь для того и стали священниками, чтобы получить место каноника или аббата, а тем самым и возможность взимать с крестьян регулярные подати.

«Жить без труда, жить в роскоши за счет оброков и платежей, получаемых с крестьян, стало предметом вождельений. На особенно доходные бенефиции в папскую курию поступало огромное количество прошений, и она придумала весьма хитроумный способ, чтобы удовлетворить столь огромное количество претендентов. В форме так называемых резерваций (*expectativae*) она как бы устанавливала очередь на получение еще занятых бенефиций. Разумеется, и за резервацию нужно было заплатить. Резервации сильно затруднили учет свободных и уже отданных вакансий, и нередко случалось, что одно и то же место покупали вперед сразу несколько претендентов, которые вели друг с другом упорную борьбу за очередь. Споры о замещении бенефиций решались лишь папским судом, куда поступали беспрепятственные и бесконечные жалобы, а в результате новые источники дохода в виде судебных платежей и штрафов текли в бездонные папские карманы. Число резерваций, выданных в XIV веке в Чехии, резко превышало число мест. В середине XIV века отношение резерваций (*expectativae*) к действительному числу мест было 3 : 1, то есть еще занятый бенефиций передавался за деньги трем претендентам. Ясно, что из претендентов только один мог рассчитывать на получение места. Увеличению числа резерваций способствовало еще и то, что многие стремились получить несколько бенефициев и заранее закупили не одну, а три и четыре резервации. С держателями трех и четырех пребенд и резерваций мы встречаемся сплошь да рядом»¹.

Неудивительно, что наибольшее число желающих получить несколько бенефициев было в ту эпоху либо при дворе Карла IV, либо в его ближайшем окружении. Карл IV нашел прочную опору своей власти в церкви и папской курии и стремился поэтому укрепить ее положение в Чехии. В благодарность за эту поддержку папы, в свою очередь, охотно удовлетворяли претендентов из Чехии, предоставляя им бенефиции. Именно результатом церковной политики Карла было то, что чешские земли, и прежде всего сама Чехия, были доступны для папских сборщиков. А поэтому в Чехии больше, чем где бы то ни было, накоплялась ненависть против папы и его развращенного двора. Усилившееся антипапское движение принимало харак-

тер национальной борьбы, ибо, например, в понтификат Климента VI более половины освободившихся бенефициев попало в руки чужеземцев (придворных Карла и членов курии), в то время как от чешских претендентов отделялись одними резервациями.

Чешские земли в правление Карла IV и Вацлава IV не избежали и других платежей папской курии. Папская десятина, собиравшаяся в Чехии в XII веке лишь два раза, в последние десятилетия XIV века взималась восемь раз, что составляло немалую сумму (например, с пражского диоцеза—ежегодно 1400 коп грошей). Тем же грабежом чешских земель была и продажа индульгенций, происходившая с соизволения папы, который таким образом получал деньги на экстраординарные расходы. Сервиции, аннаты, провизии, резервации, десятина, индульгенции—все это различные формы одного и того же явления—эксплуатации чешских земель папской курией. Эксплуатация увеличивалась при восшествии на престол каждого нового папы, который, как правило, отменял все «милости», проданные его предшественником, и, таким образом, тот, кто был заинтересован в месте или хотя бы в сохранении очереди на место, должен был снова платить. Положение еще больше осложнилось после 1378 года, когда во главе церкви оказалось двое, а в начале XV века даже трое пап. Все трое пап состязались в том, кто соберет «в свое стадо больше овец» и выудит из карманов верующих больше золотых.

И действительно, потоки золота текли из Чехии в Рим и в Авиньон. Следует иметь в виду, что папы не были заинтересованы в том, чтобы получать серебро, бывшее разменной монетой в отдельных странах, наоборот, они установили правило, согласно которому папские сборщики или непосредственно курия взимали все поборы в золоте, вследствие чего финансовый гнет папской курии еще более усиливался.

Сбором платежей ведали коллекторы, которые действовали через казначеев и сборщиков, часто людей самой дурной репутации. Они были полновластными господами, так как папские буллы давали им право отлучать от церкви неплательщиков, будь это даже вновь избранные епископы; таким образом, неплательщиков можно было фактически поставить вне закона. Благодаря безжалостным вымогательствам и необыкновенной изобретательности уже папе Иоанну XXII (1316—1334) удалось собрать миллионы

¹ J. B. Novák, *Aviňonské papežství a zrodky českého odporu proti kurii*, *ČMM*, XXXI, str. 232.

золотых со всего мира (рассказывали, что у Иоанна XXII в сокровищницах было 18 миллионов золотых в монетах и 7 миллионов в драгоценностях).

Характеристика роли денег в феодальную эпоху, данная Энгельсом («деньги подточили и развели изнутри феодальную систему»), относящаяся к феодалам вообще, особенно справедлива по отношению к феодалам церковным. Папский двор, тесно связанный с торговым капиталом итальянских банкирских домов, прилагал всю энергию к тому, чтобы собрать деньги со всего христианского мира. Верующие самого последнего прихода должны были быть связаны золотыми цепями со «святым отцом» и его сборщиками. Однако вместо того, чтобы усилить зависимость от папства, это явление привело к попытке освободиться от финансового гнета курии. Деньги связали с Римом даже самые отдаленные христианские земли, но вместе с тем население этих стран получило возможность составить себе ясное представление о том, что за люди в действительности сидят «на престоле св. Петра». Всю тяжесть платежей Риму правящие классы, разумеется, перекладывали на трудящийся народ города и деревни, который своим трудом должен был содержать не только отечественных эксплуататоров, но и «антихристову шайку» — папский двор.

Все усиливающиеся вымогательства папства при сборе этих платежей, всей своей тяжестью ложившихся на плечи простых верующих, открывали народу правду. Ореол, окружающий «святого отца», начал меркнуть, сквозь него уже ясно проступали рога, и меж них сидела «вавилонская блудница», о которой говорится в «Откровении Иоанна». Все увеличивающийся грабеж верующих со стороны папства способствовал усилению ненависти широких народных масс к церкви, а тем самым и к феодализму.

«Богоугодное» начинание римской курии вызвало со стороны образованных людей всего христианского мира бесчисленное количество сатирических выступлений и комментариев. Самой распространенной была поговорка:

Пастырь римский, наш святой отец,
Наголо стрижет своих овец¹.

¹ «Curia Romana non pascit ovem sine lana» (Kronika Petra Žitavského, FRB, IV, 300). Мною использован перевод Халопецкого (V. Chalopecský, Arnošt z Pardubic, str. 134).

Пословица эта правильно отражает «заботу» римского архипастыря «об овечках». Подобные стихи известны во всех странах, имевших случай познакомиться с алчностью папской курии¹.

Коль отправился ты к папе,
Истину пойми ты:
Бедным вход туда заказан,
Пану — путь открытый.
Говорят не зря о папе:
Знай без лишних слов,
Где бы чтоб он ни увидел,
Все сожрать готов.

Шуточные стихи, едко высмеивающие римскую курию, главу всех эксплуататоров, кончались вызовом:

В Рим пусть едет, кто мошну
Толстую имеет,
Там лекарство есть для всех —
Быстро похудеет.

Эта латинская сатира распространилась по всем странам, так как она ярко отражала настроение тех, кто на своей шкуре и на своем кошельке испытал «милости святого отца».

Микулаш из Дрездена, идеолог пражской бедноты, в начале XV века с большим усердием собирал стихи, выставляющие на посмешище курию с ее финансовой политикой². Характерен приводимый им разговор, якобы происходивший между папой (А) и просителем бенефиция (В).

«Голос А из-за двери: Кто там? В: Я. А: Чего ты хочешь? В: Хочу войти. А: Несешь что-нибудь? В: Нет. А: Так оставайся снаружи. В: Несу, конечно, несу. А: Сколько? В: Достаточно. А: Ну так входи».

Торговлю местами и бенефициями критиковали все. Об этом свидетельствует также Ян Гус, автор целого трактата

¹ R. Mertlík, Písňě žáků darebáků, II, Praha, 1951, str. 96.

² Их напечатал Jan Sedláček, Mikuláš z Dráždan, Hlídka, 1914, str. 205—206. Там же и нижеприведенный разговор. О Микулаше из Дрездена сравни гл. IV, стр. 248 и след.

«О симонии»¹, в котором выражено всеобщее возмущение финансовыми махинациями папской курии.

Общее возмущение церковью переносилось и на тех, кто купил церковные бенефиции и с соизволения папы использовал их как надежный источник дохода. Деньги не только вызвали в отдельных странах раздражение к Риму, они разлагали изнутри само духовенство. Практически доходные бенефиции и ответственные места в чешской церкви, в конце концов, получал только тот, кто имел для этого достаточно денег. Нравственные качества в счет не шли—смешно было даже и думать, чтобы на жадную папскую курию и ее свору могли оказать какое-нибудь влияние нравственные качества кандидатов. Мошна, деньги—вот что решало вопрос при замещении отдельных церковных должностей. Место священника, большие церковные доходы были предметом всеобщих вождений. Народная поговорка XIV века «Учись и будешь священником»² выражает это совершенно ясно. Для этого стоило голодать в школах, перебиваться подачками и нищенствовать; в конце этого пути мог стоять бенефиций священника, который своими червонцами вознаградит за страдания и затраченные усилия. Таким образом, в ряды священников и тем самым кандидатов на замещения бенефиций массами попадали люди совершенно недостойные, которые интересовались только деньгами и легкой жизнью. «А по мере того, как увеличиваются богатства духовенства, увеличивается и число учеников и священников, ибо каждый хочет легко жить и разбогатеть»³.

Магистр Ян Гус хорошо понимал, какую цель ставили себе многие из тех, кто попадал в ряды священников. Ведь и он сам, когда был еще бедным студентом, поддавался этому очарованию денег, этой жажде привольной жизни, которые были связаны с положением священника. «Я признаю свое дурное намерение; когда я был студентом, я хотел скорее стать священником, чтобы иметь хорошее жилье и одежду и чтобы люди меня почитали. Но я осознал, когда постиг священное писание, что это дурное желание»⁴.

¹ M. Jan Hus, O svatokupectví, ed. K. J. Erben, I, str. 378 n. a Václav Novotný v Ottově světové knihovně, 1907.

² Из сборника поговорок Konrád z Halberstadtu, Tripartitus moralium, z r. 1360 (česká přísloví), vydal V. Flajšhans, ČSM, 1906, str. 477.

³ M. Jan Hus, O svatokupectví, ed. K. J. Erben, I, str. 477.

⁴ Там же, стр. 429.

Гус понял, что это «дурное желание», и преодолел его. Он становится священником для того, чтобы иметь возможность говорить с народом и бороться за народное дело. Однако большинство держателей церковных бенефициев состояло из людей, которые «недостойны даже пасти свиней»¹. Они устраивались на местах прелатов, каноников и аббатов и уходили в монастыри лишь для того, чтобы провдодить жизнь в бездельи и наслаждениях.

— Пьянство, торговля, прямое ростовщичество, открытый разврат, связи с женщинами легкого поведения, азартные игры—все эти проявления нравственного падения свойственны тогдашнему богатому духовенству.

Официальные сведения о ревизии в пражском архидиаконате в 1379—1380 годах рисуют яркую картину жизни пражского духовенства². Из 39 приходских священников, о которых упоминается в данных ревизии, 16 было подвергнуто наказаниям за безнравственную жизнь. Та жизнь, которую вело пражское духовенство, совсем не походила на жизнь святых апостолов, бедных, смиренных и чистых проповедников первоначальной христианской церкви, последователями которых считало себя духовенство. Сравнение современной им церкви с первоначальной апостольской церковью проходит основным мотивом через работы всех мыслителей, задумывавшихся над злоупотреблениями, царившими в обществе и в церкви. Гус использует противопоставление первоначальной «церкви христовой» тогдашней развращенной церкви для того, чтобы еще больше усилить действие своих выступлений против папы и прелатов. Он приводит текст из евангелия от Матфея, где рассказывается о въезде Христа на осле в Иерусалим: «Ах, это место сегодня от слова до слова должны прочесть папа, епископ и священники... Христос на ослике, а римский папа—на большом белом коне или на жеребце с золотой уздечкой, с нагрудником и сбруей, усыпанной драгоценными камнями, цветные кисти ниспадают до земли, покрывающий коня

¹ M. Jan Hus, O svatokupectví, ed. K. J. Erben, I, str. 447.

² V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, zvl. str. 215 n. О развращенности пражского духовенства см. V. Chaloupcecký, Arnošt z Pardubic, první arcibiskup pražský, Praha, 1946, str. 116 n. П. А. Нейман напрасно старался защитить высшее духовенство предгуситской Чехии в своей книге «Prameny k dějinám duchovenstva v době předhusitské a Husově», Olomouc, 1926, str. 173 n. После Томека по этому же источнику также писал о нравственном разложении духовенства J. Loserth, Hus und Wiclif, str. 261.

чепрак волочится по земле... Сидит он на жеребце, усмеяется, довольный таким почетом, а наш милый, тихий, смиренный Спаситель едет с великим плачем на ослике»¹.

Подобные сравнения заставляли простых верующих осознавать контраст между церковью-феодалом, с одной стороны, и евангельской церковью—с другой. Моральное разложение духовенства лишь подчеркивало глубокое противоречие между первоначальной церковью и церковью феодальной, содействуя тем самым усилению всеобщей ненависти к этой последней.

Ведь даже университетские магистры, которые остались верными католической церкви—такие, например, как изгнанный из Праги магистр Ондřej из Брода,—должны были волей-неволей констатировать нравственный упадок духовенства в предгуситской Чехии:

Один священник погрязал в разврате,
Другой роскошных жаждал облачений.
Один стремился к вящей славе,
Другой искал себе патрона.
Один за требы брал побольше,
Другой нагромождал богатства.
Один дворцы хотел построить,
Другой сады разбил с цветами.
Один мечтал о ярких фресках,
Другой о пиршествах обильных.
Один играл с азартом в кости,
Другой купчиной был богатым.
Один в алтарь и не заглянет,
Другой не покидал трактира.
Один мечтал набить мошну потуже,
Другой бездельничал и не служил обедни².

Таким представлялось положение чешского духовенства католическому магистру, и неудивительно, что возникновение гусизма он ставил в прямую связь с разложением духовенства, а в борьбе гуситов против церкви видел справедливую «кару божью».

Особенно тяжело и остро ощущали «порчу церкви» бедные священники, которые из-за недостатка денег не

¹ M. Jan Hus, Postilla, ed K. J. Erben, II, str. 126.

² Ondřej z Brodu, Tractatus de origine Hussitarum, Höfler, II, str. 353.

имели возможности обеспечить себя доходными бенефициями. Среди чешского духовенства в предгуситскую эпоху все резче обозначалась грань, отделяющая высшее духовенство (clerus major) от низшего (clerus minor)¹.

Резкую противоположность прелатам, то есть каноникам, епископам, аббатам, да и приходским священникам и занимающим постоянное место настоятелям церквей, составляли так называемые «заместители», священники, помогающие при богослужении, церковные прислужники, священники без места, странствующие проповедники (clerici vagi, vagabundi) и низшие церковные служащие (причетники и служки). В то время как прелаты «усплаждались» на богатых бенефициях, этот своего рода «священнический плебс» жил бедно. Еще относительно сносным было положение «заместителей», которых для совершения богослужений и управления приходом приглашали духовные лица, имеющие несколько бенефициев. Нередко прелат покупал бенефиций, которого вообще не видел и с верующими которого соприкасался только при сборе платежей. Но даже и эту «стрижку овец» он обычно уступал заместителю, который управлял приходом и совершал в нем богослужение. Он получал от владельца бенефиция небольшую плату и мог вознаграждать себя лишь тем, что сильнее обирал верующих. «Тот, кто берет на откуп церковь, бездельничает и наслаждается в городе, а наемный священник (то есть заместитель) усердно стрижет и доит овец»². Невозможно охарактеризовать деятельность владельцев бенефициев и нанятых ими заместителей более кратко и остро, чем это сделал Гус.

Положение странствующих проповедников, клириков низшего ранга, не имеющих постоянного места священников было более чем трудно вследствие увеличения числа претендентов на места священников; ряды бедных священников непрерывно росли, и для них доступ к доходным местам был закрыт. Им не оставалось ничего другого, как браться за подсобную работу при церквах или вообще искать себе применения в какой-либо иной области. Если они не нахо-

¹ Основным материалом для нижеследующего абзаца послужила работа J. Seďláka, Studie a texty, I, 283 n.

² M. Jan Hus, O svatokupectví, ed. V. Novotný, str. 102. (ed. Erben, I, str. 426). «А тот, кто держит приход, должен откупаться от владельцев многих бенефициев, а выкуп содрать с людей, чтобы им заплатить и себе что-нибудь оставить».

дили работы, они попадали во власть голода и нужды. Поэтому представителей этого «священнического плебса» можно было встретить в различных сферах деятельности. «Едва ли найдется такое занятие, хотя бы самое незначительное, чтобы священник не согласился за него взяться. Один становится управляющим, другой поваром, иной сборщиком пошлины, тот камердинером, или, наконец, слугой у пана. Один скитается по корчам и нищенствует, другой бродит по деревням. Право, благодаря этим и подобным явлениям развивается презрение к священникам»¹. Итак, священнику оставалось либо нищенствовать по деревням, время от времени произнося проповеди, либо наниматься по дороге на любые работы.

Из трактата «О множестве бенефициев»² мы узнаем о жалком положении этих бродячих священников-проповедников. Автор трактата, неизвестный пражский каноник начала XIV века, рассказывает об одном своем знакомом, бедном священнике, который не мог найти места и был, наконец, вынужден нищенствовать. Чтобы избежать позора, он ходил в простой крестьянской одежде по мельницам и хуторам: он боялся, как бы его не узнали, и стыдился положения нищего. Раздобыв ломоть хлеба, он жадно съедал его и запивал водой из ручья. Неудивительно, что после такого угощения у него болела голова и желудок. «И тогда он в жару и холод, в дождь и снег как сумасшедший стал бегать по лесам...» Трактат, где описывается этот случай, заканчивается пожеланием, чтобы эти священники и подобные им получили бы места заместителей, причетников и церковных служек и могли подобающим образом заработать себе хотя бы на удовлетворение самых необходимых жизненных потребностей. Обладатели бенефициев не чувствовали тяжелого положения «священнического плебса» и не намеревались заниматься решением этой проблемы.

Бедные священники, в жизни которых было столько бед и страданий, видя своих «собратьев», тучных и объедающихся, в поисках выхода объединились с про-

¹ Проповедь Матуша из Кракова, см. J. Sedláček, *Studie a texty*, I, str. 285, p. 3. Ср., например, также нападки Гуса на священников-поваров (Ed. K. J. Erben, III, str. 249). О священниках-посыльных см., например, у И. Пеликана (J. Pelikán, *Účty hradu Karlštejna*, Praha, 1947, str. 58 a j.).

² Издал J. Sedláček, *Studie a texty*, I, str. 291 n.

стыми верующими города и деревни. Эти мелкие проповедники на собственной шкуре испытали «благоденствия» феодального общественного строя и ежедневно наблюдали страдания эксплуатируемой городской и деревенской бедноты. Чем шире становилась пропасть между бедностью и богатством, между смиренным трудом и надменной роскошью, тем теснее эти бедные проповедники примыкали к народу, тем настойчивее искали они в «Священном писании» поддержки для себя и своих верующих. В текстах «Писания» черпали они уверенность в том, что такая церковь не может быть святой, что она является «церковью антихриста», которая осуждена на гибель. В бедных священниках, которые сами терпели нужду, чешский народ нашел верных проповедников и учителей. Благодаря тесному единению с широкими народными массами они вырастали в организаторов и вождей революционного движения¹.

Большая часть этих простых и до этого часто никому неизвестных священников нашли опору и убежище для себя и своих многочисленных последователей прежде всего на Таборе. «Такое великое множество народа сбегалось к ним после их проповедей, что не было замка, деревни, крепости или города, где, пусть тайно, не побывало хотя бы пять уиклифистов. И дьявол внушил этим людям такое безумие, что все предписания своих проповедников и магистров они тотчас выполняли, хотя бы это и грозило им великой опасностью, и охотно шли туда, куда велели им идти их проповедники»². Объединение и концентрация в 1419—1420 годах широких слоев чешского народа в мощную армию не были бы возможны без деятельности бедного духовенства.

Эти проповедники, выразившие всеобщую ненависть против богатой церкви, выступали с острой критикой,

¹ Аналогичные явления мы встречаем и в английской крестьянской войне 1381 года. «Те, кто возбуждал эти христианские стремления к идеалу более полной свободы и равенства, были религиозными людьми, самым непосредственным образом связанными с трудящимися классами». Так определяет значение бедных священников в английском крестьянском восстании буржуазный историк Тревельян (G. M. Trevelyan, *England in the age of Wycliffe*, str. 196). Джон Болл, бедный проповедник, несколько лет ходил по английским деревням и агитировал и призывал народ к восстанию (там же, стр. 198).

² Ondřej z Brodu, *Tractatus de origine Hussitarum* ed. K. Höfler, II, str. 328.

которая постепенно стала встречать поддержку почти всего чешского общества предгуситского периода. Прежде всего дворянство не могло примириться с тем фактом, что церковь обладает огромными и все растущими богатствами, и относилось весьма благосклонно ко всякому проекту секуляризации (то есть отнятию имущества у церкви). Правда, дворяне сумели создать иллюзию того, что они совершенно не заинтересованы в обогащении, однако в действительности только в нем и заключалась их истинная цель. При изложении хода гуситского революционного движения у нас будет достаточно возможностей убедиться в этом. Усилению противоречий между дворянством и церковью способствовало также стремление церковных феодалов сконцентрировать и как можно более расширить свои поместья. Я уже указывал выше, что именно в южной Чехии происходило усиление двух мощных феодальных держав—Златокорунского монастыря и панства Рожмберкского. Народное движение, направленное против обоих этих феодалов, могло успешно использовать раздоры между ними.

Возникновению антицерковных настроений в чешских городах, кроме вышеуказанных причин, способствовало также то обстоятельство, что бюргеры испытали на себе тяжелый финансовый гнет церкви. Из работ Мендла¹ известно, что в Праге не только патриции, но также монастыри и прелаты получали ренту со многих домов и, таким образом, обогащались за счет городского населения (например, только монастырь св. Томаша в Малом Месте Пражском с середины XIV и до конца XV века собирал ренту с 44 домов). Неудивительно, что в эпоху гуситского революционного движения при первой возможности ренты были уничтожены (в Праге это произошло в 1421 году). Рента, которую выплачивало большинство пражских домов, была, разумеется, тяжелым бременем для бюргерства. Только в 1400—1419 годах в Старом Месте Пражском не менее 44 домов было отнято у владельцев за неуплату ренты и передано собирателям ренты (в судебных актах мы часто встречаемся со случаями, когда монастыри, церкви или отдельные прелаты

¹ Ср. прежде всего В. Мендл, *Z hospodářských dějin středověké Prahy, Praha*, 1925. Например, на стр. 216 список церквей, монастырей и представителей духовенства, которые взимали платежи в Старом Месте Пражском (k příloze E.).

выгоняли, таким образом, должников из их домов)¹. Насколько тяжел был финансовый гнет церкви, свидетельствуют, например, данные о рентах, которые церковь получала в предгуситской Праге.

Подобное же положение, хотя и не столь острое, было и в других городах, где были церкви, монастыри и прелаты. Кроме того, большая часть незастроенной земли в городах также принадлежала церкви, а обширные поля и виноградники вокруг городов являлись ее неотчуждаемой собственностью. Церковные сановники, несмотря на то, что они широко использовали выгоды, связанные с жизнью в городе, были, однако, избавлены от податей и повинностей, возложенных на жителей городов. К числу причин, вызывавших ненависть городского населения к церкви, следует также присоединить церковные поборы, собираемые духовенством за различные религиозные обряды. Магистр Ян Гус охарактеризовал это положение в нескольких словах: «...плата за исповедь, за обедню, за таинство, за отпущение грехов, за проповедь, за благословение, за погребение, за освящение святой водой, за молитвы. И последний грош, который бабушка завязала в платочек, чтобы ни разбойник, ни вор не нашли его, и этот грош обманщик и вор в рясе отнимает у нее»².

Из всего этого вытекает, что католическая церковь в предгуситскую эпоху была для населения чешских городов огромным бременем, жадным грабителем—слишком дорогой церковью. Поэтому борьба против церкви была закономерным явлением в чешских городах. «Подобно тому как в настоящее время,—писал Ф. Энгельс в 1850 году,—буржуазия требует дешевого правительства — *gouvernement à bon marché*, точно так же и средневековые бюргеры требовали прежде всего дешевой церкви — *église à bon marché*»³.

Для роста антицерковных настроений наиболее благоприятная почва существовала в чешской деревне. Являясь самым крупным и самым богатым феодалом, церковь могла сохранить свое высокое положение только за счет усиленной эксплуатации зависимых крестьян. К обычным кре-

¹ В. Мендл, *Z hospodářských dějin středověké Prahy, Praha*, 1925, стр. 59 (Приложение А и стр. 57 в Приложении Е).

² М. Жанус, *Výklad desatera*, ed. K. J. Erben, I, стр. 220.

³ Ф. Энгельс, *Крестьянская война в Германии*, М., 1952, стр. 35.

стьянским повинностям прибавилась «экстраординарная» так называемая «помощь», которую требовали с крестьян не только для содержания безнравственного чешского духовенства, но и для пышного папского двора¹. Концентрация земли и развитие рыбного хозяйства довели многие деревни, находившиеся на церковных землях, до полного обнищания. Протянутая для получения денег рука прелата неотступно сопровождала простого верующего от колыбели до могилы. И в час рождения и в час смерти нужно было платить церкви.

Наиболее наглядно отношение крестьянства к церкви проявляется в песне «Вперед к хвале и славе божьей»². В ней неизвестный автор (начала XV века) подробно, живо и, как мы убедимся, правдиво описал все способы, с помощью которых церковь выжимала деньги у крестьян. Едва родится дитя, уже отец слышит голос священника: «Дайте на крестины!»—он заплатит за применение обета, за благословение роженицы, за миропомазание. Но горе ему, если ребенок заболит. Не остается ничего другого, как отправиться в храм на престольный праздник, где он должен заплатить священникам за исцеление³. Едва ребенок минет семь лет, как

Усердно все твердят ему,
Чтоб он святому своему
Носил дары.

Однако поскольку эти пожертвования сам святой, естественно, собирать не может, его заместителем является священник, в руки которого и подступают эти жертвования, обязательные для всех верующих.

¹ Сравни, например, V. Chaloupcký, Selská otázka v husitsví, str. 16. О положении крестьянства смотри подробнее дальше, стр. 151 и след.

² J. Fejfalík, Altöechische Leiche, Lieder u. Sprüche des 14. u. 15. Jhdts. (Sitzungsberichte der philosoph.-historischen Classe der Akad. der Wissenschaften XXXIX, Wien, 1862, str. 651 n.) Просто непостижимо, что эта песня до сих пор не была использована и цитирована для характеристик положения народа в предгуситскую эпоху.

³ Против эксплуатации верующих во время престольных праздников говорит Петр Хельщичский: «А монахам прибыльны эти престольные праздники, потому-то они и прокляты» («O boji duchovním», str. 58).

Крестьяне, девушки, паны—
Все, как один, нести должны
Свои дары.

Взимание пожертвований было первым требованием священника к подрастающему христианину. Затем с течением времени к этому присоединялись разного рода новые платежи и повинности. На сочельник—коляда, на праздники—угощение, и не только священнику, но и его заместителю и звонарю. Если у крестьянина не было денег на коляду и угощение, он должен был откупиться зерном, пирогами или фруктами. Тяжким бременем для крестьян было освящение злаков, которое должно было обеспечить хороший урожай и животных. Священнику полагалось за освящение часть зерна, кусок освященной соли, равно как и плата при освящении и кроплении куличей и яиц. Свадьба была золотым дном для священника. Свадебные гости должны были дать церкви грош или два (пан платил больше—целый золотой); жених должен был заплатить за бракосочетание, невеста же — за введение во храм. Даже соблюдение постов, которое церковь предписывала верующим, не обходилось без платежей. Если кто-нибудь из крестьян не соблюдал поста, он платил церковный штраф. Нет нужды особо подчеркивать, что уплата десятины была основой отношений верующего к священнику. Эти регулярные платежи церковь взимала со всей беспощадностью. «Дайте сполна»,—говорили сборщики десятины и никому не прощали ни гроша. Сохранившаяся католическая сатирическая песенка, относящаяся приблизительно к 1417 году, показывает, как резко нападали гуситы на сборы пожертвований и десятины.

Для десятины и даров
Находят много резких слов:
Все норовящему забрать
Не нужно ничего давать¹.

¹ Výbor z české literatury, II, str. 243. Какой тяжестью ложились пожертвования на плечи верующих и какую значительную часть церковных доходов они составляли, показывает, например, «счет» Тржебоньского монастыря 1367—1368 годов, где из 151 коп. всех доходов на пожертвования приходится 26 коп., то есть около 20%! (A. Krejčík, Urbář z r. 1378 a Účty kláštera třeboňského z l. 1367—1407, Praha, 1949, str. XXV).

Все эти «десятины и сборы» должны были быть главными источниками священнических доходов, если нападки на них вызывают такое возмущение католического стихотворца. Разумеется, кроме десятины существовал еще целый ряд платежей, которые также усердно вымогались.

Налоги собирая с дыма,
Народ терзали нестерпимо—
Брал каждый все, что мог.

«Подать с дыма» должны были платить все. Не исключались даже батраки, которые жили в кабале. Деревенские бабы-пряжи должны были платить с веретена пряжи¹. Надежным объектом для новых вымогательств были люди, явившиеся на исповедь. Священник доводил человека до отчаяния картинками адских кар и угрозами, а затем «забирал в свой мешок» приношения и дары, которые приносили во искупление греха.

Постом, когда в церквях говели,
То из грехов людских умели
Деньжата выжимать.
Всех мукой адскою пугали
И эпитимью назначали,
Чтобы карманы набивать.

Большие суммы денег получала церковь и от заупокойных месс, причем, если у верующих не было денег, они могли заплатить за заупокойную мессу натурой. Тяжелым бичом были экстренные платежи, собиравшиеся на содержание ненасытных прелатов и панского двора. Как проходил такой визит сборщика в деревне, показывают следующие строфы:

В село как только приезжали
И подаянье призывали
На храм господен дать,
В исповедальнях угрожали,
Всем отпущенье продавали,
Чтоб денежки собрать.

¹ Так я толкую строку «платили бабы с веретен» (küzelón), которая, очевидно, ошибочно была транскрибирована Фейфаликом с «козлов» (kúzelón). Там же, стр. 653.

А коль в селе всех обобрали,
В другое тут же уезжали
Мошну потуже набивать.

Кому же было приятно отказаться платить и в результате предстать перед церковным судом. При любом поступке верующий должен был иметь «наготове гроши». Даже на богослужение нельзя было прийти без денег. Церковные служащие во время мессы обходили церковь:

С мешком к сидящим подходили
И на покров дарить просили.

И невозможно было от них отделаться; они все настойчивее, все громче повторяли: «Помогите на украшение храма». А когда верующие действительно делали пожертвования на церковь, они убеждались, что эти жертвования идут священникам, «которые дают деньги в рост». В городах положение простых и бедных верующих ухудшалось еще то, что богатые цеховые мастера,

С попами заключив союз,
Что крепче самых братских уз,
Во всем поддерживали их.

Повсюду, в селах и городах, прелаты простирали свои жадные руки. Даже нищие собирали милостыню для церкви. А если, не дай бог, деревню посещала моровая язва, единственным лекарством был звон церковных колоколов, молитвы, мессы и процессии—и опять новые потоки денег стекались в церковные кассы.

Попы, псаломщик и звонарь
Себя в беде не забывали:
Дай на обедню, на алтарь,
Дай, чтоб псалтырь читали,
А нет—так в кабалу ступай.

Даже во времена таких бедствий, как голод и мор, духовенство не забывало о своих кошельках! Стоило больному свалиться, как уж тут как тут был священник со «святыми дарами» и последним помазаньем—и, конечно, опять отнюдь не безвозмездно.

Во время мора, средь несчастья,
Поп торговал святым причастьем,
На мире прибыль загребал.

На смертном одре умирающего не трудно было побудить к тому, чтобы в завещании своем он упомянул церковь.

Священник делал вид, что ничего не просил для себя, а все для прославления святых и на нужды церкви; на деле, однако, все пожертвования он присваивал себе.

Поп с умирающих в тиши
Брал деньги на помин души,
А шли они в его карман.

На покойника священники кидались, как стая воронов. Действительно, окропление святой водой, погребение, заупокойная месса—много было возможностей загребать деньги! Покойник оставался непогребенным до тех пор, пока не вносили все платежи. Когда было, наконец, заказано и оплачено 30 заупокойных месс, «только после этого тело хоронили».

Так, действительно от колыбели до гроба верующий платил церкви за каждый день жизни, а наконец, и за самую смерть. Даже если и не верить всему, что анонимный автор этой песни рассказал о церкви и простых верующих, тем не менее нарисованные им яркие картины в основном, несомненно, отражают действительность. В дальнейшем изложении мы вернемся к этому вопросу и убедимся, что песнь «Вперед к хвале и славе божьей», с содержанием которой мы здесь познакомились, необычайно широко, живо и правдиво показывает горе крестьянства, задавленногоного церковными поборами.

Заканчивая главу о церкви в предгуситскую эпоху и резюмируя все вышесказанное, подчеркнем еще раз тот факт, что церковь в начале XV века была самым богатым феодалом Чехии. Уже в силу одного этого против нее были направлены выступления других общественных слоев. Бесстыдный грабеж чешских земель со стороны папской курии еще больше обострял и без того напряженные отношения между церковью и верующими, которых особенно возмущала «симония», обеспечивавшая роскошную жизнь прелатов, находившихся в состоянии глубокого нравственного упадка. Таким образом, против церкви выступала широкая

коалиция: в нее входили различные классы общества, начиная от дворянства¹ и кончая крестьянством, у которого было больше всего оснований ненавидеть церковных прелатов. В противовес последним низшее духовенство и бродячие священники разделяли горести простых верующих, подобно им негодовали на испорченность прелатов и все теснее сближались с народом.

Коалиция против церкви, возникшая в 1419—1420 годах и состоявшая из представителей разных классов, не могла быть прочной, так как классовые интересы крестьянства, бюргерства или бедноты невозможно было примирить с классовыми интересами дворянства. В то время как ненависть дворян к церкви проистекала лишь из желанья захватить ее богатства и владения и была, в конце концов, только поводом к обычным раздорам внутри правящего класса, ненависть крестьянства к церкви коренилась в тех глубоких классовых противоречиях, которые существовали между наиболее эксплуатируемым классом и самым жестоким эксплуататором. Дворяне прекрасно понимали, что борьба народа против церкви должна превратиться в антифеодалную борьбу, в классовую борьбу против них самих. Светские феодалы были, в сущности, неразрывно связаны с церковью.

Распри средь христиан погубят, без сомненья,
Вслед за духовенством—панские именья².

Дворянство

Светские феодалы Чехии, дворяне, в начале XV века не были единым общественным классом. Уже в предгуситскую эпоху бедные и богатые светские феодалы резко противостояли друг другу. Могущество панов и высшего дворянства основывалось на обширных земельных владениях с сидящими на них крестьянами, а также на знатности

¹ Нападения на церковную собственность были широко распространены. См. Осский формуляр, где приведено письмо цистерцианского монастыря к папе с просьбой о помощи против притеснений со стороны дворян. (P. A. Neumann, Prameny dějiny duchovenstva v době předhusitské a Husově, Olomouc, 1926, str. III.)

² Václav, Havel a Tábor (Výbor II, str. 286—304).

рода. Низшее дворянство—земаны, панюши, рыцари—хозяйничали в небольших имениях и не могли, подобно панам, похвастать столь блестящими родословными. Однако в основе разграничения лежало прежде всего богатство, так что часто богатый или состоятельный владыка или рыцарь стоял во всех отношениях выше родовитого, но бедного пана.

«А здесь, на свете, много лучше богатому крестьянину, чем бедному владыке; и богатому владыке, чем бедному дворянину»¹.

Хоть внешне в политической жизни дворянство было представлено двумя сословиями—панским и рыцарским, в действительности, однако, эта резкая грань кое-где стиралась благодаря процессу обогащения или обеднения дворян. Общей чертой дворянства было стремление получить как можно больше денег. Деньги, с помощью которых можно было построить крепкие замки и вести в них роскошную и беззаботную жизнь, были для дворян, как и для высшего духовенства, конечной целью.

Однако поток грошей и золотых мог литься в сокровищницы светских феодалов только в результате развития земледельческого производства. Земля, обрабатываемая крепостными,—вот что было источником богатства и роскоши дворянства.

Увеличивающийся спрос дворянства на дорогие товары—драгоценности, благовония, иноземные пряности и сукна—в эпоху развивающегося ремесла и торговли можно было удовлетворить только при достаточном количестве денег, которые поглощала торговля. А деньги феодал мог получить прежде всего со своей пахотной земли в результате труда крепостных. Поэтому стремление получить побольше денег было неразрывно связано со стремлением увеличить свои имения.

Кто ценить умеет поле,
Тот его расширить хочет,
Бережет, лелеет, холит,
Он его и дни и ночи².

¹ Tomáš Štítný, *Knižky šestery*, str. 176. К сожалению, до сих пор не написана подробная монография о положении дворянства в ту эпоху, и наш раздел о дворянстве представляет собой лишь общий очерк, посвященный этой проблеме.

² Smil Flaška z Pardubic, *Nová rada*, ed. Gebauer, str. 151.

Однако было очень мало дворян, которые владели бы целостными комплексами земли и могли удержать их в своих руках на протяжении нескольких поколений. В отличие от церковных вотчин светские поместья не знали институты, который, подобно целибату, гарантировал бы целостность и неделимость владения.

При наследовании по мужской и женской линии дворянские владения дробились на множество разрозненных крепостных деревень. Лишь вокруг панской усадьбы, вокруг замка или крепости лежала целостная территория, состоявшая из нескольких деревень. Разумеется, распыление крепостных деревень препятствовало интенсивному выжиманию платежей из крестьян и полному использованию их рабочей силы. Поэтому у светских феодалов, так же как и у духовных, мы встречаемся с попытками создать цельное, монолитное, а следовательно, и прочное владение. Округлению и концентрации церковных владений способствовал целибат. Благодаря ему усилия церковных феодалов были более успешны, чем усилия светских феодалов, попытки которых намечались лишь в тенденции и были полностью претворены в жизнь только после подавления гуситского революционного движения уже в конце XV века¹.

Е южной Чехии раньше, чем в других местах, встречаются попытки создания монолитных дворянских владений. Если мы обратимся к карте № 1 и проследим расположение владений пана Рожмберка в последней четверти XIV века, то увидим, что крепостные деревни кое-где составляли монолитные земельные владения, сосредоточиваясь, например, вокруг Чешского Крумлова, Рожмберка, вокруг Пришибениц и Пришибеничек. Эти области являлись тем ядром, вокруг которого выкристаллизовывалось большое владение. Для экономической политики Рожмберков, несомненно, характерна тенденция к концентрации. Однако тогда не было сплошных крупных владений—некоторые области (например, Бероунская и Быдзовская) совершенно отпадали от южночешского центра, где только в XV—XVI веках полностью сосредоточился массив монолитных крупных владений. В то же время карта подтверждает, что дальность расстояния между крепостными деревнями

¹ Ср. F. Hrubý, *Z hospodářských převratů českých v stolicích 15. a 16. st. n. l.*, ČSN, XXX, 1924, str. 205 n.

очень затрудняла их эксплуатацию и управление ими. Рожмберкское панство, уже в 70-х годах XIV века имевшее в своем составе более 480 деревень, дворов, местечек и городов, в начале XV века еще более расширилось. Например, новоградское панство в период 1380—1390 годов увеличилось на 13 деревень, которые были присоединены к первоначальному владению¹.

Начинание Рожмберков — округление новоградского панства — не было единичным явлением; подобные стремления мы можем предполагать и у других панов; это видно из сочинения Ондржея из Брода, который, говоря о происхождении гусизма, очень подробно останавливается на положении чешского дворянства². Ондржей из Брода выражает недоверие к заявлениям тех панов, которые утверждали, что участие чешского дворянства в гуситском революционном движении было борьбой за «божий закон». Он хотел заглянуть глубже, узнать, почему чешское дворянство подняло оружие против церкви, точно выяснить причины, заставившие панство устремиться вслед за крестьянами и ремесленниками в гуситские войска. Ондржей предоставляет слово самим чешским дворянам. «А земельные участки, лежащие в *ближайшем соседстве* (курсив мой. — И. М.), будут нам подвластны вместе с нашими замками и крепостями». Подобные тайные мысли и вожеления были присущи не только отдельным, но и всем феодальным панам. Правду говорит изречение, что корнем всякого зла является жадность. Ясно, что Ондржей из Брода имел в виду именно эту черту всего панства, стремление сконцентрировать, округлить родовые владения, в данном случае за счет церкви.

Средством подобной концентрации владений была покупка крепостных деревень для присоединения к новоградскому рожмберкскому панству. Иосиф Шуста, коснувшись расширения новоградского панства Рожмберков, пришел к выводу, что «это одно из доказательств того важнейшего явления экономической истории предгуситской эпохи — роста и округления панских крупных владений за счет более мелких»³. Это действительно конкретный пример начинаю-

¹ J. Š u s t a, Purkrabské účty Novohradské z l. 1390—1391, str. 17 (Historický archiv č. 35, Praha, 1909).

² Tractatus de origine Hussitarum, ed. Höfler, II, str. 349.

³ J. Š u s t a, Purkrabské účty Novohradské z l. 1390—1391, str. 17.

щейся концентрации и округления поместий в руках чешского панства.

Такая экономическая политика дворянства, которая, очевидно, была характерна не только для южной Чехии и Рожмберков, проводилась отнюдь не мирным путем и имела серьезные последствия в социальной и политической жизни предгуситской Чехии. Я уже упоминал, что всеобщая страсть к накоплению, к деньгам вызывала раздоры среди феодалов (особенно между церковью и дворянством). Однако концентрация и расширение земельных владений в руках панства прежде всего представляло угрозу мелкому, низшему дворянству. Земанам, владыкам, рыцарям, обладавшим небольшими замками и крепостями, принадлежало обычно незначительное количество деревень и крепостных. В экономическом отношении эти рыцари не могли конкурировать со своим богатым и сильным соседом и поэтому, испытывая постоянную финансовую нужду, были вынуждены продавать свои деревни панам, которые, таким образом, за их счет округляли и увеличивали свои родовые владения.

По нашим сведениям, при создании рожмберкского панства у низшего дворянства были скуплены соседние деревни в Новоградском округе¹. Таким образом, процесс создания обширных концентрированных панских поместий сопровождался кризисом низшего дворянства².

¹ Шуста (J. Š u s t a, Purkrabské účty Novohradské z l. 1390—1391, str. 17) убедительно показывает, что владельцами вновь приобретенных деревень по соседству с рожмберкским владением были земане. В. Шмидт (V a l. S c h m i d t, Beiträge zur Agrar- und Kolonisationsgeschichte der Deutschen in Südböhmen III—MVGDB, XXXV, str. 90—91) опять-таки указывает на исчезновение из рожмберкского панства у Высшего Брода независимых землевладельцев, которые «добровольно» обязывались вносить платежи. И здесь имело место давление, которое могущественные паны оказывали на соседей при расширении и концентрации владений.

² Я придерживаюсь здесь, как это видно из текста, основных фактов, установленных И. Шустой и поддержанных Ф. М. Бартошем (например, «Z Žižkových mladých let», 1922, str. 8 n. и «Z nejstarších osudů Trocnova a rodiny Žižkovy» v JSH, I, str. 119 n.) и Урбанеком (R. U r b á n e k, České dějiny, III—1, str. 417). Напротив, Й. Пекарж (J. P e k a ř, Žižka, I, 279, pozn. 5) отрицает тот факт, что низшее дворянство в предгуситскую эпоху становилось жертвой панской экспансии. «Создание и концентрация панских поместий за счет мелких имений владык начинается лишь с середины XV века и достигает высшей точки в XVI веке». Никто не

Для мелких земанов, владык и рыцарей, владения которых все уменьшались, было жизненно важно дать отпор росту панских владений. Правда, некоторые пытались найти выход в том, что поступали на службу либо к своим мощным соседям (например, служащие, кастеляны в рожмберкских панствах были сплошь из рядов мелкого дворянства) и к королю, либо в рыцарские армии как на родине, так и за границей. Но были и такие, которые предпочли бороться с оружием в руках против своих врагов. Ниже при жизнеописании Яна Жижки из Троцнова и других таборитских гетманов мы познакомимся с типичными судьбами этого беднеющего мелкого чешского дворянства. С другой стороны, те рыцари и земаны, которые удержались в родном имении, изо всех сил старались защитить источник своего существования и в области политической помешать панству завладеть земским управлением, безраздельно захватить в свои руки государственный аппарат и сделать его оружием подавления всех остальных социальных слоев. Они призывали к укреплению рыцарства и вообще низшего дворянства в земском управлении и выступали против

отрицает, что собственно упадок рыцарства приходится на XVI век. Однако несомненно и то, что кризис низшего дворянства начался уже в предгуситскую эпоху. Этого Пекарж не может опровергнуть, так как свою концепцию он строит на домыслах и предвзятом желании доказать, будто гусизм не имел ничего общего с социальным кризисом. И тут его желание определило его концепцию. Поэтому и в семинаре по его заказу была написана поверхностная работа К. Режнего (K. Režný, Zanikání vladyských statků v Budějovicích, Hradecku a Tábořsku, ČSPS, XXXV, 1927, str. 64 n.), который доказывал, например, что в Таборском округе до середины XV века исчезают имена владык, в Будёвицком—5, в то время как они в основном исчезли в XVI веке. «Массовое исчезновение имений владык начинается после 1450 года и в целом кончается к 1684 году» (там же, стр. 65). Однако выводы Режнего в основе не опровергают установленного Шустой факта, что именно мелкие имения владык отступают перед Рожмберками. Дело идет не о полном исчезновении этих поместий, но первоначально об уменьшении их в интересах панов. Режний не учел, и в этом методологический недостаток его работы, что от предгуситской эпохи сохранилось гораздо меньше источников по этому вопросу, чем, например, сохранилось от XVI века, поэтому его статистические вычисления, важные для XVI века, не имеют цены для XIV и начала XV века. По-моему, правильно наметил развитие чешского дворянства Урбанек (R. Urbanek, České dějiny III—1, str. 417): «Кризис южночешского земанства, мелкие имения которого грозило поглотить панское владение, главным образом Рожмберкское, задержала гуситская буря, превратившая многих мелких земанов в могучих военных гетманов».

панов прежде всего в вопросе о земских учреждениях и королевском совете.

Земские должности привлекали родовитых панов не только потому, что давали им возможность участвовать в управлении страной и усиливали блеск их рода. С замещением должностей были связаны также и доходы, а главным образом возможность незаконно вымогать все новые и новые поборы. Мы уже видели, как деньги превратили церковные бенефиции в предмет торговли (симония); подобно этому предметом торговли дворян стали светские должности. Вспомним, как Гус клеймил обладателей многих бенефициев, тех, кто покупал бенефиции лишь для того, чтобы «благоденствовать за счет верующих». Дворянин Смил Флашка из Пардубиц обращает внимание на подобное поведение дворян:

На теплое местечко пробираются
И на народе наживаются.
Налог сначала соберут
Его панам сполна внесут,
Потом еще на люд нажмут,
И уж свою мощну набыют.
Как много зла от этого бывает!¹

Целью феодала, получавшего должность, было добыть деньги. Паны домогались должности и затем продавали ее «заместителям», которые, разумеется, должны были стараться наполнить не только собственные карманы, но и карманы своих панов, официальных земских должностных лиц. «Как много зла от этого бывает!» И сколько вражды в среде самих феодалов между богатыми панами и низшим дворянством! Деньги сделали из должностных лиц, постав-

¹ Smil Flaška z Pardubic, Nová rada, ed. Gebauer, Praha, 1876, str. 77. Автором «Нового совета» был племянник первого пражского архиепископа, участник мятежа панского союза (1395) против Вацлава IV. Гебауэр относит написание «Нового совета» к 1394—1395 годам. Подробный обзор возникновения и значения «Нового совета» дан у И. Б. Чапека (J. B. Čapek, Vznik a funkce Nové rady, VKČSN, 1938, zvl. ot. Praha, 1937). Чапек различает две редакции: первую он относит приблизительно к 1378 году, другую—к 1394—1395 годам, к моменту первого столкновения короля с панами и их временного примирения. Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Čechy v době Husově, Praha, 1947, str. 58, p. 1) относит возникновение «Нового совета» к 1384 году. Новое издание «Нового совета» подготовил Даньгелька (J. Daněš, Praha, 1950).

ленных волей короля, не представителей власти, а алчных хищников.

Король, коль хочешь блага всем,
Ты должности давай лишь тем,
Кто любит свой родимый край—
В овчарню волка не пускай,—

так говорит Чап, обращаясь к королю в стихотворении Смилы¹. Король Вацлав IV, которому были адресованы эти воззвания, не мог замещать земские должности по своему усмотрению, но должен был назначать на должность кандидатов, выдвинутых дворянством.

Все знали, что должности—это источник денег. Ондржей из Дубы, «laudator temporis acti», уже в конце XIV века отмечает, что дворяне по-новому стали относиться к должностям. «Ибо, думается мне, мало, к сожалению, осталось чешских панов, которые бы помнили, что их отцы считали законным; и не помня и не зная этого, каждый по своему произволу, по своему усмотрению на своих должностях немилосердно выжимает гроши, что противно старинным установлениям»² (курсив мой.—И. М.). Стремление превратить свою должность в золотое дно имело особенно далеко идущие последствия в судопроизводстве, где путем взяток и обмана можно было получить огромные доходы, забыв о правде и справедливости.

А деньги всюду суд вершат:
Как захотят, так повелят
И правду в кривду превратят³.

Смил сказал хорошо: «Деньги всюду суд вершат». Такое поведение должностных лиц не только породило раздоры внутри дворянского класса, но и отражалось на широких слоях народа. В некоторых областях паны имели право выносить смертные приговоры, то есть им была предоставлена вся совокупность судебных прав. А если такой правитель считал свою должность источником прибыли—горе тем бедным и неимущим, которые попали в его руки. Чап в «Новом Совете» Флашки горько жалуется на этих правителей:

¹ Smil Flaška z Pardubic, Nová rada, str. 119.

² Ondřej z Dubé, Práva zemská česká, ed. F. Čáda, Historický archiv č. 48, Praha, 1930, str. 115.

³ Smil Flaška z Pardubic, Nová rada, str. 79.

Правитель, лихоимец злой,
Вред от тебя стране большой,
Людьми ты должен честно править,
А не безбожно бедных грабить.
Иль ты считаешь по-иному?
И потакаешь только злему?
Ты бедняков, забывши жалость,
За всякую караешь малость.
Снимаешь за козу рубаху,
За курицу пошлешь на плаху.
Ты сам сто коп берешь по праву.
А сколько потому, что нет управы
На захвативших власть злодеев,
Что грабят всех и богатеют,
На смерть безвинных посылая
И ни за что не отвечая?¹

Этот отрывок поучителен по ряду причин. Он показывает, что должность правителя была доходна уже благодаря самой законной оплате («сто коп»), а остальные доходы получались от взяток. Как и другие должности, должность правителя была орудием классового угнетения, орудием защиты классовых интересов феодалов. Богачам многое спускалось, а бедняков, пойманных даже на небольшой краже, осуждали на казнь.

Концентрация земельных владений, борьба за источники дохода, за земские должности, за участие в земском управлении—все это было причиной трений в среде самих феодалов; в среде дворян происходили периодические, а порой и постоянные раздоры. Ведь оскорбление «дворянской чести» было достаточным поводом к тому, чтобы обиженный объявил войну и с оружием в руках «защищал свою честь». Тем больше лилось крови, когда решался вопрос о каком-нибудь имении, о пограничной деревне, пруде или лесе. Конец XIV и начало XV века в Чехии наполнены феодальными раздорами—первыми предвестниками кризиса правящего класса. Напрасно выступал против них Штитный: «О тех войнах, которые в здешней земле ведут между собой правители, я полагаю так: внезапное хищническое нападение должен всякий тотчас же отражать и защищать от насилия себя и своих людей... но получается

¹ Smil Flaška z Pardubic, Nová rada, str. 115.

так, что тот, кто начинает войну, считает, что он прав и все, что он на ней добудет, по праву принадлежит ему, а если из-за этого потерпят убытки его люди, то будто бы он не должен их возмещать»¹. Напрасно автор призывает дворянство решать спорные вопросы по возможности мирным путем. Меч в руках дворянства был самым убедительным и самым действенным аргументом. Откройте «Книгу казней» панов из Рожмберка (1389—1429), и вы столкнетесь во многих записях именно с таким понятием средневековой войны на юге Чехии².

Мелкие отряды под командой рыцарей и владык, к которым присоединялись все, кого феодальный строй поставил вне общества и принудил искать средства к существованию при помощи оружия, бродили по лесам, нападали на панские поместья, захватывали купеческие обозы, возмещая свои убытки из имущества врага, которому они объявили войну. Иногда они давали себя втянуть и в более крупные стычки, в ходе которых сводили свои счета. Тогда кровь этих отщепенцев феодального общества проливалась за честь

¹ Tomáš Štítný, *Knížky šestery*, str. 166—167.

² *Porpravčů kniha pánův z Rožmberka*, ed. F. Mareš, Praha, 1878. Разбор толкования Пекаржа и полемика с ним даны на стр. 401 и сл. Отметим только, что те объяснения, которые Пекарж дает боям, происходившим накануне гуситского революционного движения (они упоминаются в «Книге казней»), неверны; Пекарж толкует их исключительно как проявления «феодальной заносчивости», что касается земанов, то они, по его мнению, «группировались вокруг панов только из-за жалованья». Это объяснение основывается на неправильном понимании положения низшей шляхты (см. стр. 122, прим. 1).

Поскольку среди борющихся отрядов находился и Жижка, Пекаржу нужно было доказать, что эти мелкие дворяне, вставшие во главе отрядов, боролись против Рожмберков не в результате своего тяжелого положения, а «из заносчивости» и «ради жалованья». Поэтому Пекарж так откровенно отрицал кризис низшего дворянства. Ход мысли Пекаржа (от предвзятой мысли к «доказательству») был следующий: Жижка был разбойник и грабитель, если он и был участником борьбы мелких отрядов на юге Чехии, то ведь члены этих отрядов, боровшихся из заносчивости и ради жалованья, были разбойниками. А раз так, то ни о каком кризисе низшего дворянства и речи быть не может. О феодальных раздорах сравни также письмо магистра Яна Гуса пану Худобе из Вартенберка и Ральска: «...vestra nobilitas in rapturam sit conversa, nunc arestando bona hominum, nunc capiendo clientes, bona eorum auferendo...» (V. Novotný, *M. Jana Husa korespondence a dokumenty*, Praha, 1920, str. 18) или отдельные сведения о волнениях у В. В. Томека (V. V. Tomek, *Dějepis města Prahy*, III, Praha, 1875), сравни также гл. V, стр. 272 и сл.).

и успехи пана. В этих отрядах находили прибежище мелкие дворяне, попавшие между жерновами панских доменов¹.

Мы уже говорили о различных формах, в которые выливался кризис низшего дворянства. Уход в леса и борьба во главе вооруженных отрядов за право и за пропитание было последним прибежищем для тех, кто потерял свои усадьбы и имения в процессе расширения панских владений и кто не мог удовлетвориться крохотной крепостью с прилегающим к ней клочком земли.

Борьба южночешских вооруженных отрядов в конце XIV и в начале XV веков, изображенная наряду с другими преступлениями и злодеяниями в «Книге казней» панов из Рожмберка, является примером феодальных раздоров и доказательством кризиса феодального общественного строя. Бои на юге Чехии не были отдельными случайными явлениями; даже на основании скудных сведений, которыми мы располагаем, можно установить, что эти столкновения тянулись непрерывной нитью. Поэтому в основном можно согласиться с оценкой И. Шусты: «Действительно, здесь происходили междоусобные бои, которые были обусловлены социальными причинами и были весьма характерны для правления Вацлава IV. Дробление родовых имений и возросшие требования общественной жизни довели тогда низшее дворянство до тяжелого кризиса; многие земаны, потерявшие прочную экономическую базу, искали средств к существованию в военной службе и приветствовали внутренние неурядицы, которые создавали возможность для мелких нападений на сословия, находящиеся в лучшем положении, — на города и панов. Это не было исключительно чешским явлением, подобные отношения характерны и для Германии того времени»². Я умышленно привел оценку этих феодальных раздоров, данную Шустой, чтобы показать что для непредубежденного историка причины данного

¹ Конечно, отчасти можно согласиться и с Й. Пекаржем (Pekář, *Žijka*, II, str. 31) в том, что эти мелкие южночешские вооруженные отряды порой втягивались в военные предприятия, спровоцированные чужими панами. Однако то, что Пекарж говорит о «разбойниках», желая идентифицировать членов этих отрядов с разбойниками и тем подтвердить свою гипотезу, неубедительно. Это многомудрые, однако бесполезные попытки во что бы то ни стало доказать, будто подобного рода раздоры не имеют ничего общего с кризисом феодализма.

² J. Šusta, *K otázce stáři Žizkova, Úvahy a drobné spisy historické*, I, Praha, 1934, str. 359.

явления ясны. С подобным положением мы встретимся во всех странах западной и средней Европы, примером этому — так называемая Столетняя война во Франции (см. об этом в нашей вводной главе о всеобщем кризисе феодализма).

О положении в соседней Австрии достаточно ясно свидетельствуют слова анонимного австрийского хрониста, который сообщает о феодальных раздорах в Австрии: «Все те, которые считались благородными, — рыцари и паноши и некоторые паны, что жили на Моравском поле и вверх до Гадсрука (Верхняя Австрия), были ворами и предателями и соучастниками чехов»¹.

Всеобщий кризис феодализма сопровождался феодальными раздорами, открытыми военными столкновениями. Поэтому раздоры, набеги, грабежи и пожары, которые описаны в «Книге казней», не являются исключением: они были проявлением кризиса чешского правящего класса. Богатства высшего духовенства Чехии привели его к разложению, и это побуждало бедных проповедников на борьбу с «порчей церкви». Жажда денег, концентрация земельной собственности, кризис низшего дворянства были фоном, на котором разыгрывались междуусобные бои чешского дворянства, феодальные усобицы предгуситской эпохи. Следует подчеркнуть, что это были столкновения и войны внутри правящего класса, и та и другая стороны принадлежали к эксплуататорам².

Расколотое изнутри, чешское дворянство отнюдь не находилось в мирных отношениях с остальными классами общества. Между дворянством и остальным чешским общест-

вом в предгуситскую эпоху имелось достаточно противоречий, которые непрестанно обостряли и без того напряженное положение. Выше мы уже говорили о том, что церковь с успехом осуществляла концентрацию своей земельной собственности, и именно благодаря этому ее интересы вступали в противоречия с интересами дворянства. Стремления дворянства расширить собственные земельные владения, ~~разумеется~~, находились в противоречии с концентрацией земельной собственности вокруг монастырей и других церковных учреждений. Богатство церкви возбуждало жадность панов и обусловило их выступление в корыстных интересах против церкви. Это же привело к тому, что многие из них присоединились к гуситам. Ондржей из Брода, обративший внимание на эту скрытую цель чешского крупного дворянства, разоблачал и его дальнейшие намерения: стремление получить имущество бюргеров и воспользоваться королевскими дарами.

«Вот в чем заключается подоплека, задняя мысль панов, вот где то оружие, которое они держат за пазухой. *Смотри-ка, думают они, бюргеры становятся сильнее нас, церковные земельные владения расширяются, король славится богатством и землями. Если мы не хотим попасть в зависимость от них, нужно приложить все усилия, чтобы натравить бюргеров на короля.*

Если мы добьемся этого, мы обогатимся и с радостью разделим между собой земельные владения духовенства или бюргеров. Если же его королевская милость станет на сторону бюргеров и склонится к их взглядам, согласно которым духовенство не должно владеть имениями, то эти имения непременно будут дарованы нам (курсив мой. — И. М.).

Если же король не согласится, зазвонит оружие и разразятся здесь и там войны, вырастет плата за службу в войсках, паноши и рыцари, живущие войной, опять разбогатеют»¹. Ондржей из Брода, проницательный и опытный наблюдатель, показал, каково то оружие, которое «держали за пазухой» чешские паны, рвавшиеся в бой против церкви. Он раскрыл истинные цели и намерения чешских панов, стремившихся использовать борьбу бюргеров и бедноты против церкви.

¹ Ondřej z Brodu, Tractatus de origine Hussitarum, ed. Höfler, II, str. 347.

¹ А. Нубер, Geschichte Oesterreichs, II, s. 396.

² Хотя Пекарж считает, что «в Австрии так же, как и в Чехии и в Моравии, усиливалось это движение грабителей-рыцарей» (J. Pečár, Žižka, II, str. 31 n.), он, однако, не делает из этого сравнения логического заключения и не задает себе вопроса об общественных причинах данного явления, а использует эту параллель для того, чтобы вновь преуменьшить и снизить значение гуситства. «К тому положению, какое, как мы знаем, сложилось в Чехии в эпоху гуситских войн, мы пришли в нашей стране уже за несколько лет до взрыва революции» (J. Pečár, Žižka, II, str. 35). Однако Пекарж обосновывает свое утверждение, будто в гуситстве нужно видеть продолжение этих стычек; он не сравнивает гуситское движение, его программу, содержание и движущие силы с предгуситскими феодальными раздорами. Тут дело идет в основном о раздорах внутри правящего класса, в то время как в ходе гуситского движения разгоралась классовая борьба эксплуатируемых против эксплуататоров.

Такое понимание панских замыслов дворянства мы находим не только у Ондржея. Оно отразилось и в следующих современных той эпохе стихах неизвестного автора:

Немало алчущих панов
Пришло в ряды еретиков.
У них иной был в жизни путь,
Да горе им пришлось хлебнуть.
Им нужно, чтоб беспечно жить,
Богатства церкви захватить,
Князя в войну из-за земли
Дворян помельче вовлекли¹.

В связи с этим следует указать на тот интересный факт, что и Эбергард Виндеке, придворный Сигизмунда, участник осады Праги крестоносцами в 1420 году, резко обвинял чешское дворянство, которое, по его словам, действует только из желания захватить огромные земельные богатства церкви. «Все это они лишь делали, чтобы получить имения духовенства, ибо мужские и женские монастыри и их поместья были уничтожены и разрушены—добрых 42 монастыря и доходные поместья. А они (дворяне.—И. М.) стремились получить эти владения»². Таким образом, только в ходе революционного движения дворянство обнаруживает свое действительное лицо. Дворяне без колебания захватывают церковные владения независимо от того, принадлежат ли они гуситам или католикам³. Отношение светских феодалов к церковным можно охарактеризовать как жажду новых захватов и взаимное соперничество. С другой стороны, немало было дворян, которые понимали, что они своими интересами связаны с церковью—одним из столпов феодаль-

¹ Песнь «Slyžtež všichni, poslúchajte», ed. J. Sedlák, Studie a texty, III, str. 105 n.

² Eberhard Windecke, Denkwürdigkeiten zur Geschichte des Zeitalters Kaiser Sigmunds, ed. W. Altmann, Berlin, 1893, str. 133 n.

³ Следует, например, обратить внимание на захват поместья Златокорунского монастыря «всегда верным» Ольдржихом из Рожмберка (этот монастырь король Сигизмунд передал в управление Ольдржиху 1 октября 1420 года). (Listář a listinář Oldřicha z Rožmberka, I, Praha, 1929, str. 24, č. 39.) Ср. также дарственные документы на церковные имения, выданные Сигизмундом чешскому дворянству, у Новачка (J. V. Nováček, Sigismundi regis Bohemiae litterae donationum regalium (1421—1437), VKČSN, 1903) и у Палацкого (F. Paláců, Dějiny národu českého v Čechách a na Moravě, 3 vydání, Praha, 1877, díl III—1, str. 409 n.)

ного строя. Им было ясно, что для широких слоев народа и дворянство и высшее духовенство равно являются эксплуататорами. Петр Хельчицкий, охарактеризовавший этот союз креста и меча, высказал предположение, что столь порочная церковь давно бы пала, если бы ее не поддерживала светская власть. «А нам известно, что с помощью этой светской власти Антихрист и сделал бессильной веру христову, и та великая блудница, которая воссела на римском престоле, имеет возможность распространять свой яд только благодаря этой светской власти»¹. Поэтому паны, как бы страстно ни стремились они к захватам церковных поместий и сколько бы ни присвоили обширных владений церкви, никогда, тем не менее, не ставили целью полную ликвидацию ее как феодального института. Ведь тем самым они подрубили бы сук, на котором сидели.

Против городов панство выступало совершенно открыто, так как в принципе их позиции были в корне противоположны. «Город уже представляет собой факт концентрации населения, орудий производства, капитала, потребностей и способов их удовлетворения, между тем как в деревне мы наблюдаем диаметрально противоположный факт изолированности и разобщенности»². Феодалы опирались прежде всего на свои владения, старались превратить их в экономически самостоятельные единицы. Города, опиравшиеся на ремесло и торговлю, стремились сохранить свои привилегии и втянуть деревню в сферу городской торговли. Торговые пути проходили через владения феодалов, вследствие чего не было недостатка в поводах к бесконечным спорам и столкновениям.

В литературе эти раздоры городов с феодалами нашли отражение в «Песне о Штемберке» неизвестного автора конца XIV или начала XV веков, повествующей о смерти молодого дворянина, который положился на свою свиту из мельницких бюргеров, но был ими схвачен и убит.

Стар или млад, но твердо знай:

Ты в поле воин—не зевай

И никому не доверяй³.

¹ Petr Chelčický, O trojím lidu, str. 51.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 40—41.

³ Výbor z literatury české, II, str. 446. Ср. Jakubec, Dějiny lit. české, I, str. 276.

С таким поучением автор, очевидно симпатизирующий молодому Штемберку, обращается к феодалам: не верьте городам!

Дворяне собирали пошлины, мытные и другие платежи, душившие торговлю и удорожавшие товар. Томас Штитный говорит о взимании мытного с тех, «кто торговлей добывает деньги»¹, как о само собой разумеющемся явлении. Однако для городов это было постоянным и тяжким гнетом.

Противоречия между дворянством и городами усиливались еще и тем, что король использовал королевские города в качестве экономической, финансовой и военной опоры для ограничения панских притязаний. С развитием ремесла и торговли города пытались даже добиться участия в земском управлении. Для панов, считавших себя единственными должностными лицами и правителями в стране, эти попытки «холопов» (так называли они бюргеров) были еще одним поводом к открытой вражде.

Раздоры между крупным дворянством и городами возникали и в том случае, когда города покупали земельные владения. Вокруг городов было много деревень и дворов, владельцами которых были патриции и бюргерство. Таким образом, в борьбу за землю вступил новый противник, с которым дворяне хотели свести счеты. Постоянные финансовые затруднения феодалов, заставлявшие их прибегать к помощи городских ростовщиков и купцов, также не способствовали добрым взаимоотношениям между дворянством и городами. Пока во главе городов стояли патриции, не было оснований бояться открытого мятежа, так как эти наиболее видные фамилии в городе нередко находили общий язык с дворянством и, желая сохранить мир внутри города, не решались на открытые столкновения.

В то время как чешские города были защищены от феодалов королевскими привилегиями и городскими стенами, чешские деревни в предгуситскую эпоху были отданы на полный произвол дворянам. Согласно свидетельству Штитного, паны имели по отношению к подданным не только права, но и обязанности: ведь «община», то есть масса подданных, существует на свете не для того, чтобы кормить пана. «А также и каждый властитель—император, король,

¹ Tomáš Štítňý, *Knížky šestery*, str. 155. О положении городов см. подробнее стр. 136 и след.

пан или самый маленький помещик, если он хочет правильно понять божье установление, не должен считать, будто община, которая ему подвластна, существует для него; но пусть он знает, и это чистая правда, что пан поставлен для народа, общины. Ведь никто не родился паном, императором или королем, и первоначально не было панов, а все люди были равны; но людская злоба повинна в том, что вы над собой должны иметь панов»¹. Какую силу могло иметь подобного рода замечание южночешского владыки—мечтателя, который не мог примириться с тем, как паны относятся к крестьянам? Это были всего лишь слова, которые отнюдь не могли разрушить неприступные стены рыцарских замков. Дворяне видели в подданных источник своего благополучия и роскоши. Поэтому они не обращали внимания на призывы уменьшить гнет, падавший на крестьян, равно как и на такого рода поученье: «Если кто от другого берет оброк, должен сам предоставить ему то, за что получает оброк, помогать ему и сколько возможно охранять его»².

На плечи крестьян ложилось постоянно усиливающееся бремя—регулярный феодальный оброк, военные поборы, чрезвычайные платежи, пошлины, судебные взносы, применялись и иные средства угнетения. В процессе ограбления крестьянства, как говорил Ян Гус, церковь действовала рука об руку с дворянством, «вымогая у народа деньги, прибегают к следующим способам: во-первых, бедноту чрезмерно обируют, во-вторых, злоупотребляют штрафами, лишая бедняков платы... в-третьих, у нее бесплатно берут припасы или взимают платежи или налоги, а сами не охраняют крестьян и не выполняют по отношению к ним других обязанностей. Ибо паны, согласно божьему закону, должны учить своих крестьян, управлять ими и их охранять. В этом повинны также и священники, которые обируют крестьян, собирают налоги и платежи и не наставляют бедняжек; они бесстыдно грабят, дурно управляют, а для защиты не годятся. Господи, дай им разумение, чтобы они прекратили этот грабёж»³.

Этими словами Гус вкратце охарактеризовал главные формы классового гнета, который давил «бедных подданных».

¹ Tomáš Štítňý, *Knížky šestery*, str. 152.

² Там же, стр. 154.

³ M. Jan Hus, *Výklad desatera*, ed. K. J. Erben, I, str. 213.

Для Гуса «забота» дворянства о крестьянах была не чем иным, как грабежом. Практически дворянам даже в голову не приходило, что они сами имеют обязанности по отношению к крестьянам. Если же во время беспрестанных феодальных раздоров паны все же заступались за своих «бедняков», то есть за крестьян, это происходило исключительно потому, что паны видели в них часть своего имущества. Защищая своих крестьян, дворяне защищали источник своего существования. «А если иногда они и защищают своих подданных, то не как курочка своих цыпляток от коршуна, а как пес защищает добычу, чтобы ее не ели другие псы, а чтобы самому обглодать ее»¹. В этой яркой картине Штитный показал действительное отношение дворянства к подданным: пес и добыча, эксплуататор и беззащитные эксплуатируемые. Вопрос заключался в том, как долго крестьянство будет беспомощной жертвой в когтях феодалов, долго ли до взрыва, когда «добыча» превратится в борца, мстящего за столетия обиды и страдания.

Города

Чешские города в предгуситскую эпоху были центрами развивающегося ремесла и торговли². Ремесленное про-

¹ Tomáš Štitný, *Knížky šestery*, str. 152. Классическое по своей пошлости понимание этой цитаты мы находим у Халоупецкого (V. Chaloupěcký, *Selská otázka v husitství*, Bratislava, 1926, str. 15). Халоупецкому нужно было доказать, что крестьянство в предгуситскую эпоху находилось в благоприятном положении, чтобы тем самым никому не могло бы прийти в голову, что борьба гуситов была классовый борьбой. Однако при такого рода концепции ему мешала вышеприведенная цитата из Штитного. Поэтому он частично ее искажил... (напечатал лишь половину) и изложил так, будто упоминание о том, что пан защищает крестьян, «как пес добычу», относится к давнейшей эпохе; «как бывало в Чехии в давние времена», хотя в обеих частях предложения стоит настоящее время и из контекста ясно, что Штитный говорит о современной ему Чехии. То, что Халоупецкий говорит о «просвещенности» Штитного, относится к области чистых домыслов. Штитный был типичным идеологом феодалов—это подтверждают все его произведения. Он осуждал действия помещиков не потому, что отстаивал интересы эксплуатируемых, а потому, что опасался революционного взрыва, неизбежного в том случае, если бы эксплуатация крестьянства стала чрезмерной. Его «просвещенность» состояла в том, что он видел дальше, чем прочие феодалы, об интересах которых он заботился.

² Этот абзац написан на основе исследований Мендла (V. Mendl, *Sociální krise a zápasy ve městech čtrnáctého věku*, zvl. ot. z ČSN, XXX n., Praha, 1926; *Hospodářské a sociální poměry*

изводство в городах находилось под охраной городских стен и привилегий. Продукты ремесла потреблялись преимущественно в самом городе или в его ближайшей округе. Обмен изделий ремесла на сельскохозяйственные продукты происходил на еженедельных базарах.

В истории Чехии предгуситской эпохи мы нигде не встречаемся со случаями, когда ремесленные изделия возились бы дальше местного рынка. «Большая часть ремесленников работает на местные нужды»¹.

Не только преобладание ремесел, непосредственно удовлетворяющих потребности местного рынка (например, ремесла мясников и пекарей, бывшие в числе самых богатых), но также прежде всего характер специализации ремесла доказывает, что ремесленное производство в наших городах в своем развитии не выходило за рамки местных потребностей. «Каждый рабочий должен был знать целый ряд работ, должен был уметь делать все, что можно было сделать при помощи его инструментов; ограниченное общение и слабая связь отдельных городов между собой, скудость населения и ограниченность потребностей препятствовали дальнейшему разделению труда, и поэтому каждый, желавший стать мастером, должен был овладеть всем своим ремеслом»². Если, например, кузнец, обрабатывающий железо, хотел угодить заказчику, он должен был при тогдашнем состоянии производительных сил специализироваться, скажем, только на выработке мечей, шпор, подков и т. д. Таким образом, на заре развития ремесленного производства мы встречаемся лишь со специализацией труда, характерной для ремесел в чешских городах. Мы находим множество близких друг другу ремесел, существующих, однако, совершенно самостоятельно. В Брно в 1365 году насчитывалось 85 видов различных ремесел, а в Старом Месте Пражском в 1429 году их было 77. В деревнях, разумеется, имела место менее дробная специализация ремесленного производства. Характер этой специализации является доста-

v městech pražských v l. 1378—1434, ČSN, XXII; *Z hospodářských dějin středověké Prahy*, zvl. ot. z SPDMP, V, Praha, 1925), а главным образом Грауца (F. Graus, *Městská chudina v době předhusitské*, Praha, 1949; *Český obchod se sukem ve 14 a počátkem 15 stol.*, Praha, 1950; *Soukenictví v době předhusitské*, *Sborník pro hospodářské a sociální dějiny*, I, str. 164—183).

¹ V. Mendl, *Sociální krise a zápasy ve městech čtrnáctého věku*, str. 134, и F. Graus, *Chudina*, str. 112.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 42—43.

точным доказательством того, что ремесленное производство в чешских городах не развилось еще настолько, чтобы создались капиталистические отношения, связанные с разделением труда; частичное разделение труда мы находим в Чехии лишь в суконном производстве—единственном ремесле, где в силу самого производственного процесса разделение труда было необходимо¹. Однако суконное производство в предгуситскую эпоху ни в одном из чешских городов не получило столь значительного развития, как, например, во Фландрии или в Италии. Источники свидетельствуют о том, что чешское сукно редко шло на заграничные рынки.

Из-за этого и торговый баланс чешских городов был в целом пассивным, так как продажа продуктов ремесленного производства не могла компенсировать ввоз сукон, пряностей и других заграничных товаров. Эта пассивность чешской торговли компенсировалась вывозом драгоценных металлов; основным видом чешской торговли была торговля транзитная.

Через Прагу, стоявшую на перекрещивании транзитных путей с юга на север и с запада на восток, шла большая часть заграничной торговли. Особенно расширилась торговля при Карле IV, который из фискальных соображений всемерно стремился превратить Прагу в крупный торговый центр. В середине XIV века Прага стала торговым центром Центральной Европы. Однако тот факт, что в основе этого расцвета Праги лежала транзитная торговля, полностью зависевшая от мероприятий государей и других феодалов, имел своим следствием постепенный упадок пражской транзитной торговли, начавшийся с конца XIV века. Вацлав IV потерял влияние в «Священной Римской империи германской нации», феодалы соседних стран, старавшиеся извлечь выгоду от перемещения торговых путей, препятствовали проникновению купцов в Чехию, вспыхивавшие феодальные раздоры делали опасными всякие передвижения, падение ценности чешского гроша лишь ускоряло процесс и, таким образом, чешская торговля в начале XV века вступила в полосу кризиса...²

Между тем, в основном, именно торговля превратила Прагу в наиболее населенный город Центральной Европы.

¹ Cp. F. G r a u s, Soukenictví v době předhusitské.

² Cp. F. G r a u s, Český obchod se sukem, str. 75.

Считают, что в Праге в предгуситскую эпоху было 30 тысяч жителей. По количеству населения с Прагой не могли равняться Брно с его 8 тысячами жителей, Хеб (4500 жителей), Будеёвицы (2700 жителей) или Хрудим (3 тысячи жителей). Это цифровое сопоставление народонаселения нескольких чешских городов и народонаселения предгуситской Праги как нельзя лучше отражает соотношение между, в основном, ремесленными городами и торговым центром Прагой.

Население чешских городов в результате развития ремесла и торговли было уже резко дифференцированным. В чешских городах мы находим, в основном, три общественных группы: патрициат, бюргерство и бедноту.

Патрициат опирался прежде всего на торговлю, главным образом на транзитную. Пражские патриции были посредниками в торговле западных купцов с Востоком и восточных с Западом. В их руках скоплялся торговый капитал, который, однако, не вкладывался в ремесленное производство (ремесла упорно и успешно сопротивлялись этому). Он либо вновь возвращался в торговлю, либо его вкладывали в землю. Общеизвестно, что, если не считать высшего духовенства, вечные ренты с большей части пражских домов¹ шли в карманы прежде всего патрициата. Патриции покупали дома бюргеров, незастроенные участки в городе, равно как виноградники и поля, деревни и дворы вокруг городов. В начале XV века лишь в округах Праги и Кутной Горы насчитывается более 115 крепостных деревень, принадлежавших пражским патрициям². Подобным образом лишь в соответственно меньших размерах торговый капитал проникал в землевладение и в других городах. Таким образом, патриции все теснее связывали свою судьбу с землевладением, а тем самым с феодальным строем. Общеизвестно, что патриции очень рано стали выступать в роли защитников феодального порядка; напомним слова Маркса:

«Везде, где господствует капитал, царят устарелые отношения». То же было и в чешских городах. Только с начала XIV века патрициат Праги и Кутной Горы, наиболее

¹ Cp. B. M e n d l, Z hospodářských dějin středověké Prahy, str. 377.

² См. карту в исследовании J. L i p p e r t a, Bürgerlicher Landbesitz im 14. Jhdt. Zur Ständefrage jener Zeit, MVGD B, XL, s. 1 n. Сравни также Zprávy o statech venkovských z archivu města Prahy, ed. J. T e i g e v A C, XXVI a XXVIII.

богатый и сильный, отважился подняться против феодалов. Однако уже при первом своем выступлении патриции поняли, что внутри города у них есть враги, использующие каждое их затруднение для борьбы против них. Опасаясь бюргерства и бедноты, патрициат чешских городов вел по отношению к феодалам политику компромисса и нередко переходил на их сторону.

Опасения патрициата были не безосновательны—его политика в городе вызывала постоянные волнения в народе. Купцы бессовестно пользовались своими торговыми привилегиями для того, чтобы диктовать цены на рынке, использовали неурожай и недостаток продуктов для своего обогащения и чрезмерно обирали общину. Ибо «каждый богатый ростовщик творит, что хочет, и продает, как хочет, так как, имея много денег, может придержать товар, сколько хочет. Оттого и гибнет Прага, что несколько жадных богачей произвольно устанавливают цены. Ибо то, что они привезут из других земель, продают, как хотят, утверждая, что больше товаров не поступит, что их мало. Они просят своих компаньонов в Венеции и других местах написать им, что товар в Венеции дорог; а получив ответ, показывают его, чтобы запугать покупателей и побудить их к покупке»¹.

Магистр Ян Гус показал здесь, как патриции, бесстыдно мошенничая, обирали покупателя при торговле заграничными товарами. Однако и при продаже, например, муки и зерна нередко были случаи, когда купец, обладавший достаточным торговым капиталом, скупал хлеб, складывал его и ждал, пока вследствие нужды и голода цены не поднимутся до нужного ему уровня. Купец дешево покупал и дорого продавал, отнюдь не тревожась тем, что прибыль порождена голодом и горем народа: «Также великий грех, если кто скупает какой-нибудь товар для того лишь, чтобы получить самому большую прибыль, или когда кто-нибудь скупает весь хлеб на всем рынке, чтобы продавать его втридорога по своему произволу»².

Неудивительно, что в результате такого «лихоимства» в городах росла ненависть против патрициев.

Недовольство против патрициев еще больше усилилось, когда в их руках оказались городской совет, городское управление и суд. Используя свое финансовое могущество,

патриции постепенно добились от короля привилегий, согласно которым города имели самоуправление, выборных коншелов и бургомистра. Городской суд стал также самостоятельным и распространил свою юрисдикцию на все население города.

Однако в выборах коншелов участвовали лишь полноправные жители города, то есть зажиточные слои, что же касается самих выборов, то они фактически проходили в узком кругу патрицианских семейств, которые поддерживали друг друга и избирали коншелов и членов городского суда из своей среды. Таким образом, патрициат полностью владел городом и использовал свое положение не только для осуществления собственных интересов, но и для обогащения за счет остального населения. Городская подать, собираемая со всего состоятельного населения, попадала в карманы патрициев, а судебные штрафы увеличивали доходы «должностных лиц».

Неудивительно, что места коншелов были объектом вожделений, дело решалось подкупом, усиливалась коррупция городских властей. Из множества примеров приведу лишь один: «Косман, бюргер Нового Места Пражского... при помощи подкупа стремился стать коншелом и давал две бочки масла, чтобы его сделали коншелом». Обман был открыт, и бюргер угодил в тюрьму. Однако Косман дал взятку и был освобожден, несмотря на то, что оскорбительно отзывался о коншелах, особенно о бургомистре, который, по его словам, «уже целых 14 лет покупал коншельство, чтобы заседать в совете»¹.

Понятно, что богатые патриции, алчные ростовщики, являвшиеся неограниченными хозяевами города, вызывали ненависть народных масс. Положение особенно обострилось в начале XV века, когда патрициат был ослаблен кризисом торговли, о котором мы уже говорили. Патрициат стремился теснее сойтись с феодалами и высшим духовенством, надеясь при помощи духовенства и церкви освятить и прикрыть свои грязные дела:

«Ростовщики и купцы—самые ревностные верующие, они больше всех настроили костелов, больше всех жертвовали на церкви, на облачения для священников, ибо легко достаются деньги ростовщикам. Они барышничали, а священники на все давали свое благословение, ибо это обеспе-

¹ M. Jan Hus, *Výklad desatera*, ed. K. J. Erben, I, str. 218.

² Tomáš Štítný, *Knížky šestery*, str. 173.

¹ Archiv Český, IV, 343, č. 3.

чивало им сытую жизнь. Поэтому, когда они покорили весь мир проповедью веры, они должны были хорошо разбираться в Священном писании, чтобы оно помогло им найти путь к спасению для себя и других»¹.

Картина, нарисованная Хельчицким, собственно, не дает нам ничего нового. Патрициат так же, как панство, был связан с высшим духовенством общими классовыми интересами, совместной эксплуатацией трудящихся. Стремление патрициев купить себе благополучие также и после смерти привело к тому, что деньги текли в карманы священников. Это было наилучшим средством для достижения соглашения.

Положение и мощь патрициата определялись развитием и значением торговли, а положение бюргерства зависело прежде всего от уровня ремесленного производства.

Термин «бюргерство» мы вслед за Энгельсом употребляем для обозначения имущего городского населения, (кроме благородных патрициев)², добывавшего средства к существованию ремеслом. Разумеется, это были одновременно и ремесленники и земледельцы, ибо в небольших городах огромный процент населения добывал пропитание, работая на собственных участках. Многие ремесленники имели поле, на котором работали сами или с помощью наемных батраков и слуг. Однако редкий ремесленник становился настолько богатым, чтобы купить крепостную деревню и стать помещиком. В таком случае он обычно выходил из рядов бюргерства и примыкал к патрициату.

Специфические интересы ремесленников защищали цехи, в которых объединялась большая часть ремесленников. Цехи имели своей целью охранять ремесла, гарантировать привилегии (право мили, право торговли и т. д.); они должны были ограничивать конкуренцию внутри цеха (например, путем установления максимального объема производства, ограничения количества подмастерьев), а также помогать цеховым мастерам держать в повиновении подмастерьев. Разумеется, патрициат враждебно относился к цехам, не желавшим допустить проникновения купцов в ремесленное производство, а равно и произвольного установления цен на товар, который купцы закупали, и на сырье, которое они поставляли.

¹ Petr Chelčický, O trojím lidu, str. 51—52.

² См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии.

В тех случаях, когда столкновения цехов с патрициатом принимали острые формы, очень важным было, чью сторону примет король. Карл IV во все время своего правления совершенно определенно стоял на стороне патрициата, а требования цехов рассматривал как мятеж и смуту. Уже в 1338 году еще в качестве маркграфа Моравского он поддерживал патрициев в Знойме против восставших цехов. Так же поступил он и в Оломоуце и в Брно. Мы уже говорили, что и в Германии Карл IV стоял решительно на стороне патрициата. В 1348 году он поддержал патрициев во время цехового восстания в Нюрнберге и даже запретил там цехи. Подобным образом он исключил в 1352 году из пражского городского совета представителей ремесленников и отдал управление городом в надежные руки патрициата. Он выступал против цехов также в Хебе, Мосте, Краловом Градце, однако ему не удалось даже путем запрещения цехов добиться уничтожения раздоров, которыми наполнена внутренняя история чешских городов в XIV веке.

Наоборот, недовольство цехов своевольной политикой патрициата все усиливалось. Цеховые мастера мечтали свергнуть власть патрициев и самим занять их должности в ратуше. В 1378 году во время восстания в Брно представители ремесленников требовали, чтобы восемь мастеров от ремесленников и цехов приглашались в городской совет каждый раз, как городу нужно было собирать «общину»¹.

Однако патрициат Брно удержал свои позиции; удержали их в 1391 году и патриции Иглавы, несмотря на то, что объединившиеся против них ремесленники ворвались в ратушу. В основном натиск цехов на патрициат был приостановлен; но чем более развивалось ремесло, чем более росла нужда среди ремесленников, чем бесстыднее была политика патрициата, тем неизбежнее становилось решающее столкновение.

В правлении Вацлава IV мы не встречаем столь строгих запрещений цехов, как в правление Карла, что не свидетельствует, однако, об изменении королевской политики, а скорее является доказательством растущего значения цеховых ремесел внутри городов. Напряженность отношений между цехами и патрициатом значительно усиливалось то обстоятельство, что патрицианские роды в боль-

¹ B. Mendl, Sociální krise, str. 190.

шинстве своем состояли из немцев, в то время как бюргерство было чешским. Национальная вражда, о которой свидетельствует литература того времени, становилась все сильнее и сильнее и углубляла классовые противоречия.

Однако объединение в цехи не спасало ремесленников от разорения. Только часть цеховых мастеров прочно удерживали свое положение, а кое-кто из них даже порой выбивался в ряды патрициата. Однако было множество ремесленников, которые постепенно разорялись, выходили из рядов цеховых мастеров и в конце концов вынуждены были сами становиться наемными работниками. Если буржуазные историки старшего поколения с восхищением говорили о «средневековой городской демократии» и «золотом веке цехового ремесла», представители младшего поколения убедительно доказали, что так же, как нельзя говорить о наличии демократии при замещении коншельских мест, так было бы ложью утверждение о процветании цехового ремесла и социальной гармонии среди цеховых ремесленников. В действительности и здесь возрастал процент неимущих и разоряющихся ремесленников, умножавших собою ряды городской бедноты. Такова была действительность, которая все сильнее толкала обедневших ремесленников на борьбу с патрициатом. Мы располагаем данными, которые позволяют выяснить, как год от года в предгуситской Праге росла задолженность разоряющихся ремесленников и как вместе с тем зрела решимость свергнуть господство патрициата¹.

Однако бюргерство имело врагов не только справа — в ратуше, где засел патрициат, но и слева — в рядах городской бедноты, главным образом среди подмастерьев.

В столкновениях и боях против патрициата в XIV веке цеховые мастера использовали революционный энтузиазм городской бедноты; однако в то же время они прекрасно понимали, что им нельзя выпускать из рук руководство этой борьбой. Мы уже упоминали о восстании бедноты в Магдебурге в 1402 году. Богатые бюргеры, цеховые мастера, на политической арене выступавшие против патрициата, запомнили призыв магдебургского бюргерства, сохранившийся в записях магдебургского хрониста: «Итак, смо-

трите милые, старые, мудрые горожане, предотвращайте подобные вещи, ибо отсюда может возникнуть беда для города, и подумайте о том, чтобы иметь надежную стражу и власть, которые бы не давали простому народу такой воли, как это было до сих пор. Хорошенько приглядывайте за ним и держите его в руках, ибо между богатыми и бедными издавна существует ненависть»¹.

Страх перед «простым народом», то есть городской беднотой, всегда связывал руки бюргерству. Именно городская беднота, а не бюргерство подготовила в чешских городах революционный взрыв.

Большая заслуга труда Ф. Грауса² в том, что сейчас мы можем проследить во всех подробностях, как в чешских городах, и прежде всего в Праге, нарастала волна революционного движения. Беднота, та часть населения города, которую до сих пор не замечали, которой пренебрегали, ярко предстает перед нами в качестве основного резерва революционного движения в городе. Под словом «беднота» мы подразумеваем городское население, которое не могло заниматься самостоятельным производством, а было вынуждено искать источник существования, превращаясь в зависимого работника. Это были прежде всего поденщики и подсобные рабочие (неквалифицированная рабочая сила), подмастерья и обедневшие ремесленники, находившиеся в экономической зависимости от своих богатых товарищей по ремеслу. Кроме них, в разряд бедноты следует зачислить также слуг, нищих и т. д. Беднота, таким образом, состояла из различных элементов, которые находились в разных отношениях к средствам производства, не были спаяны в единое и организованное целое. Наряду с элементами, представляющими собой зародыш нового класса (наемные рабочие), к ней принадлежали обедневшие цеховые мастера, мечтавшие только о том, чтобы вернуть свое утраченное положение. Поэтому о бедноте нельзя говорить как о едином, монолитном классе. «Их объединяет, и то временно, лишь неслыханная нужда»³.

¹ Chroniken der deutschen Städte, VII (Die Magdeburger Schöpenchronik, s. 313, 1402). Использован перевод Яна Альбрехта в «Husitství a evropská společnost (Co daly naše země Evropě a lidstvu, I, str. 85)».

² F. G r a u s, Městská chudina v době předhusitské, Praha, 1949.

³ Там же, стр. 69.

¹ Об обеднении ремесленников см. B. M e n d l, Sociální krise, str. 135. О растущей задолженности мелких ремесленников см. F. G r a u s, Chudina (приложение).

Беднота нередко была самой многочисленной частью населения наших городов. У нас нет источников, которые бы дали нам возможность точно выяснить ее численность. В реестрах городских податей, разумеется, нет данных о неимущей бедноте, однако можно предположить, что она составляла 40—50% всего городского населения. Мы имеем сведения о том, что в 1365 году в Брно неимущие составляли 41%, в 1396 году в Ческих Будеёвицах—53%, а в 1400 году в Хрудиме—51%. В больших городах процент бедноты был значительно выше, больше всего бедноты находилось в Праге. Благодаря расцвету транзитной торговли Прага привлекала к себе все большее число работников, искавших случайных заработков и лучших условий существования, чем те, которые они находили в деревне. Однако в городах, и прежде всего в Праге, людей, пришедших сюда в поисках работы, ждали лишь голод и нужда.

Тенденциозные описания хронистов говорят о предгуситской Праге, как о некоем острове блаженства. Однако цели этих хронистов слишком ясны. Они не скупились на розовую краску, рисуя картину предгуситской Чехии, чтобы тем чернее представить «пагубные» последствия революционного движения. Возьмем в качестве примера один из таких рассказов о благополучии, о добрых старых временах в Праге: «И все они имели в изобилии одежды и яства — паны, рыцари, панюши, бюргеры, крестьяне, купцы, ремесленники и разные должностные лица, честно жившие на свои доходы, дававшие каждому, что ему принадлежало, щедро подававшие священникам и беднякам милостыню во имя божие; иностранцев здесь принимали с великой радостью, и всю страну, цветущую, обильную и прекрасную, любили и чехи и иноземцы и с радостью жили в ней, ибо все необходимое продавалось здесь дешево, хоть и жило здесь превеликое множество народу, а королевство наслаждалось и внутренним миром и миром с соседями»¹.

Официальные источники, говорящие о положении в Праге, конкретные документы, свидетельствующие об увеличивающейся задолженности и прогрессирующем обнищании ремесленников, о страшной нужде бедняков, опровергают эти идиллические картины, которые правдивы лишь постольку, поскольку речь шла о панстве, высшем духовен-

¹ *Chronicon Procopii notarii Pragensis*, ed. Höfler, I, str. 69.

стве и патрициате. В действительности большая часть городского населения была обречена на то, чтобы жить милостыней или случайными заработками; о дешевизне товаров на пражском рынке вообще нельзя говорить. Наоборот, мы можем точно доказать, что цены на самые ходовые товары, необходимые предметы потребления бедноты, год от года росли¹.

Одновременно неуклонно обесценивался чешский грош, снижался содержащийся в нем процент серебра; особенно тяжело ударяло по бедноте обесценение мелкой монеты, в которой беднота получала свое вознаграждение. Количество необходимых продуктов, которые можно было купить на данную сумму, год от года уменьшалось.

Живущую в постоянном голоде, прозябавшую в грязных берлогах бедноту угнетали также в правовом и в социальном отношении. Челядь — батраки и служанки — были так обременены работой на хозяина, что не смели даже посещать проповедь, чтобы не пренебрегать своими обязанностями. «Батракам, служанкам и поденницам запрещают ходить и слушать проповедь, а они, бедняжки, боясь потерять кусок хлеба, лишаются слова божьего»².

Так рассказывает Ян Гус о положении челяди, надрывающейся с утра до ночи на изнурительной работе из страха потерять кусок хлеба. Впрочем, ни бюргерство, ни тем более патрициат беднотой не интересовались. Распространенный взгляд того времени, согласно которому бедняки как люди никакой ценности не имеют, наиболее ярко сформулировал Матей из Янова: «Ибо бедняки мира сего, богатые верой, не имеют жизни в сем мире; для мира сего они мертвы»³.

Действительно, господа, заседавшие в ратушах, и не думали о бедноте, затерянной в грязных берлогах и лачугах предместий. Если же бедняки все же появлялись перед отцами города, то всегда в роли подсудимых. И тут им приходилось чувствовать классовый характер городского права. Бедняков жестоко карали, в то время как богачей, совершивших самые тяжкие преступления, оправдывали

¹ Ср. экскурс у Ф. Грауса (F. Graus, Chudina, str. 189 n.).

² M. Jan Hus, *Výklad modlitby páně*, ed. K. J. Erben, I, str. 353.

³ Matěj z Janova, cit. u F. Grause, Chudina, str. 108. О правовом и социальном гнете см. специальную главу (там же, стр. 85—108).

и прощали за деньги. Тогдашние сатиры бичуют «безбожных коншелов» за то, что они за деньги оправдывали богатей, совершивших самые тяжкие преступления¹. Наиболее краткую и меткую характеристику городского правосудия дал неизвестный проповедник, быть может Желивский (?): «Мелкого вора вешают, на крупных не обращают внимания»². Однако беднота не была «мертва». В эпоху Матей из Янова в конце XIV века она, казалось, действительно «была мертва для мира сего». Но в первом десятилетии XV века на улицах городов и прежде всего Праги уже раздавался грохот ее шагов. Испытавшая всю глубину нищеты, горя и унижения, беднота поднялась на борьбу с эксплуататорами. Разумеется, при взрыве гуситского революционного движения беднота, испытавшая самый тяжкий и все усиливающийся гнет, встала во главе этого движения, образовав самое крайнее левое ее крыло³.

За крепкими и, казалось, несокрушимыми городскими стенами скопился огромный взрывчатый материал, улицы и площади города ежеминутно грозили превратиться в арену боев. Поэтому патриции из страха перед «простым народом» старались сохранить мир в городе.

Патрициат, вкладывавший свой капитал в земельные владения и тем самым тесно связанный с феодалами, боялся революционного народа и полностью примыкал к высшему духовенству, панству и королю. Что же касается бюргерства, то оно не было согласно с подобной политикой патрицианской ратуши. Для бюргерства высшее духовенство, получавшее ренты с многих бюргерских домов, было таким же врагом, как и патрициат. Бюргерство требовало прежде всего «дешевой церкви». Оно призывало к уничтожению рент и ратовало за то, чтобы и церковное имущество было обложено городскими налогами. Дома, земельные владения и имущество церкви в городе не подлежали обложению городским налогом, и, таким образом, при раскладке общей суммы, которую королевская палата требовала с города, увеличивалась доля каждого горожа-

нина-плательщика¹. Поэтому лозунг секуляризации церковного имущества получил широкое распространение в среде бюргерства, особенно потому, что, как мы увидим ниже, бюргеры также зарились на богатые церковные имения.

Мы уже говорили, что из самого различия экономической структуры городского и поместного производства следовало, что между городами и дворянством не могло быть мирных дружеских отношений: города, являясь центром ремесла и торговли, не могли терпеть препятствий, которые им чинили феодалы, вследствие чего, разумеется, между феодалами и городами отношения обострились.

В то же время, как я уже подчеркивал, развитие ремесла ни в одном из чешских городов не привело к расширению рынка за пределы местного потребления, оно все время поставляло продукты земледельческой округе и отсюда же получало сырье; кроме того, земледелие было весьма часто дополнительным занятием ремесленника. Бюргеры отнюдь не были довольны феодальным порядком, однако они не дошли еще и до резкой оппозиции по отношению к феодализму, будучи слишком тесно связаны с ним своими интересами. Уровень развития цехового ремесла не давал достаточной базы для борьбы против всего общественного строя. Вообще нельзя говорить о зарождении в Чехии капиталистических производственных отношений. Торговый капитал находился в руках патрициата; цеховые ограничения стесняли бурное развитие ремесел; товар шел в первую очередь на местный рынок; деньги, полученные за товары, шли только на закупку новых товаров. Вследствие недостаточного развития ремесленного производства бюргерство не выступало против феодализма как общественного порядка, его недовольство выражалось в борьбе против церкви, то есть против самых вопиющих злоупотреблений старого порядка. Однако, помимо воли бюргеров, каждое их выступление против церкви было выступлением против всего общественного порядка, в котором, однако, сами бюргеры хотели занять тепленькое местечко. Бюргерство не решалось перейти к открытому восстанию, так как боялось, что его сметет натиск восставшего народа. А беднота—слуги, подмастерья и батраки—относилась к своим господам, бюргерам, так, как могут относиться угнетенные

¹ Staročeské satiry, ed. J. Vilikovský, Vyšehrad, 1942, str. 6.

² F. M. Bartoš, Nová postila Jana Želivského? ČSM, 1927, str. 140.

³ Это вынужден был признать и Й. Пекарж (J. Peřkař, Žižka, III, str. 13). «Городской пролетариат в социальном отношении является движущей силой развития».

¹ На это обратил внимание уже П. А. Нейман (P. A. Neimann, Církevní jmění za doby husitské, Olomouc, 1920, str. 15 n.).

к угнетателям. Бюргеры не могли решиться на открытый бой, так как этим они развязали бы силы классовой борьбы.

Насколько сложным и запутанным было положение бюргерства, находившегося между двумя противоположными классами, настолько колеблющейся и компромиссной была его политическая и идеологическая позиция. Выступить против патрициев и бедноты, против панов и высшего духовенства, против крестьянства—все это означало для бюргерства остаться в полном одиночестве. Поэтому бюргеры в своей политике «центра» прибегали к частым поворотам и тактическим маневрам. В период наступления иностранной реакции, когда положение обострилось, бюргерство объединилось с беднотой, а в эпоху, когда беднота стояла у власти, оно заключало союз с дворянством. Относительно ближе, чем к другим, бюргерство стояло к низшему дворянству, так как у них был общий враг: панство, патрициат, высшее духовенство, а также городская и деревенская беднота.

Однако этот союз, вновь доказывающий, что ремесло в наших городах все еще было тесно связано с феодальным строем, хотя и было по отношению к нему чуждым элементом, не был прочным и нерасторжимым. Дороги обоих союзников в конце концов неизбежно расходились. Если города хотели добиться осуществления своих требований, они должны были прочно примкнуть к народу, к революционным массам, которые одни могли обеспечить победу. Бюргерство предало своего союзника—народ и поэтому в результате гуситского движения оно лишь по видимости было победителем, в действительности же оно потерпело поражение. Но этот вопрос уже выходит за пределы нашей главы, ставящей себе целью лишь охарактеризовать усугубляющиеся классовые противоречия внутри чешских городов в предгуситскую эпоху, выявить корни городской политики в гуситском революционном движении, и прежде всего, политики города Табора.

Б. Мендл, как серьезный ученый, должен был признать, что между классовыми противоречиями внутри чешских городов и гуситским революционным движением существовала прямая зависимость. В результате тщательного и кропотливого изучения социального положения в чешских городах он пришел к следующим выводам: «Создается определенное впечатление, что между революционным настро-

ением гуситской эпохи и социальными отношениями эпохи предшествующей существует причинная зависимость»¹.

Крестьянство

«А что до простого народа—как третьей составной части тела христового, о котором раньше была речь, то на вопрос, что он должен делать для блага других членов этого тела, я скажу так: взглядишь в это деление на три христианских сословия и ты увидишь, что в сословие трудящегося народа входят пахари, разного рода ремесленники, купцы и торговцы и различные наемные люди. Они должны трудиться и добывать, трудом своим удовлетворять потребности духовенства и дворянства»².

Разбирая, таким образом, теорию «трех сословий», Петр Хельчицкий включил городское население вместе с крестьянством в «третье сословие», в ряды простого народа. Однако так было лишь в теории; практически в начале XV века крестьянство в целом стояло на последней ступени иерархической лестницы чешского феодального общества и гораздо ниже горожан.

В чешских деревнях, где народ более всего подвергался эксплуатации, сосредоточивалась большая часть населения чешских земель. Чешские буржуазные историки, главным образом Пекарж, пытались извратить действительность, утверждая, что в предгуситскую эпоху положение крестьянства было относительно хорошим и что оно будто бы даже улучшалось. Подобная концепция служила все той же основной цели—уничтожить всякую возможность толкования гуситства как классовой борьбы.

Для защитников старого капиталистического строя было ясно сходство между судьбой феодалов в XV веке и судьбой фабрикантов и помещиков XX века. Как тогда, так и теперь революционный народ поднимался на борьбу против эксплуататоров. Поэтому нужно было лишить гуситское революционное движение его классового содержания. Нужно было либо представить его как религиозно-национальное дви-

¹ B. M e n d l, Sociální krise, str. 135. Совершенно очевидно, что подобные выводы монографии, написанной на основе источников, не годились для концепции Пекаржа, а поэтому в книге Пекаржа выводы Мендла вообще не использованы. Классический пример «беспристрастной точной науки».

² Petr Chelčický, O trojím lidu, str. 71.

жение, либо просто как выступление разложившегося сброда. Разумеется, чтобы убедить в правдивости этой столь извращенной в действительности картины гуситства, нужно было доказать, что у народа не было оснований для восстания. Таким образом родилось утверждение, что в начале XV века в чешской деревне все было в порядке, что даже были «ясные» признаки дальнейшего улучшения в положении крестьян, но этому улучшению помешал «сброд», который из «самоуверенности» и «страсти к уничтожению» взялся за оружие»¹.

Отметим тот интересный факт, что школа историков старшего поколения, которой нечего было бояться гуситских революционных традиций, не нуждалась в подобной откровенной фальсификации истории. Так, например, Я. Челаковский следующим образом охарактеризовал положение крестьян в предгуситскую эпоху: «В правление Вацлава IV дворянство, временно захватив в свои руки областное и земское управление, полностью присвоило себе «королевское право» над крестьянами, всячески их угнетая, а духовенство не отставало в этом отношении от дворянства; таким образом, общественное и экономическое положение крестьянства стало настолько невыносимым, что привело к великим переворотам в эпоху гуситских войн»².

В своей серьезной работе «К вопросу о чешской королевской повести» («K české pověsti královské»)» Урбанек таким же образом решает вопрос о положении крестьянства в предгуситскую эпоху и после детального изучения произведений Штитного и других мыслителей той эпохи приходит к аналогичному выводу: «Изучая приведенных авторов, убеждаешься, что положение крестьянства на протяжении XIV века все более ухудшалось».

Противоположные утверждения опирались прежде всего на концепцию Пекаржа, которому нежелательны были результаты исследований Челаковского, а главное Урбанека.

¹ См., например, J. Pekař, *Smysl českých dějin*, Praha, 1929, str. 36. «...Если же проповедников и крестьян манили обещания будущего райского блаженства, эти обещания больше действовали на них из самоуверенности, чем из-за их нужды». Это положение Пекарж подчеркивает в «Жижке», I, стр. 190. Ср. гл. II этого труда, стр. 55.

² J. Čelakovský, *Povšechné české dějiny právní*, Praha, 1909, str. 160.

³ V ČSPS, XXIII, 1915, str. 1 n. Цитируется место на стр. 63.

Пекарж еще в 1911 году в «Книге о замке Косте»¹ сформулировал ничем не подтвержденную гипотезу, будто «в XIII—XIV веках положение крестьянина было весьма благоприятным...» «А участие крестьянства в гуситском движении я бы считал доказательством относительного благосостояния и свободы чешских крестьян, но никак не доказательством испытываемого ими экономического и социального угнетения». Такова основа утверждения Пекаржа, полагавшего, что гуситское движение было якобы не классовый борьбой, возникшей вследствие нужды и страданий эксплуатируемого крестьянства, а движением, порожденным его «зажиточностью и свободой». Этому взгляду бесознательно последовал и К. Крофта, когда в статьях по истории сельского сословия он, несмотря на собственные замечания об угнетении крестьянства, сформулировал следующий вывод о положении, создавшемся в деревне накануне 1419 года: «Несмотря на эту имущественную и личную зависимость от помещиков, крестьянству все же жилось тогда в общем неплохо»².

Как видно, Крофта не вполне согласен с резким суждением Пекаржа, однако его формулировка, как бы осторожно она ни была выражена, показывает, что он в общем склоняется к концепции Пекаржа. Тем не менее Крофта задал себе вопрос, почему идеологи движения в один голос говорили лишь о нужде и страданиях крестьян. И вот тут-то Крофта и выдвинул положение, которое стало почти общепринятым в буржуазной историографии: «Хотя общее положение крестьянства в конце предгуситской эпохи, как это по всему видно, никоим образом нельзя назвать плохим, и оно было уж никак не хуже того положения, в котором находились крестьяне за двести лет до гуситского движения или после него, тем не менее с середины XIV века начинают раздаваться голоса, упрекающие помещиков в притеснении крестьян. В ту эпоху у нас (как и в других местах) распространился какой-то культ бедности, культ маленького человека, в особенности крестьянина»³.

Идеалистический метод, убеждение, что «дух» направляет ход истории, заслонили от Крофты действительность.

¹ J. Pekař, *Kniha o Kosti*, II, 3 vyd. 1942, str. 330, 344.

² K. Krofta, *Dějiny selského stavu*, Praha, 1949, str. 87.

³ Там же, стр. 83. К. Крофта присоединился в этом вопросе к мнению Пекаржа в труде «Žižka a husitská revoluce» (Praha, 1937, str. 96).

Следуя за источниками, он приводит данные об эксплуатации, однако не может вырваться из заколдованного круга, а поэтому прибегает к помощи таких отвлеченных объяснений, как «культ бедности» и т. д.

То, на что Крофта лишь намекал, В. Халоупецкий высказал совершенно ясно. Он встал на сторону Пекаржа еще в 1912 году, когда отстаивал гипотезу, согласно которой «экономическое и социальное положение крестьянства в XIV веке резко улучшилось»¹. Свои основные воззрения он изложил в 1926 году в книге «Крестьянский вопрос в гуситстве»².

Это популярное изложение взглядов Халоупецкого³, несмотря на свою краткость (чешской деревне в предгуситскую эпоху посвящено всего каких-нибудь 30 страниц), стало для буржуазных историков основным трудом при решении данного вопроса⁴. Положение о том, что условия жизни чешского крестьянина в предгуситскую эпоху непрерывно улучшались, принималось как не подлежащее сомнению. И хотя Ян Славик, измысливший свои «социологические» концепции, не потрудившись изучить источники, выступил против того понимания гусизма, какое дали Пекарж и Халоупецкий, однако и он разделил взгляд, согласно которому «положение сельского населения перед гуситской революцией, по общепринятому взгляду историков, значительно улучшилось»⁵.

¹ V. Chaloupecký, V které době žil skladatel rkp. Hradeckého, ČSN, XVIII, 1912, str. 6.

² V. Chaloupecký, Selská otázka v husitství, Bratislava, 1926.

³ Сам Халоупецкий в предисловии говорит, что это работа «скорее популярная».

⁴ Ср., например, цитаты у Пекаржа (Pekař, Žižka, I, 190, 277 а. л.).

⁵ J. Slavík, Husitská revoluce, str. 48—49. Кульминационным пунктом работы Славика в его попытке доказать, будто положение крестьян было во всех отношениях хорошим, является стр. 49, где он с ученым видом выдвигает в качестве доказательства улучшившегося положения крестьян тот факт, «что Гус, принужденный покинуть Прагу, смог проповедовать в деревнях и сараях (это чистый вымысел Славика), на дорогах и у изгородей; ему в голову не приходило сомневаться в том, что здешние его слушатели, быть может, менее способны понимать его проповеди, чем те, с которыми он сталкивался в Вифлеемской часовне». Отсюда вытекает социологическая концепция революции, возникшей в результате зажиточности и благосостояния крестьянства. Ср. прим. 1 на стр. 82 и гл. I, стр. 53 настоящей книги. Мне кажется, что подобные фантазии «социологизирующего историка» не требуют комментариев.

Так как взгляды Халоупецкого совершенно вытеснили в буржуазной историографии концепцию Урбанека и были общепризнанными, мы должны обратить на «Крестьянский вопрос в гуситстве» особое внимание, чтобы иметь затем возможность более основательно исследовать процесс развития революционного движения и историю Табора.

Основным методологическим недостатком исследования Халоупецкого является тот факт, что он полностью игнорирует объективные источники. Подобное исследование могло быть действительно научно обоснованным только в том случае, если бы автор исходил из разбора документов, в частности урбариев, и только потом уже принимал во внимание юридические источники, а равно и труды, излагающие взгляды современников. Однако в силу своего идеалистического понимания истории Халоупецкий избрал обратный путь. Согласно априорной точке зрения Халоупецкого, «гусизм растет под влиянием воздействия Запада и идей, распространившихся с Запада¹, и воззрений... перенесенных на чешскую землю после основания университета в Праге».

Гуситство для него—«революция исключительно в области идей». Народ, по мнению Халоупецкого, жил не трудами и заботами насущного дня, а лишь «впечатлением от речей и трактатов». Очевидно, что эта идеалистическая концепция вполне гармонирует с тогдашним культом империалистического Запада, которому, как было сказано, Халоупецкий приписывал заслугу экспорта «идей». Эта концепция отражала зависимость нашей буржуазии от империалистов Запада в период, последовавший за первой мировой войной. О причинах гуситского движения Халоупецкий пишет: «Даже нам, смотрящим на развитие нашей истории критически и в духе Палацкого, гусизм с его просветительскими и демократическими теориями представляется прямым последствием «западничества» и западноевропейской образованности»².

Только в силу идеалистического метода можно допустить подобную «прививку» и «транспортировку» идеи. Между тем именно у Халоупецкого идеалистический метод доведен до абсурда. По его мнению, гуситское движение было порождено «чешской душой, ее слегка наивным, но прекрас-

¹ V. Chaloupecký, Selská otázka v husitství, str. 5, последующие цитаты взяты из того же сочинения.

² Там же, стр. 5 и сл.

ным стремлением провести в жизнь гуманистические идеалы»¹.

Неудивительно, что в работе Халоупецкого, исходящей из подобного рода методологических основ, дана совершенно искаженная картина положения чешского крестьянства в предгуситскую эпоху. Автор рассматривает экономическое положение крестьян лишь на двух страницах (стр. 13—15); наибольшее место отводится здесь юридическим взаимоотношениям между помещиком и крестьянином. Халоупецкий вынужден констатировать, что гнет эксплуатации, ложившийся на плечи крестьян, был многообразен, но, пренебрегая этим, заканчивает так: «Право на наследственное владение землей, регулирование возложенных на крестьян платежей, особенно отказ помещика от права требовать «помощи» с крестьян, освобождение из-под высшей и низшей юрисдикции пана—эти и другие не менее важные привилегии (использование помещичьих пастбищ, лесов, мест рыбной ловли и т. д.) становились затем предметом самых разнообразных договоров»². В этих-то юридических «льготах» Халоупецкий усматривает улучшение положения крестьян. В соответствии со своим идеалистическим взглядом на историю он, рассматривая какой-либо договор или юридический акт, и не задавался вопросом о том, как они воплощались в жизнь, а рассматривал лишь то положение, которое должно было бы в результате этого акта возникнуть. Это искусственно созданное положение он сравнивал со свидетельствами современников, подбирая, однако, цитаты таким образом, чтобы они не опровергали тезиса о благоденствии крестьян в предгуситскую эпоху. Типичным примером такого предвзятого подхода Халоупецкого является его анализ взглядов Штитного (он сравнивает его с Руссо), вопроса о его классовой принадлежности, которого он совсем не касался. «Значение взглядов Штитного огромно не в философском, а в нравственном и социологическом отношении»,—пишет Халоупецкий, однако тотчас вслед за этим добавляет, что «религиозным подъемом последующих лет идеи Штитного были опровергнуты»³. Объяснения подобному явлению он не дает.

¹ V. Chaloupecký, Selská otázka v husitství, str. 23.

² Там же, стр. 16, и сл.

³ Там же, стр. 26—29. Сравни также неправильное и извращенное толкование цитаты из Штитного в прим. 77.

Столь же неточно и искаженно излагает Халоупецкий некоторые идеи Гуса и Хельчицкого. Красной нитью проходит через всю книгу заранее сформулированный взгляд: «В целом положение нашего народа перед гуситскими войнами можно охарактеризовать в среднем как весьма хорошее. Никогда перед этим, равно как и после этого, наш народ не был в таком положении»¹.

И вот эта популярная работа, выводы которой были построены на столь шатком фундаменте и были определены основными методологическими ошибками автора, работа, в которой использованы лишь те источники, которые подходили к воззрениям автора, была признана основным трудом о положении крестьян в предгуситскую эпоху! Буржуазные историки, усердно занимавшиеся отдельными выдающимися личностями предгуситской Чехии (епископами, архиепископами, членами королевского двора), прошли мимо истории широких масс сельского населения.

Ф. Вацек², правда, собрал в своих исследованиях большой материал, данные многочисленных источников, однако не систематизировал и не анализировал их, не дал им своей оценки, не связал со всем историческим процессом, не показал их взаимной связи.

С критикой существовавших до тех пор взглядов на крестьянский вопрос в предгуситскую эпоху выступил Курт Конрад. «По поводу так называемого улучшения положения крестьян непосредственно перед гуситской революцией, — писал он, — до сей поры очень много философствовали, да все впустую».

В настоящем очерке мы не можем углубиться в детальный разбор урбариев и дать подробную картину экономического положения в чешской деревне накануне 1419 года, так как в основном работа посвящена описанию возникновения и развития Табора после 1419 года. Отсутствие монографии, посвященной проблеме крестьянства в XIV и начале XV веков, является большим пробелом в нашей историографии. В нашей работе мы остановимся лишь на основных вопросах. Однако, как нам кажется, было необходимо сделать обзор буржуазной историографии, касающейся данного вопроса,

¹ V. Chaloupecký, Selská otázka v husitství, str. 7.

² F. Vaček, K agrárním dějinám českým staré doby (AA, IV, 1917, V, 1918, VI, 1919), Emfyteuse v Čechách ve 13 a 14 stol. (ČDV, VI—IX, 1919—1922), Selský stav Čechách 1419—1620 (ČDV, 1927 n.)

³ K dějinám selské roboty do r. 1680 (ČDV, XXIII, 1936, str. 1 n.).

дабы избежать методологических ошибок, результатом которых является извращение исторической действительности. Общепринятой концепции Халоупецкого нужно было противопоставить концепцию Урбанека, дополнив ее результатами монографических исследований, касающихся отдельных панств¹, а также более подробным разбором взглядов тогдашних мыслителей. Литературные источники также совершенно ясно свидетельствуют о действительном положении крестьянства, коренным образом отличающемся от того, какое рисует Халоупецкий. Разумеется, и здесь внимание привлекала главным образом южная Чехия. Таким образом, сравнивая данные источников с той концепцией, которую отстаивает Халоупецкий, возможно будет точно определить, на чьей стороне истина.

Прежде всего нужно обратить внимание на еще один основной методологический недостаток, свойственный всем вышедшим до сих пор работам по крестьянскому вопросу в предгуситскую эпоху, а именно тот, что, как правило, все историки говорят о крестьянстве (седлаках) в целом и рассматривают деревенское население в основном как единый общественный класс².

В действительности социальная дифференциация в деревне зашла настолько далеко, что мы с полным правом можем говорить о разделении крестьянства: с одной стороны, были зажиточные крестьяне, а с другой — деревенская беднота. К зажиточным мы относим прежде всего представителей помещика в деревне, рихтаржа и управителя (главным образом в монастырских поместьях), а затем тех крестьян, которые сидели на больших и лучших землях (обладатели полулана, одного лана и свыше лана); в понятие деревенской бедноты входят прежде всего наемные рабочие, не имеющие ничего и живущие исключительно трудом своих рук (батраки, служанки, челядь, пахари, молотильщики и пастухи), а затем владельцы мелких (в четверть лана) и мельчайших участков, халупники и огородники, единственным достоянием которых была лишь крыша над головой.

¹ Здесь я опять опираюсь на некоторые выводы из находящейся еще в рукописи работы Грауса о развитии крестьянства в предгуситскую эпоху.

² О социальной дифференциации имеются отдельные разрозненные упоминания Вацка и Грубого (F. H r u b ý, Z hospodářských převratů českých v století 15 a 16, str. 212), однако центр тяжести их работы падает на конец XV века.

вой руки)¹. Если крестьянин умирал, не оставив прямых наследников, его участок в качестве выморочного имущества попадал в руки феодала, который мог распоряжаться им по своему усмотрению: продать, подарить, присоединить к своему домену или передать за плату другим наследникам умершего.

Однако в начале XV века мы встречаемся с тем, что право «мертвой руки» было частично уничтожено. Почин этот исходил из имений пражского архиепископства, где против права «мертвой руки» выступил архиепископ Ян из Енштейна, написавший трактат в защиту своей точки зрения. В этом ученом трактате он выступает против прелатов, считавших, что помещик имеет право «мертвой руки». Магистр Войтех Раньков из Ежова ответил архиепископу также трактатом. Точку зрения архиепископа поддерживал, также в особом трактате, генеральный викарий Кунеш из Тржеблова; требование уничтожить платежи «мертвой руки» он подкреплял цитатами из «Священного писания», канонического права и творений «святых отцов». Спор о праве «мертвой руки» шел не только в области теоретической. В 1406 году в имениях пражского архиепископства право «мертвой руки» было уничтожено и крестьяне получали привилегии, подтверждавшие эту отмену. В Халоупецкий считает отмену права «мертвой руки» не только доказательством улучшения положения крестьянства, но и образцом гуманного отношения к нему со стороны церковных феодалов. По мнению Халоупецкого, в трактате Кунеша из Тржеблова против права «мертвой руки» будто бы прозвучала славная фраза времен французской революции: «tous les hommes sont égaux — все люди равны»².

Как же, однако, обстояло дело в действительности?

Прежде всего нужно констатировать тот факт, что крестьяне отнюдь не даром освобождались от права «мертвой руки», за отмену его они должны были заплатить. Таким образом, помещики получали сразу немалую сумму. Далее нужно обратить внимание на тот факт, что деревенская бед-

¹ В вопросе о праве «мертвой руки» я исхожу прежде всего из подготовленного материала в наследии Курта Конрада и сделанных им выводов. Апология Войтека Ранькова издана И. Лезертом (AÖG, LVII, 1879). Трактат Яна из Енштейна издал Иос. Калоусек (Zprávy ze zasedání KČSH, 1882, str. 180). Трактат Кунеша из Тржеблова издал Хёфлер (K. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, II, Wien, 1865).

² V. Chaloupců, Selská otázka v husitství, str. 34.

нота в этом не была заинтересована—отмена права «мертвой руки» была важна прежде всего имущим крестьянам. Для батраков, челяди и безземельных крестьян право «мертвой руки» вообще не имело никакого значения. А затем помещики продавали это право не только из одной гуманности. Интересно, что вопрос отмены его был поставлен именно в архиепископских имениях. Мы знаем, в каком затруднительном положении была архиепископская казна, усиленно искавшая кредита, чтобы покрыть расходы по содержанию дорогого архиепископского двора и удовлетворить увеличивающиеся требования папской курии¹.

Можно предположить, что архиепископ видел в продаже привилегии на отмену права «мертвой руки» возможность с выгодой для себя получить наличные деньги, которые были так необходимы его казне. Известно, что улучшение юридического положения крестьянина в отношении его наследственного права на землю не было для помещика тяжелой потерей. Наоборот, в эпоху, когда, как это было в архиепископских имениях, число пустующих участков (*lanei deserti*) было весьма значительным, можно было пойти на мелкие уступки, лишь бы удержать крестьян на их участках. Обрабатываемая земля являлась постоянным источником дохода, пустующий участок не приносил никаких выгод.

В конце XIV—начале XV веков голод был относительно частым явлением. Так, голод посетил Чехию в 1350—1355 годах, в 1372, 1380, 1390, 1410 и 1415 годах². Он не только влек за собой страшные бедствия для сельского населения, но и приводил порой к увеличению числа пустующих участков. Уход крестьян в город также способствовал тому, что число пустующих участков было кое-где весьма значительным. Так, например, в архиепископских имениях в Речице мы находим в 1379 году в Битетицах 2 пустующих участка, в Меднице—надел в половину лана; в Новой Церкви пустовала пятая часть всей земли и т. д.³

¹ V. Chaloupcký, Účet pokladního arcib. pražského, str. 13—17. (Задолженность архиепископства достигала 28 000 коп грошей.)

² F. Graus, Chudina, str. 126.

³ J. Dobiáš, Dějiny král. města Pelhřimova a jeho okolí, I, Pelhřimov, 1927, str. 199. Множество пустующих участков было также в других панствах, как это показывает список заброшенных участков Тржебоньского монастыря (в 5 деревнях 15 «*lanei deserti*»). Ср. стр. 329, где дан разбор этих списков Тржебоньского панства, взятых из бывшего Шварценбергского архива.

Возможно, что в этом заключается одна из причин кампании, которая велась за уничтожение права «мертвой руки». Крестьяне получают, по крайней мере, частичное облегчение, помещик же выигрывает, так как у крестьян будет стимул к заселению пустующих земель.

Итак, к началу XV века началось уничтожение права «мертвой руки» в имениях Пражского архиепископства, Литомышльского и Оломоуцкого епископства и в некоторых имениях светских феодалов¹.

Однако в большинстве поместий крестьяне не получили даже этой маленькой уступки, от которой выигрывали прежде всего зажиточные крестьяне. Так, например, в южной Чехии отмена права «мертвой руки» проводилась в весьма незначительных размерах. Монастырь в Златой Коруне во всех своих обширных имениях вообще не отменял права «мертвой руки», а в самом большом южночешском светском владении, в панстве Рожмберском, приступили к отмене этого права лишь в нескольких деревнях (главным образом—местечках) и притом очень поздно, в 1418 году².

Однако попытка подобными мелкими уступками умерить справедливый гнев эксплуатируемого народа оказалась тщетной. Испытав всю глубину бед и угнетения, южночешское крестьянство восстало, чтобы с оружием в руках добиться у феодалов больших прав.

Правовой гнет помещиков, который испытывало крестьянство, ярче всего проявлялся в области суда. В предгуситскую эпоху крестьяне полностью подлежали суду своего помещика, причем фактически они были лишены права

¹ См. обзор у В. Халоупецкого (V. Chaloupcký, Seliská otázka v husitství, str. 40). Однако Халоупецкий ошибается, когда говорит об уничтожении «мертвой руки» в поместьях Златоко-рунского монастыря. Кадлец убедительно доказал, что в Златой Коруне в предгуситскую эпоху право «мертвой руки» не было уничтожено (J. Kadlec, Dějiny kláštera Zlaté Koruny, str. 95).

² Ср. Val. Schmidt, Beiträge zur Agrar- und Colonisationsgeschichte der Deutschen in Südböhmen, III, MVGDB, XXV, s. 83 п. К началу гуситской революции право «мертвой руки» было распространено только в городах. Ольдржих из Рожмберка частично отказывается от него в 1418—1419 годах: 28/IX 1418 г. он отказывается от права «мертвой руки» в 21 деревне и 2 местечках (Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 6, č. 7), 16/XI и 6/XII 1418 года в местечке Дештине и в местечке Радницах (Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 8, č. 9, 10), а 2/II и 25/V 1419 года в местечках Милчичи и Стропнице (Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 10, č. 12, str. 11, č. 16).

апелляции. Когда паны на земском суде в 1402 году вынесли постановление, согласно которому «подданный человек», платящий оброк, не может вызвать своего пана на земский суд¹, они лишь узаконили уже установившийся обычай; крестьянство окончательно подпало под власть помещика, крестьяне подлежали юрисдикции помещичьих судов, на решения и приговоры которых оно не имело права жаловаться.

Очевидно, что право и суд в руках феодалов и их прислужников были орудием классового угнетения. В письме неизвестному владыке магистр Ян Гус достаточно ясно показал, в чьих интересах была создана правовая система и на кого работали помещичьи суды: «...ибо Священное писание грозит отмщением тем, которые неправдой отнимают у людей их жалкое достояние, и особенно тем, которые устанавливают для себя законы, позволяющие мучить людей непосильным трудом»². Разве не ясно здесь раскрыто подлинное лицо феодального правосудия?

Мы уже видели, что городское право имело два мерил: одно для богатых, другое для бедняков. То же имело место и в панских судах. «Иной раз паны и их чиновники велют повесить человека бедного, когда он, может быть, из-за нужды украдет козу или корову. Это единственный его грех, за который они так быстро карают»³. Осудить на смерть человека, которого голод толкнул на кражу,—такое решение вытекает из основного стремления феодалов охранять и оберегать свои эксплуататорские права. Каждый провинившийся подвергался жестоким телесным наказаниям. Если его не осуждали на плаху, то, во всяком случае, калечили на всю жизнь. Читая статьи *Majestas Carolina* Карла IV, направленные против деятельности панских судов, мы можем составить себе ясное представление о панском «правосудии». Неудивительно, что свод законов *Majestas Carolina* не был введен в жизнь. Он был не угоден панам именно потому, что слишком явно исходил из действительного положения вещей; поэтому-то Карлу IV и пришлось отказаться от него. И все же параграфы о судопроизводстве в помещичьих судах для нас поучительны: «Не подобает ни пану, ни владыке выкалывать глаза своим или чужим крестьянам...

Если какой-нибудь пан или владыка своему или чужому человеку отрезет нос с ноздрями и его на этом поймают, он сам со всем своим имуществом будет отдан в руки короля.

Также вышеупомянутые паны и владыки не должны в своей гордости ни во что ставить человеческую кровь, не должны никому отрубать на плахе руки или ноги, ни сами, ни при помощи кого-либо»¹. Не правда ли, нельзя не согласиться с мнением буржуазных историков, что под «правовой охраной» феодалов бедным крестьянам жилось все лучше и лучше? Законник *Majestas Carolina*, пытающийся пресечь жестокости дворян и их приспешников, никак не может быть заподозрен в «культе бедности»—ведь этот свод законов исходил от короля и его двора. А тот факт, что благодаря сопротивлению панства он не стал земским сводом законов, отнюдь не свидетельствует о том, что эти статьи не отражают исторической действительности. Скорее даже наоборот, можно предположить, что панство не хотело выпустить из рук меча, чтобы при помощи страха сохранять власть над крестьянами, а потому не желало терпеть и столь основательные упреки.

Феодалы умели сделать из своих судов надежное орудие для выжимания новых средств—платежей и штрафов—из карманов крестьян. В отчетах правителя новоградского панства в 1390—1391 годах размеры штрафов, идущих в помещичью казну, поразительно велики. Например, в суде в Новых Градах сумма штрафа составила 16 коп грошей в полгода, в то время как поступления крестьянского оброка за то же время не превышали 6 коп².

Таким образом, штрафы для феодалов были богатым источником дохода, и нам становится понятно, почему тот же Штитный и особенно Гус так резко осуждают этот способ обирания крестьян. «Паны несправедливо берут штрафы и порой также несправедливо от них освобождают. Несправедливо взимают штрафы, если их берут потому, что к этому влечет жадность господ»,—говорит Томаш Штитный³. И сей-

¹ Archiv český, III, str. 154.

² J. Šusta, Purkrabské účty panství novohradského z let 1390—1391, Historický archiv, č. 35. На это интересное явление очень быстро откликнулся Й. Пекарж в рецензии на упомянутый труд («Český časopis historický», XV, 1909, str. 379). Однако когда через 15 лет ему пришлось дать обзор истории крестьянства в предгуситскую эпоху, он ни словом не упомянул об этом виде феодального гнета.

³ Tomáš Štitný, Knížky šestery, str. 155, 168.

¹ J. Čelakovský, Povšechné české dějiny právní, str. 165.

² V. Novotný, M. Jana Husa korespondence a dokumenty, Praha, 1920, str. 22.

³ Там же, стр. 17.

час же прибавляет, что он, в сущности, не против этих штрафов. Он также не против чрезвычайных платежей, «помощей», которые пан может взвалить на плечи своих крестьян, если «это ему понадобится, сверх установленных платежей». «Но каждый правитель должен особенно остерегаться жадности и не радоваться чужой смерти из-за возможности получить имение, ради добычи и из корысти». Гораздо резче выступил в связи с данной проблемой Ян Гус; из его подробного изложения становится ясной трагическая картина положения сельского населения—беззащитной жертвы помещичьей юрисдикции: «Еще раз напоминаю тебе,—обращается Гус к какому-то феодалу,—когда ты судишь, не вымогай денег, как это делают многие, присуждая простого бедняка за одно сказанное попросту слово к штрафам, а иногда и к смертной казни. Ведь нужно заметить, что случается и такое: по неосторожности, без злости человек что-нибудь скажет, а иной со злости оскорбит пана и судей... К сожалению, иные радуются тому, что их подданные допускают проступки; они радуются драке, как лекарь ране, а священник смерти, ибо пан получает штраф, лекарь—за лечение раны, а священник—плату за совершение требь»¹.

К столь яркому сравнению нечего больше прибавить: феодальная юрисдикция и судебная практика были не только орудием классового угнетения, одновременно с этим они были средством безжалостного выкачивания из крестьян последних грошей². Практически неограниченная власть феодалов над крестьянами означала, что крестьянин должен выполнять все, чего хочется пану. Летом паны из прохладных комнат замка с усмешкой смотрели вниз на трудящихся крестьян. А зимой плохо одетый крестьянин должен был являться в качестве загонщика при обычных развлечениях феодалов—охоте и травле.

«А члены святой церкви берут с крестьян так много, что невозможно уже наложить на них новый оброк или придумать им какие-либо новые отработки. А сами они, сидя в холодке, смеются над бедными холопами, изнывающими в жаре, или их, плохо одетых, гонят в сильный мороз на зайцев, а сами

в это время сидят в тепле и ставят их в такое тяжелое положение, в каком не хотели бы сами быть»¹.

Но феодалы со своими судами были не последними пиявками, сосущими кровь сельского населения.

Рихтаржи, панские чиновники, управители замков и их приспешники, деревенские стражники,—все, кто кормился около феодала, не только охотно выполняли приказы своих хозяев, но и помнили всегда и о своем собственном кошельке. Чем ниже сгибались они перед панами, тем нахальнее и надменнее они обращались с крестьянами. Даже бедный конюх, который в замке был среди последних, хвастливо говорит о своих «успехах» в деревне:

Можешь этому поверить,
Мужики меня боятся,
Стоит с ними повстречаться,
Подойти лишь стоит близко,
Они кланяются низко.
«Здравствуй, пан»,—и уж бегут,
Кур в подарок мне несут².

И что другое оставалось делать зависимому крестьянину, как не кланяться в пояс и покорно смотреть на то, как его грабят должностные лица из замка? Ведь он хорошо знал, что в помещичьем суде он не найдет защиты. Стражники, исполнители феодального законодательства, так прославились взяточничеством, что народная мудрость охарактеризовала этих панских пиявок и ненасытных корыстолюбцев такой поговоркой: «Все равно, что стражнику дать два галера»³. Это означало, что плата в два галера была для стражника до смешного мизерным подношением. Если подданный хотел получить «правовую» защиту, он должен был платить гораздо больше.

Отчаянное положение чешского крестьянства еще больше ухудшалось в голодные годы, а также в связи с постоянными феодальными раздорами, которыми была наполнена предгуситская эпоха. Вся тяжесть кровавых феодальных

¹ M. Jan Hus, O braní odúmrti, ed. Erben, III, str. 195—196.

² Усиливающийся судебный гнет признает и Халоупецкий (V. Chaloupcký, Selská otázka v husitství, str. 17). «У помещика теперь были безграничные возможности в качестве судей вмешиваться в жизнь подданных и удовлетворять свою жадность».

¹ Petr Chelčický, O trojím lidu, str. 85.

² Podkoní a zák, Staročeské satiry, ed. J. Vilikovský, Praha, 1942, str. 70.

³ Konrád z Halberstadt, Tripartitus moralium z r. 1360 (česká přísloví), ed V. Flajšhans, ČOM, LXXX, 1906, str. 477.

в ложилась на плечи сельского населения; его поля были опустошены, его хлевы ограблены, его хижины обобраны, самих крестьян использовали для различных военных подсобных работ, с их имущества брали деньги на выкупы и военные расходы. Феодалы сводили друг с другом счеты, а крестьянство оплачивало их своей кровью. Есть старинная поговорка, говорящая: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат»¹.

Из сатир, высмеивающих крестьян, а также из слов Хельчицкого явствует, что феодалы смотрели на крестьян свысока, презирали их и обращались к ним не иначе, как с бранью: «А если вправду три сословия составляют тело христово, тогда крестьяне, пастухи, бродяги и нищие должны иметь великий почет, хотя они занимают очень низкое место в общине. Но действительность далека от этого. Эти господа смотрят на простой и угнетенный народ с презрением, как на псов; поэтому не знают, какое унижение для них выдумать: они называют крестьян деревенской проказой, пугалом, сычами, холопами—их позорят эти высшие сословия»².

Мы познакомились с основными этапами тяжелого пути крестьянства в предгуситскую эпоху. На конкретных примерах, показывающих отдельные формы эксплуатации, можно составить картину невыносимой жизни чешской деревни. И именно эта нужда, страдания и гнет должны были найти свое отражение в сочинениях ученых современников, которым благосостояние и богатство не помешали увидеть действительность. Столкнувшись с этой страшной действительностью, магистр Ян Гус восклицает: «Вы, священники и монахи, грабили бедноту с помощью лицемерия и хитрости, путем продажи индульгенций; а вы, светские власти,—путем лихоимства, неправедным судом, насилием, вымышленными преступлениями и поборами «мертвой руки»³.

Как мы видим, Гус перечислил здесь все формы эксплуатации, с которыми мы познакомились выше. И именно тот факт, что данные источников и отдельные высказывания мыслителей и писателей о действительном положении в деревне взаимно подтверждают друг друга, заставляет нас решить, что здесь мы имеем дело не с политической страстностью, заставляющей подчас сгущать краски, не с «куль-

том бедности», а лишь с правдивым отражением действительности. Истинное отношение феодалов к крестьянину выражено у Штитного в следующем выражении:

Холоп, что верба:
Чем чаще ее обрубать,
Тем гуще она будет ветвиться¹.

Мы уже видели, что феодалы действительно поступали согласно этому изречению. Современники метко характеризовали дворянство, жившее трудом крестьян, сравнивая его с ленивыми трутнями, живущими за счет трудолюбивых пчел: «Ведь святой Павел, когда говорит о мирских делах, не говорит так, чтоб духовенство всей тяжестью ложилось на трудящуюся общину, а господа жили за счет трудящихся, как бесполезные трутни между пчелами ели и пили за счет их трудов»². Уже до Хельчицкого этот образ был использован в сатирических «Десяти заповедях». Седьмая заповедь—«не укради»—превратилась в горячее обвинение, направленное против короля, князей, панов, прелатов, владык и вообще всех, кто обирает бедноту:

Чтоб праздно жить, идя на плутни,
Вы поступаете, как трутни:
Живут они чужим трудом,
Едят чужое поедом,
Но лишь к концу приходит лето,
Жестоко платятся за это:
Их пчелы гонят, прочь их шлют
И в ульях жить им не дают³.

В правление Карла IV, когда, вероятно, были написаны эти стихи, предостережение анонимного поэта носило отвлеченный, чисто литературный характер. Но через пятьдесят лет трудолюбивые пчелы—ограбленное крестьянство—поднялись против трутней—дворян—и сделали попытку выгнать их из улья.

¹ Tomáš Štítlný, *Knížky šestery*, str. 153.

² Petr Chelčický, *O trojím lidu*, str. 72. Подобным образом Хельчицкий пишет в трактате «O boji duchovním»: «Беднота кормит богатых, богатые видят в ней источник своего благополучия и, ленись, ложатся бременем ей на плечи» (там же, стр. 57).

³ Staročeské satiry, ed. J. Vilikovský, str. 42.

¹ Tomáš Štítlný, *Knížky šestery*, str. 170.

² Petr Chelčický, *O trojím lidu*, str. 67.

³ M. Jan Hus, *Výklad desatera božieho přikázání*, ed. Erben, I, str. 149--150.

Если в заключение главы о крестьянстве мы подведем итоги нашему обзору источников и литературы, то, бесспорно, окажется, что взгляд, согласно которому положение крестьян перед 1419 годом непрерывно улучшалось, в самой своей основе является ошибочным и совершенно не соответствует действительности.

Некоторое улучшение в положении части крестьянства, улучшение, которое могло возникнуть в связи с падением ценности чешского гроша и отменой права «мертвой руки», сводилось на нет ростом налогового бремени и чрезвычайных поборов (особенно в церковных имениях). Основной недостаток вышедших до сих пор работ заключается в том, что в них не отражена все усиливающаяся социальная дифференциация чешской деревни в предгуситский период. Положение небольшой части населения деревни, быть может, порой и становилось лучше, однако большая часть крестьян, и прежде всего беднота, ряды которой пополнились вследствие дробления крестьянских наделов, все более и более бедствовала. Барщина, церковная десятина и другие церковные поборы вместе с натуральным и денежным оброком, постоянно растущий налоговый и правовой гнет—все это составляло то непосильное бремя, которое тяготело над большинством крестьян. «Правосудие» с кровавым мечом в руке обеспечивало покорность подданных, охраняло старый порядок и заботилось о том, чтобы поступало достаточно денег в форме штрафов, накладываемых на крестьян. Понятно, что эта все усиливавшаяся эксплуатация должна была найти отклик у современников, которые не могли не видеть царивших в стране нужды и страдания.

Наконец, необходимо обратить внимание на тот факт, что именно в южной Чехии положение крестьянства было наиболее тяжелым. Анализ приведенных данных показал, что в южной Чехии процесс дробления крестьянских наделов был сильнее, чем в других областях страны. Вследствие этого и бедноты в этом районе было очень много. В то время как в некоторых поместьях (например, епископских) с уничтожением права «мертвой руки» с плеч крестьян была снята хотя бы часть бремени, в южночешских поместьях это право попрежнему полностью сохранялось. Из столь краткого обзора нельзя делать какие-либо далеко идущие выводы, однако вполне уместно предположить, что револю-

ционный взрыв был всего сильнее там, где эксплуатация была более тяжелой, как это было в южной Чехии.

И. Кадлец, разбирая подробно положение крестьян Златокорунского монастыря, владельца самого крупного поместья в южной Чехии, прямо говорит об этой зависимости: «Действительно, можно сказать, что прежде всего недовольство существующим общественным строем и надежда на коренное улучшение своего материального положения вовлекали широкие слои крестьянства в антицерковное движение. О подданных Святокорунского монастыря мы можем это сказать совершенно определенно»¹.

Если теперь, после анализа положения чешского общества начала XV века, мы возвратимся к учению о трех сословиях, то будем вынуждены еще раз подтвердить, что это учение было лишь теорией, призванной укреплять существующий феодальный строй; реальная жизнь в феодальном обществе не знала ни гармонии, ни мира. Углубление классовых противоречий, усиление эксплуатации, а также обострение соперничества и раздоров внутри правящего класса создавали постоянно напряженное положение и приближали момент, когда должна была вспыхнуть открытая классовая борьба. В правление Карла IV брожение усилилось, но его еще можно было прекратить. Карл IV умел удерживать правящий класс в состоянии относительного спокойствия, а равно и боевой готовности; он успешно подавлял малейшую попытку движения эксплуатируемых. Он опирался прежде всего на высшее духовенство (папа был его другом), в городах его поддерживал патрициат; он не только не восстановил против себя панство, а, напротив, своей ловкой политикой он сумел привлечь его на свою сторону. Но Вацлав IV не имел уже твердой опоры в папской курии, которую в 1378 году расколола схизма. Высшее духовенство Чехии уже не было столь преданно королю, как в правление Карла. А с архиепископом Яном из Енштейна Вацлав IV вступил даже в длительную и упорную усобицу, что было типичным и в отношениях остальных феодалов². Король решительно выступил против крупных чешских панов, владения которых непрерывно расширялись и которые стремились стать совершенно самостоятельными правителями. На этой почве

¹ J. K a d l e c, Dějiny kláštera Zlaté Koruny, str. 95.

² Последняя самая подробная работа о правлении Вацлава IV—книга Ф. М. Бартоша (F. M. Bartoš, Čechy v době Husově, Praha, 1947), где в гл. V, начиная со стр. 231, анализируется борьба

паны сталкивались с королем и его окружением, не желавшими терпеть ограничения своей власти. Здесь также стоял вопрос о выморочных дворянских имениях, которые при отсутствии прямых наследников отходили к королю, распоряжавшемуся ими по своему усмотрению¹.

Подобное положение паны считали ограничением своих прав. Отношения стали особенно напряженными к концу XIV века, когда власть в стране все более и более стала сосредоточиваться в руках королевского совета, куда король назначал главным образом представителей низшего дворянства. Королевский совет был важнейшим правительственным органом, решавшим все важные вопросы, представленные на рассмотрение королю. Поэтому уже Смил Флашка в Новом совете протестовал против участия «холопов» в королевском совете и рекомендовал королю советоваться лишь с благородными панами:

В совет холопов не пускай
И иноземцев не сзывай,
На них не возлагай надежды,
Совету не внимай невежды,
Ведь твоему прилично сану
С таким лишь совещаться паном,
Чье благородное рожденье
Украсил также свет ученья².

Однако из списка членов королевского совета³ видно, что король не обращал внимания на подобные советы панов и в первую очередь окружал себя «любимцами», вышедшими из рядов низшего дворянства. В конце концов трения между панством и королем перешли в открытую войну. В 1394 году паны даже захватили короля в плен, и он освободился лишь с помощью своих родственников. Раздоры между панством и королем продолжались и потрясали страну вплоть до самой смерти Вацлава (1419 г.).

архиепископа с королем. Что касается книги Бартоша, ср. критику Ф. Грауса (Sborník hospodářských a sociálních dějin, II, 1947, str. 213).

¹ J. Čelakovský, Právo odúmrté k statkům zpupným v Čechách, 1882, str. 7. Дворянство потребовало у Сигизмунда в 1419 году, «чтобы его королевская милость не изволила брать в стране выморочных имений» (Archív český, III, 207).

² S m i l F l a š k a, Nová rada, str. 67.

³ F. M. Bartoš, Čechy v době Husově, Praha, 1947, str. 458 n., exkurs č. 2.

«А он (Вацлав IV.—И. М.) не доверял им (панам.—И. М.), а паны—ему. И сделал король своими любимцами людей незнатных и был с ними ласков и помогал им, а на панов не обращал внимания»¹. В этом случае королевская власть не выполняла в феодальном государстве своей функции, необходимой для обеспечения устойчивых феодальных порядков; правда, она была орудием эксплуататорских классов и служила им защитой, однако не она подавляла раздоры внутри правящего класса, наоборот, сама приняла участие в бесконечных кровавых распрях.

И вновь приходится вспомнить ту картину, которую нарисовал проповедник Ян Желивский: это общество, в котором бурлит непримиримая классовая борьба, подобно «зловонному морю». Теперь в конце главы, оглядываясь на экономическое и социальное положение в чешских землях в предгуситскую эпоху, мы видим, что классовые противоречия и раздоры внутри правящего класса создавали предпосылки для формирования широкой классовой коалиции против церкви.

Высшее духовенство, самый крупный и самый богатый феодал Чехии, было объектом скрытых и явных нападок со стороны светских феодалов, бюргерства, городской бедноты и крестьянства. На стороне высшего духовенства стояла лишь часть панства, для которой борьба против церкви была борьбой против всего общественного строя, и немецкий патрициат, которому угрожало чешское бюргерство и беднота. Однако кризис мелкого дворянства не давал возможности панству, как бы ему ни хотелось захватить монастырские владения, выступить единым фронтом с разоряющимся рыцарством и земанством; тем менее оно могло объединиться с бюргерством и крестьянством—своими классовыми врагами. Поэтому-то Ондржей из Брода справедливо называл союз гуситского панства с бюргерством и крестьянством «гнусным союзом... союзом железа и грязи»². Паны присоединились к гуситским народным массам с единственной целью: урвать себе возможно большую часть церковных владений. Идеи исправления церкви и всего общественного строя их не интересовали, более того, представлялись им опасными.

¹ Staré letopisy české, ed. Šimek, 1937, str. 4.

² K. Höfler, II, str. 349.

Низшее дворянство, чтобы удержаться на поверхности, было вынуждено бороться со своими соседями—панами и, следовательно, не могло идти с ними одним путем. Ближе всего к низшему дворянству стояло бюргерство, так как у обоих этих слоев были одни и те же враги: справа им угрожали церковь, панство и ростовщический патрициат, а слева—городская и деревенская беднота. Политика середины определяла путь бюргерской оппозиции—так мы будем называть политический союз низшего дворянства и бюргерства. У этой середины, как и всякого центра, было два крыла—одна часть сохранила свое общественное положение, богатела и тянулась вверх (низшее дворянство—к панам, бюргерство—к патрициату), другая часть разорялась и опускалась по социальной лестнице (низшее дворянство опускалось иногда до уровня крестьян, бюргерство—до положения бедноты). Эта внутренняя дифференциация средних слоев делала невозможным создание ясной и бескомпромиссной программы в особенности потому, что им все время приходилось бояться натиска слева и справа.

Зато позиция городской и деревенской бедноты была решительной и определенной. Мы видели разнообразные формы классового гнета, которому подвергалось сельское население (особенно деревенская беднота) и городская беднота. Неудивительно, что благодаря усиливающейся эксплуатации у обитателей городских трущоб и полуразвалившихся деревенских хижин нарастали гнев и ненависть ко всем эксплуататорам. Именно здесь прежде всего и вспыхнул огонь классовой борьбы. Хотя эта борьба не увенчалась победой, она была весьма успешной уже потому, что ей помогало соперничество внутри правящего класса и разложение его. Небезинтересно отметить, что эксплуатируемые смутно догадывались, что разложение и раздоры внутри правящего класса облегчают им наступление и помогают успешно вести борьбу против эксплуататоров. Поэтому-то в так называемых вальденских статьях, отражающих идеи народной ереси, мы находим пожелание, «чтобы всех князей, панов, священников и всех людей в их землях постигли ниспосланные богом войны, голод и мор, которые заставили бы их прекратить преследование еретиков»¹.

¹ «Nec continentur articuli Waldensium» из рукоп. пражск. ун-та. (XIII, E, 7) опубликовал как прилож. I R. Holinka, *Sektářství v Čechách před revolucí husitskou*, Bratislava, 1929, str. 177—178.

Не подлежит сомнению, что эта «ересь» в действительности стремилась не к чему иному, как к ослаблению правящего класса, что усилило бы эксплуатируемых. Решался важный вопрос, будет ли у «середины» достаточно сил и желания для того, чтобы использовать революционный подъем эксплуатируемого народа и повести его на открытую борьбу против всего общественного строя. Однако слабо развитое городское ремесло, тесно связанное с феодальной системой, не настолько еще созрело, чтобы бюргерство могло ставить себе такую конечную цель. Бюргерская оппозиция хотела лишь залечить некоторые свои недуги и, самое большее, исправить старый общественный строй. Вот почему в конце концов в решительную минуту она подавила революционное выступление деревенской и городской бедноты, пошла на уступки и удовлетворилась компромиссом.

Неорганизованная, классово неоформленная беднота не смогла осуществить свои мечты, порожденные ненавистью к существующему строю. Несмотря на это, невыносимый феодальный гнет и разложение правящего класса придали гуситскому движению такой размах, какого до тех пор не знало феодальное общество. Классовая борьба крестьянства и городской бедноты против старого общественного порядка привела феодалов на край гибели и настолько сильно потрясла основы феодализма, как до тех пор не потрясала ни одно движение в мировой истории.

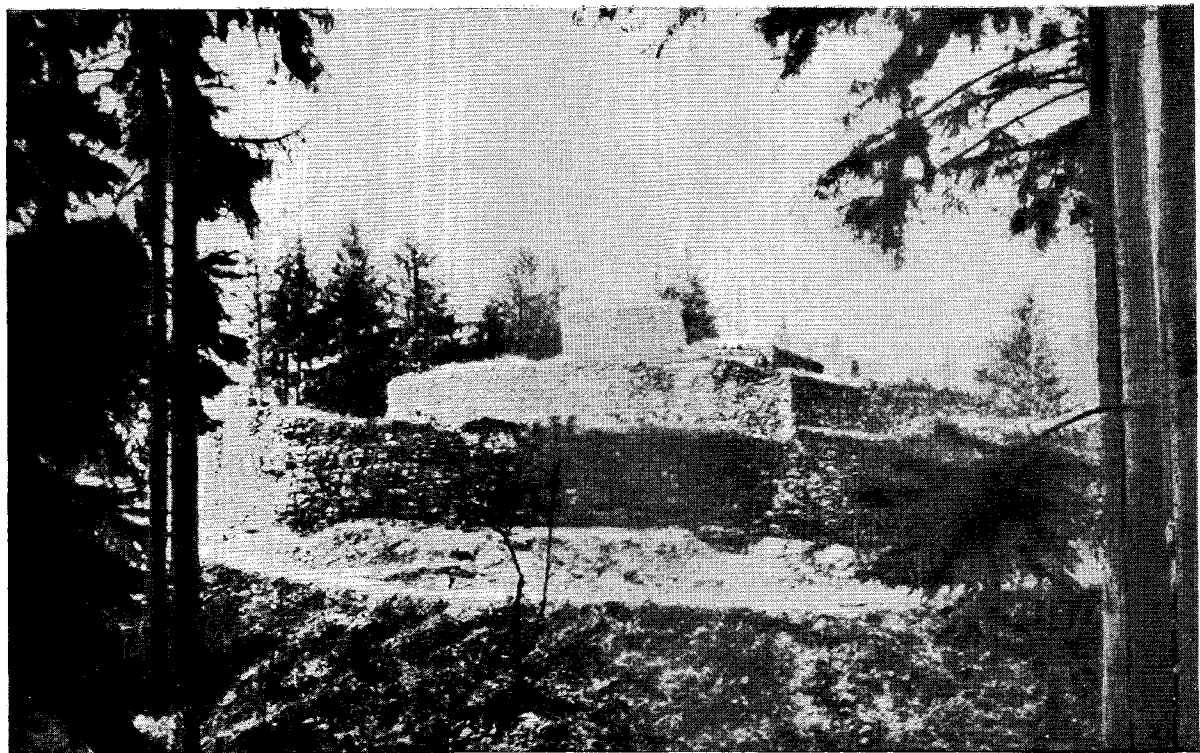
В. И. Ленин определил предпосылки успешной революции, имея в виду прежде всего ход Великой Октябрьской социалистической революции, а также ход буржуазных революций. Слова Ленина применимы также и к предистории гуситского движения; в них мы найдем ответ на вопрос, почему гуситское революционное движение достигло таких размеров и нанесло старому феодальному порядку столь сильный удар, какого до тех пор не наносило ни одно движение в средневековой Европе.

«Основной закон революции,—писал Ленин,—подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низы» не хотят старого и когда «верхи» не могут

по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса»¹.

Мне кажется, что эта истина, столь точно сформулированная Лениным, подтверждается также предпосылками и ходом гуситского революционного движения. Мощный размах гуситского революционного движения был обусловлен общим кризисом чешского общества в предгуситскую эпоху. Однако борьба внутри господствующего класса была не настолько сильной, чтобы эксплуататоры не могли эксплуатировать попрежнему, и поэтому они во-время создали единый блок, который с помощью сил иностранной реакции потопил в крови движение чешского народа, поднявшегося на справедливую борьбу.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 65.

Козий замок (фотография из Городского музея в Таборе).

вой руки»¹. Если крестьянин умирал, не оставив прямых наследников, его участок в качестве выморочного имущества попадал в руки феодала, который мог распоряжаться им по своему усмотрению: продать, подарить, присоединить к своему домену или передать за плату другим наследникам умершего.

Однако в начале XV века мы встречаемся с тем, что право «мертвой руки» было частично уничтожено. Почин этот исходил из имений пражского архиепископства, где против права «мертвой руки» выступил архиепископ Ян из Енштейна, написавший трактат в защиту своей точки зрения. В этом ученом трактате он выступает против прелатов, считавших, что помещик имеет право «мертвой руки». Магистр Войтех Раньков из Ежова ответил архиепископу также трактатом. Точку зрения архиепископа поддерживал, также в особом трактате, генеральный викарий Кунеш из Тржеблова; требование уничтожить платежи «мертвой руки» он подкреплял цитатами из «Священного писания», канонического права и творений «святых отцов». Спор о праве «мертвой руки» шел не только в области теоретической. В 1406 году в имениях пражского архиепископства право «мертвой руки» было уничтожено и крестьяне получали привилегии, подтверждавшие эту отмену. В. Халоупецкий считает отмену права «мертвой руки» не только доказательством улучшения положения крестьянства, но и образцом гуманного отношения к нему со стороны церковных феодалов. По мнению Халоупецкого, в трактате Кунеша из Тржеблова против права «мертвой руки» будто бы прозвучала славная фраза времен французской революции: «tous les hommes sont égaux—все люди равны»².

Как же, однако, обстояло дело в действительности? Прежде всего нужно констатировать тот факт, что крестьяне отнюдь не даром освобождались от права «мертвой руки», за отмену его они должны были заплатить. Таким образом, помещики получали сразу немалую сумму. Далее нужно обратить внимание на тот факт, что деревенская бед-

¹ В вопросе о праве «мертвой руки» я исхожу прежде всего из подготовленного материала в наследии Курта Конрада и сделанных им выводов. Апология Войтека Ранькова издана И. Лезертом (AÖG, LVII, 1879). Трактат Яна из Енштейна издал Иос. Калоусек (Zprávy ze zasedání KČSH, 1882, str. 180). Трактат Кунеша из Тржеблова издал Хёфлер (K. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, II, Wien, 1865).

² V. Chaloupc ký, Selská otázka v husitství, str. 34.

нота в этом не была заинтересована—отмена права «мертвой руки» была важна прежде всего имущим крестьянам. Для батраков, челяди и безземельных крестьян право «мертвой руки» вообще не имело никакого значения. А затем помещики продавали это право не только из одной гуманности. Интересно, что вопрос отмены его был поставлен именно в архиепископских имениях. Мы знаем, в каком затруднительном положении была архиепископская казна, усиленно искавшая кредита, чтобы покрыть расходы по содержанию дорогого архиепископского двора и удовлетворить увеличивающиеся требования папской курии¹.

Можно предположить, что архиепископ видел в продаже привилегии на отмену права «мертвой руки» возможность с выгодой для себя получить наличные деньги, которые были так необходимы его казне. Известно, что улучшение юридического положения крестьянина в отношении его наследственного права на землю не было для помещика тяжелой потерей. Наоборот, в эпоху, когда, как это было в архиепископских имениях, число пустующих участков (*lanei deserti*) было весьма значительным, можно было пойти на мелкие уступки, лишь бы удержать крестьян на их участках. Обрабатываемая земля являлась постоянным источником дохода, пустующий участок не приносил никаких выгод.

В конце XIV—начале XV веков голод был относительно частым явлением. Так, голод посетил Чехию в 1350—1355 годах, в 1372, 1380, 1390, 1410 и 1415 годах². Он не только влек за собой страшные бедствия для сельского населения, но и приводил порой к увеличению числа пустующих участков. Уход крестьян в город также способствовал тому, что число пустующих участков было кое-где весьма значительным. Так, например, в архиепископских имениях в Речицке мы находим в 1379 году в Битетицах 2 пустующих участка, в Меднице—надел в половину лана; в Новой Церкви пустовала пятая часть всей земли и т. д.³

¹ V. Chaloupěcký, Účet pokladního arcib. pražského, str. 13—17. (Задолженность архиепископства достигала 28 000 коп грошей.)

² F. Graus, Chudina, str. 126.

³ J. Dobiáš, Dějiny král. města Pelhřimova a jeho okolí, I, Pelhřimov, 1927, str. 199. Множество пустующих участков было также в других панствах, как это показывает список заброшенных участков Тржебоньского монастыря (в 5 деревнях 15 «lanei deserti»). Ср. стр. 329, где дан разбор этих списков Тржебоньского панства, взятых из бывшего Шварценбергского архива.

Возможно, что в этом заключается одна из причин кампании, которая велась за уничтожение права «мертвой руки». Крестьяне получают, по крайней мере, частичное облегчение, помещик же выиграет, так как у крестьян будет стимул к заселению пустующих земель.

Итак, к началу XV века началось уничтожение права «мертвой руки» в имениях Пражского архиепископства, Литомышльского и Оломоуцкого епископства и в некоторых имениях светских феодалов¹.

Однако в большинстве поместий крестьяне не получили даже этой маленькой уступки, от которой выигрывали прежде всего зажиточные крестьяне. Так, например, в южной Чехии отмена права «мертвой руки» проводилась в весьма незначительных размерах. Монастырь в Златой Коруне во всех своих обширных имениях вообще не отменял права «мертвой руки», а в самом большом южночешском светском владении, в панстве Рожмберском, приступили к отмене этого права лишь в нескольких деревнях (главным образом—местечках) и притом очень поздно, в 1418 году².

Однако попытка подобными мелкими уступками умерить справедливый гнев эксплуатируемого народа оказалась тщетной. Испытав всю глубину бед и угнетения, южночешское крестьянство восстало, чтобы с оружием в руках добиться у феодалов больших прав.

Правовой гнет помещиков, который испытывало крестьянство, ярче всего проявлялся в области суда. В предгуситскую эпоху крестьяне полностью подлежали суду своего помещика, причем фактически они были лишены права

¹ См. обзор у В. Халоупецкого (V. Chaloupěcký, Selská otázka v husitsví, str. 40). Однако Халоупецкий ошибается, когда говорит об уничтожении «мертвой руки» в поместьях Златоко-рунского монастыря. Кадлец убедительно доказал, что в Златой Коруне в предгуситскую эпоху право «мертвой руки» не было уничтожено (J. Kadlec, Dějiny kláštera Zlaté Koruny, str. 95).

² Ср. Val. Schmidt, Beiträge zur Agrar-und Colonisationsgeschichte der Deutschen in Südböhmen, III, MVGD, XXXV, s. 83 n. К началу гуситской революции право «мертвой руки» было распространено только в городах. Ольдржих из Рожмберка частично отказывается от него в 1418—1419 годах: 28/IX 1418 г. он отказывается от права «мертвой руки» в 21 деревне и 2 местечках (Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 6, č. 7), 16/XI и 6/XII 1418 года в местечке Дештине и в местечке Радчицах (Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 8, č. 9, 10), а 2/II и 25/V 1419 года в местечках Миличин и Строннице (Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 10, č. 12, str. 11, č. 16).

апелляции. Когда паны на земском суде в 1402 году вынесли постановление, согласно которому «подданный человек», платящий оброк, не может вызвать своего пана на земский суд¹, они лишь узаконили уже установившийся обычай; крестьянство окончательно подпало под власть помещика, крестьяне подлежали юрисдикции помещичьих судов, на решения и приговоры которых оно не имело права жаловаться.

Очевидно, что право и суд в руках феодалов и их прислужников были орудием классового угнетения. В письме неизвестному владыке магистр Ян Гус достаточно ясно показал, в чьих интересах была создана правовая система и на кого работали помещичьи суды: «...ибо Священное писание грозит отпущением тем, которые неправдой отнимают у людей их жалкое достояние, и особенно тем, которые устанавливают для себя законы, позволяющие мучить людей непосильным трудом»². Разве не ясно здесь раскрыто подлинное лицо феодального правосудия?

Мы уже видели, что городское право имело два мерил: одно для богатых, другое для бедняков. То же имело место и в панских судах. «Иной раз паны и их чиновники велют повесить человека бедного, когда он, может быть, из-за нужды украдет козу или корову. Это единственный его грех, за который они так быстро карают»³. Осудить на смерть человека, которого голод толкнул на кражу, — такое решение вытекает из основного стремления феодалов охранять и оберегать свои эксплуататорские права. Каждый провинившийся подвергался жестокому телесным наказаниям. Если его не осуждали на плаху, то, во всяком случае, калечили на всю жизнь. Читая статьи *Majestas Carolina* Карла IV, направленные против деятельности панских судов, мы можем составить себе ясное представление о панском «правосудии». Неудивительно, что свод законов *Majestas Carolina* не был введен в жизнь. Он был не угоден панам именно потому, что слишком явно исходил из действительного положения вещей; поэтому-то Карлу IV и пришлось отказаться от него. И все же параграфы о судопроизводстве в помещичьих судах для нас поучительны: «Не подобает ни пану, ни владыке выкалывать глаза своим или чужим крестьянам...

Если какой-нибудь пан или владыка своему или чужому человеку отрежет нос с ноздрями и его на этом поймают, он сам со всем своим имуществом будет отдан в руки короля.

Также вышеупомянутые паны и владыки не должны в своей гордости ни во что ставить человеческую кровь, не должны никому отрубать на плахе руки или ноги, ни сами, ни при помощи кого-либо»¹. Не правда ли, нельзя не согласиться с мнением буржуазных историков, что под «правовой охраной» феодалов бедным крестьянам жилось все лучше и лучше? Законник *Majestas Carolina*, пытающийся пресечь жестокости дворян и их приспешников, никак не может быть заподозрен в «культе бедности» — ведь этот свод законов исходил от короля и его двора. А тот факт, что благодаря сопротивлению панства он не стал земским сводом законов, отнюдь не свидетельствует о том, что эти статьи не отражают исторической действительности. Скорее даже наоборот, можно предположить, что панство не хотело выпустить из рук меча, чтобы при помощи страха сохранять власть над крестьянами, а потому не желало терпеть и столь основательные упреки.

Феодалы умели сделать из своих судов надежное орудие для выжимания новых средств — платежей и штрафов — из карманов крестьян. В отчетах правителя новоградского панства в 1390—1391 годах размеры штрафов, идущих в помещичью казну, поразительно велики. Например, в суде в Новых Градах сумма штрафа составила 16 коп грошей в полгода, в то время как поступления крестьянского оброка за то же время не превышали 6 коп².

Таким образом, штрафы для феодалов были богатым источником дохода, и нам становится понятно, почему тот же Штитный и особенно Гус так резко осуждают этот способ обирания крестьян. «Паны несправедливо берут штрафы и порой также несправедливо от них освобождают. Несправедливо взимают штрафы, если их берут потому, что к этому влечет жадность господ», — говорит Томаш Штитный³. И сей-

¹ Archiv český, III, str. 154.

² J. Š u s t a, Purkrabské účty panství novohradského z let 1390—1391, Historický archiv, č. 35. На это интересное явление очень быстро откликнулся Й. Пекарж в рецензии на упомянутый труд («Český časopis historický», XV, 1909, str. 379). Однако когда через 15 лет ему пришлось дать обзор истории крестьянства в предгуситскую эпоху, он ни словом не упомянул об этом виде феодального гнета.

³ T o m á š Š t i t n ý, Knížky šestery, str. 155, 168.

¹ J. Č e l a k o v s k ý, Povšechné české dějiny právní, str. 165.

² V. N o v o t n ý, M. Jana Husa korespondence a dokumenty, Praha, 1920, str. 22.

³ Там же, стр. 17.

час же прибавляет, что он, в сущности, не против этих штрафов. Он также не против чрезвычайных платежей, «помощей», которые пан может взвалить на плечи своих крестьян, если «это ему понадобится, сверх установленных платежей». «Но каждый правитель должен особенно остерегаться жадности и не радоваться чужой смерти из-за возможности получить имение, ради добычи и из корысти». Гораздо резче выступил в связи с данной проблемой Ян Гус; из его подробного изложения становится ясной трагическая картина положения сельского населения—беззащитной жертвы помещичьей юрисдикции: «Еще раз напоминаю тебе,—обращается Гус к какому-то феодалу,—когда ты судишь, не вымогай денег, как это делают многие, присуждая простого бедняка за одно сказанное попросту слово к штрафам, а иногда и к смертной казни. Ведь нужно заметить, что случается и такое: по неосторожности, без злости человек что-нибудь скажет, а иной со злости оскорбит пана и судей... К сожалению, иные радуются тому, что их подданные допускают проступки; они радуются драке, как лекарь ране, а священник смерти, ибо пан получает штраф, лекарь—за лечение раны, а священник—плату за совершение требы»¹.

К столь яркому сравнению нечего больше прибавить: феодальная юрисдикция и судебная практика были не только орудием классового угнетения, одновременно с этим они были средством безжалостного выкачивания из крестьян последних грошей². Практически неограниченная власть феодалов над крестьянами означала, что крестьянин должен выполнять все, чего хочется пану. Летом паны из прохладных комнат замка с усмешкой смотрели вниз на трудящихся крестьян. А зимой плохо одетый крестьянин должен был являться в качестве загонщика при обычных развлечениях феодалов—охоте и травле.

«А члены святой церкви берут с крестьян так много, что невозможно уже наложить на них новый оброк или придумать им какие-либо новые отработки. А сами они, сидя в холодке, смеются над бедными холопами, изнывающими в жаре, или их, плохо одетых, гонят в сильный мороз на зайцев, а сами

¹ M. Jan Hus, O braní odúmrti, ed. Erben, III, str. 195—196.

² Усиливающийся судебный гнет признает и Халоупецкий (V. Chaloupcký, Selská otázka v husitsví, str. 17). «У помещика теперь были безграничные возможности в качестве судей вмешиваться в жизнь подданных и удовлетворять свою жадность».

в это время сидят в тепле и ставят их в такое тяжелое положение, в каком не хотели бы сами быть»¹.

Но феодалы со своими судами были не последними пиявками, сосущими кровь сельского населения.

Рихтаржи, панские чиновники, управители замков и их прислешники, деревенские стражники,—все, кто кормился около феодала, не только охотно выполняли приказы своих хозяев, но и помнили всегда и о своем собственном кошельке. Чем ниже сгибались они перед панами, тем нахальнее и надменнее они обращались с крестьянами. Даже бедный конюх, который в замке был среди последних, хвастливо говорит о своих «успехах» в деревне:

Можешь этому поверить,
Мужики меня боятся,
Стоит с ними повстречаться,
Подойти лишь стоит близко,
Они кланяются низко.
«Здравствуй, пан»,—и уж бегут,
Кур в подарок мне несут².

И что другое оставалось делать зависимому крестьянину, как не кланяться в пояс и покорно смотреть на то, как его грабят должностные лица из замка? Ведь он хорошо знал, что в помещичьем суде он не найдет защиты. Стражники, исполнители феодального законодательства, так прославились взяточничеством, что народная мудрость охарактеризовала этих панских пиявок и ненасытных корыстолюбцев такой поговоркой: «Все равно, что стражнику дать два галера»³. Это означало, что плата в два галера была для стражника до смешного мизерным подношением. Если подданный хотел получить «правовую» защиту, он должен был платить гораздо больше.

Отчаянное положение чешского крестьянства еще больше ухудшалось в голодные годы, а также в связи с постоянными феодальными раздорами, которыми была наполнена предгуситская эпоха. Вся тяжесть кровавых феодальных

¹ Petr Chelčický, O trojím lidu, str. 85.

² Podkoní a žák, Staročeské satíry, ed. J. Vilikovsky, Praha, 1942, str. 70.

³ Konrád z Halberstadtu, Tripartitus moralium z r. 1360 (česká přísloví), ed. V. Flajšhans, ČCM, LXXX, 1906, str. 477.

ложилась на плечи сельского населения; его поля были опустошены, его хлевы ограблены, его хижины обобраны, самих крестьян использовали для различных военных подсобных работ, с их имущества брали деньги на выкупы и военные расходы. Феодалы сводили друг с другом счеты, а крестьянство оплачивало их своей кровью. Есть старинная поговорка, говорящая: «Паны дерутся, а у холопов чубы трещат»¹.

Из сатир, высмеивающих крестьян, а также из слов Хельчицкого явствует, что феодалы смотрели на крестьян свысока, презирали их и обращались к ним не иначе, как с бранью: «А если вправду три сословия составляют тело христово, тогда крестьяне, пастухи, бродяги и нищие должны иметь великий почет, хотя они занимают очень низкое место в общине. Но действительность далека от этого. Эти господа смотрят на простой и угнетенный народ с презрением, как на псов; поэтому не знают, какое унижение для них выдумать: они называют крестьян деревенской проказой, пугалом, сычами, холопами—их позорят эти высшие сословия»².

Мы познакомились с основными этапами тяжелого пути крестьянства в предгуситскую эпоху. На конкретных примерах, показывающих отдельные формы эксплуатации, можно составить картину невыносимой жизни чешской деревни. И именно эта нужда, страдания и гнет должны были найти свое отражение в сочинениях ученых современников, которым благосостояние и богатство не помешали увидеть действительность. Столкнувшись с этой страшной действительностью, магистр Ян Гус восклицает: «Вы, священники и монахи, грабили бедноту с помощью лицемерия и хитрости, путем продажи индульгенций; а вы, светские власти,—путем лихоимства, неправедным судом, насилием, вымышленными преступлениями и поборами «мертвой руки»³.

Как мы видим, Гус перечислил здесь все формы эксплуатации, с которыми мы познакомились выше. И именно тот факт, что данные источников и отдельные высказывания мыслителей и писателей о действительном положении в деревне взаимно подтверждают друг друга, заставляет нас решить, что здесь мы имеем дело не с политической страстностью, заставляющей подчас сгущать краски, не с «куль-

том бедности», а лишь с правдивым отражением действительности. Истинное отношение феодалов к крестьянину выражено у Штитного в следующем выражении:

Холоп, что верба:
Чем чаще ее обрубать,
Тем гуще она будет ветвиться⁴.

Мы уже видели, что феодалы действительно поступали согласно этому изречению. Современники метко характеризовали дворянство, жившее трудом крестьян, сравнивая его с ленивыми трутнями, живущими за счет трудолюбивых пчел: «Ведь святой Павел, когда говорит о мирских делах, не говорит так, чтоб духовенство всей тяжестью ложилось на трудящуюся общину, а господа жили за счет трудящихся, как бесполезные трутни между пчелами ели и пили за счет их трудов»⁵. Уже до Хельчицкого этот образ был использован в сатирических «Десяти заповедях». Седьмая заповедь—«не укради»—превратилась в горячее обвинение, направленное против короля, князей, панов, прелатов, владык и вообще всех, кто обирает бедноту:

Чтоб праздно жить, идя на плутни,
Вы поступаете, как трутни:
Живут они чужим трудом,
Едят чужое поедом,
Но лишь к концу приходит лето,
Жестоко платятся за это:
Их пчелы гонят, прочь их шлюют
И в ульях жить им не дают⁶.

В правление Карла IV, когда, вероятно, были написаны эти стихи, предостережение анонимного поэта носило отвлеченный, чисто литературный характер. Но через пятьдесят лет трудолюбивые пчелы—ограбленное крестьянство—поднялись против трутней—дворян—и сделали попытку выгнать их из улья.

¹ Tomáš Štítný, *Knížky šestery*, str. 153.

² Petr Chelčický, *O trojím lidu*, str. 72. Подобным образом Хельчицкий пишет в трактате «O boji duchovním»: «Беднота кормит богатых, богатые видят в ней источник своего благополучия и, лениясь, ложатся бременем ей на плечи» (там же, стр. 57).

³ Staročeské satiry, ed. I. Vilíkovský, str. 42.

¹ Tomáš Štítný, *Knížky šestery*, str. 170.

² Petr Chelčický, *O trojím lidu*, str. 67.

³ M. Jan Hus, *Výklad desatera božského přikázání*, ed. Erben, I, str. 149--150.

Если в заключение главы о крестьянстве мы подведем итоги нашему обзору источников и литературы, то, бесспорно, окажется, что взгляд, согласно которому положение крестьян перед 1419 годом непрерывно улучшалось, в самой своей основе является ошибочным и совершенно не соответствует действительности.

Некоторое улучшение в положении части крестьянства, улучшение, которое могло возникнуть в связи с падением ценности чешского гроша и отменой права «мертвой руки», сводилось на нет ростом налогового бремени и чрезвычайных поборов (особенно в церковных имениях). Основным недостатком вышедших до сих пор работ заключается в том, что в них не отражена все усиливающаяся социальная дифференциация чешской деревни в предгуситский период. Положение небольшой части населения деревни, быть может, порой и становилось лучше, однако большая часть крестьян, и прежде всего беднота, ряды которой пополнялись вследствие дробления крестьянских наделов, все более и более бедствовала. Барщина, церковная десятина и другие церковные поборы вместе с натуральным и денежным оброком, постоянно растущий налоговый и правовой гнет—все это составляло то непосильное бремя, которое тяготело над большинством крестьян. «Правосудие» с кровавым мечом в руке обеспечивало покорность подданных, охраняло старый порядок и заботилось о том, чтобы поступало достаточно денег в форме штрафов, накладываемых на крестьян. Понятно, что эта все усиливавшаяся эксплуатация должна была найти отклик у современников, которые не могли не видеть царивших в стране нужды и страдания.

Наконец, необходимо обратить внимание на тот факт, что именно в южной Чехии положение крестьянства было наиболее тяжелым. Анализ приведенных данных показал, что в южной Чехии процесс дробления крестьянских наделов был сильнее, чем в других областях страны. Вследствие этого и бедноты в этом районе было очень много. В то время как в некоторых поместьях (например, епископских) с уничтожением права «мертвой руки» с плеч крестьян была снята хотя бы часть бремени, в южночешских поместьях это право попрежнему полностью сохранялось. Из столь краткого обзора нельзя делать какие-либо далеко идущие выводы, однако вполне уместно предположить, что револю-

ционный взрыв был всего сильнее там, где эксплуатация была более тяжелой, как это было в южной Чехии.

И. Кадлец, разбирая подробно положение крестьян Златокорунского монастыря, владельца самого крупного поместья в южной Чехии, прямо говорит об этой зависимости: «Действительно, можно сказать, что прежде всего недовольство существующим общественным строем и надежда на коренное улучшение своего материального положения вовлекали широкие слои крестьянства в антицерковное движение. О подданных Святокорунского монастыря мы можем это сказать совершенно определенно»¹.

Если теперь, после анализа положения чешского общества начала XV века, мы возвратимся к учению о трех сословиях, то будем вынуждены еще раз подтвердить, что это учение было лишь теорией, призванной укреплять существующий феодальный строй; реальная жизнь в феодальном обществе не знала ни гармонии, ни мира. Углубление классовых противоречий, усиление эксплуатации, а также обострение соперничества и раздоров внутри правящего класса создавали постоянно напряженное положение и приближали момент, когда должна была вспыхнуть открытая классовая борьба. В правление Карла IV брожение усилилось, но его еще можно было прекратить. Карл IV умел удерживать правящий класс в состоянии относительного спокойствия, а равно и боевой готовности; он успешно подавлял малейшую попытку движения эксплуатируемых. Он опирался прежде всего на высшее духовенство (папа был его другом), в городах его поддерживал патрициат; он не только не восстановил против себя панство, а, напротив, своей ловкой политикой он сумел привлечь его на свою сторону. Но Вацлав IV не имел уже твердой опоры в папской курии, которую в 1378 году расколола схизма. Высшее духовенство Чехии уже не было столь преданно королю, как в правление Карла. А с архиепископом Яном из Енштейна Вацлав IV вступил даже в длительную и упорную усобицу, что было типичным и в отношениях остальных феодалов². Король решительно выступил против крупных чешских панов, владения которых непрерывно расширялись и которые стремились стать совершенно самостоятельными правителями. На этой почве

¹ J. K a d l e c, Dějiny kláštera Zlaté Koruny, str. 95.

² Последняя самая подробная работа о правлении Вацлава IV—книга Ф. М. Бартоша (F. M. B a r t o š, Čechy v době Husově, Praha, 1947), где в гл. V, начиная со стр. 231, анализируется борьба

паны сталкивались с королем и его окружением, не желавшими терпеть ограничения своей власти. Здесь также стоял вопрос о выморочных дворянских имениях, которые при отсутствии прямых наследников отходили к королю, распоряжавшемуся ими по своему усмотрению¹.

Подобное положение паны считали ограничением своих прав. Отношения стали особенно напряженными к концу XIV века, когда власть в стране все более и более стала сосредоточиваться в руках королевского совета, куда король назначал главным образом представителей низшего дворянства. Королевский совет был важнейшим правительственным органом, решавшим все важные вопросы, представленные на рассмотрение королю. Поэтому уже Смил Флашка в Новом совете протестовал против участия «холопов» в королевском совете и рекомендовал королю советоваться лишь с благородными панами:

В совет холопов не пускай
И иноземцев не сзывай,
На них не возлагай надежды,
Совету не внимай невежды,
Ведь твоему прилично сану
С таким лишь совещаться паном,
Чье благородное рожденье
Украсил также свет ученья².

Однако из списка членов королевского совета³ видно, что король не обращал внимания на подобные советы панов и в первую очередь окружал себя «любимцами», вышедшими из рядов низшего дворянства. В конце концов трения между панством и королем перешли в открытую войну. В 1394 году паны даже захватили короля в плен, и он освободился лишь с помощью своих родственников. Раздоры между панством и королем продолжались и потрясали страну вплоть до самой смерти Вацлава (1419 г.).

архиепископа с королем. Что касается книги Бартоша, ср. критику Ф. Грауса (Sborník hospodářských a sociálních dějin, II, 1947, str. 213).

¹ J. Čelakovský, Právo odúmrtné k statkům zpupným v Čechách, 1882, str. 7. Дворянство потребовало у Сигизмунда в 1419 году, «чтобы его королевская милость не изволила брать в стране выморочных имений» (Archiv český, III, 207).

² Smil Flaška, Nová rada, str. 67.

³ F. M. Bartoš, Čechy v době Husově, Praha, 1947, str. 458 n., exkurs č. 2.

«А он (Вацлав IV.—И. М.) не доверял им (панам.—И. М.), а паны—ему. И сделал король своими любимцами людей незнатных и был с ними ласков и помогал им, а на панов не обращал внимания»¹. В этом случае королевская власть не выполняла в феодальном государстве своей функции, необходимой для обеспечения устойчивых феодальных порядков; правда, она была орудием эксплуататорских классов и служила им защитой, однако не она подавляла раздоры внутри правящего класса, наоборот, сама приняла участие в бесконечных кровавых распрях.

И вновь приходится вспомнить ту картину, которую нарисовал проповедник Ян Желивский: это общество, в котором бурлит непримиримая классовая борьба, подобно «зловонному морю». Теперь в конце главы, оглядываясь на экономическое и социальное положение в чешских землях в предгуситскую эпоху, мы видим, что классовые противоречия и раздоры внутри правящего класса создавали предпосылки для формирования широкой классовой коалиции против церкви.

Высшее духовенство, самый крупный и самый богатый феодал Чехии, было объектом скрытых и явных нападков со стороны светских феодалов, бюргерства, городской бедноты и крестьянства. На стороне высшего духовенства стояла лишь часть панства, для которой борьба против церкви была борьбой против всего общественного строя, и немецкий патрициат, которому угрожало чешское бюргерство и беднота. Однако кризис мелкого дворянства не давал возможности панству, как бы ему ни хотелось захватить монастырские владения, выступить единым фронтом с разоряющимся рыцарством и земанством; тем менее оно могло объединиться с бюргерством и крестьянством—своими классовыми врагами. Поэтому-то Одржей из Брода справедливо называл союз гуситского панства с бюргерством и крестьянством «гнусным союзом... союзом железа и грязи»². Паны присоединились к гуситским народным массам с единственной целью: урвать себе возможно большую часть церковных владений. Идеи исправления церкви и всего общественного строя их не интересовали, более того, представлялись им опасными.

¹ Staré letopisy české, ed. Šimek, 1937, str. 4.

² K. Höfler, II, str. 349.

Низшее дворянство, чтобы удержаться на поверхности, было вынуждено бороться со своими соседями—панами и, следовательно, не могло идти с ними одним путем. Ближе всего к низшему дворянству стояло бюргерство, так как у обоих этих слоев были одни и те же враги: справа им угрожали церковь, панство и ростовщический патрициат, а слева—городская и деревенская беднота. Политика середины определяла путь бюргерской оппозиции—так мы будем называть политический союз низшего дворянства и бюргерства. У этой середины, как и всякого центра, было два крыла—одна часть сохранила свое общественное положение, богатели и тянулась вверх (низшее дворянство—к панам, бюргерство—к патрициату), другая часть разорялась и опускалась по социальной лестнице (низшее дворянство опускалось иногда до уровня крестьян, бюргерство—до положения бедноты). Эта внутренняя дифференциация средних слоев делала невозможным создание ясной и бескомпромиссной программы в особенности потому, что им все время приходилось бояться натиска слева и справа.

Зато позиция городской и деревенской бедноты была решительной и определенной. Мы видели разнообразные формы классового гнета, которому подвергалось сельское население (особенно деревенская беднота) и городская беднота. Неудивительно, что благодаря усиливающейся эксплуатации у обитателей городских трущоб и полуразвалившихся деревенских хижин нарастали гнев и ненависть ко всем эксплуататорам. Именно здесь прежде всего и вспыхнул огонь классовой борьбы. Хотя эта борьба не увенчалась победой, она была весьма успешной уже потому, что ей помогало соперничество внутри правящего класса и разложение его. Небезинтересно отметить, что эксплуатируемые смутно догадывались, что разложение и раздоры внутри правящего класса облегчают им наступление и помогают успешно вести борьбу против эксплуататоров. Поэтому-то в так называемых вальденских статьях, отражающих идеи народной ереси, мы находим пожелание, «чтобы всех князей, панов, священников и всех людей в их землях постигли ниспосланные богом войны, голод и мор, которые заставили бы их прекратить преследование еретиков»¹.

Не подлежит сомнению, что эта «ересь» в действительности стремилась не к чему иному, как к ослаблению правящего класса, что усилило бы эксплуатируемых. Решался важный вопрос, будет ли у «середины» достаточно сил и желания для того, чтобы использовать революционный подъем эксплуатируемого народа и повести его на открытую борьбу против всего общественного строя. Однако слабо развитое городское ремесло, тесно связанное с феодальной системой, не настолько еще созрело, чтобы бюргерство могло ставить себе такую конечную цель. Бюргерская оппозиция хотела лишь залечить некоторые свои недуги и, самое большее, исправить старый общественный строй. Вот почему в конце концов в решительную минуту она подавила революционное выступление деревенской и городской бедноты, пошла на уступки и удовлетворилась компромиссом.

Неорганизованная, классово неоформленная беднота не смогла осуществить свои мечты, порожденные ненавистью к существующему строю. Несмотря на это, невыносимый феодальный гнет и разложение правящего класса придали гуситскому движению такой размах, какого до тех пор не знало феодальное общество. Классовая борьба крестьянства и городской бедноты против старого общественного порядка привела феодалов на край гибели и настолько сильно потрясла основы феодализма, как до тех пор не потрясала ни одно движение в мировой истории.

В. И. Ленин определил предпосылки успешной революции, имея в виду прежде всего ход Великой Октябрьской социалистической революции, а также ход буржуазных революций. Слова Ленина применимы также и к предистории гуситского движения; в них мы найдем ответ на вопрос, почему гуситское революционное движение достигло таких размеров и нанесло старому феодальному порядку столь сильный удар, какого до тех пор не наносило ни одно движение в средневековой Европе.

«Основной закон революции,—писал Ленин,—подтвержденный всеми революциями и в частности всеми тремя русскими революциями в XIX веке, состоит вот в чем: для революции недостаточно, чтобы эксплуатируемые и угнетенные массы сознали невозможность жить по-старому и потребовали изменения; для революции необходимо, чтобы эксплуататоры не могли жить и управлять по-старому. Лишь тогда, когда «низь» не хотят старого и когда «верхи» не могут

¹ «Nis continentur articuli Waldensium» из рукоп. пражск. ун-та. (XIII, E, 7) опубликовал как прилож. I R. Holinka, *Sektářství v Čechách před revolucí husitskou*, Bratislava, 1929, str. 177—178.

по-старому, лишь тогда революция может победить. Иначе эта истина выражается словами: революция невозможна без общенационального (и эксплуатируемых и эксплуататоров затрагивающего) кризиса¹.

Мне кажется, что эта истина, столь точно сформулированная Лениным, подтверждается также предпосылками и ходом гуситского революционного движения. Мощный размах гуситского революционного движения был обусловлен общим кризисом чешского общества в предгуситскую эпоху. Однако борьба внутри господствующего класса была не настолько сильной, чтобы эксплуататоры не могли эксплуатировать попрежнему, и поэтому они во-время создали единый блок, который с помощью сил иностранной реакции потопил в крови движение чешского народа, поднявшегося на справедливую борьбу.

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 31, стр. 65.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ИДЕОЛОГИЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КЛАССОВЫХ ПРОТИВОРЕЧИЙ

Критика идеалистического метода буржуазной историографии.—Ф. Энгельс о ересьх.—Роль церкви как самого крупного феодала.—Католические стихи и песни, отражающие страх правящего класса перед нарастающей революционной волной.—Труды Томаша Штитного, показывающие классовый гнет, но не указывающие путей для его ликвидации.—Проповедники предгуситской эпохи К. Вальдгаузер, Ян Милич из Кромержижа и Матей из Янова, также не нашедшие революционного решения вопроса.—Учение и деятельность магистра Яна Гуса как источник революционной идеологии.—Связь Гуса с народом—прямой путь его к революционной идеологии.—Мелкие проповедники—друзья Гуса и наследники его идей.—Народные пророчества, отражающие нарастание революционной волны.—Народная ересь, первые объединения революционного народа.—Критика буржуазной историографии по вопросу о народной ереси.—Южночешский центр народной ереси.—Микулаш из Дрездена и Ян Желивский—хранители революционного наследия Яна Гуса и продолжатели его дела, призывавшие народ к борьбе.

Как жена, облаченная в солнце, о которой говорит апостол в Откровении, кричала от мук рождения,—так и чешское королевство, если оно будет иметь в чреве своем, будет мучиться и кричать, как во многих местах угнетаемые преследователями крестьяне кричат от мук рождения.

(Ян Желивский).

Буржуазная историография, исходя из идеалистического понимания истории, видит «в борьбе, положившей конец средневековью, одни только яростные богословские перебранки. По мнению наших отечественных знатоков истории и государственных мудрецов, если бы только люди того времени могли столкнуться между собой относительно небесных вещей, то у них не было бы никаких оснований ссориться из-за земных дел. Эти идеологи достаточно

легковерны, для того чтобы принимать за чистую монету все иллюзии, которые та или иная эпоха сама создает о себе или которые создают идеологи того времени о своей эпохе»¹. Это классическое высказывание Энгельса в адрес немецких буржуазных историков, писавших о крестьянской войне в Германии, блестяще характеризует также отношение чешской буржуазной историографии к Табору и к идеологии предгуситского периода.

Наша историки также хотят видеть в гуситском революционном движении и в Таборе прежде всего его религиозную сторону; самое важное для них—это споры по поводу формулировок и догматов, борьба за нравственные ценности. Однако уже современникам было ясно, что богословскими вопросами дело ограничивалось лишь на дискуссиях, в которых участвовало незначительное число ученых; простой народ, не умевший ни читать, ни писать, не имел с ними ничего общего, не понимал их, и, разумеется, не эти идеи могли воодушевить его.

В диалоге Ондржея Ржезенского Разум (Ratio) говорит об этом достаточно ясно: «Ты прав. Спорить о вере нужно лишь в присутствии ученых и мудрецов, а при простом народе этого делать не следует, и прежде всего потому, что среди народа есть множество слишком неразвитых и простых людей, которые подобные споры не могут понять» (курсив мой.—И. М.)². Вряд ли можно предположить, что народ, не разбирающийся в вопросах веры и во всех этих отвлеченных идеях, хотел бы идти за них в бой.

В чем, однако, источник ошибки тех, кто утверждает, что религиозный вопрос был главной причиной, побудившей гуситов подняться на борьбу? Причину возникновения этого ошибочного мнения следует искать в основном методологическом недостатке буржуазной историографии, в ее идеалистическом методе.

Поскольку образование было достоянием узкой прослойки людей и к тому же находилось в руках церкви, оно носило в тот период прежде всего богословский характер.

Все те, кто в источниках частного характера оставил нам описание основания и развития Табора, также были теологами или, во всяком случае, людьми с богословским

образованием. Очевидно, что в этих описаниях нашли отражение интересы авторов и прежде всего те вопросы, которые дискутировались в среде ученых, а именно—вопросы вероучения, обрядов и вообще разного рода богословские проблемы. Если мы ограничимся этими поверхностными описаниями споров, то окажемся в плену той же путаницы идей. Мы невольно будем отождествлять воззрения ученых и образованных людей того периода с воззрениями всех участников движения и в них искать причины разразившихся тогда битв и сражений. И вместо того чтобы писать подлинную историю самих людей, мы будем писать историю идей, дополненную искусственными психологическими построениями¹. От рассмотрения идей предгуситской эпохи необходимо перейти к исследованию вопроса о том, в какой зависимости находятся эти идеи от условий жизни чешского общества того периода. В предыдущей главе в основных чертах была представлена картина жизни всех слоев общества, вскрыты классовые противоречия и описаны раздоры, происходившие в Чехии перед 1419 годом. На основании многочисленных текстов и отдельных приме-

¹ На основе такого метода написаны работы Пекаржа, Седлака, Голинки, равно как Бартоша и др. (ср. введение). В вопросе о социальном значении идеологии исходят из книги E. Troeltsch, Die Soziallehren der christlichen Kirchen und Gruppen, Tübingen, 1912. Этот труд, который так расхваливал Пекарж, в действительности является пустым и многословным набором чисто идеалистических рассуждений, не основанных на конкретном материале источников. На каких убогих материалах построена эта книга, мы можем судить, например, по главе о гусизме (стр. 401—406), которая «разработана» только на основе обзорной работы К. Мюллера (K. Mülller, Kirchengeschichte, II). Важнейшую ценную работу Ф. Бецольда (F. v. Bezold, Zur Geschichte des Hussitentums) Трейля якобы не мог достать и не использовал ее! (Прим. 186 на стр. 406.) Книга написана как прямое «опровержение марксизма», почти каждая глава содержит полемику с Каутским (Предшественники новейшего социализма). Исследуя связь идей с социальной средой, автор всегда исходит из идей. Вульгарный идеализм, дающий возможность фальсифицировать историю, ясно проступает, например, в такой формулировке: «So neutralisiert die religiöse Idee von sich aus die weltlichen Unterschiede und mit der Entwertung der politischenökonomischen Güter hebt sie auch die Schranken der Rassen, Völker und Klassen auf» (стр. 33)*. Вполне понятно, что из столь лживого источника наша историография могла черпать только ошибки.

* Таким образом, религиозная идея сглаживает светские противоречия и, лишая своего значения политико-экономические факторы, уничтожает рамки, воздвигаемые расами, нациями и классами.—Прим. ред.

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, 1952, стр. 32—33.

² K. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, I, s. 581.

ров мы показали, как передовые мыслители и писатели того времени откликались на современные им события. В идеях Штитного, Гуса и в ряде литературных произведений мы нашли отражение реальной исторической действительности.

Прежде чем приступить к общей характеристике главных этапов в развитии идеологии предгуситской Чехии, следует вновь напомнить неоднократно повторенную уже истину: церковь была самым крупным феодалом в Чехии, она являлась опорой феодального общественного порядка, творцом идеологии правящего класса. «Церковь была организационным стержнем феодального общества, составной частью правящего класса, а идеи правящего класса всегда являются господствующими идеями»¹. Образование находилось полностью в руках церкви и было в первую очередь делом священников. Теология была единственной наукой, и университет находился целиком под ее влиянием. «Священное писание» и творения «отцов церкви» были источником познания и схоластической учености. Отсюда становится понятным тот факт, что идеи ученых принимали религиозную форму. Общественного мнения не существовало. Кафедра проповедника была единственной трибуной, с которой можно было обращаться к широким слоям народа. Богослов-мыслитель, богослов-юрист, священник-ученый были главными носителями средневековой культуры и идеологии. И даже тогда, когда образование распространилось в дворянской и бюргерской среде, католическая церковь продолжала держать верующих в руках с помощью догматов. Все вопросы, касающиеся проблем общественных, представляли в богословском одеянии, а религиозные догматы были краеугольным камнем мышления.

Нужно еще раз подчеркнуть, что религия, теология, была только внешней формой, в которой выражались идеи той эпохи. Содержание же составляли нередко конкретные общественные проблемы. Идеология католической церкви с ее догматами была для феодалов наиболее подходящей идеологией. Как нам представляется, выше мы достаточно ясно показали, а в дальнейшем надеемся еще подтвердить тот факт, что идеологи церкви, высшее духовенство, всеми силами поддерживали феодальный общественный строй. Поэтому все нападки на феодальный общественный строй

¹ Из наследия К. Копрада, Husitská revoluce, str. 18.

на идеологическом фронте неизбежно принимали форму нападок на догматы католической церкви. «Ясно, что при этих условиях все выраженные в общей форме нападки на феодализм и прежде всего нападки на церковь, все социальные и политические революционные доктрины должны были по преимуществу представлять из себя одновременно и богословские ереси. Для того чтобы возможно было нападать на существующие общественные отношения, нужно было сорвать с них ореол святости»¹. И в Чехии нападки на феодальный и общественный строй принимали в области идеологии форму ереси. Словами «ересь», «еретик» католическая церковь обозначала в первую очередь всех тех, кто выступал против феодального общественного строя и его идеологии—догматического католического учения. Ф. Энгельс правильно подчеркнул, что нужно различать мистику и учиную ересь от бюргерской ереси и ереси народной, не имевшей никогда стройной системы и представлявшей собой переплетение самых различных идей².

В то время как идеи мистиков и так называемых ученых еретиков часто целыми столетиями были погребены в толстых фолиантах, народная ересь распространялась в широких народных массах, способствуя росту протеста против церкви и всего феодального строя. Правда, по своей форме ересь была реакционна, она не указывала пути, по которому нужно было идти, она лишь ставила своей задачей очищение церковной догматики от покрывавших ее более поздних наслоений и возвращение к первоначальной раннехристианской церкви; однако по содержанию своему, которое сделало ее идеологией революционных масс, ересь была прогрессивным историческим явлением.

В связи с критикой современной церкви, попытками исправить ее и стремлением возвратиться к взлелеянному в мечтах идеалу «христовой церкви» «Священное писание» и его толкование стали основой и источником всех ересей. Общеизвестно, что библия в результате более чем тысячелетнего своего развития соединила в себе такое множество «истин»,

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, 1952, стр. 34.

² Там же, стр. 34—36. [Автор не совсем точно передает смысл высказываний Энгельса об отличии мистики от бюргерской и крестьянско-плебейской ереси. Энгельс говорит о мистике, ереси и вооруженном восстании как формах, в которых проявлялась оппозиция феодализму на протяжении всего средневековья.—Прим. ред.]

что с их помощью можно доказать положения, диаметрально противоположные. Оставляя в стороне такой вопрос, как различие Ветхого и Нового заветов, сошлемся на такие места из Библии, как, например, послания апостолов Петра и Павла, которые феодалы могли использовать непосредственно для укрепления своих привилегий, привилегий эксплуататоров, доказывая подданным, что бог требует подчинения господам¹. С другой стороны, евангельский рассказ о бедности Христа и братской общности среди апостолов находился в резком противоречии с характером тогдашней церкви, которая открыто эксплуатировала народ; этот контраст мог быть использован в борьбе против церкви². Особенно опасными для католической церкви были переводы Библии на национальные языки, что приближало ее к широким народным массам, прежде всего к бюргерству, и давало им материал для размышлений³.

В XIV веке на чешский язык были переведены отдельные книги Библии, а в первом десятилетии XV века появилась уже полная чешская Библия. Одним из первых сторонников перевода Библии был Ян Гус; он поддерживал попытки перевести Библию на чешский язык, так как понимал, что чешская Библия и ее толкования смогут стать орудием гораздо более активного воздействия на широкий круг верующих, в особенности на бюргерство. Отсюда страстная защита чешского перевода «Писания»: «Ха-ха, где клеветники и хулители, которые запрещают иметь Писание на

¹ Например, Послание к римлянам, XIII, I. «Всякая душа будет покорна высшим властям, ибо нет власти не от бога, существующие же власти от бога установлены».

² Деяния апостолов, 4,32: «И никто ничего из имени своего не называл своим, но все у них было общее».

³ О переводах «Священного писания» на национальные языки и главное о первом переводе на чешский язык см. F. M. Bartoš, *Počátky národní bible v Čechách*, Bratislava, roč. VI, 1932, str. 169 n. Более полно этот вопрос Бартош осветил в исследовании («*Počátky české bible*», Praha, 1941), в котором он объединил все свои статьи, вышедшие до тех пор: Hus a česká bible (JSH. 2, str. 1 n.), *Nové významné dílo Husovo* (JSH. 4, str. 7 n.), и уже известные нам *Počátky národní bible v Čechách*. Ф. М. Бартош исходил из идеалистической концепции и переоценивал значение перевода Библии на чешский язык. Доказательства того, что магистр Ян непосредственно принимал участие в переводе, неубедительны [Ф. М. Бартош включает перевод Библии на чешский язык в «*Literární činnost M. Jana Husi*» (Praha, 1948), str. 112—113]. Требование Гуса, чтобы «Священное писание» читали на чешском языке, явно выражено в Пильзенском письме (См. V. Novotný, *M. Janův korespondence*, str. 107).

чешском или ином языке? Молитву «Отче наш», которую Христос говорил по-еврейски, а св. Матфей написал по-еврейски, нужно учить по-чешски, если хотите спастись». Чешская Библия была весьма распространена уже накануне гуситского движения. Об этом свидетельствует проповедь Яна Желивского (11 июня 1419 года), который возмущается священниками и прелатами, обрекавшими на сожжение и уничтожение «все книги евангелия и посланий, написанные на родном языке»¹, и указывает на то, что в Чехии не разрешено иметь «Закон божий» в чешском переводе. «Священное писание», переведенное на чешский язык, явилось большой поддержкой при формировании основного направления гуситской народной ереси на Таборе.

* * *

Этот небольшой экскурс дал нам возможность более полно понять, каким образом кризис предгуситского общества отражался в идеологии эпохи. Разумеется, непосредственная реакция на кризис феодализма со стороны правящего класса резче всего проявлялась в постановлениях, назначением которых было обеспечить спокойствие и подавить разгорающуюся классовую борьбу. Право служило правящему классу для укрепления привилегий эксплуататоров и подавления классовой борьбы, и по мере того, как углублялись классовые противоречия, законы, направленные против тех, кто нарушает правовые предписания, формулировались все более сурово. Мы видели эту классовую направленность правовых установлений как феодалов, так и городов².

Петр Хельчицкий раскрыл классовый характер феодального права:

«А когда на стороне дьявола две столь высокие власти, ему легко бросить всех крестьян в великую тьму, ибо духовные лицемеры, находясь на высоких постах, издавали особые законы, противные закону божьему, но удобные для них, и заставили народ подчиняться им. А светские владыки установили в высших учреждениях такие законы и учреждения такие суды для народа, чтобы все казусы и попытки

¹ J. Tuhlák, *ČSN*, IX, 1903, 200 (из *Želivského výkladu na Zjevení Janovo v 12 kap.*).

² Сравни стр. 178.

сопротивления, происходящие в народе, судить по этим законам. А права, называемые земскими, противны божьим веленьям»¹ (курсив мой.—И. М.). Отстаивая интересы народа, Петр Хельчицкий отверг земское право, то есть право дворянской общины, как измышление дьявольское, которое служит лишь сильным мира сего, «находящимся на высоких постах», и направлено против простого народа. Законы издавались не в интересах народа, а в интересах феодалов и были направлены против простого народа—такова была реакция правящего класса на растущее недовольство народных масс. В сборнике законов *Majestas Carolina* говорится буквально следующее: «Мы постановляем, чтобы никто из панов, ни из владык, ни из бюргеров, ни из крестьян или иных людей любого происхождения никоим образом не устраивал (как это мерзко делалось иногда, чему мы сами свидетели) заговора (*conspirationem*), или братств, или договоров, или сборищ с кем бы то ни было...»² Совершенно очевидно, что для обеспечения спокойствия нужно было пресечь любую попытку недовольных объединиться, начать классовую борьбу или какие бы то ни было волнения. Столь же резко *Majestas Carolina* выступала и против ересей. Используя правовые установления, феодалы усиливали нажим на эксплуатируемых, борясь, таким образом, с кризисом, который охватил чешское общество в предгуситский период.

* * *

Чтобы проследить процесс развития народной революционной идеологии, обратимся прежде всего к литературным произведениям—стихам и песням, отражавшим общественные явления той эпохи. Сделать это позволяют нам прежде всего труды Зденека Неядлы, первого, кто собрал песни предгуситской эпохи и эпохи Гуса, дающие нам возможность ознакомиться с мировоззрением чешского народа³. Прежде всего следует обратить внимание на те литературные произведения, которые отображают всеобщий кризис общества того периода. Это стихи и песни, которые проникнуты

¹ Petr Chelčický, *O boji duchovním*, ed. Krofta, *Ot-tova Knihovna*, str. 55.

² *Archiv český*, III, čl. 34, str. 118.

³ Z. Nejedlý, *Dějiny předhusitského zpěvu v Čechách*, Praha 1904; *Počátky husitského zpěvu*, Praha, 1907; *Dějiny husitského zpěvu*, Praha, 1913.

духом пессимизма и для которых характерно преобладание мрачных красок и печальных образов. Подобный пессимизм станет вполне понятным, если мы примем во внимание, что авторы либо были непосредственно идеологами правящего класса, либо были связаны с ним, и углубляющиеся классовые противоречия и вражда казались им грозным предзнаменованием «конца света». Все, что было прекрасного и хорошего в этом мире, загрязнено и уничтожено—что же сулит нам завтрашний день—таков вкратце смысл стихов, вышедших из-под пера монахов и священников, идеологов класса феодалов. В пессимизме этих католических стихов сказывался страх правящего класса перед наступлением революционных сил. О том, насколько пессимистичен взгляд авторов подобного рода произведений на жизнь чешского общества, свидетельствуют, например, стихи «Нового совета», вышедшие из-под пера представителя знати пана Смилы Флашки из Пардубиц, принимавшего участие в восстании панов против короля Вацлава IV. В своих аллегорических советах королю он высказывает взгляды на общество, в котором минуты прояснения чередуются с периодами, когда наступает мрак, высказывает взгляды на мир, в котором вечно «кипит война»:

Создан так наш бренный свет,
Что в нем постоянства нет.
Вечно в нем кипит война.
Миг лишь длится тишина.
Ясный день—и снова мрак¹.

Мне кажется, что причина этого пессимизма не только в общехристианском взгляде, согласно которому греховный мир есть неизбежное зло, мрачное преддверие блаженной загробной жизни, от которого нужно бежать. Именно тот факт, что эта черта христианского взгляда на мир была подчеркнута и стала предметом особого размышления, является показателем настроения общества. Смил Флашка, творчество которого относится к «золотому веку», то есть к правлению Карла, мог еще говорить о чередовании света и тьмы. В конце XIV и начале XV веков пессимизм еще больше усилился. Стихи уже гораздо яснее отражают

¹ Smil Flaška z Pardubic, *Nová rada*, ed. Gebauer, str. 139.

существующие и обостряющиеся в чешском обществе противоречия. Правда и справедливость исчезли, зато повсюду лукавство и предательство, а вере «наступил конец»:

Истина на свете умерла,
Ложь закон на нет свела
И царит довольная собой.
Смертный вера проиграла бой,
Веры в мире не сыскать.
Нужно всем одно понять:
Правду выжгли из сердец,
Вере наступил конец¹.

В исполненном горечи стихотворении, относящемся приблизительно к 1415—1419 годам, неизвестный монах говорит о всеобщем упадке и прямо указывает причины создавшегося напряженного положения: «Повсюду слышатся угрозы и возникают козни, вера уничтожена, духовенство угнетено, папа стал посмешищем; захирело благочестие, зато процветают воровство и лукавство; духовные пастыри (*praesulatus*) пали духом, ученые (*doctoratus*) дрожат от страха, народ не признает бога. Плохо живется братьям, монахам и монахиням, вдовам, девам и иным верным. Рыцарское сословие, панюши, бюргерство слишком охвачены ложными учениями и мерзостями и не хотят одуматься. Некоторые мелкие священники (*clericuli*) и миряне, народ, стали схизматиками из-за книг проклятого еретика Гуса»². Совершенно очевидно, что автор связывает упадок «старых порядков» непосредственно с ростом самосознания низшего дворянства, бюргерства и всего народа. Нет нужды подчеркивать, что эти настроения тоски и страха, органически связанные с общим положением в предгуситской Чехии, лишний раз указывают нам, какие именно общественные классы выступали в процессе развития чешского общества на первый план.

Наиболее совершенное в художественном отношении и наиболее действенное выражение идей правящего класса в период роста классовых противоречий дает боевая сатира, написанная на латинском языке и относящаяся приблизи-

тельно к 1418 году. В ней опять простой народ (*simplex populus*) обвиняется во всяких ужасах и пороках:

В сей час стенания и плача
Весь мир проказою охвачен,
В нем честным людям места нет.
Умолкли честь и добродетель,
Презренный сброд всем править метит
И хочет переделать свет.
Обман и зло распространяя,
Законы божьи отвергая,
Сулит тем, кто убог и сир,
По-новому построить мир¹.

Всеобщее напряжение особенно ярко отразилось в стихотворении с характерным заглавием «*Dolus mundi*» («Ложь мирская»)». Неизвестный автор, симпатии которого, повидимому, прежде всего на стороне бюргерства, описывает злоупотребления, характерные для отдельных общественных классов. Он начинает с того, что вера во всем мире, по его мнению, полностью утрачена. Ее место заняла ложь, которая ныне владеет миром. От этого темного фона автор переходит к еще более печальной картине недостатков, преступлений и грехов отдельных классов. По его мнению, главный и самый великий грешник—это церковь, высшее духовенство. Прелатов он характеризует как захвативших множество пребэнд богачей, жизненное кредо которых—«сперва ты мне, а потом я тебе». Стихотворение критикует и приходских священников. Их обвиняют в том, что они в ответ на отчаянные вопли бедняков закрывают перед ними двери. У каноников, одетых в рыцарские одежды, столь черствое сердце, что они либо подают ничтожную милостыню, либо не подают вовсе. «А вы, кто хочет служить сатане, идите в монастырь!»—воскликает аноним и вслед за тем обличает жизнь монахов и монахинь. Он не щадит ни короля, ни герцогов, ни панов. Все они имеют мало общего с верой и выступают не столько против язычников, сколько против христиан; сердца рыцарей больше склонны к лукавству

¹ У. Fejfalík, Sitzungsberichte, XXXIX, s. 736.

² К. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, II, s. 94.

¹ Я перевел часть стихотворения «*Invectio satyrica in reges et proceres viam Wiclef tenentes*» из издания Палацкого «*Documenta*», стр. 689.

² «*Dolus mundi*», К. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, II, s. 51.

и злу, чем к добру. Его высказывания о бюргерах кратки и составлены в сравнительно умеренном тоне: среди бюргеров изредка можно найти верного, а то и вовсе не найдешь. С большим жаром он обрушивается на купцов, которых обвиняет в воровстве, лжи и обмане. Черную галерею портретов он заканчивает портретами лжесвидетелей—этой «ядовитой чумы». Нарисовав печальную картину всеобщего зла и доказав, что везде процветают лишь ложь и ненависть, поэт призывает к покаянию и исправлению. Каждого ожидает смерть, а божье милосердие открыто всем. Нужно покаяться, внимать голосу своей совести, ибо бог—справедливый судья. Разумеется, в этом стихотворении есть много мест, характерных вообще для поэзии того времени, однако следует обратить внимание на общий пессимистический тон, который, если даже и принимал обычные формы, все же отражал кризис чешского предгуситского общества и был созвучен ему. Интересно также отметить тот факт, что автор способен лишь описывать создавшееся положение, но не может указать путь к исправлению и улучшению; он видел только одну возможность отвратить всеобщую гибель—замкнуться в себе и обратиться к заповедям католической церкви. Здесь нет ни слова о возврате к первоначальной церкви, ни слова об изменении хотя бы некоторых церковных установлений. Автор разделяет с правящим классом его тревоги и опасения, однако не может дать ничего, кроме исполненных пессимизма предостережений, и способен только призывать к выполнению церковных предписаний.

Подобную тенденцию мы найдем и в «Песне о правде», аллегорическом произведении, написанном неизвестным университетским магистром около 1400—1409 годов¹. В ос-

¹ «Песнь о правде» напечатана у З. Неедлы (Z. Nejedlý, Ročátku husitského zřevu, Praha, 1907, str. 493—496). Неедлы с полным основанием относит ее к 1400—1409 годам и, остроумно указывая на позднейшую приписку—строки, направленные против университетских магистров,—доказывает, что автором ее был университетский магистр (там же, стр. 403 и сл.), о чем уже упомянул К. Новак при первом издании (K. Novák, Tábor, 1888). Последним об этой песне писал Ф. М. Бартош (Jihočeský sborník historický, XIX, 1950, str. 84, 85), но, повторяя при этом старую методологическую ошибку, он считал, что главное—это выяснить личность поэта. Хотя здесь он не высказывает прямо своих догадок, однако весь его метод, в своей основе ошибочный, приводит к неправильному толкованию пассивности поэта. Если мы будем рассматривать песню наряду с другими произведениями на фоне той социальной эпохи,

нову всей песни положена тема странствия Правды по миру. Спасаясь от преследований Кривды, Правда направляется к папской курии и там ищет защиты. Там ее встречает какой-то монах, который даже не желает с ней разговаривать, покуда она не заплатит:

Ничего ты, Правда, не добьешься,
Если золотом не запасешься.

Опечаленная Правда покидает обоих пап-схизматиков и обращается к князьям и панам, прося убежища. Однако между ними происходят непрерывные споры и раздоры, а поэтому и здесь ей приходится плохо:

И выслушать меня не захотели,
На меня собак спустить велели,—

жалуется Правда и приходит к выводу, что единственным убежищем для нее является монастырь. Однако уже через месяц она надоедает монахам и они изгоняют ее из монастыря. Правда покидает монастырь и идет в город, но и тут ей нет места:

Бедняк повсюду слезы проливает
Кто может, тот его и угнетает.

Из города Правде осталась одна дорога—в деревню, к крестьянам и приходским священникам. Однако и здесь она видит много зависти и также уходит оттуда. Убедившись, что на земле нет места, где бы она могла жить и процветать, Правда покидает греховный мир и находит убежище на небе, в сфере «небесного блаженства».

В этой песне, которая получила распространение в народе, особенно интересна для нас характеристика пороков, присущих отдельным общественным классам. Показательно, что папскую курию автор осуждает за ненасытную жажду золота, светских феодалов—за бесконечные раздоры, а бюргерство—за притеснение бедноты. Упрек крестьянам в том, что в деревне царит зависть, показывает, что автор не мог понять нужд и горестей крестьянства и объяснял завистью

когда она возникла, то нам станет ясно, что эта черта—обычная для того времени, а не характерная для какой-либо одной личности «века прогресса».

классовую ненависть крестьян к богатым феодалам. Обращает на себя внимание и тот факт, что автор, хотя и отобразил кризис чешского общества в предгуситский период, однако не нашел общественного класса, который мог бы «приютить Правду» и стать в авангарде борьбы за лучшую жизнь. Автор констатирует создавшееся в стране печальное положение, однако не видит выхода, возможного в «этом мире», и, не надеясь на человеческие силы, ищет его на небесах. Он считает, что царство правды существует только на небесах, что лишь там можно найти защиту и лекарство от земных страданий и нужды. Эти примеры убедительно показывают скепсис и безысходный пессимизм тех, кто видел недостатки современного им общества, но не знал, как их исправить. Эти люди были слишком тесно связаны с правящим классом и со всем существующим порядком и не могли даже подумать о том, чтобы оказывать влияние на широкие народные массы; вот почему они лишь отражали действительность, но не могли стать вождями.

Стихотворения и песни становятся подлинно народными лишь тогда, когда их начинают писать бедные священники, которые жили горестями и радостями простого народа и совершенно порвали со своими господами. А таких, как мы увидим, было немало¹.

То же отношение к жизни, тот же пессимизм характерен и для произведений южночешского владыки Томаша Штитного, со многими высказываниями которого по поводу состояния чешского общества мы уже познакомились. Как уже говорилось, критические высказывания Штитного всегда служили интересам низшего дворянства, с которым Штитный был тесно связан. Поэтому он, как и многие другие владыки, бывшие свидетелями происходивших в деревнях волнений, склонен рассматривать положение страны в черном свете. Если даже опустить те места, где он призывает отрешиться от этого мира (что, впрочем, свойственно всем толкователям Библии)², станет ясно, что и Штитный исполнен пессимизма—он рисует мрачную картину все

¹ До сих пор нигде не была дана литературно-историческая характеристика социальных функций латинской и чешской предгуситской поэзии. У нас даже нет изданного собрания этих стихов.

² Tomáš Štítňý, *Řeči besední*, Praha, 1897, str. 88. «А что можно сказать об этом мире? Лишь одно, что не подобает его любить, ибо он доставляет нам столько страданий и мучений, пока мы живем в нем».

ухудшающегося положения. Распространяются пороки и преступления, ибо погасла любовь, необходимая для мирной жизни «трех сословий». «Поэтому мы видим, что день ото дня становится все хуже; каждый хочет прослыть добрым, но редко кто этого действительно хочет. Разбойники, воры и лихоимцы и те не хотят прослыть дурными, а паны скорее хотят слыть добрыми, чем быть таковыми. А оттого, что распространились коварство и грех, погасла любовь у многих людей»¹. Штитный ярко изобразил все те недуги, которые разрушают согласие между тремя сословиями; однако, как идеолог мелких феодалов-эксплуататоров, он не смог избавиться от опасений и страха, а следовательно, и от вытекающего отсюда пессимизма. Вследствие той же тесной связи с феодалами Штитный не видел пути, по которому следует идти. Штитный указывает в своих произведениях на многие классовые противоречия, однако он предлагает от этого лишь одно лекарство—придерживаться всех церковных установлений и предписаний. Из его произведения ясно видно, что они возникли в тихих покоях родового замка или в зажиточном пражском доме, что не столкновения с горестями народа породили эти труды и что написаны они не для эксплуатируемых, а для узкого домашнего круга слушателей. Штитный не стал творцом идеологии революционного движения. Его произведения не оказали никакого влияния на развитие народного движения в южной Чехии, направленного против старого общественного порядка.

Революционная идеология могла вырасти лишь из идей проповедников, тесно связанных с широкими народными массами. Кафедра проповедника была колыбелью революционной идеологии, идеологии эксплуатируемого народа; и в своих стихах и в песнях народные проповедники указывали выход из «юдоли слез».

Все вопросы современного общества можно было обсуждать с кафедры—опять-таки в религиозной форме, в форме толкования Библии. Конрад Вальдгаузер в своих проповедях (на немецком языке), которые он произносил в церкви св. Гавла и в Гыне, уже в середине XIV века обличал прежде всего злоупотребления монахов, и, несмотря на то, что его восхваление бедности основывалось целиком на учении католической церкви, эти восхваления народ воспринимал

¹ Tomáš Štítňý, *Knižky šestery*, str. 159.

как поддержку и помощь. Вальдгаузер отнюдь не защищал классовых интересов бедноты, наоборот, он обращался все время к панам и вообще к богатым и, призывая к исправлению, отстаивал интересы только этого слоя. Однако благодаря тому, что он проповедовал перед лицом народа, его правверные проповеди превращались в призывы к открытому протесту.

Под впечатлением проповедей народ действительно расправился с несколькими монахами¹. Уже по результатам проповеднической деятельности Вальдгаузера можно судить о том, какую роль играла проповедь в процессе формирования революционной идеологии. Несмотря на то, что, например, у Штитного мы находим столь же резкие, а иногда и более решительные высказывания, влияние его труда не распространялось дальше узкого круга грамотных владык и бюргеров, в то время как слова Вальдгаузера и энтузиазм других проповедников становились искрами, падавшими прямо в пороховую бочку.

Особенно сильное влияние на простых верующих оказывал своими проповедями «пламенный проповедник» Ян Милич из Кромержижа. После 1363 года он отказался от блестящей карьеры и посвятил себя исключительно проповеди. Он обрушивался на практику покупки рент и таким образом выступал против патрициата; не менее резко выступал он и против феодалов, заявляя, что, если светские и духовные феодалы не придерживаются справедливости, они перестают быть властителями и становятся разбойниками. Милич обратил внимание и на публичные дома—неизбежных спутников феодального строя и порождение феодальных нравов. Он выступал против них не только на словах, он построил «Иерусалим»—убежище для бывших проституток, которых кормил и снабжал всем необходимым. В публичной проповеди перед архиепископом и собравшимися верующими Милич выступил и против Карла IV, которого он назвал «Великим антихристом».

Блюстители феодального порядка в борьбе с Миличем прибегли к насилию. Церковь объявила смелого проповед-

¹ О Вальдгаузере, Миличе и Янове см. Ф. Грауса (F. Graus, Chudina, str. 155), очерк которого я использую. Очень хороша и более старая работа Новотного (V. Novotný, Náboženské hnutí české ve 14 a 15 stol., Praha, s. d.). О Вальдгаузере см. F. Loskot, Konrád Waldhauser, feholní kanovník sv. Augustina, předchůdce M. Jana Husa, Praha, 1909.

Гус на костре (из сборника религиозных песен Смишковского).

ника еретиком, и Милич познакомился с тюрьмой при дворе авиньонских пап. Папа и император—два столпа феодализма—объединили свои усилия, чтобы заставить замолчать красноречивого еретика. Если Вальдгаузер все же удержался на почве церковности (хотя он и был обвинен в ереси), то проповеди Милича были уже совершенно еретическими.

Попытку исправить современный ему общественный строй предпринял и Матей из Янова, ученый магистр Парижского университета, писавший в Чехии¹. Исходя из мистического взгляда на единение христианства с богом, он пришел к выводу, что царство христово не от мира сего. Вот почему и ему, несмотря на то, что он высоко ставил бедноту и прямо провозглашал «культ бедности», не удалось создать основы революционной идеологии². Он был слишком далек от простого народа и слишком погружен в теоретические проблемы. Он утешал бедняков тем, что они могут чаще причащаться и по милости божьей принимать хлеб, явившийся с «того блаженного света». Здесь мы должны вспомнить окончание песни о странствии Правды по свету—она также принуждена была удалиться на небо; сравнивая идею этого стихотворения с идеями Матея из Янова, мы придем к убеждению, что в обоих случаях авторы не видели реального выхода здесь на земле, а искали его в загробной жизни. Эти идеи не только не могли быть призывом к восстанию, но даже служили интересам феодалов, так как усыпляли стремления эксплуатируемых, «мертвых для мира сего». Вспомним здесь уже цитированное изречение Матея из Янова о бедных, «которые мертвы для мира сего»,— и перед нами встанет образ своеобразного и глубокого мыслителя, который, однако, оторван от простого народа и объективно служит старому строю.

Вальдгаузер, Милич и Матей из Янова, несмотря на их различную роль в процессе развития классовой борьбы чешского народа в предгуситскую эпоху, имеют и нечто общее. Они отображали в своих произведениях и проповедях современную им жизнь, современное им чешское общество, в котором и они занимали определенное место: их объединяет то, что они жили и творили в период кризиса чешского

¹ V. K u b a l, M. Matěj z Janova. Jeho život, spisy a učení, Praha, 1905.

² F. G r a u s, Chudina, str. 161.

предгуситского общества. Предгуситские мыслители известны под одним общим названием так называемой чешской реформаторской школы. В действительности же их объединяла не реформация, а кризис тогдашнего общества, который они наблюдали и переживали. Их объединяют не идейные связи, а тот факт, что они жили в чешском обществе в эпоху кризиса феодализма, их связывала сама жизнь. Напрасны все попытки свести идеологию гуситского революционного движения к простой сумме идей Вальдгаузера, Милича, Матея из Янова, Штитного, а также Уиклифа или иных иностранных еретиков. Подобные попытки идеалистической буржуазной историографии должны в конце концов завести ее в тупик, так как нельзя оперировать абстрактными идеями, не принимая во внимание людей и общественную жизнь, породившую эти идеи¹. Наоборот, правильную картину гуситской революционной идеологии вообще и Тавора в особенности можно нарисовать лишь в том случае, если иметь в виду тесную связь этой идеологии с углубляющимся кризисом чешского общества в предгуситский период. Лучшим доказательством этой связи реальной деятельности с идеологией эпохи служат жизнь, произведение и сама смерть величайшего мыслителя той эпохи, одного из гигантов нашей истории, магистра Яна Гуса.

Сама жизнь Яна Гуса предопределила его роль; он сумел как никто выразить глубокие страдания и скорбь чешского

¹ Это всецело относится к нашей буржуазной историографии. Подобный метод привел к самым уродливым выводам в исследованиях «таборитства» (то есть идеологии Тавора, которая рассматривается как явление бесклассовое). Р. Голинка, Й. Пекарж и В. Халоупецкий нашли для «таборитства» такую формулу: вальденство + уиклифианство + пикартство и другие секты = таборитству (сравни, например, выводы статьи R. Holinka, Ročátky táborického píkarství v Bratislavě, VI, 1932, str. 195). «... в начале таборитского пикартства наряду с влиянием секты свободного духа (так называемых беггардов) и уиклифизма... мы находим... катарское евхаристическое учение, занесенное катаро-вальденскими сектами». Аналогичную комбинацию см., например, у Пекаржа (J. Peckář, Žižka, I, str. 16) или у Халоупецкого (Chaloupěcký, Bratislava, I, 1927, str. 293 п.). Ф. М. Бартош составлял это уравнение иначе и центр тяжести переносил на идеи чешских мыслителей Матея из Янова и Якоубека, однако прежде всего он говорил о влиянии Уиклифа; сравни самую позднюю работу Бартоша (YSH, XIX, 1950, str. 33 п.). В действительности же подобным способом ни тот, ни другой историк не могли решить вопроса, так как они подошли идеалистически и даже не ставили вопроса о том, в какой социальной среде эти «идеи» вырастали.

народа, указать угнетенным путь, по которому они должны идти¹.

В главе о социально-экономическом положении Чехии в конце XIV и начале XV века мы все время ссылались на Яна Гуса. Мы видим в нем тонкого наблюдателя и смелого борца против всяческого зла. С юности магистр Ян Гус видел трудную жизнь простых людей, с юности он уже был свидетелем несправедливостей феодального строя. Сам он родился в семье бедняка в южночешском городке, откуда отправился учиться в Прагу; уже в период учения он пережил первые горькие разочарования при столкновении с тогдашним общественным строем. Он не был знатен, у него не было денег не только на более или менее сносную жизнь, но порой даже на пропитание. Сухой хлеб и немного гороха — такова была пища молодого студента, как, впрочем, и всех бедняков. «А я, когда был голодным студентом, делал дожку из хлеба, съедал горох, а потом съедал и ложку»², — говорил Гус, вспоминая свои тяжелые студенческие годы.

Неслучайно Эней Сильвий Пикколомини отметил и подчеркнул низкое социальное происхождение Гуса: «Ян, происходящий из низкого рода»³, говорит он, собрал вокруг себя лишь бедных священников и ученых. Однако Гус был близок народу не только благодаря своему социальному происхождению. Бедный студент рано почувствовал и прямую эксплуатацию, когда в церкви пел вечерню вовсе не во славу божию, а лишь для того, чтобы духовные лица, владельцы многих бенефиций, могли выжимать из верующих деньги. «К сожалению, именно так. Священники и студенты служат и поют часами; так же и я, когда был студентом,

¹ Основным трудом о Гусе остается монография V. Novotný, M. Jan Hus, život a učení, I, Praha, 1919, а также VI. Kubal, II, Praha, 1923; наиболее новая популярная работа Z. Nejedlý, Hus a naše doba, Praha, 1946; результаты новых исследований о Гусе изложены Ф. М. Бартошем в книгах: «Co víme o Husovi nového», Praha, 1946; «Čechy v době Husově», Praha, 1947 (начиная с V главы). Нам крайне необходима полная разработка наследия Гуса (Кибал не пошел дальше теологической стороны его трудов), но это остается мечтой, пока не выйдет новое издание всех произведений Гуса [многие его труды остались в рукописи или известны только по изданию 1558 года, как видно из серьезного и ценного пособия Бартоша (F. M. Bartoš, Literární činnost M. J. Husi, Praha, 1948)].

² M. Jan Hus, Výklad desatera božieho přikázání, ed. Erben, I, str. 278.

³ E. Silvius, Historie česká, přel. J. Vičar, str. 78—79.

пел с другими за вечерней; мы пели только, чтобы отделаться, потому что деньги получали другие, а нас только использовали и помыкали нами»¹.

Это признание дает нам возможность понять ту неутомимую борьбу, которую всю жизнь вел Гус за справедливое общественное устройство, за исправление общества. Источником, питавшим Гуса в его борьбе, были не литературные образцы, а сама жизнь, реальная действительность, его тесная связь с чешским народом, горести и радости которого он так хорошо понимал. Гус именно потому и был так близок сердцам простых людей, что он был связан с ними, сжился с ними и видел и понимал все их горести гораздо лучше, чем его ученые современники, погребенные под грудой фолиантов, за глухими стенами университетов и монастырей. Видя горе бедняков, а равно порочность и праздность высшего духовенства и правящего класса, он все глубже задумывался и над вопросом о том, как вывести христианство из этого тупика. Здесь ему пришли на помощь произведения чешских и иностранных мыслителей, которые указывали на злоупотребления и стремились их исправить. Больше всего помогли ему в этом труды английского мыслителя Джона Уиклифа, ранние произведения которого отражали борьбу английских светских феодалов и короля против высшего духовенства и защищали классовые интересы английского бюргерства². Чешские феодалы также имели основания быть недовольными огромными богатствами церкви и происками папской курии. На тех же позициях стоял в XV веке и чешский король, когда он вступил в открытую борьбу с архиепископом Яном из Енштейна. Чешское бюргерство стремилось к созданию «дешевой церкви». Католическая церковь в глазах чешского народа постепенно утратила ореол святости, обнаружив свою истинную эксплуататорскую сущность. Поэтому Гус ясно ощущал, как растет народная ненависть к церкви, и с такой радостью и волнением приветствовал резкие антицерковные выступления Уиклифа и соглашался с его выводами. Уиклиф выражал мысли Гуса, и поэтому труды «евангелического доктора» стали теоретической опорой молодого чешского мыслителя.

¹ M. Jan Hus, *Výklad modlitby páně*, ed. Erben, I, str. 307.

² См. F. M. Bartoš, *Husitství a cizina*, str. 32 и новую работу Н. Fagan, R. Hilton, *The English Rising of 1381*, London, 1950, p. 72 s. (есть русский перевод).

Сейчас вряд ли даже стоит упоминать о злобных выступлениях некоторых немецких буржуазных историков, которые устами И. Лозерта¹ стремились представить все труды Гуса лишь как механический пересказ Уиклифа.

Общезвестно, что метод работы средневековых мыслителей считался тем совершеннее, чем больше авторитетов упоминалось в ходе изложения². Однако Гус воспринимал Уиклифа отнюдь не буквально и отнюдь не слепо, он воспринимал его творчески, освобождая его идеи от покрова учености и сопровождая их собственным комментарием. Католический историк И. Седлак, которого нельзя подозревать в симпатиях к Гусу, был вынужден так охарактеризовать метод использования Гусом идей Уиклифа: «Поэтому он излагает слова автора с помощью соответствующих текстов Писания, придает им живое, острое звучание, а порой даже собственную окраску и опускает спекулятивные рассуждения, которых не мог воспринять народ. При этом он умеет сохранить свою индивидуальность, отпечаток которой лежит на каждом его произведении. Переход от глубокой печали и резких обличений духовенства к отеческим поучениям читателей—все это выдает его живой темперамент и свидетельствует об искреннем стремлении содействовать нравственному и религиозному совершенствованию народа»³. Однако Седлак, как и все историки-идеалисты, видел в трудах Гуса лишь стремление к нравственному и религиозному совершенствованию народа. Вне поля его зрения осталась борьба Гуса против социального угнетения и бесправия—вопросы, которые прежде всего привлекают наше внимание.

Из социально-политических идей Уиклифа особенно увлекла Гуса идея о том, что каждый человек, если он совершает смертный грех, будь он светский сензор, прелат или епископ, теряет право на власть⁴. Правда, Гус не делает

¹ Joh. Loserth, *Hus und Wiclif*, 1884 и новое переработанное издание (1925).

² Лучший обзор проблемы зависимости Гуса от Уиклифа дал Ф. Бартош (F. M. Bartoš, *Husitství a cizina*, str. 20 n.).

³ J. Sedláček, *Studie a texty k náboženským dějinám českým*, I, str. 227—228.

⁴ «Nullus est dominus civilis, nullus est prelat, nullus est episcopus, dum est in peccato mortali». (Например, в 45 еретических статьях Уиклифа на Констанском соборе—Ot. Hardt, *Conc. Const.*, IV, 1523—1525.) Насколько опасен был этот тезис для феодалов, показывает письмо парижского университетского канцлера

из этого положения самых крайних выводов, то есть не выступает с призывом к борьбе против нечестивых панов, однако уже самый факт, что он развивал этот теоретический принцип с кафедры, перед лицом народа, способствовал развитию революционного движения.

Основное различие между Гусом и его так называемыми «предшественниками», а также и Уиклифом состоит прежде всего в соединении теории с практикой. Если сначала учение «евангелического доктора» о государстве и обществе привело к практическим результатам, то затем Уиклиф неизменно старался свести их на нет¹. Что касается Гуса, то он, наоборот, непрерывно укреплялся в своем горячем стремлении к «божьей правде», к победе справедливости и исправлению общества. В чем причина столь последовательного развития Гуса? Ответ следует искать в его тесной и искренней связи с народом. Гус заложил основы идеологии зарождающегося революционного движения, а обострение классовых противоречий и нарастание революционной волны, в свою очередь, поддерживало Гуса в его борьбе за лучший общественный строй. Эта диалектическая связь идеолога народа и широких народных масс оказалась возможной благодаря деятельности Гуса как проповедника.

Когда в молодости, в трудные и веселые студенческие годы в Праге, Гус размышлял о своей жизни, он на некоторое время поддался общей для того времени жажде получить место священника, чтобы обеспечить себе тем самым «хорошую жизнь». Однако, возмужав, он начал понимать, насколько церковь, этот крупнейший феодал, далека от справедливости, и пришел к убеждению, что не может и не имеет права плыть по течению—правое дело ждет своих защитников. «Я признаю свое дурное желание: когда я был студентом, я хотел скорее стать священником, чтобы иметь хорошее житие и одежду и чтобы люди меня почитали. Но это дурное желание я осознал, когда постиг Писание»². Поэтому, окончив учение, он уже знал, где его место. Не

Жана Герсона, обвинявшего Гуса перед пражским архиепископом Конрадом из Вехты 26 сентября 1414 года (Documenta, str. 529), где этот тезис прямо приводится в качестве воззвания к бунту, который не только церковь, но и все феодалы должны подавить мечом.

¹ Как впоследствии сам Уиклиф старался искусственно скрыть социальную сторону собственного учения, показывает и G. M. Trevelyan, England in the Age of Wycliffe, 1946, p. 199 s.

² M. Jan Hus, O svatokupectvi, ed. Erben, I, str. 429.

прекращая своей научной работы, он в 1402 году, не колеблясь, принял на себя ответственную и радостную обязанность—стал проповедником в недавно построенной пражской часовне, в так называемом Вифлееме. Отсюда с кафедры он мог обращаться к простым верующим, мог призывать их к чистой жизни, указывать им на существующие в обществе несправедливости и злоупотребления. Проповедь в Вифлеемской часовне стала неотделимой частью жизни Гуса, практическим осуществлением тех теоретических суждений и дискуссий, которые происходили в Пражском университете.

Об идейном содержании проповедей Гуса мы узнаем из его толкований десяти заповедей, молитв и сборников проповедей, а также из дошедших до нас проповедей самого Гуса. Со многими его взглядами мы уже знакомимся; теперь нам необходимо показать, как отразился в его произведениях всеобщий кризис феодального общества. «Также есть богатые светские пань, живущие по позорному закону, который не прощает беднякам податей и ввергает их в нищету и душит их, есть бюргеры, которые преследуют бедных должников, хотя знают, что им нечем заплатить. В этом грехе также повинны магистры, которые притесняют бедных студентов, обирают их, чтобы самим ходить в роскошной одежде и наслаждаться жизнью, ибо деньги, которые они берут, это *pastus*, то есть плата за паству. Дай бог, чтобы заботились о наших душах, а не только о материальном благополучии, только о своих потребностях»¹. Феодалов, эксплуатирующих крестьян, бюргеров-ростовщиков, эксплуатирующих бедных должников, Гус обличал так же горячо, как и себя самого. Гус был справедлив и досадовал на себя за свои проступки, не боялся признаваться в своих сомнениях, в приверженности к богатым бюргерам, у которых «такие большие животы от того, что они обжираются, не отличая поста от праздника». Сам Гус, пока не понял истинного положения вещей, часто пировал с ними, а следовательно, тем самым и грешил вместе с ними: «...ибо также я часто на этих пирах ел лишнее и пожирал труд бедняков»²,—говорит он. Проповедник, столь строгий к самому себе, был также строг и ко всем, кто «пировал» за счет чужого труда. Он обличал и осуждал эксплуататоров

¹ M. Jan Hus, Výklad modlitby páně, ed. Erben, I, str. 339.

² M. Jan Hus, Výklad desatera božieho prikázanie, str. 123—124.

и не боялся делать это перед эксплуатируемыми, развивая перед ними взгляды Уиклифа о том, что неправедные сеньоры не могут быть облечены властью. Нет нужды излагать результаты этих проповедей. Сначала Гус говорил о «грехах» эксплуататоров по отношению к эксплуатируемым, затем развивал мысль, что и над панамы есть бог, который является для подданных властью более высокой, чем паны, и его надлежит слушаться прежде всего: «Из десяти заповедей, данных нам, помните, что прежде всего вы должны слушать господина бога, а если бы вам приказал светский пан, или прелат, или родной отец сделать что-нибудь против него, вы должны повиноваться высшему господину и ни в коем случае не делать этого»¹.

После подобных проповедей в Вифлеемской часовне простому верующему становилось ясно, что грешных панов не нужно слушать и что борьба против них справедливая и является делом, угодным богу. Не было ли это давней мечтой простого человека, мечтой, которую власти постоянно искусно подавляли? Гус таким образом укреплял самосознание бедных и угнетенных. В Гуса мы также найдем восхваление бедняков и «маленьких людей»; он противопоставляет их надменным богачам, которые, хотя и занимают в феодальном обществе самое высокое место, тем не менее ничтожны по сравнению с бедными, но добродетельными и справедливыми верующими: «Например, если епископ погряз в разврате, а мирянин не знает за собой никакого смертного греха, старается не грешить и действительно за ним нет смертного греха, тогда такой мирянин—*будь то бедный крестьянин или бедная женщина, больше значит в глазах господина*» (курсив мой.—И. М.)². Поэтому к Вифлеему стекались все большие толпы простых верующих, а среди высшего духовенства крепло убеждение, что вифлеемского проповедника необходимо заставить замолчать. Сначала было издано запрещение проповедовать в часовнях, затем был осужден Уиклиф, его книги сожжены, а его последователи объявлены еретиками, со всеми вытекающими отсюда карами. Наконец, папа отлучил Гуса от церкви, а на место его пребывания—Прагу—наложил интердикт. Смелый борец за исправление общественного строя был поставлен вне закона.

¹ M. J a n H u s, Výklad desatera božieho príkazanie, str. 59.

² Там же, стр. 242—243.

Однако Гус не испугался и продолжал борьбу—в то время он более чем когда-либо тесно был связан с интересами всего чешского народа. Если до сих пор он был прежде всего идеологом мелкого пражского бюргерства и интересовался прежде всего горестями городского населения, теперь, после наложенного на Прагу интердикта, он более близко познакомился с тяжелым положением крестьянства. В 1412 году он начал свою деятельность в южной Чехии в области, прилежащей к Козьему замку. «Находясь в том краю, он много людей привлек к себе своими проповедями»¹,—пишет старый летописец о деятельности Гуса как проповедника. Сам Гус с любовью вспоминает свое пребывание в южной Чехии. «Сначала я проповедовал в замках и на улицах, а теперь проповедую около изгородей, возле замка, называемого Козий, среди городских и проселочных дорог»².

Бедные крестьяне и все сельское население с огромной радостью и воодушевлением приняли красноречивого проповедника, который в своих проповедях так ясно выразил их горести, нарисовал картину их тяжкого положения. Известно, что Гус уже раньше очень определенно выступил против принадлежащего панам права «мертвой руки»³. Эней Сильвий утверждает, что в основе проповеди Гуса среди крестьян было осуждение церковной десятины. «Чтобы склонить к себе сердца людей, он говорил, что они так же мало обязаны платить десятину священнику, как и подавать милостыню; от желания держателя участка зависит, хочет ли он давать ее; если же не хочет—его не могут ни по какому праву принуждать к этому»⁴.

Поэтому неудивительно, что сельское население восторженно следовало за ним, призывало его и собиралось вокруг него⁵. «Ко мне очень благосклонны,—пишет Гус,—в этом

¹ Staré letopisy české, ed. Charvát, str. 38.

² Postilla, ed. Erben, II, str. 256, 279.

³ O bráni odúmrti, ed. Erben, III, str. 191—196. «Это ты запомни,—пишет Гус неизвестному мелкому дворянину,—будь доволен своим, не ищи от смерти выгоды, будь милосерден к бедным...»

⁴ E. S y l v i u s, Historie česká, str. 82.

⁵ Причину широкого отклика, который вызвало учение Гуса в южной Чехии, нужно искать прежде всего в тяжелой эксплуатации чешских крестьян и в их ненависти к феодалам, а отнюдь не в «особом душевном предрасположении южночешского населения» (R. H o l i n k a, Sektářství v Čechách před revolucí husitskou, str. 144 n.).

краю, где я проповедовал в городах и селах, и на полях, и в замках, и близ замков, и в лесу под липой, около замка, именуемого Козий. А возвестив им правду божью, я перебрался в другой край, чтобы и там возвестить истину. А потом, если бог даст, пойду в следующий край, как делал наш милостивый Спаситель»¹. Перед Гусом теперь стояла уже совершенно ясная задача: проповедуя, познакомить весь чешский народ со своим учением. Путем долгих размышлений он пришел к убеждению, что нужно исправить церковь и весь общественный строй, воскресить все добродетели первоначальной бедной «церкви христовой» — теперь он почувствовал потребность рассказать народу о тех выгодах, к которым он пришел. Проповедь Гуса, шедшего по стопам многих безвестных бродячих проповедников-бедняков, пробуждала в особенно жестоко эксплуатируемом южночешском крестьянстве самосознание, будоражила его. Деятельность магистра принесла плоды через шесть лет, когда последователи Гуса, бедные таборитские священники, продолжили его дело.

Проповеди Гуса, как и все его труды, по своей форме и содержанию были попыткой реформационным путем восстановить добродетели раннехристианской церкви.

Однако по отклику, который пробудила в народе деятельность Гуса, и по своим последствиям она имела революционное значение, особенно если учесть, что смелого проповедника не остановили ни «злые проклятия» церкви, ни материальные лишения — за идею исправления церкви и общества он готов был идти на смерть. Правда, до самой смерти Гус защищал учение «о трех сословиях» и никогда не призывал к уничтожению старого общественного строя. Программа Гуса — программа реформ. Таковы его теоретические высказывания. Но как воздействовали его вдохновенные проповеди о необходимости реформы на благочестивых слушателей? О чем же говорил магистр Ян с кафедры, отдавая свое учение? Мы не имеем точных текстов проповедей, произнесенных в Вифлеемской часовне, не сохранились и проповеди, произнесенные среди цветущей чешской природы перед забитыми чешскими крестьянами. В лучшем случае до нас дошли своего рода конспекты, по которым Гус произносил свои проповеди, однако известно, что Гус, как пра-

вило, импровизировал. Что представляла собой его проповедь, показывает жалоба, поданная в Констанце на Гуса: он де мучил народ и подстрекал его к открытому восстанию. Во время антиуиклифистских мероприятий в Праге, в 1409 году, Гус якобы поднялся на кафедру и сказал: «Вот я отказался повиноваться приказам архиепископа и сейчас отказываюсь — хотите ли вы, несмотря на это, идти за мной?» На это народ закричал: «Хотим и будем с тобой!» «Так знайте, — продолжал магистр Гус, — что я хочу проповедовать и дальше; и так буду проповедовать, пока не буду изгнан из страны или пока не умру в темнице. Папы, конечно, могут лгать и лгут, но бог не лжет; поэтому выбирайте, и если хотите быть со мной — оставайтесь и не бойтесь отлучения, потому что по законам и обычаям церкви вы протестовали вместе со мной». И добавлял: «Право, нужно было бы, как указано Моисеем в Ветхом завете, чтобы каждый, кто хочет защищать закон божий, препоясался мечом и был готов. Так нужно и нам — препоясаться и защищать закон божий»¹.

Здесь, несомненно, уже звучит ясный революционный призыв к народу. Однако мы не можем быть вполне уверены, что донос передает подлинные слова Гуса, так как этот донос подал собору в Констанце личный враг Гуса, а сам Гус утверждал, что под борьбой он подразумевал борьбу духовную, но никоим образом не действительную, физическую². Как бы там ни было, ясно одно — реформационные идеи Гуса, распространяясь в народе, падали на подготовленную почву. Программа Гуса-реформатора, программа исправления общества, постепенно превращалась в революционную программу.

Насколько опасны пламенные призывы Гуса к исправлению общества, лучше всего понял канцлер Парижского университета Жан Шарль из Жерсона, который прямо предложил вниманию Констанцкого собора уиклифистские «еретические произведения» Гуса со следующим прибавле-

¹ Цитирую по кн. J. Se d l á k, Studie a texty, II, str. 304. Переведено из жалобы архиепископа, которую кардинал Отто полностью включил в буллу, осуждающую Гуса как еретика (Documenta, str. 404 n.). В записанных проповедях нет этих слов. Правда, латинские конспекты не дают полного представления о том, что говорил Гус по-чешски.

² Documenta, str. 281; Гус признает, что говорил о мече, однако, согласно его утверждению, он сказал слушателям, что подразумевает под мечом слово божье, «чтобы мои враги меня не поймали на слове».

¹ Proti knězi kuchmistrovi, ed. Erben, III, str. 241.

нием: «Ясно, что ввиду смелости, упорства и многочисленности последователей этого архиеретика Джона Уиклифа в Англии, Чехии и Шотландии, нужно против них бороться не столько замысловатыми мудрствованиями, которых они недостойны, сколько судебными приговорами, ибо они своей столько раз уже осужденной ересью бесстыдно выступают против всякой власти и церковной и светской, *попирают основы права не только церковного и государственного, но также божеского и естественного; наконец, они подстрекают грубых и необразованных людей и крестьян ко всяким безобразиям и бунтам. Их скорее и легче можно исправить карами, чем словами* (курсив мой.—И. М.)¹.

Идеолог и защитник интересов правящего класса совершенно ясно показал основу «еретичества» Гуса, а также истинную причину, почему этот опасный бунтовщик должен был погибнуть на констанцском костре.

Церковь полагала, что казнь в Констанце нанесет смертельный удар революционному движению, что феодалы восторжествуют. Однако именно мученическая смерть Гуса в Констанце превратила его реформаторскую деятельность в завет революционной борьбы. Ни оковы, в которые он был закован в холодной, пронизываемой ветрами Готтлибенской башне, ни изощренные пытки, ни допросы—ничто не могло сломить его; не было в мире силы, которая поставила бы на колени «закоснелого чешского еретика». Он не был одинок, когда один стоял перед собором, он страдал не только за свое личное дело, за собственные идеи. Еще тогда, когда он был в тюремной камере, перед ним теснились живые воспоминания о родной стране, он думал о горестях и страданиях «своих братьев и сестер во Христе»—о чешском народе. Сознание тесной связи с широкими народными массами, сознание справедливости борьбы за «божью правду» укрепляло его в эти тяжелые минуты.

Читая констанцские письма Гуса, мы вновь и вновь убеждаемся, что перед трибуналом собора стоял не одинокий, оторванный от всех еретик, а выразитель чаяний всего чешского народа, защищавший права этого народа за лучшую жизнь. Именно поэтому он смог побороть минутные приступы сомнений, поэтому в его словах нет пессимизма, отчаяния и растерянности. Мыслители, писатели и худож-

ники, отражавшие в своих произведениях интересы правящего класса, в их черной злобе и слепой бессильной ярости были исполнены страха перед революционным народом. Наоборот, каждое слово магистра Яна, выражавшего чаяния мелкого бюргерства и всего страдающего чешского народа, проникнуто уверенностью, ясной мыслью и оптимизмом. Вот почему после осуждения (6 июля 1415 года) Гус со спокойным лицом вышел на констанцские улицы и без боязни взошел на костер. Вот почему не увенчались успехом попытки феодалов, хотя бы здесь, на костре, заставить его отречься от своего учения. «Целью моих проповедей, учения, сочинений и иных моих деяний было вывести людей из глубины греха»,—так отвечал Гус на костре, когда уже был привязан цепью к столбу и до самого горла обложен поленьями. «А за ту правду, о которой я писал, которой учил, которую проповедовал из закона божьего и толкований святых докторов, я с радостью иду сегодня на смерть». Какая разница между безнадежностью и пессимизмом ученых, защищающих старый строй и отвернувшихся от народа, и этой ясной, исполненной радости решимостью Гуса, умирающего за лучший общественный строй, за лучшую, радостную жизнь для всего чешского народа!

Мученической смертью Гус завершил дело всей своей жизни. Его казнь заканчивается подготовительный период формирования революционной идеологии. Всем было ясно, что необходимо твердо стоять за дело исправления общества, и смерть за него не будет бесплодной. Нужно было лишь, отбросив страх, идти по стопам Гуса, идти на борьбу против эксплуататоров.

Жизнь, деятельность и смерть Гуса являются примером развития революционной идеологии—от отвлеченного еретического учения до идеологии простого труженика. Деятельность Гуса является вершиной чешского «ученого еретичества», которое своей критикой общественных и прежде всего церковных злоупотреблений звало эксплуатируемых на борьбу.

Вот почему труды Гуса стали основой революционных традиций нашего народа, а сам Гус является выдающимся деятелем нашей и всемирной истории. «Великий человек является инициатором именно потому, что он видит дальше других и хочет сильнее других. Он решает научные задачи, поставленные на очередь предыдущим ходом умственного

¹ Из рукописи Ватиканской библиотеки—Bibl. Vatikán. Palat. 595, f. 55—55v, перевел V. Novotný, M. Jan Hus, I, str. 392—393.

развития общества; он указывает новые общественные нужды, созданные предыдущим развитием общественных отношений, он берет на себя почин удовлетворения этих нужд. Он герой, не в том смысле герой, что он будто бы может остановить или изменить естественный ход вещей, а в том, что его деятельность является сознательным и свободным выражением этого необходимого и бессознательного хода. В этом все его значение, в этом вся его сила. Но это—колоссальное значение, страшная сила»¹. Я думаю, что эту данную Плехановым характеристику великой исторической личности героя вполне можно применить и при оценке исторического значения магистра Яна Гуса, который был выдающимся деятелем не только нашей, но и всемирной истории.

* * *

До сих пор мы пытались проследить, как кризис феодализма отражался в литературе той эпохи—в песнях и стихах, а также в проповедях, главным образом ученых литераторов и проповедников, теории которых подготавливали решение самых животрепещущих вопросов современности. Теперь следует рассмотреть, как отклик широких народных масс на все тягости и беды отразился в народных пророчествах, в народных ересьях. Разумеется, и в них мы находим не только отражение обостряющихся классовых противоречий, но и—пусть в намеках—призывы к вооруженному восстанию против эксплуататоров.

Пророчества² были обычной для средневековых людей формой выражения их тайных стремлений и чаяний. Передаваемые из уст в уста пророчества исходили обычно из определенного установившегося канона, однако они впитывали в себя характерные черты, присущие отдельным странам и эпохам. В предгуситскую эпоху интересны два цикла

¹ Плеханов Г. В., К вопросу о роли личности в истории, М., 1948, стр. 41.

² Подробнее и лучше всего о пророчествах XIV—XV веков говорит Урбанек в фундаментальной, до сих пор недооцененной работе (R. U r b a n e k, K české pověsti královské, ČSPSC, XXIII—XXVI, 1915—1918). О пророчестве Сивиллы см. ČSPSC, XXV, стр. 10 и о списке пророчества Руперсисса см. ČSPSC, XXV, стр. 65 и сл. На основе этой работы написаны также следующие абзацы.

таких пророчеств: чешская обработка пророчества Сивиллы и чешская версия пророчества Руперсисса¹.

В начале XV века в Чехии было переведено и обработано немецкое «пророчество Сивиллы» начала XIV века. Прибавления и дополнения старочешского переводчика к первоначальной немецкой версии являются показателем настроений и убеждений простых крестьян и мелких бюргеров Чехии, в среде которых распространялось это пророчество: к такого рода добавлениям относятся вставки, в которых говорится о одурном духовенстве, чванливым панстве и о восстании «ничтожных червей», то есть крестьян. Главным в этой чешской обработке пророчества Сивиллы является ответ на исполненные тоскливого ожидания вопросы современников о том, когда настанет конец света. Чешская версия пророчества Сивиллы, в отличие от других пророчеств (которые при помощи сложных расчетов устанавливают точно год наступления конца света), не отвечает прямо, когда настанет этот конец, но указывает, что его возвестит появление кометы, которая должна показаться после 1400 года. Далее следует предсказание тех ужасов, которые будут сопровождать появление этой кометы, причем в этом пророчестве дается критика общественных злоупотреблений. Духовенство исполнено злобы, жадно до мирских богатств, и нет поэтому ничего удивительного в том, что верующие теряют к нему уважение. Но тяжкая кара предстоит священникам: они будут разогнаны, перебиты, замучены, немногие из них останутся в живых и, наконец, «вместо священника человеку будет проповедовать человек».

Пророки имели в виду мирян-проповедников слова божьего. Не менее резко выражена направленность пророчества и против светских эксплуататоров, нечестивых панов. Они чванятся друг перед другом и вместо того, чтобы уважать справедливость, покрывают воров и оправдывают их. «А из-за этого в нашей стране, да и повсюду поднимается народ... Панов и рыцарей покроет позор и постигнет нужда... и это потому, что на долгое время власть перейдет к «ничтожным червям» (то есть к крестьянам). Однако даже после этого победоносного крестьянского восстания не наступит

¹ Ferd. Menčík, Česká proroctví (K dějinám prstonárodní literatury), 4 rozmnžené vydání, Praha, 1918. Здесь даны оба пророчества. Разбор рукописи, на основе которой подготовлено издание, дал Урбанек.

блаженство. Гордость, неверие и фальшь будут существовать до тех пор, пока бог не даст народу короля Фридриха. Фридрих соберет весь христианский мир, овладеет гробом господним и на сухом дереве перед Иерусалимом повесит свой щит, после чего дерево сразу зазеленеет. Добрые священники вернутся к верующим, однако придет Антихрист, который лишь с помощью божьей будет сброшен из поднебесья в ад, и после 45 дней покаяния мир погибнет и вострубит к последнему суду».

И в эти беспорядочные и казалось бы далекие от действительности мечты простой человек вложил свою горячую веру в освобождение. Пророчества, так резко обличавшие феодалов, защищавшие правое дело крестьянства и предсказывавшие ему успех в борьбе с эксплуататорами, укрепляли в народе эту веру.

Если в основу пророчества Сивиллы был положен немецкий текст, то за основу иоакимитских пророчеств Жана де Руперсисса был взят французский текст, в чешском варианте сильно измененный. Это—пророчества, связанные с хилиастическим представлением о мире италийского мыслителя, аббата Иоахима Флорского¹. Он различал три века: первый—век бога-отца, в этот век руководствовались Ветхим заветом; второй век—век бога-сына, когда люди жили согласно Новому завету; и третий—век святого духа, в котором люди будут следовать «Вечному Евангелию». Согласно целому ряду пророчеств, «Вечное Евангелие»—духовная основа закона Христа—является долгожданным и желанным переворотом, реформой церкви, наступлением истинной веры, мира и покоя. Отголоски этих иоакимитских пророчеств слышны и в творениях французского францисканца Жана де Руперсисса, произведение которого «Следуй за мной» («Vade tecum») в конце XIV века было переведено на чешский язык. В переводе были литературно обработаны народные пророчества, переработана и дополнена основа французского оригинала. В предисловии приведены сведения о Руперсиссе, который в 1349 году был обвинен в ереси и заключен в авиньонскую тюрьму, где и написал свое сочинение. Чешская обработка содержала в себе критику общества; ее острие было направлено против по-

роков католической церкви. Здесь прелаты и священники сравниваются с блудницей, «готовой принадлежать первому встречному». Они надменны и жадны—прямая противоположность бедному и смиренному Христу. Эта идея также соответствовала настроениям в Чехии, где всюду росла ненависть против феодалов вообще и против церкви в особенности. Однако пророчество не только давало картину беспорядка, угнетения бедняков, развращенности, гордости—всех злоупотреблений и пороков католической церкви,—оно предрекало близкий переворот, который принесет улучшение. А это произойдет отнюдь не мирным путем, а с божьего соизволения с помощью «тяжелых дубин и жестких бичей». Множество злых священников погибнет при этом от меча, голода, огня и «злых духов» и лишь часть их будет обращена, «они будут помилованы ввиду своей благочестивой жизни»; при этом кровавом побоище папа и кардиналы бегут из своих резиденций и напрасно будут искать убежище. Но кто совершит это дело исправления общества? Народ, «ничтожные черви», они «поднимутся и с ожесточением разорвут львов, медведей, леопардов и волков и иных крупных зверей, что живут на земле; жаворонки и иные малые пташки растерзают орлов, соколов, ястребов, коршунов». «Непокорный народ» перебьет князей церкви, а феодалов «лишит власти и богатства». Для эксплуатируемых крестьян, для нищих бедняков подобные пророчества были образцом их будущих выступлений. Они толкали их к решительным действиям. Вновь, как и в пророчествах Сивиллы, в качестве движущей силы восстания против сильных и богатых выступают «ничтожные черви»—деревенский люд, который беспощадно расправляется с властями. Согласно известным аллегорическим образам, которые мы уже встречали, например в «Новом совете» Смилы, каждому было ясно, кого подразумевает пророчество, когда говорит об орлах, львах, соколах, медведях и т. д. Хищники, под которыми подразумеваются феодалы, должны были стать жертвой более слабых творений—жаворонков и червей (аллегория земледельческого люда). А если к тому же учесть, что положение крестьянина в предгуситской Чехии непрерывно ухудшалось, то станет ясно, что эти столь резко звучащие пророчества не только ярко отражали господствующее в деревнях настроение, но и способствовали тому, что цели, которые ставили перед собой эксплуатируемые, все более прояснились.

¹ Cp. F. Überweg—B. Geyer, Grundriss der Geschichte der Philosophie, Berlin, 1928, S. 249; H. Grundmann, Studien über Joachim v. Floris, 1927.

Пророчество Руперсисса далее уже прямо говорило о том, что весь христианский мир огласится воинственными кликами, когда с востока придет антихрист и принесет христианам кровавые муки. «И будут тогда люди жаждать мира и не будет мира!» Кулак мирянина нанесет удар «злому духовенству», «подвергнутся бесславной казни духовные лица, монахи черные, белые и серые, картезианцы, крестоносцы, монахини», у них будут отняты все именья, права на взимание поборов, а «все их красивые здания» будут уничтожены. Всеобщее замешательство будет довершено катастрофами в природе—потопом, огнем, землетрясением и мором. Мир превратится в кровавое побоище, и вместо дружеской совместной жизни будет кипеть бой всех против всех. «Среди панов и простого народа начнется такое предательство, что человека, имеющего друга, которому можно вполне доверять, будут почитать счастливец».

Эти народные пророчества дают нам возможность хотя бы частично восстановить идеологию и представления простого народа—крепостного крестьянина и городской бедноты. Нет сомнения в том, что именно в этой среде возникли фантастические видения рушащегося царства богатых и сильных и в первую очередь церкви. В этих видениях и пророчествах слышался грохот будущих боев, в них эксплуатируемый народ вкладывал свои тайные надежды на лучшую жизнь, они порождали веру в священную миссию «ничтожных червей»—революционной силы предгуситского общества. Наряду с пророчествами существовали также народные «неученые» ереси, которые опять-таки принимали форму и «заблуждений» и отклонения от догмы и подготавливали почву для будущих выступлений против церкви и феодалов. Прежде чем приступить к краткому обзору «неученых» народных ересей XIV и начала XV веков, нужно сделать несколько замечаний методологического характера и указать на недостатки существующих до сих пор исследований.

Буржуазные историки, занимавшиеся проблемой средневековой народной ереси, никогда не сходили с идеалистических позиций как в общем понимании истории, так и в методах изложения данной проблемы. Они рассматривали еретические движения как явление чисто религиозное. Их интересовали лишь идеи, взятые изолированно, и эта основная методологическая ошибка не дала им правильно решить проблему народной ереси. Такой характер имеют работы по

истории ереси (например, работы Ли¹, Дёллингера², Гансена³ и др.) и труды чешских историков, посвященные чешской средневековой ереси (например, труды Голла⁴, Халоупецкого⁵, Неймана⁶, Голинки⁷, Бартоша⁸ и др.).

Выдвижение на первый план филиации идеи (о чем свидетельствуют такие, например, формулировки: «данная идея—катарского происхождения»⁹, или «гуситское движение в смысле религиозном было непосредственно вызвано иным миром—миром чужих идей и вещей», «источником гу-

¹ Ч. Ли, История инквизиции в средние века, I, II. Этот труд прогрессивного американского историка конца XIX века страдает идеалистическим пониманием истории; однако автор оценивает еретические движения вполне положительно, как «духовное пробуждение», как «борьбу за правду» и т. д. Любопытно, что чешские буржуазные историки крайне невнимательно относились к этому фундаментальному труду о средневековой ереси и почти его не цитируют (см., например, R. Holinka, Sektářství v Čechách před revolucí husitskou, Bratislava, 1929). Знаменательно также, что чешский исторический журнал (Český časopis historický) никак не высказался по поводу труда Ли, хотя обычно в нем помещались рецензии и сообщения о любой даже незначительной работе. В номерах VII и VIII «Чешского исторического журнала» помещены лишь коротенькие заметки в отделе хроники. Но в противовес этому чешские буржуазные историки особенно тщательно и подробно использовали реакционные, догматическо-католические книги Дёллингера.

² Ign. v. Döllinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, I—II, München, 1890. Основным недостатком этой работы является ясно выступающая ортодоксально католическая точка зрения автора, который в своих взглядах на еретиков полностью солидарен с католическими памфлетистами и инквизиторами. Разумеется, это чисто идеалистическая и крайне схематическая работа, целью которой является проследить процесс развития идей. И почти нигде читатель не может узнать о социальном характере отдельных сект, не может понять, кто же собственно были эти еретики.

³ J. Hansen, Zauberwahn, Inquisition und Hexenproces im Mittelalter und die Entstehung der grossen Hexenverfolgung, Historische Bibliothek, Bd. XII, München—Leipzig, 1900.

⁴ J. Goll—K. Křofta, Chelický a Jednota v XV století, Praha 1916 (článek Valdenští a Čechy na str. 251).

⁵ V. Chaloupecký, K dějinám Valdenských v Čechách před hnutím husitským, ČČH, XXXI, 1926, str. 369 n.

⁶ A. Neumann, České sekty ve stol. XIV a XV, Velehrad 1920, a Nové doklady k dějinám Valdenských v Čechách, ČKD, 1925, str. 674 n.

⁷ R. Holinka, Sektářství v Čechách před revolucí husitskou, Bratislava, 1929 (на стр. 34 см. обзор остальной литературы), Голинка во введении к своей работе дает обзор истории вальденсов.

⁸ F. M. Bartoš, Husitství a cizina, Praha, 1931, str. 113 n.

⁹ R. Holinka, Sektářství v Čechách před revolucí husitskou, Bratislava, 1929, str. 31.

ситской религиозной бури, ее движущей силой был уиклифизм¹, и т. д.) достаточно ясно свидетельствует об общем методологическом характере этих трудов. В них выясняются взгляды отдельных мыслителей, учения еретических групп и сект, систематизируются влияния, составляются целые родословные отдельных идей—и все это в отрыве от реальной жизни, от живых людей, вне всякой связи с классовым характером общества, в котором жили эти мыслители; не выясняются и те социальные функции, какие выполняло еретическое движение. Достаточно «открыть идею» в рукописи, датируемой более ранним временем, чем другая рукопись, содержащая подобную же идею, и уже начинается речь о «заимствовании», «филиации», «влиянии» и т. д. Подобного рода метод в свою очередь отразился на способе датирования рукописей, так как стремление подтвердить заранее построенную гипотезу вело к поискам наиболее ранней рукописи и приводило к тому, что данную рукопись произвольно объявляли более ранней, чем другую, вследствие чего высказанная в ней идея считалась первоначальной, а другие—производными от нее². А под эти ученые конструкции и родословные идеи уже потом подгонялась и деятельность отдельных личностей, словно они жили вне общества и независимо от его законов.

Некоторые работы (например, Дёллингера) вообще не касались вопроса о социальной природе отдельных сект. Однако в тех исследованиях, где упоминается о занятиях еретиков и о социальной среде, в которой возникли отдельные ереси, из этого не сделано никаких выводов, хотя тот факт, что к еретикам принадлежали всегда представители

¹ R. Holinka, *Sektářství v Čechách před revolucí husitskou*, Bratislava, 1929, str. 119.

² Эта методологическая ошибка была особенно свойственна Ф. М. Бартошу. О том, как он определял авторов рукописи и время ее возникновения, смотри его длительную полемику с Пекаржем, который также отстаивал методологически ошибочную точку зрения [сравни, например, дискуссию о книге Бартоша (*Literární činnosti M. Jakoubka ze Stříbra* и *Do čtyř pražských artykulů v ČSN*, XXXII, 1926, str. 342 п. Там же ответ Бартоша (стр. 671 и реплика Пекаржа). Сравни также толкование «появление идеи Чаши» Бартоша (*Husitství a cizina*, str. 59 п.) или дискуссию о вальденстве Микулаша из Дрездена (там же, стр. 142) и целый ряд мелких статей [см. библиографию в работе Бартоша (Ф. М. Бартош, *Světlci a kacíři*, str. 316)]. Подобно Бартошу поступали и остальные историки-идеалисты. Результаты этих долгих споров, нередко принимавших личную окраску, практически равнялись нулю.

низших общественных слоев, подвергавшиеся экономическому, социальному и правовому угнетению, резко бросается в глаза. Так, например, участниками знаменитого еретического движения так называемых альбигойцев в южной Франции и ереси катаров были прежде всего ткачи и наемные рабочие суконного производства¹. Мятежник, бунтовщик против феодалов и еретик—это всегда одно и то же². Упоминая о революционных движениях во Фландрии, мы указывали, что классовая борьба мелких ремесленников и бедноты неизменно принимала форму ереси³. Народная ересь вальденсов была распространена прежде всего среди крестьянства и ремесленников⁴.

В Австрии, в Баварии и вообще в юго-восточной Германии «апостолами» (то есть проповедниками и организаторами) народной ереси были мелкие ремесленники и крестьяне⁵. Вальденские проповедники ходили из края в край, проповедовали свое учение и везде находили сердечный прием, особенно у низших классов общества, всегда готовых воспринять учение, которое сулит им освобождение от гнета церкви. Как рассказывалось, один из их главных апостолов имел по нескольку одежд, и он являлся под видом то портного, то красильщика, то крестьянина; и хотя это делалось для того, чтобы обмануть деревенских стражников, однако этот факт показывает, на какие общественные классы опирались вальденсы⁶.

Несмотря на то, что Ли решал вопрос о народной ереси, в основном исходя из идеалистических позиций (ересь, по его мнению, была прежде всего духовным пробуждением народа), он не мог закрыть глаза на совершенно явные социальные корни ереси, которая вырастала из глубокой и безнадежной нищеты народных масс⁷. Впрочем, классовый характер еретичества мы лучше и яснее всего поймем, проследив развитие ереси в Чехии.

¹ R. W. Emery, *Heresy and inquisition in Narbonne*, New York, 1941, p. 142 s.

² Там же, стр. 137.

³ Сравни стр. 72.

⁴ Ч. Ли, *История инквизиции в средние века*, т. II, стр. 52.

⁵ См., например, Н. Нaupt, *Waldenserthum und Inquisition im südöstlichen Deutschland seit der Mitte des 14. Jht.*, s. 348 n., *Deutsche Zeitschrift f. Geschichtswissenschaft*, V. III, 1890.

⁶ См. Ч. Ли, *История инквизиции в средние века*, т. II, стр. 52—55.

⁷ Там же, т. I, стр. 38.

Имеется еще один методологический недостаток написанных до сих пор работ о народной ереси (я имею в виду прежде всего работы наших историков о чешской ереси): авторы этих работ недостаточно осознали значение того факта, что мы большей частью черпаем сведения о еретиках из уст их противников и врагов—прежде всего из актов инквизиции. Вначале борьба с еретиками была поручена епископам. Однако когда с усилением феодальной эксплуатации еретическое движение стало принимать все большие размеры, понадобилось учредить особый орган, который защищал бы интересы феодального правящего класса и передавал для наказания в руки «светской власти» всех, кто поднялся против нее. В 1227 году доминиканцы в первый раз по поручению папы провели инквизиционный процесс и возвели еретиков на костер. А «светская власть» в тесном контакте с церковью поспешила одобрить беспощадную жестокость по отношению к мятежникам—еретикам. Император Фридрих II в ряде эдиктов в 1220—1238 годах предписывал путем безжалостных и кровавых казней истреблять еретиков. Два столпа феодализма, несмотря на то, что у них обоих было много поводов для разногласий друг с другом, объединялись в вопросе борьбы против еретиков, против их общего врага. «И с того часа огонь стал пожирать смертных»¹. Однако инквизиция не только выполняла функции сторожевого пса феодализма, она приносила и огромный доход. С 1311 года инквизиторы были материально заинтересованы в преследованиях, так как получали третью часть конфискованного имущества осужденных еретиков. Таким образом, мощный инквизиционный аппарат развил бешеную деятельность в связи со стремлением возвести на костер как можно больше «мерзких грешников».

Разумеется, для того чтобы обвинить в ереси, достаточно было найти какое-нибудь отклонение от правоверного учения католической церкви. «А необходимость сожжения еретика в средние века доказывали с таким же изяществом, как существование бога или положение Иерусалима в центре вселенной»². Чтобы облегчить доказательство, писали трактаты, направленные против еретиков, составляли перечни

¹ О начале инквизиции см. Ч. Л и, История инквизиции в средние века, т. I, стр. 359, 368; Н а н с е н, Zauberwahn, str. 212—213.

² F. v. Bezold, Geschichte der deutschen Reformation, Allgemeine Geschichte in Einzeldarstellungen. III—1, Berlin, 1886, S. 2.

еретических заблуждений и руководства для инквизиторов, согласно которым производился допрос тех, кого подозревали в ереси. Поскольку такие акты инквизиции являются основным источником при исследовании учения еретиков¹, мы должны с большой осторожностью использовать приводимые ими данные, в особенности, когда речь идет об определении круга идей отдельных еретических сект.

Мне кажется, что нельзя точно определить, поскольку речь идет о народной ереси XIV века, к какой секте относились те или иные еретические статьи. Да это и лишний труд, так как нас в ереси прежде всего интересует ее социальная сторона. Вряд ли можно восстановить учения отдельных сект народной ереси, так как источники тенденциозны, а собственной организации и богословской системы ни одна народная ересь не создала. Быть может, еще в эпоху возникновения отдельных сект можно говорить о характерных чертах учений каждой из них, но в XIV веке, когда ересь проникла в широкие массы, подобная попытка обречена на неудачу². Историки, которые пытались установить происхождение идей, забывают еще один важный факт, а именно тот, что общим источником всех еретических сект в отдельных странах была библия. Бедные проповедники, идеологи эксплуатируемых в эпоху феодализма, искали обоснование для своих выступлений против эксплуатации и средство от

¹ Ср., например, R. Holinka, Sektářství, str. 24, p. 58, где приводится список источников по истории вальденства, из которого видно, что по большей части источником служат антиеретические трактаты и акты инквизиции.

² Совершенно неубедительны, например, все выводы Р. Голинки в цитированной выше работе. Он берет за основу учение членов секты вальденсов, дошедшее до нас лишь в актах инквизиторов и в антиеретических трактатах; хотя он замечает и на них влияние других сект (например, в отрицании присяги—«вливание» гумуликатов, в запрете смертной казни—«вливание» катаров), но все же говорит о них далее как о чистых вальденсах, которые якобы возродились через 200 лет. Насколько неубедительны выводы Голинки, лучше всего показывает Ф. М. Бартош, который тем же методом доказал прямо противоположную мысль, а именно, что как раз вальденства у нас не существовало, зато было огромное «вливание» уиклифизма. Статья Бартоша «Vznik táborství a Valdenství» (Jihočeský sborník historický, III, str. 38 n.) является в сущности расширенной рецензией на книгу Голинки. Бартош развивает здесь свою теорию, он подчеркивает (например, Sborník příspěvků k dějinám hlavního města Prahy, V—2, příl. 1, str. 45—68) влияние уиклифизма и отрицает влияние вальденства и его связь с Табором. (Вновь он подчеркивает этот тезис в Jihočeský sborník historický, XVI, а перед этим, например, в «Husitství a cizina», исследованиях о Хельшицком и т. д.)

всех горестей в «Священном писании». Перевод библии на чешский язык облегчил возможность толкования «Священного писания» широким слоям населения. Таким образом, революционная идеология народной ереси не нуждалась в заимствовании «идей» у других сект или из чужих стран, а могла вырастать на местной почве как отражение протеста против унижения, гнета и эксплуатации народа. А если встречается столько еретических заблуждений, похожих друг на друга,—это результат качественно одинаковой эксплуатации крестьянства и бедноты в Чехии так же, как и в южной Франции, Австрии или Англии, результат того, что враг был один—феодалы, эксплуатировавшие народ. Поэтому многочисленные варианты вальденской ереси так же, как и ереси катарская, патаренская, богомильская, пикартская и т. д., направлены против церкви, против всех ее установлений, законов, предписаний, обрядов и обычаев. Родственные между собой идеи различных сект народной ереси выросли не из «взаимного влияния», «распространения учений», «экспансии идей» и т. д., а в результате одинаково жестокой эксплуатации широких слоев народа, задушенных тяжким гнетом католической церкви, своим авторитетом освещавшей эксплуатацию.

* * *

Первые упоминания о преследованиях сторонников народной ереси в Чехии относятся к середине XIII века, но уже в источниках первых десятилетий XIV века учащаются отдельные упоминания о них. Имеется запись хрониста 1315 года о сожжении 14 еретиков, а через три года после этого литомержицкий каноник Индржих из Шумбурка обвиняет пражского епископа Яна IV в благосклонности к еретикам. В этой жалобе, приведенной в дошедшей до нас папской грамоте от 1 марта 1318 года¹, находятся и первые упоминания о взглядах этих еретиков. Однако, зная политическую подоплеку этого выступления против епископа², мы должны критически отнестись к этим изложенным по пунктам сведениям о ереси, которые были приведены лишь для того, чтобы очернить епископа Яна IV в глазах папы. Не вызывает сомнения одно: еретики напа-

дали на церковные догматы и на привилегии духовенства. Ничего больше из этих статей извлечь нельзя. Наши историки соблазняла перспектива объяснить, откуда взялась эта ересь и что это были за секты, однако они не могли прийти ни к чему вразумительному, если не считать чисто субъективных догадок и измышлений¹.

Из предписания папы Иоанна XXII 1318 года об искоренении ересей «в некоторых областях королевства Чешского и Польского и на их границах»² также нельзя почерпнуть точных сведений о чешской народной ереси. Лишь от 1340 года у нас имеются более определенные сведения, на основании которых можно сделать вывод о большом размахе народного еретического движения, охватившего прежде всего южную Чехию³. Здесь уже раньше начала свою деятельность инквизиция, которая по поручению папы должна была «вырвать еретические плевелы». Однако в конце 1339 года вспыхнули крестьянские волнения, в первую очередь в имениях пана Ольдржиха из Градца, где дело доходило до открытых стычек «еретиков» с панскими слугами; кре-

¹ Толкование еретических заблуждений в жалобе Шумбурка является классическим примером несостоятельности идеалистического метода, при помощи которого стараются любой ценой доказать преемственность идей. Обзор толкований дал Голинка (H o l i n k a, *Sektářství*, str. 48). Палацкий считал этих еретиков вальденцами, Прегер—катарами, Томек—вальденцами и альбигойцами, Винтер считал их вальденцами, Гефлер—апостолическими свободными братьями Дольчино, Лозерт—франтичелли, Халоупецкий—катарами или радикальным крылом ломбардских еретиков, Ф. М. Бартош—бегардами и бегинками или братьями и сестрами свободного духа. Р. Голинка на основе формально-научного, однако в действительности абсолютно неправильного разбора, предположил, что это были катары. Таким образом, научный разбор в конце концов становится лишь коллекцией субъективных домыслов, так как метод, на котором он основывается, в корне ошибочен.

² J. E m l e r, *Regesta* III, 178—181, č. 439—440. Голинка (H o l i n k a, *Sektářství*, str. 63), основываясь на том, что папские буллы должны были быть направлены также к пану из Рожмберка и пану из Градца, пытается доказать связь этой ереси с австрийскими вальденцами. По его методу можно было бы доказать, что и в других панствах (пана из Вартемберка, из Липы, Вальдека и т. д.), везде, куда только посылались буллы, ереси имели родственные черты с ересями соседних земель. Это чистый домысел, который только тогда имел бы какое-нибудь основание, если бы буллы посылались исключительно южночешским феодалам.

³ Кроме трудов, приведенных уже в примечании на №№ 45—47, об этой южночешской ереси говорит L. D o m e ě k a, *Valdenství v jihovýchodních Čechách*, Tábor, 1921.

¹ J. E m l e r, *Regesta*, III, str. 174—175, č. 431.

² V. Chaloупецký, *Jan IV z Dražic, poslední biskup pražský*, Praha, 1907, str. 54 n.

стьяне отказались повиноваться Ольдржиху и его управителям. Чтобы подавить волнения, пан из Градца обратился к папе с просьбой помочь ему в борьбе с еретиками. Он обещал всюду поддерживать «святую инквизицию» и соблюдать интересы «святой церкви». Однако денег из Рима он не дождался. Папа ограничился полным отпущением грехов всем, кто выйдет на бой с еретиками. Волнения в Градецком округе дошли до открытого восстания, во время которого был разграблен ряд деревень и сожжен какой-то «лучший замок» Ольдржиха. Как кончилось это восстание, неизвестно, повидимому, феодалы подавили его вооруженной силой.

Этот первый взрыв народного еретического движения в Чехии имел ярко выраженный классовый характер. Это была борьба крестьян против помещиков. Мы уже говорили, что южная Чехия была областью, где сельское население подвергалось наиболее сильному классовому угнетению: именно на примере Индржихо-Градецкой округи мы видим рост безысходной нищеты в деревне. Земельные участки непрерывно дробились, и халупники все с большим трудом добывали средства к существованию на своих жалких клочках земли¹. Неудивительно, что прозябавшие в такой нищете бедняки охотно слушали нищих бродячих проповедников, которые с нескрываемой ненавистью говорили о панах, богачах и разложившемся высшем духовенстве. Поэтому и в отрывке инквизиционного протокола, составленного в 1340 году и касающегося нескольких схваченных инквизицией еретиков, в их числе указываются прежде всего крестьяне и деревенская беднота². Судя по именам, эти крестьяне—большой частью немцы по национальности. Однако, поскольку мы не знаем, какой национальности были другие еретики, допросы которых не сохранились, нет основания делать из этого какие-нибудь выводы. Борьбу против помещиков чешские и немецкие крестьяне могли вести совместно; различие языков не могло помешать классовой борьбе с общим врагом³. Интересно, что один из

¹ F. Terplý, Dějiny města Jindřichova Hradce, I, str. 104; J. Dobráš, Dějiny města Pelhřimova, I, str. 193 n.; R. Holínka, Sektářství, str. 68.

² Отрывок инквизиционного протокола издал F. Menčík, VKČSN, 1891, str. 280 n.

³ Это нужно сказать по поводу догадок Бартоша (F. M. Bartoš, Husitství a cizina, str. 119 n.), будто вальденство было распространено лишь среди немцев.

еретиков показал на допросе, что их проповедник ходил ко всем в деревне, кроме рихтаржа (старосты), цырюльника Крестлина и священника. Это были лица, выступавшие против еретиков на стороне властей. В некоторых местах население целых деревень с энтузиазмом шло за проповедниками, еретики встречались с ними в погребах, амбарах и других потайных местах. Здесь крестьяне слушали иное толкование библии, чем им преподносили приходские священники, здесь происходили первые тайные собрания. Возможно, что эти проповедники придерживались взглядов «секты вальденсов» или были непосредственно связаны с общинами «лионских братьев» в Австрии. Однако это не меняет того факта, что основной причиной распространения народного еретического движения, переросшего в южной Чехии в открытое восстание 1340 года, был классовый гнет, против которого поднималось на борьбу крестьянство. Если бы в повседневной жизни южночешских крестьян все обстояло благополучно, им не нужно было бы, рискуя жизнью, бежать к бродячим проповедникам. Нужда, страдание и гнет заставляли их отвернуться от католических священников—этих послушных слуг властей и эксплуататоров—и идти за бедными апостольскими проповедниками идей раннего христианства, так как эти идеи соответствовали настроению эксплуатируемых, которые и начертали их на своих знаменах в классовой борьбе.

Возможно, что эта классовая борьба иногда и проходила под лозунгами вальденсов, однако к ряду «заблуждений» проповедники могли прийти путем самостоятельного размышления над текстами «Священного писания», независимо от соприкосновения с вальденскими общинами. Однако, анализируя эти «заблуждения», мы ни на минуту не должны упускать из виду живых людей—крестьян и деревенскую бедноту, поднимавшихся на классовую борьбу против феодалов.

С уничтожением еретического очага в южной Чехии народная ересь отнюдь не была ликвидирована. Мы располагаем многочисленными, хотя и разрозненными сведениями о том, что еретические секты в Чехии существовали вплоть до самого взрыва гуситского революционного движения в 1419 году. При епископе Арноште из Пардубиц в Праге был создан постоянный инквизиционный трибунал¹, что

¹ V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, str. 223.

свидетельствует об усиливающемся сопротивлении народных масс, которое необходимо было подавлять силой. Архиепископ определил круг деятельности и права инквизиторов. В Чехии инквизиторы обладали правом «допрашивать, изгонять, бросать в тюрьму на срок или пожизненно, заковывать в кандалы по рукам и ногам лиц обоего пола—духовных и светских, невзирая на то, из какого они диоцеза* или к какому принадлежат сословию, если только они отмечены клеймом ереси... а если в том будет необходимость, они могут в особо важных случаях подвергать обвиняемых пыткам»¹. Так церковные феодалы охраняли свои привилегии от посягательств со стороны простого народа. Разумеется, рука об руку с высшим духовенством шли и светские феодалы, от имени которых Карл IV в *Majestas Carolina* проклинал всех еретиков и грозил кровавыми карами этим «алчным волкам», стремящимся взбудоражить покорное стадо—«овчарню божью». Если еретики будут пойманы и избиты, они по воле феодалов «должны быть преданы позорной смерти» и «заживо на глазах людей ввержены в огонь и сожжены»². Если бы в народной ереси дело сводилось лишь к отклонениям от вероучения инквизиции, королевским должностным лицам вовсе не было бы нужды объединять свои усилия для того, чтобы истреблять еретиков. Ясно, что тесный контакт высшего духовенства и главы феодальной монархии в борьбе с народной ересью был продиктован страхом перед классовой борьбой, стремлением подавить поднимающееся движение народных масс и сохранить старый порядок.

Для феодала еретик и крестьянин—идентичные понятия; он смутьян, повстанец, мятежник против своего господина! Это лучше всего доказывают слова Конрада Вальдгаузера, упрекавшего панов, «которые слушают советчиков, говорящих им: Если вы будете сжигать всех, кого называют еретиками, вы разорите свои поместья, и все ваши крестьяне разбегутся»³.

На провинциальном соборе 1381 года, где говорилось о положении в пражском диоцезе, звучали горячие призывы

* Диоцез—церковный округ, на который распространялась власть епископа.—Прим. ред.

¹ *Cancellaria Arnesti*, ed. F. Tarda, Wien, 1880, str. 73 (цитировано по чешскому переводу R. Holínka, str. 78, p. 250).

² *Archiv český*, III, str. 77—81.

³ F. Loskot, *Konrád Waldhauser*, str. 51.

к борьбе против еретических сект «*illorum rusticorum Waldensium*»¹. Сочетание «*rusticus Waldensis*» лучше всего показывает, кто были эти еретики и откуда они черпали свою силу. Если даже в термине «*rusticus*» не видеть непосредственно крестьянина, во всяком случае он обозначает человека из низших слоев общества. А положение о том, что народная ересь выростала в первую очередь из сопротивления эксплуатируемых и угнетенных общественных классов, справедливо и по отношению к другим сектам. Например, о баггардах говорят всегда как о простых людях или прямо как о крестьянах²; в антиеретическом трактате Петра из Пилихдорфа³ прямо говорится, что еретиками-вальденцами были «портные, кузнецы и крестьяне». Почти в каждом абзаце говорится, что эти еретики—простые необразованные люди, которым приходится довольствоваться чтением «Священного писания» на народном, «варварском» языке. Классовый характер чешской народной ереси выявляется совершенно ясно и из собранных инквизиторами еретических статей (списка «заблуждений»), из которых видно, что еретики нападали не только на церковь, но и на светских феодалов и вообще на богачей. «В них говорится также, что еретики считают папу главой всех архиеретиков и что он должен быть брошен в темницу, а вместе с ним кардиналы, архиепископы, епископы, императоры, короли, герцоги, князья, все рихтаржи, как светские, так и духовные, вместе со священниками»⁴. Также нужно отменить все привилегии, которые захватили светские феодалы, а «императорские законы вообще должны быть отвергнуты». В этих «заблуждениях» ясно выражены классовые интересы эксплуатируемых крестьян и городской бедноты, стонущих под гнетом эксплуататоров, начиная от папы и кончая рихтаржем. Их классовая борьба, облеченная в форму народной ереси, нарастала по мере роста требований эксплуататоров, и поэтому усилия инквизиторов, пытавшихся ее искоренить, оставались напрасными.

И здесь южная Чехия не осталась в стороне, наоборот, именно в этих областях не прекращалась агитация народных проповедников-еретиков. Именно потому, что крестьян-

¹ K. Höfler, *Concilia Pragensia* (1353—1413), str. 26, *Abh. Königl. Gesell. d. Wiss.*, V. F. XII, B, Praha, 1862.

² R. Holínka, *Sektářství*, str. 92.

³ Там же, стр. 126—127.

⁴ *Articuli Waldensium*, pñl. I; Holínka, *Sektářství*, str. 177.

ство южной Чехии подвергалось большей эксплуатации, чем в какой-либо иной области страны, народная ересь находила здесь наиболее благоприятную почву. Кастилян панства Козьего в 1377 году получил приказ отправить к архиепископскому двору в Прагу крестьян, уличенных в ереси¹. Кастилян выполнил этот приказ и обещал, что всегда пойдет навстречу инквизиторам и бросит в темницу любого из подвластных крестьян, на какого только укажет инквизитор. Эти отрывочные данные свидетельствуют, таким образом, о существовании народной ереси в тех местах, где менее чем через сорок лет пустило столь глубокие корни учение Гуса и где возникла цитадель революционного движения—Табор.

Вот почему я счел нужным более подробно остановиться на вопросе о народной ереси. Буржуазная историография и в этой области нападала на Табор и гуситское революционное движение и пыталась выдвинуть концепцию, целью которой было доказать, что «гуситство и таборитство» (то есть идеология гуситского революционного движения и Табора) выросли отнюдь не на чешской почве и что корни этого явления следует искать за границей. Подобная точка зрения высказана в работе Пекаржа, который доказывал, что «чешское духовное восстание» имело «три источника»: Уиклифа, Матея из Янова и вальденство. Без вальденства таборитство якобы не могло возникнуть². Заканчивая главу, он говорит: «В этом, действительно, заключается ирония истории: под немецким вальденским влиянием вырос на нашей почве совершенный и чисто чешский цветок—Петр Хельчицкий, и оно же помогло создать отряды таборитских

¹ Soudní akta konsistoře pražské, I, ed. F. Tadra, str. 215.

² Уже само понятие «таборитство» является совершенно бессмысленным. Если Пекарж хочет обозначить им идеологию Табора, он должен резко разграничить фазы развития самого Табора. Совершенно различны идеология бедноты, бюргерства и низшего дворянства в Таборе. В зависимости от того, в чьих руках—бедноты или бюргерской оппозиции—находилась власть в Таборе, формировалась и идеология Табора, и таким образом изменилось значение термина «таборитство». Впрочем, окончательно об этом можно будет говорить лишь после анализа классовой структуры Табора (в 6 главе). «Три источника» таборитства Пекарж заимствовал из исследования теолога Седлака (ср. Hlídk a, XX XI, str. 900). Обзор взглядов старой историографии на «возникновение таборитства» дает Пекарж в книге «Жишка» (I, стр. 210, прим. 6). Здесь мы имеем дело с чисто идеалистической концепцией, которая в трудах Пекаржа получила свое полное завершение.

божьих воинов, которые видели в немцах исконного врага чешского и вообще славянского народа»¹.

В. Халоупецкий прямо высказал мысль, которая в труде Пекаржа содержится лишь в намеках. «Но и таборитство далеко не является специально или даже преимущественно чешским движением»,—пишет Халоупецкий².

Только потому, что историки отрицали какую бы то ни было зависимость между возникновением Табора и классовой борьбой в предгуситской Чехии, стало возможным появление этой порочной теории, вырывавшей Табор из чешской почвы и превратившей его в результат перекрестного влияния чужеземной идеологии.

Было бы излишним повторять, что именно благодаря своему идеалистическому методу Пекарж фальсифицировал истинную историю развития Табора. Поскольку его внимание приковали только идеи, он мог «проследить» (на основе одних лишь домыслов) зависимость между вальденством и ростом Табора и использовать эти идеи для изощренных нападков на гуситское революционное движение. Пекарж и вообще все историки-идеалисты действовали тем же примитивным методом, что и враждебные Табору современники—католические памфлетисты, которые также, только в несколько более наивной форме, составляли родословные «предшественников гуситов». От Ария через Пелагия к Уиклифу и Гусу, от них к Якоубеку, Бискупцу, Коранде и другим таборитским священникам якобы тянется ряд идей, которые один перенимал от другого, общая нить заблуждений³. В другом месте приводится такая формула: вильденсы+Уиклиф+дрезденские братья+пикарты+Энглиш=гуситам⁴. Эта родословная отличается от «Трех источников» Пекаржа лишь своей наивностью. В основе же ее лежит все тот же вульгарный идеалистический метод—интерес авторов сосредоточивается исключительно на еретических идеях, причем делается попытка объяснить их пре-

¹ J. P e k a ř, Žižka, I, str. 13—18.

² V. Chaloупецký, Nový názor na husitskou revoluci, Bratislava, I, 1927, str. 293.

³ Cancio de autoribus bohemicis scismatis, Höfler, I, str. 558. Подобным же образом от Ария Александрийского через вальденсов, римикариев к адамитам, Уиклифу, и, наконец, к гуситам ведет родословную Ондржей из Брода (K. Höfler, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen, II, str. 336).

⁴ M. P o p o u š e k z Soběslavě (Höfler, III, str. 158 n.).

емственностью и суммой заблуждений. Но мы уже достаточно ясно показали, что народная ересь вообще, а вальденство в частности, является выражением классовой борьбы эксплуатируемого крестьянства против феодалов. Сам термин «вальденс» (*valdensis*) в тогдашних источниках (главным образом в инквизиционных материалах) тождествен обычному *hereticus*, *schismaticus*¹ и означает человека из низшего класса (большей частью крестьянина), выступающего против феодального порядка и католической церкви.

Католический трактат «Диалог Ондржея Ржезенского» ясно показывает, почему гуситов называли еретиками.

А: «Они не хотят быть послушными ни римскому папе, ни римскому императору».

В: «Потому их и называют еретиками, что они верят, во что захотят»².

Короче говоря, еретики—это люди, не признающие авторитета высших феодальных властей—ни папы, ни императора. Разумеется, против этих авторитетов выступала и народная ересь вальденсов. Вальденсы, однако, не создали богословской системы, не создали в районах, где они были распространены, своей собственной организации. Имеющие место в чешской буржуазной историографии попытки доказать непосредственную связь вальденства австрийских и немецких общин с чешскими ересьями (последнюю подобную попытку сделал ученик В. Халоупецкого Р. Голинка), в сущности, являются стремлением доказать *ex post* предвзятую точку зрения Пекаржа³. Исходным пунктом для этих историков являлись главным образом резуль-

¹ Аналогичным образом, в современных источниках термином «беггарды» обозначалась не только определенная секта, но и вообще ереси (*beghardia*=*hypocricis*) (H. Haupt, *Waldenserthum und Inquisition im südöstl. Deutschland seit der Mitte des 14. Jhts.*; *Deutsche Zeitschrift f. Geschichtswissenschaft*, III, Bd., s. 344).

² K. Höfler, *Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung in Böhmen*, I, s. 584; также называет еретиком каждого, кто отважится выступить против высшего духовенства («*Anonymi invectiva contra Hussitas*» (Höfler, I, str. 62, cit. v kap. III, str. 70, p. 22)).

³ J. Peřkař, *Žižka*, díl. I; эта работа вышла в 1927 году; Халоупецкий в 1926 году лишь смутно указал на эту «связь с вальденством», а его ученик Р. Голинка, опираясь на Халоупецкого (он был в семинаре Халоупецкого в 1929 году), должен был обосновать эту мысль. О конкретных методических ошибках Голинки см. три предыдущие примечания.

таты исследований двух немецких историков, В. Прегера и Г. Гаупта¹, которые ко всему народному еретическому движению подходили не критически и считали всех еретиков вальденсами. Нельзя опираться на терминологию тогдашних писателей, противников ереси, которые, разумеется, были заинтересованы вовсе не в точном определении отдельных сект², а в их уничтожении. Поэтому употребляемый ими по отношению к таборитам термин «*secta valdensis*» обозначает вовсе не вальденсов, а скорее все народные «неученые» ереси, которые, как я уже говорил, являлись не чем иным, как формой классовой борьбы чешского народа в эпоху кризиса феодализма. Необходимо вновь под-

¹ W. Preger, *Beiträge zur Geschichte der Waldensier im Mittelalter* (Abhandlungen der hist. Classe der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften, XIII Bd., München, 1877, s. 179 n.); *Über das Verhältniss der Taboriten zu den Waldensiern des 14. Jhts.* (Abhandlungen der hist. Classe der königl. bayer. Akademie der Wissenschaften, XVIII Bd., München, 1889, s. 1 n); H. Haupt, *Waldenserthum und Inquisition im südöstlichen Deutschland seit der Mitte des 14. Jhts.* (*Deutsche Zeitschrift f. Geschichtswissenschaft*, II Bd., 1890, s. 337—411).

² Хронисты, сообщая о гуситском революционном движении, дают нам, например, следующее перечисление «сект»: «*Nam plures tyranni Wyklefistae, Hussones, Thaboritae, Pychardi, Czaffurzy, Syrotzy, Zyzkones, Kassalyczsty, Waldenses ceterique homicidae heretici scismatici...*» (K. Höfler, II, str. 70); в диалоге Ондржея Ржезенского (K. Höfler, I, s. 595) говорится о гуситских партиях «*quidam vocantur Pragenses, quidam equestres, quidam Thaborite, quidam Orphani, quidam populares*». Однако в другом месте Ондржей говорит, что это «*quidam Pragenses, quidam Thaborites, quidam Pichardi*». Нельзя полагаться даже на слова Пршибрама (Přibram, *Život kněží tábořských*, ed. Vinařický v ČKD, 1863, s. 337), который прямо пишет, что «таборитские священники, хулящие молитвы и помощь Девы Марии и других святых,—настоящие еретики и заблуждающиеся вальденсы еще более, чем унклифисты, и им нет спасения». Это не характеристика учения таборитов, а брань по их адресу, осуждение таборитских священников как еретиков. Поэтому Пршибрам, характеризуя их ересь, называет их «вальденсами», так как это обозначение применялось вообще к народной ереси и звучало гораздо хуже, чем ученая ересь Унклифа. А что действительно слово «*valdenses*» обозначало бунтовщиков, мятежников, подтверждает венский университетский магистр Томаш Эбendorфер из Газельбака (MC, I, s. 729; эти слова содержатся в отчете 1433 года о переговорах на Базельском соборе): «Я же знаю, что «сироты» и табориты являются вальденсами (в оригинале *Baldenses*), которые стремятся не к причащению под двумя видами, а к тому, чтобы с оружием в руках защищать свою ересь. Табориты сами признают, что они являются вальденсами; свидетелем этого является присутствующий здесь магистр Пропок из Пльзеня».

черкнуть, что классовая борьба Табора против общего врага—феодалов и прежде всего против церкви—была интернациональна. А поэтому нет никакой «кирочной истории» в том, что в борьбе австрийских эксплуатируемых и в борьбе таборитов было столько общего. Этот факт вновь подтверждает закономерности классовой борьбы народных масс, независимо от национальности и страны. История Табора, выросшего из классового угнетения и борьбы чешского народа, еще раз подтверждает эту закономерность.

А то, что очаг ереси находился в той области, где потом возник Табор, у Козьего замка, свидетельствует лишь о непрерывном ряде скрытых классовых противоречий в южной Чехии, проявляющихся вовне в форме народной ереси. Поэтому и проповеди Гуса нашли такой отклик среди бедствовавшего и страдающего населения южной Чехии. Нам известно, что народная ересь была распространена в окрестностях Козьего замка и в последующие времена.

К 1415—1416 годам относятся донесения анонима (очевидно, католического священника панов Рожмберков) о беспорядках, которые учинили еретики «в Козьем замке и его окрестностях и в Усти Сезимовом»¹. Интересно, что почти все заблуждения, приписываемые в этом донесении южночешским еретикам, типичны вообще для народной ереси, которая тогда пышно расцвела в Чехии. Католик-аноним изложил в стихотворении «Слушайте все, старые и малые» ряд «заблуждений», общих для всей чешской народной ереси². Это стихотворение должно было служить своего рода рифмованным руководством по борьбе против еретиков. Еретические священники находили последователей прежде всего благодаря тому, что в своих проповедях призывали верующих ничего не платить церкви. Поскольку они боролись против церковных богатств, они, очевидно, отрицали также церковные украшения, образа и алтари, колокола и церковный хор. Для еретиков-священников достаточно было простой деревянной кафедры.

А будь на то их воля,
Служили бы в хлеву и в поле.

¹ Documenta, str. 636—638. Чешский перевод в «Ktož jsú boží bojovníci», str. 31, č. 1.

² Vydal V. Nebeský v ČSM, 1852, str. 146 n. относится к 1417—1419 годам.

Из этого высказывания ясно, что автор осуждает прежде всего деятельность деревенских народных проповедников.

В борьбе против самого крупного феодала—церкви, проповедники, не колеблясь, ополчились против всех таинств и обычаев, которые давали приходским священникам возможность вымогать деньги у верующих. Вспомнив песню «Вперед к хвале и славе божьей»¹, в которой так ярко показано, сколь многочисленными каналами деньги стекаются в карманы ненасытного духовенства, мы поймем, почему еретические священники отвергали обычай святить свечи, куличи, барашков, солонину, сыр: при каждом освящении тянулась жадная поповская рука за деньгами или за теми же освященными продуктами.

По той же причине народные проповедники резко выступали против постов, жертвований на храм и заупокойных молитв. Известно, что исповедь была для церкви не только источником дохода, но и средством шпионажа: она позволяла разоблачать любое начинающееся в приходе движение.

Отсюда и возникло «заблуждение» еретиков, которые учили:

Забудьте исповедь, не ею мы сильны,
В любви и вере люди жить должны.

Народная ересь выступала также против высшего духовенства, и прежде всего против папы, власть которого она отрицала. Проповедники, как духовные, так и светские, не раздумывая, брали на себя функции священников: крестили «детей в любой воде и ручьях» и всем отпускали грехи. В этих «заблуждениях» ясно выявляется как борьба бедного духовенства против высшего, так и всеобщее возмущение современным состоянием церкви. Неудивительно, что католический памфлетист осуждает народ за то, что он хранит память о еретике Гусе, сожженном в Констанце, и народ чтит его как святого.

Его называете всюду святым,
Но этим вы лжете себе и другим.

Вновь подтверждается глубокая близость еретиков к Гусу, образ которого после его мученической смерти навек остался в памяти чешского народа. Стихотворение

¹ Ср. разбор этой песни на стр. 116 и сл.

«Слушайте все, старые и малые», говорит о широком распространении ереси в чешской деревне. Однако уже при разборе самого стихотворения ясно выявляется истинный смысл всех этих «заблуждений». Народ выразил в них свое горе, свое недовольство церковью, а тем самым и всем общественным строем.

Подобного же рода были и «еретические статьи», которые распространялись приблизительно в то же время в южной Чехии, как об этом говорит в своем донесении одному феодалу неизвестный католический священник. Список еретических заблуждений, в котором явно сквозит ненависть автора к народной ереси, также ясно свидетельствует о том, что еретики выступали против церкви, церковных порядков и догматов, против католических священников—прислужников феодального класса. Народные бродячие проповедники неизбежно должны были начать свою деятельность выступлениями против самого крупного феодала—церкви. Они говорили, что епископы из жадности выдумали церковные обряды и таинства, почитание образов; не следует придерживаться этого и верить в них. «Саранча и загребаль» (так проповедники называли высшее духовенство) в своей ненасытной жадности к деньгам злоупотребляли верой простых людей ради своего обогащения. Они потому и принуждают верующих хоронить покойников на кладбищах, чтобы получать деньги за панихиды и отпущения.

Нужно было вырвать верующих из сетей, которыми католические священники опутали крестьян, требуя от них слепой веры, вынуждая их к покорности. Народные бедные проповедники отдавали все свои силы, чтобы показать, чему служит в действительности вся роскошь и пышность службы, все таинства и обряды. Суть утверждения еретиков сводилась к тому, что «все это может делать простой священник». Поэтому они отрицали католические догматы, отвергали учение, согласно которому посвящать в священники могли лишь епископы, не признавали церковной иерархии; простого священника они приравнивали к высшему духовенству и даже самому папе. Таким образом, была прорвана плотина, отделявшая высшее духовенство от простых бедных священников и проповедников, а в позднем Таборе была разрушена та преграда, которая отделяла духовенство от мирян. «Наконец, проповедовали и простые миряне, причем эти проповедники сами исповедовали людей». Кто, однако, были эти миряне, которые проповедо-

вали народу, выслушивали его жалобы и укрепляли в нем веру в свои силы? Донесение точно называет одного из них, Крампержа, крепостного из Кардашовой Ржечицы¹. Проповедники, вышедшие из народа и испытавшие на собственной шкуре все ужасы эксплуатации, лучше, чем кто-нибудь иной, умели найти в библии лекарство от своих недугов, а также поддержать своих собратьев в их протесте против существующего строя.

С «мятежным» взглядом на церковные догматы и обряды был связан и новый взгляд на духовенство вообще. Священники имеют право на существование в обществе лишь в том случае, если они живут примерной жизнью и борются против злоупотреблений. Для того чтобы стать священником—посредником между богом и людьми,—совсем не достаточно получить или купить посвящение епископа. Священник, посвященный епископом, но обремененный грехами, не может совершать таинств: «Эти развратники не имеют права совершать богослужение, а поэтому причастие, которое они дают, каждый мирянин может взять и выбросить». Если верующие не должны почитать таинств и поклоняться им, если их совершают недостойные священники, тем менее они должны платить что-либо церкви. Тут уж народная ересь явно восставала против одной из форм феодальной эксплуатации—против десятин и пожертвований в пользу церкви. «Лучше играть в кости, чем приносить жертвования дурным прелатам». Если участь, что в числе тягот, которые церковь накладывала на верующих, такие жертвования были одной из самых тяжелых и обременительных², нам станет понятен успех воззваний, призывавших прекратить подобного рода платежи. Под огнем беспощадной критики духовенство утрачивало ореол святости, его низвергали с надземных высот, и тогда обнаруживалась его истинная сущность.

Разумеется, еретики не остановились даже перед нападками на основное поле деятельности ненавистного им духовенства—церковь. Там затуманивали умы верующих, там их обирали во время служб, при крещении и совершении обрядов. Короче говоря, по их мнению, «каменный храм, где служат мессу эти негодные развратники,—это вертеп разбойников, а их образа бесполезны». Храм связывал ве-

¹ Кардашова Ржечица принадлежала в то время панам из Градца (A. Sedláček, op. cit., str. 759).

² См. стр. 117 и сл.

рующего со священником и, согласно церковным предписаниям, только там верующие могли обращаться к богу за помощью и утешением. В храме священник располагал многочисленными способами оказывать постоянное влияние на верующих, внушать им мысль о необходимости терпения, покорности и почитания старых порядков. Выступая против храмов и мессы, еретики сознательно разрывали эти расставленные им сети. Благодаря деятельности проповедников собрания народа стали устраивать в деревнях, ближе к верующим. Еретики служили мессы в сараях, а крестили в прудах. Они презрительно отзывались о католической мессе, совершавшейся в храмах: «Сейчас развратники и лицемеры начнут играть в куклы и чурки». В этих словах нашли выражение одновременно и протест против церкви и упорная борьба еретических проповедников за верующих, за крестьянство. Нужно было разбить цепи, которые сковывали революционные силы в чешской деревне, разорвать оковы, которые вынуждали крестьян к послушанию и покорности католической церкви и феодалам. Это хорошо понял послушный прислужник феодалов, так охарактеризовавший эти ереси: «Слушая это, народ порой высказывал одобрение и смеялся, но также богохульствовал и отказывался повиноваться» (курсив мой.—И. М.). Здесь правильно подмечена суть опасной для феодалов народной ереси, распространенной в окрестностях Козьего замка и в Усти Сезимовом: «Народ отказывался повиноваться»¹. Это новое доказательство тесной связи, существовавшей между народной ересью и классовой борьбой эксплуатируемых.

Итак, причиной распространения народной ереси является тяжелое положение крестьянства, его стремление сбросить гнет эксплуатации. На формирование мятежных идей, распространяемых в народе неизвестными бродячими проповедниками, решающее влияние оказывало толкование библии, откуда брала свое начало идея бедной, не развращенной гордынею и роскошью «церкви христовой». Распространению ереси способствовала и проповедническая деятельность Гуса, с которым эти еретики четыре-пять лет назад могли непосредственно встречаться. Магистр Ян Гус, сожженный по велению церкви, уже в ту пору (год или два спустя после констанцской казни) был для южночешского

¹ Любопытно, что Голинка (R. Holinka, op. cit., str. 148—149), весьма подробно разбирая «еретические заблуждения», совершенно игнорировал этот текст.

народа святым, подавшим пример борьбы за лучшую жизнь для всего народа. «И говорят также, что Гус больше сделал для католической церкви и больше сотворил чудес, чем св. Петр или св. Павел, ибо они все творили чудеса материальные, а Гус духовные». Почитание Гуса, настоящий культ его стали мерилем благонадежности священников и всех верующих. «Плох тот священник, который не стоит за Гуса»,—говорили южночешские еретики. Глубоко и навсегда запал образ Гуса в сердца простых людей южной Чехии. Его труды, учение и проповеди вдохновляли народ на все новые и новые призывы к восстанию против церкви и всех эксплуататоров. Однако несомненно и то, что ряд «заблуждений» распространялся в чешских деревнях благодаря деятельности еретиков-проповедников, которые тайно поддерживали огонь ненависти против феодалов, тлевший в сердце народа.

Совершенно очевидно, что некоторые из этих безвестных проповедников были связаны с друзьями Гуса в Праге. Южночешские народные проповедники в Козьем замке и в Усти Сезимовом открыто проповедовали необходимость причащаться под двумя видами—не только телом, но и кровью христовой. То, что происходит сейчас, не соответствует положению в первоначальной «церкви христовой»: духовенство умышленно лишает верующих крови господней. «Также говорят они, что все священники до сего дня были ворами, ибо не давали нам кровь Иисуса Христа». Чаша, как символ восстания против церкви, была введена южночешскими еретиками через два года после того, как первый раз в Праге в 1414 году под руководством друга Гуса Якоубека из Стржибра «святые дары» были предложены под двумя видами—в виде хлеба и вина¹. Введение прича-

¹ Подробнее всего вопросом чаши занимался Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Počátky kalicha v Čechách, Husitství a cizina, Praha, 1931, str. 113 n.); здесь имеется и обзор литературы. Однако Бартош переоценивал значение чаши, заявляя, например, что «эта идея возбудила в Чехии восстание» или «событие, казалось бы, незначительное, но превратившее гуситское движение в революцию» (F. M. Bartoš, Světci a kacíři, Praha 1949, str. 82, а также Do čtyř artikulů, 1940, str. 6 n.). Здесь Бартош, являясь протестантским историком и теологом, полностью стоит на идеалистических позициях; он не видит, что скрывается за этим символом, не понимает общественной функции чаши. Я не буду здесь касаться спорного вопроса о «происхождении идеи чаши» и о том, кому принадлежит заслуга ее введения. Ср., например, подробную работу J. Sedláka, Počátky kalicha, СКД, 1911.

щения не только хлебом, но и вином из чаши явилось шагом от тогдашней разложившейся церкви к первоначальной бедной церкви апостольской. Вместе с тем старая ненавистная народу церковь—опора старого порядка, таким образом, резко отделялась от народа, выступавшего под знаменем чаши за лучшее будущее. Поскольку бедный мирянин причащался вином (то есть «кровью господней»), он становился тем самым в равное положение со священником, который до сих пор, согласно католическому обряду, пользовался исключительным правом на причастие из чаши. Поэтому причастие под двумя видами быстро распространилось в народе, стало символом борьбы чехов против церкви и могло стать символом борьбы против всего общественного строя.

Магистр Якоубек из Стржибра и другие университетские магистры не стали, однако, вдохновителями и идеологами революционного движения, несмотря на то, что многие их первоначальные идеи устройства общества могли играть революционную роль¹. Наоборот, в 1417—1418 годах университетские магистры упорно боролись против народной ереси².

¹ Поэтому неправильно было бы называть Якоубека из Стржибра «завершителем дела магистра Яна Гуса», его наследником, увенчавшим его дело. Это может относиться разве лишь к теоретической части трудов Гуса, идеи которых Якоубек действительно развивал. Однако именно революционные тенденции в трудах Гуса не нашли завершения в трудах Якоубека; таким образом, Ф. М. Бартош, которому принадлежит заслуга исследования трудов и деятельности Якоубека, несомненно, переоценил его значение. Якоубек является типичным идеологом пражского бюргерства, колеблющегося, нерешительного, того самого бюргерства, в котором наша буржуазия видела главную силу гуситства. Последней работой, в которой Ф. М. Бартош высказал все свои взгляды о Якоубеке, является его статья «M. Jakoubek ze Střibru» (Světci a kacíři, Praha, 1949, str. 82 п.). Из более старой литературы основным является оригинальное исследование Седлака (J. Sedláček, Husův rotnosník v evangelii, Studie a texty, I—III), общая концепция которого наиболее критически направлена и наиболее правильна. Перечень трудов Якоубека имеется в списке «Literární činnosti M. Jakoubka ze Střibru» (Praha, 1925), тщательно составленном Ф. М. Бартошем. Впрочем, сомнительных произведений тут больше, чем считает автор. К вопросу о Якоубеке из Стржибра мы еще вернемся в главе о росте революционных сил и в разделах, посвященных идеологии бюргерского Тabora.

² Ср. стр. 378 и сл.

В сентябре 1418 года¹ университет подал собравшемуся гуситскому духовенству 23 статьи, в которых дается обзор взглядов народных еретиков и содержится решительное осуждение этих взглядов. Просматривая эти статьи, мы уже с первого взгляда видим, что они очень близки «заблуждениям» южночешских еретиков и имеют с ними общие корни—страдания сельского населения. Только сельское население и городская беднота, которых всячески обирали и угнетали в период феодализма, могли идти за проповедниками, отвергнувшими все церковные порядки и стремившимися к полному возврату к первоначальной церкви. Поэтому неудивительно, что магистры университета, являясь идеологами дворянства и богатого бюргерства, не могли согласиться с подобными «заблуждениями», резко осудили их и указали, что нужно прежде всего запретить измышления и нововведения, отвергать идеи, которые не нашли общего признания. Таким путем они стремились заглушить свободную мысль проповедников, по-своему толковавших Библию. Университетские магистры также распорядились, чтобы никто не пытался представлять «Священное писание» как единственный источник истины. Это требование понятно, так как при подобном толковании «Священного писания» могли возникнуть представления о строе, отнюдь не похожем на феодализм. Против проповедников были направлены и те статьи, в которых университет опровергает утверждение, что лишь святая и безупречная жизнь делает священника священником. Университет признавал право на должность священника и на совершение таинства лишь за теми, которые были посвящены в сан официальными лицами церкви («sacerdos enim nomen est officii»). Университетские магистры признали также заблуждением и отрицание чистилища, заупокойных месс, панихид, обращения к святым моления о заступничестве, тайны исповеди, присяги, соборования, авторитета отцов церкви, пышных обрядов и богослужения, отрицание самого церковного богослужения, освящения и благословения, применения латинского языка во время мессы, почитания образов, праздников и воскресений и соблюдения постов и, наконец, права собственности священников.

¹ V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, str. 624. Р е к а ř, Žižka, I, str. 27 п., здесь же дан и анализ, в котором Пекарж доказывает, что университетские магистры «отрезвились» от своих заблуждений.

Ясно, что здесь опять идет речь о тех же взглядах, которые, как мы видели, нашли распространение среди крестьян и мелких проповедников под Козьим замком. Возникновение этих взглядов объясняется, с одной стороны, принципиальной борьбой против церкви, как крупнейшего феодала, а тем самым и против всей системы церковного мышления, а с другой стороны, стремлением избавиться от бесчисленных поборов, которые были связаны со всей этой «благодатью» и «тайнствами». Выступая против народной ереси, университетские магистры ясно показали, что они вовсе не думают об изменении церкви и старого порядка, а самое большее стремятся к незначительным исправлениям, что соответствовало интересам дворянства и богатого бюргерства. «Фактически опять шаг назад от Гуса...»¹, — заметил по этому поводу Маркс. Исправление и улучшение должны были совершаться мирным путем, без насилия. Поэтому одна из статей прямо гласила, что самый большой грешник не может быть наказан смертью «светской рукой», а в другой подчеркивалась необходимость повиновения светским и духовным феодалам. В крестьянстве, поднимающемся на борьбу против крепостничества, подобного рода рассуждения не могли вызвать ничего, кроме недоверия и отвращения. В противовес этому крестьяне легко находили путь к идеологам пражской бедноты, к тем, кто призывал своих приверженцев на борьбу против старого порядка.

Классовые требования пражской бедноты отразились прежде всего в трудах Микулаша из Дрездена и Яна Желивского. Эти два проповедника также вели народные массы Праги к революционному движению. Жизнь Микулаша из Дрездена—это жизнь проповедника и борца против несправедливости². Если верны предположения Бартоша³, то Микулаш

¹ Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 225.

² Первое исследование о Микулаше из Дрездена опубликовал Седлак (J. Sedláček, Mikuláš z Drážďan, Hlídka, XXXI, 1914, str. 35 n.). Дополнительные данные о датах жизни Микулаша и добавления к списку его трудов дал Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Husitství a cizina, str. 125 n.). Не берусь решать, убедительны ли те сложные комбинации, при помощи которых Бартош устанавливает биографию Микулаша; нас интересуют прежде всего труды Микулаша, бесспорно носившие революционный характер; анализ этих трудов дан неверно в работе Фр. Грауса о городской бедноте, так как Микулаш был явно идеологом пражской бедноты. Содержание трудов Микулаша излагается в исследованиях Седлака и Бартоша.

³ F. M. Bartoš, Husitství a cizina, str. 126; сравни «Do stýř pražských artykůl», SPDMP, V/2, str. 532.

из Дрездена и есть тот немецкий проповедник из церкви Девы Марии на Лоуже, который 2 июня 1402 года предстал перед судом архиепископского корректора Ойржа¹. Микулаш, как гласит обвинение, будто бы сказал с кафедры собравшимся в церкви верующим, указывая пальцем на присутствующих коншелов: «Смотрите, дорогие, еще в нынешнем году эти господа будут обезглавлены и головы их будут плавать в крови; их убьет либо их собственная челядь, либо их спутники!» А когда бургомистр и коншелы после этого встали и вышли из церкви, Микулаш будто бы закричал им вслед: «Смотрите, дьяволы выводят их из церкви!» Далее его обвиняли в том, что, призывая молиться за только что умершего епископа Ольбрама (1 мая 1402 года), он оскорблял память умершего, утверждая, что епископ наделал много долгов и многих людей пустил по миру. Микулаша обвиняли также и в том, что он срывал украшения с голов богатых горожанок, которые пришли в церковь, чтобы получить благословение, а при окроплении их святой водой умышленно облил и испортил их красивые платья. Мы не знаем, каковы были результаты этого судебного разбирательства. Известно только, что весной 1403 года тот же проповедник Микулаш снова предстал перед судом—на сей раз по обвинению в оскорблении чести чешского патриция, купца Кржижа, известного основателя Вифлеемской часовни. Согласно показаниям, проповедник обличал недостойные поступки сына Кржижа Петржики, который из озорства по ночам жег и уничтожал имущество бедняков. «Он должен быть благодарен за то, что бог уже столько раз избавлял его отца от виселицы!»—заявил тогда Микулаш по адресу Кржижа. На сей раз Микулашу не удалось избежать приговора (чему способствовали также и деньги Кржижа), и он на два года был лишен права проповеди.

Как ярко и живо эти примеры говорят о том значении, которое имела в данный период проповедь! Мы не можем утверждать с полной достоверностью, что этот проповедник и Микулаш из Дрездена—одно и то же лицо, однако характер его проповеди очень близок содержанию достоверно известных произведений Микулаша из Дрездена. Важнее здесь то, что в словах народного проповедника звучит рез-

¹ Soudní akta konsistoře pražské, ed. Tadtá, IV, Praha, 1898, str. 128, 192—193. [Я использую чешский перевод Бартоша (F. M. Bartoš, Husitství a cizina, str. 126).]

кое обвинение высшему духовенству и патрициату, что проповедь выражает гнев простого народа Праги.

В том же направлении развернулась деятельность Микулаша в школе, основанной в доме «У Черной розы» на Пршикопах в 1411—1412 годах. В качестве учителей этой школы, предназначенной для широких слоев бюргерства, упоминаются Петр из Дрездена, Фридрих Эпинге и Микулаш из Дрездена. Микулаш из Дрездена написал в эти годы (1410—1412) книгу «Cortina de Antichristo» («Сосуд антихриста»), где нарисовал яркий образ антихриста; он обрушился на папу за его богатство, указывая что Христос оставил все имущество, не брезговал отдыхом в яслях простой конюшни и избрал себе бедных и неграмотных апостолов; Микулаш горячо выступал против канонов, запрещающих простым людям наказывать грешного епископа и вообще запрещающих мирянину судить духовное лицо. Первой обязанностью священников, верно следующих по стопам апостолов, Микулаш считал проповедь. «Кто не позволяет проповедовать, подобен высшему совету, запретившему Штепану проповедовать потому, что он указывал на его ошибки». Если мы вникнем в характер проповедей, которые произносил Микулаш, нам станет понятным, почему он так упорно отстаивал и выдвигал на первый план право проповеди священников. Ведь только таким путем он мог говорить с простым народом, вести его за собой и самому находить в нем поддержку.

Благодаря своей педагогической деятельности Микулаш имел возможность использовать новые действенные формы агитации среди широких слоев народа. По его инициативе по Праге носили картины, которые наглядно представляли зрителям вопиющие противоречия между тогдашней порочной церковью и бедной «первоначальной церковью христовой». Так, например, несли рядом два изображения: бедно одетого Христа, едущего на осле, и облаченного в пышные одеяния епископа, едущего на богато убранном коне; изображением бедных, нищих апостолов несли рядом с изображением пирующих прелатов и т. д. Так наглядно, понятно даже людям, не умеющим читать, демонстрировалась противоположность между образом жизни эксплуататоров и эксплуатируемых. Метод противопоставления вообще был характерен для произведений Микулаша и более всего для его книги «Cortina», в которой существующая действительность (церковь, утопающая в роскоши) была резко противо-

поставлена идеалу (апостольской бедной «церкви христовой»).

В позднейших произведениях Микулаш занимался вопросом церковной собственности. Он отстаивал и подтверждал библейскими текстами взгляд, что духовенство, имеющее пищу и одежду, должно всем остальным владеть сообща и жить в совершенной бедности. Миряне могут иметь собственность, но не должны быть жадными. Верующие никоим образом не должны платить десятину тем священникам, которые имеют все необходимое или живут не по закону христову. Зато верующие обязаны заботиться о пропитании бедных священников. Священник бедной церкви не должен стыдиться физического труда. Если ему не хватает средств к существованию, «пусть добывает пропитание честным трудом, земледелием, пусть идет работать в поле, или еще куда-нибудь»¹. Подобно южночешским еретикам, Микулаш из Дрездена выступал против положения о том, что священник становится посредником между богом и людьми лишь вследствие посвящения. Он отстаивал мнение, согласно которому только нравственная и честная жизнь дает право быть священником. Дурные, грешные священники являются самыми худшими еретиками, а службы, которые они совершают, не имеют силы, в особенности, если за них требуют с верующих деньги. Лучше умереть некрещеным, чем заплатить за крещение! Священное право обращаться к народу с проповедью принадлежит не только посвященным и поставленным епископом священникам, но всем, кто избран к этому богом. Проповедовать народу могут равно мужчины и женщины, проповедник должен лишь доказать своей святой жизнью, любовью к ближнему, презрением к суете мира сего и терпением в страданиях, что он призван богом стать проповедником. Для Микулаша не существовало пропасти между священником и мирянином. «Верующие, хотя они и грешны, могут и даже должны предостеречь духовное лицо, если оно ошибается, а если высокое духовное лицо не поддается исправлению, они могут даже покарать его... Даже папа может быть подвергнут наказанию и предан суду по обвинению в ереси». Призывы Микулаша уничтожать городские монастыри были тесно связаны с экономическими функциями, которые они выполняли. Этим Микулаш выражал интересы

¹ H l i d k a, XXXI, str. 543.

мелкого бюргерства, эксплуатируемого монастырями-кредиторами.

Весь строй церкви, ее организация и внутреннее устройство подвергались непрерывным нападкам со стороны Микулаша. В тесной связи с резкими выпадами против церкви-эксплуататора находились и выступления против церковных догматов. Вот почему мы находим Микулаша из Дрездена в числе первых сторонников чаши; вот почему он упорно выискивал в библии обычаи, которых придерживалась первоначальная церковь, сравнивая их с обычаями, господствовавшими в тогдашней церкви, и отвергал все, что было чуждо духу первоначальной церкви (например, ритуал богослужения, учение о чистилище, образа и статуи в храмах и т. д.). Трактат Микулаша «*Consuetudo et ritus primitive ecclesie et moderne sive dirivate*» доказывает, что в первоначальной церкви при совершении таинств не было внешних обрядов. Христиане были братьями, всем владели сообща, апостолы были простыми священниками, между священником и епископом не было разницы. Верующими управляли проповедники¹. Образ апостольской церкви с ее общностью имуществ манил бедняков, стонущих под гнетом эксплуатации, в частности со стороны церкви. Протые люди все чаще противопоставляли минувший «золотой век» нужде, которая царит сейчас. А из этого противопоставления вытекал неизбежный вывод: сейчас, накануне конца света, нужно восстать и привести заблудшую церковь опять к славе и добродетелям Христа. «Мы те, кто увидит конец света, ибо мы переживаем дни зла, когда духовенство порочно и когда исчезла любовь среди людей», — продолжает Микулаш. Прелаты, погрязшие в лени и тщеславии, мечтают о пирах и попойках, буквально купаются в роскоши, их всегда встретишь на улицах и очень редко в церкви; они медлительны, когда нужно покарать за тяжкий грех, зато проворны в травле зайцев, охотнее скликают псов, чем собирают бедняков, предпочитают бросать хлеб собакам, чем бедным, и охотнее играют в кости, чем служат мессу². И когда обращается к положению современной ему церкви, с его уст срывается молитва: «О господи боже, сотвори так, чтобы я увидел обновление святой твоей церкви». В этом радостном ожидании наступления царства христового, при-

¹ H l i d k a, XXXI, str. 208.

² Там же, стр. 293.

нимавшего уже хилиастические очертания, он надеялся на помощь светских князей, которые силой меча должны были исправить духовенство. «Но увы! Католические князья, погрязшие во взаимных раздорах, обуреваемые жадностью, развращенные ленью и обремененные пороками, не только не обращают внимания на великое падение церкви, но даже, наоборот, защищают, ограждают и часто поддерживают вредных для них самих, жадных, погрязших в симонии и ереси священников, ненавистных богу»¹. Микулаш не говорит прямо, кто должен взять на себя священную задачу — подготовить наступление «царства христового», кто должен осуществить коренное исправление церкви, однако тот восторг, с которым он говорит о бедных и угнетенных, свидетельствует, что именно в них видел он тех, кто должен выполнить все эти задачи.

Резко антицерковную позицию Микулаша из Дрездена можно объяснить тем, что он был идеологом пражской бедноты. Поэтому все недостатки церкви представлялись ему в гораздо более мрачных красках, чем его ученым современникам². Поэтому и объектом его нападков была не только церковь, но и все, кто жил за счет крови и пота трудящихся, пражской бедноты. Он написал специальный трактат о ростовщичестве, направленный против ростовщиков-патрициев, *De usura*, в котором резко выступает не только против ростовщичества, как такового, но и против всех его скрытых форм, фиктивных покупок, откупа на право сбора ежегодных платежей, то есть против рент. Многие прелаты, говорит он, защищают право получать ренту. Однако их попытки оправдаться тем, что они собирают денежную ренту «именем храма или прихода», ничего не могут оправдать, ибо того, что человек не смеет делать от своего имени, поскольку это противоречит божьему велению, он не смеет делать и от чужого имени³. Владельцы рент в Праге, немецкий патрициат и высшее духовенство приравнились, таким образом, к самым великим грешникам. Не менее резко Микулаш выступал против бюргерства, объединенного в цехи: «Берегитесь вы, миряне-ремесленники, ученые и неученые,

¹ H l i d k a, XXXI, str. 621.

² Я не собираюсь решать трудно разрешимый вопрос, было ли литературным образцом Микулаша прежде всего учение Уиклифа, как утверждает Бартош, или учение вальденсов, как говорит Седлак, а за ним Пекарж.

³ H l i d k a, XXXI, str. 620.

имеющие свои союзы и объединения, противные истинному закону божьему!» В то же время он не переставал прославлять бедность, защищал бедняков, которые являются истинными «братьями Иисуса Христа», и верил в них. Поэтому прав Седлак, когда пишет, что среди последователей Гуса Микулаш занимает самую крайнюю левую позицию¹.

Только идеолог бедноты мог так пламенно звать на борьбу в период, когда распространялись пророчества о скором конце света.

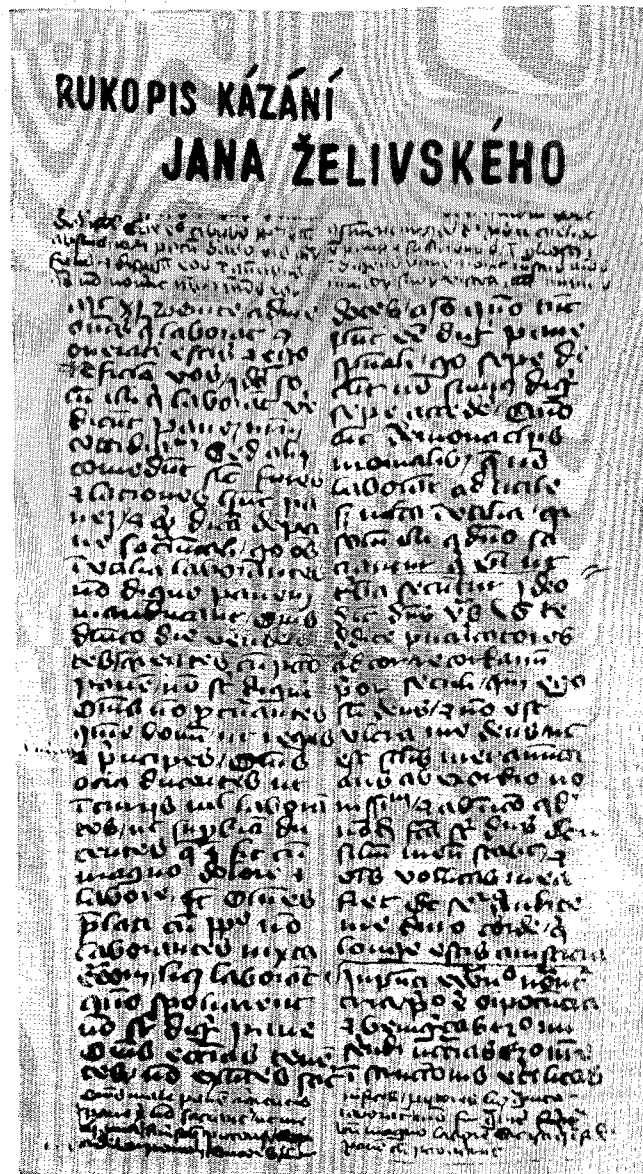
Микулаш в своих произведениях приводит ряд текстов Ветхого завета, чтобы с их помощью показать мрачные стороны старого строя и обосновать необходимость борьбы за возвращение к первоначальной бедной «церкви христовой». Он проповедовал в своих сочинениях запрещение смертной казни. Мы легко поймем, почему представители народной ереси (в частности, вальденсы) и идеологи бедноты так настаивали на запрещении смертной казни, если вспомним классовые функции феодального права, по которому бедняка наказывали смертью за малейший проступок, в то время как богатч оставался безнаказанным². Борьба против смертной казни была тогда борьбой за улучшение правового положения эксплуатируемых. Добиваясь запрета смертной казни, Микулаш вовсе не думал связывать революционные силы бедноты. Это видно из его толкования Ветхого завета. Призывая к борьбе против антихриста, он говорит: «О, как героически боролись они за законы своих отцов!.. А мы как будто ни во что и не ставим наш закон, закон настоящей свободы, закон правды и милости, данный нам сыном бога всемогущего, и ничего не делаем, чтобы осуществить его»³.

Противопоставление страстности ветхозаветных пророков в борьбе за божий закон тому тупому безразличию, которое царило тогда в обществе, уже само по себе служило призывом последовать их примеру. И страстным призывом, горячей верой в победу звучали слова Микулаша: «О господи, придет ли для меня тот желанный час, когда с апокалиптической блудницы будут сорваны одежды и тело ее будет сожжено в огне? Уповаю, что увижу эту милость божью, что господь вложит в сердца верных жажду со-

¹ Hlidka, str. 898.

² См. стр. 180 и сл.

³ Hlidka, XXXI, str. 293.

Рукопись проповеди Яна Желивского.

творить угодное ему»¹. «Земные богатства будут отняты у этих антихристов и архиеретиков и обращены на пользу бедных и на защиту закона божьего»².

Микулаш не дождался того, во что так страстно верил; он не увидел, как против исполненной пороков церкви поднялись жители Праги и одержали победу. Еще накануне гуситского революционного движения Микулаш из Дрездена исчез с исторической сцены; возможно, что он был схвачен инквизицией в Мейссене. Во всяком случае об этом упомянул проповедник церкви Девы Марии Снежной в Новом Месте Пражском Ян Желивский, который открыто объявил себя сторонником Микулаша, чтит его память и включил его в число мучеников наряду с магистром Яном Гусом.

Неслучайно идеолог новоместской и всей пражской бедноты объявил себя сторонником одновременно и Гуса и Микулаша из Дрездена. Во взглядах Желивского идеология бедноты достигла кульминационного пункта и вылилась в открытую борьбу против старого общественного строя. Взгляды Желивского были столь радикальны именно потому, что он выражал и отстаивал интересы пражской бедноты³. Выступления против короля, панов, высшего духовенства, коншелов и ремесленников, а также культ и превознесение бедности—все это показывает, интересы какого класса выражал Желивский. Выше говорилось, что отношение Желивского к обществу является выражением настроений угнетенных и обездоленных. Поэтому взгляды Желивского сформировались как страстный протест против всех форм угнетения и поэтому именно под его руководством толпы пражской бедноты поднялись на борьбу. Желивский выступал с кафедры против всех богачей вообще. Он упрекал их за их отношение к блудницам: «Их ты любишь, их почитаешь, их одеваешь, Христа же не любишь и не почитаешь, а бедных оставляешь умирать с голоду!»⁴ Подобные обличения,

¹ J. Sedláček, *ČKD*, 1913, str. 622.

² F. M. Bartoš, *ČSN*, 1910, str. 424.

³ Классовую сущность выступлений Желивского показал Ф. Граус (F. Graus, *Chudina*, str. 167 n.). Здесь также приведена литература.

⁴ E. Stein, *Želivský jako náboženská osobnost*, VKČSN, 1947, str. 12. Эта посмертная работа Штейна дала нам долгожданные дополнительные сведения о Желивском. К сожалению, Штейн резко разделяет Желивского-политика и Желивского—религиозного энтузиаста, не поднимая вопросов социального характера.

брошенные в храме всенародно в лицо богачам, были мощной поддержкой для бедняков и нищих и привели к тому, что они толпами стекались на проповеди в церковь святой Девы Марии Снежной. Именно здесь, а не в Вифлеемской часовне зарождалось пламя мятежа, ибо преемники Гуса в Вифлееме не шли вперед так последовательно, смело и прямо, как «констанцкий мученик». Те, на чью долю выпала наиболее тяжкая эксплуатация, чьи горести были особенно велики, нашли для своей ненависти вождя более подходящего, чем осторожные университетские магистры. Пылкий проповедник все больше углублялся в изучение «Священного писания» и по примеру Микулаша и всех народных еретиков искал путей к возрождению бедной «первоначальной церкви», к установлению всеобщего братства на земле. Разумеется, этому отношению к первоначальной церкви соответствовало и отношение его к церковным догматам, обрядам и обычаям. Желивский стал сторонником чаши. Он также считал, что священник должен быть не только должностным лицом, назначенным духовными властями, но прежде всего чутким и справедливым человеком. «Дурной священник, дурной епископ подобен псу, и ему должно быть запрещено принимать причастие...» А уважение к хорошему священнику Желивский выражал тем, что прославлял проповедников, от которых требовал, чтобы они были истинными глашатаями «божьих прав». Характерны выступления Желивского вообще против роскоши — неразлучного спутника класса эксплуататоров. Он отвергал иконы, украшения, церковное облачение и требовал простоты при богослужебных обрядах.

Однако исполненную пороков церковь и все общество нельзя было исправить мирным путем. Желивский понимал, что разбить оковы, которыми скованы эксплуатируемые, можно только насилием, борьбой. Поэтому он все чаще и чаще обращался к ветхозаветным пророкам и «Откровению св. Иоанна» («Апокалипсису») и говорил о пришествии Христа на землю. Но это были не мрачные пророчества о «конце мира», характерные для идеологов класса эксплуататоров, а радостное предвидение нового, лучшего мира. Подобно Гусу, Желивский был исполнен светлой надежды на будущее. Он ясно сознавал свою принадлежность к народу, горестями которого он жил и в победу которого твердо верил. Он считал, что Христос сойдет на землю к народу и ради народа. Для народа будет создана новая, лучшая,

радостная жизнь. Надеждой и верой в лучшую жизнь проникнуты у Желивского все его чаяния. «Будем надеяться, о чехи, что Христос не будет более медлить и придет ввечеру, чтобы провозгласить мир»¹. Борец за правду победит весь мир, так как ему помогает сын божий! «И эту необходимую войну люди могут вести со спокойной совестью, как воевал Моисей, имея на то причину»². Народ сам, без помощи авторитетных университетских магистров, решил вопрос о справедливости войны против зла. И Желивский подтвердил это решение³. Многочисленными текстами «Писания» он доказывал, что обязанность каждого христианина бороться против зла и не дать ему торжествовать. Зло представлялось ему в виде апокалиптического зверя, вылезущего из пропасти, чтобы уничтожить праведников. Однако и в такие минуты подавленности Желивский твердо знал, что избранный им путь правилен, и этим убеждением проникнуты его слова: «Ведь и павший в бою — победитель!»⁴ Не бойтесь даже самых сильных врагов и не колеблясь идите на смерть за правое дело, как это делали все мученики и магистр Ян Гус — вот смысл лозунга, брошенного Желивским. «Над мистическими колебаниями торжествует долг, ибо реформатор-проповедник, в отличие от прежних мыслителей, обязан действовать»⁵. С кафедры церкви Святой Девы Марии Снежной к народу обращался уже не просто проповедник, но и революционер, по слову которого толпы пражской бедноты поднялись на бой против старого эксплуататорского строя, символом которого была церковь, этот антихрист. «Быть может, уже нынче явится к нам господь, — говорил Желивский в 1419 году, — и призовет нас, чтобы мы стали орудием, утверждающим его славу в борьбе против антихриста и его присных и нам как апостолам принесет благую весть о наступлении его царства на земле; и узрим мы Христа во всем величии его»⁶.

Анализ проблем, затронутых в данной главе, как нам кажется, оправдывает ее название «Идеология как отра-

¹ E. Stein, op. cit., str. 4.

² Там же, стр. 5.

³ Ср. в следующих главах о дискуссии между учеными, допустимо ли воевать за божью правду.

⁴ E. Stein, op. cit., str. 5.

⁵ Там же, стр. 11.

⁶ Там же, стр. 3.

жение классовых противоречий». Взгляды людей, литература, проповеди и пророчества, «учения» и народная ересь—во всем этом находило свое проявление обострение классовых столкновений. Каждое потрясение, происшедшее в глубине чешского общества, находило свое отражение в его идеологии. Однако идеология предгуситского общества не только являлась простым отражением действительности, она в свою очередь влияла на жизнь, способствовала ее развитию, была руководящей силой. Идеологи старого правящего класса, церковных и светских феодалов были способны лишь описывать классовые противоречия и самое большее предостерегать своих господ от грозящей им опасности. Католические стихи и песни, полные пессимизма, всей своей направленностью близки к трактатам Фомы Штитного и являются типичным примером настроения безнадежности, характерного для эпохи общественного кризиса. Лишь в среде народных проповедников или непосредственно в среде народа могла зародиться искра, которая разожгла революционный пожар. Идеология не только отражала классовые противоречия, но и намечала пути к их преодолению. Однако развитие революционной идеологии, порождаемой все более усиливавшейся эксплуатацией широких народных масс, шло медленно и с трудом.

Католическая церковь всеми силами душила попытку любого революционного выступления: ее орудиями были церковные проклятия, тюрьмы и костры. И всякое выступление против старого строя неизбежно становилось прежде всего выступлением против самого крупного феодала—церкви. Церковь объявляла еретиком каждого, кто поднимал против нее голос. Конрад Вальдгаузер, Ян Милич из Кромержижа, Матей из Янова напрасно пытались стереть с себя это клеймо. Отдельная личность была не в силах разбить непроницаемую броню церковной догматики. Гусу удалось нанести ей удар лишь благодаря тесной связи его с массами, с революционным народом. Дело его жизни, начатое призывом к реформам, созрело под влиянием радостей и горестей всего чешского народа и превратилось в завет революционной борьбы. Констанцский костер был важной вехой на пути развития революционной идеологии. Одновременно с развитием революционного мировоззрения многое становилось ясней не только ученым, но и простому люду—крестьянам и городской бедноте, наиболее эксплуатируемым слоям в

эпоху феодализма. Народные пророчества отражали мечты крестьян о лучшей доле, их веру в лучшую жизнь, а народные еретические учения разжигали эту веру. Народные еретические секты в своей долгой и тайной деятельности сеяли недовольство прежде всего там, где ненависть к эксплуататорам была особенно сильна—в первую очередь в южной Чехии, где крестьянство подвергалось более жестокой эксплуатации. Об этом свидетельствует тот факт, что в южной Чехии уже давно существовала народная ересь. И народная ересь направила свой удар прежде всего против старой эксплуататорской церкви и всего, что было с ней связано. Идеологическая борьба против церкви опиралась прежде всего на толкование Библии. Отсюда требование возврата к библейским истинам, к христовой церкви, к истинному «закону божьему» стало основным в программе всей народной ереси. Формально это был возврат к старым авторитетам, шаг назад, однако по своему содержанию и последствиям лозунг возвращения к раннехристианской церкви был революционным лозунгом. За исправление церкви, за возврат к апостольской церкви, за «божью правду»—так звучали первые боевые призывы народных проповедников. Первые подлинныe революционеры вышли из среды пражской бедноты, и это они разожгли огонь революции. Микулаш из Дрездена и его последователь Ян Желивский уже открыто звали на борьбу против порочной церкви и всего эксплуататорского строя; Желивский уже вывел на улицы первых народных воинов.

Каким путем шел процесс централизации и роста революционных сил в деревне, какое завершение получила деятельность южночешских еретиков? Слились ли оба революционных потока—южночешский и пражский—в одну огромную армию «божьих воинов»? Ответ на это дадут следующие главы, а отрывок из проповедей Желивского наглядно показывает, каков может быть этот ответ. Ян Желивский, бывший идеологом городской бедноты, прекрасно чувствовал и понимал страдания крестьян. Он знал действительное положение чешской деревни, он видел, что в лице крестьянства и городской бедноты найдет самого верного союзника. Мог ли он найти лучший образ, чтобы показать неизбежное приближение бури, которое уже чувствовалось в воздухе, сформулировать свою пылкую веру в окончательную славную победу революционных народных масс, чем образ женщины, «кричащей в муках рождения».

А где родится новая жизнь? В чешских деревнях, откуда ныне в 1419 году звучат горькие рыдания и жалобы эксплуатируемых: «Как жена, облаченная в солнце, о которой говорит апостол в Откровении, кричала от муки рождения, так и Чешское королевство, если будет иметь в чреве своем, будет мучиться и кричать, как во многих местах, угнетаемые преследователями крестьяне кричат от мук рождения»¹.

E. Stein, op. cit., str. 4.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ФЕОДАЛЬНЫЕ МЕЖДОУСОБИЦЫ И КЛАССОВАЯ БОРЬБА С НАЧАЛА XV ВЕКА ДО ОСНОВАНИЯ ТАБОРА

Революционные отклики на казнь Яна Гуса и Иеронима Пражского.—Протест чешского дворянства.—Бессилие двора Вацлава IV справиться с нарастающей революционной волной.—Феодальные междоусобицы, направленные главным образом против высшей церковной иерархии.—Борьба горожан против немецкого патрициата и прелатов.—Пльзень и проповедник Вацлав Коранда.—Усти Сезимово—центр гуситского движения на юге Чехии.—Волнения в Праге.—Революционное выступление пражского населения 30 июля 1419 года как начало революционной борьбы.—Трудности, связанные с объединением сельского населения.—Деятельность бродячих проповедников.—Паломничества на горы, сплотившие широкие массы чешского народа.—Паломничества на гору Табор.—Преодоление пассивности эксплуатируемых масс.—Микулаш из Гуси.—Паломничества на горы и в пять городов—объединение и сплочение революционных масс для борьбы.—Паломничества на гору Кржижек под Прагой.—События в Праге после 30 июля 1419 года.—Возникновение панского союза.—Первая неудачная попытка сосредоточить чешское население в Праге.—Отход революционных отрядов к Пльзеню.—Захват Усти Сезимова южночешскими таборитами.—Основание Табора как следствие революционной борьбы широких народных масс.—Хилиазм—революционная идеология таборитов.—Критика буржуазной историографии.

Пророки новые его продлили дело
И людям говорили смело:
За дело божье в бой вступайте,
Тех, кто не с вами,—убивайте!¹

Констанцкий собор рассчитывал, что после сожжения Яна Гуса удастся в самый короткий срок искоренить чешскую ересь² и повелел литомышльскому епископу Яну

¹ Анонимные прогуситские стихи «Slyšte všichni staří i vy, děti» (ed. V. Nebeský v ČSM, 1852, str. 149), относящиеся к 1417—1419 годам.

² Основным материалом для настоящей главы послужила, несколько несистематизированная работа Ф. М. Бартоша «О четырех пражских статьях» (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů,

Железному уничтожить приверженцев Гуса в Чехии. Однако уже в конце 1415 года Детржих из Ниема, ревностный поборник папства, говоря о провале попыток Яна Железного, отмечает: «Итак, мы мало что выиграли, отправив его для спасения смущенного духом народа, который повсюду славит и превозносит этого Яна Гуса почти как апостола и славного мученика. Глупый и неразумный народ, лучше бы он помышлял о своем смертном часе!»¹ Но чешский народ не понимал, для чего ему снова покорно подставлять шею под ярмо, освященное церковью. Наоборот, он расправил спину, и его удары, направленные против устоев старого строя, стали более грозными. Мы видели, что уже вскоре после кончины Гуса его заветы были восприняты не только представителями южночешской народной ереси, но и всеми чешскими народными массами. Слова Детржиха из Ниема являются новым подтверждением этого всеобщего преклонения перед магистром Яном. Штепан из Долан также отмечает в 1417 году, что в Чехии существовал подлинный культ Гуса как святого и мученика; он говорит о проповедниках, публично возглашавших, что «из всех мучений, перенесенных святыми мучениками, только страсти христовы могут быть приравнены к мученичеству магистра Яна Гуса»².

Теоретические сочинения Яна Гуса не проникли в широкие народные массы, зато его деятельность в качестве проповедника, а главное—его неуклонная борьба за реформу общества, нашла в народе горячий отклик. Деревенский и городской люд, изнывающий под все усиливающимся гнетом эксплуатации, искал пути к освобождению. Для народа героическая кончина Гуса была наглядным примером того, что за реформу церкви, а тем самым и всего общественного строя, нужно бороться, не щадя жизни³.

SPDMP, V/2, str. 481—519), вновь изданная отдельно в 1940 году с исправлениями, но без приложений и в более популярном изложении. С толкованием Бартоша как в целом, так и по отдельным вопросам я не согласен и попытаюсь на отдельных примерах показать его слабые места, вытекающие из неправильного метода.

¹ V. Novotný, Hus v Kostnici a česká šlechta, str. 31.

² Štěpán z Dolan, Epistolae ad Hussitas. ed. B. Pez, Thesaurus anecdotorum novissimus, a. 1417, p. 521.

³ Ф. М. Бартош искажает историческую действительность, когда пишет (SPDMP, V/2, str. 481): «Торжественное осуждение чаши, провозглашенное Констанцским собором 15 июня 1415 года, и казнь магистра Яна через три недели после этого события на столетия

Вот почему непреклонная стойкость Яна Гуса на Констанцском соборе вызывала в народе такое восхищение.

О том влиянии, которое оказал героический пример Яна Гуса, мужественно выступавшего за реформу общества, свидетельствовала смерть его друга, магистра Иеронима Пражского¹. Иероним в 1415 году отважно последовал за Гусом в Констанц, чтобы выступить там в защиту общих идей, подобно тому, как он ранее выступал в других местах, в том числе в Вене в 1410 году². Он покинул Констанц лишь по настоянию друзей, но на пути домой был арестован и брошен в констанцскую темницу. Сначала он отказался было от своего учения и отрекся от Гуса, однако в дальнейшем, несмотря на все мучения и пытки, твердо отстаивал учение своего покойного друга. Не покорившись и не утратив мужества, он «радостно и с готовностью шел на смерть, не страшась ни огня, ни мук, ни гнусной казни»³. 30 мая 1416 года на костре, зажженном в Констанце, погиб, подобно Гусу, еще один мученик, снискавший уважение всего чешского народа. В разгоревшейся борьбе Иероним, подобно Гусу, явил народным массам блистательный пример мужества.

вперед определили направление развития нашей истории». Такое индивидуалистическое понимание процесса исторического развития характерно для идеалистического метода, рассматривающего роль личности метафизически, а не диалектически—в ее связи с революционным народом.

¹ Личности магистра Иеронима Пражского до сих пор не посвящено исчерпывающей монографии. Хорошим популярным обзором, основанным на уже опубликованных источниках и литературе, является работа Яна Пугного (Jan Půtný, Mistr Jeroným Pražský, Praha, 1916). В последнее время опубликовал краткую биографию Иеронима и список его рукописей и произведений Ф. М. Бартош в JSH, XIV, 1941—1945, стр. 41 и сл.

² О процессе против Иеронима в Вене см. L. Klicman, Der Wiener Process gegen Hieronymus von Prag, MJÖG, 21 и издание Processus iudiciarius contra Jeronimum de Praga habitus Viennae a. 1410—1412, Praha, 1898.

³ Потрясающее описание последних дней Иеронима дал писатель-гуманист Поджо Флорентийский в письме к Леонардо Аретинскому (чешский перевод в АС, III, стр. 202). В последнее время анализ этого описания Поджо дала Б. М. Руколь, Письмо Поджо Браччолини к Леонардо Аретинскому и рассказ Младеновица как источники об Иерониме Пражском, Академия Наук СССР, Ученые записки Института славяноведения, т. III, 1951, стр. 421 и сл.

В предыдущих главах мы проследили, как возникали и обострялись отдельные классовые конфликты. Мы видели, как углублялся кризис феодального общества, как в связи с этим возникла и формировалась революционная идеология. Это позволяет нам перейти к обзору тех событий, которые произошли за несколько лет до вспышки революционного движения. Мы видим, что классовые противоречия находили разрешение в кровавых боях, что правящий класс был захвачен их вихрем, что происходил процесс неуклонного сплочения эксплуатируемых масс, которые переходили от мелких столкновений к открытой классовой борьбе.

Реформаторские идеи Гуса нашли благодатную почву также при дворе короля Вацлава IV, где виднейшие члены королевского совета примыкали к сторонникам Гуса. И это было понятно, ибо королевские фавориты сплошь и рядом были выходцами из низшего разорившегося дворянства¹, в объединении панства и церковной иерархии они усматривали для себя величайшую опасность. Авторы католических памфлетов прямо ополчались против короля за то, что он заступает за Гуса и его последователей-еретиков, поощряя насильственную секуляризацию церковного имущества². «Итак, он земельные владения монастырей, храмов и всего клира разрешил и приказал разворовать и растащить, а воров и расхитителей упомянутого имущества охраняет и кормит при своем дворе...» В действительности, однако, враждебное отношение короля к церковной иерархии и его расположение к гуситам объяснялись позицией королевского совета, который с начала XV века все чаще брал на себя королевские функции³. К констанцскому суду Вацлав IV не проявил ни малейшего интереса. И если в конце 1415 года он выступил против католического союза чешского панства, учрежденного на съезде в Чешском Броде⁴, то только потому, что видел в панах своих давних врагов, с которыми он несколько лет

назад вел борьбу за власть¹. В сущности говоря, Вацлав IV не мог быть на стороне чашников, ибо хорошо понимал, что падение церковной иерархии могло бы подорвать самые основы его могущества². Из окружения Вацлава к сторонникам Гуса присоединилась одна лишь королева София, для которой чаша, вероятно, была только символом протеста против нравственного разложения церковной иерархии. Тем не менее апологеты католических прелатов утверждали, будто конфискация церковных имуществ производилась королевскими фаворитами по инициативе самого короля.

На тебя, король наш, пало подозрение,
Что своим любимцам дал ты разрешение
На закон не глядя, все без исключения
Отбирать и грабить у церкви имения³.

Распри Вацлава с архиепископом Яном из Енштейна были еще свежи у всех в памяти. Известно также, насколько велико было влияние королевского совета, который часто действовал от имени монарха. Однако своим поведением в 1418—1419 годах Вацлав IV доказал, что все это были лишь предположения, а не действительные факты⁴. О том же свидетельствуют и жалобы на короля странствующих проповедников. «Известно,—говорит католический аббат Штепан из Долан, обращаясь к гуситским священникам,—что исполненные злобы вы публично проповедуете и злостно утверждаете, что если бы и не было никакой иной причины для гибели души короля Вацлава (который никогда не следует вашим сумасбродным и лживым призывам), то довольно было бы одного того, что он не отнимает у церкви все ее имущество»⁴.

Как мы видим, король находился между двух огней. С точки зрения представителей католической иерархии, отношение Вацлава к растущей ереси было настолько мяг-

¹ F. M. Bartoš, op. cit., str. 13.

² На Вацлава IV оказывали влияние окружавшие его феодалы, а также его брат, венгерский и германский король Сигизмунд, не упускавший случая предсказать самое мрачное будущее тем, кто выступает против церковной иерархии [см., например, письмо от 4 декабря 1418 года (Documenta, str. 682—686 атр.)].

³ ССМ, ed. V. Nebeský, 1852, str. 150 («на закон не глядя» — поспешно, быстро).

⁴ Epistolae ad Hussitas, Thesaurus, ed. Pez, str. 596.

¹ «Король вытащил их из навоза и деревенских мешков» — иронически говорит о королевском совете Anonymus de origine Taboritarum, ed. Höfler, I, str. 532.

² Querimonia contra regem Wenceslaum, ed. Höfler, II, str. 308—309.

³ F. M. Bartoš, Do čtyř artykulů, 1940, str. 16.

⁴ Documenta, str. 602.

ким, что в короле можно было даже заподозрить союзника еретиков. Что касается идеологов бедноты, то мероприятия королевского совета, направленные против огромных богатств церковной иерархии, не могли их удовлетворить. Таким образом, королевское правительство и слабый, ни во что не вмешивающийся монарх теряли авторитет как в верхних, так и в низших слоях общества. Без поддержки церковной иерархии и панства король не в состоянии был остановить надвигающуюся революционную волну, тем более, что он и лично не обладал необходимой энергией и дарованиями государственного деятеля¹. Нерешительная и колеблющаяся политика короля не укрепляла позиций правящего класса, а, наоборот, препятствовала его сплочению, так как обостряла противоречия между интересами отдельных групп этого класса.

Мы уже говорили о расприх в среде светских феодалов и констатировали, что у них были общие основания для нападков на самого крупного феодала—церковь. Часть высшего дворянства—панство—толкало в лагерь сторонников Гуса стремление захватить церковное имущество. Вот почему среди подписей под протестом чешского и моравского дворянства оказались имена некоторых панов.

Уже с начала 1415 года некоторые представители дворянства выражали Констанцскому собору свое возмущение по поводу заточения в темницу, а затем сожжения Яна Гуса². 2 сентября 1415 года от имени чешского и морав-

¹ Этой личной особенностью Вацлава, слишком упрощая события, объясняли успех расширявшегося антицерковного движения. Забывали о том, что Вацлав IV оказался в совершенно особых объективных условиях: он правил в период испорченного обострения классовых противоречий, которые не могла приостановить даже самая гениальная личность. Переоценивая значение личного бессилия Вацлава, Пекарж дошел до абсурда; он следующим образом объяснял причины взрыва гуситского революционного движения: «Так вспыхнула борьба в нашей стране, но вряд ли она перешла бы в революцию, если бы этому не способствовала случайность, то есть то обстоятельство, что страной в это время управлял король, который был ненормален» (P e k a ř, Smysl českých dějin, Praha, 1929, str. 37). В приведенном высказывании Пекаржа выражается растерянность буржуазии в период экономического кризиса, растерянность, породившая взгляд на общество как на джунгли, в которых исход борьбы за существование определяется случайностью.

² О протестах, которые писало чешское и моравское дворян-

ского дворянства было составлено письмо, скрепленное 452 подписями и печатями, обвинявшее собор в сожжении «приснопамятного и досточтимого Яна Гуса». В заключение этого горячего протеста заявлялось, что дворяне намерены безобязательно и без оглядки на «мерзкие человеческие установления», «до последней капли крови» хранить и защищать закон божий и всех верных ему. Таким образом, дворянство присоединилось к идее реформы общества. Следует, однако, отметить, что сбор подписей под протестом был организован по преимуществу в среде мелкого дворянства, и его подписи значительно преобладали. Из 452 подписей было только 58 или 60 панских; земанов (мелкопоместных дворян), владык и рыцарей—391¹. Да и многие из панов попали в разряд высшего дворянства только по праву рождения, а по имущественному, экономическому положению они принадлежали к низшему дворянству. Таким образом, протест против сожжения Яна Гуса исходил от низшего дворянства, которое находилось в состоянии непрерывно обостряющегося кризиса. (Низшее дворянство имело основания добиваться реформы существующего строя: с одной стороны, оно с жадностью взидало на богатства и роскошь прелатов, с другой—встречало препятствия в лице экономически и политически могущественного панства. Оно готово было рисковать своим достоинством и жизнью ради изменения существующего общества, хотя бы ради того, чтобы улучшить свое материальное положение и добиться участия в политическом управлении страной. В целях самозащиты от католического панства создан был, например, вооруженный союз земанов Влтавского края (область, расположенная между Табором и Прагой), заключивших в 1417 году соглашение о взаимопомощи и обороне. Пршех из Ольбрамовиц, Ян Лесковец, Гержман из Градца и другие подписали обязательство о том, что те священники, «которые с нами», не должны являться по вызову в суд и подчиняться отлучению от церкви, они могут беспрепятственно и «свободно проповедовать в своих храмах» и выступать в защиту чаши. Владыки дали обещание в течение шести лет помогать друг другу и всем,

ство, см. V. Novotný, Hus v Kostnici a česká šlechta, Praha, 1915; см. F. M. Bartoš, ČMM, 1916, str. 168.

¹ J. Pekař v ČSN, 1915, str. 403.

кто присоединится к их союзу против любого врага¹. Эти военные союзы, создаваемые в отдельных краях, послужили важной предпосылкой для позднейшего вступления мелкого дворянства в борьбу; они были предшественниками гуситского военного лагеря.

Подписавшись под протестом, паны тем самым как бы выразили свое сочувствие уиклифистским секуляризационным тенденциям, заложенным в произведениях Гуса². Однако большая часть панства решительно выступала против Гуса и его сторонников. 1 октября 1415 года на съезде в Чешском Броде, принадлежавшем архиепископу, учрежден был союз католического панства под председательством представителя самого могущественного католического рода Чехии, южночешского пана Яна из Градца (Индрижова)³.

Итак, дворянство раскололось на две группы: низшее дворянство, то есть малоимущая часть его, примкнула к чашникам, богатая—осталась верна католической церкви и старому порядку. Однако трудно провести строгое разграничение между феодалами-чашниками и феодалами-католиками, так как религиозная программа как чашников, так и правоверных католиков была только ширмой, за которой скрывались подлинные стремления дворян: захватить возможно большие богатства и завладеть как можно более выгодными политическими правами. Вот почему дворяне, когда это было нужно, переходили из лагеря гуситов в лагерь католиков и обратно.

Принимая во внимание неустойчивость и корыстность дворянства, мы не будем придавать решающего значения вопросу о том, «преобладала ли в Чехии гуситская или католическая партия». Впрочем, в основном, повидимому, преобладало католическое дворянство⁴.

¹ Bart. Paprocki, O stavu rytířském a rozmnožení jeho jak dávno a odkud který rod a erb do tohoto království přišel, str. 81.

² V. Novotný, Hus v Kostnici a česká šlechta, str. 4.

³ Documenta, str. 602.

⁴ Этот вопрос поставил Й. Пекарж (J. Pekař, Žižka, I, str. 21), который считал дворянство, стоявшее за чашу, большинством в стране, и Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 486), который, наоборот, говорил о том, что католическое дворянство составляло подавляющее большинство, а гуситских дворян была четвертая или даже пятая часть. Повидимому, Пекарж не видел различия между высшим и низшим дворянством. Исходя из рецензии Новотного (СЧН, 1915, стр. 399 п.), который,

В период нарастания революционного движения решающим являлось отсутствие внутреннего единства, раскол в среде дворянства. Революционное движение зарождалось не в замках феодалов, а в деревнях и городах; присоединяясь к обостряющейся классовой борьбе эксплуатируемых масс, богатая часть дворянства, побуждаемая корыстными мотивами, не понимала истинных причин волнений. На первых порах дворянство не сознавало, что решающий удар по старому строю неминуемо затронет и его феодальные привилегии. Впрочем, католические идеологи феодализма понимали всю неестественность союза дворян с бюргерами и крестьянами и всячески клеймили «столь чудовищное объединение». «Разве это не неслыханное злодеяние, если против католической веры и христианства, против чести дворянской и чести божеской объединяются в одно дьявольское сообщество благородные паны, рыцари и панюши с предателями—горожанами и крестьянами...»—с раздражением восклицает Ондржей из Брода¹.

Подобные выступления, несомненно, не только отталкивали от союза с массами гуситов многих дворян, зарившихся на церковные имущества, но также свидетельствовали о непрочности этого союза. Впрочем, позиция дворян-чашников неизменно определялась их классовыми интересами; об этом ясно свидетельствует сокрушенное замечание магистра Пражского университета Якоубека из Стржибра: «Паны, устраивающие съезды и собрания, заботятся об одном: чтобы успешно шли их земные дела»². Анонимные католические вирши, относящиеся приблизительно к 1417 году, ясно говорят о том, что агитация гуситских священников имела успех у дворянства лишь тогда, когда его удавалось заинтересовать церковным имуществом. Гуситские священники, желая завлечь панов, льстят им,

впрочем, не дал подробного анализа, я следую далее анализу Седлачека (СЧН, 1917, стр. 343 п., дополнения в СЧН, XXX), а по вопросу о Моравии—Неймана (A. Neimann, K dějním husitství na Moravě, 1939, str. 37 п. с картой). Рассматривая положение по отдельным краям, Седлачек пришел к выводу, что в целом дворянство было в лагере католиков. Этот вопрос нуждается еще в подробном изучении на основании документов; необходимо составить карту, на которой было бы указано соотношение сил.

¹ K. Höfler, II, str. 349.

² Цитату из Якоубека см. у Ф. М. Бартоша (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 38, p. 92).

разжигают рознь между дворянством, бюргерством и крестьянством, а главное, подстрекают дворян, чтобы они забирали у духовенства решительно все, кроме тонзур:

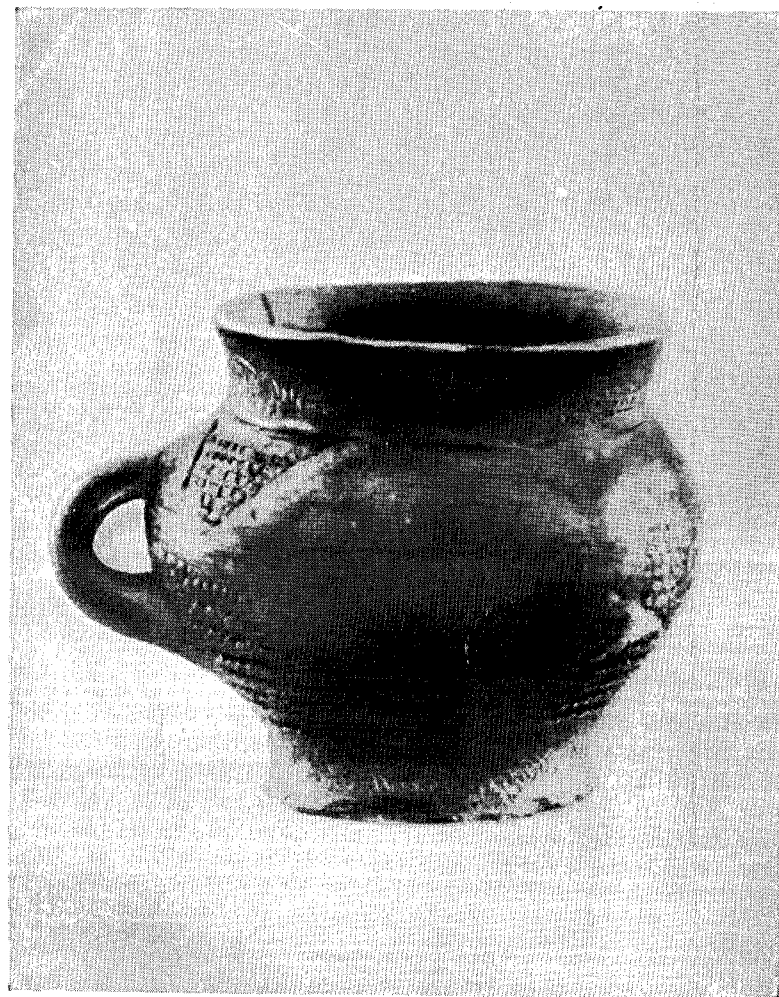
Подстрекают всех и вся;
Знати потихоньку льстят,
Ссорят с церковью панов,
Горожан и мужиков
В свары втягивают тоже.
И советуют панам:
Ничего монастырям
Не давайте, не чинясь,
Кроме их тонзур и ряс.
Смилуйся над нами, боже!¹

Панов привлекала не только надежда поживиться отобранным церковным имуществом—многие из них учитывали и те перемены, которые должны были произойти на королевском троне. Чтобы стать поближе к новому королю, нужно было заранее обеспечить свои позиции. Чем ближе была смерть стареющего Вацлава IV, тем настойчивее думали паны о его преемнике—о венгерском короле Сигизмунде—и изыскивали способы заранее заручиться его расположением. Они понимали, что услуги, оказанные ему теперь, давали надежду на получение новых источников дохода в будущем². Таким образом, чешское дворянство не только было расколото в силу своего различного отношения к учению Гуса, к вопросу о том, кто будет преемником Вацлава IV,—оно находилось в состоянии непрерывной и жестокой междоусобной борьбы из-за дележа добычи.

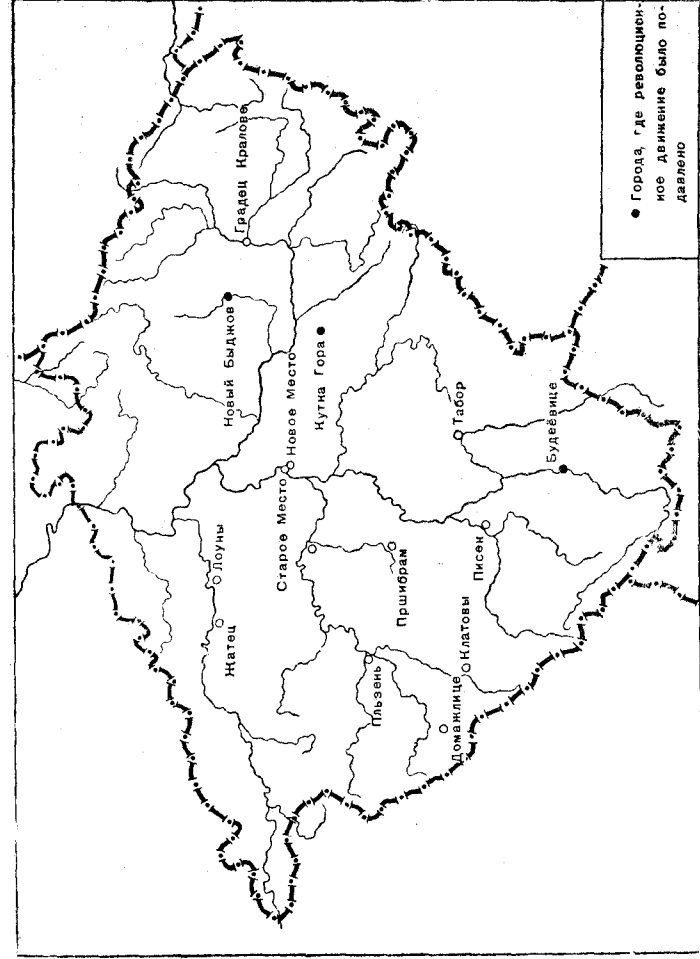
Мы уже указывали, что погоня феодалов за накоплением материальных благ и их стремление улучшить свое экономическое положение служили причиной как мелких стычек, так и кровавых столкновений. «Книга казней» панов из Рожмберка позволяет нам познакомиться с феодальными усобицами, связанными с тем кризисом, который пережило низшее дворянство южной Чехии, а равно и все чешское общество.

¹ Vůbor, II, str. 244.

² «Строго католический род» Петра из Штернберка и из Конопшта «верно» стоял на стороне Сигизмунда, но в основе этой верности были денежные интересы (в 1418 году Петр поступил на службу к Сигизмунду за 300 коп грошей в год. АС, I, стр. 147).

Посуда, найденная в старом Усти Сезимовом с надписью из гуситской песни.

II. Революционное движение в городах в 1412—1419 годы

Одним из актов кровавой расплаты, происшедшей до 1419 года, является убийство пана Путы—младшего из Скалы, совершенное в его пражском доме 6 февраля 1413 года. Убийцы свели с ним какие-то старые счета по указанию знатного пана Яна из Опочна (он же из Гержманова Местце); его имя значится среди участников феодальных междоусобиц в восточной Чехии¹. Из буллы папы Иоанна XXIII, посланной литомышльскому епископу Яну Железному, видно, что восточная Чехия в 1402—1414 годах была ареной кровавых битв. Пан Индржих из Хлума, по прозвищу Лацембок, в течение ряда лет воевал с окрестными панами и рыцарями. Микулаш из Жампаха, или Потштейна, сосед Лацембока, взял его в плен и потребовал от него выкупа в размере 1000 коп чешских грошей. Ян из Опочна, иначе из Гержманова Местце, стремясь завладеть поместьями Индржиха с помощью Яна Пушки из Отаславиц и Оты из Бергова, владельца Тросек, два года подряд грабил владения Лацембока—деревни, хутора—и угонял скот. По распоряжению римского папы литомышльский епископ должен был осуществить роль третейского судьи в данном споре.

Но в яростную междоусобную борьбу были вовлечены не только южная и восточная Чехия. Везде слышалось бряцанье оружия. В феврале 1413 года королевское войско принуждено было даже выступить в поход против пацовского паноша Петра Маловцова, который непрерывно беспокоил соседей разбойничьими набегами². В тот же период был осажден замок Скала в Клатовской округе. В следующем году (1414) разгорелась война против пана Гинка Крушины из Лихтенбурка, пытавшегося насильственно завладеть поместьем королевы Софии³.

Обедневшие земаны и рыцари в поисках богатой добычи для себя и для своих шаек часто нападали на больших дорогах на купеческие подводы. В 1413 году «на св. Яна (24 июня) купцы из Кутной Горы отправились в Братиславу на ярмарку, на них напал Лескова Нога из Моравии, желая их ограбить; они же оборонялись и убили этого Ле-

скова Ногу, а его товарищи перебили этих купцов и несколько подвод забрали»¹. И не только купцы, но и города становились жертвами набегов этих рыцарей-разбойников. В 1416 году Тиста из Пршимлы «великий ущерб наносил городам и имуществу короля Вацлава, и для того чтобы восстановить порядок подкоморию пришлось организовать военный поход, в результате которого разбойники были повешены в Праге².

Для крестьян эти разбойничьи набеги, равно как и походы, предпринятые против разбойников, означали лишь усиление гнета. Но одновременно с этим феодальные усобицы препятствовали сплочению феодалов в единый блок, связывали руки панскому сословию и содействовали непрерывному росту революционного движения.

Дворяне—и католики и гуситы—сходились в одном: в стремлении захватить церковные имущества. Литомышльское епископство, обладавшее богатыми именьями, в 1415 году стало объектом набегов соседних феодалов. Епископ Ян Железный, известный своим враждебным отношением к Гусу, «железным кулаком» подавлявший «гуситские мятежи», вернувшись из Констанца, застал свои поместья совершенно разоренными³. Впрочем, свои нападения на епископа—столпа католической иерархии в Чехии—дворяне еще могли мотивировать интересами борьбы за веру, за Гуса. Однако подобными мотивами вряд ли можно было оправдать нападение на Опатовицкий монастырь, где в роли нападавших выступают «верные сыны» католической церкви, паны Ян Местецкий из Опочна и Ота из Бергова, которых мы уже знаем как участников феодальных междоусобиц в восточной Чехии. «В том же году, в день всех святых (1 ноября 1415 года), пан Ян Местецкий и пан Бергов темной ночью ворвались в Опатовицкий монастырь и замучили до смерти аббата Лацура»⁴. Это был настоящий разбойничий набег, во время которого оба папа—через пять лет они выступят в качестве добродетельных защитников истинной веры и покровителей «святой конгрегации опатовицкой»—

¹ Staré letopisy české, ed. J. Charvát, str. 38.

² Там же, стр. 41.

³ См. Z. Nejedlý, Dějiny Litomyšle, I, 1903, str. 242 n.

⁴ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 40. Анализ причин нападения дает Калоусек (ČČM, 77, 1903, str. 275 n.). Ф. М. Бартош (SPDM, V/2, str. 489), совершенно неправильно и узко рассматривая события, он связывает это нападение на Опатовиц с пражскими волнениями.

¹ J. Kaloúsek, Zášti ve východních Čechách (ČČM, 77, 1903, str. 262 n.), где опубликована булла папы Иоанна XXIII епископу литомышльскому от 31 июля 1414 года. Калоусек дает также более подробную характеристику отдельных дворян.

² V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, str. 545.

³ Там же, стр. 548.

захватили множество золота, серебра и других драгоценностей. Панская солдатчина не пощадила даже покойников, разграбив все надетые на них драгоценности. В 1415 году—кровожадные разбойники, в 1420 году—добродетельные защитники «святой церкви» против гуситской «мерзопакостной, разбойничьей и алчной банды»—таков облик обоих этих панов, типичных представителей чешского панства в период обостряющегося кризиса феодализма.

Я привел несколько конкретных примеров феодальных междоусобиц и разбойничьих набегов, чтобы показать читателю подлинное лицо чешского дворянства, чтобы документально доказать тот факт, что позиция панского сословия определялась его чисто классовыми интересами, и показать то глубокое разложение, в состоянии которого находился правящий класс. Внутренне разобщенное панство, находившееся в состоянии непрестанной и яростной борьбы за материальные выгоды, низшее дворянство, обреченное на пауперизацию, и высшее дворянство, добывающееся полноты власти в Чехии, не в состоянии были затупить разгоревшееся пламя классовой борьбы. Ондřej из Брода не случайно упрекал правящий класс: «Арий Александрийский бросил крохотную искру, однако из-за того, что пламя, им зажженное, не было потушено сразу, оно охватило весь мир. Так получилось и тут—те, кто мог и по положению обязан был загасить искру, не захотели этого сделать»¹.

Борьба против церкви объединяла всех, кто был недоволен старым порядком. Со всех сторон слышатся жалобы католических священников на вооруженные наступления против них². В результате этих нападений на церковь в стране создалась напряженная атмосфера, которая еще более накалялась вследствие агитации гуситских священников:

Священников, и школяров,
И горожан, и мужиков
Лишь только ереси не признавали—

¹ K. Höfler, II, str. 336.

² Наиболее подробный перечень источников для описания нападений на церковь в этот период составил Й. Пекарж (J. Pečář, Žižka, I, str. 214), но главной целью его было изобразить в особенно мрачных красках «печальные последствия» этих кровавых столкновений. Идеолог загнивающего капиталистического строя, он совершенно естественно стал в ряды защитников средневековой церковной иерархии.

Всех без изъятья проклинали.
Втянули в свару горожан,
Науськали на всех крестьян.
Они одни за то в ответе,
Что нет любви на этом свете.
Нет меж священников и школяров,
Меж женщин нет и мужиков.
Спокойно, тихо наши дни текли,
Пока не завелись еретики.

Жалобы католического стихоплета недвусмысленно свидетельствуют о всеобщей тревоге, вызванной наступлением на церковную иерархию. Представители низшего духовенства, бедные проповедники, выступали повсюду, поднимая народные массы на борьбу. В 1417 году на них яростно обрушился католический прелат Штепан из Долан: «Скажите же, к какому капитулу вы принадлежите ныне в воинствующей церкви (то есть в обществе.—И. М.)? В своей великой гордыне вы выступаете повсюду против церкви и благостного послушания и дерзаете творить в наши дни безмерные гнусности и сеять мятеж в народе. Только благодаря вашим проповедям было ограблено так много духовных лиц, имущество их расхищено, бенефиции отняты, и все это для того, чтобы гуситы могли грабить и противозаконно расхищать имущество прелатов, которые подверглись насилию и были убиты»¹.

Католический автор в стихах, написанных им в 1417—1419 годах, также ожесточенно нападал на гуситских проповедников, которые на всех перекрестках агитировали против прелатов и их богатства:

Дьявола тешат своими речами
Всюду— и в поле, и в доме, и в храме
Злые, дурные советы подаст вам
Каждый гусит: отбирайте богатства
Церкви, монахов, приходо².

Как мы видим, и здесь выступления против церкви мотивировались не какими-либо обрядовыми и богословскими

¹ Epistolae ad Hussitas, str. 517.

² Стихи «Slyšte všichni staří i vy, děti» (ССМ. ed. V. Nebeský, 1852, str. 142) относятся к 1417—1419 годам. Подобные же настроения выражаются и в стихотворном письме Венского университета к Пражскому, на который возлагается ответственность за этот грабег (K. Höfler, I, str. 555).

соображениями, а чисто материальными интересами. Совершенно очевидно, что идеологи церковной иерархии, как и вообще идеологи правящего класса, должны были любое сопротивление властям и эксплуататорам считать преступлением. Они тяжело переживали опасности, грозящие их богатствам, награбленным за счет народных масс.

Наибольшим успехом проповеди гуситских священников пользовались в городах, где накопилось достаточное количество взрывчатого материала. Бюргерство и городская беднота справедливо видели в церковной иерархии ненавистных палачей, расточителей народных средств. «Настолько велика и непомерно слепа и преступна ваша наглость,—пишет тот же Штепан из Долан, выступая против гуситских проповедников,—что вы осмеливаетесь писать и публично проповедуете народу, будто те, кто основывают монастыри, и те, кто в них вступают, суть грешники и слуги дьявола... И далее вы говорите, что монастыри не что иное, как хлевы для откорма свиней»¹. Простой трудящийся люд только так и мог смотреть на монастыри, как его учили гуситские проповедники. Было слишком очевидно, что монахи, не работая, ведут жизнь, исполненную роскоши и веселья, между тем как беднота и мелкие ремесленники, которые напряженно трудятся с утра до ночи, едва сводят концы с концами. Вот почему народ в городах валом валил на проповеди тех проповедников, которые бичевали бездельников ксендзов, призывали их вести трудовую жизнь, подобно остальным верующим: «Идите, монахи, сбросьте с себя рясы и работайте; женитесь, пашите землю и молотите в ригах!»²

Волнения происходили прежде всего в среде мелких ремесленников и городской бедноты. Мы уже ознакомились с тяжелым экономическим положением этих слоев; ясно, что выступления проповедников должны были встретить здесь полное сочувствие. Недаром ученые идеологи правящего класса, магистры Венского университета издеваются над «гуситской ересью», распространенной среди простых ремесленников. Приверженцы Гуса «подстрекают светских панов, обитающих в замках, и ведут на бой шерстяников, мясников, сукожников, одетых в панцыри, вооруженных мечами, копьями, ружьями и щитами»³. Да и многие ре-

¹ Epistolae ad Hussitas, str. 564.

² Там же, стр. 557.

³ K. Höfler, I, str. 556.

месленники, подмастерья («кнапы»), миряне, люди неученые вели агитацию против существующих порядков, способствуя тем самым росту в городах мятежных настроений.

Священники же вашей веры
Обманывают вас без меры.
И превратили в проповедников
Портных, сапожников, каретников,
И оружейников, и гончаров,
Кожевников и бочаров,
И шорников, и пекарей,
И пастухов, и слесарей,
И мясников, и мельников,
И всех других ремесленников.
Всех наравне—мужчин и женщин¹.

Перед нами настоящий реестр основных ремесл, существовавших в городах, и автор, наверно, не распространялся бы столь подробно, если бы не считал неслыханной дерзостью их участие в проповедях. Эти бюргеры и «сброд», которых до сих пор крепко держали в своих руках патрициат и духовенство и которые страдали от феодальных привилегий, осмелились теперь поднять голову. Почему росло возмущение в среде ремесленников и городской бедноты, об этом достаточно было сказано в предыдущих главах: материальные лишения бедных ремесленников и бедноты, ухудшение их положения и наряду с этим стремление бюргерства к захвату власти в городах и упрочению его позиций во всей стране—таковы были причины возмущения в чешских городах.

Было совершенно естественно, что после разрыва с правящим классом, для которого латынь в связи с «вселенским» характером католической церкви являлась общепризнанным языком, как разговорным, так и литературным,—

¹ Anonymní katolická básně předhusitská, ed. V. Nebešky, ČSM, 1852, str. 149. Штепан из Долан (Štěpán z Dolan, Epistolae ad Hussitas, str. 533) также обращает внимание на ремесленников, распространяющих в городах «ересь». О женщинах-проповедницах говорит Штепан из Долан (там же, стр. 518). «Сапожниками» (сапожное ремесло было самым нищенским в средневековом городе) называли впоследствии всех гуситов (ср. «Ну, вы сапожники новой веры»—анонимное католическое стихотворение в «Český Lid», XIII, str. 469—470).

проповедники должны были обращаться к широким слоям народа на их родном, чешском языке. Касаясь вопроса о переводе библии на чешский язык, я уже отметил, что появление на свет чешской библии было связано с требованиями новых читателей, новых слушателей—широких слоев чешского народа¹. Магистр Ян Гус и другие народные проповедники обращались к верующим по-чешски; в литературных трудах Штитного и Гуса процесс усовершенствования чешского языка достиг своего высшего этапа. Теперь на чешском языке, впитавшем все богатство народной речи, можно было выразить любые, даже самые сложные понятия. Чешский язык стал зрелым и совершенным. К. Маркс в своих «Хронологических выписках» замечает: «Чешский народный язык был в то время более развитым, чем немецкий, как это явствует из писаний *Фомы Штитного* и др.»²

Естественно, что теперь, когда гуситские проповедники перешли на чешский язык, простому человеку, не знающему латыни, стали более понятны само богослужение, церковные обряды и церемонии, он стал больше разбираться в богословских проблемах, окутанных мистическим покровом³. В своих проповедях на чешском языке гуситские проповедники распространяли в народе еретическое учение, вырывая массы из-под влияния католического духовенства. Теперь миряне получили возможность толковать «Священное писание», путь к образованию был открыт и для женщин, которые также выступали в качестве проповедников и авторов трактатов⁴. С распространением чешского языка чешские горожане, особенно ремесленники, в вопросах религии уже не зависели, как прежде, от церковной иерархии, и католическое духовенство прекрасно понимало всю опасность этого явления.

Ах, дерзновенны их уста,
Не ставят ни во что Христа,

¹ Ср. стр. 198—199.

² Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 213.

³ О применении чешского языка при богослужении см. Z. Nejedlý, *Dějiny husitského zpěvu za válek husitských*, особенно ч. I.

⁴ Ср., например, упоминание Штепана из Долан (*Štěpán z Dolan, Epistolae ad Hussitas*, стр. 520) о чешской книге, написанной какой-то женщиной-гуситкой, и о женщине, проповедовавшей по-чешски в 1416 году в Праге (там же, стр. 519).

А на Священное писанье
Не обращают и вниманья,
Его теперь никто не чтит,
По-чешски всякий говорит;
Все проповедниками стали—
Портные в вере наставляють,
Сапожники и ковали
На смех ученым всей земли...¹

Католическому стихоплету, сочинившему это стихотворение в 1417 году, и его друзьям из господствующего класса казалась смешной деятельность гуситских проповедников и простых ремесленников. Однако не прошло и трех лет, как эти гордецы, презиравшие народные массы за их незнание латыни, потеряли всякую охоту смеяться.

Вскоре после того, как это движение распространилось в Праге, провинциальные города стали открыто объявлять себя сторонниками чаши как символа борьбы против церкви. До нас дошел ответ университетских магистров кастеляну, рихтаржу, коншелам и всей общине городов Пржибрама и Лоун, в котором разрешалось причащение под обоими видами; этот документ относится примерно к 1416 году². Однако дело заключалось отнюдь не в одних символах и безобидных обрядах, каким было причащение вином. Выступление Гуса против церковного имущества и агитации мелких гуситских проповедников воспринимались в ратушах королевских городов как призывы упразднить все поборы, десятины и ренты, которые шли в пользу церковной иерархии. Король Вацлав IV в своих грамотах Ческим Будеёвицам и Бероуну повелевал кастелянам и коншелам обоих этих королевских городов покончить со смутой среди городского населения и попрежнему выплачивать все виды платежей, которыми эти города были обязаны церкви³. Вполне возможно, что волнения вспыхивали не только в этих двух городах и что король вынужден был рассылать подобные грамоты и в другие королевские города. Мы несколько лучше осведомлены о том, как подобные выступления против прелатов происходили в Бе-

¹ *Žaloby na husity*, Výbor, II, стр. 243.

² Грамота, данная Пржибраму (ed. F. M. Bartoš, SPDMP, V/2, стр. 493); университетская грамота Лоунам (ed. J. Sedláč, ČKD, 1914, стр. 115).

³ Обе грамоты издаы Палацким (*Documenta*, стр. 643, 644).

роуне. Горожане, вероятно, находились под влиянием проповедников, призывавших народ к мятежу. Королевская грамота воспрещала проповедникам обращаться к народу без ведома приходских священников, вместе с тем запрещались вообще всякие речи, призывавшие к распрям и мятежу. По велению короля владельцы бенефициев и приходские священники должны были получить назад свои бенефиции и владения, откуда они были изгнаны. В тех случаях, когда места прежних священников занимали новые проповедники, последних обязывали в трехдневный срок покинуть церкви. Расхищенное церковное имущество, церковные драгоценности, принадлежавшие священникам, должны были быть без промедления возвращены владельцам.

В подобных же беспорядках обвинял Вацлав IV в одной из своих грамот и население Домажлиц, где также образовались две группы, совершавшие насилия по отношению друг к другу. Происходили непрестанные раздоры между частью населения, оставшейся верной католицизму, и приверженцами нового учения. И здесь в интересах короля было поддержать порядок¹. Примерно в 1412 году произошло вооруженное нападение на монастырь в Новом Быджове. Из принадлежащего неизвестному католическому поэту стихотворения, сложенного в честь монахов, оказавших успешное сопротивление восставшим, явствует, что и на этот раз во главе бунтовщиков стояли ремесленники:

Монахи стали умолять
Сапожников—не разбивать
Ворота их монастыря,
Им непрестанно говоря,
Что это беззаконие².

Однако ремесленники, презрительно именуемые «сапожниками», не обратили внимания на мирные предложения монахов и под руководством сапожника Ширжа, «препоясавшегося мечом», яростно атаковали монастырские ворота. Тем временем монахи ордена успели вооружиться и отбили мятежников от монастыря. Мелкие беспорядки и кровавые

¹ Documenta, str. 642.

² Стихотворение «Быджевские сапожники» (ed. V. H a n k a, ČSM, 1858, str. 392—394); позднее изд. Фейфалика см. в «Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der kais. Akademie der Wissenschaften, 1862, S. 291—294.

расправы, совершавшиеся над монахами, священниками и послушниками, происходили также в Клатовах и в Жатце еще до 1414 года¹ и в Лоунах—в 1417 году². В 1416 году восставшие напали на священников в округе Писека. Ян, приходский священник в Гержмане и в Писеке, жалуется, что вооруженный люд отнял его имущество и выгнал его из прихода, а его служителя силой увели в ратушу и там пытали. В жалобе перечисляются имена писекских ремесленников и крестьян окрестных деревень. Повидимому, в округе Писека уже происходило объединение революционных сил городов и деревень. «Известно,—продолжает священник Ян в своей жалобе,—что все участники нападения служат в деревнях и даже в ритах мессы на чешском языке, крестят детей в ручьях и открыто чтят Яна Гуса и Иеронима Пражского»³.

Город Пльзен также жил в постоянной тревоге. Прекрасный оратор и проповедник Вацлав Коранда⁴ поднимал мелких горожан и бедноту против церковной иерархии и ее порядков. Перечисление «зablуждений», от которых Коранду предостерегал магистр Пражского университета Кржиштян из Прахатиц, доказывает, что этого проповедника можно с полным правом считать выразителем интересов мелких горожан и бедноты. Отношение важного университетского магистра к простому проповеднику прекрасно характеризует уже само обращение, которым начинается письмо: «Некоему проповеднику по имени Коранда» («Cuidam praedicatori nomine Coranda»). В начале

¹ К. Крофта (K. Krofta, Zur Geschichte der hussitischen Bewegung, MJOG, XXII, s. 598) анализирует две буллы папы Иоанна XXIII от 22 сентября 1414 года о мятежах против духовенства в Клатовах и Жатце «Anonymus de origine Taboritarum» (Höfler, I, p. 530) пишет о разгроме доминиканских монастырей в Клатовах, Пльзене, Жатце и Лоунах.

² Письмо Сигизмунда населению Лоун от 4 сентября 1417 года издал Палацкий (Documenta, str. 663). Но здесь обращение не прямое; В. Хардт (Concilium Constantiense, IV, 1700, str. 1409) приводит письмо, непосредственно адресованное жителям Лоуна.

³ Оригинал нотариально заверенной копии в Архиве Пражского капитула [sig. XXVII, 5 b (копия—в diplomataři Палацкого)]. Я сравнивал имена ремесленников, приведенных в жалобе Яна, с именами горожан, записанных в старейшей городской книге Писека (относящейся к 1421 году), но идентичных нигде не обнаружил.

⁴ Магистр Кржиштян пишет о В. Коранде в 1417 году, что прежде чем тот пустился в проповедование ереси, он был широко известен своим красноречием (Documenta, str. 633 n.)

письма Кржиштян пишет о народной ереси вообще и о простых проповедниках, которые «послушны лишь собственному разуму и соблазняют неученый люд обоего пола»¹. К числу таких проповедников, согласно людской молве, принадлежит и Коранда. Народная ересь, пишет Кржиштян, это сорняк распрей, посеянный дьяволом среди верных сынов церкви. Следует избегать тех проповедников, которые отрицают чистилище, не молятся за мертвых, не полагаются на помощь святых, не чтят деву Марию, выбрасывают святые мощи, жгут образа, отказываются от выполнения обрядов, от святой мессы и желают во всем руководствоваться канонами первоначальной апостольской церкви. Уже из этого перечня проступков совершенно ясно, что магистр Кржиштян обрушивается на «заблуждения» народной ереси, то есть на идеологию эксплуатируемого сельского населения и городской бедноты². По всей Чехии шла молва о том, как Коранда выбрасывал из храмов иконы, причащал младенцев под двумя видами и ни в чем не придерживался церковных канонов. Магистр Кржиштян предлагает неистовому проповеднику бросить свои фантазии (он называет его «phantasiis impeditor»), ибо они ставят его, Коранду, в один ряд с другими богомерзкими проповедниками, которые странствуют по Чехии, творя бесчинства. Все их проповеди о бедности—лишь притворство, при помощи которого они обкрадывают вдов, захватывают то, что полагается церкви, и кормятся этим. Обмолотив зерно в одном приходе, они идут в новые, более богатые. И здесь они все пожирают и уходят оттуда, говоря: «Нам надо еще в других местах проповедовать евангелие». Да не станет Коранда таким лжеапостолом, ибо в противном случае узы между ним и университетом будут расторгнуты и гуситы утратят поддержку своих могущественных и влиятельных заступников и покровителей. Пан Ченек из Вартемберка договорился с магистрами о том, что он прикажет всем подданным в своем панстве выполнять предписание университетского послания, укрепляющего церковные каноны, и подчеркнул при этом, что он не потерпит

¹ Documenta, str. 634. Палацкий относит это письмо к 1416 году; Голл (J. G o l l, Chelčický a Jednota, str. 297, pozn. 2) переправил дату на 1417 год; это считают правильным и Пекарж (J. P e k a ř, Zizka, I, str. 213) и Р. Голинка (R. H o l i n k a, Sektářství, str. 150).

² См. предыдущую главу, стр. 229 и сл.

причащения младенцев. Королевский двор также не станет слушать гуситов, если в деревнях будет распространяться подобная ересь. Кржиштян заканчивает свое письмо призывом к Коранде перестать «чваниться своим разумом над другими и примириться с ними».

Из всего письма и из перечисления «заблуждений» Коранды явствует, что Коранда с кафедры проповедника в Пльзене распространял народную ересь и что здесь, так же как и в других городах, нарастал революционный взрыв¹.

Центр грядущей революции подготавливался и в южной Чехии, в городе Усти Сезимовом². В этом городе, принадлежавшем роду панов из Усти (на их гербе была изображена роза), находил себе опору еще сам Гус во время своего пребывания в южной Чехии, в Козьем замке, владении пана Яна из Усти³. Представители одной ветви этого старинного панского рода стали стойкими приверженцами учения красноречивого проповедника⁴. Особенно прославилась своей приверженностью заветам Гуса вдова пана Яна из Усти (умершего в 1414 году) пани Анна из Мохова; именно против нее ополчился современный ей католический рифмоплет, называвший ее «скверной бабой», покровительницей гуситских выродков, «неистовейший Иезавелью»⁵. В городе Усти Сезимовом и окрестных деревнях, где недолговольство старым порядком уже ранее проявлялось в форме возникновения народной ереси⁶, накануне 1419 года появились первые признаки волнений. Вскоре после введения чаши в Праге в Усти Сезимовом стало распространяться причастие под двумя видами, что сопровождалось открытыми столкновениями. В начале XV века город разросся, превратившись в цветущий центр ремесла и торговли, чему способствовало его выгодное положение на торговом пути

¹ «Anonymus de origine Taboritarum» (H ö f l e r, I, str. 530) говорит о разгроме монастыря в Пльзене гуситами.

² О Усти Сезимовом см. M. Kolář, Dějiny Ústí Sezimova a počátky Tábora, Sborník historických prací prof. Martina Koláře o dějinách Tábora, Tábor, 1924, str. 34 n. Наиболее поздняя монография о Усти Сезимовом с библиографическими справками принадлежит перу Цикхарта (R. C i k h a r t, Minulost Sezimova Ústí, JSH, XX, 1951, str. 7 n.).

³ V. Novotný, M. Jan Hus, II, str. 295.

⁴ Перечень деревень, принадлежавших роду панов из Усти, приводит Коларж (M. K o l á ř, op. cit., str. 37 n.).

⁵ Documenta, str. 697.

⁶ См. стр. 240 и сл.

в Австрию¹. Но по экономическому и социальному значению Усти Сезимова следует отнести к разряду второстепенных городов, ибо в этом отношении оно уступало королевским городам². Естественно, что в Усти, как и во всех городах, патриции, хотя и менее богатые, чем пражские, противостояли ремесленникам и бедноте. Мы, правда, не располагаем точным анализом социальной структуры Усти Сезимова, но в документах о религиозных волнениях в городе ясно упоминаются три группы³. Под влиянием распространяющегося учения Гуса некоторые становятся приверженцами чаши; однако католические священники не намеревались признавать это новшество, и «тогда о том бывали споры и одни священники изгоняли других из церквей». Гуситские священнослужители пользовались поддержкой ремесленников—пекаря Йюги и суконщика Пытеля, которые содержали некоторых священников. Среди них были: магистр Йчин из Праги, проповедники Венек, Петр Большой, Антон, Петр из Усти, Пшеничка, Петр Каниш и Быдлин—все они стали позднее проповедниками и священниками в Таборе. Кажется странным, что автор этого документа говорит не о двух группах в городе, но недвусмысленно подчеркивает, что «город разделился на три части». Я думаю, что это указание источника можно истолковать лишь следующим образом: с одной стороны, были представители побочной ветви рода панов из Усти, и прежде всего—пан Ольдржих из Усти⁴, затем наиболее

¹ АС, III, str. 273; Ян из Усти и Камениц свидетельствует 23. V. 1410 года, что торговые пути вели в Прахатице, и при этом замечает: «... к тому и много иных людей и возов шло через мой град этими путями, и я их видел».

² Археологические изыскания, проведенные на месте нынешнего Усти Сезимова, главным образом И. Швеглой, помогли установить примерный план города и приблизительное количество домов. Во внутреннем городе было 80 домов, в Новом городе, за рекой—25 домов, в южном предместье за рекой—15, в северном предместье—8, итого 128 домов, что соответствует самое большее 800 жителям. [См. Й. Мацек (J. M a s e k, ČSPSČ, 58, 1950, str. 226) о коэффициенте для приблизительного подсчета количества жителей средневековых городов.] Город был обнесен стеной, в которой было двое главных ворот и несколько небольших (см. «Město Ústie Sezimovo hrázepé, в неизданной части рукописи «Е» «Старых летописей»).

³ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 392.

⁴ Генеалогия рода панов из Усти и даты жизни пана Ольдржиха полнее всего приведены у М. К о l á ř, op. cit., str. 63 (родословная).

именитые члены городского совета (патрициат) и высшее духовенство, центром которого был главным образом доминиканский монастырь¹. Все они оставались верными старому порядку и католической церкви. С другой стороны, против них выступали прежде всего ремесленники, сторонники Гуса и чаши². Но наряду с этой второй группой были еще и мелкие ремесленники, беднота—то есть третья группа, находившаяся в союзе с окрестными крестьянами; эта третья группа воплощала учение Гуса в народной ереси и была радикальнее, чем реформистская партия горожан. Впрочем, тут мы можем выдвигать только домыслы. Достоверно только, что борьба не ограничивалась распрями между священниками, но что и в Усти Сезимовом вспыхивали кровопролитные стычки.

И никогда в согласии не жили,
И многим людям жизни загубили³.

Так в этих городах проявлялась борьба мелких горожан и бедноты против церковной иерархии—опоры феодализма.

¹ J. Š v e h l a, Několik vzpomínek na dominikánský klášter v Ústí Sezimové, JSH, III, 1930, str. 1 n. Однако там, где речь идет о монахах и жизни монастыря после 1420 года, утверждения Швеглы требуют корректив. Монастырский документ, на который опирается Швегла, был издан не в 1434 году (J. Š i m á k v JSH, IV, 1931, str. 34, по замечанию Винтека), а в 1404 году, как на это указал сам Шимак (JSH, IV, str. 72).

² Культ Гуса и почитание обряда чаши явствует, например, из слов песни, записанной на черепках, найденных в развалинах древнего Усти Сезимова (J. Š v e h l a, Národy s nápisy z Ústí Sezimova a Kozího hrádku v ČSPSČ, XIX, 1911, str. 11 n.). Это песня: «Царь славный, Христос добрый, от бога отца рожденный сын Марии, дай...» Швегла ошибочно прочитал «мне» вместо «Марии» и не обратил внимания на то, что этот текст встречается у З. Неядлы (Z. N e j e d l ý, Dějiny husitského zpěvu, II, str. 819). З. Неядлы (цит. соч., стр. 601) полемизирует с мнением, возникшим еще в XVI веке, согласно которому эта песня была сочинена самим Яном Гусом; он, правда, знал ее из более старого источника—из Истебницкого канционала (середина XV века). Запись этой песни на черепках сосуда из Усти подтверждает, что она была сложена до 1420 года. В таком случае возможно, что она принадлежит перу Гуса; более правдоподобным представляется предположение, соответствующее доказательствам З. Неядлы (цит. соч., стр. 602), согласно которому песня возникла в южной Чехии уже после смерти Гуса, но до 1420 года; быть может, ее автор—какой-нибудь гуситский священник из Усти (сосуд был найден недалеко от развалин старинной церкви).

³ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 392.

Интересно отметить, что большинство тех городов, где накануне 1419 года возникали бурные волнения, стали во времена гуситского революционного движения центрами революционной борьбы и революционных союзов городов (Жатец, Лоуны, Клатовы и Домажлице, Писек, Пльзен, Усти Сезимово). К годам, непосредственно предшествующим 1419 году, относятся сведения о волнениях еще в одном городе, который несколько позднее стал центром гуситского движения,—о Градце Краловом. В отличие от остальных городов, где совершались нападения на монастыри и представителей церковной иерархии, улицы Градца Кралова были, по видимому, свидетелями борьбы чешских горожан против немецких патрициев¹. Раздоры и волнения в чешских городах накануне 1419 года свидетельствуют о переходе народных масс к открытой борьбе (см. карты № 2 и 3).

И, наоборот, те города, в которых патрициату и иерархии удалось накануне 1419 года воспрепятствовать развитию движения, играли во время гуситского революционного движения роль оплота контрреволюции и реакции. В Оломоуце еще в 1415 году были сожжены два еретика—приверженца Гуса—«на поругание и обиду нашей чешской и моравской народности и всего народа славянского»². Таким образом, немецкий патрициат в Оломоуце устранил людей, со стороны которых можно было ожидать «подстрекательства и мятежа». Кутна Гора, немецкий патрициат которой прославился, особенно в 1419 году, своими жестокостями по отношению к гуситам, также была свидетельницей бунта—бунта, который на этот раз духовенству удалось направить против короля; придворный и приближенный короля Рацек Кобыла был убит в Кутной Горе в 1416 году

¹ На то имеется неясное указание некоторых списков «Старых летописей» (т. н. «Градецкой ветви») о мятеже 1415 или 1418 годов (Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 42). В датирование вкралась ошибка, ибо приведенная дата не совпадает с действительным днем недели. Более подробное описание волнений и напряжения в Градце Кралове в 1418 году дает рукопись «Staré letopisy», а также F. M. Bartoš v ČSM, 102, 1928, str. 226, p. 66; там же и фото соответствующей части рукописи.

² Documenta, str. 561—562. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, 1940, str. 6) необоснованно связывает сожжение этих двух гуситов с сожжением самого Гуса, ибо он не увидел связи этих двух еретиков с действиями еретических священников в других городах.

разъяренной толпой¹. В жалобах современников по этому поводу немецкие проповедники, связанные с немецкими патрициями Кутной Горы, обвиняются в том, что именно они подстрекали народ на этот бунт². И вполне правдоподобно, что за спиной мятежников действительно стояли прелаты, интересы которых были задеты проводимой королевским советом политикой секуляризации.

Но самые сильные волнения, самые острые схватки происходили, конечно, в том городе, где классовое расслоение было наиболее резким,—в Праге. Во главе пражской бедноты стояли проповедники, подобные Микулашу из Дрездена и Яну Желивскому; были среди них и некоторые магистры университета, друзья Яна Гуса, позиция которых отражала классовые интересы чешских бюргеров, стремившихся свергнуть владычество немецкого патрициата. Кутногорский декрет 1409 года уже очистил Пражский университет от наиболее реакционных немецких магистров, которые, невзирая на увеличение числа чешских ученых, привоили себе исключительное право пользоваться всеми привилегиями, денежными отчислениями и выгодами³.

И все же Кутногорский декрет не был в состоянии сделать Пражский университет истинным центром нарождаю-

¹ Рацек был послан в город собирать налог (Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 40); нападение на Рацека Кобылу объясняли тем, что он и его люди были наиболее энергичными сторонниками секуляризации и отчуждали церковные владения (там же, стр. 391). Когда они приехали в Кутную Гору, чтобы описывать церковное имущество, прелаты подняли против них верующих. Пекарж (J. Pekař, Žižka, I, str. 214), если не ошибаюсь, высказал неосновательное предположение, будто такое толкование было результатом тенденциозного редактирования, произведенного антигуситским автором. Основываясь на обвинительном письме (см. след. прим.), я считаю, что инициатива нападения действительно могла исходить от прелатов, имущество которых подлежало отчуждению.

² Anonymus quidam graviter invehitur in M. Hermanum, Germanum advenam, in Montibus Kutnis praedicatorum, quod plebem... Montanorum populi Bohemici odio ad caedes instigaverit (Documenta, str. 631).

³ V. Navotný, K. Krofta, J. Šusta, Dekret Kutnohorský, Praha, 1909. Особо интересны указания Крофты на то, что усиление чешской прослойки среди слушателей и профессоров не отражалось соответствующим образом на распределении должностей и знаний (стр. 35 и сл.). Наиболее новое и подробное описание борьбы за издание Кутногорского декрета дал Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Čechy v době Husovů, 1378—1415, str. 281—319).

щейся революционной идеологии. Если некоторые магистры университета переходили на сторону Гуса и распространяли его идеи, то в этом была заслуга не университета, а прежде всего проповеднической кафедры. Только там сухие теоретические дискуссии могли ожить, проникнуться идеями, отражающими страдания и чаяния широких народных слоев. В большинстве же своем университетские магистры попрежнему оставались выразителями интересов правящего класса и богатого бюргерства; они связали свою судьбу с их судьбой; замкнувшись в стенах университета, они оказались изолированными от народных масс, и когда разразилось революционное движение, они практически заняли позицию, враждебную восставшему народу. Лишь некоторые университетские магистры—в большинстве своем они были проповедниками—примкнули к учению Гуса и, хотя не все в нем понимали и не развивали его, но все же сыграли прогрессивную роль, которая проявилась главным образом в том, что они поддерживали требования бюргерства. Но как только наряду с бюргерами выступили вооруженные толпы сельской и городской бедноты, университетские магистры призывали к спокойствию, миру и сохранению порядка, тормозили революционное движение.

Магистр Якоубек из Стржибра, называемый иногда «помощником Гуса по евангелию»¹, был типичным идеологом пражского бюргерства². Он выступал, с одной стороны, против панов и дворянства вообще, а с другой—против классовых интересов бедноты. Еще в 1421 году он в своих проповедях толковал слова «Священного писания» о смирении: «И многие в своей злобе и гордыне не хотят ныне никому быть подданными, но каждый хочет следовать воле своей и разуму своему. Сие же не подобает сынам и наследникам божьим, послушным власти в делах храбрых и честных во имя божье»³. Так во всех своих трудах Якоубек подчеркивает обязанность послушания для слуг, крепостных и челяди. В основном магистр Якоубек стоял

¹ J. S e d l á k, Studie a texty k náboženským dějinám českým, I—III.

² Бартош (F. M. B a r t o š, Do čtyř pražských artykulů, 1940, str. 38) констатирует, что Якоубек был связан с городским населением, но автор не устанавливает различия между бюргерством и беднотой и не делает отсюда никаких выводов.

³ Výklad na Zjevení sv. Jana, ed. Šimek, II, str. 572; I, str. XLIII n.

на тех же позициях, что и Гус, труды которого также отражали классовые интересы бюргерства. Но в отличие от Гуса Якоубек никогда не примыкал к народному движению, он никогда не вступал в качестве народного проповедника в тесный контакт с крестьянством, у него всегда теория преобладала над практикой. «Нам неизвестно ни одно народное выступление, которое возглавлял бы Якоубек»¹. Вследствие этого и развитие мировоззрения Якоубека полностью совпадает с развитием политической линии пражского бюргерства. Это ясно сказывается даже в области теологии, где Якоубек занимал промежуточное положение между двумя резко противостоящими друг другу точками зрения. Он во многом не соглашался с современной ему церковью, отрицал некоторые ее обычаи и обряды и в то же время не желал полного возврата—первоначальной апостольской церкви².

В 1407 году Якоубек, толкуя учение Уиклифа, весьма резко выступил против владычества церковников и обратился к светской власти с прямым призывом отобрать у церкви ее имущество³. В столь же резкой форме Якоубек ополчился и против царящего в мире антихриста. В 1411 году на университетском диспуте о Уиклифе он заявил: «Где же те мужи, кои не убоялись бы искренно и бесстрашно сказать вместе со св. Иоанном Златоустом: «С такой же радостью прольем кровь нашу за Христа, с какою иные проливают воду!» Мне, убогому и слабому, подобные слова кажутся глубокими и недоступными, но все же они возможны для бога. Поистине, чем более люди познают слабость свою и неспособность быть рыцарями божьими, тем скорее избирает их бог для борьбы. Господь наш Иисус стремится совершить дивные дела свои при помощи маленьких и угнетенных, хочет немощными и слабыми духом одолеть

¹ Z. N e j e d l ý, Dějiny husitstkého zpěvu, str. 60; в этом вопросе я полностью солидаризуюсь с Неедлы, который очень верно нащупал основные различия между народным проповедником Гусом и теоретизирующим, совершенно оторванным от народа Якоубеком.

² F. M. B a r t o š, Táboři a duchovní jejich otec, JSH, II, str. 81; то же встречается и ранее в рецензиях Бартоша на книгу З. Неедлы (Z. N e j e d l ý, O husitstké písní a bohoslužbě, Praha, 1915, str. 10). Яснее всего этот «третий путь» нашел свое отражение в протестах Якоубека против увязывания его трудов с действиями таборитов (Apologia Magistri Jacobi de Misa contra Taboritas, Studie a texty, II, ed. Sedlák, str. 161 n.).

³ Studie a texty, II, ed. Sedlák, str. 449—462.

мудрецов и сильных мира сего. Важно лишь, чтобы всегда были вооружены духовным оружием христовым, и мы вели бой господень, хотя мы и слабы разумом, погрязли в ничтожестве...»¹. Таким образом, Якоубек был очень близок учению Гуса, в его проповедях звучат призывы к культуре христианской бедности и возвеличиванию «сражения во имя господина». Но мы не должны забывать, что то была лишь академическая дискуссия, проходившая в стенах университета перед университетскими и церковными сановниками. Эти пламенные слова были обращены не к массам городского населения, готового подняться на восстание, а к представителям иерархии, тесно связанной с интересами правящего класса. Поэтому какие бы резкие выражения ни употреблял Якоубек, они никого не могли зажечь так, как зажигали проповеди Гуса. Даже яростные выпады Якоубека против антихриста не получили мятежного отклика в народных массах².

Большой интерес в народе возбудила борьба Якоубека за чашу в 1414 году. Это произошло главным образом потому, что здесь он перешел от теории к практике, к символическому отделению «верных» от «слуг антихристовых». И в этом вопросе—в сущности все еще теоретическом, как и в вопросе обрядах мессы и тайной исповеди,—Якоубек шел даже дальше Гуса.

Якоубек занимал в общем прогрессивную позицию еще в 1417—1418 годах, когда стало ясно, что Пражский университет не намерен идти дальше в своей реформаторской программе и что, наоборот, он приложит все силы для подавления народной ереси. 25 января, а затем еще раз 9 февраля 1417 года³ университет резко восстал против отрицания чистилища, молитв, подаяний, образов, освящения соли, воды, свечей и т. д., увидев в этом отрицании причину раздоров и мятежей. Университетские магистры

во главе с Яном Кардиналом, «стремясь пресечь эти раздоры и сомнения и удушить их в корне»¹, сочли необходимым решительно отвергнуть эти «заблуждения», целью которых было упразднить все, что было связано с учением католической церкви. Если вспомнить, что за всеми этими «заблуждениями» стояли интересы простых верующих, их стремление избавиться от эксплуатации со стороны церкви и добиться более сносной жизни, станет ясной антинародная позиция университетских магистров. Дело отнюдь не меняется оттого, что они были сторонниками чаши². Чаша была в высшей степени красноречивым символом, и все же она была гораздо менее опасна для интересов церковной иерархии, чем призывы упразднить заупокойные молитвы, обряды и освящения, с которыми и были главным образом связаны доходы приходских священников³. Признание чаши было единственным отступлением от догматов церкви, на которые соглашались магистры университета, выразители идеологии богатых горожан и части дворянства; дальше они не желали идти⁴. В сентябре 1418 года они снова отвергли все попытки народных проповедников разбить догматику католической церкви и попрежнему выдвигали требование мирных реформ⁵. В тот год на синоде гуситских священников университетские магистры обна-

¹ Старочешский перевод декларации университетских магистров от 9 февраля 1417 года (АС, VI, str. 36), а не от 25 января, как сообщает Палацкий.

² АС, III, str. 205.

³ См. стр. 114 и сл.

⁴ О том, что в этот период (1416—1419 годы) университетские магистры были тесно связаны с дворянством и с частью чешского панства, свидетельствует послание магистра Кржиштыя от имени других магистров университета, пльзенскому проповеднику В. Коранде (Documenta, str. 635), в котором ясно чувствуется влияние Ченека из Вартемберка и членов королевского двора.

⁵ Documenta, str. 677—681. См. подобную же характеристику этих заблуждений в АС, VI, str. 37—38; «Эти подписанные акты уже были отвергнуты магистром Есеницем и другими...»; причащение детей, чистилище, подаяние, заупокойные молитвы, праздники, посты, сокращение ритуала мессы, тайная исповедь и т. д. Пекарж (J. P e k a ř, Žižka, I, str. 218, pozn. No. 1, ke str. 29) высказывает справедливую мысль, что это чешский проект позднейшего решения (Documenta, str. 677). Домыслы Бартоша, изложенные им в труде «Do čtyř artykulů» и защищаемые в ССН (1926, стр. 681), и полемика Пекаржа (ССН, 1926, стр. 368) не вели к цели, ибо основывались исключительно на догадках.

¹ F. M. Bartoš, Světci a kacíři, str. 92, а по «Studiích a textech», II, str. 326 n.

² Studie a texty, III, str. 25 n.; Vlast. K y b a l, M. Matěj z Japova a M. Jakoubek ze Stříbra, ССН, XI, 1905, str. 37: «Антихрист— тот, кто с помощью сатаны держит в руках единственную и высшую власть над церковью божией...»

³ Documenta, str. 654; декларация университета от 25 января 1417 года утверждена в пражском приходе св. Михаила, где священником был магистр Кржиштя из Прахатиц; АС, 82, str. 383—384, декларация, совпадающая с предыдущей и датированная 9 февраля 1417 года.

родовали статью, которая разоблачает их подлинное лицо: «Также следует подчиняться начальникам духовным и светским, даже если они греховны и заблуждаются, но, конечно, лишь в делах честных и законных, в делах же нечестных следует с любовью и разумом отказывать им в послушании. И если каждого человека надо слушаться из любви, то начальников надлежит слушаться из любви и по необходимости»¹ (курсив автора). Это означает, что магистры университета совершенно сознательно защищали интересы феодалов и оберегали привилегии церковной иерархии. Они особо подчеркивали обязанность трудящихся повиноваться начальству, чтобы погасить революционный энтузиазм масс. Даже в том случае, если над подданным и простым верующим стоит грешный господин, все же, по мнению университетских магистров, первый обязан второму послушанием в «законных делах», иначе говоря обязан выполнять повинности подданного. Ясно, что такого рода заявления служили исключительно интересам эксплуататорского правящего класса; и это насколько не мешало магистрам в вопросе признания или непризнания чаши стоять на позиции, противоположной занятой представителями правящего класса. Позиция университетских магистров полностью совпадала с позицией той части дворянства, которая разделяла выдвинутое гуситами требование секуляризации². Магистры университета в большинстве своем отражали классовые интересы феодалов, в решающий момент основная часть их или вообще не участвовала в революционном движении, или занимала позицию, прямо враждебную революции³.

¹ Documenta, str. 679.

² Общность интересов магистров университета и феодалов становится ясной из послания магистра Кржиштыя Вацлаву Коранде (Documenta, str. 633 п.) 1417 года. Кржиштыя призывает Коранду к порядку, ибо «такого рода малоумные деяния» отталкивают от университетских магистров «amicos fortissimos et promotores veritatis» (стр. 635). Кржиштыя пишет далее: «Правда, что пан Чанек (из Вартемберка), велел созвать старших из магистров, резко укорял тех священников, которые, не заботясь о решениях и писаниях университета, хотят руководствоваться лишь собственным разумом». И далее он говорит о соглашении между этим высокопоставленным паном и университетом.

³ Желивский обрушивается на университетских магистров, как на изменников, отступивших от учения Гуса, которые в конце концов стали отвергать и обряд чаши (СН, IX, str. 198; VČA, 1898, str. 288).

В 1417—1418 годах магистр Якоубек еще занимал более или менее радикальную позицию, ибо он был связан с интересами не дворянства, но главным образом горожан. Еще 31 января 1417 года он проповедовал в Тынском храме в пражском Старом Месте против образов и их почитания¹, но уже в этот период он не скрывал, что избрал «средний путь» в своем учении. Он отрицал иконы, но признавал чистилище, хотя ему и было ясно, что это—лишь более позднее дополнение к канонам раннехристианской церкви. Окончательный перелом в позиции Якоубека произошел в 1419 году. Сама действительность требовала от пражского бюргерства ясного ответа на вопрос, намерено ли оно воевать за реформу церкви и общественного строя. Ясно, что Якоубек и другие университетские магистры были вынуждены задать себе этот вопрос и теоретически разрешить его. Но в решающий момент Якоубек, склонный к компромиссам и придерживающийся «золотой середины», продолжал идти по «среднему пути», по линии бюргерства. В период великого «идейного размежевания», происходившего в 1419 году, он целиком встал на сторону университетских магистров, против эксплуатируемого народа, стремившегося к борьбе против старого порядка². В то время как на улицах беднота с оружием в руках сражалась против своих давних эксплуататоров, университетский магистр

¹ На эту позицию Якоубека, отличную от позиции остальных университетских магистров, указал З. Неedly (Z. Nejedlý, Dějiny husitského zřevu, str. 61), исправив тем самым более раннее высказывание Палацкого (Dějiny, III/1, str. 264). Posicio de imagnibus см. J a k o u b e k z e S t ř i b r a, Literární činnost, str. 50. Бартош (F. M. Bartoš, SPDMP V/2, str. 494) сильно переоценивает общественное значение этого выступления; он пишет: «полемика... внешне вполне корректная и академическая, возбудила среди обществественности сильное волнение и брожение». Это толкование не подтверждено никакими доказательствами.

² Не совсем четко выразил в основном аналогичное суждение об эволюции взглядов Якоубека Й. Пекарж (J. Pečář, Žižka, I, str. 13), который указал, что «возникающее таборитство» оттеснило Якоубека вправо. Пекарж вновь и вновь употребляет термин «таборитство», не указывая, о какой именно идеологии идет речь: в действительности именно революционная беднота открыла глаза Якоубеку и другим пражским магистрам. Утверждение Бартоша (позднее всего—в Světci a kasíři, str. 99, а также во всех его других работах), будто бы Якоубек «одобрительно отнесся к восстанию» и «дал ему программу», тесно связано, с одной стороны, с переоценкой значения Якоубека (вследствие применения идеалистического метода и приоритета Бартоша в открытии трудов Якоубека), с другой

размышлял о том, какую форму борьбы следует избрать—духовную или физическую. Своими трудами и всей деятельностью Якоубек из Стржибра значительно способствовал делу сопротивления старому общественному строю—пока еще не было ясно, какое значение они имели для народного движения. Но как только требования Якоубека, которые он выдвигал до 1419 года, были практически осуществлены и вооруженный народ на деле показал свою готовность, «как воду», лить кровь за божью правду, этот выразитель бюргерской идеологии отступил и, более того, приложил все усилия, чтобы погасить революционный пыл борющегося пражского народа. Якоубек отнюдь не является столпом революционной гуситской идеологии, а менее всего—идеологием таборитов. И если Табор считал себя последователем учения Якоубека, то это был уже Табор бюргерский, Табор после 1420 года¹. В самой Праге мелкие проповедники поднимали народ на восстание; среди них особо выделялся Ян Желивский, который «сильно возбуждал людей в городе, чтобы они поднялись на борьбу против коншелов и всех их приверженцев»². Восстанию бедноты, руководимой Желивским, предшествовал ряд волнений, возникших вследствие напряженной атмосферы, которая существовала в Праге в связи с тяжелым положением бедноты и стремлением бюргерства к свержению владычества церковной иерархии и патрициата.

Еще в 1411 году архиепископ Збынек Заяц из Хазембургка писал королю Вацлаву IV о движении, направленном против имущественных владений церкви: «Также некоторым магистрам, прелатам и священникам перестали выплачивать содержание, у других же отобрали виноградники, у третьих обмолотили все зерно на их же дворах»³. Но особенно бурно протекал в Праге 1412 год. По поручению

стороны—со стремлением противостоять Пекаржу. Дело в том, что факт отклонения Якоубека в 1419—1420 годах от Табора привел Пекаржа к выводу, что честный и порядочный человек неизбежно должен был отвернуться от «негодяев» и «взбесившейся черни». Вместо того чтобы проанализировать классовую точку зрения Якоубека, Бартош отваживается совершенно бездоказательно утверждать, будто бы в действительности такого отхода не было и что Якоубек все время оставался с таборитами.

¹ См. заключительную часть главы о классовой структуре Табора, стр. 432 и сл.

² Anonymus de origine Taboritarum, ed. Höfler, I, str. 531.

³ Archiv Český, III, str. 292—294.

папы Иоанна XXIII в Прагу прибыли священники, которые должны были продавать индульгенции всем, кто за них заплатит. Сведома королевского двора «были сделаны три хорошо окованных сундука, чтобы люди клали в них деньги за индульгенции. Эти деньги были предназначены на оплату наемных воинов для войны против короля Неаполитанского».

Папа Иоанн XXIII в борьбе с антипапой Григорием XII был вовлечен в войну с королем неаполитанским Владиславом и для содержания наемной армии нуждался в больших суммах. Продажа индульгенций должна была вытянуть золото из Чехии. Согрешившие верующие могли за определенную сумму купить надежду на спасение в загробной жизни. Еще до того бесстыдная «торговля святыней», проводимая в фискальных интересах римской курией, вызвала в Чехии общее негодование, а в 1412 году торговцы индульгенциями еще усилили эту всеобщую ненависть к церкви. Она нашла свое выражение не только в сатирических стихах против продавцов индульгенций², но и в шуточной процессии, организованной Воксом из Вальдштейна³, в горячих проповедях магистра Яна Гуса и других проповедников⁴, а также в непосредственном сопротивлении народа продаже индульгенций. В трех храмах—в пражском замке, в Тыне и в храме св. Якуба—трое молодых

¹ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 34; новейший источник F. M. Bartoš, Čechy v době Husově, str. 352 n. Описание Бартоша ограничивается, однако, почти исключительно изображением и анализом университетских диспутов, хроник, трактатов и событий, развивавшихся вокруг Гуса. Пражскому простому народу, который именно в течение бурного 1412 года столь явно обнаружил свой протест, Бартош не уделил даже того поверхностного внимания, какое ему уделил, например, в своих произведениях Томек.

² Народ осмеивал продажу индульгенций в следующих стихах:

Отпущений тянет воз он,
Барабанщик рад и козам,
Если ж кто овцу вручит,
Рим того освободит
От погибели и пекла.

F. Pelzel, Lebensgeschichte K. Wenzels, II, Praha, 1790, s. 607; F. Menčík, Rozmanitosti, I, str. 67.

³ Процессия везла карикатуру на папу, продающего индульгенции: по пражским улицам на повозке везли проститутку, обвешанную серебряными звончками и буллами, которые были сожжены перед Новоместской ратушей при огромном стечении народа (V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, str. 512).

⁴ V. Novotný, M. Jan Hus, II, str. 115.

ремесленных подмастерьев протестовали против продажи индульгенций, их арестовали и бросили в темницу при староместской ратуше. Так как король был заинтересован в продаже индульгенций, староместские немецкие патриции использовали этот благоприятный случай, чтобы показать свою силу. С ведома короля эти трое юношей—Мартин, Ян и Сташек—были казнены (11 июля 1412 года), несмотря на протесты магистра Яна Гуса, который чувствовал себя ответственным за их судьбу¹.

Узнав о кровавой казни, народ начал сбегаться на площадь, и вскоре здесь собралась огромная толпа, наблюдавшая расправу над жертвами произвола церковников и патрициата. Проповедники использовали это стечение народа для организации мощной народной демонстрации. Магистр Ян Йчин, впоследствии ставший одним из устечких и таборитских священников, возглавив тысячную толпу, велел отнести тела трех казненных «мучеников» к Вифлеемской часовне. С пением «Се есть святые» процессия прошла по пражским улицам до самой часовни, в которой трое юношей были похоронены с демонстративной торжественностью. Во время этой демонстрации пока еще не произошло никаких эксцессов, не было еще и открытых выступлений против власти коншелов. Тех, кто громко роптал и клеймил позором действия патрициев, стражники хватали и бросали в темницы, однако вскоре всех их пришлось выпустить на свободу, ибо толпа народа перед ратушей непрестанно росла. Напрасно стражники бичами разгоняли толпу: «Но чем больше они кричали, тем больше сходилось народа, а когда его разгоняли, то в скором времени он собирался опять и сообща обсуждал события, которые свершились в те дни»².

Казалось, казнь трех юношей будет сигналом ко всеобщему народному восстанию. Однако для этого было нужно, чтобы во главе восставших встал тот, кто больше всех разжигал ненависть к церкви—проповедник Вифлеемской часовни магистр Ян Гус. В следующее воскресенье (17 июля 1412 года) на проповедь в Вифлеемскую часовню стеклись огромные толпы народа; люди пришли сюда, охваченные нетерпением в ожидании каких-то событий. Но Гус в своей проповеди ни словом не коснулся происшедшего.

¹ Более подробно весь эпизод описан в «Staré letopisy», ed. J. Charvát, str. 34 п. Летописец подчеркивает, что сам присутствовал при описываемых им событиях.

² Staré letopisy, str. 37.

Только во второе воскресенье, когда в народе стали поговаривать, что Гусу «стражники да паны замкнули уста»¹, он заговорил о мучениках, выступивших против индульгенций, восхвалял этих юношей и клеймил церковников². Позиция, которую занимал Гус в 1412 году, доказывает, что он еще не совсем перешел на сторону революционного народа; он все еще предпочитал путь соглашений и реформ революционному пути. Вместе с тем он убедился, какие практические последствия имели его горячие призывы—они прямо поднимали народ на вооруженную борьбу. События, связанные с торговлей индульгенциями, стечение пражского народа после казни трех юношей в 1412 году были первой мощной демонстрацией, которая ясно показала, сколько недовольства накопилось в пражском народе и какая сила таится в нем.

Распри, раздоры и вооруженные столкновения заполняют историю Праги вплоть до 1419 года. Еще осенью 1412 года группа вооруженных людей пыталась напасть на Вифлеемскую часовню, в которой в этот момент проповедовал Гус. Вдохновителями этого нападения, как явствует из народной песенки того времени, были, по всей вероятности, немецкие патриции.

Немцы злобой воспылали,
В воскресенье напали
В латах, панцырях и шлемах
На часовню Вифлеема—
На убежище христово³.

Верующие, вдохновленные Яном Гусом, оборонялись и прогнали нападающих. Но спокойствие в Праге не наступило. В ноябре бурного 1412 года вспыхнули волнения в Новом Месте Пражском, во время которых множество людей было арестовано и брошено в тюрьмы⁴.

¹ Staré letopisy, str. 37.

² Я придерживаюсь, таким образом, толкования Новотного (N o v o t n ý, М. Jan Hus, II, str. 119), выдвинувшего версию, противоположную точке зрения Бартоша (B a r t o š, Čechy v době Husově, str. 358), который объясняет молчание Гуса тем, что в эти дни его не было в Праге. Я полагаю, что в пользу версии Новотного говорит главным образом анализ толкований «Staré letopisy», очень подробных, верных в деталях и к тому же написанных очевидцем.

³ V. N o v o t n ý, М. Jan Hus, II, str. 181; T o m e k, Dějepis města Prahy, III, str. 524—525.

⁴ V. V. T o m e k, Dějepis města Prahy, III, str. 525.

До сих пор мы говорили о борьбе против церковной иерархии, однако в это же время шла борьба и между бюргерством и патрициатом. В ноябре 1413 года были обезглавлены два патриция, бывшие коншелы, которых приговорил к смертной казни новый совет города, утвержденный королем¹. Старый летописец, вспоминая много лет спустя о казни панов Домшика и Ченека, со вздохом комментировал кровавое начало распрей между коншелами и горожанами: «О, сколько было на моей памяти в Праге обезглавлено горожан, именитых мужей, начиная с пана Домшика и пана Ченека,—их так много, что поистине, если бы казненных вытянуть в ряд, они заняли бы большую улицу! А причиной всему этому—гордыня и зависть; ибо одни всегда хотят возвыситься над другими, желают владеть в Праге имуществом и захватить должности, дабы умножить свои богатства»².

Раскол между патрициатом и горожанами, борьба за коншельские места—борьба, которая нередко завершалась на плахе,—способствовали росту революционных настроений в Праге.

Сожжение церковниками Яна Гуса в Констанце подлило масла в огонь. На церковное проклятие, наложенное в ноябре 1415 года на всех приверженцев Гуса, пражане ответили мощной волной возмущения. Были случаи нападения на монастыри и дома богатых духовных лиц, захвата церковного имущества. На места ненавистных католических прелатов возводились священники—приверженцы Гуса³. Ноябрьские волнения в Праге были следующим шагом пражской бедноты по пути к восстанию.

Уже в этот период борьба пражских горожан и бедноты привлекла к себе внимание за границами Чехии. Еще при жизни Гуса в Чехию попали из Англии так называемые «шотландские грамоты»⁴, в которых английские противники церковной иерархии объявляли себя сторонниками

гуситов. Автор, скрывающийся под именем Квинтина Фолькхирда (в переводе «пастырь народа»), заявлял, что он начал войну против разложившегося духовенства за осуществление божьих законов. «Всякий верный слуга божий, препоясавши мечом чресла свои, пусть будет со мною, как некогда сказал Моисей, вступив в бой за дело божье, мстя за господа бога». В этих грамотах чувствуется жгучая ненависть к церковникам, общая для Англии и Чехии. Однако главной целью «шотландских грамот» было призвать светских феодалов к борьбе против церкви. «Поэтому мы и все христиане, а особенно мы, паны земские, рыцари и панюши, должны восстать на вас (то есть на церковную иерархию.—И. М.), как на хищных волков, прикрытых овечьей шкурой». Эти грамоты не оказали никакого влияния на рост народного революционного движения, у нас нет также никаких сведений о их прямом влиянии на борьбу низшего дворянства. «Шотландские грамоты» следует рассматривать прежде всего как признак того, что за границей были относительно правильно информированы о растущих в Чехии настроениях¹.

Затем, в 1418 году, в Прагу пришли изгнанные из Пикардии горожане (Пикардия—северная часть Франции и часть Бельгии)². «И поведали они, что их изгнали прелаты за верность закону божьему. Они, мол, слышали, будто в королевстве Чешском свободнее, чем в других местах, исповедуется евангелическая вера, потому они и пришли в Чехию»³. Свободе этой, правда, непрестанно грозила опасность то со стороны Констанцкого собора, то со стороны Пражского архиепископа, духовенства и патрициата, которые не упускали ни одной возможности, чтобы сурово подавить начинающиеся волнения.

Однако пассивная позиция Вацлава IV, равно как и влияние королевского совета и низшего дворянства, выступавших за идеи реформы разложившейся церкви—все это мешало успешной борьбе против нарастающего ре-

¹ V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, str. 547.

² Staré letopisy, ed. Charvát, str. 113.

³ V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, III, str. 594.

⁴ Седлак (J. Sedláček, M. Jan Hus, Praha, 1915) опубликовал латинский текст (стр. 182 и сл.) и перевод на старочешский язык (стр. 189 и сл.); цитируемые места приведены у Седлака, там же, стр. 191 и 193. См. также J. O. L. L. O. s. e. r. t. h., Über die Beziehungen zwischen englischen u. böhmischen Wiclifiten in den beiden ersten Jahrzehnten des 15. Jhts., MJOG, XII; Huss und Wicliffe, München—Berlin, 1925, s. 203—213.

¹ Здесь я присоединяюсь к той оценке «шотландских грамот», какую им дал В. Новотный (V. Novotný, M. Jan Hus, I, str. 458) в противоположность мнению Й. Пекаржа (J. Pečář, Žižka, III, str. 9), который стремится найти в них «идейную подготовку революции», «зародыш идеи насилия», хотя у него нет ни одного доказательства того, как были приняты эти грамоты.

² О пикардийцах и Пикардии см. F. M. Bartoš, Husitství a cizina, str. 176 n.

³ Fontes rerum Bohemicarum, V, str. 429 n.

волюционного движения. Гуситские проповедники захватили даже в Праге несколько церквей, где народ получил возможность собираться¹. Только в 1418—1419 годах король, главным образом под давлением своего брата Сигизмунда, решился на более резкие меры против распрей, мятежей и волнений². В те годы Новое Место Пражское, где селились преимущественно ремесленники и беднота³, стало ареной непрекращающихся волнений, стычек с приходскими священниками, доходивших до кровавых схваток. Такие схватки произошли, например, в начале 1419 года на Поржичи, у церкви св. Михаила, в Опатовицком монастыре и т. д.⁴ 6 июля 1419 года король назначил в Новое Место Пражское новых коншелов, причем все они были противниками Гуса. Эти коншелы сделали первый шаг к подавлению мятежных настроений; они лишили гуситских священников кафедры проповедника и запретили какие бы то ни было процессии⁵. Однако это была уже последняя и тщетная попытка остановить грозное движение народных масс Праги.

30 июля 1419 года перед проповеднической кафедрой церкви святой Девы Марии Снежной в Новом Месте Пражском собралось множество народа. Однако на сей раз это была уже не толпа верующих, а вооруженные отряды «божьих воинов». Эти вооруженные толпы собрались под влиянием становившихся все более ожесточенными нападок Желивского на церковь и его прославления ветхозаветной борьбы за «божью правду». Как раз накануне 30 июля 1419 года Желивский неумоимо и яростно громил «лжепророков». Он не ограничился общими упреками, но перешел к конкретным обвинениям тех, кто всегда преследовал «верных». Так «лжепророки» — «каноники, приходские священники, монахи, орденские братья — преследовали святого Яна Гуса; не община верных преследует рихтаржей и коншелов, но рихтаржи и коншелы преследуют верных христиан»⁶. Желивский объединяет в одну

¹ Štěpán z Dolan, Epistolae ad Hussitas, str. 569; см. также Томака.

² V. V. Томек, Dějepis města Prahy, str. 622.

³ В Новом Месте, основанном в 1348 году, не могло быть старинных патрицианских родов, как в Старом Месте.

⁴ V. V. Томек, Dějepis města Prahy, III, str. 633 n.

⁵ Там же, стр. 635.

⁶ B. Ауштекá, Jan Želivský jako politik, Praha, 1925, str. 16 n.

группу врагов народа — городские власти, патрициат и церковную иерархию. Но простым верующим, говорил далее Желивский, нечего бояться, что эти бестии победят; ведь господь на стороне своих верных, простых людей, он не даст правде погибнуть. Сколько раз уже, — как, например, об этом говорится в «Откровении Иоанна», — господь даровал свою помощь тем, кто борется с «бестиями и лжепророками!» И ныне исполнятся слова «Священного писания», и ныне будет осуществлено то, что говорится в «Откровении» (гл. XIX, стих 18): «чтобы пожрать трупы царей, трупы сильных, трупы тысяченачальников, трупы коней и сидящих на них, трупы всех свободных и рабов, малых и великих».

Под впечатлением этих пророчеств вооруженная беднота вместе с мелкими ремесленниками собралась в воскресенье 30 июля 1419 года в храме святой Девы Марии Снежной. Желивский произнес проповедь на текст о неверном управителе (от Луки, 16). Он использовал этот библейский текст для нападок на короля и «всех противников божьих». На их головы падет месть божья, и власть будет передана в руки верных. Совершенно недвусмысленно прозвучали с кафедры слова, ставящие революционный пражский народ в пример всему миру: «О, если бы Прага стала ныне образцом для всех верующих, и не только в Моравии, но и в Венгрии, Польше и Австрии! Пусть же разлетится по всему миру слово божье!» Пражская беднота и на самом деле показала пример народу не только в Чехии, но и во всем мире. После проповеди, несмотря на то, что коншелы запретили всяческие шествия, из храма двинулась целая процессия. Во главе необозримой толпы шел проповедник Ян Желивский, который уже и ранее собирал своих «верных в процессии на пражских улицах»¹. Вооруженная толпа направилась прежде всего к храму св. Штепана, откуда был изгнан только что назначенный католический священник; приходский дом был разгромлен. Процессия, ободренная этим успехом, повернула к новоместской ратуше, в застенке которой содержались те, кто в последнее

¹ О событиях 30 июля подробно сообщает Вавржинец из Бржезовы (Vavřinec z Březové, Fontes rerum Bohemicarum, V., str. 345); Anonymus de origine Taboritarum et de morte Venceslai regis, Höfler, I, str. 531; Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 42; см. и текст летописей, не изданный до сих пор, т. н. Sa, нейберский, у J. Пекář, Žižka, IV, str. 14, p. 1.

время совершил проступки против старого порядка. Желивский вошел в зал ратуши, где в это время заседали коншелы, и потребовал освобождения узников. Тем временем насмешки, а может быть, и откровенные провокации со стороны некоторых членов городского совета, настолько разъярили собравшийся народ, что чаша его терпения переполнилась. Вооруженная беднота и мелкие ремесленники¹, подобно грозной лавине, ринулись на ворота ратуши, выломали их, ворвались в ратушу, выбросили коншелов из окон, убили их и освободили заключенных. Уже, вероятно, во время этих событий выдвинулся королевский придворный Ян Жижка из Троцнова, обедневший южночешский дворянин, приобретший достаточный военный опыт в войнах в Польше и в южной Чехии².

Сводя счеты с коншелами, народ жестоко расправился с ними. «И такие жестокости над ними чинили, что падали они из окон на копья, пики, мечи и кинжалы; тех же, кто не был проколот, тотчас добивали»³. Выступление новомест-

¹ Вавржинец из Бржезовы (Vavřinec z Březové, *Fontes rerum Bohemicarum*, V, str. 345) ясно говорит: «per communem populum»; *Staré letopisy*, ed. J. Charvát, str. 42: «Горожане и разъяренная чернь». Anonymus de origine Taboritarum et de morte Venceslai regis, Höfler, I, str. 531 также ясно рассказывает о том, как Ян Желивский «fortiter incitavit populum, ut seditionem in civitate faciant contra consules».

² О жизни Яна Жижки из Троцнова, о его роли и значении мы расскажем в следующих абзацах. Здесь я хочу только заметить, что весьма остроумные и настойчивые доказательства Пекаржа, будто бы Жижка организовал нападение на новоместскую ратушу, представляются все же не вполне убедительными (см. Rekař, Žižka, II, str. 93; III, str. 17 n.; IV, str. 14). Определенно известно, что об участии Жижки в расправе над коншелами сообщил Вавржинец из Бржезовы (Vavřinec z Březové, *Fontes rerum Bohemicarum*, V, str. 345; «per communem populum et Johanne[m] Zizkam»), а также Бартошек из Драгениц (Bartošek z Drahenic, *Fontes rerum Bohemicarum*, V, str. 591; «per Zizkam et suos complices»). Зато о его участии молчит Anonymus de origine Taboritarum (K. Höfler, I, str. 532) и Эней Сильвий (который не преминул бы лишний раз подчеркнуть жестокость Жижки) и «Хроника писца Прокопа» (K. Höfler, I, str. 74). Если бы Жижка был организатором и вождем этого выступления, то все летописцы записали бы это, ибо все они враждебно относятся к Жижке. Поэтому лишь как гипотезу можно принять толкование Пекаржа, будто слова «Старых летописей»: «Жижка был сразу признан народом» (ed. Charvát, str. 48) следует относить к 30 июля, а не к ноябрьским схваткам в Праге.

³ *Staré letopisy*, str. 42.

ской бедноты во главе с Яном Желивским завершило период подготовки революционного движения¹.

Пражский народ захватил власть в городе в свои руки², и вопрос теперь заключался в том, удержит ли он эту власть, хватит ли у него сил отражать атаки реакции, а главное—удастся ли осуществить объединение революционных сил пражской бедноты с поднимающимся на борьбу крестьянством.

В годы, предшествующие 1419 году, народное недовольство достигло в Чехии высшего предела. Естественно, что пламя сопротивления ярче всего разгорелось в среде

¹ Характерно, как понимает новоместскую дефенестрацию [то есть расправу с коншелами путем выбрасывания их из окон.— *Прим. ред.*] Пекарж (J. Rekař, Žižka, I, str. 30—31): «Опасное движение, зародившееся в Пражском университете, по словам Пекаржа (он, конечно, так и не разъяснил, как увязать это положение с тем фактом, что мы не видим во главе борющегося народа ни одного университетского магистра и что, как раз наоборот, университетские магистры в целом были оплотом реакции), склонялось к примирению с церковью». «Короче говоря, все, кроме, может быть, зарождающихся «таборов» в Бехинском крае, как бы свидетельствовало о том, что великая буря, десять лет свирепствовавшая в Праге, постепенно успокаивается и рано или поздно найдет свое мирное разрешение... И тут неожиданно в конце июля 1419 года Прагу потряс взрыв революционного фанатизма. Это выступление пражской бедноты кажется Пекаржу «неожиданным взрывом революционного фанатизма». Он умышленно умолчал о всех страданиях, которые выпали на долю бедноты в предгуситский период, скрыл упоминания о нарастании революционной волны в Праге и дал в конце концов толкование, которое делает Желивского прямо ответственным за этот «революционный фанатизм». Явное замалчивание факта тесной связи между событиями 30 июля 1419 года и предыдущими волнениями, равно как и идеалистический взгляд на историю, привели к искажению Пекаржем оценки данных событий.

Однако достаточно посмотреть на прилагаемую карту городов (карта № 2), в которых вспыхивали волнения накануне 1419 года, чтобы признать, что единственным логическим выходом из кризиса старого общественного строя был революционный взрыв.

² Никтоим образом нельзя согласиться с трактовкой Ф. М. Бартоша (Do čtyř artikulů, str. 512): «Революция, которую они проклинали, которой не желали и которой сопротивлялись, стояла перед гуситами как жестокая, неотвратимая и трагичная, но в то же время великая и прекрасная, национальная и религиозная обязанность». Так рассматривали революцию отнюдь не «гуситы» (это бесклассовое, ничего не говорящее понятие), а бюргеры, вставшие на сторону гуситства. Городская же и крестьянская беднота стремилась к революции, в которой видела свое единственное спасение. Бартош, поскольку он рассматривал революционное гуситское движение и процесс его зарождения с чисто идеалистической точки зрения, не понял глубокого различия между позициями бедноты и бюргеров.

наиболее эксплуатируемых масс. Мы располагаем сведениями (относящимися еще к 1410—1411 годам) о волнениях среди сельского населения, вспыхнувших в связи с распространением народной ереси¹. В Пльзенском крае возникли мятежи. Они были подавлены—эту честь оспаривали друг у друга король Вацлав IV и пан Индржих из Рожмберка². Волнения среди крестьян, особенно в южной Чехии в окрестностях Козьего замка, где народ под влиянием бродячих проповедников «отказывался повиноваться»³, вливаются в русло общих волнений чешского населения. Анонимный католический поэт писал в 1418 году, и в словах его явно звучит страх, что беспорядкам, растущим по всей стране, не препятствуют ни король, ни паны, ни рыцари и что они, наоборот, даже поддерживают эти беспорядки. На сторону гуситов переходит «почти весь сельский люд»⁴.

Решительному выступлению феодалов против крестьян препятствовали, с одной стороны, междоусобная борьба, которую они вели между собой⁵, с другой—то обстоятельство, что они сами мечтали завладеть церковным имуществом⁶. Поэтому они готовы были в известных пределах позволить гуситскому учению свободно распространяться и в их панствах. В 1417 году высший земский вельможа, верховный бургомистр Пражский, пан Ченек из Вартемберка, велел даже изгнать из земель своего подопечного, несовершеннолетнего Ольдржиха из Рожмберка, всех католических священников и поставить во главе приходов новых, гуситских⁷.

Ченек из Вартемберка уже ранее (около 6 марта 1417 года) позаботился о том, чтобы число этих гуситских священников значительно увеличилось: он велел похитить епископа Гержмана, обладавшего правом посвящать в сан, привез его в своей замок Липнице и заставил посвятить в священники гуситов, ибо епископ Конрад из Вехты отказывался давать посвящение лицам, придерживающимся

ся учения Гуса¹. Отношение пана Ченека к гуситам вытекало не из его преданности чаше², но из стремления завладеть церковным имуществом. Тем не менее, бесспорно, доброжелательное отношение и симпатии некоторых феодалов к чаше существенно облегчали простым священникам агитацию среди крестьянства. Дворянство отнюдь не всегда понимало, что острая ненависть народных масс к церкви неизбежно должна обратиться и против него самого.

Зато представители церковной иерархии прекрасно сознавали ту опасность, которая нависла над ними. Сопrotивление сельского населения церковным предписаниям и порядкам, отказ платить десятину и другие виды податей беспокоили их, предвещая близкую бурю. Они чувствовали, и с полным основанием, приближение революционной грозы:

Знайте, пусть народ узнает,
Что бедствие нам, чехам, угрожает,
Коль не умолкнут новые пророки,
Что поощряют все пороки,
Твердят повсюду: «не даруйте церкви...»³

Дело подготовки революционного взрыва чешского крестьянства осуществляли мелкие бродячие проповедники во всех концах Чехии⁴. Эти бедные священники всюду

¹ V. V. Tomek, *Dějepis města Prahy*, III, str. 610.

² Для Пекаржа, конечно, не может быть сомнений в искренности пана Ченека как приверженца чаши; по мнению Пекаржа, пан Ченек был даже «весьма усердный чашник» (*Žižka*, III, str. 25). Пекарж ни словом не упомянул об общем положении чешского дворянства и не затронул вопроса классовых интересов феодалов. Все симпатии его на стороне правящего класса. Именно поэтому Пекарж дает столь высокую оценку пану Ченеку из Вартемберка и его весьма сомнительным качествам.

³ Анонимное стихотворение 1417—1419 годов «Слушайте, все старе и малые!» (ed. V. Nebeský, *ČSM*, 1852, str. 146).

⁴ В 1416 году литомышльский епископ Ян Железный начал преследование бродячего проповедника Яна, который собирал народ («*parochiam plebem*») в Штепанове (видимо, в Штепанове у Скучча—А. Sedláček, *Místopisný slovník*, str. 869) для проповедей и причащения под двумя видами (J. Sedlak, *Studie a texty*, III, str. 96). Священник Микулаш Мнишек из Пльзенского края получил в 1417 году приход в Трговых Свинах после того, как Вартемберг назначил в приход гуситских священников. О его образе мыслей, о прославлении им бедности см. указания Бартоша (F. M. Vágtóš, *Husův ctitel na faře v Trhových Svínách*, JSH, XII, 1939, str. 33 n.). См. и перечень бродячих проповедников в католическом стихотворе-

¹ V. Novotný, *M. Jana Husa korespondence a dokumenty*, Praha, 1920, str. 349.

² *Archiv český*, III, str. 295.

³ См. стр. 246.

⁴ *Documenta*, str. 687 n. «*Sed heu rex, baro, cliens, villana fere tota gens coetum hunc malignum fovent...*» (курсив мой.—И. М.)

⁵ См. стр. 271.

⁶ См. стр. 272 и сл.

⁷ *Staré letopisy*, str. 41; *Documenta*, str. 694.

пели гимны и совершали богослужение на чешском языке, чтобы простые верующие могли полностью принимать в нем участие¹. А это означало не только то, что окутанные покровом мистики и непонятные до той поры обряды становились более народными, это не только поднимало простых верующих в их собственных глазах, но и влекло за собой дальнейшее совершенствование и процветание чешского языка. Штепан из Долан, католический аббат, со всей яростью обрушился в 1417 году на проповедников, ведущих проповедь в чешских деревнях, ибо он отдавал себе отчет в той опасности, какой грозила их деятельность. Резкие жалобы Штепана из Долан дают возможность составить характеристику, понять значение и результаты агитации мелких проповедников. «Вы заставляете,—пишет Штепан из Долан, обращаясь к гуситским священникам,—крестьян и крестьянок ежедневно принимать причастие под двумя видами»². Мессы на чешском языке и ежедневное причастие телом и кровью христовой были, помимо проповедей, наиболее удобными формами сближения с простым деревенским народом. Этих проповедников, столь усердно взявшихся за дело, Штепан упрекал за излишнюю самостоятельность и мудрствование, с которыми они приступали ко всем вопросам. «Я признаю, что вы обладаете известным энтузиазмом, который, впрочем, проистекает не из ваших знаний. Ваши проповедники читают свои проповеди и в гордых замках, и в глухих деревнях и у плетней не потому, что им это было поручено, а самочинно и своевольно»³. Католический прелат, привыкший к точному соблюдению церковной субординации, к подчинению низших высшим, воспринимал действия бродячих проповедников как тяжкую провинность. Они не спрашивают разре-

нии 1418 года («Documenta», str. 687 п.). Первым назван проповедник Олешак, странствовавший, как некогда апостол Павел; за ним—Ваха, Коранда (возможно, наш знакомый пльзеньский проповедник?), Мнишек (ранее проповедник в Пльзеньском крае, затем—в южной Чехии, см. F. M. V a r t o š, JSH, XII, 1939, str. 33 п.), Ярослав из Лазиште, Микулаш из Уездца, Амброж (возможно, позднее—известный Амброж Градецкий?), Патер, Роглик, Зигмунд из Хотишан, Чапек (вероятно, известный позднее таборитский священник Чапек), Франек, Петриолус, Абрагам, Влк и Каифаш.

¹ Š t e p á n z D o l a n, Epistolae ad Hussitas, str. 556 «...et adhuc nova et inaudita ribaldia missas in boemico sermone cantatis et legetis iuvantibus vos concontare begutis et rebecca mulieribus...»

² Š t e p á n z D o l a n, Epistolae ad Hussitas, str. 699.

³ Там же, стр. 518.

шения у вышестоящих, не обращают внимания на предписываемые догматы; сами, по собственному разумению, они толкуют «Священное писание» деревенскому народу. «Ибо вы,—продолжает Штепан из Долан,—как всем известно, не соблюдаете при проповедях гармонии слов и пренебрегаете местом, временем и условиями жизни, которые предписаны народу. Вместо того чтобы способствовать порядку, вы сеете меж людьми раздоры»¹. В этом суть вопроса. Именно потому, что действия проповедников подрывали старый феодальный порядок в деревне, они представляли для церкви огромную опасность, и духовенство вело против них столь ожесточенную борьбу. Проповеди для простого люда, подрывающие порядок, принесут злые плоды, продолжает аббат Штепан. Придет час жатвы, и священники пожнут то, что посеяли. Проповедникам следовало бы раз навсегда запомнить, что говорит по их поводу св. Григорий: «Проповедник не должен говорить простым верующим все, что он знает». Если бы гуситские проповедники руководствовались этим мудрым принципом, все было бы в порядке.

Следует остановиться на этой части полемики Штепана против гуситов и еще раз отдать себе отчет в том, какое значение имели кафедра и проповедник для развития революционного движения. Как наглядно свидетельствует текст из сочинений отца церкви св. Григория, феодалы вполне сознавали, что проповедью, произнесенной с кафедры, проповедник может подорвать весь церковный порядок, а вслед за этим неизбежно даст трещину и вся феодальная система. Отсюда и мудрый совет Штепана гуситским проповедникам—не говорить простому народу все, что они знают.

Однако бедные проповедники, сами страдающие от феодального гнета, тесно связанные с простым сельским народом, не обращали внимания на подобного рода советы. Вставшее перед ними требование—создание лучшего общества и лучшей жизни для всех верующих, исправление церкви—они считали своей настоятельной и почетной обязанностью, за которую готовы были идти в бой.

«Я сказал уже,—продолжает Штепан из Долан,—что мятежники из секты Гуса используют слова Священного писания не для укрепления верных, а к умножению числа мятежников...»²

¹ Š t e p á n z D o l a n, Epistolae ad Hussitas, str. 518.

² Там же, стр. 538.

Следовательно, гуситские проповедники прямо раздували пламя народного движения в чешских деревнях; столкновения и распри стали каждодневным явлением. Времена «покоя и мира» минули безвозвратно, повсюду появлялись предвестники близящейся бури. Некий католический виршеплет считал ответственным за это гуситских священников:

О несчастные законы эти!
Приди конец безумию скорей!
Уж матерей не почитают дети,
Отцы своих не любят дочерей.
Везде давно любовь угасла,
Врагами стали прежние друзья,
А того, кто с вами не согласен,
Разбойником считаете всегда¹.

Из мирного толкования слова божьего постепенно вырастало брожение, а иногда и открытые выступления. Эксплуатируемый сельский люд шел за этими проповедниками, которые создавали программу реформы, отражающую его интересы. Из проповедников они превратились в агитаторов, призывающих народ к борьбе:

О проповедники чудесные!
Вы храмов разрушители известные.
И чтоб придумать казни вам,
Помучиться пришлось бы палачам:
Одних бы вешали, топили,
Другим бы головы рубили.
О вы, сладчайшая утеха
Добру вы грозная помеха.
Вы—даже на амвоне в латах,
Везде твердите о расплате,
Всегда с кинжалом и с копьем,
Иль с палицей, иль с топором,
Повсюду громко, что есть мочи,
Зовете в бой и днем и ночью².

¹ «Слушайте все, старые и малые!» (ed. N e b e s k ý, ČSM, 1852, str. 143). Ответственность за подрыв авторитета церкви возлагает на гуситских священников и Штефан из Долан (Š t e p á n z D o l a n, Epistolae ad Hussitas, str. 525).

² ČSM, 1852, str. 148.

Пойстине картина, никак не отвечающая представлению о богобоязненных священниках, покорных исполнителей воли властей. Место прислужников старого порядка заняли борцы, революционеры, народные вожди.

Для того чтобы крестьянство поднялось на классовую борьбу, необходима была эта длительная и упорная агитационная работа проповедников.

В городах легче было сосредоточить и организовать революционные силы, потому что там находились церкви, проповеднические кафедры, там устраивались процессии. В деревнях же, при тогдашней распыленности населения, надо было приложить всю энергию, чтобы сосредоточить и объединить эти силы. В 1419 году в сельских местностях Чехии такая попытка была сделана в виде так называемых паломничеств на горы. Крестьяне, которых беспощадно обирали феодалы, поднимались по призыву проповедников, толковавших «Священное писание» и главным образом книги ветхозаветных пророков. Крестьянство верило, что Иисус Христос вернется на землю и тогда настанет его новое царство, настанет лучшая жизнь, как об этом говорилось в библии и как это возвещали народные проповедники, подобные Микулашу из Дрездена и Яну Желивскому. Разве не служило, например, евангелие от Марка, повествующее о предсказании Христом грядущей гибели Иерусалима, прямым призывом и указанием? «Ибо многие придут под именем моим и будут говорить, что это я; и многих прельстят. Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит сему быть, но это еще не конец. Ибо восстанет народ на народ и царство на царство и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения... Когда же увидите мерзость запустения, реченную пророком Даниилом, стоящую где не должно [читающий да разумее!], тогда находящиеся в Иудее да бегут в горы... Тогда увидят сына человеческого грядущего на облаках с великой силою и со славою...»¹

В наше время трудно представить себе, каким образом эти библейские слова могли находить подобное толкование, каким образом они отражали в себе все страдания и лишения и в то же время—надежды простых крестьян. Однако разве

¹ Марк XIII, 6, 7, 8, 14, 26; Матфей 16, 17, 24; Staré letopisy (ed. Šimek, str. 27) ясно говорят о горячих проповедях против лжепророков по Матфею 8, 15.

королевство Чешское, его гордые замки и красивые города— все это не было тем же Иерусалимом, полным бесправия, роскоши и греховности? Разве мелкие стычки внутри правящего класса и назревающая классовая борьба не давали повода думать, что начинается «бой всех против всех», «народа против народа»? Была ли под солнцем горшая «мерзость», чем эксплуатация бедноты? Разве проповедники и сама народная ересь не готовили крестьян уже издавна к истреблению царства антихриста, разве не подготавливали они победоносное пришествие царства христового? Таким образом, в области идеологии почва была подготовлена для перехода в наступление, а библия стала оружием народных вождей—проповедников.

Местом первых народных сборищ в сельских местностях Чехии стали холмы и горы. При этом проповедники руководствовались словами библии, которые как бы сами призывали к участию в таких сборищах; может быть, тут играла роль также и мысль о необходимости обороны в случае нападения. Можно предположить, что только во время первых паломничеств в горы участники их были безоружны. Что же касается обычного утверждения тогдашних летописцев и буржуазных историографов о том, что паломничества в горы были всего лишь мирной религиозной демонстрацией, то такие утверждения представляют собой искажение или полное непонимание подлинной сущности этих сборищ¹.

Современные летописцы (и прежде всего автор главного источника—Вавржинец из Бржезовы) рассматривали эти народные сборища со своей классово-религиозной точки зрения. Глашатай пражского бюргерства, Вавржинец из Бржезовы², показывает, как паломничества на горы из мирных религиозных церемоний с их причащением под обоими видами превратились в «разбойничьи, кровожадные таборитские сборища». Он делал, таким образом, ясное различие между пражскими чашниками и таборитами и одновременно нападал на таборских священников-хилиастов, которые в своей кровожадности и безумии якобы отвратили народ от мира и спокойствия и ввергли его в пучину войн. В особом разделе своей гуситской хроники Вавржинец совершенно четко

сформулировал эту мысль: «Часто, когда у меня всплывают в памяти события, связанные с таборитами, я думаю, что для потомства полезно будет описать их обычаи, их действия и нравы, ибо они называли себя приверженцами закона божьего, но многие из них впали в многочисленные ереси...»¹ Затем следует описание мирных паломничеств, превратившихся в кровавые схватки. Тот, кто хочет отрицать эту основную политическую тенденцию, присущую не только хронике Вавржинца, но и всем хроникам вообще, убедится в обратном из повествования самого Вавржинца, которое позволяет сделать вывод, что паломничества в горы с самого начала были одной из форм вооруженного сопротивления эксплуататорам².

Первые паломничества в горы происходили весной 1419 года³. О том, что паломники подражали библейским образцам, свидетельствуют также названия холмов и тор, где они собирались. Так, место паломничества у Младой Вожице было названо Беранек («Агнец»), холм у Тржебеховиц под Градцем Краловым—«Ореб». Самое крупное место паломничества на холме Бурковаке у Немейцу около Бехине⁴, которое имело большое значение для южной Чехии, было названо Табор. В южной Чехии, кроме паломничеств на

¹ FRB, V, str. 400 n.

² Что касается утверждения Микулаша Бискупца (M i k u l á š V i s k u p e s, Chronica Taboritarum, K. Höfler, II, str. 477—481) о том, что паломники собирались в горах для мирного чтения евангелия и причащения под двумя видами и что в войны они были втянуты противниками закона божьего, то оно является утверждением идеолога бюргерской оппозиции таборитов, которая во время паломничества, возможно, действительно не помышляла о вооруженной борьбе. Вероятней всего, однако, что Бискупец пытается снять с города Табора сороковых годов, когда писалась хроника, обвинение в том, что эти «таборы» были рассадником войн и революций. См. подобное же толкование у Н. В. Ястребова, «Этюды о Петре Хельчицком и его времени», стр. 34.

³ Вавржинец из Бржезовы (Vavřinec z Březové, FRB, V, str. 400) говорит только: «Factum est itaque anno domini 1419...», однако он описывает одно из паломничеств, происходившее еще до июля 1419 г., из чего следует, что они начались весной.

⁴ Расположение этой горы определял Й. Швела при помощи археологических изысканий и сравнения исторических документов; см. K. T h i r a, Staré domy a rodiny tábořské, I, 1920; см. также В. S o u č e k a в JSH, XI, 1938, str. 11 n.; F. M. B a r t o š, Do čtyř artykulů, SPDMP, V/2, str. 511, которые, заново пересмотрев этот вопрос, отвергли гипотезу Шебанека (J. Š e b á n e k, ČSM, 1922, str. 209). Шебанек, опираясь на исследования Коларжа и Седлачека, предполагал, что Табор находился на Бржезовом холме у Храштян.

¹ См. по этому же вопросу подробное объяснение на стр. 366 и сл.

² См. стр. 464 и сл.

Табор и Беранек, сохранились упоминания о паломничестве на гору Бзи и Брадло (у Каменице над Липой)¹. Все эти южночешские «горы» находились приблизительно в тех же местах, где еще в XIV веке пустила корни народная ересь, где произносил свои проповеди Гус, в тех местах, где — и это главное — вследствие эксплуатации панов из рода Рожмберков и других южночешских феодалов крестьяне все глубже и глубже погружались в бездну нищеты.

Если мы согласимся с той точкой зрения (а она представляется нам более чем правдоподобной), что Табор был расположен у Немеиц около Бехине, то нам следует прежде всего рассмотреть вопрос о том, в каких владениях возможно было собрать такую массу народа. К этим областям прилегали пограничные деревни Пржебеницкого бургграфства, входившего во владения панов Рожмберков (см. карту № 1); по другую сторону от Влтавы до этих мест тянулись владения архиепископа Тынского. Сам Бехине был королевским замком, в котором правили паны Лефли из Лажан. Таким образом, в районе горы Табор соприкасались между собой три больших домена, и вполне возможно, что фактическим владельцем ее был какой-нибудь мелкий земан, живший в этих местах². Единственно, что можно сказать с достоверностью, это то, что граница Рожмберковского княжества сюда не доходила.

Об общем характере паломничества на горы свидетельствует то место из библии, которое объясняет, почему эта гора была названа Табором. Согласно общему мнению, проповедники следовали тем текстам из «Книги Судей» (IV, 6 и сл.), где говорится о победоносной борьбе израильтян

¹ См. прилагаемую карту № 3. Бартош приводит перечень гор в труде «Do čtyř pražských artykulů» (1940, стр. 42) и высказал соображение (стр. 49, прим. 122), с которым следует согласиться, а именно, что таборов было больше, чем это сегодня известно. Бзи Гору я помещаю в южную Чехию (хотя в Бловицком крае также имеется деревня Бзи), соглашаясь в этом с Пекаржем (Žižka, IV, str. 22 rozp. I, str. 31). О причинах, побудивших меня считать, что Бзи Гора была в южной Чехии, см. дальше, стр. 327.

² Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, SPDMR, V/2, str. 511), не приводя доказательств, пишет, что город входил во владение архиепископа Тынского. В одной из до сих пор не изданных рукописей «Старых летописей» («Stare letopisy») («Г») говорится о собраниях в 1419 году «на месте свободном у деревни Храштян в краях Писецком и Бахинском» (цит. по J. Pekař, Žižka, IV, str. 211).

против ханаанян. «Она же (Девора) послала и призвала Варака, сына Авинамова, из Кедеса Неффалимова и сказала ему: повелевает тебе господь, бог Израилев: пойдй, взойди с войском¹ на гору Фавор и возьми с собой десять тысяч человек из сынов Неффалимовых и сынов Завулоновых»².

Сходство между судьбами израильтян и судьбами простых верующих бросается в глаза; подобно тому как Варака призывал израильтян к оружию против ханаанян, так и священники призывали крестьян южной Чехии сплотиться, чтобы начать борьбу против церкви. «На горах познаешь господя» — таков был лозунг, призывавший паломников на гору Табор.

Трудно примирить с действительностью утверждение Вавржинца о том, что непосредственным побуждением паломничества на горы для населения Бехиньского края послужило желание причащаться там под двумя видами³. Во вводных главах этой книги мы уже указывали, что материальное положение сельского населения южной Чехии было чрезвычайно тяжелым и что вследствие этого южная Чехия издавна стала ареной распространения народной ереси. Чаша была лишь символом того протеста, который накапливался в среде эксплуатируемых. Когда в 1419 году священники и викарии в окрестностях замка Бехине, — видимо, при поддержке светских властей — начали систематическое преследование всех, кто признавал причастие под двумя видами, и когда по приказу этих духовных лиц вооруженные люди (armata manu) начали изгонять приверженцев Гуса из храмов как еретиков, некоторые священники,

¹ В переводе библии Кралицкой говорится о «народе», хотя латинский перевод совершенно четко говорит «exercitum». Разночтение в переводе я не могу объяснить.

² Это толкование принимает Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, 1940, str. 43) в соответствии с толкованием Б. Соучка (1919 год) и независимо от него толкования Шимека в «Народных листах» (28 февраля 1920 года). До сих пор образцом считалось «Преображение господя на горе» (от Матфея, 17, 2), где, однако, не приводится название горы — Табор. Мне кажется значительным, что изображение паломничества на гору Табор, как процесса, носящего спокойный, мирный характер, появилось уже в 1422 году — у Якоубека из Стржибра (Jakoubek ze Stříbra, Výklad na Zjevení sv. Jana, ed. F. Šimek, II, Praha, 1933, str. 104).

³ Источником для описания паломничества на гору Табор являются труды Вавржинца из Бржезовы (FRB, V, str. 344, и затем подробнее — стр. 400 и сл.).

связанные с народом (*juncto sibi populo*), нашли новое место для своих собраний. Они поднялись на большую, широкую гору (*magna planicie*) и на самой высшей точке ее установили нечто вроде часовни, представлявшей собой, собственно, шатер из льняного полотна. Эту гору называли Табор, паломников—таборитами.

В шатре и перед ним народу подавалось причастие в виде хлеба и вина; собрания происходили не только по воскресеньям, но и в будни¹. Это невиданное новшество нельзя объяснить одним лишь тем фактом, что причащение вином запрещалось и преследовалось. Запреты налагались и до этого, однако они теряли свою силу, поскольку гуситские священники и проповедники шли в народ. Организация паломничества на горы была началом совершенно новой формы агитации среди народа. Раньше агитацию вели отдельные проповедники, разбросанные по жалким, бедным деревням,—теперь эти проповедники стояли лицом к лицу с огромной толпой народа.

Когда весть о паломничествах на Табор разнеслась по окрестностям, братья-священники, договорившись между собой, назначили точный день праздника² и в торжественных процессиях повели на Табор своих прихожан. До сих пор паломники из ближайших деревень всегда по окончании богослужения уходили, захватив с собой свой шатер. Теперь, в праздник, когда к Табору сошлись процессии со всех концов края, табориты уже ждали своих братьев и встретили их с радостью и ликованием. На Таборе, так говорили священники, приведшие своих прихожан, народ должен был «утвердиться в истине, почерпнув свои силы, а братья и сестры утешиться»³. В этом заключался основной смысл не только этого, первого, но и всех остальных паломничеств: придать народу уверенность в себе, укрепить его силы, утешить его. Если до сих пор крестьянин был одинок в своем горе, то на Таборе он встречался со своими собратьями, страдающими так же, как он. Они учились познавать свою общность в несчастье и в то же время они видели свою мно-

гочисленность и учились осознавать свою силу. В условиях раздробленности сельского населения, подданных различных феодальных княжеств, такое явление было, собственно, первым в истории Чехии. И проповедники приложили немало сил к тому, чтобы в пламени борьбы за «божью правду» разорвать те узы, которые связывали эксплуатируемых с феодалами.

Казалось, на горе Табор веяло новым, свежим ветром. Здесь паломники забывали о своей исполненной страданий жизни, здесь не допускали поступков, противоречащих евангелию. Перед священниками—организаторами паломничеств на Таборе—стояли в сущности три задачи: одни из священников, наиболее ученые и красноречивые, непрерывно, с самого утра, проповедовали народу—отдельно женщинам, мужчинам и детям. Свои проповеди они направляли главным образом против церкви, против гордыни и алчности церковников, которых они резко осуждали¹. Таким образом, церковь вновь стала символом всего ненавистного народу, и они, нападая на нее, разжигали страсти среди таборитов.

Другая часть священников непрерывно исповедовала верующих, третья причащала их под двумя видами.

С весны до лета 1419 года слухи о Таборе распространились по всей стране, достигнув ее самых отдаленных уголков. Как круги на воде, ширилось движение паломничества на Табор. Сначала шли люди из ближайших окрестностей, потом—из соседних областей: из деревень, местечек и городов. В субботу 22 июля 1419 года в праздник св. Марии Магдалины на Таборе собрались уже тысячные толпы, причем многие пришли сюда из далеких мест². Пришли паломники из Писека, из Воднян, Нетолиц, Усти Сезимова, Яновиц, Седлчан и Пльзня, пришли люди из Праги, Домажлиц, Градца Кралове и даже из Моравии—пешие и конные. Укрепив свой дух проповедью, приняв причастие вином и хлебом и, вступив, таким образом, в ряды сторонников евангелической истины, люди отходили на другую часть горы, где было отведено место отдыха и пиршеств—без вся-

¹ На это указывают слова Вавржинца: «quem montem... frequentare serperunt...» и примечание, что святое причастие подавалось «precipue diebus festiuis» (FRB, V, str. 344).

² FRB, V, str. 401: «fratres presbiteri circumcirca vicini conducto certo festiuitatis die».

³ Там же: «pro veritatis ibidem... conformacione ac fratrum et sororum ibidem existencium confortacione ac consolacione».

¹ FRB, V, str. 401.

² Там же; в тот день якобы было роздано более 42 тысяч причастий. К цифровым данным летописцев следует относиться скептически, особенно если мы лишены возможности проверить их. Цифра 40 тысяч говорит лишь о небывалом, и для современников ошеломляющем, количестве паломников.

ких, однако, излишеств и пьянства. Среди паломников возникали действительно братские отношения. Люди, до сих пор не знакомые друг с другом, жившие изолированно в своих халупах, открывали сердца новым собратьям.

Паломники со всех сторон
Сбирались на горах,
На Таборе, Беранеке
Да и в других местах.
И в тихой вере и смиренности,
В согласьи, в братском единении
Делили все между собой—
Яичко, соль и хлеб сухой¹.

Между ними исчезли различия, люди делились последним и действительно становились братьями и сестрами. Все они обладали «апостольским сердцем» и хотели одного— чтобы церковь вновь стала «апостольской христовой церковью». Паломники давали друг другу торжественные заверения, что «скорее без сопротивления и ропота примут смерть, чем отступят от причащения под обоими видами»².

Насытившись «словом божьим» и земным хлебом, паломники в торжественной процессии, неся впереди хоругвь, обходили гору и пели псалмы и песни, специально для данного случая сложенные проповедниками и священниками³. Эти песни говорят нам о том могучем чувстве, которым были охвачены огромные толпы паломников, о «мыслях, вырвавшихся из глубины сердца печального человека»⁴. «Священное писание», апостольская церковь, «царство христово» — сияли, как звезда надежды, перед взорами страдающего народа.

Ждем тебя полны печали,
Смилуйся над нами, боже,
Облегчи нам тяжесть ноши!

¹ Výchor, II, str. 253; то же и у Вавржинца (FRB, V, str. 401: «dicior cum paupere victualia, que erant, preparata, dividebant».

² Anonymus de origine Taboritarum (K. Hofler, I, str. 528. 529).

³ Издал их, проанализировал и систематизировал З. Неядлы (Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu, II, str. 199 n., str. 798 n.). Здесь три песни: «Возрадуемся дождавшись», «Верные, возрадуйтесь в господи!» и «Слышал ли кто прежде».

⁴ Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu, II, str. 199.

Все до крох у нас забрали.
Ты в беде нас не покинь,
Помоги нам всем. Амины!¹

Снова и снова приводились тексты Ветхого завета (от Иезекииля и Исаяи), которые должны были убедить народ в том, что Христос никогда не покидал верных ему страдальцев и что он велел им без промедления и сомнений идти на горы:

Христос пред чудом воскресенья
Учил, что лишь в горах спасенье,
Что час его наступит возвращенья,
И если он тебя застанет в поле,
Иль будешь ты на кровле поневоле—
Домой не возвращайся боле.
Ты вспомни бегство из Содома,
Когда, простившись взглядом с домом,
Погибла Лотова жена².

В этих стихах непосредственно велась борьба за душу верующих; они помогали людям преодолевать все старое, что приковывало их к прежнему порядку, призывали покинуть старый мир, обреченный на гибель, и учили простого человека идти вперед и подниматься все выше. Песни, которые распевали паломники на горах, звучали бодростью и оптимизмом; люди пели их с просветленным взором, исполненные радости и веры в победу, хотя и возникали они в мире печали и безнадежности. Это был трудный путь, однако только им можно было вывести эксплуатируемых из состояния летаргии, безнадежности, неверия в свои силы. Песни, звучавшие на горах, рассеивали эти чувства. Начало песни «Возрадуемся, дождавшись...» звучит столь же оптимистично, как конец песни «Верные, возрадуйтесь в господе!»

Аминь, поем ликуя,
Господь нам дал веселье,
Мы царство с ним разделим.
О, аллилуйя, аллилуйя!³

¹ Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu, II, str. 802.

² Там же, стр. 798 и сл.

³ Там же.

В песне «Слышал ли кто прежде» этот оптимизм выражают следующие строки:

Будем же бога просить веселей,
Чтоб научил христиан-королей
Праведной жизни.

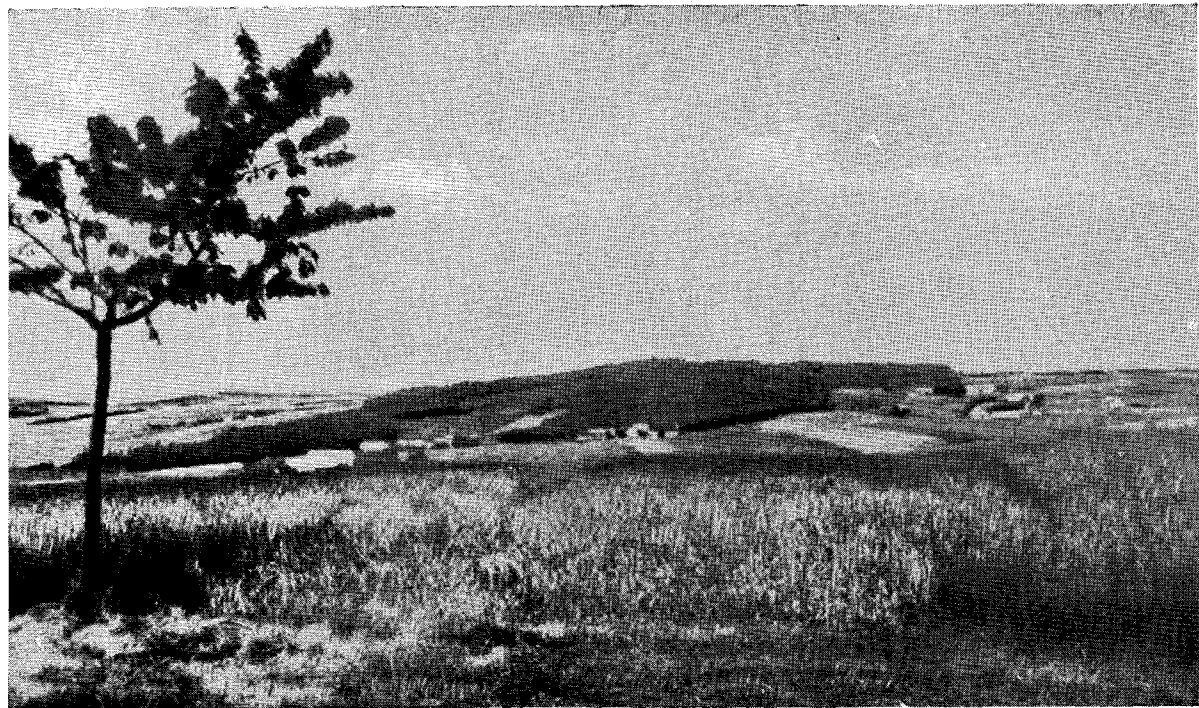
Радостная нота, заглушающая ликующим «Аллилуйя» печаль и страдания людей, пришедших на горы со всех концов земли чешской, внушала в то же время паломникам уверенность в себе, заставляла их идти вперед с гордо поднятой головой. Сочинители этих песен могли найти для них радостные слова только у простых тружеников—единственных, кто нес надежду и спасение тогдашнему обществу. Поэты, выразители интересов правящего класса, не могли выбраться из трясины пессимизма, тогда как поэзия певцов простого народа городов и деревень проникнута подлинным оптимизмом.

И этот радостный тон народной поэзии, выражающий веру в победу, был необходим. Мы не можем в полной мере представить себе, в какой степени мышление тогдашних людей было в плену католической догматики. Верующим до одури повторяли, что страдать в этой жизни—благо: ведь того, кто покорно сносил страдания, ждет после смерти райское блаженство. Один из самых могущественных пап, Иннокентий III, выразил этот взгляд на земную жизнь известной фразой: «Пока мы живем—мы умираем, и начнем жить лишь тогда, когда умрем».

Даже Томаш Штитный, у которого мы находим достаточно сочувствия к угнетенному народу, считал страдания, скорбь, печаль и лишения явлением неизбежным: «Добрым людям эти земные страдания весьма полезны, подобно тому, как каждому человеку необходима соль к мясу»¹. Таким образом, Штитный полностью придерживался ортодоксального, католического учения о необходимости терпеливо переносить страдания. Это учение связывало нарождающиеся революционные силы, парализовало их и отбрасывало назад. В словах Штитного звучит голос церкви: «Посему, если кого-либо постигнет в этом мире утрата или страдание, терпи, даже если оно и не заслужено!»²

¹ Besední řeči Tomáše ze Štítného [(Sbirka pramenů), Praha, 1897, str. 88.

² Там же, стр. 91.

Гора Табор возле Немейиц (Бехине) (фотография из музея Ирасека в Гвезде).

Тех же взглядов придерживался и идеолог пражского бюргерства магистр Якоубек из Стржибра, который даже в годы бурного подъема революционного движения—в 1421—1422 годах—не переставал проповедовать пессимистический взгляд на жизнь и прославлять смерть, как единственное лекарство от жизненных страданий. При толковании «Откровения св. Иоанна» (то есть именно той части библии, которая легла в основу революционной идеологии!) он вновь и вновь подчеркивал обязанность верующих терпеть и страдать: «О Прага! Сколь много слышишь ты проповедников и сколь много в тебе грехов; различные партии, находящиеся в смертельной вражде друг к другу, одинаково причащаются господним телом и кровью! Такова жизнь на этом свете! Почему же мы страшимся смерти? Смерть есть начало всего доброго и берег спасительный! Тот, кто носится по водам в бурных волнах, желает пристать к берегу. Трудно быть живым среди сердец низких и хитрых, лучше умереть, лучше уйти из этого мира, видя столь злые дела»¹. Так говорил глашатай городской оппозиции в тот период, когда нужно было высоко поднять знамя революционной борьбы. Он прямо поддерживал реакционную католическую идеологию, подчеркивавшую обязанность подданных терпеливо сносить унижение, бежать от мира и предпочитать покорную, мученическую смерть. «Ибо господь карает любя!»—эта «истина» является центральным мотивом мировоззрения Якоубека и отражает его взгляд на обязанности трудящихся масс². Это был яд, отравлявший веру народа в свои силы и его твердую убежденность в правоте своего дела. Проповедники и сочинители песен на горах, указавшие на радостный смысл жизни в борьбе за осуществление «божьих правд» и евангелического равенства, таким образом, действительно боролись за освобождение простых людей.

Выслушав проповеди, закончив пение и шествия, паломники расходились домой по цветущим весенним полям и лугам, ни на шаг не отклоняясь ни вправо, ни влево от дороги, чтобы не растоптать хлеба; оберегая эти пивы, они оберегали собственный труд, труд своих собратьев в ближайших окрестностях Табора.

¹ J a k o u b e k z e S t ř i b r a, V ý k l a d n a Z j e v e n i e s v. J a n a, II, str. 439.

² Многочисленные доказательства содержатся у Якоубека главным образом в предисловии к его изданию, стр. XXVII и сл.

Паломничества на гору Табор скоро привлекли внимание феодалов; даже король и некоторые паны сочли нужным точно разузнать, что делается на Таборе. В ряды паломников стали проникать соглядатаи, задачей которых было выведать замыслы священников и организаторов паломничеств. Пражские конщелы также считали необходимым узнать подробности, ибо они опасались революции¹. Король Вацлав и паны боялись, «как бы такое множество народа не избрало, как о том шли слухи, короля и архиепископа для защиты закона божьего»². Дело в том, что король Вацлав боялся, что народ избрет чешским королем Микулаша из Гуси, с которым у него было недавно столкновение в Праге перед храмом св. Аполлинария. Тогда Микулаш во главе большой, хотя и безоружной, но грозной толпы осмелился остановить короля и публично потребовать от него, чтобы он обеспечил как взрослым, так и детям приращение под обоими видами. По приказу разгневанного короля Микулаш был изгнан из Праги³. А поскольку он принял участие в паломничестве на Табор, у королевского двора зародилось подозрение, что эти скопища народа имеют целью помочь Микулашу занять королевский престол⁴.

Микулаш из Гуси—первая примечательная личность, появившаяся на сцене во главе революционного народа наряду с неизвестными или мало известными священниками и проповедниками (мы можем лишь предполагать, что это были впоследствии таборские священники, обвинявшиеся Пржибрамом в хилиазме—Микулаш, Маркольт, Чапек, Коранда, Мартинек, Ян Немец Жатецкий, Зигмунд, Вилем, Машек, Филус, Блажек, Варчик, Каниш Лукаш, Квирин, Антох, Пшеничка, Ичин, Свешта, Сова, Палачек, Петр Немец, Прокоп Сливен, Матей Влк, Ванек Рыжий, пророк Томаш, Бедржих-немой патер⁵. С некоторыми из них мы позднее познакомимся ближе).

¹ Anonymus de origine Taboritarum, K. Höfler, I, str. 530.

² FRB, V, str. 402.

³ Там же, стр. 345.

⁴ Я думаю, нет нужды в принципе сомневаться в том, что Вавржинец рассказывает о паломничествах на Табор или о существовании идеи свергнуть короля и архиепископа. У части священников, выступавших от имени бедноты, давно уже возникли подобные мысли.

⁵ M. J a n P ř í b r a m, Život kněží tábořských, ed. J. Macek, Ktož jsú boží bojovníci, str. 262—263. Правда, Пржибрам здесь смешивает всех проповедников, не делая различия между теми, кто выступал от имени бедноты, и теми, кто был рупором бюргерства.

Микулаш из Гуси, характерный тип дворянина, обедневшего вследствие того кризиса, который переживало мелкое дворянство, вынужден был пойти на службу к панам и королю. Он состоял на службе у короля Вацлава IV в качестве каштеляна в Замке Гуси, служил у пробста Вышеградского, у пана Ченека из Вартемберка, искал средств к существованию, участвуя в боях австрийских феодалов, и некоторое время был в отрядах южночешских «опальных», нападавших на феодалов. За это, по велению короля Вацлава IV, Микулаш подвергся опале¹. Позднее он был, правда, помилован, но в 1419 году ему уже нельзя было и думать о примирении с властями. За Микулашем из Гуси, который был не только хорошим воином, но и очень образованным и умным человеком², шли паломники, готовые на практике осуществить его политические концепции. Возможно, что Микулаш из Гуси был не единственным дворянином в числе организаторов и руководителей на горе Табор; возможно, что уже тогда на Табор вместе с простолюдинами приходили мелкие земаны и обедневшие рыцари, разоренные кризисом феодализма. Сельское население, горожане и мелкое дворянство были единодушны в одном: в ненависти к крупнейшему феодалу—к церкви.

Зато богатые дворяне и паны из окрестностей Табора с самого начала заняли позицию, резко враждебную паломникам. Особенно ясно это сказалось 22 июля 1419 года, когда феодалы запретили своим подданным под страхом смерти и лишения имущества «сбегаться на Табор»³. Однако

¹ Это явствует из письма короля Вацлава IV (Codex iur. mun., II, str. 1007), которое И. Челаковский относит к 1405 году. Бартош поправляет его и, исходя из канцелярского примечания, датирует письмо 1412—1418 годами (SPDMP, V/2, str. 498, p. 63). То, что Бартош говорит далее о точности даты 1417 года,—неубедительно. Даты жизни Микулаша собрал И. Пекарж (J. P e k a ř, Žizka, IV, str. 20, p. 2; Žizka, II, str. 42, p. 2), опираясь главным образом на исследования А. Седлачека (СЧН, 1924, str. 311—312).

² Вавржинец из Бржезовы (FRB, V, str. 371), предубежденный против Микулаша, вынужден был констатировать, что то был «homo magni concilii et providencie». В грамоте 1416 года Микулаш из Гуси был назван «armiger literatus» (Kniha památní na 700 založení českých křižovníků, Praha, 1933, str. 258), на это место обратил внимание и процитировал его И. Пекарж (P e k a ř, Žizka, IV, str. 20, p. 2).

³ FRB, V, str. 402: «Quidam ea de causa ex nobilibus districcius subditis suis sub pena colli et bonorum perdicione precipiunt, ne per amplius ad montem Thabor audeant concurrere».

крестьяне и их жены обращали мало внимания на приказы своих господ; они предпочитали бросить имущество, лишь бы уйти на Табор, «который манил их и притягивал, подобно тому, как магнит притягивает железо»¹. В настоящее время мы можем более точно ответить на вопрос, почему крестьян так привлекали эти паломничества, почему, несмотря на строжайшие запреты, они собирались на Таборе. Эксплуатируемые мелкие крестьяне и бедняки шли на горы в надежде на лучшую жизнь, в надежде на избавление от страданий в «юдоли слез»; они чувствовали, что проповедники высказывают на горах их давние тайные чаянья и указывают путь, которым следует идти. Мудрецы, ученые того времени, далекие от жизни крестьянства, с ученым видом заявляли, что в этих народных сборищах на горах повинны небесные тела, которые особенно загадочно расположились в тот удивительный и странный год. Дело заключалось во взаимодействии Сатурна с другими звездами, что и внушило мысль «простонародью оказывать сопротивление своим господам»².

До сих пор мы излагали историю паломничества на горы, руководствуясь теми сведениями, которые содержатся в трудах Вавржинца из Бржезовы, хорошо осведомленного современника тех событий; его утверждения мы подвергли критическому анализу. Вавржинец и ему подобные не могли постичь тот факт, что простой народ в южной Чехии поднялся на борьбу, что он стал оказывать сопротивление распоряжениям своих господ, восстал против них и отважился бунтовать против самого короля. Как только Вавржинец дошел до того места в своем изложении истории паломничества на горы, когда классовый характер этих собраний обнаружился совершенно ясно, он, выразитель интересов пражского бюргерства, занял позицию, резко враждебную народу.

Он считал, что это «дьявол посеял плевелы в жите», что лжепроповедники совратили народ с истинного пути и направили на путь сопротивления и мятежа. В это время, а именно 30 июля 1419 года, пражская беднота свела свои

¹ FRB, V, str. 402. Картина бегства с целью паломничества на горы дает отчасти таблица на стр. 425. Увеличивающееся количество брошенных наделов отчасти свидетельствовало об уходе деревенских жителей на горы.

² FRB, V, str. 403: «que ad sic discurrendum et suis superioribus rebellandum mentes communis populi inclinabant».

счета с патрициями и взяла в свои руки управление в Новом Месте. 16 августа 1419 года Вацлав IV умер от удара. Вопрос о престолонаследии усугубил смуту в рядах правящего класса. Чешское королевство оказалось без короля. Опустевший трон, страна без главы, феодальная иерархическая лестница без ее вершины—все это дало новый толчок к усилению революционной деятельности. Вавржинец из Бржезовы ясно пишет, что простые священники-проповедники перед огромными толпами проповедовали «по собственному разумению»¹, откинув в сторону все церковные каноны и веления отцов церкви. Ибо когда в Израиле не было царя и князя, к которому подданные могли бы обратиться взоры, каждый делал то, что было ему угодно. Все церковные и светские законы были попораны, и проповедники утверждали, что ученые доктора не нужны, ибо Иисус Христос в «Священном писании», которое дал своим верным, сам достаточно ясно объяснил, что надо делать и как следует жить. Для спасения достаточно «Священного писания», а Ветхий завет объясняет Новый, и наоборот.

Казалось, что слова «Писания», пророчества Исаяи осуществляются с каждым днем. «В год смерти царя Озии,—пел Исая,—видел я господя, сидящего на престоле высоком и превознесенном, и края риз его наполняли весь храм»². Королевский престол освободился для Христа, царство христово близится—так примерно была принята весть о смерти Вацлава. Слова пророка указали путь верующим. «И возвысится в последние дни одна из гор, и возвеличится над холмами, и потекут к ней все народы»³. Над старым миром высились горы, на которых собирались народные паломники, высоко к небу вздымался Табор; время царствия божьего приближалось семимильными шагами.

«Князья твои—законопреступники и сообщники злодеев; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сирот, и дело вдовы не доходит до них. Поэтому и говорит господь Саваоф, могущественный бог Израиля: «О, удовлетворю я себя за счет противников моих и отмщу врагам моим...»⁴ Чешские феодалы запятнали себя несправедливостью, вымогательством и поборами не меньше, чем упомянутые библейские князья. И карающая

¹ FRB, V, str. 403: «suis de propriis ingeniis».

² От Исаяи, VI, 1.

³ Там же, II, 2.

⁴ Там же, I, 23—24.

десница господня была занесена над ними и орудием господа были те, кто, собираясь на горах, страстно исполняли волю Божию.

Весна и лето 1419 года были периодом интенсивной концентрации народа не только на горах, но и в пяти городах. Пророческие призывы обращались к верующим, ссылаясь на Библию: «В Чехии не должно остаться ничего, кроме пяти городов: первый город Пльзень, названный ими Городом солнца, Жатец, Лоуны, Клатовы, Сланы, а все другие города, кроме этих пяти, должны быть, как Содом и Гоморра, истреблены огнем, дабы все бежали на горы»¹. К числу избранных городов иногда относили и Писек, где 20 августа 1419 года народ (*regis conspiciens populum*) напал на доминиканский монастырь и разгромил его². Эти места были не случайно сделаны центром сосредоточения революционного народа. Изучение карт городов (см. карту № 2), в которых накануне 1419 года происходили народные волнения, доказывает, что повсюду речь шла именно о тех городах, в которых проповедники уже и ранее возглавляли вооруженную борьбу народа. Длительная революционная подготовка создала предпосылки к тому, чтобы в Пльзень, Писек, Клатовы, Сланы, Жатец и Лоуны сходились не только жители городов, но и крестьяне окрестных деревень. Избрание «пяти городов» было такой же попыткой сконцентрировать революционные массы, как и паломничество на горы. Изучение расположения «пяти городов» и гор, на которых собирались паломники, приводит к единственно возможному выводу: к паломничеству на горы прибегали для концентрации народа там, где нельзя было рассчитывать на поддержку и симпатию со стороны близлежащих

¹ *Staré letopisy*, ed. Šimek, str. 27; FRB, V, str. 355.

² FRB, V, стр. 347. Магистр Якоубек из Стржибра в ответе магистру Ичину (примерно в ноябре 1419 года—см. приложение IV, § II) ясно называет Писек тотчас после Пльзеня «*salus alicui, quod in Pzla vel in Pieska moratur*» (J. G o l l, *Quellen*, II, str. 58); в гуситской молитве «*ořčenáš*» перечисляются как центры гуситов, помимо Праги, следующие города: Пльзень, Писек (*Pieczygt*), Клатовы, Жатец и Кадань (*Caden*, возможно, что в последнем случае текст искажен, ибо нигде в других источниках нет сведений о сосредоточении гуситов в Кадани). (A. V e r n t, *Ein deutsches Hussiten—pater-poster aus dem Stifte Hohenfurt*, MVGDV, XXXIX, 1901, s. 320.) Наоборот, в 1419 году Кадань упоминается в «*Anonyma de origine Taborigarum*» (K. H ö f l e r, I, str. 529) в числе антигуситских городов.

городов; там же, где бюргерство и городская беднота поднимались против церковной иерархии и ставили под угрозу позиции патрициата, не было нужды уходить «на горы», так как и крестьяне могли стекаться в город (карта № 3)¹.

Расположение мест паломничества и то, как проходили первые собрания на горах, свидетельствуют, в частности, о том, что широкие народные массы сосредоточивались и организовывались сначала в отдельных краях, рассеянных почти по всей Чехии. Большой приток на Табор паломников из самых отдаленных областей говорит о том, что был установлен контакт с самыми отдаленными местами. Вероятно, начало такой связи между отдельными областными центрами положили проповедники и мелкие земаны. Но для того чтобы подготовить решающий удар, необходимо было объединить крестьян и мелких горожан отдельных краев с пражским населением. Паломников, уходивших в горы, в отдельных областях надо было сплотить в единый обширный революционный отряд.

Начиная с 22 июля 1419 года, после того, как гора Табор стала местом сбора тысяч паломников, эти сходки были временно прекращены—видимо, вследствие того, что наступил период жатвы. Однако совсем от них не отказались. В августе известие о кончине короля Вацлава IV разнеслось по всей стране; оно означало, что близится предсказанный в Библии конец света и наступление царства Христова. В тот же период, вероятно, было решено предпринять новое большое паломничество—на этот раз в центре Чехии.

Народ в южной Чехии собрался вновь на Бзи Горе, и отсюда ко всему чешскому народу полетели призывы явиться 30 сентября 1419 года к Кржижкам у Ладви на «великое паломничество»². Этот анонимный манифест был

¹ Интересно, что ни один исследователь до сих пор не поставил вопрос об отношении паломничества на горы к появлению «пяти городов». Это объясняется тем, что паломничества на горы воспринимались как проявление чисто религиозного массового экстаза.

² Тот факт, что в нашем распоряжении имеется только манифест паломников на Бзи Гору от 17 сентября 1419 года (AC, III, str. 205—206) и нет такого документа с горы Табор, я могу объяснить только тем, что он был издан и позднее утерян, или (и это вероятнее) тем, что паломничества на гору Табор уже не совершались. Возможно, тут вмешались феодалы и разогнали паломников с горы Табор; в пользу такой догадки свидетельствует тот факт, что после июля 1419 года гора Табор нигде не упоминается; название ее сохраняется лишь в том, что паломников продолжают называть таборитами. Об установлении местоположения Бзи Горы см. прим. 1 на стр. 312.

подписан: «Община на Бзи Горе, собравшаяся в уповании на Иисуса Христа». Характерно, что в манифесте использовано понятие «община»; насколько мне известно, это понятие впервые применено не к городу, где этим словом в догуситский период обозначали все городские имущие слои. В данном случае понятие «община» имеет более широкий смысл, вероятно, аналогичный нашему понятию «народ». Община призвала собраться на горе «у Кржижек в стороне от бенешевской дороги, на горе, что находится за Ладвью, по пути в Прагу». Программой этого паломничества должно было стать требование «единения в борьбе за свободу, за закон божий», а также соглашение о том, чтобы «обиды и явные и пагубные несправедливости прекратить и уничтожить с помощью господ бога, короля, панов, рыцарей и паншей и всей общины христианской». Христианская община—то есть самые широкие народные слои—выступает в этом манифесте, изданном на Бзи Горе, в качестве равноправных партнеров или во всяком случае союзников панов и рыцарей. Впервые в нашей истории сельский люд заявил о своем намерении выступить против всех общественных несправедливостей бок о бок с высшим и низшим дворянством, которое, согласно феодальным представлениям, одно имело право носить меч. Крестьяне рассчитывали в то время на помощь «верных» и «христианских» дворян; они стремились вступить с ними в союз для борьбы против общего врага и крупнейшего феодала—церкви¹.

Паломники, собравшиеся на Бзи Горе, понимали, что противник слишком силен для того, чтобы против него можно было выступить, не объединившись предварительно и не сплотив всех сил. Создание прочного единства—вот первая предпосылка успешной борьбы. «А посему просим

¹ Чисто снобистское толкование этого манифеста встречаем мы у Пекаржа (P e k a ř, Žižka, I, str. 175); Пекарж воспользовался тем фактом, что в манифесте крестьяне названы рядом с панами и рыцарями, для того, чтобы вывести заключение, будто Табор не имел ничего общего с «демократизмом», так как там-де признавались господу. Но он забыл, что: 1) это документ, составленный крестьянами в сентябре 1419 года, когда не была еще поколеблена вера простых людей в то, что крупнейший феодал—церковь—будет исправлен общими усилиями всех верующих (через полгода уже стало ясно, что эту задачу могут взять на себя только сельская и городская беднота в союзе с бюргерской оппозицией); 2) Пекарж забыл, что до сих пор никто еще никогда в Чехии не отваживался ставить «общину» рядом с правящим классом.

у милого господа бога даровать всем единую волю, дабы были у всех один закон, одна вера, одно сердце и одна душа...»¹ Против церкви, которая отвратилась от лучезарного примера бедной христовой церкви, следовало выступить по примеру ветхозаветных воинов, о подвигах которых говорилось в проповеди: «О сыновья, будьте ныне усердными почитателями закона и отдайте жизнь вашу за учение отцов ваших и помните деяния, которые они совершали в своем поколении...» Это открытый призыв к бою по примеру самоотверженных библейских борцов за справедливость, за божий закон. Подобно тому как Желивский, который со своей пражской кафедры непрестанно подбодрял бедняков, так и эта анонимная листовка укрепляла дух сельского населения. Бог никогда не покидал своих верных и всегда даровал победу ветхозаветным борцам. «А посему, милые сыновья,—обращается листовка к собравшемуся народу,—укрепитесь душой и мужественно действуйте согласно закону, ибо, когда вы совершите, что вам приказано законом господа бога вашего, славными вас почтут»². Эти и им подобные прямые призывы к бою разлетались во все концы Чехии и обостряли всеобщее напряжение.

30 сентября 1419 года тысячи паломников из южной и западной Чехии и из других областей сошлись на горе Кржижек—возвышенности возле нынешней деревни Сулице³, у дороги, ведущей из Бенешова в Прагу. Мы не располагаем подробными сведениями о паломниках из южной Чехии, так называемых таборитах, зато нам известно, что людей, пришедших из западной Чехии, организовал пльзенский проповедник Вацлав Коранда, который не покаялся, как этого требовали пражские университетские магистры⁴, а продолжал всеми силами бороться против несправедливого

¹ АС, III, str. 205.

² Там же, стр. 206.

³ В датировании этого паломничества я соглашаюсь с В. В. Томеком (V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, IV, str. 10); воззвание (АС, III, str. 206) ясно указывает на 30 сентября 1419 года (день св. Иеронима); «Staré letopisy» (ed. J. Charvát, str. 45) приурочивают это паломничество ко дню св. Михаила (29 сентября); К. Хёфлер (K. Höfler, I, str. 59): «суббота пришла на 30 сентября, а это был день св. Иеронима»; Пекарж (J. P e k a ř, Žižka, III, str. 26) относит это событие к 29—30 сентября. В XIV веке Сулице была крепостью, принадлежавшей роду низшего дворянства (A. Se d l á ě k, str. 849).

⁴ См. стр. 284.

общественного устройства. Недаром город Пльзень назывался в хилиастических воззваниях Городом солнца. Здесь в 1419 году под руководством Коранды возник передовой центр революционного движения. По предсказаниям Коранды, старый общественный порядок был накануне гибели, приближался день последнего суда: «К тому же священник Коранда проповедовал в Пльзене, что в некий день восстанут все покойники, лежавшие навзничь, и в Пльзене будет больше домов, нежели останется в живых злых людей!»¹ Заметим, что проповеди Коранды призывали всех обездоленных в этом несправедливом мире, всех угнетаемых антихристом уйти от злых, обреченных на гибель и спастись в Пльзене для вечной жизни. Вацлав Коранда всеми средствами выказывал свое отвращение к тогдашнему порядку; он не почитал ни книг, ни библии, ибо вся эта «наука» служила исключительно тому, чтобы маскировать гнет и эксплуатацию. Неумудренными наукой, нищие духом, простые люди смело могут смотреть навстречу многообещающему будущему. В сиянии Христа, сошедшего на землю, все будут озарены мудростью его, и книги будут не нужны. «Один из них, по имени Коранда, ясно проповедовал в Пльзене, что избранныкам Божиим, оставшимся после этих событий, не нужно будет никаких книг, ибо бог всех сделает учеными. Тот же Коранда в неверии своем, проповедуя там же в Пльзене, говорил, что вот эту Библию, которая, мол, стоит много коп, он заложил бы у лавочницы за три галера и не подумал бы ее выкупать»². Коранда, который доводил критику церкви до таких крайностей, всю силу веры своей вложил в простой народ. За пльзеньским революционером готова была ринуться в бой не только пльзеньская беднота и мелкие горожане, но и окрестные крестьяне. В сентябре 1419 года «великое множество»³ народу под руководством Коранды двинулось из Пльзеньского края, из Города солнца. Во главе шла процессия с поднятой хоругвью. Паломникам не удалось пройти спокойно то стокилометровое расстояние, которое отделяло Пльзень от Кржижек. Рокицанские горожане—вероятно, из чувства давней вражды

¹ M. Jan Příbram, *Život kněží tábořských*, čl. 16 (Ktož jsú boží bojovníci, str. 266).

² Там же, čl. 61, 62 (Ktož jsú boží bojovníci, str. 275—276).

³ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 45: «с процессией весьма большой» и «с толпой великой».

к жителям Пльзенья—с оружием в руках преградили навигующейся толпе дорогу в свой город⁴. На этот раз схватка была предотвращена. Главной задачей было соединиться с паломниками из других областей.

На Кржижках произошла блестящая демонстрация единства всего сельского населения. Многочисленные группы пражан встретились здесь с крестьянами⁵. Мы не знаем, какие именно пражане приходили на Кржижек, но на основании проповедей Желивского можно сделать вывод, что то были главным образом городская беднота и мелкие горожане. Ян Желивский, глашатай пражской бедноты, в проповедях своих стал на сторону паломников. Христос проповедовал повсюду, в том числе и на холмах, «ныне же некоторые хотят запретить проповедь на горах»⁶. Богатые горожане, наоборот, были против паломничества, как это доказывают проповеди магистра Якоубека из Стржибра: «Как дочери Лота, думая, что погибнет мир, обманули отца, так и в Праге звучал кощунственный клич: скорее уходите из Праги, ибо только на горах обретете спасение и освобождение»,—говорил Якоубек, вспоминая события 1419 года⁴. В осуждении паломничества Якоубеком нашло свое отражение отношение пражского бюргерства к действиям крестьянской бедноты. Паломничество на Кржижках было, пожалуй, первым объединением революционных сил крестьянства и жителей Праги. Целью этого огромного стечения народа был отнюдь не захват Кунратицкой крепости, как это думали церковники и феодалы⁵,—народ собрался для того, чтобы объединить, сплотить революционные силы, без чего нельзя было начать наступление. В проповедях снова приходилось прежде всего подчеркивать необходимость единства, дружбы и взаимной любви, нужной для того, чтобы смело следовать христовой правде; необходимо было также выдвинуть

¹ Staré letopisy, str. 45.

² FRB, V, str. 347—348; «multitudo magna populi sexus utriusque de Praha et diversis regni partibus»; Staré letopisy, ed. Charvát, str. 45: «Шли люди из разных городов и деревень, но больше всего народу вышло и вышло из Праги...» На основании таких весьма общих и неточных сведений нельзя, конечно, делать вывод о городском характере гуситского войска, как это делает Конрад (K. Konrád, *Svoboda a zbraně*, Praha, 1949, str. 96).

³ ČČH, IX, 1903, str. 200.

⁴ J. A. Koubek ze Strižbra, *Výklad na Zjevení sv. Jana*, I, ed. Šimek, str. 528.

⁵ Anonymus de origine Taboritarum, K. Höfler, I, str. 530.

символ объединения всех, кто выступает против церкви: таким символом стала чаша¹. Паломники поняли, что они не одиноки в своих страданиях, что во всех областях Чехии, равно как и в Праге, люди придерживаются одинакового мнения о дурных церковных и общественных порядках, и, «увидя свою многочисленность, обрели отвагу к любому действию»².

Здесь на Кржижках дело не дошло еще до открытого формирования боевых отрядов, хотя, возможно, Вацлав Коранда уже тут призывал: «Братья! Знайте, что виноград зацвел, но козлы хотят пожрать его; посеваю ходите не с посохами, но с оружием!»³ Священная обязанность решительными мерами очистить общество и церковь от паразитов и вредителей казалась паломникам все более настоятельной. Характерно, что люди, руководимые неизвестными священниками (упоминается лишь Вацлав Коранда) и мелкими дворянами (названо имя неизвестного паноша Завиша), перед тем, как уйти с Кржижек, полностью возместили ущерб крестьянину, поле которого они вытоптали. Заплатив, они продемонстрировали тем самым свое отношение к сельскому люду. Панош Завиш «собрал много денег и отдал их тому селянину, которому принадлежали посевы»⁴. Еще до того как разойтись, паломники уговорились, что в следующий раз они все соберутся в Праге. Священники сообщили народу, что собраться следует в день св. Людмилы накануне св. Мартина (10 ноября 1419 г.) «в сердце осиротевшего королевства, в матери городов чешских—Праге».

Если внимательно проследить за развитием этого паломнического движения, если проследить места сосредоточения паломников—сначала собиравшихся в окраинных областях Чехии, а затем в центре страны и, наконец, на Кржижках,—то мы приходим к выводу, что в ноябре 1419 года в Праге должен был завершиться этап концентрации революционных

¹ FRB, V, str. 348: *predicacionibus variis ad se in deo diligendum et Christi veritatem viriliter prosequendum.*

² E. S y l v i u s, *Historie česká, přel. J. Vičar, str. 93*; по сведениям Энея, на Кржижках собралось более 40 тысяч еретиков.

³ *Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 46*; о призыве Коранды сообщает лишь рукопись I со следующим добавлением: «И тут повозки построили, и Жижка стал гетманом», что, конечно, не соответствует истине. В рукописи E—LN сказано, что эти слова Коранды произнес лишь тогда, когда пльзенцы двинулись на Прагу (примерно в октябре 1419 года).

⁴ *Staré letopisy, ed. Charvát, str. 45.*

сил. С весны до осени 1419 года продолжался трудный процесс объединения революционных масс. Теперь решающим был вопрос: как к этим попыткам объединения отнесутся пражские бюргеры и коншелы.

* * *

После 30 июля 1419 года новоместская ратуша недолго оставалась в руках бедноты. Непосредственно после дефестрации было выпущено воззвание к имущим горожанам и к челяди явиться к ратуше вооруженными. Часть богатых бюргеров и патрициев уже тогда, из страха перед революционным народом, бежала из города, и созданная община (то есть весь народ) избрала из своей среды четырех гетманов, которые должны были управлять городом вплоть до избрания постоянных коншелов¹. Днем и ночью ратушу охраняли вооруженные люди. Советники короля Вацлава, приверженцы гуситских идей, и староместские коншелы, которые предложили свои услуги для посредничества между новоместской общиной и королем, старались смягчить гнев против мятежников. Община избрала новых коншелов, и король утвердил их. Новые коншелы, по происхождению ремесленники, вероятно, уже и ранее проявили свое отрицательное отношение к церкви и патрициату². Однако и после этого перемирия, происшедшего в первые дни августа, Вацлав IV не успокоился. Впрочем, через две недели, во время своего пребывания в замке у Кунратиц, король умер от апоплексического удара (16 августа 1419 года).

А 17 августа улицы в Старом и Новом Месте, а также Малой Стране в Праге заполнили толпы народа. Смерть короля казалась им знаменем, повелевающим перейти к действиям. Эта смерть была для народа доказательством того, что нападки Желивского на короля были справедливы. Бог, взирая с небес на восставший народ, венчает победой все его действия. Беднота³—«община разъяренная, коей некого было бояться»⁴,—бросилась на монастыри, на дома богатых бюргеров, на католические храмы. Революционная волна переклестнула через головы бюргерства и коншелов. Бургомистр

¹ FRB, V, str. 345—346.

² V. V. T o m e k, *Dějepis města Prahy, III, str. 639 n.*; бургомистром был избран и утвержден мясник Петр Кус, избране которого 19 января 1417 года не было утверждено королем.

³ FRB, V, str. 347: «quidam ex populo communi seu vulgo».

⁴ *Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 44.*

Старого Места Праги Ян Брадатый, не видя иной возможности остановить яростные атаки бедноты, открыто встал на сторону духовенства. Коншелы также заступились за монахов картезианского монастыря, находившегося за Уездскими воротами; разъяренная толпа при свете факелов заставила этих монахов пройти в позорном шествии в город. Картезианский монастырь был разгромлен и сожжен; были разгромлены и другие монастыри и дома богачей. Отчаянные вопли монахов сопровождали внезапное нападение оборванной и голодной бедноты, которая пришла, чтобы осуществить справедливый суд над своими мучителями. Бессильная злоба духовенства выразилась в следующих стихах, автором которых был, вероятно, один из картезианских монахов:

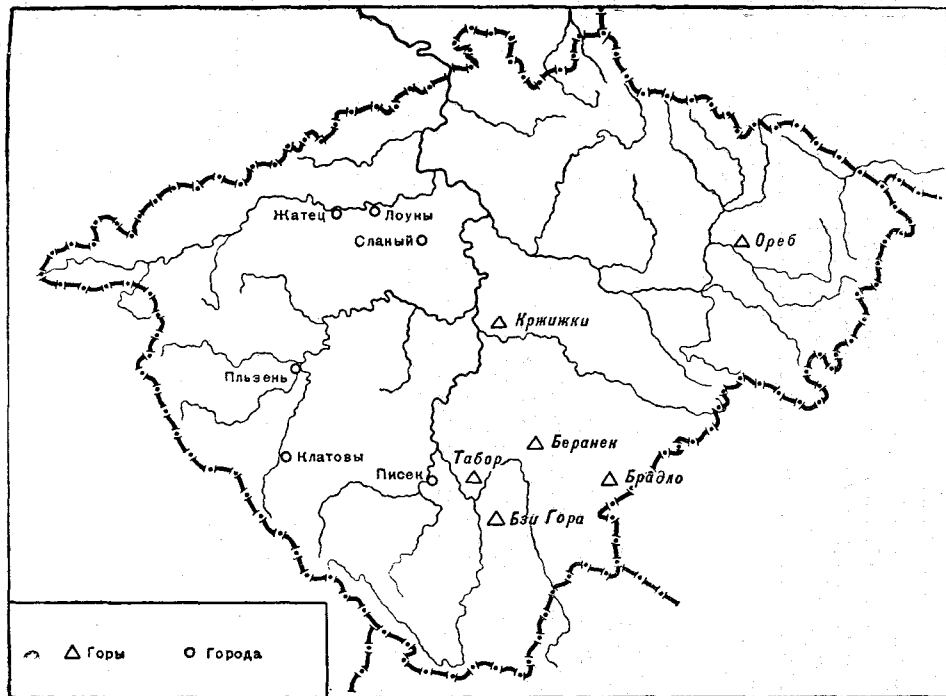
Знай, что гуситы вытворяют—
Монахов жгут и убивают...
Раскол в христианский мир внесли,
Ограбили монастыри...
А Табор? Что творится там
Неведомо, о боже, нам!¹

Восставшую пражскую бедноту здесь ставят на одну доску с паломниками на гору Табор, которые были самыми опасными врагами для церковной иерархии.

В Праге монахи нашли защиту. Стражники ратуши схватили нескольких мятежников и бросили их в темницу². Однако все было тщетно.

¹ J. Fejfalík, Sitzungsberichte, XXXIX, S. 340 f.

² См. UB, I, 7, Sitzungsberichte der phil.-histor. Classe der kais. Akademie der Wissensch., XXXIX, ed. J. Fejfalík, 1862, s. 335; см. также V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, IV, str. 2 n.; утверждение Пекаржа, будто Жижка был «вожаком разъяренной толпы» (P e k a ř, Žižka, III, str. 18), продиктовано стремлением изобразить Жижку как разбойника и инспиратора всех бесчинств. Пекарж не может понять, что революционный взрыв мог носить стихийный характер, и, стремясь исказить действительность, все время ищет отдельных личностей, идеи которых руководили бы народом. О Жижке как об участнике этих событий молчит основной свидетель, Вавржинец из Бржезовы; «старые летописи» также не упоминают о нем, равно как и анонимная хроника о происхождении таборитов. Собственно только у Бартошека имеется короткое упоминание (FRB, V, str. 591: «Zizka cum suis complicibus»), но именно этот период весьма скудно документирован в хронике Бартошека. Нет ничего удивительного в том, что об участии Жижки говорит Эней Сильвий; ведь это упоминание было частью всех его нападок и клеветнических измышлений, направленных против Жижки.

III. Сосредоточение революционных сил—паломничества на горы и в пять городов

Беднота, сметающая все старое на своем пути, как буря врывалась в храмы, уничтожала там образа, скульптуры, органы—все те богатства, которые свидетельствовали о роскошной жизни церковников. Монастырские сокровищницы были разгромлены, а запасы снеди и питья весьма пригодились изголодавшимся, измученным нуждой беднякам. Пылающие костры отмечали тот путь, по которому шел к гибели ненавистный порядок. Вооруженный народ заставил выпустить из темницы Староместской ратуши всех узников, а 19 августа разгромил и поджег пражские публичные дома. «И такая великая буря была в Праге, что каноники, монахи, купцы и богатые горожане во множестве бежали из Праги и увозили с собой имущество, другие же бежали в замок св. Вацлава и на Вышеград»¹. В августе 1419 года новоместская беднота, проникнув на улицы Старого Места, зажгла и там пожар восстания. Часть коншелов Старого Места Пражского была смещена и заменена другими. Прага вышла из-под власти подкомория и захватила власть над остальными королевскими городами².

Уже августовские уличные бои показали, что бюргеры были вынуждены пойти на радикальные меры только под натиском бедноты. Если они не хотели, чтобы революционная волна перехлестнула через ратушу, им надо было из соображений тактических подчиниться требованиям народа. По мнению староместского бюргерства, наилучшим средством к тому, чтобы усмирить волны революции, было пригласить на чешский королевский престол венгерского короля Сигизмунда.

Поэтому староместское бюргерство присоединилось к постановлению панского сейма (это произошло, вероятно, в конце августа или в начале сентября), а также к тем грамотам, которые были посланы «нашему новому королю и милостивому господину»³. В этих грамотах, которые Сигизмунд

должен был утвердить, явственно сказались классовые интересы «гуситского» панства и богатого бюргерства. Утверждая, что в этих грамотах отразилась «позиция, занимаемая большинством населения страны»¹, Пекарж преследовал одну единственную цель: «доказать», что большинство населения страны было против революции, что лишь кучка «фантастов» погнала чернь «в революцию». Основные требования панов и пражского бюргерства были направлены против общего врага—церкви. Естественно поэтому, что ряд статей в этих грамотах был направлен против некоторых католических догматов. Однако это не были «религиозные требования», как об этом пишет Пекарж², пытаясь извратить действительность. Сквозь религиозный покров слишком уж ясно проглядывали материальные интересы светских феодалов и бюргерства. Если в пятой статье содержится требование, «чтобы священники по праву светскому не владели землей и данями и людьми»³, то это фактически было требованием секуляризации церковного имущества, на которое паны уже давно точили зубы. Статья, гласящая, чтобы «нигде в королевстве Чешском ни одно духовное лицо не занимало светской должности», также требовала отстранения главным образом церковных феодалов от светских должностей. Символом этого всеобщего наступления на церковь служила для панов и бюргерства чаша, признания которой они требовали. Сигизмунд должен был разрешить «свободу закона божьего и слова его, а в особенности свободу причастия телом божьим и кровью божьей», и добиться того, чтобы папа разрешил чехам причастие под обоими видами. Относительно этого вопроса король, «паны, земаны и архиепископ и капитулы, равно и вся община» должны были написать послание папе. Должны были быть прекращены злоупотребления продажной церкви, «и никто в стране не имел права называть еретиками ни магистра Гуса, ни магистра Иеронима», ибо это снова вызовет «раздоры меж людьми». Это добавление чрезвычайно характерно для отношения панства и староместского бюргерства к идеям Гуса и к программе реформ. Вместо коренной перестройки об-

союз. Бартош вообще не считался с анализом статей, которые носят ясный феодальный, а частично городской пражский характер; о городском союзе же вообще не может быть и речи.

¹ J. Pekař, Žižka, III, str. 19.

² Там же.

³ АС, III, 207; отсюда же и следующие цитаты.

¹ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 44.

² V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, IV, str. 8.

³ Первоначальная редакция панских статей сохранилась у Виндека (Altmann, str. 121 n.); я согласен с Пекаржем (Pekař, Žižka, IV, str. 16), что чешская редакция (АС, III, str. 206 n.), включающая некоторые статьи, связанные с годом, является городской редакцией постановления сейма. Наиболее новую оценку дал этим статьям Бартош (F. M. Bartoš, Prvý sněm husitské revoluce, JSH, XX, 1951, str. 81 n.). Чисто гипотетически, без доказательств, говорит Ф. М. Бартош о том, что тогда собрался городской

щества и церкви они ограничивались секуляризацией церковного имущества, устранением конкуренции со стороны церковных феодалов на поприще светской деятельности и признанием чаши, которая была всего-навсего безобидным символом; память Гуса они чтити лишь потому, что иначе могли возникнуть «раздоры меж людьми»¹.

Кроме этих основных, направленных против церкви статей, в грамотах содержались и те требования, которые пань предъявили самому королю. Известно, что серьезной угрозой имуществу панов в догуситский период было право короля на выморочное имущество², поэтому было выдвинуто требование, чтобы «королевская милость не изволила брать себе выморочное имущество в стране». Совершенно так же и статья относительно земского суда и королевской казны преследовала главным образом интересы панов; Сигизмунд должен был распоряжаться королевской казной «для земского блага» и только совместно с «панским советом». Характерна и другая статья, сильно окрашенная националистическим духом. Иностранцам не должно было доверять посты в официальных учреждениях, «должности либо оброки земские». Эта статья была продиктована отнюдь не патриотическим энтузиазмом панства, но опять-таки только опасением конкуренции со стороны иностранцев. Университетские магистры, выразители интересов «гуситского» панства и староместского бюргерства, тоже не были забыты: одна из статей требовала устранить вмешательство церкви в университетскую практику присвоения званий магистров. Университетские магистры хотели к тому же стать главными арбитрами в религиозных вопросах и в определении еретических заблуждений.

Классовые интересы староместского бюргерства проявились не только в тексте грамот, но и в особых дополнениях к ним. Церковная иерархия была врагом также и староместского бюргерства. И в Праге богатство церкви наводило на мысли о секуляризации, а требование отмены всех поборов и рент, уплывающих из карманов староместских горожан в руки духовенства, касалось прежде всего Праги³. В дополнениях к грамотам староместские горожане совершенно недвусмысленно показали, что их единственным и решающим

побуждением было обеспечить за собой прибыль, которую они до этого получали. «Дабы изгнанные королем Вацлавом из страны или из города не были вновь возвращены», «и чтобы его королевская милость не поминала злом все совершенное общиной в городе».

«Чтобы его королевская милость также одобрила и утвердила все, что предприняли, решили и приказали коншелы после смерти короля Вацлава, поскольку это направлено на благо общины сей страны или сего города и отнюдь не противно чести его королевской милости и правам короля». Изгнание представителей духовенства и немецких патрициев, чье имущество оказалось в руках коншелов, переход ратуши из рук патрициата в руки бюргерства, его участие в земском сейме наряду с панями — вот в общих чертах сущность происшедших изменений. Националистический тон бюргерских требований объясняется его борьбой против немецкого патрициата: «Дабы в городах немцев не сажали на должности, которые могли бы занимать чехи, и чтобы суды и жалобы вершились в Чехии на языке чешском и чехи имели бы первый голос во всем королевстве и во всех городах». Этот выпад против немцев понятен, если иметь в виду, что представители чешского бюргерства стремились везде занять места немецких патрициев.

Одним словом, «статьи, поданные общиной королевства Чешского королю Сигизмунду перед его прибытием в страну», выражали классовые интересы гуситского панства и староместского бюргерства, которых общий враг — церковь — объединил в единый блок. И хотя требования эти были классово ограничены, все же их принятие нанесло бы сильный удар старому порядку. Эти требования стали основной программой антицерковной коалиции. С другой стороны, однако, столь явно дворянско-бюргерской программой было невозможно привлечь революционные силы, бедноту и мелкое ремесленничество, чьи интересы собственно не защищала ни одна из ее статей.

Поэтому беднота Праги, чьи интересы не были удовлетворены, не успокаивалась и продолжала волноваться. 1 сентября 1419 года народ напал на монастыри св. Франтишка и св. Духа в Старом Месте Пражском и разгромил их. И на этот раз бургомистр Ян Брадатый взял монахинь под свою защиту¹. В конце сентября положение бедноты на не-

¹ В переводе Виндека говорится: «wann geschehe das, so wurde gross krieg under dem volg».

² См. стр. 170.

³ См. стр. 139 и сл. В. Мендл, SPDMP, V, стр. 3 н.

¹ V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, IV, str. 10.

которое время улучшилось: однажды ночью при свете факелов и под торжественный звон колоколов в Прагу вступили паломники, пришедшие с Кржижков. Их расселили в Новом Месте Пражском у св. Амвросия¹. «Расположившись на площади, они потребовали, чтобы городские власти предоставили им пищу. Коншелы выдали им питание за счет города из страха перед народом, который сочувствовал пришедшим»². Эней Сильвий ясно выразил различие в отношении пражской бедноты и бюргерства к паломникам: бюргерство боялось их, беднота видела в них своих союзников.

Революционный энтузиазм, который отличал пришедших в Прагу крестьян-повстанцев, сказался в ближайшие же дни. Несмотря на то, что у паломников не было непосредственного плана боевых действий (они шли в Прагу через Вышеград и оставили этот замок в руках прежнего гарнизона)³, они, тем не менее, возглавили повстанцев, восставших против церковной иерархии в Праге. Особенно пострадали храмы св. Михаила в Старом Месте Пражском, где, как мы знаем, приходским священником был магистр Кржиштян, известный противник народной ереси⁴. В храмах народ срывал образа и уничтожал предметы роскоши, против которых проповедники восставали как против символа разложения церкви. Коншелы, опасаясь беспорядков, всеми силами старались изгнать из города незваных гостей. Они заключили перемирие с королевским гарнизоном на Градчанах и Вышеграде и принудили крестьянские толпы покинуть Прагу⁵.

Возрастающая активность революционного народа заставила и тех панов, которые были сторонниками учения Гуса, объединиться для борьбы против грозящей опасности. Приблизительно в первых днях октября 1419 года паны Ченек из Вартемберка, верховный пражский правитель Ян Михалец из Михаловиц, Алеш по прозвищу Шкопек из Дубы, Индржих из Вартемберка, Викторин из Кунштата

у Падебрад и южночешский пан Ольдржих из Рожмберка поклялись вдове Вацлава IV королеве Софии защищать «права и порядок земский», то есть феодальный строй¹. К этому контрреволюционному союзу 6 октября 1419 года присоединилось и Старое Место Пражское². Староместское бюргерство совершенно ясно показало, что оно не собирается вступать в открытую борьбу ради удовлетворения своих умеренных требований. Создание этого первого панского блока, который в различные периоды и в различных формах будет представлять собой в дальнейшем ходе революционного движения грозную опасность для революционной программы, было вызвано страхом перед революционными массами.

Чешское панство, однако, очень скоро дало понять староместскому бюргерству, каким образом собиралось оно защищать старый порядок. 17 октября 1419 года королева София и гуситские паны во главе с Ченеком из Вартемберка в сотрудничестве с католическим панством, в частности с Вилемом из Хазмбурка и Яном Худобой из Ральска, велели занять весь левый берег Влтавы. Панские наемники заняли Пражский замок, Страгов, монастырь св. Томаша в Малой Стране и подворье архиепископа у малостранского конца Карлова моста³. Вавржинец из Бржезовы мотивировал эти военные меры панов их стремлением с помощью немцев захватить королевскую казну. Возможно и такое толкование, однако правильнее было бы предположить, что паны хотели обеспечить себе твердые позиции, дабы противостоять праж-

¹ Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 12, č. 19. см. также АС, III, str. 208.

² UB, I, str. 2, č. 4. Ф. М. Бартош не заметил реакционного оттенка всего союза и дал себя сбить с толку упоминанием о соединении с деревнями и их управлениями, что было чисто формальным дополнением без какого-либо конкретного значения, видимо, вызванным соблюдением обычной формы. Объединение с католическим панством является уже само по себе достаточным доказательством изменнического поведения пражского бюргерства (Ф. М. Бартош, Do čtyř artykulů, 1940, str. 51—52). Подобно этому Бартош повторяет свое утверждение в статье «Prvů sněm husitské revoluce» (JSH, XX, 1951, str. 81 n.), не учитывая при этом феодальную сущность союза и не называя ни одного города, кроме Праги!

³ FRB, V, str. 348; Й. Пекарж весьма знаменательно искажил события, изображая это наступление панов как «введение новых гарнизонов» (J. P e k a ř, Žižka, III, str. 27), ставя его в связь с позднейшими наступательными действиями новоместских горожан. Здесь явно проявляются симпатии Пекаржа к контрреволюционным силам.

¹ FRB, V, str. 347.

² E. Sylvius, Historie česká, přel. J. Vičar, str. 93.

³ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 45.

⁴ См. стр. 282, Documenta, str. 633.

⁵ FRB, V, str. 348: «senioribus treugas pacis... firmantibus», «Seniores» я перевожу «коншелы». Бартош (Ф. М. Бартош, Do čtyř artykulů, 1940, str. 52) по ошибке отнес к уходу паломников на горы из Праги цитату из Вавржинца (FRB, V, str. 351), которая на самом деле относится к ноябрьскому уходу таборитов из Праги. Тогда пострадали не дома горожан, а главным образом монастыри и храмы.

скому бюргерству: они понимали, что не могли рассчитывать на него как на верного союзника. Разногласия между гуситским и католическим дворянством были немедленно забыты. В трогательном единении Ченек из Вертемберка, этот «особенно ревностный чашник»¹, стоял плечом к плечу с ярым католиком Вилемом из Хазмбурка в борьбе против классового врага и в погоне за сокровищами. Классовые интересы гуситских феодалов в октябре 1419 года проявились уже совершенно ясно.

Дело в том, что к этому времени положение коренным образом изменилось. Если еще весной и летом на те собрания народа, которые происходили в горах, и на агитацию гуситских священников можно было смотреть с усмешкой, то теперь, после июльской дефенестрации, после августовского восстания и паломничества на Кржижки многие феодалы поняли, какое пламя может разгореться из искры, которую они волей-неволей сами раздували. Конечно, было очень заманчиво и удобно захватить церковные владения под предлогом их охраны, как это делали католики, или секуляризации—как это делали гуситы, но ослабление главной опоры феодализма—церкви—могло иметь опасные последствия. «Не было ни одного среди панов, захвативших владения церкви,—писал эмигрант-католик Ондржей из Брода,—которые не боялись бы непрестанно, как бы все, что имеют, не было у них отнято рукой преступных насильников или в результате измены собственной челяди. Какие расходы, сколько истратили они без пользы денег на конных ратников, какой понесли ущерб!.. Тот, кто ранее для обороны своей твердыни довольствовался шестью-восемью воинами, которым платил очень мало или вовсе не платил, теперь вынужден держать за высокую плату гарнизон, численно в два-три раза превосходящий прежний. И тот, кто ранее не боялся даже чужеземцев, теперь боится своих друзей и даже собственной челяди»². Как не вспомнить, например, при чтении этих слов, принадлежащих автору-католику, ненадежную челядь панов из Рожмберка, которая выдала таборитам имущество своих господ?³ Как не вспомнить, сколь тяжело приходилось карлштейнским каштелянам, если для того, чтобы платить своим воинам, они вынуждены

¹ J. P e k a ř, Žižka, III, str. 25.

² Tractatus de origine Hussitarum, K. H ö f l e r, II, str. 351.

³ См. «Книгу казней» панов Рожмберкских; см. также стр. 410—411 настоящей книги.

были направо и налево распродавать церковные сокровища, хоругви, образа и т. д.?¹ Ондржей из Брода обратил внимание на очень важную черту в позиции чешского панства: жажду присваивать церковное имущество и в то же время страх перед другими феодалами и революционными силами. Столкновения светских феодалов с церковными, разброд и междоусобицы внутри правящего класса неизбежно должны были способствовать развитию революционного движения. Феодалы могли защищать свои эксплуататорские права только решительным и дружным наступлением на эксплуатируемых.

Многие феодалы отдавали себе в этом отчет еще во время паломничества на горы, запрещая своим подданным участвовать в этих собраниях. По мере нарастания революционной волны в течение летних месяцев остальные паны также взялись за оружие, чтобы защищать старый порядок. «И тогда после смерти короля противники правды божией, пан Петр из Конопиштя, Дивучек и другие жестокие злодеи хватили людей на полях, отвозили их в Кутные Горы, продавали их там, придумывали для них различные пытки и бросали в шахты»². Старый летописец в одном потрясающем наступлении панства. Панские стражники по распоряжению сторонников Сигизмунда (Петр из Штернберка и Конопиштя с 1418 года находился на службе у Сигизмунда³, Микеш Дивучек из Емништь позднее выслужил себе у Сигизмунда своим «усердием в истреблении ереси» самое доходное в королевстве место—должность управляющего монетным двором в Кутной Горе⁴) вместе с кутногорским патрициатом в качестве кровавых стражей феодального порядка выступали против крестьян—паломников на горы; они устраивали облавы на крестьян и массами истребляли их. Одна из шахт в Кутной Горе, в которую больше всего было сброшено бунтовщиков⁵, была издевательски названа «Табор». Однако эти жестокие меры, предпринятые панством против нарождающегося революционного движения, не

¹ См. J. P e l i k á n, Účty hradu Karlštejna z let 1423—1434, str. 13 n.

² Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 45.

³ В 1418 году Петр поступил на службу к Сигизмунду за плату 3 тысячи грошей в год (АС, I, str. 147).

⁴ V. V. T o m e k, Dějepis města Prahy, IV, str. 25.

⁵ FRB, V, str. 352.

вырвали «еретических плевел». Они лишь укрепили в народе волю к непримиримому сопротивлению¹.

Постепенный переход панства в лагерь реакции был не только результатом угрозы снизу, со стороны зависимых деревень. После смерти Вацлава со всей стротой встал вопрос о престолонаследии. Чешское панство при Вацлаве, оттесненное с политических позиций королевским советом, с нескрываемой радостью ждало воцарения в Чехии Сигизмунда. Паны хорошо понимали, что король, «отягощенный» тремя королевскими коронами (чешской, германской и венгерской), вынужден будет отдать управление страной в их руки. Король Сигизмунд был хорошо известен и тем, что умело проводил церковную политику. Запугивая церковников угрозой ереси, он открывал все новые и новые источники золота, которое умел расточать². Прекрасную и правдивую характеристику личности Сигизмунда дал К. Маркс в «Хронологических выписках»: «Этот жалкий паразит, тунеядец, попрошайка, кутила, пьяница, шут, трус и фигляр выдал Гуса *епископу Констанцскому*, который отправил его в свой замок *Готтлебен*, где безжалостно велел заковать его в цепи»³. Чешским панам, как гуситам, так и католикам, нужен был именно такой король. Они считали, что полезно было бы возможно раньше выразить ему свои верноподданнические чувства и обеспечить себе тем самым тепленькие и доходные местечки при дворе и в учреждениях. Поэтому еще при жизни Вацлава некоторые паны поступили на службу к Сигизмунду, поэтому они поддерживали его сторонницу

¹ Ф. М. Бартош переоценивает отклик на этот шаг реакции и его значение, связывая именно с ним размах революционного движения (Ф. М. Вагтош, *Do čtyř artykulů*, str. 57). Было, я думаю, достаточно убедительно доказано, что борьба революционных сил подготовлялась еще задолго до 1419 года.

² О Сигизмунде см. Ф. М. Вагтош в JSH, X, 1937, str. 36; см. также Ч. Ли, *История инквизиции*, II, стр. 531, и Ф. М. Вагтош, *Do čtyř pražských artykulů*, 1940, str. 47. То, что говорит об образе Сигизмунда идеолог контрреволюции Й. Пекарж, вызвано его абсолютной приверженностью ко всем реакционным личностям, а также тем, что он некритически воспринимает хроникальные сведения и неверно интерпретирует документы. [Пекарж, например, принимает на веру каждое слово в письме Сигизмунда к Вацлаву IV от 4 декабря 1418 года (Documenta, str. 682), хотя здесь совершенно ясно виден политический маневр.] Для характеристики личности Сигизмунда решающее значение имеют его поступки, а не слова.

³ К. Маркс, *Хронологические выписки*, Архив Маркса и Энгельса, т. VI, стр. 218.

в Чехии—вдову-регентшу Софию и, хотя с некоторыми оговорками, призывали его прибыть в Чехию. Король Сигизмунд нужен был им для того, чтобы силой, сверху подавить революционное движение и тем сохранить существующий порядок.

Несмотря на то что осенью 1419 года чешские феодалы предприняли меры для массового истребления еретиков, агитация, которую простые священники вели в чешских деревнях, продолжалась с меньшей силой. Повидимому, именно в тот период было выпущено анонимное хилиастическое воззвание, адресованное, вероятно, одному из «пяти городов»¹. В этом воззвании прямо говорится: «...вам, совершенным, могущим пользоваться всеми благами»; это, повидимому, должно было означать, что адресаты живут в избранном городе, которому не грозит гибель. В этом документе звучит взволнованный, вдохновенный призыв к действию: «Господь уже стоит в дверях, и разгоревшаяся денница светит ему с востока». Пробил час пришествия Христа, наступления лучшей жизни. Впрочем, нельзя бездейственно ожидать прихода Христа. «Посему будем весьма бдительны, ибо не ведаем часа, когда третий ангел протрубит в трубу. И тотчас солнце засветит, и тучи разойдутся, и тьма отлетит; и потечет кровь из дерева, и станет царствовать тот, кого не ждут пребывающие на земле. И да устрашатся те, кто услышит глас его. А посему будем готовы, дабы, когда придет Господь, пойти с ним на пир свадебный». Как, вероятно, сильно действовали эти призывы на чувства обираемых, страдающих бедняков! В туманных и фантастических образах, насыщенных библейскими иносказаниями, они видели надежду на лучшую жизнь, надежду на избавление от всех бед.

«А кто же готов?» Лишь тот, кто честно следует за проповедниками, «кто живо слушает слова их». И прежде чем наступит царство христово, нужно будет свести счеты со старым порядком. Христос «ниспошлет воинство свое, своих славных ангелов, дабы они вывели всю скверну из владений его. И тогда исчезнет ложь, прекратится несправедливость, уничтожится всякий грех и будет цвести вера, будет произрастать справедливость, умножится добродетель, распространится совершенная любовь и рай отверзется нам». Кто мог более страстно уверовать в эти хилиастические мечты,

¹ См. příl. č. IV, č. 3 (ed. M. Вагтош v SPDMP, V, str. 576).

как не те, кто нес все бремя лжи и несправедливости, как не эксплуатируемые крестьяне и городская беднота! Они не знали, как это произойдет, но твердо верили, что на обломках старого порядка «отверзется рай». Воззвание заканчивалось предостережением противникам Христа. Кто хочет дожидаться падения старого мира, кто хочет увидеть денницу новой жизни, должен верно стоять на стороне хилястических священников. Такой человек не должен считать авторитетом «вещи видимые» (здесь, вероятно, имеются в виду образа, изваяния и т. д., а может быть, и представители власти), ибо поклоняться следует одному только Христу. Как видно, такие хилястические воззвания в корне подрывали авторитет церковников, все их теории о наместничестве Христа на земле и о самих христовых наместниках. Столь же яростно обрушивался автор листовки и на «лгунов, лжепастырей, ибо они и суть тот хвост, который срывает звезды с неба, яко рече Исайя-пророк». Но самое интересное в этом воззвании—это заключение, приписка, сделанная дополнительно: «Именем Божиим напоминаю вам, чтобы грамота сия была возвещена всей общине». Вероятно, автору было очень важно, чтобы с содержанием листовки была ознакомлена вся община, то есть не только коншелы и бюргеры, но и беднота. Ведь вся «программа» касалась главного образом бедноты, которая могла найти в ней удовлетворение своих интересов.

Подобные листовки, несомненно, рассылались во все концы страны. Я полагаю, что они появились накануне самого объединения революционных сил в Праге, то есть до ноября 1419 года. Анализ этих листовок показал, что такая агитация среди простого народа могла вестись только в форме хилястических воззваний. Не случайно, например, существует большое сходство между хилястической листовкой и народными пророчествами догуситского периода. Читатели (или слушатели) оставались прежними: то были крестьяне и городская беднота. Да и авторы были те же: мелкие священники, проповедники, которые, руководствуясь Библией, примерами ветхозаветных пророков, «Откровением св. Иоанна», пытались вывести народ из тьмы узлища антихристового в сияющий свет царства Христова.

За этими проповедниками в начале ноября 1419 года поднялись народные массы южной Чехии. Подходил час полного объединения. Близился праздник св. Людмилы,

день, когда в Праге должны были собраться все «верные». На западе и юго-западе Чехии возникли новые центры движения—города Пльзень, Клатовы, Домажлице и Сушице, куда стекались городские жители и окрестное население¹. Население этих городов еще ранее договорилось собраться в Жинковах², откуда решено было вместе двинуться в путь. Вождем этого похода жителей западной Чехии был, собственно, Вацлав Коранда, по призыву которого паломники пешком пришли в Жинковы не с посохами в руках, а вооруженные и на повозках. Организацией и военными приготовлениями руководил пан Брженек из Швигова, дворянин, обедневший отпрыск побочной ветви панского рода, резиденция которого находилась в замке Доланы (между Клатовы и Швиговом)³. Из Жинков паломники на повозках двинулись в Прагу через Бржезнице и Книин и «все время на каждом ночлеге людей прибывало, так что собралось народу великое множество»⁴. Когда паломники остановились в Книине на ночь, к ним подоспели гонцы от паломников, идущих с юга, с просьбой соединиться с ними уже теперь, так как «им сильно мешают продвигаться сторонники короля»⁵.

Местом сбора южночешских паломников на гору Табор перед походом на Прагу стал Усти Сезимово⁶. Отсюда они, вооруженные, двинулись под руководством неизвестных нам священников и воинов—обедневших дворян Хвала из Маховиц (у Глубокой), иначе именуемого «из Ржепиц», и его брата Кунеша⁷. Скоро стало ясно, что палом-

¹ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 46.

² Жинковы, деревня ныне в районе Бловице, южнее Пльзеня, между Пльзнем, Клатовы, Домажлице и Сушице.

³ A. Sedláček, Hrad, IX, str. 51. Й. Пекарж (J. Pečár, Žižka, III, str. 27) неверно связывает его имя с таборитами; Брженек, правда, пришел в Прагу с южночешскими таборитами (FRB, V, str. 350), но следует все же учитывать, что то были отряды как с запада, так и с юга Чехии. Судя по местоположению родового замка Брженека более правдоподобно, что он боролся рядом с Корандой во главе западночешского люда.

⁴ Staré letopisy, ed. Y. Charvát, str. 46.

⁵ Там же.

⁶ Вавржинец (FRB, V, str. 349), правда, говорит: «qui de Tabor versus Pragam tendendo», но более достоверно, видимо, сообщение «Старых летописей» (стр. 46), где говорится «о тех, что из Усти Сезимова». Но и то и другое сообщения не противоречат друг другу, если понимать их так, что паломники на гору Табор, табориты, двинулись к Праге от Усти Сезимова.

⁷ Вавржинец (FRB, V, str. 350); «Старые летописи» (Staré letopisy, str. 48) упоминают и о Микулаше из Гуси. Сведения, взя-

ники вряд ли доберутся до цели: феодалы готовы были на все, чтобы помешать объединению революционных сил. Вот почему табориты обратились к паломникам Пльзеньского края с просьбой о помощи. Помощь подоспела во-время. Когда табориты приближались к Живгошту, навстречу им вылетел отряд вооруженных всадников, которых вели Петр из Штернберка и Конопишт, Птачек из Ратай, Ян из Хотениц и Влашима, свидницкий гетман Альбрехт из Колдиц и сыновья Михалца из Михаловиц¹—иными словами, паны, состоящие на службе Сигизмунда; в отряде было немало вооруженной городской стражи, высланной на помощь панам из Кутной Горы—ею командовал рихтарж Вацлав Донинский. Табориты были плохо вооружены, к тому же панское войско превосходило их численно. Поэтому отряд, высланный в подкрепление таборитам из Книна на пяти возах, остановился в нерешительности, боясь к ним приблизиться. Послали спешного гонца в Книн с требованием, чтобы все собравшиеся там паломники шли на помощь таборитам.

Панские отряды остановились на холме напротив возвышенности, где табориты приготовились к обороне. Пан Петр дал сигнал к атаке, и всадники врзались в ряды южночешских таборитов, которые не в силах были сдерживать натиска тяжеловооруженных воинов. Часть таборитов была убита, другие сдались на милость панов. Лишь одна группа пробилась к подкреплению, прибывшему из Книна. Паломники укрепились на одном из холмов, возведя каменную ограду, чтобы легче было отражать нападение рыцарского войска. Паны вступили с ним в переговоры, стремясь заставить их сдаться. Тем временем от Книна подошла основная масса паломников и приготовилась к бою под «городскими знаменами»². Когда Петр из Штернберка увидел, что перед ним численно превосходящий неприятель, он прекратил переговоры, велел схватить пленных и увез их в Кутную Гору.

тые у Вавржинца, весьма запутаны. Микулаш должен был быть в Праге, потому что 4 ноября он был во главе повстанцев.

¹ FRB, V, str. 350; «Старые летописи» (Staré letopisy, str. 46) говорят только о Петре из Штернберка, который был, вероятно, главнокомандующим.

² Ход битвы у Живгошта подробно описан в «Старых летописях» (Staré letopisy, str. 46—47).

Так, в общем, безо всякого результата, закончилась первая более или менее крупная битва в ходе гуситского революционного движения. Успех гуситов заключался в том, что здесь впервые в нашей истории типично феодальное войско — закованные в броню всадники — встретилось с народной армией и оказалось не в состоянии сломить ее сопротивление. Интересно, что уже в этом сражении проявились характерные элементы тактики народной гуситской армии. Плохо вооруженные, необученные крестьяне заняли позицию на высоте и ждали атаки неприятеля. Такая оборонительная тактика характерна и для последующих боев. Линию своей обороны крестьяне постарались укрепить каменной стеной, оградой, за которой можно было выждать нападение неприятеля. В будущих сражениях место прочной, неподвижной стены займут подвижные ограды из повозок, которые позволят победоносной армии отражать все атаки.

Паломники радостно отпраздновали бегство королевских наемников. Отслужив торжественную мессу, они похоронили убитых и все вместе направились к Праге. Однако продвигаться приходилось чрезвычайно осторожно, так как паны держали во всех окрестных крепостях и замках сильные гарнизоны и все броды были под охраной. 6 ноября 1419 года перед взорами народных бойцов, наконец, открылся стольный город Прага, в стенах которого должно было произойти окончательное соединение всех революционных сил.

После 17 октября 1419 года, когда гуситские и католические паны заняли все левобережье, пражанам стало ясно, что реакция переходит в контрнаступление. Староместские коншелы были связаны с панами, ибо всего за две недели перед тем они вместе с дворянством обязались защищать и поддерживать регентшу, вдовствующую королеву Софию. И снова Новое Место Пражское первым поднялось против панского союза. 25 октября новоместская община (communitas Nove civitatis)¹ захватила в бою единственный опорный пункт короля Сигизмунда на правом берегу Влтавы—Вышеград. Они изгнали королевский гарнизон и заняли замок. Ян Жижка из Троцнова, состоявший в Вышеградском гарнизоне, а ранее бывший придворным короля Вацлава, перешел на сторону новоместской общины, вместе

¹ FRB, V, str. 348—349.

с которой он сражался уже и раньше¹. Революционная беднота Нового Места зажгла пожар, который вскоре перекинулся и на Старое Место Пражское. Староместская община (то есть мелкие ремесленники и беднота) не были удовлетворены ни действиями панского союза, ни молчанием своих коншелов. В Старом Месте среди народа пламенную агитацию вел священник Амброж из Градца Кралове, одна из самых замечательных личностей гуситского революционного движения². Проповедник Амброж был тем связующим звеном, которое соединяло нарождающееся революционное движение западной, южной и средней Чехии с восточной. Амброж, повидимому, находился тогда в Праге, потому что был изгнан из Градца³ после того, как ему не удалось объединить паломников на гору Ореб с градецкой беднотой. Под влиянием его проповедей и по призыву других проповедников (о Желивском, к нашему удивлению, нет никаких упоминаний) в субботу 4 ноября 1419 года ударили в набат. На звон колоколов народ из Нового и Старого Места начал сбегаться с оружием в руках, ибо до Праги донеслась весть о том, что крестьяне-паломники по пути из южной и западной Чехии подверглись нападению со стороны королевских наемников. Пражский народ стремился пойти на помощь таборитам.

Во главе вооруженного народа встал Микулаш из Гуси, который в то время находился в Праге, видимо, в роли представителя таборитов. Толпы направились к Карлову мосту, чтобы выступить против малостранского гарнизона панского союза⁴. Невзирая на сильную стрельбу, которую открыли королевские наемники из архиепископского двора и с малостранских укреплений, восставшим удалось перейти мост

¹ Это вытекает из единственного, совершенно достоверного в отношении данного вопроса источника: из трудов Вавржинца из Бржезовы. Пекаржу, конечно, снова потребовались доказательства того, что Жижка был вождем этого «мятежного выступления», и потому он обратился к более поздней копии одной из рукописей «Старых летописей», где говорится, что новоместская община вместе с «Яном Жижкой, некогда придворным короля Вацлава», взяла с бою Вышеград (J. P e k a ř, Žižka, III, str. 27, IV, str. 20).

² Разрозненные сведения об Амброже Градецком, к сожалению, не были даже собраны до сих пор. Вавржинец говорит о нем только в связи с ноябрьскими волнениями (FRB, V, str. 349).

³ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 47.

⁴ Описание боев за Малую Страну в наиболее обширном и точном изложении можно найти у очевидца Вавржинца (FRB, V, str. 349 п.).

и ворваться в Малую Страну. Ожесточенный бой длился до сумерек. Панский союз был вынужден отвести свои войска из Малой Страны на Градчаны. Итак, пражский народ торжествовал новую крупную победу. Отдельные стычки происходили и ночью. Набат непрестанно гудел, темноту ночи рассеивало пламя подожженных домов. «И была то ночь печали и страха, рыданий и скорби, подобная судному дню»¹. Несмотря на то, что Сигизмунд согнал сюда значительное количество наемников (говорили, что он платил им по полкопы грошей в неделю²), сила народного натиска стала столь велика, что в замке опасались, как бы пражские повстанцы не напали и на них. В полночь королева София в сопровождении пана Ольдржиха из Рожмберка в страхе покинула Градчаны.

Тем временем на Малой Стране народ делил богатую добычу, оставленную здесь королевскими войсками. «И так пражане, увязав добычу малостранскую, все унесли с бою в Старое и Новое Место»³.

Однако не следовало недооценивать силу королевского гарнизона; к утру королевские наемники сделали вылазку из Града, напали на малостранскую ратушу, захватили книги и казну, подожгли ратушу и соседние дома.

Бой продолжался и в воскресенье 5 ноября 1419 года. Наемники Сигизмунда непрестанно атаковали пражский народ, который снова занял малостранские улицы. В ожесточенных схватках было подожжено еще несколько домов, и в замок были уведены пленники. Причину неуспеха повстанцев нельзя усматривать лишь в том, что отряды наемников Сигизмунда получили подкрепление, или в их лучшем стратегическом положении; видимо, причина крылась и в ослаблении пражских народных отрядов. Большое число горожан, несомненно, удовлетворилось добычей, захваченной в Малой Стране, и не намеревалось продолжать борьбу. К тому же и староместские коншелы заняли позицию, которая не только не способствовала размаху революционного движения, но, наоборот, тормозила его. Политика «золотой середины», колебания между двумя крайностями—таков всегда был главный принцип Староместской ратуши.

¹ Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 48.

² Там же, стр. 47.

³ Там же.

Двойственное поведение пражского бюргерства проявилось после 6 ноября 1419 года, когда в Прагу, приветствуемые народом, вступили крестьянские отряды с юга и запада страны; говоря об этих отрядах, Вавржинец из Бржезовы впервые употребил в хронике общее название «табориты»¹. Их приход снова революционизировал пражскую бедноту и вместе с тем напугал пражское бюргерство. Пражские коншелы, правда, нашли союзников и в некоторых королевских городах², но не желали вступать в борьбу, надеясь на мирное разрешение конфликта. Они все еще были связаны соглашением с панством и с неудовольствием наблюдали за подъемом народного революционного движения. Они боялись его, ибо чувствовали в бедноте своего классового врага. В то же время они опасались и власти Сигизмунда, особенно после того, как 35 панов, более ста рыцарей и паношей и несколько королевских городов (Кутна Гора, Колин, Часлав, Коуржим) под впечатлением ноябрьских революционных бурь объявило войну Праге³. Панский союз снова начал действовать, и пражское бюргерство не хотело порвать с ним. Паны—католики и гуситы—и города, в которых власть удерживали старые патрицианские роды, были уверены, что пражское бюргерство не решится вступить на путь революционной борьбы. Что же касается пражского бюргерства, то, несмотря на все его колебания, несмотря на те требования, которые оно предъявило Сигизмунду, в ноябре 1419 года оно пришло к выводу, что можно будет мирно и спокойно обсудить с Сигизмундом все спорные вопросы. Однако не могло быть и речи о том, что пражская беднота, соединившаяся с крестьянами, согласится на переговоры и примирение. С одной стороны, полыхало пламя революционной борьбы, с другой стороны, открывалась свободная дорога к переговорам и компромиссу. Пражское бюргерство в полном соответствии со своими классовыми интересами выбрало второй путь.

¹ FRB, V, str. 350.

² Мы не знаем, с какими городами была связана Прага. В воззвании Сигизмунда к пражанам (АС, III, str. 209) встречается лишь общее упоминание: «от вашего города и иных городов, стоящих заодно с вами». Не может быть, чтобы к пражскому союзу городов имело отношение упоминание у Н. J e c h t, *Der Oberlausitzer Hussitenkrieg und das Land der Sechsstädte unter Kaiser Sigmund*, I, 1911, S. 18. Здесь скорее имеется в виду воззвание всего сословия.

³ АС, IV, str. 375—377.

План Усти Сезимова по археологическим исследованиям Швеглы.

После 6 ноября начались переговоры с панами. Результатом их явилось соглашение, достигнутое 13 ноября 1419 года о перемирии между королевой Софией, пражским архиепископом Конрадом, литомысльским епископом Яном и панами Ченеком из Вартемберка, Яном из Михаловиц, Алешем из Дубы, Ольдржихом из Рожмберка, Вилемом из Хазмбурка и другими панами, с одной стороны, а с другой стороны—со Старым и Новым Местом Пражским¹. После значительных усилий, приложенных вождями обеих сторон, было установлено перемирие до следующего дня—дня св. Иржи (23 апреля 1420 года)². Пражской ратуше приходилось прилагать немало умения, чтобы маневрировать между двумя лагерями. Условия перемирия никоим образом не могли идти в сравнение с требованиями бедноты. Королева и паны обязались защищать—поскольку это будет в их силах—закон божий, евангелическую правду и, особенно, причащение под двумя видами. За эту уступку, которая фактически лишь очень туманно обеспечивала частичную реформу церковных и общественных порядков, пражане взяли на себя обязательство не допускать никаких насилий и радикальных поступков (уничтожения образов, разрушение храмов и монастырей) и уступили королевской стороне недавно захваченный Вышеград. Нет сомнений в том, что такого рода перемирие предоставляло все выгоды реакции и имело единственной целью задушить революционное движение.

Мы не знаем точно программу городской и сельской бедноты, выдвинутую во время этих переговоров, но нам известны прежние ее требования, поскольку мы уже знакомы с программой хилиастических священников. Беднота, подвергавшаяся самым различным формам эксплуатации, не могла занять ту же позицию, что и пражское бюргерство или дворянство. Священники, которые возвещали падение старого строя и требовали устранения архиепископа, свободных выборов светских властей, а также епископа и священников, которые не должны зависеть от римской

¹ Оригинал соглашения не сохранился, оно известно нам лишь по изложению Вавржинца (FRB, V, str. 350) и частью из немецкой копии (UB, I, str. 11). Имеется упоминание и в «Старых летописях» (Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 48).

² FRB, V, str. 350: «senioribus partis utriusque ad hoc desudantibus».

церкви¹, отнюдь не собирались заключать с реакцией столь позорные соглашения.

Все это привело к разрыву между беднотой и пражским бюргерством, политическую программу которых защищали коншелы. Вместо того чтобы стать центром объединения, Прага превратилась в арену борьбы внутри гуситского лагеря. Страх перед революцией и вера в успешные переговоры с Сигизмундом привели пражское бюргерство к прямой измене революционной программе. Когда табориты отказались признать перемирие, их заставили покинуть Прагу. Перед уходом они разгромили многие дома. Унося с собой чувство разочарования, они ушли от тех, на чью поддержку так надеялись². Так потерпела крах первая попытка превратить Прагу в центр революционных сил. Наоборот, Прага вновь вступила в панский союз, который начал бешеную кампанию по истреблению всех мятежников.

Главным центром революционного движения стала теперь не Прага, а Пльзень, Город солнца, находившийся во власти бедноты, возглавляемой Корандой. Туда укрылась из Праги часть крестьян-таборитов, а с ними и некоторые их пражские сторонники. Вместе с беднотой из Праги в Пльзень ушли тогда и те представители обедневшего низшего дворянства, для которых неприемлемо было примирение с королем Сигизмундом, с церковной иерархией и с панами. Во главе отрядов, ушедших в Город солнца, мы видим упомянутого уже пана Брженека Швиговского, пана Вал-

куна из Адлара¹, Хвала из Маховиц² и Яна Жижку из Троцнова³.

Ян Жижка, который 6 ноября впервые оказался лицом к лицу со своими позднейшими соратниками-таборитами, не был удовлетворен той трусливой и колеблющейся политикой, которую проводила пражская ратуша. Он участвовал в уличных боях за Малую Страну⁴, потому что знал, что за программой реформы церкви и общества, выдвинутой панским союзом, скрываются лишь классовые интересы панства, которое обманывает народ. После заключения перемирия 13 ноября он вместе со многими другими присоединился к вооруженному отряду, направляющемуся из Праги к Пльзеню.

Революционные силы Пльзеня должны были нести дальше знамя борьбы за осуществление программы реформ, отказавшись от компромисса и не делая уступок. Повстанцы заперлись в городе, изгнав «врагов божьей правды» (то есть, вероятно, богатых горожан), и ни за что не соглашались заключить мирный договор с королевой Софией, панами

¹ Седлачек (A. Se d l á č e k, OSN, I, str. 209) считает, что родовый замок пана из Адлара был в Витне (южнее Клатов). Это был опять-таки бедный дворянин.

² Из «Старых летописей» явствует, что Жижка в начале 1420 года послал Хвала из Пльзеня в Табор (Staré letopisy, ed. J. Charvát, str. 49).

³ FRB, V, str. 356.

⁴ Участие Жижки в этих боях нельзя отрицать, как делает это Пекарж (J. P e k a ř, Žižka, III, str. 27). Хотя Вавржинец и не говорит о нем прямо в этой связи (я вижу в этом доказательство того, что Жижка играл в Праге далеко не такую роль, какую ему пытается приписать Пекарж), все же нельзя полностью оставить без внимания свидетельства «Старых летописей» (Staré letopisy, str. 48). Я не считаю нужным останавливаться на утверждении Пекаржа, будто слова летописца о том, что «Жижка был сразу признан», явились результатом неточного перевода с латинского оригинала (J. P e k a ř, Žižka, II, str. 93 и IV, 14 п.) С одной стороны, это утверждение не может получить надежных подтверждений, а с другой стороны, оно не имеет никакого значения в вопросе выяснения руководящей роли Жижки. Жижка, эта столь крупная личность, не сразу встал во главе борющегося народа, но лишь после того, как его выдающиеся способности проявились в ряде испытаний. В боях на улицах Праги он лишь впервые обратил на себя внимание. Все обстоятельства, несомненно, говорят о том, что первые места занимали тогда Микулаш из Гуси и Брженек из Швигова. И это понятно, если вспомнить, что они стояли во главе революционного крестьянства еще до пражских уличных боев.

¹ Упоминание об избрании епископа в ответе Сигизмунда Праге (AC, III, str. 210) и несколько неясные предложения таборитов добиться полной независимости от римской церкви мы находим у Мартина Лупача, 1450 год (См. F. M. V a r t o š, SPDMP, V, str. 556—558). Университетские магистры были, конечно, против такого предложения. О программе сельского населения в Праге говорит и член Базельского собора Шарлье, информированный о первых шагах революционного движения во время своего пребывания в Праге в 1433 году: «Собравшиеся, ... подстрекаемые к мятежу, хотели избрать епископа и светского начальника и отложиться от римской церкви» (MC, I, str. 387).

² FRB, V, str. 351; Вавржинец говорит также о том, что табориты нанесли большой вред «грабежами на Малой Стране», но ему трудно верить, ибо по предыдущим материалам нам известно, что пражские горожане за два дня боев сами растащили по своим домам богатую добычу.

и остальными сторонниками Сигизмунда, «видя в них недругов закона божьего и человеческого»¹. По предложению священников и Вацлава Коранды, «который был тогда главным вожаком», в городе были разгромлены монастыри, храмы и дворы городской знати. Такая расправа с внутренней реакцией в Пльзене произвела большое впечатление не только в самом городе, но и за его стенами.

Окрестные феодалы, и в их числе особенно Богуслав из Швамберка, стремились ликвидировать твердыню революции. Пан из Швамберка сделал попытку напасть на Пльзень, но вынужден был бежать с поля боя². Пан Богуслав—дворянин, которого позднее мы найдем во главе таборитских войск—убедился в 1419 году, что Пльзень с засевшими в нем войнами будет трудным орешком для панских войск. Поэтому примерно в конце 1419 года или в начале 1420 года Сигизмунд решил взять Пльзень в клещи. Королева София и паны послали к Пльзеню значительные силы (поп modicum gentum). Город был окружен, вокруг него были возведены укрепления. Происходили кровопролитные бои, в которых обе стороны несли большие потери. В феврале 1420 года Сигизмунд называл Пльзень, Писек, Градец Кралове и остальные города главными центрами уиклифитов, которые следует истребить без пощады³. Против Города солнца, как и против остальных центров революционных сил, готовилось решительное наступление.

Конец 1419 и первые месяцы 1420 годов были периодом, когда натиск реакции увеличивался, когда революционные силы лихорадочно искали для себя прочного опорного пункта. Кутногорские шахты поглотили новые жертвы—плен-

¹ FRB, V, str. 356. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, 1940, str. 54) объясняет отход Жижки планомерным «спасанием других городов, подвергавшихся опасности, особенно Пльзеня, Клатовы и Домажлиц». Уже не говоря о том, что для такого соображения у Бартоша нет никаких документальных оснований, нельзя и принципиально согласиться с его концепцией. Дело в том, что Бартош переоценивает заслуги пражского бюргерства, не делая никаких различий между ним и патрициатом, с одной стороны, и беднотой—с другой стороны. Такая неклассовая точка зрения ведет к «защите» Жижки от подозрения в революционных замыслах. Я полностью соглашаюсь с тем толкованием отхода Жижки, которое дал Голл (J. Goll, OČH, V, str. 144—158; Vybrané spisy drobné, II, Praha, 1929, str. 67).

² FRB, V, str. 356.

³ UB, I, str. 17.

ных гуситов¹. В ноябре пан Рацек из Яновиц взял в плен в Клатовском крае пламенного агитатора среди крестьянства² священника Яна по прозвищу Накваса и выдал его немцам в Баварию. Священник Ян остался верным своему народу. Следуя примеру констанцского мученика, он не отрекся ни от одной из своих еретических идей. Ему пронзили руки и ноги, «веревки сквозь раны протянули и привязали, обложивши сухими жердями из плетней и другими кусками дерева, смешанными с соломой, и сожгли его». Сколько таких костров пылало тогда по всей Чехии! Сколько жертв принесли народные проповедники во имя завоевания лучшей жизни! Но то были не напрасные жертвы. Костры, на которых сжигали еретиков, освещали путь революционному народу, показывая ему, что дело, за которое народ поднялся на бой, священо и что во имя его не жаль отдать жизнь³. Однако для победы в этой борьбе необходима была концентрация всех революционных сил.

Проповедники не потеряли мужества после разочарования, которое постигло их в Праге в ноябре, когда потерпела поражение первая попытка объединить все революционные силы. Организаторы паломничества на горы не отступили перед усилившимся натиском реакции, продолжая призывать всех борцов к оружию и единству⁴.

¹ FRB, V, str. 351. О сбрасывании гуситов в кутногорские шахты говорится в интересном и до сих не использованном стихотворном произведении «Porož kopny české» (стих 625 и след.):

Всех чехов нам не счастье, конечно,
Загубленных бесчеловечно
В Кутных горах, в ужасном месте сем,
Водой, мечом или огнем.
Предателям платили за детей,
Священников, мирян, их дочерей...
Отречься предлагали им тотчас
И в шахты сбрасывали за отказ.

Точно так же как и в «Žaloba kopny české» (написанная в прозе и относящаяся, так же, как и «Porož», к 1420 году), в строке 72 говорится: «...О, сколь много людей всех сословий и возраста убито мечом, погибло в боях, сколько их поглотили ненасытные проклятые шахты Кутной горы!»

² FRB, V, str. 352, «presertim infirmos per villas ambulando».

³ Подобно этому и в Коуржине был схвачен гуситский священник, проповедник Ян Ходек, и брошен в кутногорскую темницу (FRB, V, str. 353). О Наквасе говорится и в «Старых летописях» (Staré letopisy, ed. Šimek, str. 24).

⁴ Нельзя согласиться с формулировкой Бартоша (F. M. Bartoš

После ноября 1419 года агитационная и объединительная работа велась в основном в городах. Паломничеству на горы препятствовала, с одной стороны, погода (зимой нельзя было созывать народ под открытым небом), а с другой стороны,—возросшая активность панских наемников¹. «В то же время некоторые священники проповедовали народу новое пришествие Христа, говоря, что при этом пришествии все злые, все недруги правды погибнут и будут истреблены, а добрые спасутся»².

Пять городов стали единым сердцем и мозгом отчужденного, но непрестанно усиливавшегося революционного движения. Из этих пяти городов летели призывы ко всему чешскому народу³.

Эти призывы отражали тяжелое положение крестьянства, отданного на произвол феодалам, которые непрестанно усиливали натиск. «Братья и сестры,—обращалась листовка к самым широким народным массам,—бог да утешит вас в печали вашей и тоске». Ныне, в конце 1419 года, настал «час грозный и опасный», «час величайшей смуты и день отмщения». Много лжепророков вышло в этот «час смуты» и начало уверять народ, «что не надо бороться». Текстами из Библии, главным образом из Ветхого завета, автор листовки доказывал необходимость борьбы. В таких листовках анонимные авторы полемизировали с теми, кто любой ценой хотел сломить в простых людях волю к борьбе. Весь текст листовки показывает, что ее цель—упорная борьба за простых верующих. Пробил час—настал конец света, и это можно «узнать по сварам, по многим скверностям, которые творятся, по тому, как умножилось зло, по сборищам людским, по испорченности, по мерзостям, которые совершают в святых местах, то есть по грехам, идолам, пещерам и многим другим мерзостям, противным богу, по страху; по тому,

t o š, Do čtyř pražských artykulů, SPDMP, V, str. 507): «Когда руководящие политические круги гуситов были охвачены реакцией, центр тяжести движения снова оказался там, где оно зародилось, то есть в широких слоях сельского и городского населения. Продолжающаяся осенью 1419 года агитация является выражением непрестанно нарастающей революционной волны».

¹ Воззвание «пяти городов» конец 1419 года (см. приложение IV, п. 4) гласит: «И собрания те в то время не могли происходить в деревнях или иных местах из-за сильного и грозного антихриста...» (AC, VI, str. 43).

² FRB, V, str. 355.

³ AC, VI, str. 41—44 (см. приложение IV, 4, 5).

как хватают и мучают прежде всего избранников божиих»¹. Единственное спасение от гибели, надвигающейся на верных христиан, кроется в строгом исполнении заповедей Христа. «Во время оно заповедал Христос верным своим, чтобы они не только бежали от греха, но и стремились уйти из среды злых, богопротивных и лживых людей, и рек: «Бегите на горы к верным людям». Проповедники открыто призывали своих сторонников, чтобы те не оставались «во грехе», там, где «враги правды» (то есть представители реакции) захватили власть в свои руки (как это было, например, в Праге), но бежали бы оттуда. «Верные люди», то есть непримиримые сторонники борьбы за закон Христа, и есть те горы, о которых говорил Христос; к их помощи должны все прибегнуть.

Далее в листовке приводилось пять доводов, которые должны были бы побудить каждого честного человека бежать «из среды злых». Бегством этим каждый прежде всего спасет свою душу. Второй довод: «Дабы человек, живущий среди злых людей, не ослабел духом». Это—важное указание на опасную агитацию со стороны противников хилиазма, которые всеми силами стремились ослабить революционный подъем. В тех местах, где проповедники-хилиасты не в состоянии были парализовать влияние своих реакционных противников, они советовали «верным» уйти к своим в пять городов. Эта же причина, как мы увидим, лежит в основе третьего довода в пользу того, чтобы люди покидали свои прежние жилища. «Дабы не боялись угроз и приказаний, кои услышат на земле». Во время паломничеств на горы все убедились, что по мере того, как возрастает количество людей, возрастает их уверенность в своих силах, исчезает страх, который владел ими, когда они действовали в одиночку. В объединении революционных сил проповедники видели единственное средство для преодоления того страха, в котором жили крестьяне и бедняки. Четвертым доводом для ухода в эти пять городов было стремление как можно полнее изолировать «верных» от «злых людей», которых постигнет справедливая кара. И, чтобы «верные не пострадали вместе со злыми», люди должны были уходить с прежних насиженных мест, где господствовали «враги царства христового», туда, где находились «верные».

¹ Важное указание для датирования: под словами «хватают и мучают» подразумевается поимка крестьян в деревнях и увоз их в Кутную Гору (Staré letopisy, str. 45 и FRB, V, str. 351).

Интересно, что слово «горы» в этих листовках теперь означало уже не возвышенности в прямом смысле слова, на которых когда-то собирался народ, а самих «верных» — проповедников и священников, то есть в переносном смысле тех людей, которые когда-то руководили народом во время этих паломничеств. Изменение значения самого понятия «горы» отражает ситуацию, сложившуюся в конце 1419 года, когда центр тяжести объединения был уже полностью перенесен в «пять городов». Впрочем, об этом совершенно ясно говорится и в самой листовке: «А места те в наше время не могут быть в селах либо еще где-нибудь, ибо антихрист силен и грозен, но в городах, стенами обнесенных, коих Исайя насчитывает пять, в тот день, когда приидет господь наш Иисус Христос. И многие насмеются над этим, говоря: в граде более грехов, нежели в селах». Листовка полемизирует против такого утверждения, ссылаясь на то, что Иосиф и Мария бежали с младенцем Иисусом из Израиля в Египет, где было больше грехов. «Также и ныне, когда бог хочет и велит верным своим собираться в городах, стенами обнесенных, бежать в них, и нет сомнения, что злых он выметет, когда настанет время». Это чрезвычайно ценное место в тексте листовки подтверждает не только тот факт, что в конце 1419 года центрами революционного народа были города¹, а отнюдь не горы, но и совершенно ясно доказывает классовый характер такого сосредоточения. Крестьянство, подвергавшееся всем видам угнетения, смотрело на город как на гнездо грехов и мерзости. Поэтому в задачу авторов листовки входило разбить доводы тех, кто не советовал крестьянам спасаться в городах. Сельскому населению надо было терпеливо объяснять, что сосредоточение народа в городах является временной мерой, что это — лишь прелюдия ко всеобщему наступлению против старого порядка.

Проповедникам в ходе их агитационной работы вновь и вновь приходилось опровергать идеологов реакции и бюргерства, которые не упускали ни одной возможности к тому, чтобы погасить вспыхнувшее в народных массах пламя революционного энтузиазма. «Не говорите же: зачем нам бежать пред богом — где бы ни умер праведник, он умрет

¹ Точно так же в другой листовке говорится: «Куда же бежать избранныкам божьим? В города огражденные... А городов тех пять, что не продадутся и не поддадутся антихристу» (АС, VI, стр. 43—44).

праведно... Помните о жене Лота!» «Надо помнить, так повелевает Христос, что нельзя оглядываться на дома, на поля, на все земные блага и не следует верить соблазнителям, кои говорят: где ни живет праведник, пусть там и живет». Для проповедников настало время усиленной борьбы против тех, кто пытался искусственно загасить революционную энергию народных масс. Ведь церковь в течение столетий внушала народу необходимость терпения, лишений и даже отречения от мира. По учению церкви, только пройдя через страдания, через тернии и беды земной жизни можно было попасть в царствие небесное. Полная самоотречения жизнь Христа — вот образец для всех верующих. Те же идеи проповедовали Якоубек из Стржибра и другие идеологи бюргерской оппозиции, отравляя сознание простых людей опимом христианского учения о терпении, самоотречении и пассивности¹. Проповедникам-хилиастам не оставалось ничего иного, как бороться с этим ядом, губившим революционную энергию народных масс. Вот почему в листовке необходимо было занять резко отрицательную позицию по отношению к тем, кто еще сегодня, в период, когда наступает «конец света», проповедовали, будто совершенно безразлично — поднимется ли беднота на бой или, отвернувшись от мира, будет влачить жалкое существование, полное нужды и лишений.

Одновременно надо было бороться и против притягательной силы частной собственности, против жажды владеть ею, которой была проникнута часть состоятельного сельского населения и мелких горожан. Христос велел идти к «верным» не оглядываясь на дома, поля, на все земные блага. Противники хилиазма, несомненно, умели при случае показать, сколь сладостно владеть имуществом; собственность, как бы она ни была мала, была достаточно тяжелой гирей, которая удерживала революционные массы от ухода в «пять городов». Им мешал вообще весь старый, привычный образ жизни. Так, например, семья рассматривалась реакцией как мощный тормоз в деле революционного объединения. «И еще другое говорят они к соблазну людскому. А хорошо ли, что отрывают мужей от жен, а жен от мужей и тем нарушают узы супружества?..» И эти доводы реакции нужно

¹ Точку зрения Якоубека, относящуюся к тому периоду, см. в трактатах у Голла (J. Goll, Quellen, II, str. 55—56, 57—59): «Кровавые бои, кои ведет народ, не есть надежный путь — такой путь лишь в апостольском самоотречении и терпении».

было разбить. В период, когда происходит мобилизация революционных сил, нельзя раздумывать над тем, дозволено ли разрушать узы супружества. На очереди стоят более важные, более священные задачи. Теперь, когда настал час отмщения, мужи обязаны взять в руки оружие и покинуть своих жен—это необходимо для общей победы.

В заключительной части второй листовки грозное наступление контрреволюции изображалось в еще более мрачных красках. Тогда стало уже ясно, что венгерский король Сигизмунд прибыл в Брно для того, чтобы установить связь с панским союзом и задушить нарождающееся революционное движение¹. «Лев вышел из своего логова и разбойник языческий поднялся против бога и закона его; то король венгерский, много язычников побивший, вышел из града своего, сиречь из Венгрии, опустошить землю твою». Библейский образ только усиливал общий эффект призыва: крайняя опасность, какой грозило революционному движению вступление Сигизмунда в Моравию, требует безусловного объединения и сплочения революционных сил. Чем страшнее и чернее казался «верным» «языческий разбойник», тем более ослепительным и прекрасным представляло перед ними видение единственного пути к спасению: пути борьбы за царство христово. Между тем Христос возвестил о своем приходе в ближайшее время. «И видим многие иные знамения и дела, по коим узнается, что настало время пришествия; как узнается летнее время по листьям и плодам, так об этом времени величайшей смуты возвещает Христос в словах своих»². Из тьмы бедствий, унижения и гнета эксплуатируемое крестьянство готово было войти в светлое, радостное будущее. «Посему помня обо всем этом, чтите усердно господя бога и не мешкайте, ибо он уже на пороге». С помощью такой агитации можно было поддерживать революционное настроение в деревнях и городах, можно было продолжать собирать и сплачивать революционные силы.

Для самого хода революционного движения агитация в народе священников-хилиастов имела решающее значение. Зимой 1419/20 года, когда по всей стране прокатилась мощная волна контрреволюции, практически лишь несколько (пять-шесть) провинциальных городов продолжали быть опо-

¹ 15 декабря 1419 года Сигизмунд был уже в Брно (V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, IV, str. 24).

² АС, VI, str. 41.

рой и центрами революционного движения. Паломничества на горы прекратились. Прага была потеряна. Южночешские табориты, не ушедшие в Пльзень вслед за Корандой, Брженком Швиговским и Жижкой, разошлись по домам и нашли убежище в деревнях и густых лесах, расположенных вокруг Усти Сезимова. Оттуда и осуществлялось руководство нападением на Усти Сезимова. Среди руководителей называют священника Ванчека, звонаря Громадку, Яна из Быдлина и Яна по прозвищу Смолин¹, которые еще весной 1419 года были в числе первых организаторов паломничества на горы. День нападения на Усти Сезимова был выбран не случайно. В хилиастических призывах бежать в пять городов—а такие призывы звучали все чаще и чаще—содержался, кроме всего, и намек на то, что близится день, когда старый мир погибнет в огне. «Даже назначили срок,—пишет магистр Якоубек из Стржибра,—а именно: день св. Схоластики и св. Валентина (то есть 10—14 февраля 1420 года), в которые на злых обрушится страшный удар»². А меньше чем через неделю после того дня, когда должен был погибнуть старый мир, произошло нападение на Усти Сезимова.

Это было раннее утро, в среду на первой неделе великого поста, 21 февраля 1420 года. Устецкие горожане, утомленные плясками, попойками и масленичным весельем, были разбужены боевыми кликами и звоном оружия³. Окрестные крестьяне, соединившиеся с частью устецких горожан, с помощью своих сторонников в городе захватили в плен врагов—светских и церковных феодалов—и овладели городом. Некоторым из «врагов божьих» удалось бежать, перебравшись через городские стены, остальные—как, например, монахи—были изгнаны из города, а имущество их конфиско-

¹ FRB, V, str. 357. Быдлин и Смолин—название деревень в ближайших окрестностях Табора.

² J. Goll, Quellen, II, str. 59—60.

³ Нападение на Усти Сезимова наиболее подробно и точно описал Вавржинец из Бржезовы (FRB, V, str. 357): «Feria IV in capite ieiunii que erat dies XXI mensis Februarii, ante diescentem...» «Starý kolegiát» (K. Höfler, I, str. 79) приписывает нападение на Усти одному лишь Прокопу из Усти и Каменице и относит это событие к 16—19 февраля 1420 году. «Старые летописи» (Staré letopisy, ed. Charvát, str. 49) говорят только о масленице, когда «Усти таборитами завоевано было». Совершенно неверно был осведомлен Эней Сильвий, который связал взятие Усти Сезимова с именем Жижки (E. Sylvius, Historie česká, str. 97—98); Жижка был в то время еще в Пльзене.

вано¹. Революционный народ сводил счеты с теми, кто был опорой старого порядка. Крестьянство и мелкие горожане выступили в роли карающей десницы господней против церковной иерархии, патрициата и владельца города пана Ольдржиха из Усти. После длительной подготовки революционные силы выступили в конце масленицы 1420 года².

Уже самый факт, что это выступление произошло в день, отделяющий буйную развеселую масленицу, символ легкой и роскошной жизни правящего класса, от строгого сорокадневного поста, символа постоянной нужды бедняков, подчеркивал смысл борьбы народа южной Чехии. С вершин наслаждений, роскоши и распутства старый мир должен был быть ввергнут в пропасть. Место пьяных, разодетых в пышные маскарадные костюмы, веселящихся за роскошными столами богачей заняли изможденные крестьяне, беднота и мелкие горожане, которые под руководством хилястических священников и бедных земапов перешли от слов к действиям. Для них, голодных и страждущих, открыт Христос врата своего царства, для них наступит век тысячелетнего блаженства, следовательно, их священной обязанностью было ускорить пришествие Христа, расчистить ему путь. Вторгшись с оружием в руках на рассвете первой недели поста 1420 года в Усти Сезимово, разгромив феодальное панство, они не только вступили на новый путь, не только защищали свои собственные интересы, но и подготавливали земное царствование Христа. С завоеванием Усти Сезимова гуситское революционное движение обрело новый, прочный центр.

Известие о первом успехе облетело ближние и дальние окрестности и пробудило в крестьянах энтузиазм и отвагу. «К этому городу из окрестных мест день за днем стекались приверженцы причащения из чаши»³. Революционный центр стал магнитом, притягивающим крестьянство из самых отдаленных мест. Вскоре после захвата Усти была занята крутая гора у слияния реки Лужницы и Тисменицкого потока. Здесь некогда стоял древний город Градище, находившийся под охраной замка панов из Усти⁴, от которого

¹ Starý kolegiát (K. Höfler, I, str. 79): «monachis expulsis».

² См. анализ классовой структуры Табора в главе VI, стр. 470 и сл.

³ FRB, V, str. 357.

⁴ Я разделяю точку зрения Швеллы (JSH, II, str. 67 n., JSH,

теперь остались только полуразрушенные стены. Табориты использовали остатки этих стен и расположились здесь лагерем, так как это место было очень удобно для обороны в случае нападения феодалов. Но Градище недолго осталось второй после Усти резиденцией таборитов. Из окрестностей подходили все новые и новые подкрепления; из Пльзеня в помощь вновь возникшему опорному пункту был выслан вооруженный отряд под командованием Хвала из Маховиц¹. Впрочем, и те, кто в бою брал Усти Сезимово, не думали о длительном пребывании в этом городе. Взятие феодального города было лишь прелюдией к следующим революционным действиям. Новая жизнь не могла расти из старых корней. Для того чтобы поднимающаяся революционная волна могла смести закостеневший феодальный строй, для того чтобы заложить основы нового, лучшего общественного устройства, надо было полностью разметать старое здание и строить новое на новом фундаменте.

30 марта 1420 года Усти Сезимово запылало с нескольких концов. Табориты подожгли старый город и бросили его на произвол судьбы. Толпы людей уходили навстречу новой жизни, на новые места. За спиной таборитов, покидавших свои дома, высоко взвивалось пламя, истреблявшее частицу старого мира, исполненного греха. А перед их взором из руин Градища вставало новое поселение, новый революционный центр—Табор. В бурные мартовские дни 1420 года на развалинах Градища были заложены прочные основы нового революционного центра, названного так же как и первая, крупнейшая гора в южной Чехии—Табором². Пред-

VI, str. I n.), что Градище было местом, на развалинах которого (город был заброшен или разрушен в XIII веке—см. FRB, III, str. 241) и был построен Табор, в противовес мнению Шимака (JSH, V, str. 37 n.), который отрицал существование города Градище. Шимак, исходя из юридического понятия «город», не мог признать Градище городом. Но если мы под «городом» будем подразумевать средоточие ремесел и торговли, то не может быть и спора о том, что Градище был некогда городом. К убедительным доводам Швеллы я добавляю, что 3 сентября 1420 года гончар Сливка показал под пыткой в Хвалшинах: «Когда же был спрошен, ходил ли кто-нибудь отсюда из города и бывал ли с ними (то есть с таборитами), ответил... Кужел когда-то продавал на Градище шпоры и т. д.» (Porgravič kniha, ed. Mareš, str. 26). Это доказывает, что на Градище был рынок.

¹ Единственное упоминание в Staré letopisy, ed. Charvát, str. 49.

² Ввиду отсутствия документации нельзя связывать основание Табора с решением Яна Жижки из Троцнова, как то делает Бартош (F. M. Bartoš, Bratrstva tábořského sláva i pád, JSH, IX, Tá-

сказание библии о том, что войска соберутся на горе Фавор (Книга Судей, IV, 6), исполнилось вторично; революционное движение обрело новую мощную опору. Впервые в истории нашей страны и всего мира широкие народные массы полностью порвали со старым порядком и создали твердую революцию, ее оплот в борьбе за лучший общественный строй.

* * *

Период паломничества на горы закончился победой. Успехом увенчались продолжавшиеся почти год и непрерывно возобновлявшиеся попытки концентрации революционных сил. Классовый характер паломничества на горы доказывает, что как сами эти паломничества, так и основание Табора отражали классовые требования крестьян и городской бедноты.

Прежде всего следует опровергнуть утверждение, согласно которому паломничества на горы первоначально были всего лишь мирными собраниями набожных людей и только позднее приняли революционный характер. Такая точка зрения, общепринятая в буржуазной историографии, основывается на трудах Голла, который первым последовательно провел мысль о разделении хилиазма на «мирный и кровавый»¹.

К мнению Голла присоединились все буржуазные ученые—не только Й. Пекарж², но и Ф. М. Бартош³. Выше я уже упоминал, что такое ошибочное мнение проистекало из не критичного восприятия записей Вавржинца. Своим утверждением, что таборитские священники втянули в борьбу набожных паломников, стремившихся лишь к причащению под двумя видами, Вавржинец хотел очернить своих классовых и политических противников—идеологов таборитской бедноты⁴. То обстоятельство, что у нас нет прямых храни-

те, 1936, příloha, str. I n.). Жижка уходит из Пльзеня, как об этом ясно говорит Вавржинец, «versus Hradisst», а отнюдь не в Усти (FRB, V, str. 360).

¹ J. Goll, Quellen, II, str. 57.

² Например, Пекарж (P e k a ř, Žižka, III, str. 26) связывает программу «меча и насилия» только лишь с реакцией на смерть короля Вацлава IV. Но в городах и деревнях еще значительно ранее этой даты происходили столкновения. См. стр. 282 и сл.

³ Напр., в SPDMP, V, str. 511 n.

⁴ См. стр. 310 и сл.; на такой же ненависти к бедноте основано в стихотворении описание мирного характера паломничества на горы (Výbor, II, str. 251).

тельных документов о паломничествах на горы, написанных самими представителями бедноты, затрудняет выяснение вопроса. Даже таборитский хронист Микулаш из Пельгржинова защищает классовые интересы не бедноты, а буржуазности¹. Его «Таборитская хроника», написанная в сороковых годах, ставила определенные политические задачи. В своем труде Микулаш стремился оправдать таборитов, которых упрекали в том, что они вызвали революцию и войны, и на которых возлагали ответственность за все насилия и опустошения. Желая опровергнуть подобного рода доводы реакционной пропаганды, Микулаш неустанно подчеркивал мирный характер паломничеств и вообще всех действий таборитов, которым, по его словам, война была навязана.

Но если мы не отдадим себе ясного отчета в политическом значении хроники Бискупца², мы не сможем правильно понять характер паломничества на горы. Микулаш Бискупец приводил 5 пунктов, представлявших собой схему тех проповедей, которые произносились паломникам³.

1) Евангелические священники на основании гражданского права не должны иметь земельных владений, передавать их по наследству и взимать поборы; они не должны обладать светской властью.

2) Верующие не обязаны выплачивать священникам десятину; но миряне должны заботиться о прокормлении священников согласно обычаю христовой апостольской церкви.

3) Священники, владеющие светскими поместьями (полями, домами или иным имуществом), должны отказаться от них и жить согласно учению Иисуса Христа.

4) Евангелический закон, Священное писание само по себе является достаточным для того, чтобы управлять человеческим обществом (в оригинале «militantis ecclesiae»,

¹ Уже осенью 1419 года он как сторонник умеренной точки зрения противостоит Коранде (J. Goll, Quellen, str. 48, 51—53; příl. IV, č. 7). Осенью 1420 года Микулаш был избран епископом (FRB, V, str. 438); он выступал против пикартов в Таборе, находился в тесной связи с Якоубеком (F. M. Bartoš, Světci a kacíři, str. 180) и стоял во главе таборского духовенства вплоть до 1452 года.

² На это обратил внимание еще Н. В. Ястребов («Этюды о Петре Хельчицком и его времени», стр. 34 и сл.). Ф. М. Бартош не критически принимает высказывания Бискупца о том, что табориты были принуждены к войне.

³ K. Höfler, II, str. 477—481.

то есть «воинствующей церковью»), а обряды и позднейшие наслоения, которые скорее препятствуют, чем помогают спасению души, следует отвергать.

5) Верные должны остерегаться воров и грабителей и следовать за своими пастырями, избегая чужих и слушая своих проповедников.

Если мы рассмотрим конкретное содержание этих пунктов (в особенности утверждение в них роли евангелия как основного руководства в жизни!) в свете того положения, которое создалось в Чехии в 1419 году, то поймем, что в них выражена причина, побуждавшая народ восстать против церкви и всего общественного строя. Нас не должно вводить в заблуждение то обстоятельство, что здесь Бискупец ни словом не упоминает о воззваниях хилиастов, влияние которых на участников паломничеств с несомненностью явствует из современных им листовок и песен¹. В своих пяти пунктах Микулаш суммировал программу части горожан и низшего дворянства, участвовавших в паломничествах наряду с крестьянами. Мы можем предполагать, что эти люди не собирались начинать кровопролитную борьбу за осуществление этих пунктов. К этой части горожан и низших дворян и относятся прежде всего слова Бискупца: «И тогда народ тот вкупе со священниками придерживающимися народа, не собирался воевать, но заботился лишь о том, как бы, оставаясь в добродетели и в вере католической, достигнуть единства верных с остальными...»². Однако заключать из свидетельств Вавржинца и Бискупца, что паломничества на горы не имели ничего общего с ростом революционных сил, значило бы закрывать глаза на действительность. Паломничество на горы было прямым следствием классовой борьбы в чешских городах и селах, усилившейся в связи с кризисом чешского общественного строя в начале XV века и роста эксплуатации крестьян со стороны феодалов. Эти паломничества объединяли и формировали революционные силы, вооружали народные массы.

¹ См. стр. 318 и последующие абзацы о хилиазме. О хилиастических пророчествах в период паломничества на горы говорится и на основании рассказов в «Monumenta conciliarum» (I, str. 425): «Были такие проповедники, говорившие о пришествии обновленного царства божьего и о том, что никто нигде не спасется, кроме как на настоящих горах, город же Прага будет в некий день уничтожен...» и т. д. См. МС, I, str. 387.

² К. Höfler, II, str. 479.

И если мы не с самого начала паломнического движения замечаем его революционный характер, причину этого явления следует усматривать лишь в постепенности, длительности формирования революционных сил. Сначала сосредоточение, затем пробуждение сознания и потом уже открытый бой—вот те этапы в развитии паломнического движения, которые с несомненностью можно установить; его причиной были классовые противоречия и обострившаяся в 1419 году классовая борьба, его вершиной—первые революционные сватки и основание города Табора.

Однако совершенно очевидный классовый характер паломничеств на горы вытекает не только из того, как они проходили, но из всей совокупности обостряющихся классовых противоречий чешского общества. Песни, которые пели паломники, ясно говорят о том, представители каких классов общества собирались здесь и готовились к борьбе. Анонимный автор песни «Слышал ли кто прежде» вполне определенно выразил требования и мысли крестьян¹, направленные главным образом против опоры эксплуататорского строя—против церкви.

*Если бы попов советам
Бог последовал, на этом
Свете наши бедняки
И не ели б, и не пили,
Нагишом всегда ходили;
Надрываясь на господ,
Сутки б круглые не спали,
Ни на миг не прекращали
Проливать на нивах пот.
И еще б попы желали,
С бедняков чтоб шкуру драли
Господа без лишних слов:*

¹ Песнь «Слышал ли кто прежде» издал З. Неедлы (Z. Nejedlý, Dějiny husitského zřevu, II, str. 798—800); он же дал ее анализ (там же, стр. 195 и сл.). Впервые эта песня была опубликована Коларжем (M. Kolář, PA, IX, 1874, str. 829) под названием «Против священников». Пекарж (J. Pečár, Žižka, I, str. 276) знал только издание Коларжа и не принял во внимание ни анализа Неедлы, ни приведенного им надежного текста! Пекарж не знал, что делать с этой песней, ибо в ней совершенно ясно виден социальный характер гуситства. Поэтому Пекарж считает ее просто «частным явлением», хотя она ничем не отличается от множества подобных ей песен.

Если деньги взять с них сложно,
Их зато вполне возможно
В выючных превратить ослов.
Тяжкой барщиной задуют,
*Бога нет в их черствых душах,
Доброты нет и следов.
Всюду бедным нет утехи
Больше всех страдают чехи
От зазнавшихся попов*¹.

Эти строки мог написать только автор, выражающий интересы бедноты и эксплуатируемого крестьянства. Ирония, с какой он изобразил усиливающуюся эксплуатацию бедноты, которая, по его словам, принуждена ни есть, ни спать, а лишь неустанно гнуть спину на господ, потрясающее сравнение подданных с ослом, нагруженным непосильным бременем и вынужденным непрерывно работать,—все это убеждает в том, что автор песни встал на защиту бедноты и крестьян. Установив тот факт, что он выражал интересы бедноты, мы поймем и резкий тон следующих ее строк, беспощадно бичующих духовенство и университетских магистров:

Вы, магистры, нашу веру
Искажаете безмерно,
Вам неправда нипочем.
Для того ль вы обучались,
Чтоб затем обогащались
Ежечасно плутовством?
Правду божью предаете,
В неге, роскоши живёте,
В ярких ходите шелках.
Богом проклята наука,
Что приносит людям муку,
Оставляет их впотьмах.
Этот только то и знает,
Что из церкви выжимает
Для своей мощны доход.
По примеру светских панов
Тот оброк в свои карманы
Тянет, грабя весь приход.

¹ Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu, II, str. 799.

Восхваляя папу хором,
Он им путь открыл к поборам
Тем, что симонию ввел¹.

Столь резкие нападки на всю мошенническую практику церковной иерархии были непосредственным выражением того факта, что автор говорил от имени бедняков и крестьян, от имени простых верующих, от имени тех, кому жилось тяжелее всех. Для этих людей особенно разительным должен был казаться контраст между их нуждой и страданиями—и роскошью и богатством духовенства:

Не дает простому люду
Проповедовать, Иуда,
Ни читать и ни писать.
Поп попу во всем помощник,
Храм для них лишь благ источник,
Им сулящих барыши.
Деньги так вы полюбили,
Что для них уж позабыли
О спасении души?².

Духовенство, стремясь выкачать возможно больше денег из верующих, поставило себя высоко над ними—между ними и богом. Оно не желало допускать простых людей к толкованию евангелия, ибо понимало, что лишится своих доходов. Примерно так звучало бы сегодня содержание этих строк песни «Слышал ли кто прежде?», которая поднимала на щит простых верующих. Отсюда можно сделать лишь тот вывод, что галомники, распевавшие эту песню, были главным образом крестьяне и городская беднота. Песня выражала их классовые интересы, их взгляды на церковь и духовенство.

Другая песня «Верные, радуйтесь во господе»—тоже раскрывает классовый характер паломнического движения. В этой песне звучит призыв к действию:

Вы не следуйте примеру
Тех, что потеряли веру,
Ждет их ад—огонь и сера.
Отвлекает их лукавством

¹ Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu, II, str. 800.

² Там же, стр. 799.

Дьявол, ложью и коварством
 От стремленья в божье царство.
 Все как сказано, свершится.
 Будут многие стремиться
 От вечери удалиться.
 Всяк найдет на то причину:
 Нужно накормить скотину,
 Спать с женой, чинить плотину...
 Их греху нет отпущенья,
 За него грозит лишение
 Вечного души спасенья.
 Опасаясь этой кары,
 Мы снесем судьбы удары,
 Ведь страдаем мы недаром!
 Кто с Христом шел до конца,
 Удостоится венца¹...

В этих строках анонимный автор как бы предостерегает тех, кто, придя на гору, не захотел бы остаться с народом, а пожелал вернуться домой. И, несомненно, не случайно это предостережение относится главным образом к крестьянам, которых тянуло назад, к домам, к хозяйству. Следовательно, эта песня—новое доказательство того, что на горы уходили прежде всего крестьяне.

Впрочем, уже стихотворение анонимного поэта-католика, относящееся к началу гуситского революционного движения, ставит крестьян на первое место среди мятежников:

Лишь умер Лев*, восстали слуги,
 Крестьяне побросали плуги,
 Не стали сеять и косить,
 Не захотели молотить.
 И в городах пошли волненья,
 Возникло новое ученье,
 И бедный люд его признал—
 Манила всех церквей казна.
 Так еретически молиться
 Все стали—земан, пан и рыцарь,
 Священник, панош и школяр,
 Портной, крестьянин и гончар.
 Все захотели легкой жизни,

¹ Z. Nejedlý, Dějiny husitského zpěvu, II, str. 800—801.

* Вацлав IV.

Все тшятся управлять отчизной,
 Вон пряха с высохшею кожей,
 И та закон толкует божий¹.

И это стихотворение католического автора свидетельствует о народном характере начинавшегося революционного движения. Недаром прежде всех были названы крестьяне (и притом все), за ними ремесленники, паноши и рыцари. Думаю, что поэт изобразил именно такую социальную структуру начинавшегося движения, потому что он писал, повинувшись не литературному шаблону, а отражая реальную действительность. Следует только дополнить это стихотворение в том смысле, что крестьяне поднялись не после смерти Вацлава IV (смерть короля, как было неопровержимо доказано, лишь способствовала росту революционного движения), а ранее, еще в период весенних и летних паломничеств на горы.

В заключение следует сказать, что сам факт избрания местом собраний гор и холмов свидетельствует о том, что здесь собирались главным образом крестьяне. В листовке, посланной со Бзи Горы, ясно сказано: «Этой грамотой возвещаем всем, что мы собираемся на горах и на полях...»² (курсив мой.—И. М.). Но это лишь неясный намек на крестьянский характер паломничества. Красноречивее и яснее об этом сказано в хилиастической листовке, написанной в ноябре 1419 года, то есть в период, когда возникла необходимость перенести места сбора с гор в пять городов. «И те места ныне не могут быть в селах или иных местах, но в городах, стенами огражденных, ибо Антихрист силен и грозен... И многие над этим насмеваются, говоря: в городе больше греха, нежели в селах...»³ Такое усиленное стремление доказать, что город может быть местом столь же подходящим для сбора праведных, как горы, нельзя объяснить иначе, как желанием преодолеть естественное недоверие крестьянства к городу. В глазах деревенского жителя город, равно как и замок, был колыбелью греха; на городских рынках обманывали крестьян, в городе процветало ростовщичество, здесь были богатые, исполненные пороков монастыри, роскошные храмы и дворцы. И стремление хилиастической листовки рассеять это естественное недоверие кре-

¹ Výbor, II, str. 250.

² АС, III, str. 205.

³ АС, IV, str. 43.

стьянства к городу—еще одно подтверждение того факта, что основную массу паломников составляли крестьяне.

Даже из яростных нападков на гуситов со стороны магистра Пражского университета Яна из Пршибрама видно, что паломничества на горы были сборищами главным образом бедноты и крестьян. Этот выразитель идей богатого пражского бюргерства и дворянства считал тягчайшей виной таборских священников именно те их воззвания, которые, отражая классовые интересы крестьянства, служили призывом к борьбе против феодалов и их богатства: «Крестьяне будут владеть всем добром, и те избранники божии, которые бежали на горы, сами захватят имущество всех загубленных и будут свободно владеть всеми их поместьями и распоряжаться во всех их деревнях... Далее говорили и проповедовали крестьянам, что вы, мол, больше не будете платить своим господам оброка и налогов и слушать их больше не будете, и будете свободно пользоваться их деревнями, прудами, лугами, лесами и всеми угодами...»¹ То, что казалось Пршибраму безбожнейшей ересью, является для нас надежным свидетельством классового характера паломничества. Выступления, направленные против феодальной эксплуатации, проповеди об отмене оброка, крепостного права и о конфискации имущества феодалов—все эти революционные лозунги, возникшие «на горах», облетели чешские провинции, зажигая пожар революции. Это и был тот магнит, который притягивал на горы крестьян даже самых отдаленных областей. О классовом характере паломничества свидетельствуют также резкие выступления Пршибрама против хилиастических священников, проповедовавших на горах.

Священник Чапек², известный автор таборских песен и организатор паломничеств на горы, подвергся нападкам со стороны Пршибрама прежде всего потому, что побуждал крестьян к беспощадной борьбе против феодалов. «Пусть каждый верный увидит из писаний сего священника (то есть Чапека. —И. М.), насколько они жестоки, неистовы, несправедливы, насколько лживы и блудливы, и прокляты они в ложной ереси своей; они говорят о своих писаниях, что время отмщения настало, и учат людей простым, на

¹ М. Jan P ř í b r a m, *Život kněží tábořských*, ed. J. Macek, *Ktož jsou boží bojovníci*, str. 265.

² См. Z. Neje d l ý, *Dějiny husitského zpěvu*, II, str. 169 n.

горах собирающихся (курсив мой. —И. М.), чтоб те по всей земле ходили и всех грешников на всем свете без всякой милости и милосердия истребляли, дома и их строения разрушали и жгли, повергали на землю и разбивали алтари, и имения их и строения огнем сжигали и заставляли склониться всех людей, занимающих высокий пост, и как солому в печи сжигали, не оставляя ни корня, ни верхушки; чтобы их как снопы молотили, кровь их проливали, смертью их губили, топтали быками, бросали змеям и травили хищными зверьми»¹.

Кое-что из этих резких выпадов Пршибрама следует, несомненно, отнести за счет его собственной фантазии и стремления возможно более очернить противника, тем не менее приведенные высказывания совершенно явно говорят об антифеодальном, революционном характере идей Чапека. Мы можем сделать из этого еще более важное заключение— а именно, что и здесь с особенной ясностью проявляется классовый характер паломничества на горы. Если исходить из обвинений Пршибрама, основную массу паломников на горы составляли бедняки и сельское население. К тому же и Якоубек из Стржибра называл паломников на горы «бедным и простым людом»².

Микулаш Бискупец тоже говорил о том, что большую часть паломников составляли простые люди (*populus simplex*), но он добавлял, что наряду со священниками организаторами были мелкие дворяне, кормившиеся военной службой³. Нет сомнения в том, что помимо деревенских жителей и бедноты, руководимых священниками и этими обедневшими дворянами, на горы приходили и мелкие горожане, ремесленники. «Старый коллегият» ясно говорит о паломниках из городов и деревень⁴, а Вавржинец из Бржезовы называет паломников «простолюдинами из городов и деревень»⁵. Совершенно определенно можно сказать, что инициатива исходила не от горожан; горожане всегда составляли самую малочисленную группу среди паломников—это видно уже по вышеприведенным примерам. Пражское бюргерство заняло даже позицию, прямо враждебную паломничеству,

¹ М. Jan P ř í b r a m, *Život kněží tábořských*, ed. I. Macek, str. 269.

² J. Goll, *Quellen*, II, str. 58 (Магистр Якоубек-Ичину).

³ К. Höfler, II, str. 477—481.

⁴ Там же, I, стр. 79.

⁵ FRB, V, str. 344, 345.

враждебную их организаторам и их программе, и в ноябре 1419 года сорвало попытку объединить революционные силы. Еще в июле 1419 года у пражского бюргерства, так же как у короля и феодалов, были на горе Табор свои соглядатаи, ибо бюргерство боялось объединения народа¹. Это ясно доказывает принципиально отрицательное отношение бюргерства, в особенности—богатого бюргерства, к паломничеству. О программе мелких горожан и рыцарей, участвовавших в паломничествах, существует несколько упоминаний в хронике Микулаша Бискупца². В основе своей то была программа реформ, которая отнюдь не стремилась развязывать борьбу за разрушение феодального строя.

Я полагаю, что возникший в конце 1419 года спор между священниками Вацлавом Корандой и Микулашем Бискупцом о допустимости народной войны³ также отражает это принципиальное расхождение между революционной беднотой и крестьянством, с одной стороны, и реформационно настроенными, склонными к компромиссу бюргерством и рыцарями—с другой стороны. Кржиштян из Прахатиц и Якоубек из Стржибра, известные противники народной ереси и хилиазма, объявили в листовке (агитационное значение этого вопроса совершенно ясно!) результат спора между священниками—проповедниками Микулашем Бискупцом и Вацлавом Корандой. Этот спор должен был найти свое разрешение, ибо «для возникновения спора были определенные причины, которые вызвали народное возмущение». Кржиштян и Якоубек с одобрения многих университетских магистров изложили свое мнение по поводу четырех спорных вопросов. Прежде всего они высказались по вопросу борьбы и войны: феодалы обязаны мечом защищать правду закона божьего. На второй вопрос—может ли и должна ли община (*communitas*) защищать мечом закон божий, университет ответил сначала отрицательно, затем положительно, а позднее—вновь отрицательно. Но университет не переставал подчеркивать, что подданные обязаны быть покорными властям, как об этом сказал св. Петр: «Христос пострадал за нас, оставив нам пример, дабы мы шли по следам его». Множеством цитат из «Священного писания», они доказывают, что так же, как апостолы и му-

¹ Anonymus de origine Taboritarum, Höfler, I, str. 530; V a v ř i n e s z Březové (FRB, V, str. 402).

² См. стр. 367 и сл.

³ J. Göll, Quellen, II, str. 52—53, см. приложение IV, 7.

еники терпеливо переносили унижения и обиды, так и простые верующие должны ныне идти путем терпения и отречения и избегать кровопролитных битв. Путь терпения (*via pacencie*)—всегда более верный путь. Излагая свое отношение к третьему вопросу—должны ли и могут ли верные объединяться в час преследования, университетские магистры еще раз обнаружили всю контрреволюционность своей позиции. Они боялись борьбы революционных масс, боялись скопления крестьян и бедноты. Поэтому они вынесли решение, согласно которому призывы библии к объединению людей следует понимать как обращение к некоему духовному, мистическому объединению, «объединению во Христе». Магистры выразили свое отрицательное отношение к бегству людей в пять городов, и вообще отрицали правильность хилиастических пророчеств, предрекавших страшные, губительные бедствия, которые должны будто бы обрушиться на всех верующих. Отрицательную позицию занял университет и в четвертом вопросе—имеет ли жена право покинуть своего мужа, если тот запрещает ей слушать слово божье и принимать причастие из чаши. Правда, жены, по мнению магистров, не должны потакать мужьям в скверных делах, но вместе с тем жена не имеет права покинуть мужа и детей. И тот, кто отстаивает право женщины оставить мужа,—дерзкий еретик.

Две точки зрения в дискуссии между праведниками Микулашем и Вацлавом отражают противоположные позиции бюргерства и бедноты. Естественно, что университет целиком встал на сторону реформационных, компромиссных, умеренных взглядов Микулаша. Университет одобрял борьбу за правду божью лишь в том случае, если ее возглавляли феодалы; вместе с тем магистры отрицали право народных масс на борьбу, полагая, что их удел—ждать решения начальства и не сходить с пути терпения. Университетские магистры попытались также воспрепятствовать сосредоточению революционных сил и сделали это для того, чтобы помешать полному разрушению феодального порядка, в рамках которого и для них было отведено свое место.

Это противоречие во взглядах, которое должны были разрешить университетские магистры, отражает два течения среди паломников: одно революционное, представленное беднотой, и другое—умеренное, осторожное, компромиссное, отражающее интересы бюргеров и рыцарей. Победа революционного течения вопреки университетским вердик-

там лучше всего показывает, что в 1419 году в среде таборитов умеренный элемент был в меньшинстве. Аналогичные утверждения всех источников ясно свидетельствуют, что среди паломников на горы, бесспорно, преобладали беднота и крестьяне.

Революционная идеология крестьянства и бедноты нашла свое выражение в хилиазме. Проповеди о неотвратимом и близком наступлении тысячелетнего царства христового, которое будет воздвигнуто на развалинах старого, греховного мира, полностью отвечали классовым интересам эксплуатируемых крестьян, батраков, челяди, равно как и городской бедноты. Хилиастические священники, защищавшие интересы простого человека, считали своими врагами не только представителей церковной иерархии, но и университетских магистров, которые под видом умеренного гуситства отстаивали требования богатых бюргеров и дворянства. Недаром же призывы хилиастов обрушивались на «лжепророков», то есть на университетских магистров и панов. «Что же это за великие знамения дают лже-Христы и лже-пророки? *Ими могут быть магистры и паны*: казалось, что они суть нечто, они же—ничто. Они соблазняют избранных божиих, говоря: да, этого не придерживаются ни магистры, ни паны, сколько бы их ни было, а те, кто закон преступают и толкуют его по своему разумению, соблазняют *простых людей, своим разумением восполняя пробелы* (курсив мой.—И. М.), в то время как им не хватает знания писания и доводов; и много иных вещей говорят, искушая против чтения, проповедуя людям, которые слушают слово божие, и те бросают без оглядки имя свое. Не уходите от добра своего, ибо обманывают вас!»¹ Приходилось вести упорную борьбу со столь утонченной реакционной пропагандой, которая стремилась вырвать народ из-под влияния хилиазма. Борьба университетских магистров и панства против хилиастических священников была борьбой реакции против революции.

Против хилиастов в конце 1419 года или в начале 1420 года выступил также магистр Якоубек из Стржибра в своем письме к магистру Ичину, который встал на сторону таборских священников². Якоубек обращается к другу своему Ичину и старается убедить его в неправильности избран-

ного им пути. Он пишет, что тексты библии, приводимые хилиастами в поддержку идеи сосредоточения народа в пяти городах (от Иеремии 51, от Исаи 19), являются лишь образными выражениями; они не могут означать действительный призыв к тому, чтобы верующие во имя своего спасения укрылись в этих избранных городах. «Так, в Праге, равно как и в Писеке или Пльзене спасется после смерти каждый праведный, который не примирился со злом и не нарушает евангельских заповедей...»

Мы видим, что пражское бюргерство на рубеже 1419 и 1420 годов понимало, что хилиастическая агитация представляет для него серьезную угрозу. В период господства панского союза, возглавляемого регентшей Софией, то есть после ноября 1419 года, беднота, послушная голосу проповедника, бежала из Праги и укрывалась в пяти городах. Поэтому Якоубек выступил против этой агитации, опровергая утверждения хилиастических священников о конце света, который, согласно пророчествам, должен был произойти в следующую масленицу. По мнению Якоубека, между самими пророками, предсказывающими конец света, были разногласия и противоречия. Одни толковали слова Исаи так, что Прага—Вавилон—будет разрушена Сигизмундом, другие возвещали, что Сигизмунд, король вавилонский, никогда не вступит в королевство. Кому же тогда верить? Лучше всего будет, если священники поведут народ по стопам бедных, покорных и смиренных апостолов; это—лучший путь к тому, чтобы устранить грехи, вырвать плевелы из среды верующих. Так же неправильно и учение проповедников о необходимости кровопролитных боев, неправы и те проповедники, что ведут народ к этим боям. Кровопролития не являются верным путем к спасению—таким путем может быть только апостольское отречение и терпение. «Я допускаю все же, что войны можно вести, но это подобает только высшим светским властителям» («a sublimioribus potestatibus secularibus»). Но и тут Якоубек выдвигает определенные ограничения, определенные условия. По его мнению, существуют четыре условия, оправдывающие ведение войны, делающие ее справедливой:

- 1) дело божие, за которое ведется война;
- 2) справедливая цель («intensio recta»);
- 3) повеление божие вести такую войну;
- 4) любовь к противнику; если противник захочет признать свою вину, войну следует закончить.

¹ АС, VI, str. 42; см. приложение IV, 4.

² J. Goll, Quellen, II, str. 57—59; см. приложение IV, 8.

Собственные слова Якоубека доказывают, что он боролся против революционного воодушевления, охватившего народ. В 1419—1420 годах, когда народ поднимался на борьбу, проповедь отречения, терпения и ухода от мира служила тормозом революции. Совершенно так же и учение Якоубека о справедливой войне было прямо направлено против революционного народа. По мнению Якоубека, только феодалы (так я понимаю неясное выражение «*sublimiores potestates*») могли при известных условиях вести войны. Но и для феодалов, конечно, образцом всегда должны быть покорность, терпение и апостольское смирение. Якоубек не допускал даже мысли, чтобы народ сам мог начать борьбу.

Столь же антиреволюционным духом проникнута и анонимная листовка против хилиастов, выпущенная в Раковнике 22 января 1420 года¹. Листовка эта призывает верующих не слушать хилиастических пророков: «под влиянием их измышлений («*phantasias*») народ может потерпеть тяжелый ущерб». Народ должен с доверием принимать только изречения из писания, которыми оперируют хилиасты, но не должен полагаться на их толкование. Нужно бороться против агитации хилиастов. В публичных выступлениях и частных беседах следует внушать народу, чтобы он не бежал из своих жилищ, но пребывал бы дома в покаянии. Подождите еще некоторое время, и вы увидите, что пророчества хилиастов ложны, взывала листовка. Не подстрекайте, братья, народ вооружаться и идти на бой, как это делают некоторые, ибо это опасно. Призывайте народ к терпению, ибо это самый надежный путь для христиан! Автор анонимной листовки, близкой по своему содержанию к взглядам Якоубека, напрасно ринулся на борьбу против революционного движения. Народ не желал больше терпеть угнетение и оставаться пассивным, он поднялся для того, чтобы идти в бой.

Откуда черпали хилиастические священники идеи, на основании которых они рисовали захватывающую картину гибели старого общественного порядка? Что руководило

¹ F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, SPDMP, V, str. 577; см. приложение IV, 9, где я возражаю против утверждения Бартоша, будто автором этой листовки был Якоубек; то, что аналогичное отношение к хилиастам можно найти у большинства университетских магистров, доказывает не только Пршибрам (приложение IV, 1), но и магистр Есениц (АС, VI, str. 44).

проповедниками, когда они создавали мечту о блаженной, райской жизни в тысячелетнем царстве христовом? В разделах о народной ереси я уже пытался указать на то мощное влияние, которое имели в тот период толкования «Священного писания», и на страницах, посвященных хилиастам, я неоднократно старался подчеркнуть, что источником идеологии бедноты и сельского населения — хилиазма была библия. Простой народ, отвернувшийся от современного ему эксплуататорского общества, с тем большей страстностью воспринял библию и, в особенности те ее части, в которых говорится о первоначальной церкви христовой. Вот почему проповедники последовательно выступали против всех позднейших дополнений к учению первоначальной церкви, вот почему они утверждали, что «закон евангелия сам по себе уже вполне достаточен для управления человеческим обществом»¹. Но раз отойдя от догматов католической церкви, которым полагалось верить слепо и в соответствии с которыми должно было осуществляться управление обществом; хилиасты увидели перед собой широкие возможности для индивидуального толкования «Писания».

Те священники, которые не чувствовали себя связанными общественным положением, проповедники, выступавшие от имени бедноты, дошли до крайности в своем безусловном отрицании старого мира. Они не считали себя обязанными почитать ни одну из семи святынь католической церкви, отрицали их так же, как и все, что было связано с церковной иерархией и феодализмом. О том, насколько хорошо хилиастические священники, восставшие против богатства и роскоши в храмах, монастырях и приходах знали нужды бедноты, ясно свидетельствуют слова Желивского: «Из-за подлости священников, требующих дорогие дары, грабят живые образы божьи — бедных и нуждающихся людей, которые в наше время могут умереть с голоду»². Почему идеология хилиастов, какими бы фантастическими вымыслами она ни была окутана, оказалась столь жизненной, мы сможем понять лишь в том случае, если выясним истинную причину их иконоборчества и отрицания роскоши. Только тогда мы сможем понять позицию наиболее радикальных таборитских священников, которые еще в 1419

¹ Хроника Микулаша Бискупца (K. Höfler, II, str. 479).

² E. Stein, Želivský jako náboženská osobnost, VKČSN, 1947, str. 24.

году не боялись срывать покров мистики и божественности, которым был одет обряд причастия. Даже чаша—наивысшее выражение реформистских устремлений оппозиционного бюргерства, причастие, бывшее символом, способствующим объединению гуситов, их борьбе, теряла в глазах некоторых хилиастов свой ореол святости, а тело и кровь христовы превращались в обычные хлеб и вино.

Магистр Ян Пршибрам в своем трактате «Ad occurendum homini insano»¹ пишет, что примерно в конце 1419 года объявился еретик, который, следуя библейским образцам и считая себя посланником Божиим и ангелом² (св. Павел, 2,18), пытался полностью изменить церковный устав. Пршибрам обвинял этого проповедника-хилиаста в следующих шести главных заблуждениях³:

1. Хлеб, который Христос взял, благословил, преломил и роздал ученикам на последней вечере, не был телом христовым, равно как и в чаше была не кровь его. Когда Христос сказал: «сие есть тело мое», он показал действительно на свое настоящее, материальное тело, а отнюдь не на хлеб.

2. Тело христово и кровь его даются верующим в любой пище и в любом напитке—так же, как сам Христос дал апостолам и как священники до сего дня дают верующим.

3. Всем верующим, а не только священникам, дана власть благославлять тело и кровь господни.

4. Надо отказаться от мессы, от облачений, книг и других обрядов.

5. Освященную гостию не следует чтить поклонами.

6. Дети нынешних святых были зачаты без смертного греха.

¹ J. Sedláček, *Táborské traktáty eucharisické*, Brno, 1918, str. 6 (см. приложение IV, 1).

² Я не согласен с И. Седлаком (там же, стр. 7), который полагает, что этим неназванным проповедником был Мартин Гуска, по прозвищу Локвис. Седлак основывает свое утверждение на упоминании у Пршибрама о Мартине «...quem sacerdotes Thaboriensis alii angelum exercituum Thaboriensium alii Daniele prophetam, alii angelum propter ingenium et facundiam vocitabant» (K. Höfler, II, str. 828). Известно, напротив, что таборские священники всегда считали себя ангелами и так называли себя в своих хилиастических проповедях. (См., например, у Пршибрама «Život kněží táborských», ed. Masek, str. 267: «Выдавали себя за ангелов, коих бог послал, дабы устранили все зло»).

³ Содержание изложено по И. Седлаку (J. Sedláček, op. cit., str. 7).

В основе этих заблуждений заключалась борьба против церковной иерархии, против ее догматов, против превозношения духовенства над простыми верующими. Нет сомнения в том, что в идеях этого неизвестного таборского священника южночешская народная ересь развилась до абсолютного отрицания всего, что было связано со старым порядком. В возникшей ранее¹ идее отрицания исключительного права духовенства святить здесь прибавляется также идея отрицания причастия—она окружала священника таинственной силой, которую он будто бы получал благодаря его общению с богом. Все это—идеи, осужденные церковью того времени, как ересь пикартов².

Никоим образом нельзя считать пикартов—так же, как и народную ересь,—только религиозной сектой, идеи которых возникли на основе заимствования других «сектантских учений», и не видеть при этом неопровержимую связь таких радикальных учений, как учение гуситов о евхаристии, с классовой борьбой и с требованиями революционных масс. И в этом доведенном до предела отрицании церковных обрядов, обычаев и святынь следует усматривать отражение революционных настроений бедноты и сельского люда, восставших против феодалов. Пикартизм, как и хилиазм, был при тогдашнем уровне развития мышления, при тогдашнем уровне развития общества единственно возможной формой последовательной борьбы с мировоззрением правящего класса—с догматическим вероучением католической церкви.

Эта связь хилиазма с классовой борьбой бедноты и крестьян лучше всего доказывается тем, что и за пределами Чехии, в странах, где кризис феодализма в XIV веке сопровождался сильными революционными взрывами, хилиазм был также формой революционной идеологии. Во время борьбы фландрской бедноты и крестьян в двадцатых годах XIV века среди повстанцев распространились хилиастические пророчества, раздавались голоса, предсказывавшие наступление эры бесклассового общества, царства христово, царства братьев и сестер³. Подобные же призывы

¹ См. стр. 243 и сл.

² J. Sedláček, op. cit., str. 5; F. M. Bartoš, *Husitství a cizina*, str. 113 n., 176 n.; R. Holínka, *Počátky táborského pikartství*, Bratislava, VI, 1932, str. 187 n. Критический обзор всей проблемы в целом и связанной с ней литературы я даю ниже.

³ H. Pirenne, *Geschichte Belgiens*, II, S. 104 n., 230 f. См. также вводную главу, особенно стр. 59. Отсюда и сходство между

раздавались и во Флоренции во время восстания бедноты в 1378 году¹. Английские крестьяне, поднявшиеся в 1381 году на упорную классовую борьбу с феодалами, также обращались к примеру раннехристианской церкви, к тем временам, «когда Адам пахал, а Ева пряла, и когда не было господ»².

Для того чтобы определить связь между таборским хилиазмом и хилиазмом в других странах, следует иметь в виду сходства между теми формами, которые принимала классовая борьба у чешского и других народов. Борьба бедноты и крестьян во Флоренции, Фландрии и Англии, так же, как и борьба чешской бедноты и крестьянства, была направлена против феодалов. Ясно, что именно потому, что и там и тут на борьбу поднялись беднота и крестьяне, эта борьба породила сходную революционную идеологию. Даже если говорить о внешних формах этой борьбы, то и здесь можно было найти известную аналогию, ибо за границей, совершенно так же, как в Чехии, у вождей революционных масс было одно и то же руководство, один и тот же источник знаний, общая опора: «Священное писание». В этом и можно главным образом усматривать аналогию между чешским хилиазмом и хилиазмом в других странах.

Ошибочны и неверны с методологической точки зрения были бы попытки установить формальную зависимость таборского хилиазма от чужеземных хилиазмов, особенно—от Иоахима Флорского³. Единственным указанием, которым можно было бы в какой-то степени обосновать подобного рода зависимость, были народные пророчества иоахимитов, известные еще по немецкой или французской обработке,

хилиастическими статьями таборитов и брюссельской сектой 1411 года (R. Holinka, *Sektářství v Čechách před revolucí husitskou*, Bratislava, 1929, str. 169 n.).

¹ A. Doren, *Entwicklung und Organisation der Florentiner Zünfte in 13. und 14. Jht.*, 1897, s. 79 f., s. 85; A. Doren, *Studien aus der Florentiner Wirtschaftsgeschichte*, 1901, s. 255 f.

² G. M. Trevelyan, *England in the Age of Wycliffe*, London, 1946, p. 196.

³ О Иоахиме Флорском см. E. Schott, *Die Gedanken des Abtes des J. v. Fl.* (*Zeitschrift für Kirchengeschichte*, ed. Brieger, XXIII, 1902, s. 157 f.); Fr. Glaser, *Die franziskanische Bewegung* (*Münchener volkswirtschaftlichen Studien*, s. 59, 1903) и позднее H. Grundmann, *Studien über Joachim v. Floris*, Leipzig, 1927. Все эти работы отличаются, однако, идеалистическим, спекулятивным и теологическим восприятием идей Иоахима.

которые распространялись в Чехии до 1419 года¹. Более вероятным представляется предположение, что связь между хилиазмом Иоахима и Табора заключается не в формальном заимствовании (в отношении «ученой» ереси такого рода связи еще можно было бы установить, но это совершенно исключается в отношении народной ереси), а проистекает от общности источника—«Священного писания». Известно, что один из главных трудов южноитальянского мечтателя было толкование «Откровения св. Иоанна» (*expositio in apocalipsis*). Чешский хилиазм также черпал свои идеи из вдохновенных пророческих мечтаний этой библейской книги, исполненной кровавых картин, изображений обезображенных трупов лжепророков антихриста. Известно, что именно в этом «Откровении» черпал Ян Желивский идеи для создания самых смелых картин гибели старого порядка, рушащегося под сокрушительным натиском революционных масс; совершенно так же и таборские священники, толкуя «Откровение», стремились найти в нем идеи, которые еще больше способствовали бы развитию революционного движения². Не случайно Якоубек из Стржибра обращался к «Апокалипсису». Он тоже сделал его предметом своих толкований, но не для того, конечно, чтобы с его помощью поддержать революционное воодушевление, а наоборот, с целью парализовать воздействие хилиастических проповедей³.

Помимо «Апокалипсиса» источником таборского хилиазма были книги пророков Ветхого завета, особенно—Исаии, Иеремии, Даниила и Иезекииля. Проповедники толковали эти книги и дополняли их конкретным содержанием, соглашаясь лишь с собственным разумом. Здесь следует подчеркнуть большой вклад, внесенный в этой области простыми священниками, которые, не чувствуя себя связанными церковными предписаниями, очень своеобразно, остроумно и по-своему доводили до логического конца мысли, которые лишь в намеках содержались в библии. Листовки, трактаты и хроники, направленные против хилиазмов, непрерывно

¹ См. стр. 222.

² См. введение Шимека к изданию *Jakoubek ze Striibra, Výklad na Zjevení sv. Jana*, str. VI; самые смелые идеи Уиклифа опирались на толкование «Апокалипсиса»—трактат «*De Christo et suo adversario Antichristo*», доллардские толкования «Апокалипсиса» и т. д.

³ *Jakoubek ze Striibra, Výklad na Zjevení sv. Jana*, ed. F. Šimek; ср. также антиреволюционную позицию Якоубека в его послании против Ичина (J. Golli, *Quellen*, II, str. 51—53) и др.

обвиняли простых священников в той дерзости, с которой они давали народу придуманное ими самими руководство к жизни, придавая тем самым новый смысл «Священному писанию». Так, например, Вавржинец упоминает о проповедниках, которые в 1419 году проповедовали в Бехиньском крае многие заблуждения «из своей собственной головы» («Secundum capita prologia»)¹, Якоубек же обрушивался на учение простых священников, которые из пророчеств Исайи и Иеремии выводили заключения о конце света²; и вообще таборских хилиастов упрекали в том, что они «сами соблазняют простой люд своими идеями»³.

* * *

Подводя итоги нашего анализа паломнического движения, мы видим, что в горах собиралось прежде всего крестьянство и беднота. Священники соединяли распыленные силы революции, сплачивали их и вооружали—не только «телесно», но и «духовно»—для первых ударов. Хилиазм был революционной идеологией гуситских масс. Хилиасты-проповедники, развивая хилиастические идеи, опирались главным образом на книги Ветхого завета и на «Откровение св. Иоанна». Идеи создания царства христового на земле, которые содержались здесь лишь в намеках, они доводили до логического конца и излагали их веруящим. Однако хилиасты не сидели сложа руки в ожидании гибели старого мира (то есть феодализма) и наступления царства христового. Проповедники с помощью обедневших дворян вели паломников от сходок на горах к первым вооруженным схваткам с силами контрреволюции. Здесь же, на горах, обсуждался и практически был решен вопрос о справедливости такой войны.

Буржуазная историография, утверждая, что для дальнейшего хода революции имела решающее значение дискуссия о справедливости войны, борьбы за закон божий, которая происходила в начале 1420 года в Пражском университете, обнаруживает полное непонимание того факта, что революционные силы созревали в течение долгого периода⁴.

¹ FRB, V, str. 355.

² J. Goll, Quellen, II, str. 58.

³ АС, VI, str. 42.

⁴ Впервые эту мысль высказал Голл (J. Goll, Quellen, II, str. 47). Причину непонимания Голлом всего вопроса в целом следует искать в его неумении вскрыть классовую подоплеку дискуссии,

Крестьянство и беднота решили этот вопрос, не интересуясь мнением университета. Борьба в городах и провинции началась еще до 1419 года, а осенью 1419 года Вацлав Коранда уже открыто призывал к оружию. В начале ноября у Живгошти произошла первая схватка между революционным крестьянским отрядом, руководимым обедневшими дворянами, и феодальным войском. Начиная с 30 июля улицы Праги стали свидетелями то и дело вспыхивающих стычек, а в начале ноября, когда начались бои за Малую Страну, Прага стала театром настоящих военных действий. Вопрос о том, насколько допустимы военные действия, был для бедноты и крестьян решен. Но он не был решен для бюргерства и, прежде всего, для пражского бюргерства, которое в целом в ноябре 1419 года, ввиду угрозы со стороны внутренней и иноземной реакции, не вступило в борьбу на стороне бедноты и крестьянства. И в это время, когда университетские магистры в университетских залах и в ратуше решали вопросы о том, допустима ли борьба и какой—оборонительной или наступательной—она должна быть, с улиц до них долетали звон оружия и боевой клич народа, сражавшегося против угнетателей...¹

Истинный характер паломнического движения на горы и хилиазма коренным образом отличается от того, который приписывает им буржуазная историография. В лучшем случае буржуазные историки могли оценить участие и значение бюргерства и низшего дворянства в этих событиях. Однако они не могли понять и дать правильную оценку выступлению бедноты и крестьянства. Предвзятая идеалистическая концепция не позволяла им критически подойти к вопросу о религиозном характере паломнического движения. Ближе всех к пониманию подлинной сущности этого движения, равно как и хилиазма, был выразитель идей

в том, что он не умел отличить революционные силы бедноты и сельского люда от пражского бюргерства и университетских магистров. Отсюда постоянное преувеличение значения этой дискуссии (напр., K. Ho ch, Husité a válka, Česká Mysl, 1907; F. M. Bartoš, Do čtyř prazských artykulů, SPDMP, V, str. 569; J. Pe k a ř, Žizka, I, str. 96 n. atd.).

¹ На это обратили внимание еще Голл (J. Goll, Quellen, II, str. 47 n.) и Н. В. Ястребов («Этюды о Петре Хельчицком и его времени», стр. 57 и след.). Решение вопроса о борьбе исполнено внутренних противоречий. Вопрос войны оборонительной и наступательной в университетской дискуссии будет рассмотрен во второй части этого труда.

молодой чешской буржуазии Фр. Палацкий, который трактовал хилиастические воззвания как стремление священников «поднять весь народ на восстание и борьбу»¹.

Палацкому было ясно, что эти фантастические пророчества имели свой смысл. «Нет нужды доказывать, ибо это совершенно ясно, что сосредоточение народных сил для сопротивления венгерскому королю, который уже выступил из Венгрии, чтобы превратить в пустыню Чешскую землю, и было, собственно, целью того учения, против которого тщетно полемизировали пражские магистры, а в особенности магистр Есениц»². Как видно из приведенного отрывка, Палацкий, совершенно в духе борьбы чешской буржуазии против буржуазии немецкой (в середине XIX века!), понимал паломническое движение и хилиазм как попытку объединить чешскую нацию против иноземцев. Однако при такого рода оценке совершенно исчез классовый, социальный характер паломничества, который и не могла вскрыть работа Палацкого, написанная на основе идеалистического метода. Подобно Палацкому понимал хилиазм и паломничества на горы и В. В. Томек (80-е годы XIX века)³.

Йозеф Пекарж, идеолог чешской буржуазии эпохи империализма и острый классовой борьбы, не мог, естественно, дать положительную оценку процессу объединения революционных сил, совершавшегося на горах, и революционной идеологии хилиазма. Сущность взглядов Пекаржа на паломничества и на хилиазм выражалось в следующем утверждении: «Все эти явления были чисто религиозными по своему происхождению и характеру»⁴. Пекаржа, конечно, вообще не интересовало социальное положение бедноты и то, в какой связи находилось оно с паломническим движением; его не занимало, в каком отношении к реальной действительности находилась религиозная форма хилиазма. Он вполне довольствовался чисто формальным изложением религиозных постулатов и анализом различных влияний иностранных и отечественных идей. Так в его контрреволюционной трактовке хилиазм превратился в «учение полусумасшедших проповедников»⁵, которое не имело ровно никакого отноше-

ния к «социально-политической программе»¹. Высшей степенью искажения смысла паломнического движения и хилиазма являются следующего рода формулировки: «Хилиастическое безумие, эта болезнь, охватившая массы, могло продолжаться лишь несколько месяцев»²; в другом месте он говорил о «лихорадке хилиазма»³ и т. д. Участие революционных сил и совершенно очевидный классовый характер борьбы должны были быть вычеркнуты из истории Табора, равно как из всей чешской истории. Революционеры должны были предстать перед читателями в облике смешных и достойных сожаления сумасбродов, сумасшедших, охваченных «массовым безумием», которые ввиду совершенных ими безумств были справедливо истреблены силой оружия. Впрочем, Пекарж сам дал понять, почему он считал нужным изображать паломничества на горы и хилиазм как «религиозную лихорадку»: «Всюду речь идет о библейской терминологии, о фантастической программе основания царства божьего на земле, но никоим образом не о рациональных требованиях социальных, экономических или политических перемен. Непонимание этого положения вещей уже не одного современного историка привело к ложным выводам, тем более, что современная историография обращала весьма большое внимание на экономические и юридическо-социальные причины идеологической борьбы, не говоря уже о принципах историко-материалистической философии, которой революция, подобная таборской, давала, конечно, благодарный материал, чтобы прийти к выводу будто дело шло о восстании угнетаемого «пролетариата» против бессердечных властителей»⁴.

Итак, по мнению Пекаржа марксисты не намерены доказывать, будто в хилиазме были выражены «рациональные требования социальных, экономических или политических перемен». Однако, исходя из исторических фактов, марксистские историки пришли к выводу, что хилиазм был революционной идеологией, которой руководствовалась беднота и сельский люд в классовой борьбе против феодалов — в отличие от Пекаржа, которому нужно было скрыть клас-

¹ F. P a l a c k ý, Dějiny národu českého, III—1, 3 vyd., 1877, str. 343.

² Там же, стр. 345

³ V. V. T o m e k, Dějepis města Prahy, IV, 2 vyd., 1899, str. 29.

⁴ J. P e k a ř, Žižka, III, str. 33.

⁵ Там же, I, стр. 96.

¹ J. P e k a ř, Žižka, I, str. 181 и сл.

² Там же, стр. 180.

³ Там же, стр. 175.

⁴ Там же, стр. 189.

совую борьбу. Контрреволюционная, реакционная роль работ Пекаржа яснее всего проявилась в его отношении к хилиазму¹.

* * *

Основным недостатком всей буржуазной историографии было то, что она совершенно оторвала такие явления, как паломничества на горы, хилиазм и основание Табора от классовой проблематики и классовой борьбы, происходившей в чешском обществе накануне 1419 года. Исследования велись только в области преемственности идей, которая сама по себе не могла дать удовлетворительное объяснение спорным проблемам. Поэтому я попытался в этой главе отобразить начинающийся кризис чешского общества в догуситский период, те противоречия, о которых было подробно сказано во вводных главах. Смерть Гуса на костре в Констанце, как я старался показать, способствовала обострению и без того напряженного положения в стране, наглядно показав всем, кто стремился к реформе или к полной перестройке общества, что их цель настолько благородна, что жертвовать жизнью за нее—естественная обязанность. Иероним Пражский взшел на костер с той же решимостью, что и его друг, и первым доказал, что смерть Гуса—это революционный призыв к борьбе со старым строем. Однако различные социальные слои по разным причинам приняли участие в этой борьбе. Дворянство, поскольку оно примкнуло к гуситскому движению, преследовало свои классовые интересы и стремилось овладеть богатыми монастырскими угодьями и церковными богатствами. В захватах церковных владений принимали участие пань-католики и пань-«гуситы», как об этом свидетельствует, например, ночное нападение на Опатовицкий монастырь и его разгром (1415 год). Разложение господствующего класса, сопрово-

¹ Подобно Пекаржу, поверхностно толкует роль паломничества на горы и Халоупецкий (V. Chaloupský, Selská otázka v husitsví, str. 51): «... народ, который всегда склонен к суеверию и легче всего способен уверовать в сверхъестественные явления...» Нельзя согласиться с Бартошем (F. M. Bartoš, Do čtýř pražských artykulů, 1940, str. 42 и SPDMР, V, str. 562) в том, что хилиазм был порожден страхом перед натиском реакции. Хилиастические идеи проявлялись уже значительно раньше. Подобно этому и Славик (J. Slávik, Husitská revoluce, str. 78) может говорить о зарождении революционного хилиазма под давлением международной реакции только потому, что он игнорирует факты.

ждавшее эту борьбу светских феодалов против церковных, еще усугублялось борьбой дворян между собой и неспособностью королевского правительства подавить феодальные междоусобицы. Бессилие короля Вацлава IV простекало не только от его личных качеств, но и из того безвыходного положения, в котором оказалась королевская власть в период обострившихся классовых противоречий. И королевский двор, находясь под влиянием низшего дворянства, лишь разжигал эти раздоры, вместо того чтобы в интересах обеспечения эксплуататорских прав феодалов силой государственной власти подавлять раздоры внутри правящего класса.

Картину феодальных противоречий и борьбы против церкви я дополнил данными о волнениях в городах, где нападающей стороной была беднота и мелкие горожане, а объектами нападения—духовенство и патрициат. Отнюдь не случайным является тот факт, что города, где накануне 1419 года шли самые ожесточенные бои против церковников, встали в 1419 году во главе объединявшихся революционных сил («пять городов»). С особенной остротой классовая борьба шла в Праге; высшей точкой ее было восстание 30 июля 1419 года, когда революционная беднота во главе с Яном Желивским временно взяла власть в свои руки. Однако победа пражской бедноты не могла быть закреплена без сотрудничества с революционными силами крестьянства. Уже в самом начале, при первых же взрывах революционного движения, пражское бюргерство показало себя ненадежным союзником, стремившимся к осуществлению реформ феодального общества мирным путем, без участия вооруженных отрядов революционной бедноты. В тот период решающим был вопрос о том, удастся ли пражской бедноте объединиться с крестьянскими массами.

Объединение и процесс революционизирования деревни должны были принять здесь иные формы, чем в городе. В течение ряда лет мелкие бродячие проповедники подготавливали верующих к тому моменту, когда нужно будет с мечом в руках выступить против греховной власти антихриста—против старого общественного строя. На горах, согласно библейским заветам, было начато постепенное объединение народных масс. И «Священное писание» толковалось на горах таким образом, чтобы воодушевить собравшихся и побудить их на борьбу за новый, лучший мир, за царство христово. Хилиазм, пророчествующий гибель ста-

рого мира, необходимую для наступления царства Христа, стал революционной идеологией паломников, которых по имени горы Табор называли таборитами. С тех же самых гор раздавались и призывы к борьбе против феодалов. Вацлав Коранда в Пльзене и на Кржижках неустанно звал в бой. В «пяти городах» и на горах произошло объединение народа окраинных областей, связанных между собой; за этим следовало постепенно переходить ко всеобщему объединению революционных сил. В сентябре 1419 года на Кржижках собрались паломники с запада и юго-запада Чехии, соединившиеся там с южночешскими таборитами и пражанами. Объединение всего революционного народа сельских областей с пражской беднотой должно было совершиться в Праге в начале ноября. Панство и зарубежная реакция, естественно, не намеревались сидеть сложа руки перед лицом такой опасности, как мобилизация революционных сил. Был создан панский союз во главе с королевой-регентшей Софией, католическими и «гуситскими» панами; к этому контрреволюционному союзу присоединилось и пражское бюргерство. Табориты, двинувшиеся на Прагу, впервые вступили в битву с феодалами у Нивгошти и с помощью паломников из западной Чехии обратили их в бегство. В начале ноября на пражских улицах вспыхнули кровавые уличные бои, в ходе которых беднота и мелкие горожане сражались против панского союза. Однако коншелы за спиной сражающегося народа договорились с панами о перемирии, дав тем самым понять, что они не хотят больше иметь ничего общего с революционной борьбой. Сельские паломники были вынуждены уйти из Праги, вместе с ними ушла в Пльзень и часть пражской бедноты. Пльзень, Город солнца, стал теперь главным очагом революции. Но и южночешские табориты не отчаялись после неудавшейся попытки объединения революционных сил в Праге и стремились найти прочный революционный центр. Во время масленицы 1420 года, в дни, когда, согласно предсказанию, на старый грешный мир должен был обрушиться страшный гнев божий, они с бою взяли Усти Сезимово.

Верные идее полного уничтожения старого порядка и строительства новой, лучшей жизни, они 30 марта 1420 года подожгли покинутое Усти Сезимово и основали на Градище революционный центр, опору революционных сил—город Табор, где должна была начаться для всего простого народа новая, радостная жизнь.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

СОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ ТАБОРИТОВ В 1420—1452 ГОДАХ

Источники официального характера—основа для изучения социального состава таборитов.—Критика методологии буржуазной историографии.—Анализ источников официального характера: «Книга казней» панов из Рожмберка.—Показания гончара Сливки в 1420 году.—Реестр Златокорунского монастыря.—Отрывки из урбарных реестров Тржебоньского монастыря.—Запущение в ряде мест в связи с возникновением Табора.—Анализ таборитского рихтаржского реестра 1432—1450 годов.—Список запрещенных ремесел и мелких промыслов.—Социальный состав таборитов в 1432—1450 годах по данным рихтаржского реестра.—Дополнение официальных источников данными частного характера и их сравнительный анализ.—Данные «Хроники» Вавржинца из Бржезовы о социальной структуре таборитов.—Писарь Прокоп.—Папоушек из Собеслава.—Ян Пржибрам, Ондржей Ржезенский, Ондржей из Брода, Ондржей из Эскобара, Эней Сильвий Пикколомини.—Переписка Ольдржиха из Рожмберка.—Сатирическое произведение «Вацлав, Гавел и Табор».—Корреспонденция Ческих Будеёвиц и сведения в «Книге казней» о Червене Ржечице и войске таборитов.—Микулаш Бискупец из Пельгржимова.—«Старые чешские летописи».—Анонимные выпады против гуситов.—Прокоп из Пльзена.—Иоанн Паломар о таборитских войсках.—Дворяне и бюргеры—ненадежные борцы за идеи гусизма.—Привилегии, дарованные Сигизмундом Табору.—Переписка таборитов с Ольдржихом из Рожмберка.—Неизвестный священник и Шямон-кузнец.—Эней Сильвий Пикколомини о Таборе в 1451 году.—Выводы.

История Табора, неразрывно связанная с предшествующим ходом событий, начинается собственно с основания Табора. Вспомним, сколь жестокой была в эти годы борьба противоположных интересов, как бурно проявлялась она в открытых боях. И, конечно, разобратся в этом клубке интриг, во всех политических маневрах, в характере открытых политических выступлений, исходя только из свидетельств самих участников, невозможно. Пока не будет выяснено, на чьей стороне находится автор того или иного

произведения, чьи классовые интересы—сознательно или бессознательно—он отстаивает, нельзя считать свой анализ правильным. Во введении я уже попытался показать в общих чертах главные действующие силы и обрисовать историческую обстановку накануне первых вспышек революционного движения. Наша дальнейшая задача—ответить на вопрос, какое место занимал и как развивался Табор на этой начальной стадии революционного движения. Вправе ли мы, отвечая на этот вопрос, исходить из данных, а также из источников частного характера?

Общеизвестно, что все сведения о Тобо́ре за редким исключением мы черпаем у его противников. Обратим внимание, например, хотя бы на источники, использованные И. Пекаржем, и его монографии «Жижка и его время»¹,

¹ J. P e k a ř, *Žižka*, IV; обзор использованных источников см. на стр. 294 или *Žižka*, I. Этот том посвящен так называемому «допросу свидетелей». Пекарж, правда, добросовестно описал их биографии, увлекательно изобразил возникновение «дел о гуситах», но из показаний свидетелей выбрал то, что подходило для его концепции. Само собой разумеется, что он вообще не интересовался классовой принадлежностью «свидетелей». Между тем по своему социальному составу они распределялись следующим образом:

1. Якоубек из Стржибра—магистр пражского университета, типичный идеолог гуситского «центра», пражского бюргерства.

2. Микулаш из Дрездена—пражский проповедник и учитель, радикал, стоявший на крайнем левом крыле, идеолог бедноты; впрочем, о Жижке и Тобо́ре он в своих трудах не упоминает.

3. Ондржей из Брода—профессор теологии, изгнанный из Праги, идеолог католической эмиграции.

4. Вавржинец из Бржезовы—магистр университета, «по происхождению владыка», идеолог гуситского «центра», пражского бюргерства.

5. Лудольф Заганьский—аббат, идеолог зарубежной католической церковной иерархии.

6. «Спор Праги с Кутной Горой перед судом христовым» — автор неизвестен, повидимому, магистр пражского университета.

7. «Вацлав, Гавел и Табор»—памфлет неизвестного католического священника.

8. Шимон из Тишнова—магистр университета, католик, изгнанный из Праги.

9. Микулаш из Пельгржимова—таборитский епископ.

10. Ян Пршибрам—магистр пражского университета, представитель «правого крыла гуситского движения».

11. Эбергард Виндеке—купец, придворный короля Сигизмунда.

12. Петр Хельчицкий—вероятно, по происхождению владыка, идеолог зажиточного крестьянства.

13. Эней Сильвий Пикколомини—сначала придворный императора Фридриха III, затем кардинал и позже папа Пий II.

и посмотрим, что представляет собой эта достойная, по словам Пекаржа, доверия масса «свидетелей». Имеется множество произведений, принадлежащих перу духовных лиц, университетских магистров и дворян, то есть представителей и идеологов правящего класса: это хроники, памфлеты, религиозная литература, стихотворения.

Таких источников большинство. Что же касается идеологов бюргерства, то их очень мало и, как правило,

14. Штепан из Долан—католический аббат.

15. Штепан из Пальч—изгнанный магистр университета.

16. Ондржей Ржезенский—идеолог католической иерархии за рубежами Чехии.

17. «Anonymus de origine Taboritarum»—католический памфлет.

18. Томаш Эбендорфер—профессор теологии венского университета, придворный императора Фридриха III.

19. «Staré letopisy české» принадлежат перу нескольких анонимных авторов, повидимому, рыцарей и бюргеров, относятся к середине и концу XV столетия.

20. Бартошек из Драгениц—рыцарь, католик.

21. «Хроника старого коллегията» и приложение к ней—автор, повидимому, магистр университета или пражский бюргер, «правый гусит, повидимому, чрезвычайно правый» (J. P e k a ř, *Žižka*, II, str. 99).

22. Бурхард Цинк—немецкий купец.

23. «Drobné analistické záznamy let třicátých až padesátých»—протоколы католических судов над гуситами вообще.

Эти 23 наиболее значительных источника, написанные современниками Жижки, Пекарж положил в основу своего исследования и выводов об эпохе Жижки и об истории Тобо́ра. Здесь представлено 14 работ идеологов католического лагеря (из рядов магистров университета, эмигрантов, придворных императора Сигизмунда, представителей заграничной реакции и дворянства). Бюргеры-гуситы и университетские магистры, говоря о своих противниках таборитах, в шести из приведенных случаев клеветают на них, при этом так называемые Коллегият и Ян Пршибрам ничем не отличаются от идеологов католической реакции. Труд Петра Хельчицкого стоит совершенно одиноко, и при том методе, которым пользуется Пекарж, совершая свой «допрос свидетелей», не может так же, как работа Микулаша из Дрездена, послужить источником для получения конкретных сведений о Тобо́ре и Жижке. Один только сборник религиозно-политических трактатов Микулаша Бискупца является работой представителя интересов таборитов. Само соотношение: 14 католиков, 6 представителей правого крыла и «центра» гуситов, два изолированных из различных группировок голоса и один таборит—заставляет историка насторожиться. Тот факт, что Пекарж дал слово реакционерам, не просто результат недостаточно критического отношения его к материалу; искаженное представление о Тобо́ре вытекало из исторической концепции Пекаржа как буржуазного историка эпохи углубляющегося кризиса капиталистического общества.

все они жители Праги; совершенно одиноко в этом отношении стоит Микулаш Бискупец, представитель города Табора.

Его хроника, представляющая собой, собственно, обширное собрание политических и религиозных источников, возникла гораздо позже и отнюдь не преследовала цель рассказать о возникновении Табора или передать историю нового города. Уже из самого расположения материала хроники Бискупца видно, что его главной целью была защита точки зрения Табора в той идеологической борьбе, которая развернулась в 1440—1444 годах против пражан и представителей других городов. А если Бискупец говорит в ней о возникновении Табора, то лишь мимоходом, чтобы придать повествованию большую последовательность и ввести его в определенные рамки. Вряд ли следует упоминать о том очевидном факте, что до нас не дошло хроник и воспоминаний, написанных рукой самих таборитов.

Мы поступили бы неправильно, если бы совсем отказались от использования источников, написанных в лагере, враждебном гуситам. Ведь в этих источниках отражается жизнь. В каждой их строчке, в их иронии, в их резких нападках—во всем чувствуется биение жизни. Однако на основе анализа этих источников нельзя делать выводы, пока не найден критерий, исходя из которого можно было бы понять классовую точку зрения авторов данных источников и который позволил бы увидеть историческую картину в ее истинном свете.

«Мы исходим,—указывали Маркс и Энгельс,—не из того, что люди говорят, воображают, представляют себе и не из словесных, мыслимых, воображаемых, представляемых людей, чтобы от них притти к подлинным людям; мы исходим из людей действительно деятельных и выводим из их действительного жизненного процесса также и развитие идеологических отражений и отзвуков этого жизненного процесса»¹.

Для историка нового времени выполнение этого требования не составляет труда. Теперь, если мы хотим выяснить, на какие социальные группы распадается население данной страны, города или деревни, мы прибегаем к статистическому методу, исследуем статистические данные, причём основу и исходный пункт для исследования мы находим

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 16—17.

в разделе «Занятие». Средневековые ничего подобного не знали. Более того, в тот период прилагали все усилия к тому, чтобы данные о социальном составе, количестве жителей и т. д. не стали всеобщим достоянием¹.

Составляя списки подданных, власти преследовали прежде всего фискальные цели. В городах в целях взимания городских поборов составляли списки горожан, владеющих имуществом². Как только список выполнял свою функцию, он терял интерес в глазах городских властей, вследствие чего до нас дошли только отрывки этого вида источников.

Мы установили связь между такими явлениями, как бедственное положение крестьянства, паломничество на горы, распространение в среде народа еретических воззрений и возникновение Табора. Это обязывает нас сделать попытку определить социальный состав зарождающегося города, ставшего затем центром революционных сил представителей левого крыла гуситского движения. Чрезвычайно важно установить социальный состав таборитов в первые годы движения.

Как известно, в 1419 году (и даже раньше) народные массы пришли в движение. Прежде всего необходимо выяснить, кто же были первые табориты и к каким классам общества они принадлежали. Мы отмечаем в начале этой главы, что ответ на вопрос о социальном составе Табора является основным и решающим при изучении истории таборитов. Поэтому из всех доступных нам источников необходимо собрать сведения о социальной структуре Табора в годы его возникновения, сравнить данные отдельных источников, найти ключ к пониманию последующих этапов истории таборитов.

¹ К переписи населения в Нюрнберге, проведенной в 1449 году (единственная сохранившаяся точная перепись населения средневекового города), сделана приписка, что все ее данные должны сохраниться «in grösser heimlichkeit» («строжайшей тайне»). (См. Chroniken der deutschen Städte, II, s. 317 n. и K. Bücher, Die Bevölkerung v. Frankfurt a. M. in 14 und 15 Jht., s. 34 n.). Ф. Шоберг (F. Schöberg, Finanzverhältnisse der Stadt Basel im 14 und 15 Jht., Tübingen, 1879, s. 26—27) указывает на то, что населению никогда не сообщался размер суммы налогов, а книги и реестры хранились втайне и под замком, чтобы общественность не узнала, какова численность и состав населения.

² Об этом виде источников см. J. Masek, Třídni struktura Loun v. r. 1460 (ČSPSČ, 58, 1950, str. 157 n.).

Вряд ли стоит говорить о том, что буржуазная историография вообще не занималась этим вопросом. Историкам, которые верили в то, что волна «религиозного возбуждения» толкнула часть чешского общества на кровавые столкновения, и в голову не приходило заниматься вопросом, и в голову не приходило были эти табориты. Буржуазные ученые выискивали взаимно переплетавшиеся «идеи», которые якобы толкали общество на «самостоятельные размышления о божественных предметах»¹. Исходным пунктом служили удобные, ничего не говорящие схемы, основывающиеся на таких понятиях, как «атмосфера эпохи», «дух времени», «лихорадочный пульс эпохи», и тому подобные схемы, которые, конечно, давали возможность буржуазным историкам по-своему «объяснить» Табор и гуситство, причем в этом объяснении полностью игнорировались классовые интересы отдельных лиц и целых социальных группировок.

Подобный методологический недостаток свойственен в целом очень солидной работе Бецольда². Тот же недостаток позволил Пекаржу в главе «О социально-политическом характере движения таборитов» извратить верные в своей основе выводы Бецольда³.

Однако точку зрения, которую Пекарж предлагает в указанной выше главе, нельзя рассматривать как серьезный научный анализ, поскольку источниками, на которых он основывался, являются несколько произвольно истолкованных цитат, разбавленных множеством априорных построений и гипотез⁴. Заранее надуманная схема, согласно которой гуситское движение рассматривалось как движение религиозное, развивающееся в противовес «про-

¹ Обе цитаты заимствованы у Пекаржа (J. P e k a ř, *Žižka*, I, str. 192).

² Бецольд (F. v. B e z o l d, *K dějinám husitství*, Praha, 1904), описывая социальную структуру Табора, в общем согласен с Палацким.

³ J. P e k a ř, *Žižka*, I, str. 169 n. На этой же точке зрения Пекарж стоял и ранее, во введении к книге Бецольда «*K dějinám husitství*».

⁴ См., например, J. P e k a ř, *Žižka*, I, str. 195. Здесь имеется правильное указание на то, что «первый Табор (неверная формулировка Пекаржа) состоял, главным образом, из бедняков, пришедших из деревень, городов и местечек», подтверждаемое цитатой из магистра Яна Папоушека (H ö f l e r, III, str. 158; то есть из источника 1440 года) и магистра Прокопа из Пльзена (J. S e d l á k, *Studie*, III, 126, то есть периода Липан).

священному духу готического периода»¹, не нуждалась в исследовании исторического развития социальной структуры Табора.

Сравнительно больше фактического материала, помогающего понять социальный характер гуситского движения и социальную структуру Табора, собрал Р. Урбанек², но он собирал его не систематически, и потому собрание его неполно. Изучение социальной структуры для Урбанека не являлось исходным пунктом и базой дальнейшего исследования. Он ограничился лишь простой констатацией фактов, рассматривая гуситское движение главным образом как религиозное движение. Вот почему, анализируя социальную структуру таборитских войск, Урбанек делает такое заключение: «Я не думаю, что крестьян побуждало идти в войска Жижки и Прокопа их социально-экономическая сознательность, хотя это было бы вполне естественным выводом, если признать у них наличие такой сознательности. В действительности причиной был их религиозный энтузиазм...»³

Эта цитата из работы Урбанека является классическим примером того, как априорное предвзятое построение, идеалистический метод стоят на пути здоровой мысли исследователя, который, вообще говоря, правильно оценил гуситское движение. Вывод о том, что борьба социальных низов, вступавших в войска таборитов, была классовой борьбой эксплуатируемых, напрашивается сам собой. Тем не менее Урбанек не отважился сделать этот вывод и выйти, таким образом, из заколдованного круга идеалистических схем. Можно ли привести более наглядный пример того, как мнимый «строго научный» позитивистский исторический метод, исходящий из идеалистического мировоззрения, служит в действительности правящему классу? Общий вывод исследования Урбанека, отказавшегося от «естественного» толкования в конце концов тождественен с точкой зрения Пекаржа: оба они полагают, что гусизм—это религиозное движение, ничего общего не имевшее с классовой борьбой. С точки зрения политической подобного рода выводы вполне устраивают буржуазию, особенно в период обостренной

¹ Вдохновенное, но устаревшее изложение В. Халоупецкого (V. C h a l o u p e c k ý, *Selská otázka v husitství*, str. 23).

² R. U r b á n e k, *Lipany a konec polních vojsk*, Praha, 1934, str. 48—82 (в главе о таборитском войске).

³ R. U r b á n e k, *op. cit.*, str. 71.

классовой борьбы, происходившей в 1934 году. Можно было бы привести множество бессистемных и неточных высказываний по поводу социальной структуры Табора. Однако систематического анализа источников и окончательного решения этой проблемы в нашем распоряжении нет.

* * *

Основой для изучения социальной структуры Табора в 1420—1452 годах являются источники официального характера. Это «Книга казней» панов из Рожмберка, Златокорунский податной реестр, старинная городская книга Табора и другие. Первостепенное значение для решения интересующего нас вопроса имеет «Книга казней» панов из Рожмберка¹. Приходится только удивляться, что до сих пор дан-

¹ Описание и анализ «Книги казней» я даю на основании фоторукописи, находящейся в Государственном историческом музее в Праге; оригинал ее находится в бывшем Шварценбергском архиве в Тржебоне. Издание Фр. Мареша (Popravčí kniha rápní z Rožmberka v Pojednání královské české společnosti nauk, t. 6, díl. 9, Praha, 1878) в настоящее время уже не может считаться удовлетворительным. Во многих местах Мареш неправильно понял текст; он переставлял протоколы допросов с одного места на другое, так что необходимо новое издание. Несмотря на это, все ссылки на «Книгу казней» я привожу по изданию Мареша, чтобы облегчить их проверку. Записи начинаются с 1389 года. Затем следует без всякой последовательности 1391, 1394—1398, затем 1401, 1399, 1409, а с листа 27 начинаются 1420, 1422, 1423, 1424, 1427 и 1429 годы. Для нас представляет интерес вторая половина книги, начиная с 27 листа (1420 год), причем самый обширный ее раздел—1423 год—занимает 14 листов, то есть две пятых всей книги. В нее входят показания заключенных («преступников»), пойманных рожмберскими сыщиками или их осведомителями. Заключенных допрашивали, поднимая на дыбу, в погребах, служивших камерами пыток, и, повидимому, тут же записывали их показания. Эти показания, конечно, не всегда точно записывались в «Книге казней». Правда, в руках писарей, составлявших ее, были записи, сделанные в камерах, но они переписывали их не целиком, а делали из них выборку.

Это отмечает и Пекарж (P e k a ř, Žizka, II, str. 23), но он не делает из этого факта соответствующих выводов для своего дальнейшего анализа и изложения. Я согласен с Томаном (VKČSN, 1890, str. 57, rozp. 2), полагавшим, что этой книгой не пользовались для практических надобностей суда и что часть ее, относящаяся к периоду после 1420 года, была в нее включена дополнительно, по особому заданию Ольдржиха Рожмберского. Представляется вполне возможным, что ввиду постоянного напряжения, а также ввиду переговоров между Ольдржихом и Табором, этот список был составлен для самого Ольдржиха Рожмберского и играл известную политическую роль.

ный источник не был использован с этой точки зрения. Впрочем, именно тенденциозное идеалистическое понимание гуситства не нуждалось в источнике, указывающем на то, кем собственно были те табориты, о которых имеются столь противоречивые мнения современников и историков. Пекарж, последний из историков, черпавших материал из «Книги казней», использовал ее лишь для того, чтобы еще больше очернить Жижку, описывая воровство и грабежи, предательства, лицемерие, моральный упадок¹. Признавая виновными тех, кто осужден в «Книге казней», Пекарж полностью солидаризируется с панами Рожмберками. Уже при самом беглом взгляде на этот источник становится ясно, что данные его искажают действительность. Паны Рожмберки и их союзники, разумеется, видели в повстанцах разбойников, «сброд». Эту точку зрения разделяли, конечно, и палачи, с помощью пыток вынуждавшие несчастных узников давать показания, и писари, записывавшие эти показания. И только историк, сознательно защищающий все отжившее, сознательно искажающий историю, мог не заметить (сознательно или бессознательно) эту классовую пристрастность «Книги казней»². Из записи допроса мы узнаем, что нередко заключенные отказывались от своих показаний. Под пыткой человек клеветал на себя и своих товарищей, признавался в самых гнусных и невероятных злодеяниях, надеясь, что это сохранит ему жизнь. Но, направляясь к месту казни, всходя на костер, он понимал, что все эти вымыслы

¹ J. P e k a ř, Žizka, II, str. 55—56. Томек и Томан, обращаясь к «Книге казней», интересовались главным образом началом XV столетия и участием Жижки в боях, которые мелкие отряды вели в южной Чехии.

² Весь ход анализа Пекаржа свидетельствует о том, что он не упустил из виду, а намеренно использовал этот источник для подтверждения заранее сконструированной им схемы. Сначала он преподносит читателю список всех преступлений, ужасов и гнусностей, совершенных таборитами, и лишь затем, в конце, отделяется одним критическим замечанием (P e k a ř, Žizka, II, str. 56): «Картина, которую создают записи в «Книге казней» о Таборе и таборитах, а тем самым и о Жижке, конечно, односторонняя». Но сделанный в заключение вывод из анализа «Книги казней» свидетельствует о неправильном и совершенно некритическом восприятии ее данных: «Важно, что весь материал, приведенный в обвинениях, составлен во времена Жижки, обладает большой жизненностью и непосредственностью и в целом не вызывает сомнений по своей датировке» (там же). Понимая, что «Книга казней» написана односторонне, Пекарж, однако, не колеблясь, использует ее для того, чтобы очернить Табор, оклеветать его. Для этой цели он не гнушался никакой ложью.

не спасли его — и тогда он отрекался¹. Вполне возможно, что большинство тех, кто признался под пыткой, затем отказались от своих показаний. Писари, которые записывали показания уже после допросов², не были, разумеется, заинтересованы в том, чтобы затем указывать, что заключенные полностью или частично отрекались от своих показаний. Какую же цену вообще могут иметь подобные «показания», приводимые Пекаржем, как свидетельства «нравственного упадка Табора»? Я счел необходимым обратить внимание на все эти факты прежде чем перейти к анализу данных «Книги казней». Большинство заключенных, томившихся в рожмберкских застенках, были разбойниками и «подонками» только с точки зрения феодалов; в действительности они были бойцами враждебного лагеря.

Это были участники таборитских войск, которые вели войну с Рожмберками обычным в средние века способом. Небольшие таборитские отряды нападали на поместья пана Ольдржиха, равно как и на владения будеевицких панов и их союзников. Табориты, взятые в плен в ходе этих боев, и составляли ядро заключенных, имена которых проходят перед нами на страницах «Книги казней».

Почему я употребляю выражение «ядро заключенных»? В «Книге казней» на листе 27 (от 1420 года) приводятся не только показания лиц, бежавших к таборитам и сражавшихся в их рядах. В застенках Крумлова и Будеевиц допрашивали также и людей, ничего общего не имеющих с таборитами. Попали они туда за грабеж на дорогах, мелкие кражи, убийства, поджоги и тому подобное. Это действительно были разбойники и грабители, и их совершенно ясно можно отличить от остальных. В своих показаниях они никогда не говорят о Таборе и Прахатицах и никогда не упоминают никого из таборитов. Сравнивая имена людей, упомянутых в «Книге казней», я не нашел их и среди членов таборитских войск. Интересен тот факт (и мы еще к нему вернемся), что подобного рода люди сами показывали на допросах, что занимались воровством и грабили на дорогах простых людей, бедных женщин и крестьян. Таковы, например, показания Пржибика из Жабовржеск в 1420 году³, Вацлава

из Свинце¹, Вальты из Уезда², сына Вандерзонова в 1427 году³, Фридля из Рухштайна и Ванека старшего из Нетолиц в 1429 году⁴. В показаниях последнего прямо говорится: «и тут мы часто грабили крестьян и отбирали у них деньги». Необходимо еще раз подчеркнуть, что у этих грабителей не было ничего общего с Табором, что у них не было в Таборе сообщников и, более того, они никогда не помогали таборитам в их борьбе. Понятно, что показания этих грабителей, не имеющих ничего общего с таборитами, не могут внести ясность в вопрос о социальном составе Табора. Поэтому при разборе «Книги казней» подобные показания я просто опускал.

Я ограничился разбором второй половины нашего источника и старался выяснить, кто с 1420 по 1429 год непосредственно воевал в войсках таборитов или поддерживал их. На первое место следует поставить тех, кто признался под пыткой, что воевал в войсках таборитов или их союзников. Сюда я включил также всех союзников таборитов, бойцов и сочувствующих им, которых выдали под пытками.

Конечно, иногда допрашиваемые могли называть и людей невинных (хотя бы просто из личной мести) или инакомыслящих. Но в целом показания разных лиц относительно тех, кто поддерживал Табор, сходятся, поэтому этих людей можно включить в наше исследование.

Итак, я отобрал имена 590 человек, упомянутых при допросах в Рожмберкских застенках, обвинявшихся в связях с Табором, то есть тех, кто непосредственно принадлежал к таборитам или оказывал им помощь. Эти 590 таборитов и их союзников послужили материалом для определения социального состава Табора. Следует отметить, что на основе этих данных можно определить приблизительно социальный состав Табора не в течение какого-то определенного года, а примерно за период с 1420 по 1429 год. К этим годам относятся данные приблизительно о 600 таборитах, из которых:

1. Сельскому населению принадлежит 266 человек
2. К беднякам 93 человека

¹ F. Mareš, op. cit., str. 31—32. Интересно, что этот Вацлав, несомненный грабитель, не подвергался пыткам (был допрошен «без пытки»).

² Там же, стр. 32.

³ Там же, стр. 50.

⁴ Там же, стр. 51.

¹ Подобный пример приводит Мареш (F. Mareš, op. cit., str. 36); отрекся от части своих показаний и слуга Янек Рокицанский (там же, стр. 28).

² См. прим. 1 на стр. 394.

³ F. Mareš, op. cit., str. 25.

3. Ремесленников, как городских, так и деревенских было	35 человек
4. Горожан	80 »
5. Священников	7 »
6. Дворян	14 »
7. Чужеземцев	5 »
8. Людей, социальное положение которых точно определить не удалось	90 »
Итого	590 »

Мне кажется, что эта таблица дает ясное представление о социальном составе таборитов; если же исключить те 90 человек, социальное положение которых неизвестно, и дать процентные отношения, то получится еще более ясная картина. Из этих 500 таборитов:

1. Сельское население составляло	53,2%
2. Бедняки	18,6%
3. Ремесленники, как городские, так и деревенские	7,0%
4. Горожане (без точного указания социальной принадлежности)	16,0%
5. Священники	1,4%
6. Дворяне	2,8%
7. Чужеземцы (без точного указания социальной принадлежности)	1,0%

В первую группу—сельское население—включены имена, которые указывают на то, что речь идет о сельских жителях (Тома из Бржезовика, Вацлав Патковиц из Брлога и т. д.). Многих из них вполне можно (да и нужно) причислить к бедноте. Безусловно, среди них имелись безземельные крестьяне, владельцы одной хаты без земельного надела (их положение станет нам более ясным после анализа реестра Златокорунского монастыря), а также поденщики и батраки. Само собой разумеется, что в эту категорию входят и зажиточные крестьяне, рихтаржи и кабатчики. Вот почему я применяю самое широкое понятие—сельское население, жители деревень. Если определенного социального разграничения в среде лиц этой группы провести нельзя, то вторая группа более четко дифференцирована в социальном отношении. К бедноте причислены те, кого называли работниками, слугами («famuli»), а также те, кто, несомненно, являются людьми наемного труда (подмастерья,

пастухи)—это беднота в таком же смысле, как ее понимает, например, Фр. Граус¹.

В третью группу входят сельские и городские ремесленники, о занятиях которых говорят уже сами имена. К сельским ремесленникам принадлежат кузнецы, сапожники, портные; в числе городских относительно большее количество составляют кожевники. Общее число ремесленников слишком мало, чтобы на основании данных о них можно было бы делать какие-нибудь выводы. Эти ремесленники распределяются следующим образом:

кузнецы	7	колесник	1
сапожники	4	столяр	1
лавочники	4	портной	1
кожевники	3	птичник	1
повара (панские, Рожмберков из Крумлова)	3	конюх	1
резник	1	горняк	1
платочница	1	мясник	1
писарь	1	ткач	1
гончар	1	цирюльники	2

Большое число деревенских кузнецов свидетельствует о том, что они делали оружие для войска, а также чинили его. Об этом прямо говорится в «Книге казней»². Ванек, сельский кузнец из Смедчи, 24 ноября 1422 года под пыткой «сначала говорил, что когда еще был дома в Смедче, с соседями ходил в Страконице, в Раби, в Будеевице и к Быстрице слушать проповедников из Прахатиц и дома много **цепов сделал**. А потом, когда убежал в Прахатице, **помогал делать ружья**» (курсив мой—И. М.). Думаю, что судьба кузнеца Ванека типична и для других сельских кузнецов. Вначале он дома в кузнице делал примитивное оружие—цепы, потом ушел с вооруженными отрядами в город (в Прахатице или в Табор), там помогал в кузницах выделывать более совершенное оружие—ружья. Интересно было бы узнать, как были организованы эти мастерские, в которых делалось оружие. Были ли это все еще мастерские, принадлежащие отдельным городским мастерам, или городские общественные оружейные мастерские? На этот вопрос, од-

¹ Fr. Graus, Chudina městská v době předhusitské, Praha, 1949. О мелком дворянстве в южной Чехии см. дополнительные сведения у Седлачека (A. Sedláček, ССН, XXIII, 1917, str. 343 n.).

² F. Mareš, op. cit., str. 27.

нако, мы не можем ответить. Безусловно, прилив в города ремесленников из деревень не мог не сказаться на характере городского ремесла. Нам известно, что ремесленников, обработывавших металл в самом городе Таборе, было сравнительно мало. Это, повидимому, можно объяснить тем, что большая часть кузнецов, находившаяся в деревнях, обслуживала войска. Однако это всего лишь предположение, поскольку материалы, которым мы располагаем, слишком скуден, чтобы на основании его можно было прийти к определенным выводам.

4 Ремесленников из деревень и городов я выделил из городских жителей и включил в четвертую группу. Это также социально разнородная группа—сюда входят земледельцы, ремесленники и беднота. Вероятнее всего, эти городские жители относились к общественным низам. Это можно проследить на примере жителей Будеёвиц. Несмотря на то, что в Будеёвицах у власти все еще стоял старый немецкий патрициат, самый рьяный враг Табора, в одной только «Книге казней» перечислено 22 жителя Будеёвиц, перебежавших на сторону Табора. Интересно проследить их социальный состав. Это 2 кожевника, 14 человек без указания социального положения и 6 слуг, немцев по происхождению. С тем фактом, что к Табору тянулись представители общественных низов, беднота разных национальностей, мы еще неоднократно встретимся в источниках. В данном примере я привел общее число таборитов, происходивших из Будеёвиц, без учета их социального положения, тогда как в таблице беднота и ремесленники выделены мною в отдельную рубрику.

4 К четвертой группе, к горожанам, причисляются только те, чьи имена указывают на происхождение из определенного города.

— В зависимости от принадлежности к тому или иному городу эти горожане распределяются следующим образом:

из Ческих Будеёвиц	14	из Прахатиц	26
из Часлава	1	из Ржечицы	9
из Хрудима	1	из Седлчан	2
из Кромержижа	1	из Собеслава	1
из Крумлова	1	из Табора	14
из Пельгржимова	1	из Тржебоня	1
из Писека	4	из Жатца	1
из Праги	3		

Как видно, наибольшее число имен, если не считать Будеёвиц, приходится на Прахатице и Табор. Жаль, что мы не располагаем точными сведениями относительно того, откуда эти люди пришли в Табор. Но это доказывает, что Табор тогда вообрал в себя часть населения местной округи, а эти люди считали себя жителями Табора.

6 Что касается 14 дворян, фигурирующих в шестой группе, то их принадлежность к таборитам может быть установлена только по показаниям их соучастников. К этим дворянам принадлежат: Сметана из Уступениц¹, Майнуш из Пецлинова², панош Скрживанец из Солопиеска, Зига из Кленового, Пржибик Тлукса из Каменной, Ян Смилек из Кржемжа, Матей панош из Хустника, Ениш из Тодня, Камарит из Жировницы, Домин из Доудлеб иначе из Славче³, Робил со своими слугами, Лизна со слугой, Поберачка со слугами и Десител со слугой. Более точно определить социальную принадлежность всех этих лиц довольно трудно. Последние четыре включены в эту группу только потому, что в показаниях они все время фигурируют вместе «со своими слугами». Мы узнаем о них лишь по упоминаниям. Один только Камарит из Жировницы попал в руки Рожмберка. Остальные в показаниях всегда называются вождами или гетманами. Следует подчеркнуть, что уже в самом движении во главе деревенского люда встают земаны, то есть обедневшие дворяне. Как правило, речь идет большей частью об обедневших рыцарях, находящихся обычно на службе у богатых панов. Например, о Скрживанце прямо так и говорится: «Скрживанец, бедный панош из Солопиеска»⁴, Матей из Хустника, «рыжебородый, худародный панош находился в тайной связи с Табором, хотя и нес службу в Хоустнице»⁵.

Таким образом, подтверждаются данные о роли мелкого дворянства, с которым мы знакомы по биографиям Микулаша из Гуси, Яна Жижки и других вождей таборитов.

¹ Уступенице—поместье и замок Седлчан (A. Sedláček, op. cit., str. 931).

² Пецлинов—замок у Бенешова (A. Sedláček, op. cit., str. 685). Повидимому, Майнуш из Пецлинова и Майнуш из Бржезинца—одно лицо (АС, III, 508, г. 1432), см. также A. Sedláček, ČSN, XXIII, 1917, стр. 351.

³ Так истолковывает Томан (H. Tomán, O rodu a příbuzenstvu, Jana Žižky z Trocnova, VKČSN, 1890, str. 55 n.).

⁴ F. Mareš, op. cit., str. 51.

⁵ Там же, стр. 45.

О чужеземцах, составляющих седьмую группу, можно сказать то, что уже было сказано о немцах из Будеевиц. Чужеземцы, воевавшие на стороне таборитов, большей частью были слугами, представителями бедноты. Такой, по крайней мере, вывод можно сделать на основании «Книги казней». Эти данные вместе с тем могут служить материалом для изучения вопроса о том влиянии, которым пользовались за границей идеи гуситов вообще и таборитов в частности.

Мы подробно проанализировали данные, которые можно было извлечь из «Книги казней» об отдельных группах населения, чтобы выяснить классовый характер таборитов и их союзников в период с 1420 по 1429 год. Совершенно ясно, что социальной основой Табора, по крайней мере, по данным «Книги казней», было сельское население, деревенские жители. Они были опорой и главной действующей силой в борьбе с врагом. К этому слою примкнула беднота—прослойка, имеющая большое значение как по численному составу, так и по значению, а затем горожане, ремесленники. Таким образом, можно без натяжки говорить о крестьянском и бедняцком классовом характере Табора.

Для большей наглядности к книге прилагаются 2 карты (карта 4 и 5), в которых графически показаны результаты анализа «Книги казней». В первой карте, обозначающей южную Чехию, совершенно ясно видно, что борьба Табора носила характер народного, крестьянского и бедняцкого движения. По другой карте, правда лишь в очень общих чертах, можно проследить то значение, которым обладал Табор для нашей страны.

К сожалению, источники, на основании которых можно было бы почерпнуть подробные сведения, отсутствуют. От 150 южночешских деревень, союзников Табора, как бы шли сосуды, питающие кровью сердце революционного движения—Табор. Вот почему борьба таборитов была столь успешной. Без поддержки со стороны народных масс, без активной поддержки со стороны деревни пламя революционного движения не могло бы охватить всю южную Чехию.

Помимо статистических данных, представленных в таблицах и картах, в нашем распоряжении имеются показания подвергавшихся пыткам узников о жителях целых деревень, являющихся их союзниками. Сикора из Яблонца признался под пыткой, что «табориты из Прахатиц останавливаются

у Гамршида в Яблонце и туда им соседи приносят белок и другую пищу»¹.

Таборитам не нужно было прибегать к насилию в поисках пропитания. Сельские жители, бывшие целиком на стороне таборитов, приносили последнее, чтобы прокормить их. Интересные сведения об этой добровольной помощи таборитам со стороны местного населения дает в своих показаниях Хмел из Боршова: «Уезжая домой, останавливались в Боршове у Скрабачка; он их поил, кормил и давал коням корм за деньги, а иной раз и даром, и даже когда уже не держал шинка, никогда не отказывал им»². Представьте себе кабатчика, который поит и кормит отряд таборитов, заботится об их конях и не просит за это денег! Мог ли это делать человек, который не был бы заодно с таборитскими братьями? А когда таборитам грозила опасность, сельские жители оказывали им поддержку в их укрытиях, в лесах. «И эта Года вместе с мужем носила им в лес Клуки пиво, сыр и яйца»,—показывал на допросе крестьянин Петр Голый из Бржезовика³. Нужна была большая смелость, чтобы оказывать помощь таборитам. Не следует забывать, что это происходило во владениях Рожмберков и других феодалов, отряды которых постоянно выслеживали таборитов и жестоко карали всякого, кто им помогал. Неудивительно, что некоторые из страха вели себя подобно крепостному из деревни Перной (у Будеевиц), которого после пыток выдал «Лингарт, сын крестьянина из Будеевиц». Последний показал, «что они остановились в Перной у одного человека, но он убежал прочь, а жена его дала им поесть и попить»⁴. Поскольку муж бежал и из страха перед преследованием со стороны феодалов боялся оказать поддержку таборитам, дома осталась одна жена, которая и накормила их.

Почти в каждом показании, данном в Рожмберкских застенках, мы видим одну и ту же картину: несмотря на все преследования, деревенские жители стоят за таборитов, борются в их рядах и помогают им всеми силами. Я привел выдержки из источников для того, чтобы подтвердить вывод, к которому мы пришли на основе статистического анализа

¹ F. Mareš, op. cit., str. 35. Подобные же сведения мы находим у Хмеля из Боршова, который пишет: «И там соседи дали им по четверти овса» (там же, стр. 43).

² Там же, стр. 43.

³ Там же, стр. 40.

⁴ Там же, стр. 29.

имен, приведенных в «Книге казней»: южночешские деревни («Книга казней» дает нам возможность осветить лишь положение в южной Чехии) стоят на стороне Табора, потому что видят в нем защитника своих классовых интересов; гарантией им служит крестьянский и бедняцкий классовый характер Табора.

Это подтверждается показаниями беглых в «Книге казней», которые свидетельствуют о том, что челядь и работники «изменяли» замкам, крепостям и городкам и убежали к таборитам. Пекарж эти упоминания об «изменах» распенил так: «Коварство было самым излюбленным методом таборитов»¹. У него не вызывает сомнений, что табориты, которых он называет «подонками общества», не имели даже представления о какой бы то ни было нравственности. Если мы посмотрим, кто же собственно «изменял», то увидим, что это были главным образом панские работники, челядь, прислуга, которые сообщали таборитам сведения о войсках своих хозяев и, когда дело доходило до сражения, занимали свое место в строю.

Они вместе с крестьянским и бедняцким Табором подняли оружие против общего врага—феодалов.

Приведу лишь несколько примеров из многочисленных свидетельств источников. Так, Микулаш Сенатор из Собеслава показал под пытками, что слуга из Бзди подговорил немца слугу Спернберка из Глубокой «поджечь замок в Глубокой, чтобы помочь таборитам, которые шли от Свинов и заняли деревни, поля и хутора возле Будеёвиц. Немец рассказал мне об этом и просил, чтобы я помог им, и нас отблагодарят, если мы будем помогать таким же беднякам, как мы, и будет нас для этого дела уже четверо, первый—немец, второй—ты, третий—слуга некоего толстого панюша из Наксера, четвертый—Петр, слуга Петрижа из Жатецкой округи; у них были такие странные прозвища, что я их не запомнил, потому что в то время я служил в Бронце на Глубокой»². Была ли действительно у работника Микулаша столь короткая память или он не хотел выдавать своих товарищей, трудно сказать. Однако из его показаний явствует, кто были в действительности те, кто совершал «измену». Это несколько слуг, которые хотели отдать оплот феодалов, замок Глубокую, в руки крестьянского и бедняцкого Табора. Таким образом, даже люди

(вероятно, из дворянских вооруженных отрядов), которые должны бы ценить теплое местечко в Глубокой, где им были обеспечены и еда и хорошие напитки из замковых погребов, где они могли рассчитывать на хорошую добычу во время набегов на окрестность,—даже эти наемные солдаты откажутся от своего столь обеспеченного существования¹.

С кем же они объединяются? С теми, против кого они должны были «идти в поход» под знаменем своих панов. Перейдя на сторону таборитов, они оставались в лагере феодалов—своего классового врага—с тем, чтобы всемерно вредить им. В Глубокой не удалось осуществить задуманный план. Однако есть основание предполагать, что иногда измена приводила к военным действиям; так, отряд, в котором воевал Хмел из Боршова, напал на владение Приндла, вероятно, где-то около Будеёвиц; точно определить это место не удалось, неизвестно даже, было ли это крестьянское или панское владение. Хмел признался, что среди тех, кто поддерживал их отряд, был и пахарь, работающий в имении Приндла. Это является новым доказательством того, что беднота, состоявшая на службе у панов—врагов Табора, покидала своих хозяев и помогала тем, кто воевал против них. С подобными явлениями мы сталкиваемся на каждой странице «Книги казней»². Это также ключ к пониманию причин тех побед, которые одерживали табориты. Если не иметь в виду эту «измену» панской челяди, работников и бедноты, нельзя объяснить, почему таборитам удалось захватить такое количество укреплений.

Здесь вновь необходимо подчеркнуть, что эта «измена» является одним из проявлений классовой борьбы. Беднота «изменяет» в пользу бедноты, эксплуатируемые—в пользу эксплуатируемых.

Классовую принадлежность таборитов, упоминаемых в «Книге казней» за годы с 1420 по 1429, можно определить и потому, против кого они выступали. Анализируя «Книгу казней» в целом, Пекарж заинтересовался вопросом о том, кто именно они воровали и кого грабили. «Чаще всего отни-

¹ В том, что наемные солдаты городских и замковых гарнизонов действительно жили в гораздо лучших условиях, чем крестьяне и городская беднота, можно убедиться, ознакомившись с изданными Пеликаном счетными книгами замка Карлштейн.

² На то, что это не единичный случай, а явление характерное для челяди Рожмберка, указывает Ондржей из Брода (K. H ö f l e r, II, str. 351).

¹ J. P e k a ř, Žižka, II, str. 55.

² F. M a r e š, op. cit., str. 42.

мали коней, сукно, сельдь и другие купеческие товары, да и вообще, что попало под руку: одежду, полотно, оружие (зажиточные крестьяне носили оружие), орудия сельского труда, скот, хлеб, продовольствие и так далее и, конечно, деньги. Крестьянин, работающий в поле, бедная женщина, идущая на рынок, или паломница, равно как и иноземные купцы,—все они были ограблены. Это необходимо учитывать в связи с тем, что некоторые пытаются представить деятельность этих шаек односторонне, как проявление народного, демократического движения, как проявление ненависти к панам»¹. Я процитировал отрывок из работы Пекаржа для того, чтобы стало ясно, из каких «источников» Пекарж извлекает материал для своей клеветы на таборитов. Стоит отметить, что, по мнению Пекаржа, чаще всего отнимали коней, сукно, сельдь и другие купеческие товары, то есть по большей части те предметы, которых бедные крестьяне в течение всей своей жизни в глаза не видели—и тут же он говорит о крестьянах и бедных женщинах, как объектах нападения разбойничьих отрядов. Таким образом, он сам себе противоречит. Однако истинная основа «метода» Пекаржа станет ясна, как только мы сравним ее измышления с действительными фактами.

Если ранее мы, исходя из статистического обзора, пытались определить социальную принадлежность людей, воевавших вместе с таборитами, то теперь мы сделаем попытку определить, на кого нападали таборитские отряды. «Книга казней» за период с 1420 по 1429 год дает большое количество подобного рода сведений. Следует оговорить, что я не включал в свой список тех проступков, о которых нельзя было установить, что они совершены таборитами. Наша цель—проследить борьбу таборитов и узнать, на кого именно они нападали, кого убивали, разоряли, чьи дома поджигали, кого «предавали»; иначе говоря, наша цель определить противников Табора. Я выписал их имена одно за другим в той последовательности, в какой их называли допрашиваемые. Против имени или прозвища каждого врага Табора ставлю число, означающее, сколько раз оно упоминается в показаниях.

Наиболее многочисленной является группа, включающая в себя города и владения Ольдржиха из Рожмберка, а также его союзников:

Хвальщины	3	упоминания
Кастелян Бузек из Ровнего	4	»
Крумлов («измена»)	7	»
Округа Боротина	2	»
Винтерберк	4	»
Свины Тргове	5	»
Крепость Влглавы пана Грозы	3	»
Прахагитские горожане, бежавшие в Крумлов	1	»
Новый град и его округа	5	»
Вожице	2	»
Каплице	2	»
Райов	2	»
Замок Велешин	2	»
Поржешин	1	»
Ровне	1	»
Собеслав	1	»
Подегусы	1	»
Квиетков хутор пана из Рожмберка	2	»
Горжице	1	»
Крепость Ондржейова Горжовице	1	»
Гелфмбург	4	»
Раби	1	»
Лицек из Хуторян	1	»
Бокунек Чаковец	1	»
пан Вилем (?)	1	»
Ктыл в хуторе (Рожмберкском?)	1	»
Рожнов—кража пяти коней	1	»
Рожмберк	3	»
Майнштейн	1	»
Вольнь	2	»
Водняны	1	»
Приндлов хутор (?)	1	»
Глубокая	2	»
Блатна	1	»
Немец из Виторазы	2	»

Итого 73 упоминания

¹ J. P e k a ř, Žižka, II, str. 208; str. 23 pozn. 7.

Итак, о Рожмберке и его союзниках говорится в 73 показаниях. Следующее место после дворян и их поместий по числу таборитских нападений в их поместьях занимают священники, монахи и их владения.

Владения священников, вообще	4	упоминания
Боршов, приходский священник	1	»
Уезд, приходский священник и его заместитель	2	»
Свины, приходский дом	1	»
Бошилец, приходский дом	1	»
Каплице, приходский священник	3	»
Сверазы, приходский священник	3	»
Монастырь Злата Коруна	2	»
Священник Одржей, капеллан	1	»
Монахи в Поржиче	1	»
Тржисов, приходский священник	1	»
Горжице, храм	2	»
Собенон, приходский священник	1	»
Тын, храм	1	»
Лоуньовице, монастырь	1	»
Коратайе, приходский священник	1	»
Высший Брод, монастырь	2	»
Церкви вообще	1	»
Жумберк, 2 священника	1	»

Итого 30 упоминаний

Итак, о церкви как объекте нападения таборитов упоминается 30 раз.

Дороги, лавочки, торговцы в качестве объекта нападения таборитских отрядов и отдельных лиц упоминаются 21 раз. За ними по числу упоминаний (18) следует город Будеёвице и его ближайшие округа.

О зажиточных крестьянах в деревнях как объектах нападения сообщается:

4 человека, идущих на рынок	1	упоминание
кража скота и коней в Дворжах	1	»
рихтарж Якуб в Доудлебах	1	»
рихтарж Фенцл	1	»
кража 7 коней в Рудном	1	»
кража 2 коней у зажиточного крестьянина в Уезде	1	»
Ржегорж из Хрженового	1	»

Микулаш из Баворова—кража самострела	1	упоминание
Уезд—угон коровы	1	»
мелкий грабеж и кражи	3	»
Бернартице, кража коня	1	»
кража зерна	1	»
поджог чердака	2	»
Гомолы, кража 17 коней	1	»
рихтарж из Жабовржеск	1	»
Якл, мельник из под Ктиша	1	»
Затон, кража коней	1	»
зажиточный крестьянин из Кржижовицы	1	»
Тврдец из Хлумца, кража коня	1	»
Држкрайовице, кража коня	1	»
«Богатый Вацлав» в Славче	1	»
Кебл из Мислетина	1	»
Комарж из Уезда	1	»
женщина, у которой украли деньги	1	»
мелкие кражи и грабежи	1	»
зажиточный крестьянин из Смилка	1	»
Фабиян из Нетолиц, кража коня	1	»
3 зажиточных крестьянина (один из них рихтарж)	1	»

Итого 31 упоминание

Итак, сельские жители упоминаются в качестве потерпевших 31 раз.

Из общего количества упоминаний—173, которые я собрал, Рожмберки и остальные феодалы в качестве объектов нападения таборитских войск упоминаются 73 раза,

церковь	30	раз
дороги, трактирчики и торговцы	21	»
Будеёвице	18	»
деревни	31	»

в процентном отношении это выразится так:

дворяне и их имущество	42,2%
церковь	17,3%
торговцы	12,2%
Будеёвице	10,4%
деревни	17,9%

Этот анализ дает нам возможность правильно ответить на вопрос, против кого был направлен натиск таборитских войск. Почти 82% заключенных в своих показаниях говорят о том, что дворянство, церковь, торговцы, патриции и их имущество в первую очередь явились объектом нападения со стороны восставших крестьян и бедноты, объединившейся вокруг Табора. Это, конечно, совершенно не та картина, какую пытался нарисовать нам И. Пекарж, когда на первое место выдвигал несчастных крестьян и бедных женщин, которые якобы стали жертвами произвола и неистовства таборитов. Правда, кое-где пострадало и сельское население. Я умышленно приводил подробные данные, которые показывают, что нападениям подвергалось и население деревень, что подобного рода инциденты происходили и здесь. Ведь не может быть сомнения в том, что в Табор и в его окрестности приходили и недостойные люди, карьеристы, туеядцы— иначе и быть не могло при столь массовом движении. И мы погрешили бы против истины, если бы пытались представить таборитов какими-то ангелами. Нет, это были люди из плоти и крови, среди них могли попадаться и негодяи. Энгельс обратил внимание именно на такое явление в своей работе «Крестьянская война в Германии». Часть бедноты— люмпенпролетариат, как называет его Энгельс, находился в крестьянских отрядах, «где каждую минуту давало себя знать его деморализующее влияние». Люмпенпролетариат не имел четкого классового характера; в нем соединялись различные элементы, причем некоторые из них выступали в роли охвостья бюргерской оппозиции, порождающего раздоры, жадующего грабежей, продающегося за несколько бочек вина¹.

То же самое относится и к некоторой части бедноты, присоединившейся к таборитам. Но эта группировка среди таборитов, насколько мы можем установить, была малочисленной. Там, где отмечаются случаи нападения таборитов на деревенское население, о которых мы говорили, участие этих слоев обнаруживается с полной очевидностью. На их счет необходимо отнести ограбление четырех крестьян, отправляющихся на рынок², ограбление женщин и мелкие кражи, совершенные Петром из Уезда и Голиком—банщиком из

¹ См. Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 29.

² «Pavenie Šipkovo» (Ф. Магеш, *op. cit.*, стр. 27).

Райова¹, а также хищение зерна², убийства и грабежи, в которых признались Духонь, Янек, он же Прленц из Милетина³ и т. д. Из 173 показаний 13 (то есть примерно 7%) относятся к такого рода деяниям.

Эта цифра дает вместе с тем основание судить о том, какую часть бедноты составлял деклассированный элемент. Нельзя, однако, ни на минуту упускать из виду тот факт, что рожмберкские холопы с помощью раскаленного железа могли вырвать у обвиняемых эти признания, а также и то, что их показания могли быть искажены по злобе или из презрения панскими писарями. Кроме того, не следует забывать, что и эти разложившиеся элементы были в конце концов также продуктом феодальной эксплуатации, которая довела их до грабежей, убийств и воровства. Остальные деревенские жители, ставшие жертвой таборитов, были либо подданными враждебных феодалов (и, следовательно, «имуществом» врагов Табора), либо рихтаржи (то есть представители феодалов, обычно верхушка деревенского населения) и главным образом богатые крестьяне, которых никак нельзя подозревать в солидарности с революционными массами. Как я уже упоминал, в деревне шла социальная дифференциация; здесь были, с одной стороны, богатые крестьяне, владевшие целыми или даже несколькими ланами, с другой—безземельные батраки. «Книга казней» дает яркий материал для установления этого явления. Обращает на себя внимание тот факт, что у ряда крестьян были украдены кони, каковыми владели только самые богатые. В одном месте прямо сказано, что взяли Оу богатого Вацлава в Славчи коня и несколько сыров⁴. о том, что нападениям, грабежам и мщению, наряду с остальными противниками революционного движения подверглись, в первую очередь, сельские богатеи, прямо свидетельствует показание Иры Тржикратзлего: «Далее он показал, что табориты останавливались у некоего Црафлы из Хроболов, который кор-

¹ Ф. Магеш, *op. cit.*, стр. 34. И опять-таки поступок Вацлава, подвластного Коссовца, нельзя толковать просто как грабеж. Вацлав сорвал покрывало с какой-то женщины, шедшей в Велешин на мессу. Еще Зд. Неядлы (Z. Nejedlý, Dějiny husitského zřevu, стр. 10) правильно отметил, что это было проявлением возмущения против роскоши, против богатства, а не преступления.

² Признание Сикоры из Яблонца у Боровца из Болетич (Ф. Магеш, *op. cit.*, стр. 35—36).

³ Ф. Магеш, *op. cit.*, стр. 48—49.

⁴ Там же, стр. 43.

мил их, а в другой раз, придя к ним в Заблатие, *указывал им на богатых крестьян* (курсив мой.—И. М.). Табориты, придя в его деревню, обобрали богачей и за показания дали ему полкопы, а в другой раз и того менее¹. Независимо от того, было ли это просто стремлением обогатиться или же принципиальной борьбой против богатых крестьян, противников Табора, несомненно одно: сельская и городская беднота из таборских отрядов, приходя в деревни, обращала оружие прежде всего против богатых и зажиточных. Показания, занесенные в «Книгу казней», не оставляют в этом никаких сомнений.

Если подвести итог анализу 173 показаний «Книги казней», мы увидим, насколько неверным, необоснованным и не выдерживающим критики является взгляд Пекаржа на этот вопрос. Целых 80% общего количества людей, так или иначе пострадавших от руки таборитов, принадлежало к тем социальным слоям, которые являлись опорой старого общественного порядка: к дворянству, духовенству и купеческому патрициату. К ним мы могли бы отнести еще и рихтаржей и сельских богачеев. Все эти факты, хотя они и получены в результате анализа одного источника, «Книга казней» рисует нам, по крайней мере, в общих чертах положение, сложившееся в тот период в стране. Возможно, что были и отклонения, но в целом антифеодалная направленность борьбы таборитов совершенно ясна и неопровержима. Мы не отрицаем, что к отрядам таборитов примазывались отдельные карьеристы, шкурники, стремившиеся лишь к собственной наживе и видевшие в их борьбе лишь удобную возможность грабить и воровать; но их количество было невелико, судя по отмеченным в нашем источнике случаям насилий, убийств и грабежей, составлявших приблизительно 7% всех преступлений.

Все эти факты полностью соответствуют той картине социальной структуры Табора, которая возникает в результате анализа данных «Книги казней». Мы видели, что 70% тех, кто боролся на стороне таборитов или поддерживал их, падала на сельских жителей и бедняков. Этой цифре полностью отвечает низкий процент сельских жителей, подверг-

шихся нападению со стороны таборитов (лишь около 17%). Напротив, дворян и духовных лиц мы нашли среди таборитов только 3%. И это число опять-таки совершенно согласуется с тем фактом, что табориты выступали прежде всего против дворянства и духовенства, ибо мы выяснили, что примерно 60% подвергшихся нападению со стороны таборитов были дворяне и священники. Этим еще раз подтверждается тот факт, что Табор опирался на население обширной территории, на мощную поддержку окрестных деревень; классовая борьба Табора была направлена против замков, крепостей и городов, принадлежащих Рожмберку и другим феодалам.

Мы не должны, конечно, забывать, что все таблицы, карты и исчисления в процентах относятся к Табору 1420—1429 годов и что картина, которую они отражают, статична. Данные источники не дают возможности показать этот процесс во времени. Люди под пыткой говорят то о делах настоящего времени, то возвращаются на несколько лет назад—вероятно, в соответствии с теми вопросами, которые задавали им во время дознания. Их показания так путаны, что невозможно восстановить их деятельность в хронологическом порядке.

Итак, все выводы, которые мы сделали в результате анализа «Книги казней», относятся не только вообще к периоду между 1420 и 1429 годами; они справедливы и для более узкого периода 1420 и 1421 годов¹.

Теперь мы уже знаем, что в эти годы, равно как и в последующие, большинство таборитов составляли крестьяне, халупники, безземельные, батраки, поденщики и в меньшей мере ремесленники, горожане. Нам известно также их примерное численное соотношение. Однако в «Книге казней» мы находим еще и некоторые прямые сведения о событиях 1420—1421 годов. Мы уже использовали эти сведения для нашего общего статистического разбора, теперь следует вновь обратиться к ним для более основательного анализа. Речь идет о показаниях гончара Сливки, которые он дал под пыткой в Хвалщинах в 1420 году².

¹ Еще в сноске I на стр. 400 мы отметили, что значительная часть этих показаний датирована 1423 годом. Это значит, что обвиняемые рассказывали под пыткой о своей деятельности начиная с 1420 года, иными словами, 1420—1421 годы являются основным временем действия. Но и показания, данные позже 1423 года, постоянно возвращаются к рассматриваемому нами периоду, то есть к 1420—1421 годам.

² F. Mareš, op. cit., str. 25—26.

Часть этого документа была прямо озаглавлена: «Показание о людях, которых я видел в Таборе». Таким образом, перед нами список, который непосредственно знакомит нас с несколькими жителями нового города, причем список этот относится к 1420 году. Вот он:

из Бржезовика—Гарант и Томан,
из Ктише—Маржик, Петр-сапожник,
из Милетинек—Гох, Домин и Ржегорж,
из Планской—Кветон,
из Острой Горы—Петр,
из Загоржи—Клих, Левец, Вах, Индржих Кржиж,
сын Глаза, сын Мартина, Микеш Пытлик,
из Пржислопи—Матей и Иоган,
из Ямы—Мацек, Духонь, Матей Микшиков,
из Кленовиц—рихтарж Мартин,
из Смедечек—сыновья Велишека,
из Нетолиц—Фетанар,
из Льготы Ратиборовой—Вах и Филипп,
из Смедеча—Вах,
из Крумлова—панский батрак Ванек и Кужел, «что продавал шпоры на Градище».

Здесь идет речь лишь о небольшой группе людей, поселившихся в 1420 году во вновь построенном городе Таборе. Все они родом из деревень, лежавших на границе нынешних Прахатицкого и Крумловского районов, там, где равнина сменяется холмами и лесами. Все эти деревни находились как бы в одном кружке. Имена этих первых жителей Табора ясно свидетельствуют о том, что это—не дворяне, а самые простые деревенские жители. Исключение представляют лишь двое из Крумлова: один из них—панский (рожмберкский) работник, другой—торговец. Лишь в последнем случае дается более подробное указание на социальное происхождение. Остальные 27 дошедших до нас имен говорят о том, что эти люди были из деревни. Однако по названиям деревень мы можем определить, кому они принадлежали. Их владельцем был Златокорунский монастырь, которому были подвластны все крестьяне, упомянутые в нашем списке. На карте № 1 мы видим графическое изображение владений Златокорунского монастыря. Мы можем установить, что часть этих зависимых деревень сгруппирована на северо-

западной окраине златокорунских владений, деревни которых стали очагом сопротивления.

Благодаря тому, что до нас дошел «податной реестр Златокорунского монастыря»¹, мы можем попытаться ближе изучить положение этих крепостных, бежавших в Табор. В реестре, где велась регистрация взимания оброка, к сожалению, были записаны только два округа монастырских владений: Нетолицкий и Льгеницкий. Это значит, что мы лишены возможности заняться людьми из Бржезовика (который входил в Хвалшинский округ), из Ктише (Ктишский округ), из Милетинек (Ктишский округ), из Планской (Хробольско-Франтольский округ), из Острой Горы (Ктишский округ) и из Смедеча и Смедечка (Ктишский округ). Итак, остаются лишь 6 деревень с их 15 жителями, на которых нам и придется сосредоточить свое внимание. Нас, естественно, будет главным образом интересовать вопрос—были ли эти богатые крестьяне, владельцы полуланов, или же мелкие крестьяне, и какое место занимали они в социальной структуре деревни. На стр. 13 податного реестра есть записи о тех, жителях деревни Загоржи², которые ежегодно, в день св. Иржи и св. Гавла, платили монастырю оброк со своих наделов.

Из шести жителей этой деревни, имена которых называл под пыткой гончар Сливка, в реестре мы находим имя Ваха (в деревне было два Ваха: один владел 29, другой 23 итрами земли) и Микеша (их также было двое: один имел 8, другой—22 итра). Остальные четыре имени—Клих, Левец, Индржих и сын Мартина—в податном реестре не встречаются (один Мартин, вероятнее всего отец, являлся крепостным и платил подать с 44 итров).

Подобная же ситуация сложилась и в других деревнях. В Льготе Ратиборовой мы находим и Ваха и Филиппа; у первого было 21, у второго 11 итров. Фетанар из Нетолиц не упоминается ни как домовладелец, ни как землевладелец,

¹ Я использовал оригинал из NUK, sign. XIV B 10 (фотоснимок оригинала находится в Государственном историческом институте в Праге, Прага VII, 1201—1233); описание его и анализ составил Шуста (СШН, XIII, str. 312 п.). Реестр относится примерно к 1415—1420 годам, когда, по мнению Шуста, в него была внесена последняя запись о выплаченном оброке. Климеш издал этот документ в совершенно недостаточной обработке (он даже не знал работу Шусты!) в MVGDB; 54, 1916, str. 301 п. (например, он не расшифровал те знаки, которые совершенно убедительно объяснил Шуста).

² См. об этой деревне приложение I, примечание к названию этой деревни.

ни даже как ремесленник, не владеющий недвижимостью. О Кленовицком рихтарже Мартине мы не узнаем ничего нового, ибо его повинности определены денежным оброком (он платил 17 грошей); вероятно лишь, что держание корчмы было связано с его рихтаржской должностью. В деревне Яма мы находим Матея (с наделом в 7 итров) и Мацека (9,5 итра), между тем как имени Духоня вновь не обнаружено. В деревне Пржислопы среди крепостных мы встречаем пятерых, носивших имена Матей и Иоган. У одного Матея было 12,5, у другого—9,5 итра земли, у первого Иогана—9, у второго—6,5 и у третьего—18,5 итра земли. В итоге можно сделать следующий вывод: наиболее крупные земельные наделы мы встретили в Загоржи (29 итров); в остальном большинство крестьян, бежавших в Табор, платило дань с наделов, колеблющихся вокруг 10 итров. Если мы примем 1 итр примерно за 1 корец¹, станет ясно, к каким именно слоям в деревне принадлежали эти табориты. Это были в полном смысле слова малоземельные крестьяне, бедняки, халупники. Здесь мы снова находим подтверждение тому, что было уже сказано в отношении социальной принадлежности крестьянских масс, тяготеющих к Табору. С известной уверенностью можно сказать, что это были мелкие крестьяне, малоземельные и безземельные.

Таковы положительные данные, выведенные в результате сравнения «Книги казней» и податного реестра. Но, как мы видим, мы не могли найти в златокорунском реестре нескольких новых жителей Табора, хотя названия деревень, откуда они пришли, были точно приведены в «Книге казней». В Загорожи не удалось найти и установить личность четырех крестьян, одного в Неторлицах и одного в Яме. Почему же оба источника не совпадают или не дополняют друг друга? Неужели это невозможно, неужели различие между обоими источниками исключает возможность точно установить личность интересующих нас лиц.

Показания гончара Сливки, данные во время пытки в Хвалшинах, помечены 1420 годом, и к тому же году относится пребывание в Таборе названных им крестьян. Шус-

¹ Согласно утверждению Кадлеца (K a d l e c, op. cit., str. 87), только в Нетолицком и Лыгеницком округах, то есть в деревнях, которыми мы занимаемся, приходилось на лан 60 итров земли, то есть примерно 1 итр соответствовал 1 корцу. Во владениях Златокорунского монастыря землю считали итрами, причем в лане содержалось 30 итров.

та в своем исследовании относит златокорунский податный реестр к 1415—1420 годам. Он установил, что последняя часть оброка была выплачена крепостным в начале 1420 года¹. Известно также, что списки жителей этих деревень выправлялись в соответствии с действительным положением; это ясно подтверждают дополнения к спискам, пометки и вычеркивания, сделанные несколькими разными почерками. Следовательно, есть все основания к тому, чтобы точно установить имя каждого жителя. И все же в реестре не хватает шести имен. Я думаю, что ключ к решению этой загадки следует искать в самом характере податного реестра. Ведь в него были внесены только оседлые крестьяне, хотя бы и владевшие небольшими клочками земли. Мы допустили бы грубую ошибку, полагая, что реестр охватывает всех жителей данных деревень. Мы ведь знаем, что в деревнях были и безземельные, были и наемные батраки, которые, естественно, не могли попасть в податный реестр. Такие люди соприкасались с феодальными властями лишь через своих нанимателей, богатых крестьян, или в тех случаях, когда непосредственно работали на монастырских угодьях. Их имена не могли, конечно, появиться в перечне плательщиков податей. Весьма вероятно, что деревенские жители, имен которых мы не могли обнаружить в реестре, были именно такими безземельными крестьянами или батраками². Короче говоря, сравнение показаний Сливки с податным реестром также не оставляет никаких сомнений в том, что в 1420 году в Таборе собирались главным образом наиболее бедные представители крестьянства.

Помимо «Книги казней» в Тржебоньском архиве хранится еще один источник, который может помочь разрешению нашего вопроса. Это два обрывка урбаральных реестров от 1418—1419 годов и 1420 года; они могут способствовать выяснению социальной структуры первоначального Табора 1420—1421 годов³. Оба эти обрывка относятся к од-

¹ J. Š u s t a, ČČN, XIII, str. 321 n.

² К совершенно такому же выводу пришел и Кадлец (J. K a d l e c, Dějiny Zlaté Koruny, str. 96): «Многие имена, приведенные в «Книге казней», мы найдем в Златокорунском урбарии начала XV века при описании Нетолицкого и Лыгеницкого округов, изучение которых нас убеждало, что к гуситскому движению примкнули главным образом наиболее бедные из жителей деревень в округе Нетолиц».

³ Оба эти небольшие фрагмента хранятся в Тржебоньском архиве под индексом JA 6 GB II; знакомству с ними и возможности

ному и тому же владению—к владению Тржебоньского монастыря¹.

Оба документа содержат данные о недоимках или о снижении размера податей за 1418, 1419 и 1420 годы. Уменьшение монастырских доходов шло примерно по трем линиям: 1) снижение размера податей (*indulta*); 2) уменьшение поборов, взимаемых за совершение уголовных преступлений (*in iudicibus*); 3) неуплата податей с брошенных наделов (*in desertis*). Нас будет особо интересовать список брошенных земельных надделов, составленный по данным обоих реестров.

их изучить я обязан архивариусу Гадачу и в особенности д-ру Й. Пеликану, который привез их в Прагу и предоставил их в мое распоряжение еще до того, как сам начал подготовительные работы к их изданию. В издании, подготовляемом Пеликаном, будет приведено более подробное описание этих документов, что даст возможность проконтролировать мои данные. Как сообщил мне проф. Урбанек, покойный проф. Шуста говорил, что в Тржебоньском архиве хранится какой-то список крестьян, бежавших на Табор из владений Рожмберков. Архивариус Гадач, которого я дважды спрашивал, ничего об этом списке не знает. Возможно, что списком, о котором говорил Шуста, и являются упомянутые фрагменты.

¹ Названия деревень Дунаёвице, Дворец, Шалмановице, Граховиште, Доманин, Споли мы находим в документах, говорящих о том, что они еще в 1378 году принадлежали к владениям Тржебоньского монастыря (F. L. K r e j č i k, *Urbář z r. 1378 a účty kláštera třeboňského z let 1367—1407*, str. X). Деревня Чимерж, некогда принадлежавшая Градецкому владению, была подарена монастырю Тржебоньскому в 1414 году (A. S e d l á č e k, *Slovník*, str. 119). Деревня Бранна находилась в собственности монастыря с 1382 года (A. S e d l á č e k, *op. cit.*, str. 56), Доньов (Dwopow), с 1402 года (A. S e d l á č e k, *op. cit.*, str. 156). Большая часть Неплахова принадлежала Рожмберкам (A. T r u h l á ř, *Urbář zboží rožmberského z r. 1379*, str. 42), но и у монастыря были там участки (в Тржебоньском архиве находится список от 1437 года, где напротив названия Неплахов стоит примечание «*abbatis*» и приведено несколько имен крепостных). Деревню Коцлержов (s. o. Твебой) продал Тржебоньскому монастырю в 1391 году Онеш из Коцлержова (A. S e d l á č e k, *op. cit.*, str. 423). Возникают некоторые трудности с деревнями Бржилице, принадлежавшей в 1379 году Рожмберкам (T r u h l á ř, *op. cit.*, str. 55), Квасеёвицами, которые принадлежали тогда земанским семьям (A. S e d l á č e k, *op. cit.*, str. 489), Липници [Липнице, по описанию Палацкого (F r. P a l a s k ý, *Popis*, str. 307), находились вблизи деревни Граховиште во владениях Рожмберка] и Пойбуки [возле Младой Вожице, которая также была собственностью земанов (A. S e d l á č e k, *op. cit.*, str. 712)]. Таким образом, эти последние из перечисленных деревень в период 1418—1420 годов принадлежали Тржебоньскому монастырю или частично, или только отдельными участками.

Название деревень	Брошенные наделы				
	1418 г.		1419 г.		1420 г.
	ко дню св. Гавла	ко дню св. Иржи	ко дню св. Гавла	ко дню св. Иржи	ко дню св. Гавла
Бржилице	1	1	1	1	1
Дунайовице	4	5	4	5	5
Дворец	1	1	1	1	1
Споли	8	8	8	10	9
Шалмановице	1	1	—	2	2
Доньов	1*	—	1*	—	—
Квасеёвице	1*	—	—	—	—
Пойбуки	1*	—	—	—	—
Коцлержов	—	—	1	—	—
Доманин	—	—	1	1	1
Неплахов	—	—	—	1	—
Бранна	—	—	—	1	1
Чимерж	—	—	—	1	1
Липница	—	—	—	1	1
Траховиште	—	—	—	1	1
Итого	15 и 3*	16	16 и 1*	25	23

* Здесь, видимо, приведена общая сумма 3 копы 2 деньги, или 2 копы, или 57 грошей и т. д., что дает возможность определить число отдельных участков. Я привожу названия деревень только для полноты.

Что касается размеров брошенных надделов, то они были следующие:

- 2 надела размером в 1 лан (один в Дунайовицах, один в Споли)
 - 1 надел » » $\frac{3}{4}$ лана (в Дунайовицах)
 - 1 » » » $\frac{5}{8}$ лана (в Споли)
 - 10 надделов » » $\frac{1}{2}$ лана (Бржилице—1, Споли—4, Дунайовице—2, Дворец—1, Доманин—1, Бранна—1)
 - 1 надел » » $\frac{3}{8}$ лана (в Споли)
 - 4 надела » » $\frac{1}{4}$ лана (Споли—3, Дунайовице—1)
- 19 надделов

Итого 19 наделов, размеры которых точно указаны в реестрах. Что же касается остальных наделов, то реестры содержат лишь денежное выражение убытков, которые потерпел монастырь в связи с тем, что эти наделы были брошены.

Что же вытекает из обеих таблиц? Прежде всего нужно сказать, что нам неизвестны причины, по которым эти наделы были покинуты их держателями. Мы не знаем также положения, создавшегося накануне 1418 года, не знаем, сколько наделов пустовало в этих деревнях. Но мы видим, что с каждым полугодием количество брошенных наделов увеличивалось. Это увеличение особенно заметно в 1420 году, когда был основан Табор. Весьма вероятно, что данные наделы, принадлежавшие к владениям Тржебоньского монастыря, были покинуты потому, что держатели их ушли в Табор или с таборитами. Мы ведь знаем, что волнения среди сельского населения южной Чехии стали возникать тотчас после смерти Гуса и что в 1419 году, по дошедшим до нас сведениям, начались паломничества на горы, куда стекались толпы крестьян из отдаленных областей Чехии. Открытые боевые действия, основание Табора и первые сражения в 1420 году, несомненно, привлекли в Табор новых сторонников. Я полагаю, что приведенные таблицы о брошенных наделах Тржебоньского монастыря отражают следы этих событий, что и здесь мы имеем дело с первыми обитателями Табора, первыми воинами таборских отрядов. Указанные источники свидетельствуют также, что эти крестьяне не были зажиточными. Из 19 крестьян, вероятно, ушедших в Табор, 15 имело наделы размером менее половины лана. Это мне кажется лишним доказательством того, что Табор был населен главным образом бедными крестьянами. Наш вывод о социальной структуре Табора в 1420 году представится еще более правдоподобным, если мы после обзора брошенных наделов перейдем к вопросу о полном исчезновении населенных пунктов в ближайших окрестностях Табора.

Пора, наконец, опровергнуть положение буржуазной историографии, будто гуситское революционное движение, подобно смерчу, смело с лица земли множество чешских деревень. Я убежден, что в действительности непосредственной жертвой гуситских войск стало лишь относительно незначительное число деревень. Тот факт, что в XV веке, а главное в XVI веке исчезали целые деревни, был связан

не с «печальным наследием» гуситства, а прежде всего с концентрацией обрабатываемой земли в руках отдельных лиц. Я полагаю, что специальное исследование вопроса об исчезнувших деревнях в общем подтвердит такую гипотезу. Во всяком случае, в отношении южной Чехии такое заключение совершенно закономерно вытекает из всего, что нам до сих пор известно.

Последние исследования, посвященные судьбе исчезнувших поселений, имели своим объектом деревни во владениях Златокорунского монастыря¹.

Какие же результаты дали эти исследования? Подавляющее большинство населенных пунктов исчезло в XVI веке. На их месте вырастали панские дворы (например, Немецкие Крженовы) и заповедники (например, Шитице, Кртелы, Горный и Дольний Тржебанек и Рочовице). Мы можем проследить процесс исчезновения населенных пунктов непосредственно в Таборской области, где должны были бы яснее всего сказаться последствия опустошительных гуситских войн. Но и здесь мы не встречаем ни малейших данных, которые могли бы подтвердить такого рода мнения. Наоборот, изучение истории исчезнувших поселений в Таборской области еще более подчеркивает роль, которую сыграло сельское население в основании Табора.

Посмотрим, что говорят несколько последних страниц истории этих деревень:

Чабел—в 1386 году принадлежала к владениям замка Градище (деревня с тяглым двором). Цикхарт, автор монографии об исчезнувших деревнях Таборской области, ставит исчезновение этой деревни в прямую связь с возникновением Табора, где укрылось население Чабела².

Доубрава—в XIV веке принадлежала роду панов Сезимов из Усти. Ее исчезновение связано с уходом жителей деревни в Табор³.

Гротны—в 1390—1400 годах здесь было 6 ланов. Она исчезла во времена гуситских войн. Более подробных сведений о ней нет.

¹ J. Kadlec, Zaniklé osady na území bývalého kláštera svatokorunského, ČSPSČ, 1949, str. 52.

² R. Cikhart, Zašlé vesnice na Tábořsku, ČSPSČ, 28, str. 57.

³ Там же, стр. 18.

- Кавчи—деревня панов из Усти. «Население ушло в Табор, деревня разрушилась»¹.
- Кравин—принадлежала Козьему замку—12,5 лана. При основании Табора жители ушли в город и деревня обезлюдела².
- Лештина—о судьбе ее известно лишь то, что в XVI веке Табор имел здесь 1 тягловый двор с тремя ланами³. Весьма вероятно, что при основании Табора или позже жители ее ушли в Табор, а деревня исчезла.
- Льгота—в 1545 году упоминаются лишь развалины Льготы. Возможно, что деревня исчезла в XV веке, более подробных сведений нет.
- Льготка—в 1452 году здесь были «дворы кметов, населенные и пустые»⁴, в 1512 году деревня уже совсем опустела.
- Липи—принадлежала Козьему замку, но в течение всего XV века оставалась пустой⁵.
- Паталов—принадлежала замку Пржибенице и содержала 7 ланов. Исчезла во времена гуситских войн⁶.
- Стракачов—Устецкое владение—опустевшей деревней позднее владел Табор, в который переселились жители Стракачова⁷.
- Смолин—упоминаний нет. Но из хроники Вавржинца нам известен Ян, по прозвищу Смолин, бывший одним из инициаторов разрушения Усти Сезимова⁸.
- Жалавец—в 1390 году принадлежала Хинову, в XVI веке ее местоположение уже не было известно; это значит, что ее исчезновение относится скорее всего к XV веку. Более подробных сведений нет.
- Двор Боржихов—принадлежал Козьему замку. В XVI веке так назывался уже только лес.
- Город Усти Сезимова—уход его жителей в Табор подтверждают все хроники.

¹ R. Cikhart, Zašlé vesnice na Tábořsku, ČSPSČ, 28, str. 20,

² Там же, стр. 21.

³ F. A. Slavnik, Panství tábořské a bývalé poměry jeho poddaných, Tábor, 1884, str. 25.

⁴ Rel. tab. terrae, II, str. 224.

⁵ R. Cikhart, op. cit., str. 14, 20.

⁶ Там же, стр. 25.

⁷ Там же.

⁸ FRB, V, str. 357.

Город Пршибенице—уничтожен при взятии крепости Пршибенице.

Таков список, содержащий название 13 деревень, 1 крепости и 2 городов, чье исчезновение—несомненно или только вероятно—связано с возникновением и ростом Табора. Цикхарт, которому мы обязаны этим исследованием, пришел к такому выводу в заключительной части своей монографии: «Исчезнувшие населенные пункты были в большей своей части маленькими деревушками... которые легко были сметены с лица земли... потрясающими событиями той эпохи. К югу и востоку от нынешнего Табора, в местах, граничащих с владениями враждебного ему рода Рожмберков, жители уходили по большей части добровольно...»¹

Новые источники подтверждают уже известные факты, что крепостные добровольно покидали свои деревни, где им пришлось столько страдать, и шли в Табор.

Результаты нашего исследования судеб исчезнувших поселений в Таборской области станут еще более убедительными, если мы сопоставим их с перечнем имен жителей Табора, занесенных в реестр таборского рихтаржа (1432—1450)². Ниже мы дадим более подробный анализ этой первой городской книги Табора. Теперь же нас интересует, нельзя ли, опираясь на этот документ, найти пути к тем местам, откуда в 1420 году пришли в Табор его первые обитатели.

Вообще говоря, мы относимся с сомнением к историческому методу, который использует в качестве надежного источника личные имена и названия местностей³, однако в данном случае, когда речь идет о Таборе, нам неизбежно придется прибегнуть именно к этому методу. Нельзя забывать, что в городской книге Табора 1432 года мы имеем дело почти исключительно с первым поколением таборских жителей, которые населяли город начиная с 1420 года, в то время как городские книги всех остальных наших

¹ R. Cikhart, Zašlé vesnice na Tábořsku, ČSPSČ, 28, str. 57.

² Рукопись Архива Национального Музея—«F. Tábor».

³ Нацисты, стремившиеся любой ценой доказать преобладание немецкой нации в наших средневековых городах, дискредитировали метод анализа имен. «Zeitschrift für sudetendeutsche Geschichte» стала сомнительной трибуной таких попыток, а Гейнц Изачек был главным ее представителем. Мендл с полным правом критиковал этот метод и показал его слабые стороны (ČČH, 44, 1938, str. 420 n.).

городов содержат списки людей не первого, а уж каких-то последующих поколений. Таким образом, нам представляется здесь единственная в своем роде возможность проанализировать имена таборских горожан и задуматься над вопросом о том, откуда они пришли в Табор. Исходной точкой такого анализа будет предположение, что в целях различения людей с одинаковыми именами в списках переселенцев в Табор нередко отмечалось прежнее местожительство этих людей.

Если, например, в записях древнейшей городской книги Табора, относящихся к 1436 году, говорится о таборском домовладельце Гавлике Чабельском, то прозвище «Чабельский», повидимому, можно истолковать только в том смысле, что этот Гавлик пришел в Табор из Чабеля. Так же обстоит дело и с другими именами: Томаш Чеканицкий был родом из Чеканиц, Кубец Мешницкий—из Мешниц и т. д. То же следует сказать и о другом типе имен, в которых отражалось прежнее место жительства,—это имена с предложениями. Например, Катержина из Правонина, Мареш из Клатов, Микулаш из Држачек и т. д. Эти имена также можно объяснить лишь тем, что эти таборские горожане были родом из названных мест, откуда они и пришли в Табор.

Я отдаю себе отчет в том, что подобного рода предположение было бы весьма проблематичным, если бы от времени появления в Таборе первых жителей нас отделяло несколько поколений. Но 10—30 лет, прошедших со времени основания Табора, были не таким уж большим сроком, чтобы в именах жителей стерлось их происхождение. Составляя акты передачи имущества, его раздела, а также другие юридические документы, писарь употреблял такие имена, которые во избежание недоразумений полностью характеризовали бы каждого из них. И если за каким-либо из горожан укрепились прозвище или кличка, писарь записывал и это точно так же, как он фиксировал прежнее место жительства горожан Табора—безразлично, появился ли данный человек в Таборе в 1420 году или позднее. Повторяем, 30 лет было слишком коротким сроком для того, чтобы вытравить из памяти горожан и писарей воспоминание о том, откуда прибыли таборские граждане. Таким образом, анализ имен, ставящий своей целью установить происхождение таборских горожан, дает новые данные для освещения проблемы социальной структуры Табора.

Я просмотрел все записи в старейшей городской книге Табора, выбрав имена горожан, в которых отражены названия местностей, и составил из этих имен «Список местностей, отражающихся в именах таборских горожан периода 1432—1450 годов» (приложение II)¹. В мой список вошло более 100 деревень, местечек и городов, откуда пришли в Табор новые жители, а для того, чтобы связь Табора с широкими народными массами стала еще нагляднее, чтобы ясен стал крестьянский характер таборского населения, я изобразил результаты этого исследования, изложенного в приложении к II, в виде двух карт (7 и 8).

Если взять карту исчезнувших поселений в окрестностях Табора и сравнить ее с картами местностей, названия которых отражаются в именах таборских горожан, то мы увидим, что названия нескольких деревень, исчезнувших в связи с возникновением Табора, появляются в именах таборских горожан.

Исчезнувшая деревня Чабел—таборский горожанин Гавел Чабельский	»	»	Кравин	»	»	Михаил из Кравина
»	»	»	Льгота	»	»	Пеха Льгоцкий или Хвала из Льготы
Исчезнувший город Пришибенице	»	»	Усти Сезимово	»	»	Голый Пришибеницкий Иога Устьский, Беран Устьский и т. д.

Так обе карты дополняют и подтверждают друг друга. С первого взгляда становится ясным, что деревенские

¹ Одним из последних исследователей имен таборских горожан в рихтаржском реестре (1432—1450) был Цикхарт, который опубликовал обзор некоторых имен в статье «Фамилии древнейших жителей города Табора» (Casopis rodopisné společnosti československé, Praha, 1947, roč., XVII—XVIII, str. 86 п.); сюда включены и фамилии, напминавшие названия окрестных деревень и городов. Однако обзор Цикхарта неполон, так же, как и более ранний обзор Войтишека—V. Vojtišek, Na Táboře 1432—1450 (Sborník Žižkův, 1924, str. 137—138) и F. A. Slavík, Panství táborské, str. 3, так что мне пришлось сызнова исследовать реестр и составлять новый обзор.

жители (главным образом из деревень в ближайших окрестностях Табора) ушли в Табор, где их ждала новая, лучшая жизнь. Сравним две карты, на которых нанесены населенные пункты, отраженные в именах таборских горожан, с картой происхождения таборитов, составленной по данным «Книги казней» (карты 4 и 5), или с картой исчезнувших деревень в окрестностях Табора (карта 8), и мы снова придем к неизбежному выводу: само возникновение Табора и его борьба происходили при широком участии и поддержке народных масс, а в период, непосредственно следующий после его основания, основной частью его обитателей были крестьяне.

Крестьянский характер нового населения Табора в 1420 году и преобладание роли сельского хозяйства в его экономике подтверждается и еще одним источником, который равным образом доказывает незначительное участие городских элементов в начальный период истории Табора.

Ниже мы вернемся к вопросу о том, как борьба против феодалов находила свое выражение в Таборе в форме отказа от всякой роскоши и богатства, которые «вводят во грех» и напоминают ненавистный феодальный порядок. Такая точка зрения влекла за собой последствия и для городской экономики. До нас дошел в целостности перечень ремесел и занятий, запрещенных в Таборе¹. Независимо от того, будем

¹ Обширный материал собрал Коларж (M. Kolář, *Řemesla a obchodové křeží starým táborům dovození a nedovození byli*, PA, VI, 1865, str. 151; и позднее *Sborník prací prof. M. Koláře o dějinách Tábora*, 1924, str. 210 n.). Этот список является вкладышем в рукопись XV века; Бартош (ČSM, 93, 1919, str. 59 n.) доказывает, что список этот был составлен магистром Якоубеком из Стржибра. Пекарж (J. Peckář, *Žižka*, I, см. поправки и добавления, стр. 284) упустил из виду эту статью Бартоша; поэтому нет смысла заниматься его мимолетным и к тому же ничем не обоснованным предположением, будто речь идет о рукописи братьев конца XV века. Урбанек (R. Urbanek, *Lipany a konec polních vojsk*, str. 53) так же, видимо, не читал статью Бартоша, и потому он, даже не обосновав свою позицию, принял предположение Пекаржа. Я не согласен с Бартошем, который полагает, что список этот следует приписывать магистру Якоубеку из Стржибра и относить его к двадцатым годам. Против этого, а, следовательно, и против того, чтобы считать этот документ возникшим в Праге, свидетельствуют, по моему, заключительные слова списка: «если же кто хочет у нас заниматься ремеслом, может, подобно Матоушу и Захеусу, заниматься ремеслом и торговлей лишь после того, как минет год со времени обращения их в веру. Ибо многие безобразия возникли оттого, что кое-кто, придя к нам ради прибыли, с прибылью же опять ушел, и последние

ли мы считать происхождение этого документа чисто таборитским, или окажется, что его следует связывать с деятельностью магистра Якоубека из Стржибра, главного идеолога пражского бюргерства, мы можем все же использовать этот перечень для того, чтобы исследовать интересующий нас вопрос. Якоубек, несомненно, оказывал сильное влияние на часть таборитских священников, особенно в начальный период истории бюргерского Табора¹. Даже если допустить, что автором этого перечня был Якоубек, то и тогда мы можем использовать данные, приведенные в этом документе. Я полагаю, что перечень запрещенных ремесел и занятий был составлен главным образом именно для Табора. В тех городах, где ремеслами и различными профессиями занимались уже сотни лет, бороться против некоторых из них, уже прочно вошедших в жизнь, было трудно. Но в Таборе можно было регулировать развитие ремесла при самом его возникновении. И тут, вероятно, для нужд таборитских священников, и был—под влиянием Якоубека—разработан список занятий, разрешенных или запрещенных в Таборе. Категорически запрещена была деятельность палачей, ростовщиков, игроков в кости, карты, шарик и другие азартные игры, дудочников, игроков на цитре, барабанщиков, трубачей, исполняющих танцы, скоморохов, воров, укрывателей краденого, грабителей, предателей, лжесвидетелей, «чародейников», «гадалок» и фальшивомонетчиков. Как видно из приведенного перечня, это более или менее полный список пороков,

поступки таких людей хуже, нежели первые...» Мне кажется, что это свидетельство скорее соответствует обстановке, создавшейся в Таборе, ибо прежде всего Табор был местом, куда стремились ремесленники (мы ничего не знаем о том, чтобы ремесленники приходили в Прагу ради прибыли!). Это не значит, однако, что здесь не могло быть идейного влияния или прямой зависимости от Якоубека. Вспомним о подобных же мыслях, высказанных Микулашем Бискупцом в 1425—1426 годах и Шимоном-кузнецом в 1434 году (см. стр. 490, 497 и 502).

¹ См., например, J. Sedláček, *Studie a texty*, II, str. 311; рассказывая в своей хронике о событиях 1421 года, Бискупец непрестанно подчеркивает значение Якоубека (K. Höfler, *Scriptores*, II, str. 563); этот материал собран у Бартоша (F. M. Vártoš, *Tábori a duchovní jejich otec*, JSH, II, str. 75 n.). И хотя я не согласен в подробностях ни с Седлаком, ни с Бартошем (этого вопроса мы коснемся в следующих главах), но все же, несомненно, нельзя отрицать влияние Якоубека из Стржибра на бюргерство в начальный период развития Табора.

присущих населению городов. Далее, затруднены были в Таборе следующие занятия: сбор мытных денег и пошлин, принуждение давать оценки имуществу, присяги и производить взыскания, производство художественных вещей с украшениями и вообще предметов, служащих удовлетворению тщеславия и похвальбе, а также производство пряников (на пряники часто играли в кости). Жителям Табора рекомендовалось также держаться подальше от рынка, «чтобы ни ты не подвергался соблазну, ни сам бы никого не вводил в соблазн, ибо особо купцам свойственно лгать»¹.

Совершенно безгрешными и почетными считались следующие занятия: рыболовство, земледелие, молотба, пастушество, виноградарство, плотничество, красильное дело, ремесло мельника, пекаря, пивоварение; нет греха и в ремесле суконщика, сапожника, портного и мясника.

Такой перечень ремесел и занятий был следствием того, что основным было сельскохозяйственное производство и лишь часть ремесел приравнивалась к нему, считаясь безгрешными. Зато торговля была предана анафеме. Ознакомившись с перечнем запрещенных и дозволенных ремесел и занятий, мы вновь приходим к выводу, что первоначально Табор представлял собой город, населенный крестьянством и городской беднотой, где лишь очень незначительно было развито ремесло, как это уже неоднократно указывалось. Нет сомнения, что ограничение ремесленного производства, с каким мы встречаемся в приведенных документах, могло возникнуть лишь в том случае, если ремесленное производство в Таборе было слабо развито. С течением времени, как только ремесла и торговля в Таборе прочно вошли в экономическую жизнь, предписания священников превратились в пустые слова.

Если мы сравним этот перечень запрещенных и разрешенных ремесел с тем, что мы видим в Таборе в действительности уже в тридцатых годах (см. табл. I на стр. 438), то нам станет ясно, что жизнь постепенно совершенно уничтожила всякого рода ограничения. За это время ре-

месла разрослись, достигнув большого разнообразия и богатства. Разница между теоретическими положениями двадцатых и практикой тридцатых годов станет яснее всего, если мы обратимся к вопросу о развитии таборской торговли. В приведенном нами перечне торговля упоминается в числе занятий, которых следовало избегать; а уже из таборской городской книги видно, что в тридцатых годах торговцы составляют 8% к числу городских ремесленников, а лавочников в тридцатых годах мы находим даже в числе самых богатых таборских граждан (табл. VII на стр. 457). В этом развитии торговли еще раз проявляется глубокая разница между Табором двадцатых годов, городом сельской и городской бедноты, и бюргерским, ремесленным Табором периода Липан.

Выше я уже обращал внимание на то, что данные «Книги казней», урбарильных реестров и реестра таборского рихтаржа (1432—1450) по вопросу о социальной структуре Табора нельзя отнести к какому-либо определенному году. Даже список запрещенных ремесел, датированный весьма приблизительно двадцатыми годами XV века, не может помочь отнести полученные нами данные к какому-либо точному году или дать динамику развития. Мы знаем, что «Книга казней» охватывает период 1420—1423 (или 1429) годов, урбарильные реестры—1419—1420 годы, а старейшая городская книга Табора (в части перечня горожан) возвращает нас к первым годам существования города. Из всех этих документов можно сделать вывод, что новый город был городом крестьянской и городской бедноты, но отнести эти данные к какому-либо точному году невозможно. В свете этих документов нельзя ответить на вопрос, как шло развитие социального состава Табора. Мы можем восстановить лишь статичную картину. Я считаю, что развитие социальной структуры Табора можно примерно понять, сравнивая известные нам уже данные о Таборе двадцатых годов с положением в Таборе в сороковых годах, то есть сравнивая данные «Книги казней» и урбарильных реестров с данными старейшей городской книги Табора (1432—1450). Мне кажется, что изучая и сравнивая Табор первых лет с Табором 1432—1450 годов, мы получим исходную и конечную точку развития его социальной структуры.

¹ Примерно так же сказано и в статьях, поданных таборитами 5 августа 1420 года пражской общине: «Чтобы был установлен надзор над ремеслами и рынками, дабы под угрозой штрафа неповадно было обманывать, грабить, давать деньги в рост, давать ложные клятвы, хитрить, не выполнять обещанного» (Vavřinec z Březové, FRB, V, str. 398).

Реестр таборского рихтаржа отражает юридическое¹ положение имущих кругов Табора в 1432—1450 годах. Наибольшее количество данных относятся к сороковым годам. У городского рихтаржа, который и был составителем этой старейшей городской книги, совершались различные юридические акты—продажа, купля, завещания, опекунские дела и вообще акты, оформлявшие переход имущества от одного лица к другому; все эти дела фиксировали и утверждали, таким образом, права лиц, введенных во владение. Так, с 1432 до 1450 года перед таборским рихтаржем прошло около 600 таборских горожан. Естественно, что это были далеко не все жители Табора. В рихтаржном реестре не упоминаются таборские жители, не владевшие недвижимым имуществом; но даже и владельцы недвижимости в Таборе не были полностью охва-

¹ Лучше всего и наиболее полно описал и обработал эту старейшую городскую книгу Табора В. Войтишек в уже приведенной статье: Na Táboře 1432—1450 (Sborník Žižkův, Praha, 1924, str. 134—158). Войтишек (там же, стр. 135 и сл.) упоминает о пустом первом листе, где приведены «некоторые изречения, в которых не все можно разобрать, ибо лист испорчен и письмом стерлось», он не печатает эту запись, даже в отрывках. Я попытался прочитать ее, но могу здесь привести лишь отрывок, который не берусь истолковать: «Учись лучше толковать Священное писание

кобыл...

Переливы свиста отрядов из

Подмокл

Конем слепым и Жижкой одно(оки)м».

Как и Войтишек, я употребляю для этой старейшей таборской книги название «рихтаржский реестр». Кроме Войтишека, данные этого реестра использовали: М. К о l á ř, *Obraz města Tábor a jeho okolí v letech 1432—1450 (Výroční zpráva gymnasia v Táboře 1871 a odtud PA, IX, str. 259 n., и Sborník historických prací o dějinách, Tábor, 1924, str. 94—112)*; J. B o h á č, *Hradiště hory Tábor a okolí v r. 1432—1450 (Jihočeský kraj, samostatný otisk Tábor, 1912)*; Jos. Švehla, *Ohlasy z Ústí Sezimova v nejstarší gruntovní knize tábořské z r. 1432—1450 (JSH, I, 1928, str. 80—84, 120—124)*; R. C i k h a r t, *Lázně na Táboře v XV věku (JSH, VI, 1933, str. 119—120)*; R. C i k h a r t, *Okolí města Tábor v zápisech nejstarší gruntovní knihy tábořské (JSH, VII, 1934, str. 46 n.)*; R. C i k h a r t, *Řemesla a živnosti v prvních letech města Tábor (Výroční zpráva Masarykových škol práce v Táboře, 1933—1934, str. 50—56, перепечатано в журнале «Střed», 1935, No. 26 и 1936, No. 1)*; R. C i k h a r t, *Topografie Tábor v nejstarší gruntovní knize (JSH, VIII, 1935, str. 30—31)*; R. C i k h a r t, *Z trhových zápisů nejstarší gruntovní knihy tábořské (JSH, IX, str. 43, 1936)*; Milan Nedvídek, *Staré domy a rodiny tábořské (JSH, XVI, str. 1—28) и др.* Но все это лишь мелкие статьи, посвященные узкой местной проблематике.

чены этим реестром. Следовательно, по данным рихтаржского реестра невозможно установить количество населения или какие-либо иные абсолютные числа. Анализируя этот реестр, мы не должны забывать, что все полученные цифры будут выражать только соотношение, будут всегда относительными.

Из этих примерно шестисот лиц, чьи дела в 1432—1450 годах проходили у городского рихтаржа, 348 являлись, несомненно, ремесленниками, ибо писарь, записывая юридические акты, присоединял к их именам точное определение их рода занятий. Я прекрасно понимаю, что, например, имя «Августин-мясник» не всегда могло означать, что упомянутый Августин на самом деле был по профессии мясником. Однако и тут снова следует напомнить, что Табор в те годы был новым городом и что в этих условиях место прежнего жительства, род занятий или профессии были важными факторами для установления личности горожанина. В связи с этим следует указать на то, что во многих случаях упоминание после имени рода занятий или ремесла в те годы вполне соответствовало действительному занятию человека. Так, например, именно этот Августин-мясник продавал мясную лавку; в другом случае пивовар составлял опись пивоваренного оборудования в своем доме и т. д. Итак, я решил исходить из этих указаний и выбрал и сопоставил имена тех таборских горожан, род занятий которых совершенно ясно указан; эти 348 имен я включил в таблицу I. Проверить правильность этих и следующих таблиц можно путем сравнения их со списком таборских горожан, род занятий которых был точно установлен; я их делю на две группы: продающие и покупающие (см. приложение III). Из данных, содержащихся в этом списке, мною составлена таблица I.

Как видно из таблиц, к классическому разделению ремесел Бюхера¹ я уже теперь присоединил дополнительные рубрики, которые будут использованы ниже. В них устанавливается количество актов продажи и купли, ценность купленного или проданного имущества и отмечены случаи выплат наличными деньгами; это—данные, которые помо-

¹ K. B ü c h e r, *Die Bevölkerung von Frankfurt am Main im XIV und XV Jahrhundert*, I, Tübingen, 1889. Методику установления социальной структуры средневековых городов я показал более подробно в монографии «Тридневная структура Ловна в roce 1460» (ČSPSČ, го. 58, 1950, str. 157 n.).

Владельцы домов и другой недвижимости в Таборе в 1432—1450 годах	Количество	Число актов			Стоимость проданного и купленного имущества и количество его				Заплачено покупателями наличными				
		продажи	купли	всего	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей	
I. Производство продовольствия и сырья													
1. Заготовщики фуража	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
2. Птичники	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
3. Рыбаки	6	4	6	10	5	4	1	—	2	3	1	—	—
4. Рудокопы	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
5. Угольщики	2	2	—	2	2	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Водовозы	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	12	10	6	16	9	6	1	—	2	3	1	—	—
II. Обработка металла													
1. Ножовщики	7	6	4	10	4	1	2	3	1	2	1	—	—
2. Владельцы кузнечных горнов . .	3	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	1	—
3. Кузнецы	13	6	8	14	1	4	1	8	2	2	2	—	1
4. Молотобойцы	2	6	3	9	1	6	2	—	3	—	—	—	—
5. Изготовители ядер	1	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—	—	—
6. » шипов	1	—	1	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—
7. » стрел	2	1	1	2	2	—	—	—	—	—	—	—	1
8. » пращей	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
9. » колчанов	1	1	3	4	3	—	1	—	1	2	—	—	—
10. » лат	1	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—	—	—
11. » кувшинов ¹	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
12. » ружей	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
13. » шпор	1	1	1	2	—	2	—	—	—	1	—	—	—
14. » мечей	3	3	2	5	—	2	3	—	—	2	—	—	—
Всего	38	28	23	51	12	17	10	12	7	10	3	1	2
III. Топливо и освещение													
1. Масленщики	1	1	1	2	1	—	—	—	—	1 ²	—	—	—
Всего	1	1	1	2	1	—	—	—	—	1	—	—	—
IV. Текстиль													
1. Суконщики	33	15	23	38	11	13	6	7 ³	5	10	8	—	—
2. Стригальщики сукна	5	1	6	7	2	1	1	3	1	1	1	1	2
3. Ткачи	6	3	3	6	2	2	—	2	1	1	1	—	—
4. Шпильники	2	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—

¹ Лишь упоминание: рядом с домом изготовителя кувшинов.

² Цена дома не указана.

³ Цена не указана в одном случае.

Владельцы домов и другой недвижимости в Таборе в 1432—1450 годах	Количество	Число актов			Стоимость проданного и купленного имущества и количество его				Заплачено покупателями наличными				
		продажи	купи	всего	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей	1	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей
5. Прядильщики	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
6. Красильщики	2	5 ¹	1	6	2	3	—	1 ²	1	—	—	—	—
7. Валяльщики сукна	2	2	1	3	—	2	1	—	1	—	—	—	—
8. Веретенщики	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
9. Веревочники	2	1	2	3	1	1	—	1	—	2	—	—	—
Всего	54	29	36	65	19	23	8	14	9	14	10	1	2
V. Кожевенное производство													
1. Кожевники	7	9	6	15	5	4	2	4	1	3	—	2	—
2. Дубильщики	2	1	1	2	2	—	—	—	1	—	—	—	—
Всего	9	10	7	17	7	4	2	4	2	3	—	2	—
VI. Обработка дерева													
1. Бондари	1	—	1	1	—	1	—	—	1	—	—	—	—
2. Бочары	10	7	10	17	1	9	3	3 ³	4	5	1	—	—
3. Изготовители столов	1	—	1	1	1	—	—	—	—	1	—	—	—
4. Драночники	3	2	—	2	—	2	—	—	—	—	—	—	—
5. Плотники	11	9	6	15	5	2	6	2	3	—	3	—	—
6. Столяры	3	3	2	5	1	1	1	2	1	—	—	—	4
7. Колесники	6	5	6	11	3	2	2	2 ⁵	2	4	—	—	—
Всего	35	26	26	52	11	17	12	9	11	10	4	—	—
VII. Пищевое производство													
1. Мясники	25	14	22	36	4 ⁷	17	14	1	5	9	8	—	—
2. Солодовники	17	10	16	26	5	8	5	8	—	6	4	2	4
3. Пекари	7	6	10	16	1	3	6	5 ⁶	3	—	3	1	—
4. Пряничники	1	—	1	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—
5. Пивовары	3	3	3	6	4	5	—	—	—	2	—	—	—
6. Мельники	11	12	13	25	1	5	4	12	2	9	—	2	—
7. Маслоделы	1	—	1	1	1 ⁷	—	—	—	—	—	—	—	7
Всего	65	45	66	111	16	39	29	26	10	27	15	5	4

1 Цена оборудования: 4 рамы, котел, кадь. 2 Продает одно и то же лицо—Чернох. 3 В одном случае цена не указана. 4 В одном случае нет данных о выплате. 5 В двух случаях не указана цена. 6 В двух случаях нет данных о выплате. 7 В одном случае нет данных о выплате.

Владельцы домов и другой недвижимости в Таборе в 1432—1450 годах	Количество	Число актов			Стоимость проданного и купленного имущества и количество его				Заплачено покупателями наличными				
		продажи	купили	всего	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей	
VIII. Производство одежды и санитария													
1. Сапожники	28	29	26	55	14	22	11	7 ¹	9	8	7	—	1
2. Портные	21	12	22	34	9 ²	9	5	11	7	7	7	1	—
3. Скорняки	14	7	19	26	7	10	3	6	3	9	3	2	2
4. Мыловары	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
5. Банщики	6	7	6	13	1	2	2	8	—	1	—	3	2
6. Шляпники	1	—	1	1	—	1	—	—	—	1	—	—	—
7. Портные, шьющие сутаны	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Всего	72	55	74	129	31	44	21	32	19	26	17	6	5
IX. Строительство и др.													
1. Каменщики	6	3	5	8	3	4	—	1	4	1	—	—	—
2. Гончары	15	6	9	15	3	5	2	5	2	3	3	—	1
3. Землекопы	1	1	2	3	3	—	—	—	1	1	—	—	—
Всего	22	10	16	26	9	9	2	6	7	5	3	—	1

X. Торговля, корчмы и транспорт													
1. Купцы	9	10	10	20	2	8	5	5	1	5	2	1	—
2. Мелкие торговцы	2	2	1	3	1	—	1	1	—	—	1	—	—
3. Кучера	2	—	1	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—
4. Извозчики	4	1	5	6	1	1	4	—	5	—	—	—	—
5. Хлеборезы	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
6. Засольщик	2	—	1	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—
7. Изготовители крупы	3	3	—	3	—	2	1	—	—	—	—	—	—
8. Всадник	1	—	1	1	—	—	1	—	—	—	1	—	—
Всего	24	16	19	35	5	11	13	6	7	5	5	1	—
XI. Разное													
1. Мостильщик	1	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
2. Жестянщик	1	1	—	1	1	—	—	—	—	—	—	—	—
3. Чеканщик монеты	1	3	1	4	2	1	—	1	1	—	—	—	—
4. Школьный учитель	1	—	2	2	2	—	—	—	1	1	—	—	—
5. Городской гонец	2	—	2	2	1	1	—	—	—	2	—	—	—
6. Писари	5	8	8	16	5	3	5	3	3	4	1	—	—
7. Башенный сторож	1	1	—	1	—	1	—	—	—	—	—	—	—
Всего	12	13	13	26	11	6	5	4	5	7	1	—	—

1 В одном случае не указана цена.

2 Везде помещение или сады, лишь в одном случае домик.

Владельцы домов и другой недвижимости в Таборе в 1432—1450 годах	Количество	Число актов			Стоимость проданного и купленного имущества и количество его				Заплатено покупателями наличными				
		продажи	купли	всего	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей	—	до 2 коп грошей	до 5 коп грошей	до 10 коп грошей	свыше 10 коп грошей
ХII. Беднота													
1. Подмастерье	3	2	3	5	—	5	—	—	2	1	—	—	—
2. Батрак	1	—	1	1	—	—	—	1	—	—	—	—	1
Всего	4	2	4	6	—	5	—	1	2	1	—	—	1

В процентах таблица 1 выглядит так:

1. Производство продовольствия и сырья	12	3,4%
2. Обработка металла	38	10,9%
3. Топливо и освещение	1	0,2%
4. Текстиль	54	15,7%
5. Кожевенное дело	9	2,5%
6. Обработка дерева	35	10,0%
7. Пищевое производство	65	18,8%
8. Производство одежды и санитария	72	20,8%
9. Строительство и др.	22	6,3%
10. Торговля, корчмы и транспорт	24	6,9%
11. Разное	12	3,4%
12. Беднота	4	1,1%
Всего	348	100,0%

гут нам определить имущественное положение таборских горожан. Но сейчас таблица I занимает нас постольку, поскольку она отражает социальную структуру Табора тех лет.

Прежде всего обратим внимание на ремесленное производство; в таблице II мы вновь группируем ремесла по обычным категориям:

Таблица II

РЕМЕСЛЕННИКИ В ТАБОРЕ (1432—1450)

Ремесло	Продажа и купля	
	количество	процент
1. Металлообрабатывающее производство	38	12,7
2. Отопление, освещение	1	0,3
3. Текстильное производство	54	18,5
4. Кожевенное производство	9	3,4
5. Деревообрабатывающее производство	35	11,7
6. Пищевое производство	65	21,8
7. Производство одежды и обуви	72	24,2
8. Строительство	22	7,4
Итого:	296	100,0

Как видно уже из одной этой таблицы, ремесленное производство в Таборе того периода уже широко развилось. Прочные позиции ремесленного производства в Таборе станут особенно ясными, если сравнить их с положением ремесел в некоторых других чешских городах XV века. Сделать такое сравнение нам позволяют данные о Старом Месте Пражском в 1429 году¹, о Знойме в 1442² и о Лоунах

¹ В. Мендл проанализировал социальную структуру Старого Места Пражского в 1429 году на основании данных реестра городского снабжения, относящегося к 1429 году, в своем труде «*Sociální krise a zářasy v městech čtrnáctého věku*» (ČČH, XXX п. и особый оттиск в Праге, 1926, стр. 120 и сл.). Результаты этих исследований он использовал, сравнив их с положением в Братиславе и других городах в статье «*Breslau zu Beginn des 15. Jahrhunderts*» (ZVG Schl., 36, 1929, S. 167 f.).

² В. P o l e s n ý, Znojenský berní rejstřík z r. 1442 (XIII годовой отчет реформированной реальной гимназии в Зноймо за 1932 год) и в обработке того же автора «*Znojmo, 1442*» (отчет реальной гимназии в Зноймо, 1938 год).

в 1460 году¹. Сведениями о других городах мы не располагаем, но более чем вероятно, что положение, создавшееся в этих четырех городах, соответствует положению в большинстве чешских королевских городов.

Сравнительная таблица III дает следующую картину:

Таблица III

КОЛИЧЕСТВО РЕМЕСЛЕННИКОВ В ЧЕШСКИХ ГОРОДАХ XV ВЕКА

Группа ремесел	Старое Место Пражское, 1429 год	Зноймо, 1442 год	Лоуны, 1460 год	Табор, 1432—1450 годы
1. Металлооб- работка . .	108—18%	30—18%	12—5,2%	38—12,7%
2. Производ- ство топлива	9—2%	3—2%	0—0,0%	1—0,3%
3. Текстильное производство	73—13%	15—9%	50—21,2%	54—18,5%
4. Кожевенное производство	74—13%	21—12%	11—4,8%	9—3,4%
5. Деревообра- ботка . . .	38—7%	19—11%	19—8,2%	35—11,7%
6. Пищевое производство	91—16%	29—17%	62—26,1%	65—21,8%
7. Производ- ство одежды и обуви . .	167—28%	40—23%	77—32,6%	72—24,2%
8. Строитель- ство . . .	20—3%	14—8%	4—1,9%	22—7,4%
Всего:	580—100%	171—100%	235—100%	296—100%

¹ J. Masek, op. cit., ČSPSČ, roč. 58, 1950, str. 157 n., где собраны и таблицы, составленные Мендлом, и приводятся данные о социальной структуре Лоун.

В соответствии с этой таблицей сгруппируем ремесла соответственно тому месту, которое каждое из них занимает в общем ремесленном производстве города:

Прага (1429)	1. Производство одежды . . .	28,0%
	2. Металлообработка	18,0%
	3. Пищевое производство . . .	16,0%
	4. Текстильное и кожевенное производство	13,0%
Зноймо (1442)	1. Производство одежды . . .	23,0%
	2. Металлообработка	18,0%
	3. Пищевое производство . . .	17,0%
	4. Кожевенное производство	12,0%
Лоуны (1460)	1. Производство одежды . . .	32,6%
	2. Пищевое производство . . .	26,1%
	3. Текстильное производство	21,2%
	4. Деревообработка	8,2%
Табор (1432—1450)	1. Производство одежды . . .	24,2%
	2. Пищевое производство . . .	21,8%
	3. Текстильное производство	18,5%
	4. Металлообработка	12,7%

Как показывает это сопоставление, Табор по структуре своего ремесленного производства стоит в одном ряду с чешскими королевскими городами, и только Прага превосходит его по количеству ремесленников. Конечно, в 1429 году Прага все еще составляла исключение среди чешских городов, несмотря на то, что позиции ее пошатнулись. Зноймо же и Лоуны, напротив, отставали от Табора; в особенности значительное количество суконщиков в Таборе свидетельствует о том, что продукция этой отрасли ремесленного производства уже, по всей видимости, превосходила местные потребности. В общем же, говоря о Таборе и тех городах, которые мы с ним сопоставляли, следует указать, что в них главную роль играли ремесла, удовлетворявшие местное городское потребление или ближайшие окрестности города: ремесло портных, сапожников, пекарей, мясников и пивоваров. С этой точки зрения важно обратить внимание на то, что по структуре ремесленного производства Табор был ближе всего к Лоунам¹.

¹ См. J. Masek, op. cit., str. 229.

ВИДЫ РЕМЕСЕЛ В ЧЕШСКИХ ГОРОДАХ XV ВЕКА

Ремесло	Старое Место Пражское, 1429 год	Зноймо, 1442 год	Лоуны, 1460 год	Табор, 1432—1450 годы
1. Металлообработка	17	12	3	14
2. Производство топлива	3	1	0	1
3. Текстильное производство	11	6	4	9
4. Кожевенное производство	8	5	3	2
5. Обработка дерева	6	9	5	7
6. Пищевое производство	6	8	3	7
7. Производство одежды, обуви	10	5	5	7
8. Строительство	4	5	1	3
Итого:	65	51	24	50

Гораздо труднее ответить на вопрос, каким было взаимоотношение между ремесленным и сельскохозяйственным производством, и каким был общий характер экономики Табора в 1432—1450 годах; мы в состоянии сопоставить лишь торговлю и ремесло, хотя и здесь следует помнить о том, что данные, которыми мы располагаем, крайне скудны. В период с 1432 по 1450 годы в Таборе торговлей, содержанием гостиниц и перевозкой занимались 24 человека, что составляет 8% по отношению к количеству ремесленников. Такое соотношение между торговлей и ремеслом примерно соответствует тому, что было в Лоунах в 1460 году (9,3%)¹. Но эта цифра не идет ни в какое сравнение, например, с данными Праги (1429) и Зноймо (1442), где отношение торговли к ремеслу достигало 20 и 24%². Если на основании столь скудных данных можно делать вывод, то следует охарактеризовать Табор периода, следующего за

¹ J. Masek, op. cit., str. 224.

² B. Mendl, op. cit., str. 173; B. Polesný, op. cit.

Неслучайно города, столь сходные по характеру своей экономики в гуситском революционном движении, шли одним путем, и даже после Липан стояли на общей политической платформе. Из сравнительной таблицы можно сделать следующий общий вывод: ремесленное производство в Таборе ничем не отличается от ремесленного производства в остальных чешских королевских городах.

И этот конечный вывод лишний раз подтвердится, если опять-таки сравнить расчленение и специализацию ремесленного производства в Таборе с уровнем ремесленной специализации в тех же самых городах. Возрастающие потребности заказчика в средние века можно было удовлетворить лишь путем специализации отдельных ремесленников в производстве определенных товаров. При низком уровне развития производительных сил то была единственная возможность удовлетворить постоянно растущие потребности. «Разделение труда в городах между отдельными цехами было еще [совершенно примитивно], а внутри самих цехов между отдельными рабочими вовсе не было проведено»¹. Поэтому ремесленное производство начинает специализироваться. Число ремесел является показателем развития производительных сил.

Для чешских земель XV века справедлив принцип: чем слабее специализация ремесленного производства в городе, тем более отстала, тем менее развита экономическая база города². Следует сравнить специализацию ремесленного производства в Таборе со специализацией ремесел в Праге (1429 г.), Знойме (1442 г.) и Лоунах (1460 г.), что и сделано в таблице IV на стр. 449.

И этим снова подтверждается вывод, вытекающий из предыдущих таблиц: ремесленное производство Табора стоит на уровне остальных королевских городов. Правда, специализация ремесел Табора еще не достигает уровня специализации Старого Места Пражского, но примерно соответствует специализации в Знойме, и выше, чем в Лоунах. Развитие и укрепление ремесел в Таборе в 1432—1450 годах не только достигло уровня ремесленного производства других королевских городов, но даже превзошло некоторые из них.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. IV, стр. 42.

² Так суммировал свои исследования Мендл в ZVG, Schl. 36, 1929, str. 167 n.

Липанами, как город ремесленников¹. В пользу такого определения говорит и тот факт, что сходной была структура ремесленного производства в Лоунах. Относительно Лоуна точно установлено, что ремесленное производство, работающее на местные потребительские круги, превосходило и торговлю и сельскохозяйственное производство². У нас нет данных, которые давали бы возможность точно определить, какую роль в Таборе в сравнении с ремесленным играло сельскохозяйственное производство. Мы не имеем права автоматически причислить к земледельцам тех 300 таборских жителей (то есть около 50% всех жителей, имена которых нам известны), рядом с именами которых городской писарь не указал рода занятий. Среди них есть и землевладельцы, однако нет сомнений, что среди них есть еще и ремесленники и лица других занятий, чьи имена в списке могли быть уточнены не обозначением их рода деятельности, а чем-нибудь другим (например, прозвищем). Даже соотношение между ними невозможно установить. Вероятно лишь то, что соотношение между ремесленным производством, земледелием и торговлей в Таборе в 1432—1450 годах (как это видно из таблиц III и IV) примерно соответствовало соотношению между ними в Лоунах в 1460 году³, где ремесленники составляли 60%, земледельцы около 30% и торговцы около 10%.

Итак, мы нарисовали приблизительную картину Табора и поставили его в один ряд с некоторыми чешскими королевскими городами примерно того же периода.

Теперь мы постараемся несколько подробнее описать Табор, его улицы и дома, попытаемся определить имущественное положение таборских горожан, причем не только по отдельным ремеслам, но и в пределах данного ремесла. Приведенные ниже таблицы должны, подобно свету прожектора, освещать одну единственную цель: социальный состав населения Табора.

Теперь уже всем известно, что средневековый город не знал идилического согласия всех классов общества, но

¹ Н. J e c h t, Studien zur gesellschaftlichen Struktur der mittelalterlichen Städte, VSWG, XIX, S. 63. Он употребил название «Gewerbestädte».

² J. M a s e k, op. cit. str. 224, tabl. č. VIII.

³ Там же; Войтишек (V. V o j t i š e k, op. cit., str. 139) указывает также на то, что сельское хозяйство в Таборе имело второстепенное значение.

что внутри него то и дело вспыхивала острая борьба, вызванная противоречиями между богатыми патрициями, с одной стороны, и ремесленниками и бедной—с другой. Возникает вопрос, присуще ли это Табору 1432—1450 годов или он отличался от других городов феодального периода. Подробное изучение состояния цехов и имущественного положения цеховых ремесленников даст убедительный ответ на этот вопрос¹.

Установить материальное положение таборских горожан в 1432—1450 годах поможет та рубрика в таблице I, которая отражает стоимость проданного и купленного имущества и одновременно показывает количество случаев купли или продажи недвижимости ценой до 2, до 5, до 10 и свыше 10 коп грошей.

Можно с уверенностью сказать, что стоимость дома указывает на состоятельность владельца, что цена проданной или купленной недвижимости относительно выражает ценность имущества отдельных ремесленников. В таблице I я даю перечень ремесленников и количество всей проданной или купленной недвижимости стоимостью до 5 и свыше 5 коп грошей. Почему я взял в качестве наибольшей суммы именно 5 коп грошей? Еще В. Войтишек подчеркивал², что цена таборских домов была в среднем той же, как и в тогдашнем Малом Месте Пражском—до 7,5 копы грошей; это свидетельствует не о слишком большой состоятельности. Цены домов в Таборе нельзя сравнить, например, с ценами домов в Старом Месте Пражском, где дома были в несколько раз дороже: чаще всего они оценивались здесь от 20 до 100 коп грошей³.

¹ См. одну из последних работ Ф. Грауса (Fr. G r a u s, Chudina, I Kap).

² V. V o j t i š e k, op. cit., str. 140—141 (Žižkův sborník).

³ Мендл (B. M e n d l, Z hospodárských dějin středověké Prahy, str. 3) дает обзор цен на дома в Старом Городе Пражском, основываясь на податной книге (рукопись Пражского архива № 20) от 1427 года:

до 20 коп	88 домов
от 21 до 50 коп	179 »
от 50 до 100 коп	173 дома
от 101 до 200 коп	97 домов
от 200 коп и выше	56 »

Я привожу эту табличку для того, чтобы стала еще более наглядной разница между Прагой и Табором, где самый дорогой дом продавался за 67 коп грошей!

Таблица V

Несомненно, представляет интерес и тот факт, что цены на дома в Таборе доказывают правильность включения Табора в один ряд с королевскими городами, если не считать Праги. Действительно, цена дома в Таборе в среднем колеблется около 5 коп грошей. Конечно, существовали дома (в иных случаях—скорее домики или, как их называли, халупы), продающиеся за 17 грошей, за 45 грошей и т. д. Но были и дома, цена которых значительно превосходила среднюю, нормальную цену (самая большая цена дома, которая встретилась нам здесь, это 67 коп грошей). Не были исключением и такие случаи, когда дом покупался со спекулятивными намерениями или когда одно лицо владело несколькими домами, получая доход в виде квартирной платы¹. Поэтому в качестве границы между этими обеими группами я взял стоимость дома в 5 коп грошей; моей задачей является выяснить, кто из горожан владел домами, цена которых была выше 5 коп грошей, и составить, таким образом, хотя бы приблизительное представление о распределении имущества внутри отдельных ремесленных цехов. Для сравнения я выбираю только тех ремесленников, о которых известно, что они не менее 10 раз совершали акты купли или продажи, причем известна также и стоимость купленного или проданного ими имущества; в ином случае опасность впасть в ошибку значительно увеличивается. Я опускаю также те случаи, когда отсутствуют данные о цене недвижимости (таблица V).

После такого сравнения вырисовываются две группы ремесленников. Первая—со стоимостью недвижимости выше 5 коп грошей: это прежде всего владельцы бань и мельниц (правда, в обоих случаях цена бани или мельницы значительно превышает цену дома), кузнецы, плотники, солодовники и т. д. В другую, самую большую группу входят главным образом рыбаки, сапожники, скорняки, суконщики, кожевенники и т. д., владевшие недвижимостью стоимостью до 5 коп грошей.

Вычисленное таким образом соотношение, конечно, не отражает имущественного состояния в его динамике и не может показать нам процесс обогащения или, наоборот, упадка определенного ремесла, ибо отрезок времени в 18 лет слишком для этого незначителен. Нельзя вместе

¹ Например, лист 72 рихтаржского реестра: солодовник Мартинек Шемберский.

Ремесло	Общее количество случаев купли и продажи	Стоимость ниже 5 коп грошей	Стоимость выше 5 коп грошей
Рыбаки	10	9=90%	1=10%
Ножовщики	10	5=50%	5=50%
Кузнецы	14	5=36%	9=64%
Суконщики	38	24=63%	13=37%
Кожевенники	15	9=60%	6=40%
Бочары	17	10=59%	6=41%
Плотники	15	7=47%	8=53%
Мясники	36	21=58%	15=42%
Солодовники	26	13=50%	13=50%
Мельники	25	9=36%	16=64%
Сапожники	55	36=65%	18=35%
Портные	34	18=53%	16=47%
Скорняки	26	17=65%	9=35%
Банщики	13	3=23%	10=77%
Гончары	15	8=53%	7=47%
Купцы	20	10=50%	10=50%
Писари	16	8=50%	8=50%

с тем забывать, что не всегда владение наиболее дорогими домами означало более высокое материальное положение. Ведь мы не располагаем полными данными относительно задолженности. Кроме того, нельзя упускать из виду, что мы рассматриваем город в самом начале его существования и возвышения, что всего лишь за 20 лет до рассматриваемого периода здесь были построены первые дома. Едва ли заселение наиболее выгодно расположенных домов происходило в соответствии с состоятельностью владельцев, так что эти дома в центре города лишь постепенно переходили в руки самых богатых ремесленников. В этой связи я указываю, например, на кожевенников; здесь очень хорошо можно проследить, как они покидали и продавали свои расположенные в предместье домики, покупая дома в центре города.

Развитие некоторых ремесел можно, по крайней мере приблизительно, проследить по рубрике «Количество актов

продажи и купли в целом» (таблица I). Конечно, при этом невозможно определить, отражался ли в большинстве актов купли численный или экономический (финансовый) рост ремесел. Нам придется лишь удовлетвориться констатацией того факта, что в то время, как в области некоторых ремесел количество актов купли лишь немного превышает количество актов продажи или даже случаи продажи имущества встречаются чаще, чем купли, то были, наоборот, и такие ремесла, в области которых соотношение между куплей и продажей клонилось в пользу купли.

Таблица VI

Ремесло	Общее количество	Купля
Скорняки	26	19=74%
Портные	34	22=65%
Пекари	16	10=63%
Солодовники	26	16=62%
Мясники	36	22=62%
Суконщики	38	23=61%
Рыбаки	10	6=60%
Гончары	15	9=60%
Бочары	17	10=59%
Кузнецы	14	8=57%
Колесники	11	6=54%
Мельники	25	13=52%
Лавочники	20	10=50%
Писари	16	8=50%
Сапожники	55	26=48%
Банщики	13	6=48%
Кожевенники	15	6=40%
Ножовщики	10	4=40%
Плотники	15	6=40%

Из таблицы VI вытекает, что кожевенники, портные, пекари, солодовники, мясники и суконщики в Таборе покупали чаще, чем другие ремесленники, и что здесь купля значительно превышала продажу. Как уже говорилось, это могло быть связано с приростом населения и естественным развитием ремесел, или — что более вероятно —

причиной этого была возрастающая состоятельность лиц данных профессий. В эпоху феодализма горожане обычно помещали доходы в земельную собственность, то есть покупали поля, огороды, пустыри и дома. Как видно, и таблицы V и VI приводят к различным результатам, несмотря на то, что некоторые профессии (как, например, солодовники) представлены в обеих таблицах.

Я уже указывал, что среди купленного имущества были поля, луга и огороды. Несомненно, интересно было бы установить, покупали ли эти земельные угодья ремесленники, а если так, то какие именно ремесленники покупали больше всего. Мне кажется, что покупка земли была для ремесленников действительно формой помещения капиталов, создававшихся в результате ремесленного производства. Наиболее богатые ремесленники были чаще всего и землевладельцами. Таблица VII подтверждает относительно Табора те данные, которые получены, например, относительно Лоун: прибыль, полученная от сельского хозяйства, не шла на развитие ремесленного производства, но зато прибыль, полученная от ремесленного производства, помещалась в земельные владения. Тем самым, конечно, стирались противоречия между интересами ремесленников и феодалов; богатые ремесленники постепенно становились феодалами.

Таблица VII

КОЛИЧЕСТВО АКТОВ КУПЛИ ЗЕМЛИ РЕМЕСЛЕННИКАМИ
(полей, лугов, огородов)

Ремесло	Количество актов купли земли	Ремесло	Количество актов купли земли
Солодовники . . .	7	Колесники	2
Лавочники	5	Рыбаки	2
Портные	5	Писари	1
Мясники	4	Пекари	1
Мельники	3	Кожевенники . . .	1
Скорняки	3	Суконщики	1
Плотники	3	Ножовщики	1
Бочары	2	Веровочники . . .	1

Если рассматривать размеры земельных владений ремесленников как мерило накопленного ими богатства, то мы снова увидим, что впереди других стоят солодовники; они составляют наиболее зажиточные слои и с точки зрения владения землей. При этом, правда, следует учесть, что ремесло это тесно связано с сельскохозяйственным производством, так что владение земельными угодьями не всегда означало, что солодовники помещали избытки своей прибыли в землю. Учитывая относительно небольшое количество лавочников (9), интересно отметить, что они стояли на втором месте после солодовников. Можно предполагать, что на деньги, полученные в результате торговых операций, купцы покупали поля, то есть что они считали это наиболее надежным способом помещения денег. Торговый капитал, полученный благодаря оборотистости таборских торговцев, частично, несомненно, возвращался в торговлю; однако из таблицы VII видно, что другая часть этого капитала вкладывалась в землю.

Все эти рассуждения должны с большей или меньшей степенью вероятности разрешить главный вопрос: какие группы таборских ремесленников в период 1432—1450 годов можно считать наиболее состоятельными и могущественными в финансовом отношении. Мне кажется, что рубрика «Заплачено покупателем наличными» в таблице I, взятая как дополнение к предыдущим данным об имущественном положении представителей отдельных ремесел, как дополнение к данным о количестве актов купли, приведенных в таблицах V, VI и VII, может дать наиболее точный ответ, какой только возможен при столь ограниченном материале. Не может быть сомнений в том, что при покупке—будь то дом или другая недвижимость—платил наличными лишь тот, у кого эти деньги были, или тот, для кого покупка была желанной возможностью поместить свой капитал. Насколько можно судить по скудным записям в рихтаржском реестре, порядок оформления покупки был примерно следующий¹: обе стороны договаривались на рынке, являлись к рихтаржу, и там продающий «передавал» недвижимость покупателю, устанавливались условия выплаты и сроки исполнения, то есть определялся срок, когда покупатель должен был вступить во владение. Во многих случаях покупатель тут же, в при-

¹ См. также V. Vojtišek, op. cit., str. 144—145.

сутствии рихтаржа, платил наличными определенную сумму; случаи уплаты наличными и размеры задатков я привел в таблице I в рубрике «Заплачено покупателем наличными».

Из этого ясно видно, сколько раз отдельные ремесленники платили при купле задаток наличными деньгами и какое место в процентном отношении занимали такие случаи в общем числе актов купли. На эти вопросы отвечает следующая таблица.

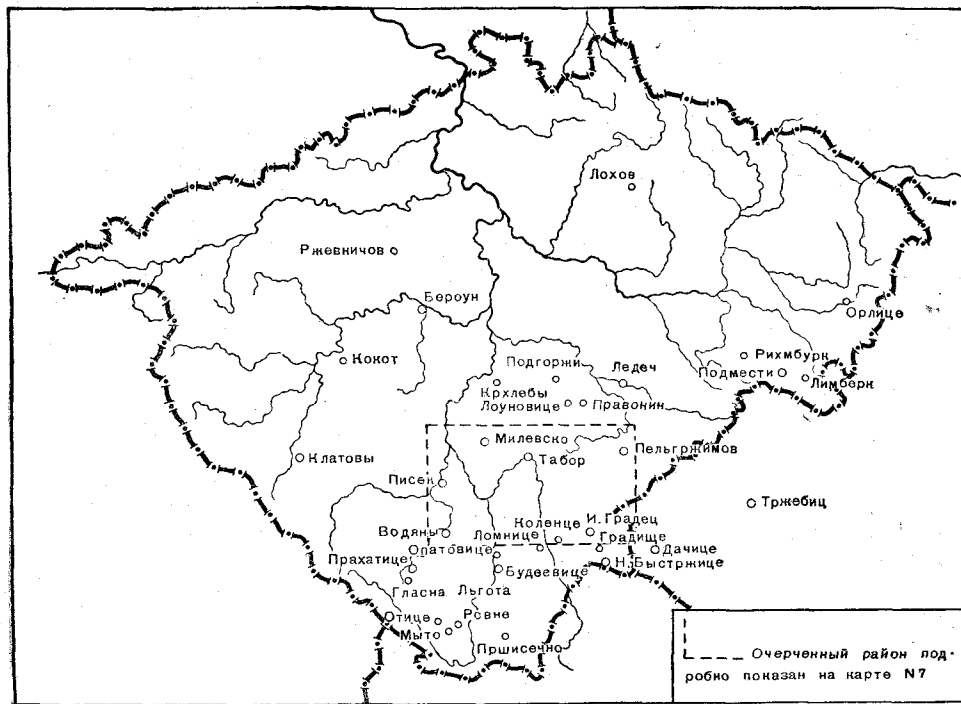
Таблица VIII

Ремесло	Количество актов купли	Количество выплат наличными	Процентное соотношение
Солодовники	16	16	100
Скорняки	19	16	84
Мельники	13	11	80
Лавочники	10	8	80
Мясники	22	17	78
Суконщики	23	18	78
Портные	22	15	70
Сапожники	26	16	62
Бочары	10	6	60
Пекари	10	5	50

Другими словами, если, например, в рихтаржском реестре приведено 23 случая, когда в роли покупателей недвижимости выступали суконщики, то в 18 случаях задаток выплачивался наличными в размере от 0,5 копы грошей и выше. Следовательно, в 78% всех случаев купли покупатели-суконщики платили наличными.

Только теперь можно ответить на вопрос: какие из таборских ремесленников в 1432—1450 годах были наиболее состоятельными. Это—солодовники, скорняки, мельники, лавочники, мясники и суконщики. Но мясники и суконщики занимают место где-то посредине между наиболее богатыми и наиболее бедными ремесленниками, то есть пекарями, бочарами, сапожниками и портными.

Из всего этого следует, что между таборскими ремесленниками существовало имущественное различие, и иногда

VI. Деревни и города в Чехии, жители которых переселились в Табор (по данным старейшей таборской книги, 1432—1450, ср. прилож. II).

довольно резко выраженное. Солодовники на одном конце и сапожники на другом—вот высшая и низшая точки кривой, отражающей материальное положение таборских ремесленников в 1432—1450 годах.

Но и внутри отдельных ремесленных цехов можно найти целую лестницу, ведущую от состоятельности к нищете. Например, сапожник Капр купил дом за 15 коп грошей и выплатил наличными всю стоимость (лист 23, 7 мая 1438); в то же время нам известно несколько случаев, когда другие сапожники покупали маленькие домишки ценой до 2 коп грошей и при этом не могли расплатиться наличными, как, например, Ондрачек, Голик, Мартин и Петр (листы 39, 31, 36). Таблица I лучше всего показывает различие материального уровня внутри отдельных ремесленных цехов. Исходя из этой таблицы можно установить, что социальная структура ремесленного населения Табора ничем не отличалась от социальной структуры ремесленного населения других городов. Здесь нет и признака исчезновения социальных различий. Это вновь дает нам основание поставить Табор в один ряд с чешскими королевскими городами.

Далее мы можем наблюдать, как параллельно с экономическим укреплением и обогащением одних ремесленников шло обнищание других. В рихтаржском реестре в некоторых случаях продажи домов сохранились примечания, по которым можно судить о задолженности. Долги в форме ипотек включались в список по порядку, и при продаже продающий обязан был удовлетворять своих кредиторов в порядке очередности. Так, например, в описи долгов, лежавших на доме Канчека к 1 января 1440 года, сказано, что Шимонбочар из Истебниц стоит на первом месте в списке претендентов, раньше, чем Марек-солодовник, и стоявшая в списке третьей по счету Дорота из Радимовиц Ондракова, которой Канчек был должен 17,5 коп грошей¹. Несмотря на краткость записей, мы можем понять, что некоторые дома продавались кредиторам ввиду несостоятельности должника². Интересно отметить, что продажа в связи с несостоятельностью касается по большей части маленьких домиков («домишко Фрицека», «домишко Петржика-рудокопа», «домишко Маника»)³; незначительные суммы, за которые

¹ Tábořský rychtářský rejstřík 1432—1450, fol. 33, то же напр. см. f. 27, 29, 72 v, 110 atd.

² Там же, f. 24, 35, 37 (2x) atd.

³ Там же, f. 12 v, 18, 24.

кредиторы покупали эти домики, равно свидетельствовали о том, что тяжесть задолженности лежала главным образом на беднейших слоях населения. Доказательством этого служит также изучение и других случаев задолженности. Бывало, конечно, и так, что должник покидал город, бежал, будучи не в состоянии выплатить долг («домишко беглого Фрицека»). Судя по сохранившимся записям, в Таборе, видимо, прибегали к следующего рода практике: дома, чьи владельцы бежали из города по причине долгов, переходили в распоряжение коншелов; они поручали первому в списке кредитору или доверенному лицу продать дом по официально установленной цене. При выплате денег за проданный дом, естественно, следили за тем, чтобы претензии кредиторов были удовлетворены. Об этом свидетельствует запись о продаже дома Пинты¹, где говорится, что Голус Ян «с разрешения совета и тогдашнего бургомистра Добеша» продает дом Пинты Пеху-бочару «с тем условием, что ежели Пинта или его жена вернутся до истечения трех месяцев и уплатят свои долги, им будет все прощено...» Интересно было бы установить, как велика задолженность таборитских горожан, но из-за скудости материала мы не можем ответить на этот вопрос.

Степень задолженности отдельных ремесленных цехов можно, по крайней мере приблизительно, установить, если, как это сделано в таблице IX, составить список должников и кредиторов, распределив их по профессиям.

Таблица IX

Должники		Кредиторы	
ремесло	количество долговых расписок	ремесло	количество кредиторских претензий
Сапожники	7	Солодовники	5
Мясники	2	Мясники	4
Ножовщики	1	Суконщики	3
Рыбаки	1	Мельники	2
Скорняки	1	Бочары	1
Солодовники	1	Портные	1
Суконщики	1	Сапожники	1
Портные	1		
Гончары	1		
Купцы	1		
Кожевенники	1		

¹ Táborský rychtářský rejstřík 1432—1450, f. 63 v.

Хотя в нашем распоряжении относительно мало данных о задолженности, из таблицы IX, как мне кажется, можно сделать вывод, что больше всего долгов было в Таборе у сапожников, а кредиторами были главным образом солодовники, мясники, суконщики и мельники. Так снова находит подтверждение наш тезис, что в Таборе в 1432—1450 годах были не только отдельные богатые и бедные ремесленники, но и богатые и бедные ремесленные цеха. Кредиторы—солодовники, мясники, суконщики, мельники—резко противостоят должникам других профессий, и прежде всего сапожникам. В области экономической и социальной самое тяжелое бремя падало на плечи экономически наиболее слабых слоев населения, и в результате экономического давления этот слой—беднота—превратился в резерв дешевой рабочей силы.

О бедноте в Таборе периода 1432—1450 годов можно со всей определенностью сказать лишь то, что она существовала¹. В ряде сведений об условиях продажи домов упоминалось и о жильцах (т. н. *podruhy*)². В этих условиях определяется, кому должны жильцы вносить плату, в течение какого времени разрешается проживать в доме и кто берет на себя поручительство за ущерб, который они могут нанести. Часть этих жильцов, несомненно, составляли бедные ремесленники, у которых не было средств даже на то, чтобы купить какую-нибудь хижину в предместье (например, 4 июня 1438 года была сделана запись о жильце Микулаше-кузнице)³. Другое значение слова *podruh*—это, конечно, наемный работник, обреченный жить в чужих домах, в силу того, что он не мог из своего заработка купить собственный дом (например, 23 июля 1433 года говорится о таких рабочих-деревообделочниках)⁴.

Об отношениях между домовладельцем и жильцом можно составить себе представление по договору между Альжбетой Ваваровой и Бартоном-скорняком, который 16 января 1441 года купил у Альжбеты дом⁵: «И Альжбета должна немедля освободить кладовую, а жильцы должны внести

¹ Термин «беднота» я употребляю, вкладывая в это понятие то же содержание, что и Граус (Fr. G a u s, Chudina městská).

² О «*podruzích*» упоминается в целом ряде записей в рихтаржском реестре: fol. 39v, 5v, 6v, 23v, 72v, 29, 30v, 30, 25v, 7v 2, 75 и т. д.

³ Там же, fol. 23 v.

⁴ Там же, fol. 5 v.

⁵ Там же, fol. 39 v.

Альжбете плату, Бартону же должны обещать послушание и верность» (курсив мой.—И. М.). Как видно, домовладельцев и жильцов разделяла настоящая пропасть. Жильцы как представители низших слоев общества были обязаны «послушанием и верностью» владельцам дома.

Говоря о бедноте в Таборе, следует упомянуть о челяди, слугах и служанках, относительно которых до нас дошли многочисленные сведения¹. Например, горожане ручаются, что будут отвечать за ущерб, нанесенный их челядью, или выговаривают определенные послабления для своих служанок (например, Микулаш-писарь в записи от 7 декабря 1433 года ставит условие, согласно которому ему предоставляется право мыться в бане «с женой и с детьми до полугода и со служанкой»)². Из этих нескольких кратких записей, которые говорят о положении бедноты в Таборе периода 1432—1450 годов, становится ясным, что беднота без всякого сомнения существовала и что она целиком и полностью—как экономически, так и юридически—была подчинена состоятельным горожанам.

Этими несколькими строками о бедноте мы заканчиваем раздел, посвященный социальной структуре Табора периода 1432—1450 годов, поскольку мы могли восстановить ее по данным старейшей городской книги Табора. Каковы же результаты нашего анализа? Прежде всего следует подчеркнуть, что как в период Липан, так и позже Табор по своей экономической и социальной структуре был обычным королевским городом. Структура его ремесленного производства полностью соответствует структуре ремесленного производства других королевских городов (см. таблицы I и II). И по специализации ремесленного производства он занимает место в одном ряду с чешскими королевскими городами. Конечно, он не достигает уровня Праги, но далеко превосходит в этом отношении, например, Лоуны (таблицы III и IV). В общем Табор тех лет можно характеризовать как город ремесленников, в котором ремесленное производство дополнялось сельским хозяйством и слабо развитой торговлей. Ремесленники работали прежде всего на удовлетворение местных потребностей, и лишь некоторое преобладание суконщиков заставляет догадываться о том, что изделия таборского ремесленного

производства проникали и за пределы города. Насколько можно судить, ремесленники были тесно связаны с сельским хозяйством, а избытки прибыли, получаемых ремесленниками и торговцами, помещались в землю (таблица VII). Но в этом развитом городе с процветающими ремеслами не было социальной гармонии и имущественного равенства жителей. В материальном положении отдельных категорий ремесленников существовала большая разница. Да и в пределах отдельного ремесленного цеха глубокая пропасть отделяла богачей от бедняков в полном смысле этого слова (таблица V—IX). Часть таборских жителей систематически увязала в долгах и разорялась (таблица IX). Картину экономической и социальной дифференциации Табора дополняет тот несомненный факт, что в Таборе наряду с состоятельными горожанами существовала и беднота, видимо не очень многочисленная (примерно такая же, как и в небольших ремесленнических городах)¹. И эта беднота отнюдь не обладала равными правами с бюргерством в области экономической и социальной, а находилась в подчиненном положении.

Табор периода 1432—1450 годов, этот город ремесленников, резко отличается от Табора, населенного крестьянами и городской беднотой, от Табора периода его возникновения (1420 год). Более 70% общего количества известных нам крестьян и чешской и иноземной бедноты пришло тогда к Табору, чтобы отсюда вести классовую борьбу против могущественных и богатых феодалов. Население широкой округи Табора поддерживало эту классовую борьбу. Крестьяне и в особенности городская беднота прекрасно знали, что в Таборе борются за общее дело их собратья. Крестьянство и городская беднота стояли во главе вновь созданного города. Ремесленников, пришедших в Табор из окрестных деревень и городов, было мало, и они почти не имели никакого влияния. Табор 1420 года—город сельской и городской бедноты глубоко отличается от Табора бюргеров и ремесленников периода 1432—1450 годов. В первом случае—численное превосходство революционно настроенной бедноты, во втором—беднота уже занимает экономически и социально подчиненное положение. В первом случае—

¹ Иехт (H. J e s c h t, op. cit.) и Мендл пришли к выводу, что в так называемых ремесленных городах процент бедноты был ниже, чем в так называемых торговых; материалы по этому вопросу обобщил Граус (Fr. G r a u s, Chudina, str. 86 n.).

¹ Tábořský rychtářský rejstřík 1432—1450, fol. 6, 31 v, 74, 107 v, 115 v, 118 и т. д.

² Там же, fol. 6.

революционный центр эксплуатируемых, во втором—оседлые и состоятельные ремесленники обычного королевского феодального города—вот отправная и заключительная точки развития Табора. Между ними лежит пропасть. Табор прошел сложный путь развития от момента падения господства численно превосходящей сельской и городской бедноты; постепенно и незаметно вырос и укрепился город ремесленников, ничем принципиально не отличающийся от остальных королевских городов. О пути развития Табора между двумя веками (1420 год и примерно 1434 год) можно сказать, что это было развитие от Табора сельской и городской бедноты к Табору ремесленников, иначе говоря, это был путь ликвидации революционных сил и постепенного укрепления бюргерства в феодальном обществе. Таковы результаты изучения официальных источников, таково содержание истории Табора от 1420 до 1452 года.

* * *

Только теперь мы можем сказать, что стоим на твердой почве, поскольку речь идет об изучении истории Табора. Мы познакомились с материальной базой Табора, происшедшими в ней изменениями и точно наметили линии развития его истории. Теперь, опираясь на сведения, почерпнутые из официальных источников, мы можем приступить к изучению свидетельств современников и авторов хроник, написанных в 1420—1450 годах, иными словами, подвергнуть анализу источники частного характера. Мы в хронологическом порядке разберем сочинения летописцев, богословов, памфлетистов и вообще всех авторов, которые приводят какие бы то ни было данные об общественной структуре Табора. Только сопоставив высказывания этих свидетелей с установленными выше фактами, мы можем прийти к окончательным выводам о социальном составе Табора в 1420—1452 годах.

Первым, к кому мы обратимся за сведениями, будет магистр Вавржинец из Бржезовы¹. Мы оказываем ему такое предпочтение не потому, что он «высокого» происхождения (он происходил из семьи владыки), а вследствие

¹ Даты жизни Вавржинца из Бржезовы собрал Голл во введении к FRB (V, str. XX п.). Основываясь на этих данных, Пекарж (J. P e k a ř, Žižka, I, str. 37 п.) дал очерк о личности Вавржинца и анализ его сообщений о Таборе и гуситстве; в этом же труде, в примечаниях, указывается остальная литература о Вавржинце.

того, что в его произведениях мы находим наибольшее количество относительно надежных свидетельств о первых годах существования Табора. И мы наверняка найдем у Вавржинца данные о социальном строении Табора. Вавржинец был родственником Иры из Розток, фаворита короля Вацлава IV, и потому нет ничего удивительного в том, что он стал придворным. Он изучал право, стал профессором университета; дом в Праге, имение и деревни в пражских окрестностях, принадлежавшие ему, свидетельствовали о его богатстве. У нас нет точных сведений о том, когда он умер; последнее упоминание о Вавржинце относится к 1437 году¹, когда ему было около 70 лет. Сама биография Вавржинца помогает нам определить его классовую принадлежность. Ясно, что он принадлежал к состоятельным пражским бюргерам, в среде которых он жил и от имени которых выступал. Но Вавржинец не принадлежал к реакционному крылу пражского бюргерства. Это подтверждается ходом событий в Праге 1427 года, когда Вавржинец был захвачен водоворотом событий в период движения, направленного против Сигизмунда Корибутовича². Часть разбогатевшего староместского бюргерства и новоместского пражского патрициата в то время вступило в тесный союз с панами, королем Сигизмундом и папой, и Корибутович поддерживал эту направленную против гуситов политику. Левое крыло пражского бюргерства, то есть более радикально настроенные бюргеры, подняли народ на мятеж против правления Корибутовича; сторонники его были взяты в плен и изгнаны из Праги, а сам Корибутович был заключен в замке Вальдштейн. Во время этого мятежа магистр Вавржинец из Бржезовы стоял на стороне радикального крыла пражского бюргерства—об этом свидетельствует сатирическое стихотворение, написанное одним из приверженцев изгнанных реакционеров:

Хотя б на них пришел конец,
Подстать им и магистр Вавржинец.
Он может библию перевести
Из правды ложь изобрести³.

¹ Бартош опубликовал в ЩМ (1920, str. 193) грамоту Пражского университета от 6 июля 1437 года, где упоминается Вавржинец.

² Более подробное описание сопротивления Корибутовичу дает Томек (V. V. T o m e k, Dějepis města Prahy, IV, str. 365 п.).

³ Vybor, II, str. 314.

Подобного рода нападки на Вавржинца справа—со стороны разбогатевших бюргеров, дворянства, новоместского чешского патрициата и части университетских магистров, пытавшихся повернуть историю назад, в «лоно церкви», показывает, что Вавржинец был типичным идеологом центра. Ведь совершенно очевидно, что высокородный магистр Пражского университета, домовладелец, землевладелец и, следовательно, феодал, будет противником гуситских революционных сил, то есть сельской и городской бедноты¹. Он пойдет с ними лишь до тех пор, пока это будет в его классовых интересах, пока не минует опасность со стороны крестоносцев и короля Сигизмунда. Но как только «мавр сделает свое дело», он перестанет интересоваться Вавржинца, более того, станет нежелательным и, в случае если он будет продолжать свои попытки изменить общественный строй революционным путем, станет для Вавржинца главным врагом.

Таков путь развития гуситского «центра», и нам предстоит еще много возможностей познакомиться с его различными формами. Отражение его мы находим и в произведениях Вавржинца. Из обширного литературного наследия этого ученого пражского магистра нас будет интересовать главным образом его «Хроника», написанная по-латыни². Основная часть этого произведения представляет собой яркое, порой взволнованное повествование о событиях 1419—1421 годов. «Хроника» Вавржинца является основным литературным источником, позволяющим познакомиться с событиями этих лет, и мы, историки гуситского движения, очень много потеряли оттого, что записи Вавржинца кончаются началом 1422 года, ибо сохранились,

по существу говоря, лишь их фрагменты¹. Мы не знаем точно, как и когда эта хроника была написана², но вопрос этот не так уж важен для определения той позиции, которую по отношению к Табору занимал магистр Вавржинец. Несравненно важнее дать критическую оценку этого труда.

В свое повествование, посвященное бурным событиям 1419—1421 годов, Вавржинец включил отдельный трактат по истории Табора: «И так как часто на память приходят табориты, полезно будет для грядущих поколений описать возникновение их города и нравы их...»³

В этом трактате Вавржинец еще раз изложил историю Табора, начиная от паломничеств на горы и кончая основанием города Табора, а также вопросом о его отношениях с Прагой. Но параллельно с этим экскурсом в историю Табора шло хронологическое изложение общей истории гуситского движения, вследствие чего первоначальная

¹ Голл и все остальные авторы, писавшие о «Хронике» Вавржинца считали, что Вавржинец довел ее до 21 декабря 1421 года. Только Флайшганс в статье «M. Vavřinec» (СЧН, XXXIX, 1935, str. 564 п.) доказал, что «Хроника» была доведена до изображения битвы под Немецким Бродом в январе 1422 года. Флайшганс укрепил свои выводы весьма тонким и сложным анализом Лупача, Велеславина и других позднейших летописцев, заимствовавших у Вавржинца, и убедительно доказал, что последняя запись Вавржинца была от 6 января 1422 года.

² Вокруг вопроса о времени возникновения «Хроники» Вавржинца из Бржезовы накопилась значительная литература, библиография которой дана у Пекаржа (J. P e k a ř, Žižka, I, str. 221; str. 38 pozn. č. 1—2). Сам Пекарж придерживался мнения, что Вавржинец писал в 1420—1421 годах. Доказательство Флайшганса, о более широком периоде, охватываемом «Хроникой» Вавржинца опровергает мнение Пекаржа. Бартош, напротив (СЧМ, 1920, str. 198), склоняется к тому, что временем возникновения «Хроники» является период 1432—1434 годов (так же, например, и в СЧМ, 1924, str. 98 п. и Da čtyř gražských artykulů, str. 94 п.). Таким образом, Бартош приближается к мнению Бецоляда и Лоренца, которые отнесли создание «Хроники» Вавржинца к 1434—1436 годам (см. J. P e k a ř, op.cit.). Я придерживаюсь точки зрения Голла, высказанной им во введении к своему изданию, где он считает вопрос о времени возникновения «Хроники» пока неразрешимым.

³ FRB, V, str. 400; вставка о Таборе заканчивается на стр. 431. Я использовал в цитате слова старочешского анонимного переводчика примерно 1500 года (перевод издан Голлом параллельно с латинским текстом в FRB, V). Перевод этот стоит на весьма низком литературном уровне, он неточен и полон ошибок. Но он интересен тем, что в некоторых местах, а в особенности в изображении мерзостей пикартов, занимает резко критическую позицию по отношению к Вавржинцу.

¹ Собственно к такому же выводу касательно общественной принадлежности Вавржинца из Бржезовы пришел и Пекарж (J. P e k a ř, Žižka, I, str. 37): «В своей хронике он предстает перед нами как усердный гусит и чех, решительный противник радикальных методов, но и не менее решительный противник короля Сигизмунда». Как это уже было неоднократно (например, при анализе «Книги казней»), так и в этом случае Пекарж не сумел на основе правильного анализа сделать правильные выводы: «Решительный противник радикальных методов», то есть противник Табора, неизбежно должен был бы исказить в своем повествовании ход развития Табора. Пекарж же, наоборот, в общей своей оценке называет Вавржинца глашатаем точки зрения всех его современников на гуситов.

² Издана Голлом в FRB (V, str. 327 п.).

история Табора подчас излагается в «Хронике» Вавржинца дважды. Знаменательно, что Вавржинец включил этот обособленный экскурс в историю Табора 1420—1421 годов именно в то место своей «Хроники», где говорилось о событиях 22 августа 1420 года, когда табориты, которые перед этим оказали Праге огромную помощь в обороне против крестоносцев, покинули своих союзников полные разочарования и недовольства¹. Это была первая размолвка между крестьянско-бедняцким Табором и гуситской Прагой, где вопреки воле бедноты, руководимой Желивским, во главе движения встали бюргеры. Вавржинец именно потому и считал необходимым поместить трактат о Таборе после описания этого разлада, чтобы оправдать в глазах читателя политическую позицию пражского бюргерства. Уже одна эта связь между литературной композицией «Хроники» и политическими нуждами пражского бюргерства предостерегает нас от полного доверия всем сведениям Вавржинца о Таборе.

С чувством симпатии и горячего участия повествует Вавржинец о паломничествах деревенского и городского люда на горы. Но он имеет в виду лишь религиозную сторону этих набожных и мирных паломничеств и с горечью сообщает о постепенном вооружении паломников и их первых боях. Поскольку, однако, в это время началось сопротивление Праги Сигизмунду, которое было бы невозможным без поддержки народных армий, Вавржинец пока еще не выступает открыто против таборитов, а ограничивается лишь упреками, не останавливаясь, вместе с тем, перед клеветой в адрес таборитов. Но с того момента, когда беднота прочно обосновалась в Таборе и завоевала симпатии пражской бедноты, Вавржинец полностью переходит в стан заклятых врагов революции, ибо он чувствует, что оружие крестьянско-бедняцкого Табора направлено против бюргерства, а следовательно, и против него самого. Так в общих чертах складывалось отношение Вавржинца к Табору в 1419—1420 годах. Изображая события 1421 года, Вавржинец выступает ярким приверженцем Яна Жижки, что не мешало ему усердно собирать всякие упоминания о бесчинствах его войск и проклинать «пикартов», которые впали

¹ См. V. V. T o m e k, Dějiny města Prahy, IV, 99. Томек, придерживавшийся консервативных убеждений, естественно, стоял на стороне пражских бюргеров и с презрением комментировал союз руководимой «демагогом» Желивским пражской «сволочи и черни» с Табором.

«в заблуждения и ересь, доселе неслыханные»¹. Вавржинец приветствует победы таборитов лишь постольку, поскольку они служили укреплению власти пражского бюргерства. И, наоборот, он предает анафеме те бои Табора против панских замков и монастырей, которые упрочивали силу и власть левого крыла гуситского движения. Мне кажется, что позиция Вавржинца яснее всего проявляется в его комментарии, который он присоединил к описанию положения, создавшегося в 1420 году: «Король же Сигизмунд, явный враг божьей правды, с одной стороны, и еще более жестокие табориты—с другой, разжигая пожар, опустошили благородную и плодородную землю чешскую...»²

Это—голос «центра», который видел для себя угрозу слева со стороны революционного народа и справа—со стороны реакции, это голос бюргерства, попавшего в опасное положение между двух огней. Определяя степень достоверности «Хроники» Вавржинца из Бржезовы, мы никогда не должны упускать из виду его классовую принадлежность.

Франтишек Палацкий³ правильно оценил отношение Вавржинца к таборитам, указав на его предвзятость и тенденциозность. Критическую оценку «тенденциозного и страстного» Вавржинца дает также и Яр. Голл⁴; последний указывает на то, что Вавржинец совершенно неоправданно приписывает таборитам жестокости, которых те не совершали, и добавляет, что, конечно, ни от одного летописца нельзя ожидать объективности. Опираясь на эти данные Голла, Й. Пекарж⁵, тем не менее, полностью берет Вавржинца под свою защиту и пользуется его «Хроникой» для того, чтобы обосновать свои нападки на Табор и Жижку. Насколько глубоко методологическая ошибка, допущенная Пекаржем, особенно ясно видно из той общей характеристики, которую он дал «Хронике» Вавржинца: «...Наоборот, как мы узнаем, суждение Вавржинца о таборитах является в общих чертах *суждением всех его современников...*» (курсив мой.—Й. М.). Однако подобного рода

¹ FRB, V, str. 517.

² Перевожу из FRB, V, str. 425.

³ Fr. P a l a s k ý, Würdigung der alten böhmischen Geschichtschreiber, S. 210 f. и подобное этому высказывание в «Dějiny» III-2, str. 14.

⁴ J. G o l l, введение к изданию FRB, V, str. XXXI.

⁵ J. P e k a ř, Žižka, I, str. 61.

вывод находится в непримиримом противоречии со всем тем, что нам известно о Вавржинце, равно как и с тем, что говорил о нем до того сам Пекарж! Ведь совершенно ясно, что в своих суждениях о Таборе Вавржинец является выразителем мнения отнюдь не всех своих современников, а одного только пражского бюргерства! А это—огромная разница. Неудивительно, что в результате такой глубоко ошибочной оценки «Хроники» Вавржинца Пекарж дал совершенно неверный образ Табора и Жижки. И что проку в том, что Пекарж отказался от этой своей ошибки в дополнениях и исправлениях?¹ Здание, построенное на ненадежном фундаменте, нельзя исправить, указав на ошибки, допущенные в процессе строительства. Запоздалая констатация не достоверности хроники Вавржинца не в состоянии была спасти те разделы работы Пекаржа, которые посвящены Табору. Исходя из неверных предпосылок—а «Хроника» Вавржинца положена в основу работы Пекаржа, посвященной 1419—1421 годам,—можно было создать лишь искаженный образ Табора.

Мы кратко ознакомились с биографией Вавржинца из Бржезовы, с его классовой принадлежностью, его сочинением и оценками «Хроники». Критическое отношение к Вавржинцу и к его трудам, однако, не означает, что мы не будем принимать во внимание приведенные им сведения или что мы станем относиться к его сообщениям пренебрежительно. Нам важно было установить, чьи классовые интересы защищает он в своем произведении.

О социальной структуре будущего города Табора Вавржинец упоминает еще в описании событий 21 февраля 1420 года². Тогда таборский (то есть участвовавший в паломничествах на горы) священник Ванчек и звонарь Громада, захватив с собой Яна из Быдлина³, Яна по прозвищу Смолин⁴ и множество таборских братьев и селян, при поддержке жителей города (*fratrum suorum intraneogum*) захва-

¹ J. P e k a ř, *Žižka*, IV, str. 194. Поправки и дополнения к стр. 58—61: «Познакомившись подробнейшим образом с работой Вавржинца, не могу согласиться с безудержными восхвалениями его свидетельской объективности».

² FRB, V, str. 357; следует отметить, что Пекарж сам противоречит собственной оценке, приведенной в прим. 105.

³ Быдлин, ранее—Добра, хутор под Осиковцом (*A. S e d l á č e k*, *Místopisný slovník*, str. 86).

⁴ Смолин, исчезнувшая деревня в окрестностях Табора (см. карту 8).

тили 21 февраля 1420 года город Усти Сезимова. Как видно, Вавржинец различает здесь 3 группы: паломники на горы, руководимые священником (мы уже выше говорили о том, что это были главным образом сельские жители), окрестные крестьяне (*rusticorum multitudo*) и жители города Усти Сезимова. Выражение Вавржинца «*fratrum Thaboriensium ac rusticorum multitudine*» нельзя толковать так, будто среди таборитских братьев не было сельских жителей. Мне думается, что правильным будет следующий перевод: множество братьев таборских (то есть паломников на горы) и деревенских жителей (которые во время боев за Усти Сезимова присоединились к ним). Изображая взятие Усти Сезимова, Вавржинец стремился показать читателю, что в этом вооруженном выступлении активное участие принимало крестьянство.

Однако уже здесь следует обратить внимание на то, что Вавржинец, как и другие летописцы, писавшие по-латыни, употреблял термин «*rusticus*» еще и с целью высказать свое пренебрежение к нижестоящим слоям населения. Так, например, Вавржинец описывает приготовления короля Сигизмунда к битве под Вышеградом в конце 1420 года, когда его венгерскому и панскому войску противостояла армия пражских горожан, усиленная сельскими отрядами. Король Сигизмунд, как повествует Вавржинец, стоял на левом берегу Влтавы, на скале напротив Вышеграда, и выслушивал советы чешских панов, которые предупреждали его, что пражане со своих укрепленных позиций могут нанести войску Сигизмунда огромный урон. И здесь Вавржинец вкладывает в уста короля Сигизмунда следующий ответ: «Отойдите от меня! Ибо нынче должен я сразиться с этими мужиками!» («*cum istis rusticis*»)¹. В этом случае, конечно, слово «*rusticus*» нельзя перевести как крестьянин, так как слово это носит характер бранного и употреблено в насмешку. Этим термином следует пользоваться лишь в тех случаях, когда общая обстановка описываемых событий не оставляет сомнений в том, что летописец считал нужным указать на их социальный

¹ FRB, V, str. 439. Так же звучит и повествование у Виндеке (*E. W i n d e c k e*, *Denkwürdigkeiten*, ed. Altmann, s. 111): чешские паны дали под Прагой обязательство выдать Прагу Сигизмунду. Они объявляют: «*Wir sind die crone vor Behem und nit die geburen*». Название «крестьянин» здесь снова употребляется как позорная кличка.

характер. Так и было, когда Вавржинец рассказывал о взятии Усти Сезимова.

Правда, здесь Вавржинец опирался на сведения, полученные из вторых рук. Однако 20 мая 1420 года он имел возможность собственными глазами увидеть таборитов: в тот день Прага торжественно встречала их, так как они пришли помочь ей в ее битве против Сигизмунда. Богатые бюргеры и немецкие патриции бежали из города, оставив общине свои дома с огромными продовольственными запасами. Эти запасы пражане передали своим таборитским союзникам. Еда и напитки были в изобилии; обилие же превосходного отечественного и австрийского вина привело к тому, что «братья некоторые и сестры были зело пьяны, ибо не привыкли употреблять такие напитки»¹. Это замечание, мимоходом указывающее на социальное положение таборитов, лишней раз свидетельствует о том, что они были главным образом выходцами из низших общественных слоев. Сельская и городская беднота, мелкие крестьяне и ремесленники не привыкли к дорогим винам, для покупки которых у них, естественно, никогда не было средств. Это замечание Вавржинца, безусловно, характеризует его как превосходного наблюдателя. Увидев пьяных таборитов, он не удовольствовался простой констатацией факта, стараясь найти его причину. Впрочем, это проистекло отнюдь не из симпатии к ним. Следует обратить внимание, что Вавржинец, рассказывая о пьяных, употребляет название «братья и сестры», хотя в других местах называет их просто таборитами или союзниками. Здесь, несомненно, кроется ирония. А в замечании о том, что «эти братья и сестры» не привыкли пить вино, слышится презрение высокопоставленного бюргера к «черни».

Тем временем Сигизмунд окружил Прагу железным кольцом крестоносных войск, завербованных во всех концах тогдашней Европы. Однако отряды таборитов под командованием Яна Жижки из Троцнова одержали победу на Виткове над частью королевской армии. В пылу битвы Жижка врубился в середину неприятельских войск, но «около 50 стрелков и остальные крестьяне (*rustici*), не одетые в боевые доспехи и вооруженные цепями, вырвали го из рук врага»². Сигизмунд со своими немцами и др. ми

иноземцами, «видя, какое позорное поражение нанес им деревенский люд (*a rusticana gente*)¹, оставили мысль об осаде Праги и ушли из Чехии. Эти два места «Хроники» Вавржинца снова свидетельствуют о социальной структуре таборского войска в 1420 году. Опять приходится констатировать, что для современников боевые отряды таборитов—это главным образом крестьянские отряды. Этот факт, столько раз упоминавшийся и Вавржинцем, и всеми другими летописцами², совершенно ясно подтверждает крестьянский характер таборского войска. Кто мог лучше деревенских молотильщиков, батраков, крестьян владеть цепями и с помощью этого оружия обращаться в бегство закovaných в латы панских наемников? В обоих приведенных местах Вавржинец вновь говорит о крестьянах, которые освободили брата Жижку из рук врага, разбили крестоносцев и заставили их отступить.

Я полагаю, что, основываясь на этих нескольких отрывках из «Хроники» Вавржинца из Бржезовы, мы можем сделать следующий вывод: табориты были в его глазах прежде всего представителями низших слоев общества, таборское войско, по его мнению, состояло прежде всего из крестьян.

Наиболее четко классовая точка зрения Вавржинца, о которой уже шла речь, выразилась в его отношении к Табору в 1421 году. Именно тогда беднота Желивского вновь объединилась с Табором и начались их совместные военные действия против чешских городов и крестоносцев, вновь вторгшихся в Чехию. Все это совершенно не устраивало пражское бюргерство. Союз пражской бедноты с армиями таборитов, состоящими из крестьян и городской бедноты, представлял собой величайшую опасность для бюргерства. В этот период в повествовании Вавржинца все чаще и чаще встречается прямая клевета на таборитов. Он забыл о бесчинствах крестоносцев, забыл об обязанности бороться против феодалов, как церковных, так и светских. Он тщательно ведет счет всем монастырям, храмам, крепостям и городам, уничтоженным «безбожными и мерзкими» таборитами, и описывает потоки пролитой ими крови. Даже тогда, когда в конце 1421 года Жижка во главе

¹ FRB, V, str. 390.

² См. Н. Томап, *Husitské válečnictví*, str. 217, где вы найдете приведенные цитаты о цепниках. Изображение цепников, например, в «*Zižkov sborník*», табл. XIV и т. д.

¹ FRB, V, str. 379: «Ob inconsueta ipsis potagia».

² FRB, V, str. 388.

таборитских отрядов пришел на помощь Праге против Сигизмунда, который снова вторгся в Чехию во главе венгерских войск, даже и тогда не затухает ненависть Вавржинца к таборитам. Он рассказывает, как 8 декабря 1421 года войска Жижки вошли в Кутную Гору и как горожане встретили их с показным почетом. Внешне они изобразили радость по поводу их прихода, но в глубине души желали им всяческих бед. «И не без причины,—добавляет Вавржинец,—ибо они знали, что табориты—народ неукротимый, склонный к грабежам и жаждущий убийств...»¹

Здесь выразитель пражского бюргерства без труда понял замыслы кутногорских бюргеров: еще до истечения месяца, тайно открыв ворота города Сигизмунду, они предали своих «освободителей», которых незадолго до этого столь радостно встречали. Из этой части «Хроники» Вавржинца из Бржезовы снова явствует презрительное отношение автора, знатного бюргера и интеллигента, к низшему классу феодального общества.

Впрочем, и Прокоп-писарь, который тоже был идеологом пражского бюргерства², показывает в своей (лишь частично дошедшей до нас) хронике, с каким презрением отнеслись к таборитам имущие слои населения. В 1417 году «пришли в Прагу цыгане, которые по всему своему поведению и внешнему виду были предшественниками таборитов и передали им свои худшие нравы...»³ В глазах этого летописца цыгане были такими же подонками общества, как и табориты.

Другой представитель пражского бюргерства, вернее реакционных слоев разбогатевшего бюргерства, которое стремилось к союзу с панами и покаянно вернулось в лоно католической церкви, магистр Ян Папоушек из Собеслава⁴, сообщает новые данные о тех, против кого выступали табо-

риты. Выше, анализируя «Книгу казней»¹ и выясняя, кто был противником Табора, мы пришли к выводу, что в 1420 году объектами нападений со стороны таборитов были такие столпы феодального строя, как духовенство, паны, патрициат и богатые бюргеры. И магистр Ян Папоушек из Собеслава, который информировал Энея Сильвия Пикколомини о событиях в Чехии, что было необходимо последнему для его книги по чешской истории, очень наглядно изобразил в своей записи о вальденсах² классовую структуру Табора и те цели, которые он преследовал в своей борьбе: «После смерти короля Вацлава в год от рождения Христа 1419 быстро подняла голову шайка вальденсов, то есть уиклифистов, назвавшая себя таборским братством или братьями с горы Табор; среди них было по большей части великое множество бедного и нищего люда (курсив мой.—И. М.). Основной целью этой шайки было преследовать, уничтожать, истреблять владевших бенефициями прелатов, епископов, священников и управителей, монахов, университетских ученых, магистров, литераторов и школяров, а также всех имущих светских людей, то есть панов и всякого рода богачей». И так, в числе объектов нападений таборской «шайки» были университетские магистры и интеллигенция вообще, которую Папоушек включил в число жертв таборитов уже потому, что сам он на собственной шкуре испытал, что значат таборские набеги. В общем же Папоушек выразил словами то, что мы выше выразили в цифрах. Табор 1420 года, объединявший крестьян и городскую бедноту, вел классовую борьбу против феодальных эксплуататоров.

Естественно, что на путь клеветы по адресу таборитов стал и автор написанного в 1429 году труда «Жизнь таборитских священников»³ Ян Пржибрам, магистр пражского университета и глашатай реакционного крыла пражского бюргерства, связанного с феодалами. И в его труде мы найдем подтверждение уже установленного нами факта, что Табор в первые годы своего существования был опорным

¹ FRB, V, str. 529.

² О нем и о его трудах см. J. P e k a ř, Žižka, II, str. 146, где также указано, что Прокоп переписывает в своей хронике абзацы о гуситстве и о Таборе у Вавржинца из Бржезовы. Пекарж считает это доказательством того, что данные, приведенные Вавржинцем, принимались всеми. В действительности эта преемственность Прокопа по отношению к Вавржинцу была свидетельством классовости их точки зрения: оба выступают как идеологи пражского бюргерства и оба одинаково относятся к своим классовым противникам.

³ K. H ö f l e r, Scriptorum, I, str. 76.

⁴ О нем см. J. P e k a ř, Žižka, II, str. 251, str. 128, pozn. č. 3, Fikrl, OSN, и Zibrť, Bibliografie, III, 2, č. 44 n.

¹ См. выше, стр. 418 и сл.

² K. H ö f l e r, Scriptorum, III, str. 158 n. Он перепечатал этот список в выдержках из рукописи университетской библиотеки (XI C8); цитированное место см. на стр. 158—160.

³ Издал неполностью Винаржицкий в ČKD, 1865; заново полностью перепечатал Мацек (J. M a c e k, Ktož jsú boží bojovníci, Praha, 1951, str. 262—309).

пунктом бедноты. «Жизнь таборитских священников»— это пространный памфлет, с которым Пржибрам в 1429 году выступил против врага—против таборитского мелкого бюргерства, связанного с беднотой. В этом памфлете Пржибрам собрал всю клевету на таборитов, прибег к методу, который, повидимому, считал весьма действенным, противопоставив «христовых апостолов» таборитским священникам. Таким образом, снова, как некогда во времена Гуса, был использован в борьбе метод противопоставления. Правда, дрезденские братья применили этот метод для того, чтобы противопоставить первоначальную «церковь христову» разложившейся церкви XV века—в интересах прогрессивных общественных сил; что же касается Яна Пржибрама, выразителя интересов пражской реакции, то он перенял в 1429 году этот метод для того, чтобы с его помощью защитить интересы старого мира, интересы феодалов и патрициата—против Табора.

«Апостолы добровольно жили в бедности и были покорны; эти же (то есть таборитские священники) из бедных земледельцев и мужиков-пахарей (курсив мой.—И. М.) стали панами, епископами и князьями, захватили чужое добро и чужую власть и завладели ими». Таким образом, Пржибрам указывал на то, что таборская беднота при поддержке таборитских священников заняла более высокое положение в социальном и политическом отношении. И хотя слова Пржибрама о таборских панах, епископах и князьях из крестьян умышленно—как и во всяком памфлете—преувеличены, все же они являются лишним свидетельством того, что основным ядром таборитов была беднота. Особенно следует подчеркнуть, что Пржибрам не довольствуется выражением «крестьянин», но ясно говорит о бедных крестьянах и пахарях, то есть о сельской бедноте.

Достоверность таблиц и карт, свидетельствующих о том, что сельское население со всех концов страны стекалось в Табор, подтверждается, например, и свидетельствами гуситской хроники Ондржея Ржезенского, монаха августинского монастыря в Ржезне¹. Известно, как упорно разыскивал Ондржей сведения о положении современной

ему Чехии, но он, естественно, ни на минуту не переставал видеть в гуситах закоренелых и опасных еретиков. Начало революционного движения он представлял себе следующим образом: «Именно названные гуситы сжигали во многих местах королевства чешского монастыри и храмы...» (курсив мой.—И. М.). Другими словами, он опять-таки подчеркивал стихийный характер движения, возникшего в чешских провинциях и направленного против церкви.

В числе источников, которыми пользовался Ондржей Ржезенский для составления своей хроники, был и «Трактат о начале гуситской ереси» Ондржея из Брода; из этого трактата мы в дальнейшем и будем черпать наши сведения¹.

Ондржей из Брода принадлежал к заклятым противникам гуситского революционного движения. Краткий обзор его деятельности объяснит нам, в чем следует искать причину подобной ненависти. Ондржей был магистром богословия в Пражском университете и пользовался общим уважением в среде университетских профессоров. Выступление Гуса против того зла, которое последний видел в церковных и общественных порядках, не поколебало позиции Ондржея. Он остался верен своим господам и своему мировоззрению, остался верен догматическому учению католической церкви, несмотря на то, что еще примерно в 1413 году ему пришлось покинуть Прагу; повсюду и в необычайно резкой форме выступал он против приверженцев Гуса. В июне 1421 года Ондржей из Брода навсегда покинул Прагу. Живя в эмиграции, он в своих воспоминаниях возвращался к догуситской Праге и надеялся вернуться, но надеждам его не суждено было сбыться—он умер в 1427 году. В Циттау или Лейпциге, где он на склоне лет был профессором университета, он написал—примерно в 1420—1422 годах—«Трактат о начале гуситской ереси», в котором излил всю свою ярость против тех, кто изгнал его из Праги. Голос Ондржея из Брода—это голос реакции, которая беспощадно обрушивается на тех, кто хочет изменить или разрушить старый общественный порядок. Трактат изобилует картинами апокалиптических видений, близких к тем, которые имел архиепи-

¹ Tractatus de origine (heresis) Hussitarum in studio Libczens editus, издал K. Höfler Scriptores, II, str. 327—353. Об Ондржее из Брода в связи с работой Ондржея Ржезенского см. G. Leidinge r, op. cit., str. 268; даты жизни Ондржея из Брода и разбор его трактата см. J. Pekař, Žižka, I, str. 2 n.

скоп Ян из Енштейна в 1378 году, и в самых черных красках изображает «мерзости» гуситов. Но сквозь покров клеветы, брани и лжи в трактате Ондржея ясно проступает классовый характер гуситского революционного движения, который автор весьма подробно описал. Можно даже сказать, что никто из летописцев не касался так детально социальной стороны описываемых событий, как это сделал Ондржей из Брода. Заранее следует обратить внимание читателя на тот факт, что все то презрение, на какое только был способен автор по отношению к гуситам, наиболее заметно сквозит именно там, где он говорит об их принадлежности к низшим слоям общества. Проявляя интерес к богословским проблемам и церковному учению, которые были до тех пор исключительной привилегией университетских магистров, народ, по мнению автора, тем самым осквернял это учение. Под эгидой чаши народ вышел грабить чужое имущество, за прекраснейшими и возвышенными речами скрываются материальные интересы—такой представлялась борьба гуситов эмигранту Ондржею. Целью его трактата было парализовать, представить в смешном виде и искоренить «неистовства гуситов».

«Поднялся люд дерзкий, неблагодарный и жадный, то есть *простой народ* и кормящееся войной мелкое дворянство, исполненное ненависти к прелатам и клиру, не признавая дани церкви, насмехаясь над обрядами...»¹ (курсив мой.—И. М.). Так в первых же абзацах своего трактата характеризовал Ондржей из Брода начало гуситского движения. Однако он не удовлетворялся общим указанием на народный характер гуситства, но подробно проанализировал социальную структуру Табора, причем, разумеется, не поскупился на бранные слова в адрес таборитов: «*Среди них были крестьяне, сапожники, портные, солодовники, воры, поджигатели, грабители и бродяги—короче говоря, были там и люди, исполненные всевозможных пороков, были с ними и женщины; приходя в деревни и местечки, они жестоко расправлялись со всеми честными порядочными людьми, которые не желали принять их шайки...*»² (курсив мой.—И. М.). Уже по одной этой цитате можно составить себе представление о том, насколько

¹ К. Höfler, *Scriptores*, II, str. 327: «*militares*» я перевожу так же, как Пекарж (J. Pečár, *Žižka*, II, str. 33).

² К. Höfler, *Scriptores*, II, str. 343; «*fornicarii*» я перевожу как бродяги (см. «*fornicarius*» у du Cange).

VII. Деревни и города в окрестностях Табора, жители которых переселились в Табор (по данным старейшей таборской книги—1432—1450).

«серьезно» был написан этот антигуситский трактат. Любопытно отметить, что Ондржей видит, по сути дела, двойственный корень гуситства: крестьяне и ремесленники, с одной стороны, и все разного рода «негодяи и изверги» — с другой. И в следующих абзацах трактата мы снова находим сельский люд и ремесленников в роли передовых представителей гуситского движения: «*Деревенский люд и ремесленники* так стремились к завоеванию даже самых неприступных крепостей и городов, что всегда находились в первых рядах»¹ (курсив мой.—И. М.). Можно ли яснее обнаружить классовый характер борьбы крестьян и ремесленников в начале революционного движения, чем это сделал Ондржей из Брода? Для нас совершенно естественно, что на стороне гуситов поднялся весь народ. Но эмигрант Ондржей из Брода, университетский магистр, защищавший интересы феодалов, мог объяснить себе любовь народа к гуситам только тем, что он был соблазнен, одурманен, обманут. «Такое недоверие воцарилось меж людьми, что брат таил зло против брата, отец против сына, супруг против супруги. Количество же предателей разрослось настолько, что вряд ли нашлось бы жилище, где бы не было приверженцев их учений»². В действительности же общие страдания, общая ненависть и общие или родственные классовые интересы создавали предпосылки для мощного размаха гуситского движения. Правда, с самого начала образовался широкий фронт гуситства, объединявший различные слои населения — от панов до крестьян; но Ондржей из Брода разоблачил намерения панства, которое использовало революционный подъем крестьян и ремесленников. В трудах Ондржея были обнажены подлинные цели дворян, примкнувших к гуситскому движению.

Трактат Ондржея из Брода, рисуя картину начального периода гуситского движения, построен по существу на развитии одного центрального сюжета: он основывается на толковании сна, который видел в 1378 году архиепископ Ян из Енштейна. Архиепископу приснилось, что негр со звериными лапами тянется к папе, восседающему на престоле Петра. Ондржей считал, что это видение было пророчеством гуситского революционного движения. Сон архиепископа, по мнению Ондржея, указывает на тайные

козни, которые готовит дворянство. Он обвиняет гуситское дворянство в том, что оно воспользовалось раздорами между пражским бюргерством и королем и, пользуясь наступившим смятением, вознамерилось извлечь для себя выгоду, отбирая имущество и у церкви, и у короля, и у бюргеров. «Поистине верно было сказано, что *корень всего зла — это жажда имущества*»¹ (курсив мой.—И. М.). Поэтому соединение дворянства с крестьянами и ремесленниками, поднявшимися на борьбу, чудовищно, это — соединение железа и грязи². Как могут высокородные заключать союз с подонками общества? Ведь среди тех, кто поджигал и грабил монастыри и храмы, было «много *крестьян*, у которых едва хватало грубого сукна, чтобы прикрыть свою наготу»³ (курсив мой.—И. М.), а ныне они одеваются в шелка, награбленные в церковных ризницах. Гнусное единство гуситов поддерживалось потоком денег, поступавших из касс сапожных, портняжных, пивоваренных шерстобитных, ткацких и других ремесленных цехов⁴. На эти деньги, по мнению Ондржея из Брода, много людей было подкуплено и привлечено на сторону гуситов, других привлекли обещаниями, которые в изобилии расточали гуситы каждому, особенно же бедному духовенству и проповедникам. Поэтому многие священники присоединялись к горожанам, крестьянам и низшему дворянству, и все они объединились в мерзкой еретической шайке.

Из трудов Ондржея из Брода, где говорится о социальном составе гуситов, видно, что он ставит горожан на одну доску с крестьянами. Магистр Пражского университета, который бежал во время пражских волнений 1419—1420 годов, естественно, больше всего внимания уделяет пражским мятежникам. Вместе с тем он анализирует гуситское революционное движение в целом, изучает его цели, начиная от стремления панов и кончая требованиями крестьян. О секте таборитов Ондржей из Брода знает только то, что она существовала в стране уже довольно давно, но не останавливается на ней более подробно. Несмотря на это, я счел

¹ K. Höfler, op. cit., str. 347.

² Там же, стр. 349.

³ Там же, стр. 335; подобно этому и Вавржинец из Бржезовы (стр. 408) обращал внимание на то, что таборские крестьяне были одеты в награбленные одежды, достойные королей («так у мужиков под плащами были одеяния королевские»).

⁴ K. Höfler, op. cit., str. 340.

¹ K. Höfler, Scriptores, II, str. 344.

² Там же, стр. 340.

необходимым включить трактат Ондржея из Брода в число используемых нами источников: как уже показали приведенные из его труда выдержки, Ондржей видел социальную проблематику во всей ее широте, видел, следовательно, и социальную сущность Табора, хотя он и не говорит о нем в этой связи. Я думаю, что именно упоминание Ондржея о сельском характере гуситского движения в его начальный период следует поставить в связь с Табором. И, наоборот, упоминание о ремесленниках и горожанах может относиться единственно лишь к Праге. Интересно, что, судя по словам Ондржея, в рядах гуситов больше всего было именно бедных ремесленников: «Вы, убогие, полуграмотные и необразованные магистры и священники, — упрекает Ондржей идеологов гуситства, — вы свели с пути истинного многих бедных ремесленников»¹ (курсив мой.—И. М.).

Итак, свидетельства Ондржея вновь и вновь говорят об одном и том же распределении сил: на одной стороне — крестьяне и мелкие горожане (бедные ремесленники), на другой — столпы феодализма: духовенство и панство. Ондржей считает, что именно борьба против церкви с ее богатством была той силой, которая объединяла всех гуситов. Он посвящает целые абзацы перечислению всех жестокостей, совершенных гуситами против церкви, и очень подробно говорит о разграблении церковных богатств. По его мнению, еретики-гуситы вообще не считали кражу грехом, а, наоборот, публично восхваляли захват чужого имущества.

«Они завладели доходами каноников, общежитиями университетских магистров, приходами священников, алтарями викариев, домами почетных горожан (то есть пражского патрициата) и полями селян...»² И в его жалобах по поводу судьбы этих «ограбленных» звучат уже прямо личные мотивы: «И так весьма многие уважаемые горожане, почтенные паны, священники и монахи были вынуждены на чужбине просить подаяния и жить милостыней»³. Это разбойничье покушение еретиков на богатых и сильных мира сего имело целью не только лишить их имущества, но было прямо направлено против «вечного порядка» и подрывало устои феодального общества. Гуситы

не признавали безоговорочного повиновения римскому папе и королю, как это были обязаны все верующие и подданные королевства чешского». «И как до сих пор дьявол не желал никому повиноваться, так и они не признают ни наместника Христа — папу, ни правителя страны — короля, а тем самым не признают самого бога...»¹ В этих словах в сжатой форме выражены взгляды представителя феодальной идеологии на устройство общества, которое является отражением небесного царства; верующий обязан жить в подчинении, восставая же против своего господина или короля, он тем самым грешит против бога. Гуситы начали борьбу против папы римского и против Сигизмунда, венгерского короля, — видел ли кто-либо подобную дерзость? Ондржей, бывший выразителем настроений реакционной эмиграции, естественно, не мог понять этой борьбы. В его глазах это было не более как мерзостный мятеж грабителей, банды грешников и еретиков. Хорошо еще, что на небесах есть святые, которые за всем следят, ибо они могут пресечь эти дерзостные попытки обезумевших людей. Если же этого пока не случилось и гуситы до сих пор успешно боролись, так это лишь кара за наши грехи. Никто не станет отрицать, что в церкви были и есть злоупотребления. Именно поэтому Христос ниспослал на своих овечек страдания Иова, чтобы знаменем этим показать, что настал час испытания духа и возвращения к добродетели. Нет сомнения в том, что набожность и горячие молитвы могут смягчить Христа и он отстранит от уст верующих сию горькую чашу. «А посему, всемилостивейший господь Иисус Христос, единственное прибежище всех верных, освободи нас от своры охотников, от стрел этих безбожных людей, сокруши их колчан, отбери у них стрелы и уничтожь это сельское воинство»² (курсив мой.—И. М.). Последние абзацы трактата Ондржея, исполненные горячих молитв, вновь дают важное для нас указание на крестьянский характер гуситских войск. Трактат заканчивается взволнованным обращением к деве Марии с призывом истребить шайку уиклифистов, подобно тому как она поразила голову змия.

Если мы подведем итог всем данным, почерпнутым нами при разборе трактата Ондржея о первых шагах секты уиклифистов, мы увидим, что все это ничем не отличается от ранее

¹ K. Höfler, op. cit., str. 346.

² Там же, стр. 337, 345.

³ Там же, стр. 338.

¹ K. Höfler, op. cit., str. 337.

² Там же, стр. 350.

сделанных нами выводов. В глазах Ондржея борьба гуситов тоже была борьбой низших слоев общества. Наряду с крестьянами он указывает бедных ремесленников и вообще горожан. По многим выдержкам мы убедились, что борьба пражских гуситов казалась Ондржею борьбой бедных ремесленников против церковных феодалов и патрициата, так же как борьба Табора была для него борьбой крестьянства. Что касается гуситского дворянства, часть которого в начале движения шла вместе с революционным народом, то Ондржей весьма убедительно разоблачил его истинные намерения—использовать революционный подъем народных масс в корыстных целях, в целях удовлетворения своих классовых интересов. Впрочем, мы уже не раз имели возможность познакомиться с позицией и действиями представителей гуситского дворянства, и мы еще не раз убедимся, что Ондржей действительно очень хорошо понимал позицию дворян.

О том, что в гуситском движении можно различить два крыла, как это сообщает Ондржей из Брода, говорит в своем интересном сообщении испанский епископ Андреас из Эскобара, относительно хорошо информированный, хотя и живший далеко от Чехии¹. Это был бенедиктинец, назначенный после окончания Венского университета епископом в Сиудад-Родриго, в тогдашнем Леонском королевстве. Но он был епископом только по званию, так как все время жил при папском дворе. Только в 1422 году он сложил с себя эту должность и стал настоящим епископом в корсиканском Аяччо. Именно эти биографические сведения дают нам возможность отнести его антигуситский трактат к периоду до 1422 года, ибо в этом трактате Андреас еще именовал себя епископом в Сиудад-Родриго. Его трактат представляет собой документ, свидетельствующий, какое волнение и какой интерес вызвал взрыв гуситского революционного движения в Южной Европе и особенно при папском дворе. Так как документ этот был написан до 1422 года, он дает нам новые данные о социальном составе таборитов, сведения о которых испанский епископ черпал из двух источников. Так же, как и Ондржей из Брода, Андреас из Эскобара отличал пражских гуситов от таборских. «Табориты из

¹ Даты жизни Андреаса из Эскобара собрал Бартош в статье «Protihusitský traktát Ondřeje z Escobaru ve Španělsku» (JSH XI, 1938, str. 67 n.), он же дал анализ этого трактата и опубликовал избранные выдержки из него.

деревень и городов живут на горе Табор, притворяясь, будто живут по примеру апостолов и владеют всем сообща; другие же—среди них некоторые люди дворянского сословия, а также ремесленники и купцы—проживают в городе Праге»¹. Интересно отметить, насколько далеко разнеслись вести об обобществлении имущества на Таборе. Интересно и то, что, согласно Андреасу из Эскобара, социальное деление гуситов представляется следующим образом: табориты—это крестьяне и горожане; пражские гуситы—часть дворянства, ремесленники и торговцы.

Подобная картина социальной структуры таборитов дается и в «Чешской истории», написанной ученым-гуманистом и глашатаем зарубежной реакции, Энеем Сильвием Пикколомини². Свою карьеру этот прекрасный стилист и тонкий наблюдатель начал на Базельском соборе; затем Пикколомини занимал в церкви и имперской канцелярии различные должности, поднимался все выше и выше, пока не добрался до папского престола, который и занял в 1458 году под именем Пия II. Став кардиналом и папой, он приступил к написанию «Чешской истории», писал ее во время отдыха на водах в Витербо, где собиралась аристократическая верхушка феодального общества. Можно ли сомневаться в том, что труд, написанный человеком с такой биографией, в период, когда снова обострились отношения между чешским королевством и папской курией, будет наполнен ядом ненависти к гуситам? Было бы наивностью рассчитывать, что автор, стремящийся вызвать вражду к Чехии, выступит в роли объективного свидетеля. Поэтому, шаг за шагом, разбирая чешскую историю, вышедшую из-под пера Энея, главным образом историю гуситского движения, мы знакомимся с точкой зрения классового врага, который считал, что мерзкие чешские еретики расшатали «вечные» устои власти³. Эней Сильвий был очень искусным писа-

¹ F. M. Bartoš, op. cit., str. 68.

² Даты его жизни собрал Форт (G. V o g t, E. S. Piccolomini, Berlin, 1856—1863); из нашей литературы я выбираю F. M. Bartoš, Žižka v dějepisectví, Žižkův sborník, 1924, str. 171 n.; E. Sylvius a jeho česká kronika (Volná myšlenka, 1925). О трудах Энея Сильвия см. A. K r a u s, Husitství v literatuře zejména německé, Praha, 1917, str. 119 n.; P e k a ř, Žižka, I, str. 160 n.; U r b á n e k, Věk poděbradský, I, str. 21—23 atd.

³ В споре относительно оценки «Чешской истории» Энея Сильвия я в целом склоняюсь к мнению Палацко, Крауза и Бартоша. Возражения Пекаржа и его попытки реабилитировать Энея Сильвия

телем, который хорошо знал своих читателей и потому придал своим нападкам благопристойную форму. Его «Чешская история», явившаяся плодом долголетнего собириания фактов, подслащена различного рода рассказами, анекдотами и даже похвальными замечаниями в адрес чехов. Но это лишь усугубляло общий эффект книги, и автор ловко достигал подлинной цели своей «Истории» — очернить чешских еретиков. У Энея Сильвия мы снова встречаемся с общим мнением феодалов о гуситстве, как о движении подонков тогдашнего общества. Говоря об основании Табора в 1420 году, Эней прямо затрагивает вопрос о социальном характере нового города: «Среди таборитских войск не было конницы, потому что почти все табориты происходили из низших слоев, и по ним видно было, что они не столько отстаивали новую веру, сколько скорее бежали от суда и тюрьмы»¹ (курсив мой.—И. М.). Если бы мы взяли последние слова вне контекста, у нас были бы все основания не верить их автору. Кардинал и претендент на папскую тиару видел в таборитских еретиках одних только преступников, уклоняющихся от наказания. Но даже и этот пасквиль представителя самой черной реакции, в сущности, подтверждает наши выводы: он показывает, что Табор в 1420 году был средоточием наиболее эксплуатируемых масс — крестьянства и бедноты.

Много новых доказательств того, что Табор в 1420 году был средоточием сельского населения и городской бедноты, мы встречаем и в переписке того времени. В августе 1420 года перепуганные горожане Воднян просили помощи против Жижки у «южночешского короля» Ольдржиха из Рожмберка. «До нас дошли слухи, что (Жижка) расположился лагерем у Писека с небольшим войском, но что он собирает к себе крестьян из окрестных деревень»² (курсив мой.—И. М.). Ольдржих сам писал в ноябре 1421 года Рейнпехту фон Вальдзее Старшему: «Если же он (Альбрехт Австрийский) не придет во-время на помощь, я окажусь совсем покинутым и беззащитным. Я многих своих слуг отпустил,

показали лишь, как ловко сумел последний обработать чешскую историю; и все же осовная антигуситская тенденция «Чешской истории» Энея Сильвия стоит вне всякого сомнения.

¹ «Чешская история» Энея Сильвия издана в FRB, VII, в доброкачественном переводе Иржи Вичара (Světová knihovna), отсюда взята и цитата (стр. 99).

² Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 20, č. 35 (АС, III, 3, č. 1).

поскольку они склонялись к гуситству, и остался теперь совершенно без челяди»¹ (курсив мой.—И. М.). Помните, что по данным «Книги казней» мы узнали, что рожмберкская челядь была верным союзником таборитов! И вот теперь жалобы Ольдржиха подтверждают, что крестьяне, батраки, челядь, беднота умножили собой ряды таборитского войска. Интересно, например, что в переписке Ольдржиха с Сигизмундом почти не говорится о религиозных вопросах, связанных с Табором и гуситами. Для них обоих, то есть для могущественного южночешского феодала и для властелина германской империи и венгерского королевства, гуситский вопрос имел одно и то же значение: оба видели в нем только мятеж подданных против господ. Крестьяне восстали против своих господ, отказались повиноваться им, и, по мнению Ольдржиха, должны быть возвращены к старому порядку самыми жестокими мерами. Мы увидим, как феодалы постепенно пробуждались от своего опьянения властью, от чувства превосходства над восставшим народом, как все новые и новые победы таборитских армий заставляли их изменять тактику и идти на уступки. Но еще в 1420 году в частных письмах феодалы позволяли себе открыто высказывать свои истинные суждения о Таборе и о гуситах вообще. Непосредственно после катастрофического поражения войск Ольдржиха под Табором в 1420 году Сигизмунд понял, что надо поддержать Ольдржиха в его борьбе против таборитов не только деньгами, но и «морально». 1 июля 1420 года он передает Ольдржиху: «А ты там у себя покажи своим, что ты их пан, пусть знают, что ты господин им и властен над ними, а также чтоб знали они, что обязаны тебе повиноваться»² (курсив мой.—И. М.). Классовый характер борьбы таборитов подчеркивает и грамота Сигизмунда от 3 сентября 1420 года, в которой он назначает Ольдржиха из Рожмберка совместно с подкоморьем Вацлавом из Дубы и Петром из Штернберка гетманом Бехиньского и Прахеньского краев. Главной задачей гетманов является истребление уиклифистов, «дабы все мятежники, которые не постыдились дерзко восстать против панов своих, были устрашены карами и приведены к должному повиновению»³. Можете ли вы найти в этом призыве к феодалам что-

¹ Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 42, č. 61.

² Там же, стр. 20, № 35 (АС, III, 3, č. 1).

³ Там же, стр. 20, № 36.

либо иное, кроме желания внушить им, что на них лежит обязанность усмирить восставший народ?

В двадцатых годах XV века общее мнение о крестьянско-бедняцком характере Табора было настолько сильным, что даже неизвестный католический автор, написавший в 1424 году антигуситские «стихи» под заглавием «Вацлав, Гавел и Табор», изобразил таборита в виде крестьянина. Этот литературный памятник написан в форме диспута между представителем феодалов, католиком Вацлавом и таборитами; цель их страстного спора—убедить индифферентного Гавла—Вртоха. В одном месте таборит заявляет: «Посему, защищая бога, мы покинули нивы свои»¹. В глазах автора этого анитаборитского памфлета еще в 1424 году понятие «таборит» было совершенно идентично понятию «крестьянин».

Присутствие и количественное превосходство крестьянства и бедноты в Таборе еще, однако, не значит, что там совсем не было ни ремесленников, ни горожан. Еще при анализе «Книги казней» мы установили степень их участия в действиях таборитов, да о них упоминали и летописцы. 31 марта 1421 года король Сигизмунд подарил будеевицкому рихтаржу Зикмунду Кларицу все поместья и имущество горожан, «которые присоединились к неверным гуситам»². Более чем правдоподобно, что эти «беглые» будеевицкие горожане нашли прибежище в близлежащих таборитских городах или в самом Таборе. Из анализа «Книги казней» нам известно, что именно из Будеевиц в Табор пришло особенно много народу³. На основании этого сообщения об имуществе будеевицких «беглых» горожан может создаться представление, что приверженцы Табора рекрутировались из рядов состоятельного бюргерства. Но мне кажется, что пример Будеевиц нельзя считать общим и характерным явлением. Как уже было показано выше, из городов (а особенно из Будеевиц) приходили в Табор главным образом беднота (без различия национальности) и мелкие ремесленники. Кроме этого, мы располагаем обширными и подробными сведениями об участии в борьбе таборитов жителей других городов и местечек, в частности Червене Ржечице. Кузнец Ян из Ржечице подвергся в 1423 году допросу и под пыткой

показал, что из Ржечице на помощь Табору отправилось 22 жителя. Он перечисляет их и называет фамилии 9 горожан, закончив свое показание так: «Это все горожане, а прочих батраков наемных было 13»¹. Данное показание весьма ценно, ибо оно позволяет нам составить себе представление о практическом участии горожан в борьбе таборитов. Большую часть отряда из местечка Червене Ржечице составляли бедняки, которые представляли в борьбе горожан. И если у нас нет более подробных сведений об упомянутых 9 горожанах, мы все же с полным основанием можем предполагать, что они скорее всего принадлежали к беднейшим горожанам, из-за недостатка средств они не могли держать наемных слуг, которых можно было бы послать на войну вместо себя. Даже те горожане, которые в начальный период существования Табора встали на его сторону, не всегда сами участвовали в битвах, а посылали вместо себя своих слуг, как об этом свидетельствует случай в Червене Ржечице. Мы еще вернемся к показаниям кузнеца Яна, когда будем говорить о таборитском войске. Я думаю, что не только ржечицкие горожане посылали вместо себя нанятых бедняков—это было общим явлением и в других городах; так, по моему мнению, таборитские армии постепенно становились убежищем бедноты, а таборитские отряды состояли преимущественно из бедноты. Здесь следует снова подчеркнуть, что из городов шли в Табор главным образом бедняки и мелкие ремесленники. Небольшое количество сведений об участии бюргеров в основании Табора еще раз подтверждает наши выводы, сделанные на основе анализа объективных источников: в 1420 году среди таборитов было относительно мало бюргеров и влияние их не было решающим.

До нас дошел труд одного из главных идеологов таборитов—Микулаша из Пельгржимова по прозвищу Бискупец². Труд этот, относящийся к 1425—1426 годам, представляет собой толкование «Апокалипсиса»³, из которого мы узнаем подробности жизни таборитов. Бискупец затрагивал

¹ F. M a g e š, Popravčí, kniha, str. 30.

² О Микулаше из Пельгржимова позднее всех писал Бартош (F. M. B a r t o š, Světci a kacíři, Praha, 1949, str. 175 n.); там же и библиография на стр. 195 и сл.

³ Истолкование «Апокалипсиса» приписал Бискупцу и отнес к 1425—1426 годам Бартош [F. M. B a r t o š, Táborské bratrstvo let 1425—1426 na soudě svého biskupa Mikuláše z Pelhřimova (ČSPSČ, XXIX, 1921, str. 102 n.)].

¹ Václav, Hawel e Tábor, II, str. 288.

² UB, I, str. 68.

³ См стр. 406.

вопрос о недостатках современного ему Табора, резко их критиковал и указывал путь, по которому следовало идти. Он поднял голос в защиту крестьян и показал, что богатство и власть господ основываются на труде угнетенных: «Трудолюбивые подданные страдают, когда их господа ссорятся и дерутся. И все же все паны и короли и духовные лица держатся лишь за счет крестьян!» И далее: «Богачи роскошествуют за счет имущества бедняков и их тяжкого труда. Последние принуждены кровью и потом добывать себе пропитание, чтобы только не умереть. А те люди, о которых мы говорили выше,—убийцы, ибо пьют кровь их»¹.

Резкие выпады Бискупца против богатых и сильных мира сего доказывают, что классовым врагом таборитов были феодалы и что против них была направлена борьба Табора. «Кто из императоров, из королей, из князей, из панов и других знатных людей—кто из них не хищник? Ведь и среди тех из них, которые твердят, будто воюют за закон божий, вы, если станете искать, найдете хищников и противников закона божьего»². Таким образом, в Таборе не щадили феодалов, а те из них, которые присоединились к движению таборитов, подвергались критике. О социальном составе таборитов, беззаветно и горячо боровшихся против внутренних и внешних врагов, мы узнаем также и из других слов Бискупца: «И жизни не жалеют, борясь против страсти к земным благам, и многим лишениям подвергают себя и умирают за освобождение... а именно—*горожане и селяне, горожанки и селянки*»³ (курсив мой.—И. М.). Итак, горожане и крестьяне являются основной силой в борьбе за божью правду, они составляют социальную основу Табора 1425—1426 годов. И Бискупец, конечно, неспроста поставил на первое место горожан. В повествовании Бискупца горожане названы первыми, а крестьяне указаны в качестве их верных союзников. Народ знал, какого мнения табориты о панах, знал, что табориты защищают простых и бедных людей. Бискупец говорит совершенно ясно: «Не захочет же бог охранять состоятельных и губить бедных и нищих!»⁴ Только союз горожан и крестьян мог привести

¹ Цитируется в соответствии с переводом Бартоша (F. M. Вагтош, Světci a kasíři, str. 181—182).

² ČSPSČ, XXIX, str. 114.

³ Там же, стр. 120.

⁴ Там же, стр. 112.

к победе над классовым врагом. Одновременно с этим Микулаш Бискупец указал на опасность, которая препятствовала победе таборитов. Вместо прежней бедности и простоты в Таборе появляется имущество и богатство. Деньги, от которых тяжелели кошельки горожан, становились тяжелыми оковами для людей, некогда с такой легкостью спешивших в бой. Горожане богатеют, желание воевать за божью правду угасает. «Пустые сосуды, когда до них дотронешься, начинают звучать... Наполненные сосуды под ударом молчат, никак не отзываясь»¹. Поистине трудно более лаконично, сильно и метко изобразить процесс постепенного обогащения таборских горожан, которые все больше и больше теряли революционную решимость.

Дальнейшие разрозненные сведения подтверждают тезис, согласно которому на стороне таборитов с середины 20-х годов XV века стояли бюргеры, городская беднота и крестьянство. Старые чешские летописи сообщают следующие данные о событиях 1425 года. «...и много иных градов добыто было братьями таборскими и сиротскими, и всегда меж ними были люди *из всех почти городов*, только из Праги никого»² (курсив мой.—И. М.). Здесь говорится об участии бюргеров и городской бедноты в действиях таборитов («люди из городов» могли быть и бюргерами и бедняками).

Напротив, из переписки короля Сигизмунда с Ольдржихом из Рожмберка мы узнаем об участии крестьянства в таборитском движении. 23 октября 1426 года Сигизмунд призывал Ольдржиха примкнуть к остальным феодалам, чтобы создать прочный союз, «дабы он не позволял своему народу платить врагам дань и примыкать к ним и истреблять добрых христиан»³. От Ольдржиха требовалось, чтобы он жестоко расправился со своими подданными, которые непрестанно поддерживали таборитов деньгами и участием в их военных действиях; это нужно было хотя бы уже по одному тому, что при дворе ходили слухи, будто Ольдржих помогает таборитам. Упреки Ольдржиху за то, что он якобы поддерживает таборитов, исходили не только от двора Сигизмунда, но и со стороны чешских панов. Ян из Ризенберка писал Ольдржиху 1 августа 1427 года: «И князя (импер-

¹ ČSPSČ, XXIX, стр. 117—118.

² Staré letopisy české, str. 73 (цитирую по изданию Палацкого-Харвата от 1940 года).

³ Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 85, č. 127, отсюда же и следующие две цитаты.

ские) слышат и явно уже видят, что табориты из твоих владений получают величайшую помощь и что люди добровольно идут к ним без всяких препятствий с твоей стороны и со сторон твоих и даже с твоего согласия»¹. Сколь велика наивность Ольдржиха, говорится далее в письме, если это правда: «Ибо любой может понять, что они ставят целью уничтожить тебя и других панов, всех до одного!» Цель таборитов заключается в том, чтобы искоренить панов, как сорную траву, мешающую расти полезным злакам. Для Ольдржиха и других панов остается лишь один путь: объединить свои силы, сплотиться и совместно противостоять опасности. «Посему бога ради поймите все это и устройте так, чтобы самому себе храбро помочь и не дать этим *мужикам* столь позорно лишить вас всего» (курсив мой.—И. М.). Королю Сигизмунду положение в южной Чехии представлялось в 1426 году следующим: табориты были классовыми врагами Ольдржиха и остальных феодалов; панству противостоят «мужики», то есть крестьянство, беднота и бюргеры.

Еще в 1432 году, когда возник страстный антигуситский литературный памятник, так называемый «Anonymi investiva contra Hussitas», его авторы прямо связывали борьбу Табора с борьбой сельского населения. Анонимный ученый—католик, неразборчивый в средствах, когда дело касалось борьбы с ненавистными чешскими еретиками, так говорит о Прокопе Голом, занявшем место умершего Яна Жижки: «...и на место его после его смерти вместо одного разбойника поставили другого негодяя, а именно священника Прокопа, человека кровожадного, который умножил ошибки гуситов и доказывал их правоту лживыми знаменами и чудесами; со своими последователями он опустошает края и страну и совершает неслыханные в веках злодеяния над католиками; перед ним, как рассказывают, *не только простые подданные и крестьяне, но и благородные преклоняют колена*»² (курсив мой.—И. М.). Оставим в стороне нарисованный автором портрет Прокопа и обратим внимание на то,

что в представлении анонимного автора Прокоп опирался на подданных и крестьян; что касается высокорожденных, то те склоняли перед ним колена постольку, поскольку бывали к этому принуждены.

Читатель, без сомнения, заметил, что все источники, рассмотренные нами до сих пор, свидетельствовали по большей части о классовой *борьбе* таборитов, говорили о социальном происхождении *сражающихся* таборитов. Уже на основании одного этого факта можно было бы сделать вывод, что эти источники позволяют нам понять классовую структуру таборитских войск. Ведь уже со времен Жижки «община, трудящаяся на поле брани», стала вооруженной рукой Табора¹, регулярной армией, сражающейся с противниками «божьей правды». Таким образом, Табор разделился на общину домашнюю (то есть городской союз, братство) и общину полевую (то есть военную общину), причем обе эти части объединяла единая цель и единое управление. Рассмотренные до сих пор источники дают нам право утверждать, что именно в войсках сосредоточились наиболее эксплуатируемые слои населения, то есть городская и сельская беднота.

Но к тем источникам, которые мы рассматривали, можно добавить еще и другие, непосредственно говорящие о таборитских войсках и их социальном составе. Это необходимо сделать, так как до сих пор в литературе не было единого мнения о классовом характере полевых таборитских общин. Так, Р. Урбанек, который весьма подробно исследовал вопрос о таборитских войсках, коснулся также и вопроса об их социальном составе и пришел к заключению, что «в сущности своей полевые общины таборитов до самого конца имели вид и характер крестьянского войска»². Курт Конрад, напротив, считал утверждение Урбанека недостаточно обоснованным, цитаты, приведенные Урбанеком, его не убедили. Он считал, что войска Табора следует скорее рассматривать как войско горожан³. С Конрадом можно согласиться лишь в том, что в войсках табори-

¹ Listář Oldřicha z Rožmberka, I, str. 94.

² Anonymi investiva contra Hussitas; K. Höfler, Scriptores, I, str. 631. Чешский перевод см. J. Пекář, Žizka, II, str. 84, там же, на стр. 83—85 и 234—235 устанавливается время его написания и дается его анализ. Ввиду того, что аноним содержит богатую коллекцию брани, лжи и клеветы против гуситов, Пекарж переоценивает его значение.

¹ См. наиболее позднее и подробное исследование у Урбанека (R. Urbanek, Lipany a konec polnich vojsk, Praha, 1934, str. 48 n.); автор посвятил вопросу о войсках таборитов целую главу. Во многом я соглашаюсь с Урбанеком; свои возражения я приведу далее.

² R. Urbanek, op. cit., str. 71.

³ K. Conrad, Svoboda a zbraně, str. 97.

тов действительно были и «люди из городов»¹. Но это, конечно, не значит, что то были бюргеры. Приведенные выше сведения о посылке подкрепления таборитскому войску из Червене Ржечице весьма наглядно показали, что в войска таборитов шла из городов главным образом беднота. Мы не располагаем данными об остальных городах и местечках и вынуждены оперировать лишь скудными и случайными упоминаниями. Однако все рассмотренные нами материалы подтверждают, что войска таборитов по своему социальному составу представляли собой объединенные силы городской и сельской бедноты.

Когда в 1429 году начались переговоры между гуситами и королем Сигизмундом в Братиславе, вместе с Прокопом Голым против «рыжей бестии» выступал и английский магистр, живший в Чехии, защитник «сирот» Петр Пейн (Petr Paup), по прозванию Энглиш. В сильной и взволнованной речи, отважно произнесенной перед «цветом» тогдашнего феодального общества, перед лицом самого Сигизмунда, магистр Пейн объяснил, почему королевские армии терпят непрестанные поражения. «Взгляни!—воскликнул магистр Энглиш.—Когда ты был с богом, ты побеждал язычников (вероятнее всего, турок.—И. М.), теперь же, отвернувшись от бога, терпишь поражения от крестьян. А ведь это, король, вещь удивительная и неслыханная! Не странно ли тебе, что твои войска, гораздо более многочисленные и лучше вооруженные, были столько раз побеждены и разбиты, что они бегут перед *малочисленными войсками крестьянскими?*..»² Таким образом, и Петра Пейна следует причислить к тем, кто считал войско таборитов главным образом крестьянским войском. И если мы даже не будем настаивать на буквальном переводе слова *gusticus*—деревенский, сельский, то нам придется все же признать, что в данном контексте слово *gusticus* обозначало лиц, стоявших на низшей ступени общественной лестницы. Польский летописец Длугош записал известие о победоносной для гуситов битве под Таховым, когда «божьи воины» под командованием Прокопа Большого разбили армию крестоносцев. При этом летописец упомянул и об особом характере войск Прокопа. По словам Длугоша, Прокоп победил, «собрал такое большое войско, какое только мог собрать,

причем в войске том большую часть составляли крестьяне»¹ (курсив мой.—И. М.). То же мнение относительно классового характера войск таборитов высказывал и Прокоп из Пльзена², один из консервативных университетских магистров. Он говорил о войсках таборитов с презрением потому, что в них сосредоточились «подонки» тогдашнего общества! «Весьма умножилось количество кровожадных банд из людей *низкорожденных и подчиненных*, стремящихся к разбою, выступавших под именем братьев таборитских»³ (курсив мой.—И. М.).

Однако лучше всего подлинный характер таборитских войск показывает нам проект, внесенный в 1433 году в чешский панский сейм Иоанном Паломаром, представителем Базельского собора. Иоанн Паломар предложил тогда сейму добиться соглашения между панством и Прокопом Голым и положить предел всем раздорам, нарушающим мир и спокойствие. «И пусть будет для людей, которые сейчас находятся в боевых лагерях, создана возможность расселиться по городам либо получить обеспечение каким-либо иным образом, ибо в противном случае мир не может быть сохранен, а условие соглашения выполненным. Если это не сделать, то люди в поисках средств к существованию беспокоили бы жителей королевства или соседние области, а если бы это произошло, то это стало бы поводом для нарушения мира и условий соглашения»⁴ (курсив мой.—И. М.). Мы знаем, что проект Паломара, направленный к мирному решению вопроса, не был принят, да и сам Паломар впоследствии советовал панам вырезать «язву» гусизма пламенным мечом липанским...

Дополнив предыдущие сведения о классовом характере военных общин таборитов свидетельствами Петра Пейна, магистра Прокопа из Пльзена и Иоанна Паломара, мы добились более полного решения данного вопроса. Можно еще раз повторить, что полевые общины таборитов в подавляющем большинстве состояли из городской и сельской бедноты и что, следовательно,—и в этом мы еще будем иметь воз-

¹ Długosz, IV, str. 352: «collecto, quo fortiori valebant, exercitu, in quo maior pars agrestium fuerat».

² См. о нем монографию Jaroslav Prokeš, M. Prokop z Plzně. Příspěvek k vývoji konservativní strany husitské, Praha, 1927.

³ Procopii de Plzna, De malo regimine et abominacionibus in Bohemia, ed. Sedlák, Studie a texty, III, str. 127.

⁴ MC, I, str. 460 (Carlerius).

¹ См. стр. 491, цитата из «Staré letopisy».

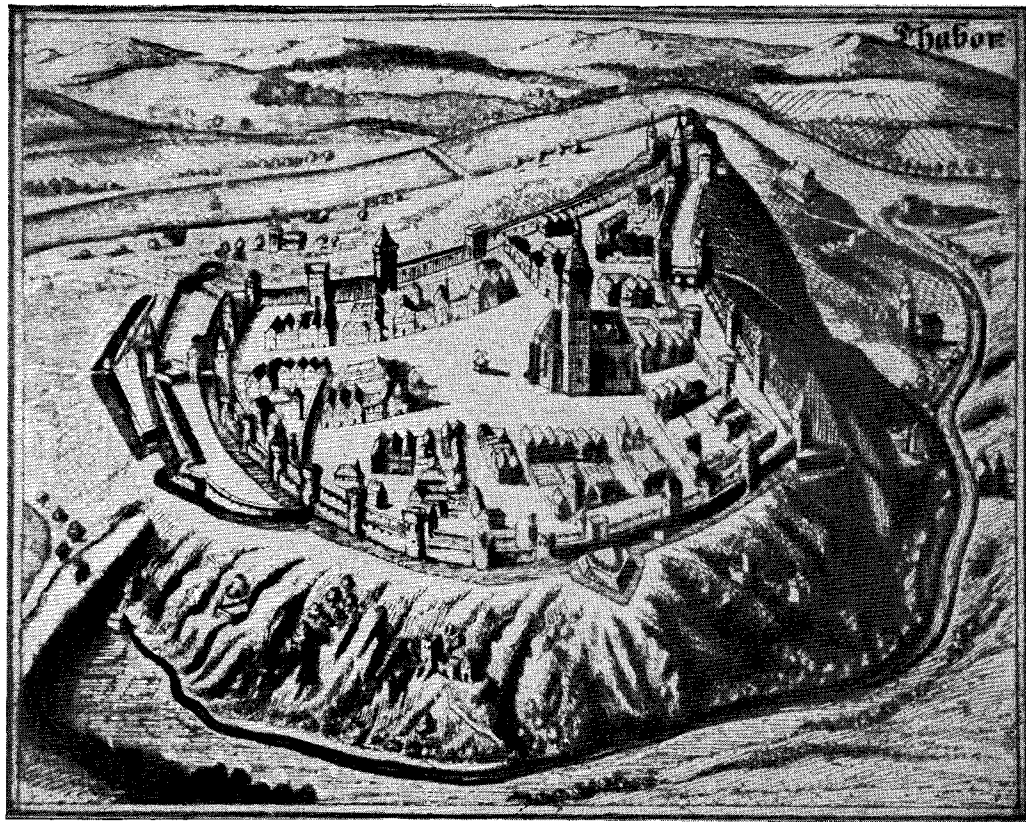
² См. Ф. М. Bartoš, Tábor, 1949, str. 88.

возможность убедиться, — классовые интересы бедноты проявлялись здесь наиболее резко. Следует, однако, подчеркнуть, что во главе таборитских войск стояли не бедняки, а мелкие дворяне. В качестве примера я остановлюсь на социальном происхождении гетманов и начальников таборитских войск, пользуясь при этом данными Томана¹. Все они, начиная с Микулаша из Гуси, Яна Жижки из Троцнова, Хвала из Маховиц и Збынька из Бухова, были в большинстве случаев представителями мелкого дворянства. Беднота была лишь *движущей силой*, но ни в коем случае не гегемоном. Ведущей силой, организаторами были обедневшие рыцари, мелкое дворянство, живущее за счет войны, а также некоторые паны и бюргеры, которые, естественно, включали в программу борьбы собственные классовые требования. Однако наличие и численное превосходство революционного элемента в армии неизбежно накладывали свой отпечаток на ее политику, которая неуклонно ставила целью полное осуществление всех четырех статей.

О наличии в войсках таборитов горожан и дворян, кроме уже приводимых источников, нам сообщает и Микулаш Бискупец. Интересно, однако, что, по мнению таборского епископа, богатый горожанин или дворянин и вообще богач всегда представлял опасность, так как мог оказаться изменником. Мы уже знакомы с выразительным сравнением Бискупца, который говорил, что разбогатевшие таборские горожане подобны полным сосудам, издающим при прикосновении к ним лишь слабый звук. И в других местах его постиллы он жалуется на жадность горожан в таборитских войсках: горожане, служащие в них, чересчур дорожат имуществом, целью их стало обогащение. Бискупца глубоко волнует упадок боевого духа гуситских войск, причем корень зла он видит исключительно в чувстве собственности. Чем больше имеет человек, тем ненасытнее он жаждет новых богатств. «Да остерегутся наши новые христиане, воюющие за закон господень, от грабежа невинных, ибо, грабя имущество верных, они себя ставят на одну доску с собственными противниками...²» К таким предостережениям вынужден был прибегать таборский епископ, стремившийся призвать за-

¹ Н. Т о м а н, *Husitské válečnictví za doby Žižkovy a Prokopu*, Praha, 1898, str. 148. Он составил таблицу: «Гетманы войска таборитских братьев».

² Б и с к у п е ц, Postila, ed. F. M. B a r t o š, ČSPSČ, XXIX, str. 114.

Вид на Табор в 1712 году (из Городского музея в Таборе).

житочных людей в таборитские войска к борьбе за божью правду, к отказу от всякого рода корыстных побуждений. Он посвятил этой жгучей проблеме целые абзацы и непрерывно возвращался к вопросу о богатстве и о тех пороках, которые порождает жажда накопления имущества. Бискупец открыто клеймил позором некогда бедных, а затем разбогатевших горожан, которые повинуются не голосу разума и сердца, но лишь жажде накопления богатств. «Наши войска переполнены людьми, лишь притворяющимися верными, они кощунственно называют себя верными, заявляя: «Я верный, я верный!» И это они говорят, когда готовятся справедливо и несправедливо что-нибудь забрать в кладовых и жилищах... И многие из них не стали бы воевать, если бы не надеялись на богатую военную добычу. О, мы теперь знаем, что многие, пока они были бедны, никогда или очень редко стремились отдыхать дома, в городах, и все говорили: «Я никогда не пропущу боя, всегда буду в походе». Но только они наполнили золотом кошель свои, мешки и ранцы, они сразу же, при первой возможности, начинают избегать войска, отлынивают, мало постятся или вовсе не соблюдают посты, начинают посещать пиры, напиваются, одеваются в пышные одежды, женятся, становятся чревоугодниками и жиреют»¹. Так же судил Бискупец и о дворянах, чья служба в таборитских войсках, плечом к плечу с «божьими воинами», часто тоже диктовалась стремлением захватить побольше имущества: «Воины антихристовы частью присоединяются к нам, поскольку они могли укрыться в городах и замках... Пока военное счастье улыбается таборитам, эти люди, исполненные безмерного притворства, идут с нами, но в час неудачи они предают таборитов и воюют против них... И виною этому—великая жадность, ибо ради благ земных, ради того, чтобы не утратить их, верят они в то, во что от них требуют верить... Во времена побед многие присоединяются к войскам, при неудачах они прячутся в свои норы...»² Нет сомнений в том, что Бискупец прекрасно понимал истинные цели части бюргерства и дворянства!

В следующих главах, когда мы будем рассматривать биографии некоторых дворян, выступавших на стороне Табора, мы увидим, что недоверие Бискупца было порождено

¹ B i s c u p e c, Postila, ed. F. M. B a r t o š, ČSPSČ, XXIX, str. 113.

² B i s c u p e c, op. cit., str. 113.

не пессимизмом проповедника, а реальной действительностью.

К тому же и анонимное стихотворение «Вацлав, Гавел и Табор» представляет нам «союзников» таборитских войск в превосходно написанном карикатурном образе нейтрального лица—Вртоха, который в дискуссии между католиком Вацлавом и таборитом все время ищет компромиссное решение, хочет остаться в добрых отношениях с каждым из них и угодить обоим. Даже у католика Вацлава, несмотря на то, что он старается привлечь Вртоха на свою сторону, лопаются терпение, и он бросает ему в лицо:

Напрасно ты, Вртох, со мной хитрить намерен.
Ни богу ты, ни добродетели не верен.
Ты к таборитам льнешь, чтоб с ними грабить вместе,
Ко мне, чтобы властей избегнуть мести,
Церквей казна тебя своим манит сиянием,
Но трусишь ты перед грозящим наказанием¹.

Как видно, неизвестный стихотворец также признавал, что перспектива приобрести или сохранить имущество, как правило, удерживала часть дворян и бюргеров в войсках таборитов. В этой связи следует подчеркнуть, что обвинения в стремлении разбогатеть не могли касаться бедноты. Впрочем, сам Бискупец ясно указал, где нужно искать выскочек-богачей, карьеристов и изменников в борьбе «за божьи истины»—*в городах и в замках*. Горожане, «обремененные» земными благами, и владельцы замков, собственники крепостных деревень, имели все основания опасаться—в особенности в тех случаях, когда соседями их были табориты,—что в один прекрасный день таборитские войска подожгут их дом, уничтожат урожай или угонят скот. Поэтому для многих из них наиболее простым выходом было присоединение к таборитам. Ведь во главе Табора и его войск стояли такие же горожане или дворяне, как и они сами! Союз с таборитскими войсками и участие в их операциях могли быть лишь выгодны таким людям. Однако ни одна из этих перспектив не открывалась перед беднотой, служившей в войсках Табора. Неимущий батрак, дворовый, обедневший ремесленник—все они могли найти в войсках только скудное пропитание, добрую военную добычу или героическую

¹ V á c l a v, Havel a T á b o r, Výbor II, str. 298.

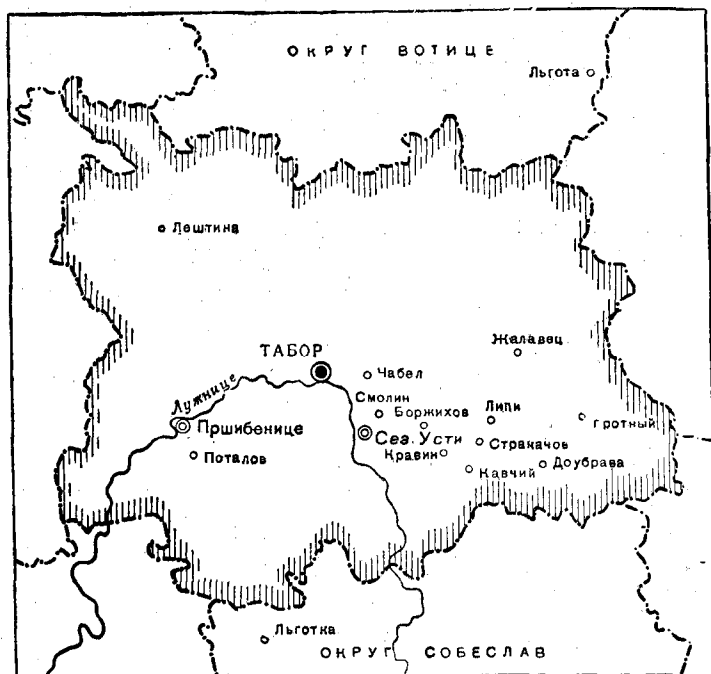
смерть. Имена, крепостные деревни, замки, крепости, городские дома—все это было слишком крупным куском, урвать его не могли бедняки, которые еще недавно голодали. И хотя беднота составляла большинство в войсках, руководство и командование находились в руках мелких дворян и бюргеров, а те умели ловко завуалировать свои классовые интересы, выдавая их за общие.

Итак, занимаясь вопросом социальной структуры таборитских военных общин, мы установили, что подавляющее большинство в них составляла беднота. В связи с войсками таборитов источники упоминают также бюргерство и дворянство, но классовый характер полевых войск ясен—то была армия бедноты. Если же и говорится о дворянстве или бюргерстве в таборитских войсках, то речь идет исключительно о вождях или организаторах, или о людях, предавших правое дело таборитов, дело классовой борьбы. Но все это справедливо лишь для войск. Судя по данным источников частного характера, в 30-х и 40-х годах XV века в самом Таборе бюргерство численно уже значительно превосходило бедноту. И в этом вопросе сведения, полученные нами из источников частного характера, совпадают с теми выводами, к которым мы пришли в результате изучения таборской городской книги.

Общеизвестно, что после Липан борьба таборитов продолжалась недолго. Уже в 1436 году были сделаны первые шаги к примирению между императором Сигизмундом и городом Табором, а 25 января 1437 года¹ Сигизмунд даровал жителям Табора большие привилегии. Это был ряд юридических актов, которые привели к укреплению города в правовом отношении. «Затем властью своею разрешаю, возобновляю и подтверждаю рынки и ярмарки, которые проводятся ныне, когда дана грамота сия, пусть проводятся в те дни и в то время, к коему уже привыкли сами и коими пользуются иногда и горожане в Усти Сезимове...» Следовательно, Сигизмунд заботился о расцвете таборского городского хозяйства, ремесла и торговли, и обеспечил им защиту. Пропасть между Табором—центром революционного движения 20-х годов и Табором после Липан была настолько глубока, что даже изображение чаши было устранено с герба Табора, и на ее месте появился «черный двуглавый орел». Мы не поняли бы этого на первый взгляд резкого поворота,

¹ Codex iuris munic., III, str. 167, č. 102.

если бы не знали всего социального развития Табора начиная от его основания в 1420 году. Мы тщетно искали бы объяснения в политических или в религиозных программах таборитских вождей. Только тот установленный точно факт,

VIII. Деревни и усадьбы, покинутые в связи с возникновением Табора.

что в 30-х годах Табор был уже целиком в руках бюргерства, позволяет нам правильно понять причину этого переворота. Таборская городская книга уже совершенно ясно осветила облик бюргерского Табора, и значительные привилегии, дарованные ему Сигизмундом, являются уже необходимым условием его существования. Эти же привилегии встречаются и в переписке между Ольдржихом из Рожмберка и Табором в 40-х годах, то есть в период ссор и открытой вражды между ними.

Попытки примирить Ольдржиха из Рожмберка с Табором, предпринятые после Липан, оказались напрасными.

Феодал, который в недавнем прошлом был вынужден отдать часть своих земель Табору, феодал, ревниво оберегавший свои экономические привилегии, не мог быть добрым соседом городу, возвысившемуся благодаря доходам от своих крепостных деревень и благодаря расцвету ремесел и торговли с Австрией. Торговые пути, ведущие к Табору, проходили через владения Рожмберков, и это создавало условия для столкновений; искры могли легко воспламенить сухой трут и разжечь пожар взаимных нападений, схваток и битв. И в самом деле, в 40-х годах XV века не прекращались мелкие и крупные столкновения таборских вооруженных конвоиров и возчиков с рожмберкскими холопами. При такого рода стычках Ольдржих Рожмберк не колеблясь призывал на помощь соседних австрийских дворян, немцев. Впрочем, жители Табора высказали ему все, что они думают о чешском пане, который призывает в страну иноземцев, немецких феодалов, для помощи против чешского города. Ольдржих ответил Табору письмом от 19 января 1443 года: «Ибо вы сами понимаете,—писал он,—ежели бы вы немцев оставили в покое, и они бы ваших людей не трогали, и нам кажется, что ежели бы вы, получив милость императорскую (то есть привилегии, дарованные императором Сигизмундом.—И. М.), помнили о ней да занимались бы своею торговлей, было бы вам надолго хорошо; ибо если некоторым из вас война сия выгодна, то есть много ваших людей, коим она причиняет вред, ибо они не могут из-за войны вести свою торговлю...»¹ (курсив мой.—И. М.). Жители Табора ответили на третий же день и также упоминали о привилегии, полученной ими от императора Сигизмунда: «Не тайна для всей страны, что когда славной памяти император прибыл в страну нашу, он примирил нас с землями соседними; и то знают многие добрые люди сих земель, что мы хотели бы этот мир сохранить и заниматься своею торговлей»² (курсив мой.—И. М.).

Я привел выдержки из этой переписки, оставив в этих цитатах все превходящие обстоятельства, чтобы еще раз подтвердить бюргерский характер Табора после Липан. Особенно ценно признание таборских бюргеров о причинах,

¹ АС, I, str. 379.

² Там же, стр. 380. Термин «торговля» в обоих указаниях означает торговлю не только в нынешнем смысле слова, но и в более широком: он означал вообще ремесленную и торговую деятельность, занятие (см., например, F. Š i m e k, Slovníček staré češtiny, Praha, 1947).

побудивших их заключить соглашение с Сигизмундом. Они совершенно открыто говорят, что хотели мира и покоя, чтобы «заниматься своей торговлей». Итак, классовые интересы, определяемые экономической структурой развивающегося города, диктовали и его политику. Совершенно ясно, что для спокойного и успешного развития ремесла и торговли классовая борьба гуситов была препятствием. Ведь и производство и торговля идут лучше, когда с улиц и дорог исчезает вооруженная «чернь». В таком случае—прочь воспоминания о борьбе за «божью правду», оставьте в покое наши мастерские и лавчонки! Сосуды наполнились—они «под ударом молчат, никак не отзываются». И новые документы подтверждают, что Табор после Липан полностью перешел в руки горожан, живущих ремеслом и торговлей.

В 1425—1426 годах Микулаш Бискупец с тревогой и опасениями наблюдал укрепление и обогащение таборских горожан, связывая эти процессы с военными неудачами. К этой же проблеме вернулся в 1434 году неизвестный священник, а также один таборский горожанин Шимон-кузнец, который высказался в том же духе. В конце 1434 года на сейме в Таборе, когда шли споры о причинах поражения у Липан, выступил некий священник, имя которого осталось неизвестным, и сказал: «Из-за вашего великого богатства (*super fluetates*) и из-за вашего непослушания... допустил господь бог такие вещи, допустил, чтобы враги разбили нас»¹. И снова, подобно тому, как это делал Бискупец в 1425—1426 годах, этот безымянный священник упоминал, что в ряды сражающихся таборитов втерлись корыстолюбивые карьеристы, использующие справедливую борьбу таборитов лишь для собственного обогащения. И за это их постигла кара божия. «Однако, братья возлюбленные, не отчаивайтесь оттого, что вас постиг суд божий; ведь вы знаете, как во времена брата Жижки, скромно *начав с малых и простых* (*parvulorum et humilium*), мы вместе с остальными братьями достигли власти великой. И всем окружающим землям показали свою силу и владели ими, более того, принуждали их платить нам дань и подчинили их...» Следовательно, этот священник прямо и резко противопоставил Табор «малых

¹ МС, I, стр. 529 п. Члены собора получили сообщения об этих выступлениях от Ольдржиха из Рожмберка. Это новое свидетельство того, насколько тесно было сотрудничество между отечественной и заграничной реакцией.

и простых», Табор бедноты, Табору липанского периода, Табору богатых.

Подобным образом высказался на том же сейме и другой таборский житель, Шимон-кузнец. Он согласился со священником и заявил, что также считает обогащение причиной неудач и падения Табора: «Однако то, что ты нам советуешь—снова двинуться в поход, это трудно нам, ибо община (*communitas*) от нас отошла и в первую очередь люди крепостные (*homines laboriosi* или, может быть, в дословном переводе—трудящаяся беднота?—И. М.), так как мы слишком обременили их податями, а мелкие дворяне, кормящиеся войной (*militares*), которые присоединились к нам, надеясь получить от нас дары и свободу (*libertatem*), и они отошли от нас... Посему мы оттолкнули от себя почти все это дворянство, с помощью которого вели войну, и оттолкнули от себя подданных людей, которых было много в нашем стане и которых мы могли использовать, как хотели»¹. Согласно этой пессимистической точке зрения, порожденной недавним трагическим поражением, причина прошлых и настоящих неудач заключалась в том, что от Табора отошли народные массы, городская и сельская беднота (*homines laboriosi, communitas*). Одновременно с этим Шимон обрадывает внимание и на отход низшего дворянства, бывшего до тех пор союзником Табора. Интересно, что и Шимон-куз-

¹ МС, I, стр. 530—533. Очень трудно перевести и истолковать точно латинские выражения, использованные в переводе слов Шимона. Следует принять во внимание, что первоначально для собора был сделан перевод с чешского языка и что с этого перевода мы теперь снова вынуждены переводить обратно. Так, например, слово «*communitas*», что это, община ли в городе Табор или община в более широком смысле слова? И далее—«*homines laboriosi*» я перевожу согласно с Пекаржем (*P e k a ř, Žižka, I, str. 281*) «люди крепостные». Но, конечно, возможно, что выражение это имеет в виду и городскую бедноту, работающую по найму, ибо трудно понять, почему в переводе не употреблено слово «*villane*», «*rustici*», «*subditi*» и т. п.? Еще более затруднительно толкование термина «*militares*». Опять-таки в согласии с Пекаржем (*P e k a ř, Žižka, I, str. 281*) я перевожу его как «мелкие дворяне, кормящиеся войной», но отдаю себе отчет в том, что и это выражение могло иметь более широкое значение, что оно могло охватывать вообще воинов, членов войск. Почему бы иначе в связи с «*militares*» надо было говорить о возможностях («*sperantes, libertatem, haberes*»)? Поэтому нельзя толковать эту цитату односторонне. Единственное, что вытекает из нее, совершенно недвусмысленно, это то, что широкие народные массы перестали считать борьбу таборитов своим делом и отошли от нее.

нец видел причину нарушения союза в том, что корыстные надежды дворянства не оправдались.

Приведенные высказывания жителей Табора периода, последующего за Липанами, объединяет то, что оба они видят разницу между начальным и современным им Табором, и подчеркивают это различие. Но это—не обычные реминесценции о старом добром времени. Мы видим, что их анализ положения в Таборе полностью соответствует нашим выводам.

Столь же резко противопоставлял ранний Табор и Табор после Липан и Эней Сильвий Пикколомини—свидетель, с книгой которого «Чешская история» мы встречались выше. Здесь следует обратить внимание на сведения Энея о Таборе, записанные им в 1451 году, когда он останавливался здесь по дороге в Бенешов¹.

Из письма Энея мы узнаем о Таборе и о его социальной структуре лишь в самом конце интересующего нас периода. И если не все утверждения этого тонкого писателя можно принимать за чистую монету, то все же нужно, при критическом подходе, использовать данные им сведения. Немецкий король Фридрих III поручил Энею переговоры с чешскими гуситами, главным образом—с правителем королевства Иржи Подебрадом, по вопросу об избрании на чешский престол несовершеннолетнего Ладислава Погробка*. Весной 1451 года, в пору ранних гроз и холодных ливней, весьма неприятных изнеженному итальянцу, императорские придворные в сопровождении чешских панов из Индржихова Градца двигались к Праге. По дороге им пришлось заночевать в Таборе, где жители встретили высоких гостей с большим почетом.

Большая толпа таборитов вышла им навстречу для приветствия. «Из них некоторые были наги или одеты в одни куртки, иные же были в шубах». Эней сразу обратил внимание на резкое различие в одежде таборитов. И в дальнейшем рассказ о Таборе, который был, по описанию Энея, прекрасно укреплен мощными стенами и остроумно расположенными бастионами, резко проявлялся контраст между богатыми и бедными. «Табориты хотели жить по обычаям первоначальной церкви, и все у них было общее; они называли друг друга

¹ Описание Табора содержится в письме Энея Сильвия к кардиналу Карваялу (*Fontes rerum austriacarum*, 68, ed., Wolkan, str. 23 n.).

* Погробек—ребенок, родившийся после смерти отца. Ладислав—сын умершего короля Альбрехта Баварского.—Прим. ред.

братьями, и если у одного человека чего-нибудь не хватало, то другой делился с ним необходимым. Ныне же каждый живет лишь для себя; один мыкает горе, другой блаженствует в сытости. Кратким было усердие в добродетели, кратким было уподобление апостольской церкви». Здесь прямо изображено противоречивое развитие Табора, некогда сообщества бедняков, обобществивших свое имущество, теперь—обычный город, для которого характерна глубокая пропасть, отделяющая бедных от богатых. Далее Эней, естественно, снова напоминает читателю, что призывы таборитов вернуться к церкви христовой были всего лишь лицемерием, ибо, по его мнению, действительной целью таборитов было разорить имущих. Да в ином свете представитель правящего класса и не мог видеть попытки бедноты. Очень интересно, однако, что опять-таки именно стремление обогатиться, жадность к имуществу, к богатству были, по мнению Энея, причинами падения системы обобществленного имущества в Таборе. Некогда бедные, малоимущие, мелкие люди стали ныне богачами, ремесленниками, купцами. Ослабленные войной табориты не могут уже при помощи военных набегов захватывать имущество, но все же они жаждут обогащения, «стремятся к прибылям от торговли и к грязным заработкам».

Если бы сведения, предоставляемые нам Энеем, были единственными, что мы знали бы о положении в Таборе 1451 года, можно было бы еще думать, что в этих местах его труда художник оттеснил зоркого наблюдателя. Но сравнение с другими источниками показывает, что Эней увидел истинную социальную структуру Табора 1451 года. Различие между ранним Табором бедняков и позднейшим Табором разбогатевших горожан, различие, которое неустанно подчеркивал Эней, не было поэтическим вымыслом,—это была действительность. В другом месте своей рукописи Эней задает вопрос—почему жители Табора утратили желание бороться. И снова он связывает перерождение революционного центра в мирный и богатый город с развитием в Таборе ремесла и торговли. «В городе примерно 4000 мужей, которые в состоянии владеть мечом, но они превратились в ремесленников, стремящихся прокормиться выделкой шерсти и полотна, и теперь их нельзя уже считать пригодными к бою». И в этом вопросе точка зрения Энея ни в чем не отличается от мнений его предшественников, совпадает она и с выводами, к которым мы пришли в результате анализа официальных документов.

Рост и укрепление ремесла и торговли в Таборе сопровождалось не только постепенным вытеснением революционных элементов, но и забвением революционных методов.

Здесь следует привести еще одно замечание Энея. На конкретном примере он объясняет нам, в чем причина стремления к возврату в лоно церкви и феодализма, в чем причина открытой измены, в результате которой в 1452 году бывшая твердыня революции была без колебания предана в руки крупнейшего пана и правителя страны, Иржи из Подебрад. Это сделали богатые горожане, готовые к смиренной покорности и к измене; их удерживал только страх лишиться имущества. Те самые горожане, которые уничтожили существовавшую в Таборе общность имуществ, в 1451 году были готовы уже и de jure поставить свой процветающий город в один ряд с другими королевскими городами. Эней знакомит нас с одним из таких жителей Табора: «Когда я заночевал в Таборе и от хозяина моего все, что здесь написано, узнал по правде, я предложил этому человеку отречься от подобной ереси. Он не был непреклонным и не отверг мои речи, в подвале он хранил изображение св. девы Марии и Христа Спасителя, которые тайно чтит. Я верю, что он, если бы не боялся потерять имущество, ибо он был богат, публично отречься бы от этой ереси; но многие предпочитают погубить душу, чем имущество, и готовы погибнуть ради денег...»

* * *

Отзвучали последние слова рассказчиков, поэтов, политиков, государственных деятелей, мыслителей и богословов, призванных дать свои показания о социальной структуре Табора в период 1420—1452 годов. Теперь пора закончить главу и подвести итог всему, что мы достигли путем разбора официальных документов и высказываний очевидцев. Я умышленно предоставил слово множеству современников, отечественных и зарубежных, и намеренно так подробно разбирал приводимые ими данные. Мне кажется, что общие выводы, в которых сходились представители столь противоположных лагерей, как, например, Эней Сильвий и Бискупец, Ондржей из Брода и Вавржинец и многие другие, гарантируют нам правдивость и верность общего вывода. О контрасте между ранним Табором, центром бедноты, и Табором—богатым королевским городом—накануне и после Липан, одинаково свидетельствуют и Эней и Би-

скупец, переписка Рожмберка и Шимон-кузнец, неизвестный священник, «Книга казней» и старейшая городская книга Табора. Изложение Вавржинца из Бржезовы, Ондржея из Брода, магистра Папоушека и других столь же отличается от изложения Бискупца и Энея Сильвия, как данные «Книги казней» от данных рихтаржского реестра. Если в первых из этих источников предметом нападок и ненависти реакционных писателей являлся Табор, населенный и управляемый беднотой, то во вторых речь идет о бюргерском Таборе. И между этими крайними точками происходило развитие города, шедшее через отстранение и вытеснение бедноты к обогащению и укреплению бюргерства.

Какова же окончательная картина социального устройства Табора в 1420—1452 годах, какие черты определились в результате сопоставления приводимых нами отрывочных сведений и данных? Во время и после основания Табора в 1420 году он стал прибежищем широких масс крестьянства. Крестьяне и главным образом деревенская беднота покидали свои деревни и уходили в Табор. Табор притягивал тех, кто подвергался наиболее жестокому угнетению, причем люди стекались сюда не только из ближайших мест, но и из других краев земли чешской—даже из Германии и Польши. В 1420 году численное превосходство в Таборе сельского населения, главным образом бедноты, представляет собой неопровержимый факт. Об этом свидетельствуют не только «Книга казней», реестр Златокорунского монастыря, реестр Тржебоньского монастыря и список заброшенных деревень, но и хроники Вавржинца из Бржезовы, Ондржея из Брода и других летописцев. К этому ядру таборского населения 1420 года следует отнести еще и большую группу городской бедноты, мелких горожан и малочисленную группу мелких дворян, которые, однако, даже в период численного превосходства бедноты занимали командные посты в качестве военных специалистов. В общем же преобладание сельской и городской бедноты, которое, естественно, должно было найти свое выражение и в политической концепции таборитов и их идеологии, было бесспорно. Но этот численный перевес бедноты не был долговечным. Уровень развития производительных сил того времени не мог еще сформировать бедноту в крепкий и единый класс. Среди бедноты находились поденщики, а также мелкие земледельцы, батраки и дворовые, подмастерья и разорившиеся ремесленники.

И именно вследствие такой классовой неопределенности беднота дифференцировалась, вернее, разделялась на две части. Одним, ухватившимся за ремесло или небольшой клочок земли, удавалось выбраться из рядов бедноты, другие же оставались в прежнем положении, имея лишь одно имущество—собственные руки. И в те времена, когда во всей стране разгоралась война за новую жизнь, когда враги «божьей правды», исконные угнетатели, сидя в своих крепких замках и монастырях провоцировали бедноту, эти руки с радостью брались за оружие. Беднота проливала кровь во имя одной цели: истребить эксплуататоров и создать лучшую жизнь. Эта часть бедноты составляла ядро войск Табора и в силу своего количества оказывала влияние на рыцарей-гетманов, заставляя их быть более радикальными. Так войска превращались в армию бедноты, пользующуюся поддержкой бюргерства и направляемую мелкими дворянами к борьбе за классовые интересы бюргерской оппозиции.

Но с другой стороны уход подавляющего большинства бедноты в полевые войска ослабил ее позиции внутри Табора. Падению власти бедноты способствовало и то обстоятельство, что части ее, особенно мелким разорившимся ремесленникам и крестьянам, удалось приобрести имущество—то ли при захвате владений соседних феодалов, то ли в самом городе, в процессе его строительства. Это пополнило ряды бюргеров, переселившихся в Табор из окрестных местечек и городов, а с численным ростом бюргерства, с ростом его состоятельности и богатства было связано окончательное поражение бедноты внутри города. 1421—1434 годы были периодом, когда постепенно, шаг за шагом—количественно и имущественно—росло и богатело бюргерство. В период Липан Табор был уже обычным королевским городом.

Такой процесс, подтверждаемый и сопоставлением «Книги казней» со старейшей таборской книгой, и свидетельствами Энея Сильвия, Бискупца, Шимона-кузнеца и самих жителей Табора, сопровождался, естественно, далеким отклонением от политической концепции и идеологии Табора 1420 года. Но все же до Липан бюргерский Табор постоянно испытывал давление слева, со стороны таборитских войск. Только после Липан чешские бюргеры свободно вздохнули, избавившись от призрака революции. Вздохнули свободно и таборские бюргеры, накопившие обширные владения вокруг города, а в своих мастерских и лавках—богатые запасы товаров, и примирившиеся с императором. Таборские

бюргеры шли путем не только чешских бюргеров того времени, но и всего бюргерства вообще. Таборское бюргерство претерпело такое же превращение, какое произошло, например, с немецким бюргерством во времена крестьянской войны в Германии, такое же превращение, какое «проделывает всякая буржуазная партия, оказавшаяся временно во главе движения и обгоняемая в ходе этого движения находящейся позади нее плебейской или пролетарской партией»¹. Классовые интересы таборского бюргерства в 1421—1452 годах вели Табор от союза с революционными массами назад, в лоно феодализма. До Липан беднота сдерживала эту политику отступления, но после Липан дорога вспять была открыта и для Табора. Анализ наших источников не допускает иных выводов.

Совершенно ту же эволюцию, что и бюргерство, проделало дворянство. Его представители, несмотря на то, что они были малочисленны, еще в 1420 году пользовались своими военными познаниями, чтобы встать во главе вооруженных отрядов. Постепенно количество таких дворян увеличивалось. Сетования на слишком большую заинтересованность дворянских союзников Табора в материальных благах показывают, в чем следует искать причину того, что этих союзников становилось все больше и больше. Ведь для них как феодалов необходимость сохранения феодальных отношений была очевидной. Ведь у них самих были батраки и крепостные крестьяне. Поэтому они вместе с таборскими бюргерами шли против бедноты. По сохранившимся документам 1432—1452 годов почти невозможно установить наличие в Таборе бедноты, которая в 1420 году безраздельно здесь господствовала. Это значит, что беднота была оттеснена, подавлена и подчинена бюргерством. Если же и встречаются упоминания о бедноте, то из них явствует, что она вернулась в положение, в каком находилась в 1419 году: в положение экономической зависимости от феодалов и бюргеров, в положение людей, эксплуатируемых и презираемых.

Таково краткое обобщение, характеризующее в общих чертах социальное устройство Табора и его развитие от 1420 до 1452 года.

Рассмотрев социальную структуру Табора, мы тем самым получили надежную базу для дальнейшего изучения

¹ Ф. Энгельс, Крестьянская война в Германии, Госполитиздат, М., 1952, стр. 39.

его истории, необходимую для того, чтобы правильно понять его юридическое, политическое и религиозное развитие. Мы видели, что с 1420 до 1452 года место действия—Градище, горы, Табор—осталось прежним. Изменились только действующие лица: на место бедноты, игравшей главную роль в 1420 году, пришли бюргеры, которые стали движущей силой истории Табора до самого 1452 года. Историк, который стал бы закрывать глаза на эту перемену, не может дать научно верную картину таборской истории.

Кроме того, на основе анализа социальной структуры Табора можно прийти к выводу о том, что история Табора тех лет разделяется следующим образом: 1420 год, стоящая обособленно, является годом наступления и развития движения таборской бедноты. Это—год подлинно революционного Табора, ведущего борьбу за полное ниспровержение старого общественного строя.

1421—1434 годы, как уже упоминалось, были периодом наступления бюргерства. Бюргерская оппозиция в Таборе (я везде употребляю этот термин для обозначения коалиции бюргерства с низшим дворянством) возглавляет политические и военные действия Табора. Классовые интересы бедноты были оттеснены на второй план, и на поверхность всплыли требования реформы общества, что совершенно согласовалось с классовыми интересами бюргерства. Но и в этот период беднота все еще была движущей силой революционного движения. Сосредоточенная в таборитских войсках, она делала невозможным союз новых таборских богачей с феодалами. 1421—1434 годы были периодом бюргерского Табора, сохранившего союз с широкими народными массами. Коротко этот период можно назвать периодом бюргерской республики, существовавшей в феодальном обществе.

Напротив, заключительный период—от 1434 до 1452 года—характеризуется безраздельным господством бюргерства, уже целиком отошедшего от бедноты, отставившего свои классовые интересы и заключившего союз с феодалами. Теперь это уже не городская республика—это богатеет и становится все более могущественным королевский город. И добровольное вступление Табора в 1452 году в рыцарско-городской союз Иржи из Подебрад является подлинным завершением 30-летнего внутреннего развития города.

Нет нужды упоминать о том, что подобное внутреннее расчленение истории Табора не является лишь узко локальным вопросом. На протяжении всей этой главы мы, правда, рас-

считывали внутреннюю историю одного и притом еще только возникающего города, но мы ни на минуту не должны забывать, что этот город был составной частью, а позднее—и центром всего гуситского революционного движения. И то, что мы ставим этот центр революционной бедноты, каким был Табор в 1420 году, и затем городскую республику 1421—1434 года, на крайнее, левое крыло гуситства, является лишь логическим следствием анализа социальной структуры Табора. Мы делаем это не потому, что в Таборе были радикалы, священники и горожане, а прежде всего потому, что в Таборе и вокруг него сосредоточивались представители наиболее эксплуатируемых слоев, простые труженики сел и городов. И вопросы организации повседневной жизни таборитов, их взгляды на политические и религиозные проблемы неизбежно должны были быть самыми радикальными. Левое крыло гуситства, и в первую очередь беднота, опирается на Табор и погибает вместе с ним.

Во второй части мы постараемся показать, что внутреннее расчленение истории Табора можно перенести на историю всего гуситского революционного движения. Так, вопрос истории собственно Табора становится общенациональным вопросом истории гуситского революционного движения.

С основанием Табора в 1420 году эксплуатируемые слои в чешских деревнях и городах получили твердую опору. Город поспешно укреплялся и становился центром, из которого по всей стране разлетались революционные призывы. Поднявшись на борьбу, беднота сделала попытку осуществить недостижимый идеал—бесклассовое общество. В тот час, когда страна покрыта дымящимися руинами замков и монастырей, взоры бедноты с надеждой и нетерпением устремляются выше и дальше—в будущее.

Беднота думает уже не только о реформе старого, феодального общества—она мечтает об уничтожении всякой эксплуатации, о построении на обломках старого мира новой, лучшей жизни. Дни и месяцы, протекшие после основания Табора, были периодом, когда решался вопрос—осуществятся ли надежды и справедливые требования бедноты.

ПРИЛОЖЕНИЕ I

СПИСОК ДЕРЕВЕНЬ И ГОРОДОВ, ЖИТЕЛИ КОТОРЫХ УШЛИ В ТАБОР ИЛИ ПОДДЕРЖИВАЛИ ТАБОРИТОВ.

(на основании данных «Книги казней» панов из Рожмберка)

В настоящем списке приведены в алфавитном порядке названия мест, откуда происходили сторонники таборитов, подвергшиеся допросам в застенках Рожмберков. Кроме того, даны имена проживавших в них людей, которые—как это записано в «Книге казней» панов из Рожмберка—бежали на Табор, сражались на стороне таборитов или поддерживали их.

Этот список был положен в основу при составлении карт IV и V, на которых графически изображены приведенные здесь данные. Названия населенных пунктов и имена их жителей можно проверить непосредственно по «Книге казней» панов из Рожмберка, в одном из списков которой имена людей перечисляются вслед за названиями населенных пунктов, из которых они происходят. Мареш, однако, ограничился тем, что лишь списал названия деревень, не определяя точно округа, в которых они находились. Я попытался его точно установить. В большинстве случаев мои старания увенчались успехом. Точное определение местоположения деревень стало возможным благодаря имеющейся по этому вопросу богатой литературе, напр. K u b i ě k, Správa klášterního velkostatku «Zlaté koruny» do válek husitských (První výroč. zpráva kníž. arcib. gymnasia, 1913—1914, Dejvice); J. K a d l e c, Dějiny Zlaté koruny, Praha, 1949; J. K a d l e c, Zaniklé osady na území bývalého kláštera svatokorunského, ČSPSČ, 1949, str. 52 n.; R. C i k h a r t, Zašlé vesnice na Tábořsku, ČSPSČ, 28, str. 17; R. C i k h a r t, Historický popis Tábořska, Tábor, 1922; S c h m i d t, Die Ortsnamen im südlichen u. südwestlichen Böhmen (MVGDB, 47, s. 145 f.; 294 f., MVGDB, 48, s. 149 f., MVGDB, 49, s. 233 f.; S e d l á ě k, Mistopisný slovník; P a l a c k ý, Popis, Sládkův—Ortův).

Необходимо было определить местоположение тех деревень, название которых встречалось в нескольких округах. В таких случаях местоположение деревни определяется по тому, в какой группе названий она упоминается. При этом я исходил из предположения, что при допросах люди касались в своих показаниях одной определенной деревни и ее окрестностей. В спорных случаях я решил относить эти упоминания к деревням, которые находились ближе к Прахатицам и Табору (напр., Бржези). Совершенно приблизительно нанесены на карты «деревни около Звикова» и «село около Будеёвиц», в отношении которых невозможно более точное определение.

В сущности, основная задача этого списка—отразить количество деревень. Для нас имеет решающее значение не их местоположение, а количество; имена иностранцев я привожу здесь также лишь для того, чтобы создать общую картину.

1. <i>Бателов</i> (окр. Тржешть)
Михаил из Бателова	Шкрабачек, корчмарь
2. <i>Баворов</i> (окр. Водняны)
Индра
Гзель
Филипец
Алеш	10. <i>Брло</i> (окр. Ческий Крум-
лов)
Вацлав Патка
3. <i>Баворовице</i> (окр. Ческе Бу-
деёвице)
Пешл
Якл
Фенцл famulus Pescatores
Ула
Хуора
Павр Андрлов из Баворовиц,
батрак	11. <i>Бржези</i> (окр. Ческе Бу-
деёвице)
Ципин
Тешик
4. <i>Бениковице</i> (окр. Ческий
Крумлов)
Пехата	12. <i>Бржезовик</i> (окр. Ческий
Крумлов)
Гарант
Томан
Три сына Пешечка
Вацлав Гольный или Грбек,
мельник
Петр Гольный
Якуб Пазда
Сламенец
Тома Мэйхар
Ира
5. <i>Безеровице</i> (окр. Тын на
Влтаве)
Микулашек	13. <i>Ческе Будеёвице</i>
Линхарт Немец
Линхарт, батрацкий сын из
Будеёвиц (батрак)
6. <i>Белеч</i> (окр. Прахатице)
Барта из Бельча, пастух	Линдл
Мартин Кожелух
Мартин
Павел Кожелух
Маржик
Petrus famulus Fenczlini de
Budweis
Гашек-гетман
Микулаш
Андрлик, батрак
Одиннадцать, из них три бат-
рака
7. <i>Бланско</i> (окр. Каплице) ¹
Иха Андрлов
Мика Андрлов	14. <i>Буквице</i> (окр. Тргове Свины)
Марета, корчмарка в Букви-
це возле Свин
Ян, ее сын
8. <i>Болеице</i> (окр. Ческий Крум-
лов)
Пеха
Куба
Боровец
Михал
Палта
Минне
Копрвадло, зять Пранты
Батрак Пелеха
Томан
Рихтарж болеицкий
Гуорка	15. <i>Чаков</i> (окр. Ческе Будеё-
вице)
Сламенец из Чакова
9. <i>Боршов</i> (окр. Ческе Будеё-
вице)
Мацзе
Куба
Хмел	16. <i>Часлав</i>
Трчка из Часлава

¹ A. S e d l á ě k, Mistopisný slovník, str. 30.

17. *Чечетице* (окр. Гумполец)¹
Ольдржих
18. *Чейковице* (окр. Ческе Будеёвице)
Якубек
Ципрайх
19. *Дедковице* (окр. Каплице)
Мартин Длугий из Дедковиц
20. *Доланы* (окр. Ческий Крумлов)
Звержек из Долан
Дробеш
21. *Дудлебы* (окр. Ческе Будеёвице)
Сын Шимека из Дудлеб
Гавел
жена Гавла
Микулаш
22. *Дворжиште* (окр. Каплице)
Рихтарж
23. *Фукльхауз* (окр. Тржебонь)
замок, занятый таборитами
24. *Габржи* (окр. Ческе Будеёвице)
Телец
25. *Гершлак* (окр. Каплице)
Ян из Гершлака
26. *Глубока* (окр. Ческе Будеёвице)
Петр из Глубокой
27. *Гоштице* (окр. Вимперк)
Маркольт с мельницы под Гоштилцами
28. *Градек* (окр. Тргове Свины)
Ян из Градека
Вавак
некто из Градека
Школяр
29. *Гурка* (окр. Ческе Будеёвице)
Анна из Горки, потаскуха
Ян, батрак в Горке
Климов-сын из Горки
30. *Гус* (окр. Прахатице)
Замок у Заблати—Смилек из Кржемже
31. *Гусинец* (окр. Прахатице)
Марета, вдова Пуцлата
Ян, портной
- Катруша, мельничиха Павла
32. *Хельчице* (окр. Водняны)
Духонь Гольй
Балек
33. *Хлистов* (окр. Прахатице)
Мика Янушкова
Гуска
34. *Хоустник* (окр. Собеслав)
Матей из Хусника, панош
35. *Хроболы* (окр. Прахатице)
Чрафл из Хобол
36. *Хрудим*
Петржик из Хрудима
37. *Хмельна* (окр. Ческий Крумлов)
Кржиж
Кржегант
Свеглан
38. *Хвалков* (окр. Тргове Свины)
Павлик
39. *Хвалшины* (окр. Ческий Крумлов)
Ванек, панский батрак
Йиндра, батрак Микулаша
Кужел, «который когда-то в Градиште продавал шпоры».
Двое из Хвалшин
40. *Хвойнов* (окр. Пельгржимов)
Янек
41. *Яблонец* (окр. Ческий Крумлов)
Сикора из Яблонца
Гамршмид
42. *Яма* (окр. Прахатице)
Маецек
Духонь
Матей Микшик
43. *Яворжи* (окр. Ческий Крумлов)
Ципрайх
44. *Камен* (окр. Пацов)
Пржибик Тлукса из Камена
45. *Каменице на Липе*
Гронек
46. *Камык возле Свин* (окр. Прахатице)
Микулаш
47. *Каплице*
Фома
- Вацлав
Якуб
Микулаш
Богунек-мясник
Хлупачек-священник
48. *Кебланы* (окр. Тргове Свины)
Якуб Шрамаек
Ян Трссек
49. *Клатовы*
Дора, торговка вуалями
50. *Кленова* (окр. Клатовы)
Робенец
Якубек
Гоштялек
51. *Кленовый*
Замок, занятый таборитами
52. *Кленовице* (окр. Прахатице)
Мартин, рихтарж
53. *Кочин* (окр. Тын на Влтаве)
Вольф
54. *Корыта* (окр. Прахатице)
Ванек из Корыт
Вит
55. *Косов* (окр. Ческе Будеёвице)
Шимон
Плзек с Косовой горы
56. *Кошице* (окр. Собеслав)
Душек Штеховный
57. *Красеёвка* (окр. Ческе Будеёвице)
Петр, батрак
58. *Кратушин* (окр. Прахатице)
Ондрачек
59. *Кромержиж*
Матей с Моравы из Кромержижа
60. *Кртелы* (окр. Водняны)
Цтибор из Кртел
61. *Кртов* (окр. Табор)
Гашек, Ехов сын
Томец, Цтиборов сын
62. *Крумлов Ческий*
Микулаш
Дитл, повар
батрак Пржех из Гостовниц
Петр, кухмистр
Полачек, подконюший
Зикмунд, горняк
63. *Крже* (окр. Водняны)¹
«один из Крже»
Ян из Крже (батрак),
«который был у Косовица»
Троян
Шимек
64. *Кржемже* (окр. Ческий Крумлов)
Смилек из Кржемже (на стр. ... упоминается под именем Смилек из Гуси—1423, 22/3)
Мертл из Кржемже
Монах, сын Мертла
Послушник
Гана
Вацлав, батрак
65. *Крженовице* (окр. Ческе Будеёвице)
Марек, брат Зиха из Крженовиц
Микулаш
Мареш из Крженовиц
66. *Кржижов* (окр. Новый Биджов)
Микша
Петр, батрачонок
67. *Кржижовице* (окр. Прахатице)
батрак Ванек из Кржижовиц
68. *Ктиш* (окр. Прахатице)
Маржик
Петр, сапожник
Мартин, брат «некоего из Ктиша»
Липпл, немец
69. *Ктишка* (окр. Прахатице)
Пальчек
Гос «de Ktisska»
Гарант
70. *Квитковице* (окр. Ческе Будеёвице)
Пешик из Квитковиц
71. *Ледрталь* (позднее—Нидерталь предместье Новых Градов—окр. Тргове Свины)²
Томан по прозвищу Маретка
Кржижек, сын Кржиштяна,
батрак
Вит, сапожник

¹ Не могу точно определить. Деревня Чечетице, ныне исчезнувшая, находилась около Нирска; ясно сказано «подле Желева», а Чечетице упоминается вместе с деревнями округа Пацов.

¹ Крже—Накржи (см. F. M a g e š, op. cit., str. 56).

² Ледрталь (более позднее название—Нидерталь) является предместьем Новых Градов (K l i m e s c h, MVGDВ, 47, str. 184).

72. *Льгота Ратиборова* (окр. Прахатице)
Вах
Филип
Иоган
Никлик из Штифты (то есть Льготы)
73. *Литвиновице* (окр. Ческе Будеёвице)
младший сын Бартуша
74. *Маховице* (окр. Ческий Крумлов)
Микулаш Голый, батрак
Янек, батрак у Якуба из Маховиц
Шимек
75. *Маленице* (окр. Вимперк)
Велек из Малениц
Морава
Микулаш, сын Пиешка
76. *Маловице* (окр. Водняны)
Андрлик
«иные из Маловиц» (двое)
77. *Милетин* (Милетинки, окр. Прахатице)
Гох
Домин
Ржегорж
Духонь, или Янек, или Прледец из Милетинка, батрак
78. *Милевско*
Ян Махарен
79. *Миликовице* (окр. Ческе Будеёвице)
Ян Голый
трое из Миликовиц
Ян, сын Пехов
Мареш
Мартин
Петр
Вацлав Конята
Ян
Троян
80. *Мыны* (у Хоустника, окр. Каменице на Липе)
Петр, сын Бенка
Гереш, сын Войтеха
Мартин Дитя, сын Шимка
81. *Мойне* (окр. Чески Крумлов)
Вавстрох, пастух
82. *Нетолице*
Фетанар
Сикль, банщик
Вацлав, плотник
Вацлав, сторож ратуши
Штепанек Нетолицкий
Якуб, сын Бартуха
Хлебник
Микулаш, сын Катержины из Нетолиц
83. *Нове Место на Ваге*
священник Лукаш, таборит из Писека, словак
84. *Нова Весь у Хусника* (окр. Каменице)
Кржиж из Новой Веси
Радпил
85. *Огразена* (окр. Ческе Будеёвице)
Судлице из Огразеной
86. *Олешнице* (окр. Тргове Свины)
Петр
Матей
87. *Остра Гора* (окр. Прахатице)
Петр
Рус
Мика
88. *Пайрек* (окр. Клатовы)
Замок, занятый таборитами
89. *Пецинов* (деревня с замком у Бенешова, окр. Бенешов)
Майнуш из Пецилинова, гетман
90. *Пельгржимов*
Петр из Пельгржимова, «и он купил себе двор по названию «у Дворца»
91. *Перне*, двор под Странянами (окр. Ческе Будеёвице)¹
Павел из Перне
Томашек Перне
92. *Перштейнец* (замок под Кутной Горой)
Кастелян из Перштайница
93. *Петровице* (окр. Тргове Свины)
Блага, кузнец
94. *Писек*
вождь Петржик из Писека
Алеш
Писсек
Робенец
95. *Пиштин* (окр. Ческе Будеёвице)
лавочник из Пиштина
96. *Планска* (окр. Прахатице)
Кветонь
97. *Плав* (окр. Ческе Будеёвице)
Бркач
Вит
зять рихтаржа
98. *Плешовице* (окр. Ческий Крумлов)
Фома, сын Микулаша из Плешовиц, батрак
99. *Плеш* (окр. Горш. Тын)
кузнец из Плеша, «который ныне находится в Будеёвицах»
Вацлав Голый
100. *Польна* (окр. Ческий Крумлов)
Благут из Польны
101. *Прага*
Витек из Праги, гетман
Ян из Праги, «который жил или живет в доме Крштена»
Якуб, лавочник из Праги
102. *Пракерж* (окр. Ческий Крумлов)
Ян из Пракержа
103. *Прахатице*
Ондрачек
Мандл
Ондрачек Фрессов
Рот
Мика из Браны
Михал Немчек
Ян Полак
четверо
Ганел
Янек
Матей
Ян
Голый
Алеш
Влк
«Некий немец из Прахатиц»
Вавржинец
Вавржинец, батрак Лизна
Лизна с батраком
- Шимек
Филипец
Тельчек, его товарищ
Габриэль
Анжел
Павел Кожелух
Мартин Длуги
104. *Пржедборжице* (окр. Милевско)
Пеха
Петр из Пржедборжиц
105. *Пржесека* (окр. Тржебонь)
Духонь из Пржесеки, сын Штепана
106. *Пржислоп* (окр. Прахатице)
Матей
Иоган
107. *Пухтиков* (Пухтице под Вежоватой Планью, окр. Каплице)
Гавлице, человек Кыла из Пухтикова
108. *Раби* (окр. Гораждёвице)
Зпирач
Живот
109. *Райов* (окр. Ческий Крумлов)
Голик, банщик
110. *Ранчице* (окр. Ческе Будеёвице)
Фридлик
111. *Ражен* (окр. Каплице)
Рихтарж Микеш
112. *Ройов* (окр. Каплице)
Штедржек из Ройова
113. *Рокицаны*
Янек Рокицанский, батрак (был когда-то в Свиных)
114. *Ржечице* (Червена Ржечице, окр. Пельгржимов)
Ян, кузнец
Петржик
Петран
Штепанец
Сало
Ян
Огарок
Шима
Орешек
Птичка
«батраков же наемных было тринадцать»
115. *Седлчаны*
Ярек, мясник

¹ По Седлачеку (A. Se d l á ě k, op. cit., str. 688) это был двор у Странян (нанесен на карту приблизительно).

- Янек, сын Палечка
116. *Славче* (окр. Тргове Свины)¹
Года из Славче
117. *Млавонице* (Словенице, окр. Тржебонь)
Матушек
118. *Смедеч и Смедечек* (окр. Прахатице)
(2?) сына Велишеки из Медича
Малого (Смедечек)
Вах из Медеча Большого
Ванек, кузнец из Смедича
Самбурк из Смедича
Монах
Кржиж
119. *Собеслав*
Микулаш Сенатор из Собеслава
Ванек, товарищ его
120. *Солописки* (двор под Хоустником)
панош Скрживанец из Солописков
121. *Срнин* (окр. Ческий Крумлов)
Ганел Немец
122. *Страняны* (окр. Ческе Будеёвице)
Штех из Странян
Панек из Странян
Павел из Странян
123. *Стропнице* (окр. Тргове Свины)
Олик
124. *Струнковице* (окр. Прахатице)
Мак
Якуб
Мартин
125. *Суша под Глубокой* (окр. Ческе Будеёвице)²
Гинчек
126. *Суш* (окр. Ческий Крумлов)
Янек Червены из Суша с батраком
Янек из Суша
127. *Светлик* (окр. Ческий Крумлов)
- Коме по прозвищу из Светлика
128. *Свинце Средние* (окр. Ческий Крумлов)
Вацлав
Павел Патек из Свинце Средних
129. *Свины Тргове*
Петр Рыбка младший
Бенеш
Грдлице
Петр
Гейгал
Янек
Матей
хозяин гостиницы
130. *Шенава* (окр. Прахатице)
Лингарт, сын Велка
131. *Табор*
Максин
некий Жижка одноглазый из Градища
Полак из Градища
Голый Ян из Табора
Ян Тежкий из Табора
Ванек из Табора
Якуб из Табора
Вацлав из Градища
Петр из Градища
Ян из Градища
Иржик из Градища
Филип из Градища
Рудольф из Градища
Троссек из Градища
132. *Техобуз* (окр. Пацов)
Мареш, железных дел мастер
133. *Тешовице* (окр. Прахатице)
Ядрох
134. *Тисовка* (окр. Ческий Крумлов), *Тисове* (окр. Тахов)
Велишек из Тисове
Levesz de Tisovka
Welissiek de ibidem
Шпил из Тисовки
Ян Шпилов из Тисовки
Пеа из Тисовки
135. *Тодне* (окр. Тргове Свины)
Ениш из Тодне нанял батрака
Петра из Крашейова
136. *Тржебонь*
один из Тржебоня
137. *Тржебовице* (окр. Ческий Крумлов)
Кубант
138. *Тучаны* (окр. Собеслав)
Илек
Ондрачек
Якуб, сапожник
139. *Тупадлы* (окр. Клатовы)
Пальчек
Маржик
Мартин
140. *Тын на Влтаве*
Вах
Пиштек
141. *Уездец* (окр. Прахатице)¹
Оцасек
Вальта
Петр, ткач
Петр
Гедвинт
142. *Уездец под Смедечком* (окр. Прахатице)
Дорога
Бычен
Влага, незаконнорожденный
Вацлав
Матей, сын лесника
143. *Уступенице* (двор и торжище под Седлчанами)²
Сметана из Уступениц
144. *Вадков* (окр. Прахатице)
Мертл rotifex
145. *Вавице* (владения Крумлов)³
портной Вацлав Лапка из Вавиц
146. *Велишин* (окр. Каплице)
Мартин
- Томан
147. *Велиславице* (окр. Ческий Крумлов)
Ян Гус из Велиславиц
148. *Вимперк* (Винтерберк, окр. Вимперк)
Вах, батрак
149. *Влгавы* (окр. Водняны)
Мика, кузнец
150. *Заблати* (окр. Прахатице)
Кржиж из Заблатиц
Широкий
151. *Загоржи* (окр. Прахатице)⁴
Клих
Левец
Вах
Индрих Кржиж, сын Глаза
сын Мартина
Микеш Питлик
152. *Заецице* (окр. Хрудим)
Гержман
153. *Залезлы* (окр. Вимперк)
Колец
154. *Залешице* (окр. Вимперк)
Ян
Колец
155. *Жабовржски* (окр. Ческе Будеёвице)
Карас, мельник
156. *Жатец*
Петр из Жатеца
157. *Железнице под Ичином* (окр. Ичин)
Ян из Железниц под Ичином,
батрак
158. *Жировнице* (окр. Каменнице на Липе)
Камарет из Жировниц
159. *Жумберк*
Ешек

¹ Распределено между обоими Уездцами весьма приблизительно; так же и местоположение обоих Уездецев определено только по их отношению к окрестным деревням. Возможно, однако, что название «Уезд» носило много деревень.

² A. Sedláček, op. cit., str. 931.

³ Более точно определить местоположение не удалось; нанесено на карту приблизительно на основании данных Палацкого (P a l a s k ý, Popis, str. 326) («владения Крумлов»).

⁴ Нынешнее название—Загоржи; Мареш пишет двор Загоржие; в реестре Златокорунского монастыря (NÚK, sig. XIV B 10, f. 13) совершенно ясно записано: «Загорч». Однако у Шусты (СШН, XIII, str. 313) упоминаются Загоржи; у Седлачека (A. Sedláček, op. cit., str. 998) деревня также называется Загоржи.

¹ A. Sedláček, op. cit., str. 810: Славче или Славеч.

² Там же, стр. 847: у Глубокой на Влтаве (нанесено на карту приблизительно).

160. *Деревня у Будеёвиц*
Якуб из деревни у Будеёвиц
161. *Деревня у Свин*
Гануш из деревни у Свин
162. *Деревня у Звикова*
Кржиж
Нога
Куте
Срх
Штепан
163. *Бавария*
Ян из Баварии
164. *Польша*
Фенцл-поляк, батрак
Янек гиффус, поляк
несколько поляков
165. *Штирия*
Ота из Штейермаркта, немец,
батрак
166. *Ульрихсберг* (Ольдржихо-
ва Гора—северно-западная
часть Австрии у границ Че-
хии)
Мика Анцнхиншт, горшечник

ПРИЛОЖЕНИЕ II

СПИСОК НАЗВАНИЙ ДЕРЕВЕНЬ И ГОРОДОВ, ВСТРЕЧАЮЩИХСЯ В ИМЕНАХ ТАБОРСКИХ ГОРОЖАН ПЕРИОДА 1432—1450 ГОДОВ И ПОЯСНЯЮЩИХ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

В настоящем списке приведены в алфавитном порядке названия населенных пунктов, которые встречаются в именах таборских горожан, упоминаемых в таборском рихтаржском реестре 1432—1450 годов. Названия населенных пунктов приведены в нынешнем звучании и отнесены к округам соответственно административному делению на 1 января 1949 года. Имена собственные я присовокупил к фамилиям, происходящим от названия местностей, чтобы можно было провести контроль записей; с этой же целью я привожу и даты, указанные в источнике, а также номер листа рихтаржского реестра.

Список этот отображен и в картах (VI и VII), по которым можно проследить местоположение исчезнувших деревень. Для его составления я использовал те же пособия, что и для приложения I. Из литературы назову прежде всего R. Síkhart, *Okolí města Tábora v zápisech nejstarší gruntovní knihy Tábořské*, JSH, VII, 1934, str. 46 n. В этой статье, правда, дан обзор только лежащих близ Табора населенных пунктов, но зато этот обзор довольно подробен. В ней приведены данные об имущественных взаимоотношениях жителей деревень, так что она может служить источником для описания местности. В своем настоящем обзоре я занимаюсь только жителями Табора, горожанами, в именах которых сохранились названия места их происхождения. Конечно, мне пришлось включить в этот список и такие имена людей, происхождение которых можно отнести и к городу и к деревне (главным критерием здесь служит указание на факт продажи дома в городе, что позволяет делать заключение о городской принадлежности того или иного жителя Табора). Филологическое толкование не ставит своей целью выяснить, означает ли, например, фамилия Чеканицкий, что данный таборский горожанин пришел из города Чеканиц, и относится ли добавление к имени «из Чеканиц»—к выходцу из деревни? Я не решаюсь как-либо высказываться по этому поводу, так как большую роль здесь играет то, как понимал эти вопросы писарь, записывавший горожан. В тех случаях, когда населенные пункты с одним и тем же названием встречаются в нескольких округах (напр., «Мыто»), я поступал так же, как и при разработке приложения I: включал соответственно их отдаленности от Табора. Следует еще раз подчеркнуть, что задача этого списка, составленного по неполным данным (в рихтаржском реестре мы встречаемся только с частью населения), дать общий обзор деревень, а не подсчитывать их количество и строить гипотезы на основании их местоположения. Для таких целей собранные здесь данные недостаточны.

1. *Бехине* (окр. Тын на Влтаве)
Ян бехиньский—1434, 10/8 (f. 7 v)
Янек Кошицкий, суконщик из Бехине—1437, 6/2 (f. 17)
2. *Бероун* (окр. Бероун)
Ондрашек берунский—1436, 24/3 (f. 13), 1437, 12/1 (f. 16), 1445, 29/10 (f. 72 v)
Форма из Беруна—1432, 29/4 (f. 76)
Петр из Беруна—1445, 30/11 (f. 99)
3. *Божетице* (окр. Милевско)
Мани из Божетиц Малых—1443, 13/5 (f. 57)
Петр рихтарж из Божетиц—1435, 5/3 (f. 79)
4. *Будеёвице Ческе*
Вавржинец Будеёвский—1436, 14/5 (f. 14)
5. *Быстржице Нова* (окр. Индржихув Градец)
Вилем из Быстржице—1445, 29/8 (f. 70)
6. *Чабел¹*
Гавлик Чабельский
Гавел Чабельский—1436, 3/12 (f. 16)
Павел Чабельский—около 1445 (f. 99 v)
7. *Чеканице* (окр. Табор)
Томаш Чеканицкий—1439 (f. 28 v), 1448, 19/2 (f. 110)
Мацек Чеканицкий—1437, 27/3 (f. 84 v), 1432, 25/8 (f. 76 v)
Влажек из Чеканиц—1444, 29/6 (f. 97)
Кашпар из Чеканиц—1448, 27/3 (f. 110 v)
Микеш из Чеканиц—1443, 24/4 (f. 57)
братья Ян и Ондржей из Чеканиц—1439, без даты (f. 87)
Ванек из Чеканиц—1433, 5/6 (f. 78)
Шкубеле из Чеканиц—1432, 6/11 (f. 77)
8. *Челковице* (окр. Табор)
Кубец из Челковиц—1437, 27/4 (f. 83), 1433, 14/8 (f. 78)
Ешек из Челковиц—1435, 15/8 (f. 80)
Вавржинец из Челковиц—1437, 28/2 (f. 82)
9. *Чернёвице* (окр. Каменце на Липе)
Янак Чернёвский—1432, 6/6 (f. 76)
10. *Дачице* (окр. Дачице)
Мартин Дачицкий—1445, 2/10 (f. 71)
11. *Дирна* (окр. Собеслав)
Ян Диренский—1445, 13/3 (f. 100)
12. *Домамысль* (окр. Пацов)
Микулаш из Домамышля—1440, 5/3 (f. 89)
13. *Драгов* (окр. Собеслав)
Янек из Драгова—1445, 25/2 (f. 74)
14. *Дражице* (окр. Табор)
Вацлав из Дражиц—1432, 5/11 (f. 77)
Зикмунд Дражицкий—1433 3/6 (f. 78), 1439, 16/10 (f. 32), 1445, 14/10 (f. 71 v)
Мареш из Дражиц—1437, 29/12 (f. 85 v)
15. *Дражички* (окр. Табор)
Микулаш из Дражичек—1441, 25/9 (f. 46 v), 1443, 10/4 (f. 56 v)
16. *Дрговице* (окр. Табор)
Рампах из Дрговиц—1447, 26/4 (f. 104)
Микулаш из Дрговиц—1447, 26/4 (f. 104)
Микулаш Мараинек из Малых Дрговиц—1445, 25/3 (f. 98 v)
17. *Држитень* (окр. Тын на Влтаве)
Микулаш Држитенский—1438, 15/10 (f. 24)
18. *Дуб* (окр. Табор)
Паха от Дуба—1437, 28/2 (f. 82)
19. *Гласиво* (окр. Табор)
Матей Гласивский—1433, 14/10 (f. 5 v)
Дингарт из Гласива—1440, 12/2 (f. 33 v)
20. *Глинице* (окр. Табор)
Петржик Глиницкий—1442, 11/1 (f. 48)
Грдонь из Глиниц—1435, 12/10 (f. 80 v)
21. *Градец* (Индржихув Градец)
Градецка Катержина—1439, 11/9 (f. 31)
Кача, ткачиха Градецкая—1440, 12/9 (f. 36)
Гашек из Градца—1436 без даты (f. 13)
Мартин Градецкий—1448, 8/2 (f. 109 v)
Марек из Градца—1450, 2/2 (f. 120 v)
Матей Градецкий—1449, 25/3 (f. 117 v), 1444, 8/7 (f. 62), 1443, 14/5 (f. 4), 1432, 22/3 (f. 1)
22. *Градиште* (окр. Индржихув Градец)
Смид (с Фоомо из Градиште)—1432, 25/8 (f. 76 v)
23. *Хотемице¹* (окр. Собеслав)
Ян из Хотемиц—1445, 1/1 (f. 98), 1444, 10/3 (f. 96)
24. *Хотчины²* (окр. Табор)
Якуб Хочинский—1441, без даты (f. 43), 1439, 12/8 (f. 31), 1439 без даты (f. 27 v).
25. *Хрбонин* (окр. Табор)
Хрбонинский—1436, 30/3 (f. 13).
Янек Хрбонинский—1432, 7/3 (f. 1)
26. *Хинов* (окр. Табор)
Матуш из Хинова—1443, 27/12 (f. 95)
27. *Едланы* (окр. Табор)
Петр Едланский—1442, 2/4 (f. 50)
28. *Истебнице* (окр. Табор)
Шимон, бочар из Истебниц—1440, 1/1 (f. 38)
Домек, гончар из Истебниц—1443, 28/9 (f. 95)
29. *Клатовы*
Анна из Клатов—1437, 10/4 (f. 18/19), 1444, 19/2, (f. 60)
Мареш из Клатов—1438, 17/10 (f. 24 v)
Аничка Клатовска—1441, 2/10 (f. 46 v), 1441, 4/11 (f. 47/48), около 1444 (f. 98)
Вацлав, кузнец из Клатов—1442, 15/5 (f. 51)
Ганушек, ножовщик из Клатов—1445, 22/10 (f. 72)
Блага, плотник из Клатов—1448, 19/2 (f. 110), 1449, 21/3 (f. 115 v)
30. *Клокоты* (окр. Табор)
Махачек Клокотский—1434, 7/10 (f. 8 v), 1447, 30/8 (f. 108)
31. *Кокот³*
Возка из Кокота—1437, 15/7 (f. 85)
32. *Коленце* (окр. Тржебонь)
Шкода из Коленец—1438, 17/1 (f. 21)
33. *Кошице* (окр. Собеслав)
Махек Кошицкий—1439, 11/4 (f. 28 v)
34. *Кратошице* (окр. Собеслав)
Микеш Кратошицкий—1436, 13/6 (f. 14)
Микулаш Кратошицкий—1439, 23/10 (f. 32), 1440, 19/3 (f. 88 v), 1443, 4/1 (f. 93)
Микулашек Кратошицкий—1437, 13/5 (f. 83 v)

¹ Хотемице—у А. Седлачека (A. Sedláček, op. cit.) также Хошемице.

² Хотчины—у А. Седлачека (A. Sedláček, op. cit., str. 324), также Хочин.

³ Кокот, исчезнувшая деревня между Клабовой и Бушовицами, окр. Рокицаны.

¹ Чабел—исчезнувшая деревня около Мешид (A. Sedláček, op. cit., str. 101); см. также карту исчезнувших поселений VIII.

- Мика Кратошицкий—1440, 26/2 (f. 89 v), 1440, 16/8 (f. 89 v)
35. *Кравин*¹ (окр. Табор)
Михал из Кравина—1445, 14/12 (f. 72)
36. *Крхлебы* (окр. Бенешов)
Шимон из Крхлеб—1442, 3/2 (f. 92 v)
37. *Кураков*² (окр. Тын на Влтаве)
Кураковская—1438, 7/11 (f. 25 v)
Ян Кураковски—1433, 3/6 (f. 78)
38. *Кветуш* (окр. Милевско)
Збынек из Кветуша—1440, без даты (f. 34 v), 1445, 28/9 (f. 71)
39. *Ледеч* (Ледеч на Сазаве)
Янек портной ледечский—1444, 6/7 (f. 62)
40. *Льгота* (окр. Индржихув Градец или Собеслав)
Пеха Лыгоцкий—1434, 18/8 (f. 8)
Хвала из Лыготы—1435, 12/10 (f. 80 v)
41. *Льгота Длууга* (окр. Табор)
Дрынек из Длугой Лыготы—1434, 10/8 (f. 7 v)
42. *Льгота Гласна* (окр. Прахатице)
Матей бочар из Лыготы Гласной—1435, 14/3 (f. 79)
43. *Льгота Стокласна* (окр. Табор)
Матей из Стокласной Лыготы—1439, 23/2 (f. 27 v)
44. *Лидеровице* (окр. Табор)
Картак Лидеровский—1437, 4/3 (f. 17 v)
45. *Лимберк* (окр. Поличка)
Ондрашек из Лимбурга (f. 118 v)
46. *Лохов* (окр. Ичин)
Амброж Лоховский—1441, 24/1 (f. 41)
47. *Ломнице* на Лужнице (окр. Тржебонь)
Микеш Ломницкий—1436, без даты (f. 13)
Ванек Ломницкий—1432, 19/7 (f. IV), 1437, 19/7 (f. 19 v), 1438, 1/12 (f. 26), 1442, 3/8 (f. 51 v), 1435, 6/12 (f. 80 v)
Тобнаш из Ломниц—1439, 27/6 (f. 30)
Махна Ломницкая—1447, 5/7 (f. 107 v)
48. *Лоунёвице* (под Блаником, окр. Влашим)
Дивиш из Лунёвиц—1444, 15/2 (f. 65)
49. *Малешице* (окр. Тын на Влтаве)
Якуб Малешницкий—1446, без даты (f. 100 v)
50. *Малешин* (окр. Пацов)
Якуб из Малешина—1445, 22/4 (f. 67)
51. *Мажице* (окр. Собеслав)
Мартин Мажницкий—1439, 17/11 (f. 32 v)
Голый Мажницкий—1438, 17/4 (f. 86)
Мартин Голый Мажницкий—1445, 12/3 (f. 75)
52. *Мешице* (окр. Табор)
Кубец Мешицкий—1434, 27/1 (f. 7), 1445, 30/11 (f. 99)
Ржегорж из Мешиц—1440, 2/3 (f. 88)
Блажек из Мешиц—1443, 5/3 (f. 93 v)
Анна из Мешиц—1443, 1/11 (f. 95)
Немец Мешицкий—1444, 27/3 (f. 96), 1449, без даты (f. 116 v)
53. *Мезиржичи* (окр. Табор)
Микулаш Мезиржичский—1438, 29/10 (f. 5 v)
54. *Милевско* (окр. Милевско)
Йога Милевский—1445, 9/3 (f. 100)
55. *Митровице* (окр. Вотиче)
Пеха из Митровиц—1441, 24/1 (f. 41)
56. *Морава*¹
Ян Рыбка Моравский—1442, 16/9
Рыба Моравский—1433, 14/5 (f. 4), 1442, без даты (f. 93), 1443, 21/1 (f. 93 v)
Штепан Моравский—1441, 5/9 (f. 45 v)
Матейек Моравский—1444, без даты (f. 62 v)
Матей Моравский—1444, 30/10 (f. 97 v)
57. *Мыто* (окр. Ческий Крумлов)
Микулаш Мытский—1438, 7/11 (f. 25)
Амброж Мытский—1438, 7/11 (f. 25), 1440, 16/3 (f. 89 v), 1444, 13/1 (f. 95 v)
Амброшек Мантский—1442, 16/2 (f. 91 v), 1438, 14/6 (f. 87)
58. *Немышль* (окр. Вотиче)
Сирек из Немышля—1437, 5/3 (f. 82 v)
59. *Олтыне* (окр. Табор)²
Ян Суша из Волтин—1436, 28/11 (f. 15 v)
60. *Опатовице* (окр. Ческе Будёвице)
Добеш из Опатовиц—1435, 26/4 (f. 10)
61. *Орлица* (окр. Жамберк)
Ванек Орлицкий—1436, 18/1 (f. 11 v)
62. *Отице* (окр. Ческий Крумлов)
Ян Отицкий—1437, 9/2 (f. 17), 1442, 3/10 (f. 53), 1437, 27/4 (f. 83), 1443, 21/8 (f. 94 v)
Матей из Отиц—1446, 5/7 (f. 100 v), 1446, без даты (f. 100 v)
63. *Падаржов* (окр. Табор)
Ешек Падаржовский—1433 (f. 4/5), 1433, январь (f. 77), 1445, 25/3 (f. 98 v), 1446, 21/6 (f. 106)
64. *Пельгржимов* (окр. Пельгржимов)
Анна Пельгржимовская—1446, без даты (f. 102)
Михал из Пельгржимова—1447, 13/5 (f. 104 v), 1449, 3/11 (f. 119 v)
Ян Божек из Пельгржимова—1449, 4/3 (f. 115 v)
65. *Петржиковице* (окр. Милевско)
Новак из Петржиковиц—1440, 1/1 (f. 33)
66. *Писек* (окр. Писек)
Ян сапожник из Писека—1437, 1/5 (f. 18 v)
Ян Писецкий—1440, 19/4 (f. 34 v)
67. *Початки* (окр. Каменице на Липе)
Бартош Початецкий—1433, 11/6 (f. 4 v)
Цига Початецкий—1441, 17/10 (f. 47), 1442 26/12 (f. 93), 1443, 22/8 (f. 94 v), около 1445 (f. 99 v), 1446, 26/5 (f. 100)
68. *Подборжи* (окр. Милевско)
Ян, кузнец из Подборжи—1443, 20/7 (f. 94)
Ян из Подборжи—1445, 6/12 (f. 73)
69. *Подоли* (окр. Табор)
Свашка из Подоли—1445, 7/6 (f. 98 v)

¹ Кравин—ныне хутор, приписанный к деревне Туровец (A. Se d l á ě k, op. cit., str. 463).

² F. P a l á s k ý, Popis, str. 308: «у Грушова хутор Кураков». Грушов же является частью (по «Seznamu obcí v zemi české», Praha, 1948, str. 145) общины Жимутице; к северо-востоку от Грушова, на развилке дорог, находится хутор Кораков (по-старому Кураков?).

¹ Возможно, что фамилия «Моравский» относилась к горожанам, выходцам из Моравии; в списке помещены лишь предположительно.

² Олтыне—по А. Седлачеку (A. Se d l á ě k, op. cit., str. 666) употреблялось название Волтыне.

70. *Подгоржи* (окр. Бенешов)
Янек, кузнец из Подгоржи—
1443, 3/5 (f. 56 v)
71. *Погнани* (окр. Табор)
Пржибик из Погнани—1440,
16/3 (f. 98 v)
72. *Прага*
Бенеш Пражский—1438, июнь
(f. 23 v), 1441, 2/11 (f. 47)
Ян Пражак—1439, 13/7 (f. 30),
1437, 30/1 (f. 84)
Янек, красильщик из Праги—
1439, 22/9 (f. 31 v)
Анежка Сламова из Праги—
1441, 14/9 (f. 46)
Матей Пражак—1435, 5/3
(f. 79)
Бенешова Пражская—1449,
22/10 (f. 119 v)
73. *Прахатице* (окр. Прахатице)
Павел из Прахатиц—1440, 5/11
(f. 38 v)
Мартин Прахатицкий—1445,
4/10 (f. 71 v)
Даниель из Прахатиц—1445,
9/3 (f. 74)
74. *Правонин* (окр. Влашим)
Катержина из Правонина—
1433, 26/6 (f. 78)
75. *Пржегоржов* (окр. Собе-
слав)
Дивиш из Пржегоржова—
1445, 30/11 (f. 72 v)
76. *Пришибенице*¹
Гольй Пришибеницкий—1441,
28/8 (f. 45)
77. *Пришесечно* (окр. Каплице)²
Вацлав из Пришесечницы—
1435, 5/3 (f. 79)
78. *Пуркарец* (окр. Тын на
Влтаве)
Павел, рыбак из Пуркарца—
1437, 26/4 (f. 18 v)
- Маржик, мясник из Пуркар-
ца—1447, 13/3 (f. 103 v)
79. *Радещице* (окр. Милевско)
Петр из Радещиц—1446,
27/6 (f. 106), 1444, 15/8
(f. 62 v)
80. *Радимовице* (окр. Табор)
Дорота из Радимовиц—1440,
1/1 (f. 33)
Ганек из Радимовиц—1443,
29/8 (f. 94 v)
81. *Ратиборжице* (окр. Табор)
Прокоп из Ратиборжиц—1440,
12/2 (f. 33 v)
82. *Родна* (окр. Пацов)
Ян, каменщик из Родной—
1440, 5/3 (f. 89 v)
83. *Ровне* (окр. Ческий Крум-
лов)
Ян из Ровного—1446, 13/4
(f. 100)
84. *Рихмбург* (окр. Глинско)
Матей, бродяга из Рихмбур-
ка—1442, 27/4 (f. 51)
85. *Ржепеч* (окр. Табор)
Витек Канчек из Ржепча—
1437, 24/4 (f. 83)
86. *Ржевничов* (окр. Нове Стра-
шечи)³
Микулаш из Ржевничова—
1434, 20/9 (f. 8 v)
87. *Седлец* (окр. Тын на Влтаве)
Ян из Седлеца—1442, 16/10
(f. 53)
88. *Слапы* (окр. Табор)
Фома Слупский—1438, 24/1
(f. 21 v), 1441, 14/7 (f. 44),
1437, 29/12 (f. 85 v)
89. *Собеслав* (окр. Собеслав)
Микулаш Фримл из Собе-
слава—1437, 13/3 (f. 82 v)
90. *Судомержице* (окр. Тын на
Влтаве)⁴
- Прокоп из Судимиржиц—
1444, 16/8 (f. 63)
91. *Свинки* (окр. Собеслав) или
Тргове Свины (окр. Тргове
Свины)
Ваха Свинский—1437, 26/4
(f. 18 v), 1438, 20/10 (f. 24 v),
1445, 19/9 (f. 99), 1445,
14/12 (f. 99 v), 1446, 7/6
(f. 100 v)
Вацлав Свинский—1437, 27/7
(f. 83)
Ондрашек Свинский—1440,
27/5 (f. 90)
92. *Шельмберг* (окр. Вотице)¹
Мартин Шемберский (Шельм-
берский)—1437, 13/2 (f. 17),
1437, 8/7 (f. 19), 1436, 30/1
(f. 22), 1442, 19/10 (f. 52),
1442, 7/12 (f. 54), 1445,
7/2 (f. 66), 1445, 30/3
(f. 66 v), 1445, 30/3 (f. 66 v),
1436, 26/10 (f. 81 v), 1437,
2/11 (f. 83 v), 1437, 13/5
(f. 83 v), 1437, 7/10 (f. 83 v),
1438, 12/6 (f. 86 v), 1442,
6/12 (f. 92 v), 1445, 23/2
(f. 99 v), 1447, 16/4 (f. 104),
1448, 29/2 (f. 110 v), 1448,
5/6 (f. 112 v), 1449, 21/2
(f. 115 v)
93. *Табор*
Таборит, сапожник—1443, 4/5
(f. 4)
Якуб Рыбак из Табор—1436,
23/3 (f. 13)
Гала, суконщик из Табора—
1444, 1/1 (f. 95 v)
Прокоп на Таборе—1444, 13/1
(f. 95 v)
Ян Таборский—1449, 12/5
(f. 116 v)
94. *Тржебелице* (окр. Табор)
Ян из Тржебелиц—1448, 5/8
(f. 111 v)
95. *Тржебич* (окр. Тржебич)
Марклетта из Тржебича—1441,
22/6 (f. 44)
Прокоп из Тржебича—1447,
20/6 (f. 104 v), 1447, 5/10
(f. 105 v)
- Матиш из Тржебича—1447,
26/9 (f. 105 v)
96. Усти (Сезимово—окр. Табор)
Вдова рихтаржа из Устия—
1437, без даты (f. 20 v)
Иога Устьский—1439, 15/5
(f. 29 v)
Шиленый из Усти—1439, 27/7
(f. 30 v)
Беран Устьский—1440, 26/12
(f. 39 v)
Барта из Усти—1443, 22/8
(f. 94 v)
Дорота Вышовцова рихтаржа
из Усти—1445, 7/6
(f. 98 v)
97. *Весели* на Лужнице (окр.
Собеслав)
Вавржинец из Весели—1445,
14/12
Барта Весельский—1443, 5/8
(f. 58)
Янек Весельский—1444, 14/8
(f. 62 v), 1447, 2/3 (f. 103),
1446, 18/8 (f. 101)
- Бартош из Весели—1445, 1/1
(f. 65 v), 1448, 29/2 (f. 110 v)
98. *Власенице* (окр. Каменни-
це на Липе)
Ваха Громада из Власениц—
1446, февраль (f. 106 v)
99. *Волчье село* (окр. Камен-
нице на Липе)
Маня из села Волчьего—1441,
22/6 (f. 44)
100. *Водняны* (окр. Водняны)
Шимек из Воднян—1441, 23/9
(f. 46 v)
Янек из Воднян—1446, 13/12
(f. 102 v)
Матей из Воднян—1449, без
даты (f. 119)
101. *Вожице* (окр. Вотице)
Мнка Вожицкий—1433, 11/3
(f. 3 v), 1433, 11/3 (f. 3 v)
Штепанек солодовник из Во-
жиц—1439, 24/8 (f. 31)
102. *Вожице Старая* (окр. Во-
тице)
Микулаш Старовожицкий—
1445, 6/12 (f. 73)

¹ Пришибенице—некогда крепость и город под Табором (см. карту исчезнувших деревень VIII).

² Пришесечно—в средние века называлась также и Пришесечнице, Пришесечна (см. K l i m e s c h, MVGD B, 47, str. 346).

³ Ржевничов—более вероятно, деревня Ржевничов под Младой Вожицей; по Седлачку (A. S e d l á ě k, op. cit., str. 763) упоминалась еще в XVI веке.

⁴ Судомержице—иногда и Судимержице; см. у Седлачка (A. S e d l á ě k, op. cit., str. 847).

¹ Шельмберг—см. A. S e d l á ě k, op. cit., str. 860.

103. *Вражна* (окр. Табор)¹
 Матей из Вражного—1439,
 25/7 (f. 30 v)
 Садло из Вражного—1436,
 26/10 (f. 81 v)
 Ян Садло из Вражного—1438,
 12/6 (f. 86 v)
104. *Вшехов* (окр. Табор)
 Ешек из Вшехова—1442, 7/3
 (f. 91 v)
105. *Червене Загоржи* (окр. Табор)²
 Славец из Загоржи Вайтова—
 1440, без даты (f. 38 v)
106. *Заход* (Наход—окр. Табор)³
 Дешек Заходский—1437, 12/1
 (f. 16)
 Духонь, маслодел из Захода—
 1436, 8/1 (f. 81)
- Ннетка Мойжишова из Захода—1442, 12/1 (f. 91)
 Микулаш Домаше из Захода—
 1442, 12/12 (f. 93)
 Якуб Захода—1444, 13/1
 (f. 95), 1444, 10/3 (f. 96),
 1445, 1/1 (f. 98)
 Мика в Заходе—1444, 13/1
 (f. 95 v)
 Анка Котова из Захода—
 1442, 16/5 (f. 91 v)
107. *Змыслов* (Смыслов—окр. Табор)⁴
 Пикна Змысловский—1433,
 23/5 (f. 4 v), 1435, 5/3
 (f. 79)
108. *Жировнице* (окр. Каменице на Липе)
 Матей из Жировниц—1443,
 20/7 (f. 94), 1443, 30/3 (f. 93 v)

ПРИЛОЖЕНИЕ III

¹ Вражна или Вражне—первоначально Вражный (P a l a s k ý, ср. cit., str. 281).

² Загоржи Витово или Червене—см. A. S e d l á ě k, op. cit., str. 1000.

³ Заход, ныне Наход—см. A. S e d l á ě k, op. cit., str. 631.

⁴ Змыслов, ныне Смыслов—см. A. S e d l á ě k, op. cit., str. 1021.

**СПИСОК ТАБОРСКИХ ГОРОЖАН, РОД ЗАНЯТИЙ КОТОРЫХ УСТАНОВЛЕН
(ПО ТАБОРСКОМУ РИХТАРЖСКОМУ РЕЕСТРУ 1432—1450 ГОДОВ)**

А. Продавцы

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп	грош.	коп	грош.		
1. Торговцы кормами							
Пицник:	домик	3 без	15	—	—	1440, без даты	38v
2. Птичники							
Ванек	дом в предместье	1	3	полностью		1440, 1/II	33v
3. Рыбаки:							
Павел из Пуркарца	домик		156	1	16	1437, 26/IV	18v
Домин	дом	10	30	5	—	1442, 15/V	51
Мика	дом	3	9	полностью		1443, 4/X	58v

Барта	итро земли		39	полностью		1437, 30/I	84
4. Угольщики:							
Петрова, угольщица	дом	1			30	1441, без даты	43
Вавржинец, угольщик	дом		82		30	1443, 7/I	54 v
5. Водоносы:							
Голый	домик	2	10		30	1434, 11/I	6 v
6. Ножовщики:							
Гурт	точильня	2		—		1434, 23/IV	7 v
Дуб	мельница	30	30	6		1436, 1/XII	15 v
Гурт	дом	4		—		1438, 9/I	21
Дуб	дом	7		2		1440, 12/II	33 v
Блажек	сад		22		10	1440, 9/VII	88 v
Петржик	дом	7		1		1447, 16/IX	105
7. Кузнецы:							
Кржиж	дом	10	30	—		1433, без даты	3
Слука	точильня	2		—		1434, 23/IV	7
Мартинек	дом	7		—		1436, 18/I	11 v
Якуб	дом	11		1		1441, 11/IV	43
Ян Диренский	итро земли		30		30	1445, 13/III	100
Бенеш	дом	35		20		1446, 26/XII	102 v
8. Плавильщики железа:							
Ян	дом	конь+2		—		1446, без даты	101 v
Ян	сад	—	—	полностью		1446, 5/VII	100 v
	дом	4		—	—	1442, 17/IV	50 v
Ян	дом	4	10		10	1443, 20/II	35

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп	грш.	коп	грш.		
Ян	дом	конь+3		—	—	1444, 15/XII	65
	дом	3	—	—	—	1445, 8/X	71 v
9. Литейщики пуль: Вавра	дом	8	30	1	30	1433, 3/III	3
10. Изготовители стрел: Бартонь	итро земли	2 без	13	полностью		1447, 4/V	104 v
11. Изготовители пращей: Ванек	дом	1	—		10	1445, 29/X	72
12. Колчанщики: Матей	дом		80		30	1445, 30/III	67
13. Изготовители доспехов: Вит	дом	15	—	полностью		1438, 7/V	23
14. Пушкари: Петржик	помещение под мельницу	2		полностью		1436, 23/III	13
15. Изготовители шпор: Матей	дом	3			20	1440, 13/IX	36
16. Изготовители мечей: Пеха	дом с мастерской	7		—		1441, 17/III	42

	дом	5	30	3		1439, 30/IX	87 v
Мартин	дом	7		5	15	1446, 15/XI	102 v
17. Маслоделы: деревня		?		?		1436, 8/I	81
18. Суконщики: Духек	место	2	30	—		1433, 8/VI	4 v
Смил	домик	2		—		1436, 3/VII	14
Гала	домик	1	50		25	1437, 6/II	17
Янек	домик		35	—		1438, 10/XI	24
Аугустин	дом на площади	30		—		1439, 21/VII	29
Бартош	дом	4 без	10	—		1443, 22/II	55 v
Барбора	дом	3	30	полностью		1443, 29/III	56
Павлова	дом	2	2	1	2	1443, 25/IX	58 v
Гора	дом	8		полностью		1444, 16/X	64
Гала	дом	10	10	1	—	1445, без даты	68 v
Петр	дом		28	—	—	1445, без даты	69
Рыба	итро земли		40	полностью		1440, 10/V	90
Аугустин	лан земли	16	30	—		1442, 3/XII	92 v
Павел	итро земли	—		полностью		1446, 24/IX	101 v
Кржижек	дом	5 без	15	1	—	1447, 8/VII	107 v
19. Мастера по обработке сукна: Ондрашек	дом	14	5	5	1	1443, 23/XI	59 v
20. Ткачи: Барта	дом	4	10		70	1444, 27/X	64 v
Петр	домик		42	—	—	1437, 28/II	17 v

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп	грш.	коп	грш.		
Каче, ткачиха	дом		70	—	—	1440, 18/IX	36
21. Шпульники:							
Блага	луг		50	полностью		1448, 27/III	110 v
22. Прядильщики:							
Ельшка, прядильщица	дом	2	30	—	—	1441, 26/XII	48
23. Красильщики:							
Чернох	4 рамы, котел, кадь	11 без	10	4		1439, 17/IV	
Чернох	сад		обмен			1437, 12/III	84 v
Чернох	сад		80		75	1442, 23/II	91 v
Чернох	дом	5 без	10	—	—	1447, 21/II	103
Чернох	дом с фасадом на улицу	4	15	1	—	1449, 21/II	115 v
24. Чесальщики:							
Возка	дом	4	10	2	10	1436, 27/XII	16
?	дом	8	20	4	—	1450, 15/IV	121 v
25. Веревочники:							
Матес	дом в предместье	4		1	—	1448, 25/VII	113
26. Кожевенники:							

Лидера	домик	2 без	10	—	—	1438, 4/XII	26 v
Ондрачек	домик у реки	2	30	—	30	1440, 18/X	37 v
Мартин	дом на площади	25		10	—	1441, 14/III	42
Мартин	домик	1		—	31	1441, 5/VI	44
Ржига	дом в предместье	4 без	10	2 без	10	1443, 13/V	57
Витек	полдома в предместье	1	30	полностью		1446, 24/V	75
Витек	полдома	1	30	1		1446, без даты	100 v
Ондрашек	дом	10		3		1448, 8/II	109 v
Петр	дом в предместье	8		2		1448, 18/X	114
27. Дубильщики:							
Йирхарж	домик у реки		35		15	1434, 10/VIII	7 v
28. Бочары:							
Ира	дом	5	20	1		1441, 25/IX	46 v
Ира	дом	5		2		1443, 10/IV	56 v
Пеха	дом	5 без	20	1		1445, 14/V	67
Матей	1/4 деревни	3	15		38	1435, 14/III	79
Черна	дом	?		полностью		1448, 23/IV	111
Душек	дом	2	40	—		1448, 1/X	114
Ванек	дом	20		8		1449, 12/VI	117 v
29. Драночники:							
Шинделарж	дом	4 без	15	2		1442, 5/XII	53 v
Ян	дом	4 без	1		59	1448, 26/XII	114 v
30. Плотники:							
Фома	место		20	за 3 мес.		1432, 21/IV	1 v
Мика	дом	7		2		1433, 12/III	3 v

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп.	грш.	коп.	грш.		
Носек	итро земли		50			1432, 31/III	76
Фома из Боруна	итро земли	3 без	жита			1432, 29/IV	76
Фома	луг		9			1444, 20/II	96
Петр	4 итра земли	1				1445, 6/VII	99
Петр	дом	10 без	15			1448, 5/X	114
Блага	дом	7	—	3	—	1449, 21/III	115 v
Шимек	дом	3		—		1449, 24/III	116
31. Столяры:							
Ванек	дом	22				1432, 15/III	1
Микова	итро земли		40			1448, 25/XI	114 v
Бета	дом	14		—		1449, 13/III	116
32. Колесники:							
Фома	дом	6	10	3		1438, 18/XI	26
Фома	дом	17 без	15	4		1441, без даты	40
Фома	сад	?		?		1440, 23/V	90
Маковец	сад	3 без	15		45	1442, 1/X	91 v
Ян	итро земли		26			1445, 5/I	98
33. Мясники:							
Ян Пикносси	мясная лавка	5	10	2		1436	12 v

Трубачек	мясная лавка	5		3		1436, 24/VIII	14 v
Вавра	лавка	5	30	1	30	1437, 19/IX	20
Домин	дом	7	18	—		1438, 4/IV	23
Трубачек	—	—	—	—	—	—	—
Ванек	дом	4	20		80	1438, без даты	24
Гануш	дом	6 без	10	2		1439, 27/III	28 v
Янек	—	—	—	—	—	—	—
Пикносси	лавка	4	30	4		1439, 29/VI	30
Трубачек	—	—	—	—	—	—	—
Ванек	мясная лавка	5	15	2		1440, 1/III	34
Янак	дом	3	20	1		1443, 19/III	55 v
Гануш	дом	2 без	5	3 д	—	1443, 21/VII	58
Янек	участок		37			1444, 14/VIII	62 v
Шимонек	мясная лавка	7 без	6			1445, 9/III	74
Валек	дом	8		—		1447, 2/III	103
Янек	—	—	—	—	—	—	—
Пикносси	дом	3 без	10			1447, 1/VIII	105
34. Солодовники:							
Ванек	дом в предместье	1		—		1438, без даты	23
Штепанек	дом с задолженно- стью	4		—		1439, 11/IV	28 v
Штепанек из Вожице	дом с задолженно- стью	2	25	—		1439, 24/VIII	31 v
Штепан	дом выморочный	—	—	—	—	—	—
	дом	4	2	2	2	1439, 24/VIII	31 v

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп	грш.	коп	грш.		
Банек	дом	2	30	—	—	1440, 13/I	33
Махек	дом	3	15	—	—	1445, 30/I	65 v
Рынеш	2 итра	3		полностью		1433, без даты	77
Пеха	лан земли		105	—	—	1444, 29/VI	97
Судек	дом	11		—	—	1448, 26/I	
Микулашек	дом	6		4		1448, 4/VI	112
35. Пекари:							
Беран	участок	15		6		1433, 11/VI	4 v
Витек	дом	23	30	15		1433, 29/X	5 v
Якуб	дом в предместье	3	8	2		1441, 27/IX	46 v
Витек	дом	16	30	10	30	1446, 30/V	75 v
Микулаш	0,5 лана	2 итра+2 коп 30 гр.		—		1437, без даты	84
Виткова	лавка		40		20	1449, 21/X	119 v
36. Пивовары:							
Жена Яна пивовара	дом	3	16	1		1445, 3/V	67 v
Амброж	дом	3	25	2	5	1446, 1/VI	106
Амброж	дом	3		1		1449, 20/X	119 v
37. Мельники:							

Лето	мельница в Плане	20		7		1436, 1/XII	16
Лето	полмельницы	13		3		1437, 4/II	16 v
Лето	мельницы на Тисменице	30	копа	6		1437, 4/III	16 v
Галдарж	мельница подле солововни	52		6		1437, 4/VI	19
Ян	мельница+пруд	80		полностью до 0,5 р.		1438, 17/X	24 v
Бенеш	мельница подле солововни	67		27		1439, 11/VIII	30 v
Микулаш	дом	1	1		31	1443, 9/IV	57 v
Ян	нива земли *	17		полностью		1443, 25/VII	94
Бартонь	2 лана	35	без 15	5		1446, 13/IV	110
Микулаш	дом	3	без 10	—		1446, 10/IX	101
Ян	5 итер+домик	10	10	—		1447, 30/VIII	108
Микулаш	дом	6	8	3	8	1448, 18/X	114
Микулаш	дом	7	30			1449, без даты	115
38. Сапожники:							
Иржичек	дом	7	20	полностью		1432, 19/VII	1 v
Табор	домик	4	30	—		1433, 4/V	4
Ваха	домик	3	30	2	без 15	1434, 11/I	6 v
Голек	дом	6	без 5	1	30	1434, без даты	7 v
Вацлав	дом	2+5 четвертей сукна			30	1434, 9/X	4
Ондрашек	дом	5	20	—		1436, 20/IV	13 v

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп	грош.	коп	грош.		
Ондра	дом	4		1		1437, 4/III	17 v
Машек	домик	3		1		1437, 8/VI	19
Ванек	дом	3	15	2	15	1438, 24/X	25
Ондрачек	дом	5		—		1438, 3/XII	26 v
Ванек	домик	5	15	2	15	1438, без даты	27
Петр	дом	1	30	—		1438, без даты	27 v
Голик	дом	1	10	—		1440, 30/XII	39
Ванек	дом		100		84	1441, 16/III	42
Павлик	участок	?		?	—	1441, без даты	42 v
Ослик	дом	2 без	3		27	1441, 30/XII	48 v
Вавржинец	дом	3	30	?	—	1442, 27/VII	51 v
Казек	дом	5			40	1442, 28/VIII	52
Павли	дом	3 без	10		85	1443, 30/IX	58
Никлас	дом	3		—	—	1445, 16/VIII	69 v
Овес	дом в предместье	4		—		1445, 27/IX	70 v
Градек	итро земли		10	полностью		1439, 22/IX	87
Микулаш	5 садов		76	полностью		1440, 8/III	88
Вавржинец	дом	12	30	—		1447, 9/II	103
Микулаш	дом+мастерская	12		—		1447, 9/III	103 v

Ондрашек	дом	11 без	20	3		1447, 20/VI	104 v
Ванек	дом	7	30	в долг		1447, 30/VIII	108
Маргин	дом	19		—		1449, 6/II	115
Гашек	дом	3	37	—		1450, без даты	121
39. Портные:							
Петржик	2/3 пивоварни	8	5	—		1436, без даты	13
Петржик	дом	12		—		1437, 18/I	16 v
Маржик	обмен домами	6	30 сле- дует по- лучить	3		1438, 4/VI	23 v
Маржик	дом	конь+1 копа гр.		—		1439, 3/VIII	30 v
Ира	дом с долгами	12 без	6	—		1440, 6/V	35
Янек	дом	2	14	1		1441, 22/VI	44
Матей	дом	21	30	полностью		1443, 24/IV	57
Мареш	участок		75	?		1445, 29/X	72 v
Зикмунд	сад	2	20	полностью		1440, 8/VII	88 v
Петржик	дом	10		—		1447, 3/II	103
Петржик	сад		30	полностью		1448, 13/IV	110 v
Петржик	дом	21 без	15		45	1448, 18/VII	112 v
40. Меховщики:							
Янек	домик у ворот	3		—	—	1436, без даты	12 v
Янек	дом	20	—	—		1439, 23/III	28
Янек	участок		16			1439, 28/III	28 v
Прокоп	дом в предместье	3			30	1442, 19/IV	50 v
Прокоп	дом	7	30	—	—	1443, 16/VII	57 v

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп	грош.	коп	грош.		
Никлас	дом	3 без	6	—		1445, 14/VIII	69 v
Махач	дом	2	30		30	1447, 23/II	107
41. Банщики, лекари:							
Петр и Ира	баня	36		10		1434	8
Микулаш, лекарь	домик	4	30	4	30	1437, 10/IV	18
Петр	баня	22		10		1440, 2/V	35
Матей	домик		55		25	1440, 10/X	37
Давид	дом	6		2		1442, 28/IX	52 v
Матей	баня с оборуд.	44		10		1448, 2/IV	111
Давид	баня	50		—		1449, 11/III	116
42. Каменщики:							
Ванек	дом в предместье	1			42	1432, 30/IX	2
Ванек	участок	3 без	10	2	30	1433, 17/XI	6
Ондрачек	выморочный дом	3	40	1		1440, 7/X	
43. Гончары:							
Ванек	дом	10		—		1438, 7/XI	25 v
Мика	дом	2	17	—		1440, 29/VI	35
Ванек	дом	3		1		1443, 30/IX	58
Янек	дом	11		—		1446, 19/IX	101 v

Якуб	дом	2	35	—		1446, 13/XII	102 v
Ванькова	кирпичн. маст.+сарай	11 2000	30+ кирпичн.	4		1447, 25/IX	105 v
44. Глиновалы:							
Глинак	домик		45	—		1438, 10/II	22 v
45. Лавочники:							
Мартин	домик	2		—		1440, 28/X	38
Янек	дом	6	15	—		1444, 18/XI	65
Янек	дом	4			30	1445, 9/XII	73
Петр	6 садов	5 без	15	полностью		1443, 10/VIII	78
Мартин	солодовня	33		3		1446, 24/VIII	101
Полак	дом	30		полностью		1447, 1/IV	103 v
Лауринек	дом	7 без	15	4		1448, 27/III	110 v
Янек	дом	10	15	—		1448, 27/IX	114
Полак	дом	6	20	3	20	1449, 28/III	121
Петр	бочка		5	полностью		1450, 14/II	121 v
46. Мелкие торговки продовольствием:							
Качка	дом	1		?		1441, 2/XI	147
Маржка	дом	5	30	3		1448, 19/II	110
47. Возничии:							
Возничий Пеха	1/4 участка	7 без	20	3	10		99
48. Формовщики:							
Кобешка	дом	5	30	2		1446, 25/V	75 v

Имя	Предмет продажи	Стоимость		Уплачено наличными		Дата	Лист
		коп	грош.	коп	грош.		
Блажек	дом	4	25	2		1446, 1/VI	106
Радек	дом	4	20	1		1447, 12/VII	107 v
49. Изготовители бутылок:							
Ян	участок	1		—		1450, 26/II	121
50. Чеканщики монет:							
Якуб	участок		80	полностью		1436, 24/III	13
Якуб	домик	2		2		1437, 25/IV	18
Катержина	солодовня	25	30	—		1445, 25/II	
51. Писари:							
Микулаш	баня и дом	16	30	—		1443, 7/XII	6
Пеша	дом	45		20		1437, 6/IX	20
Цига	дом	3	20+конь	—		1444, 15/XII	65
Ян	дом	5		—		1145, 27/VII	69
Якубова	сарай	6		—		1442, 12/XII	93
Якубова	итро	2	5	полностью		1443, 4/I	93
Вит	полгалержа		52	полностью		1443, 21/V	94
Янек-писарь, рихтарж	пол-лана	10		?		1448, 13/V	112
52. Вспомогательные рабочие суконщиков:							

Матей	дом в предместье	4	15	45		1432, 25/VIII	1 v
Дорота Ватлова	дом	2	30	1		1445, 25/II	66
53. Привратник:							
Михал	дом	2		1		1445, 29/X	72

Б. Покупатели

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
1. Рыбаки:							
Петржик	дом	2 без	5	30		1433, 16/VII	5
Домин	дом	3		—		1442, 3/X	53
Домин	дом	3 без	20	полностью		1442, 28/XII	54 v
Домин	сад	4 пинты старого пива		полностью		1437, без даты	86
Домин	участок в Устье		20	10		1444, 5/V	96 v
Домин	жилье		40	40		1449, без даты	119 v
2. Ножовщики:							
Дуб	участок		33	15		1433, 6/IV	4
Ганушек из Клатов	дом	14 без	1	2		1445, 22/X	72

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
Скала	сад		15	полностью		1443, 27/XII	95
Прокоп	дом	11		—		1448, 26/I	109 v
3. Кузнецы:							
Петр	дом	22		полностью		1432, 21/IV	1
Ян	дом	4	30	—		1441, 7/III	41 v
Вацлав из Клатов	дом	10	30	5		1442, 15/V	51
Янек из Подборжиц	дом	3 без	10	1		1443, 3/V	56 v
Ира	дом	19		4	30	1443, 13/XII	59 v
Ян из Подборже	пол.-лана	13	30	3		1443, 20/VII	94
Вацлав	дом	3 без	10		50	1446, 19/IX	101 v
Бенеш	дом	41		—		1446, 29/XII	102 v
4. Мастера по изготовле- нию молотов:							
Немцы	дом	4	30	—		1442, 17/IV	51
Ян	дом	5	30 пан- цырь в	3 копы		1443, 16/VII	57 v
Ян	дом	3	20+конь	—		1444, 15/XII	65
5. Мастера по изготовле- нию стрел:							
Ганек	дом	3	25	1		1439, без даты	27 v
6. Мастера по изготовле- нию наконечников для стрел:							
Бартонь	дом	45		20		1437, 6/IX	20
7. Колчанщики:							
Матей из Рихмберка	дом		52		14	1442, 27/IV	51 v
Матей	дом	6	15	—		1444, 18/XI	65 v
Матей	участок		25	полностью		1443, 14/X	95
8. Изготовители шпор:							
Матей	дом	4	10		70	1444, 28/X	64 v
9. Ножовщики:							
Мартин	дом	2	30		30	1447, 23/II	107 v
Мартин	дом	4		1		1441, 14/IX	45 v
10. Маслоделы:							
Олейник	участок	1	5	полностью		1432, 25/III	1
11. Суконщики:							
Яловец	дом	2+5 четвертей сукна			30	1434, 9/X	9
Утечек	пол-участка		10	полностью		1435, 31/XII	11
Ондраш	домик		80		30	1436, 3/VII	14
Янек Кошицкий из Бехине	домик	2 без	10		25	1437, 6/II	17
Бартошек	дом	5 без	10		50	1438, 20/X	24 v
Петржик	дом	20		—		1439, 23/III	28

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
Витек	4 рамы, котел, кадь	11 без	10	4		1439, 17/IV	29
Якуб	дом	17		4		1441, без даты	40
Блажек	дом	3	16		16	1441, 6/II	40
Микулаш	дом	5	10	—		1441, 25/VIII	45
Бартош	дом	10		5		1443, 22/II	55 v
Кржижек	дом	3	20		30	1443, 1/IV	56
Ванек, рыцарь	дом	3	9	полностью		1443, 4/X	58 v
Гора	дом	7		—		1444, 8/IX	63 v
Петр	дом		74		4	1445, 9/VI	68
Ондрашек лысый	дом	4 без	15	—		1446, 1/XII	73 v
Скаутин	6 садов	5 без	15	полностью		1443, 10/VIII	78
Ондрашек	сад	1		полностью		1445, без даты	99 v
Витечек	дом	7	20	2	20	1447, 5/X	105 v
Велька	дом	3	25	2	5	1446, 1/VI	106
Кржижек	дом	8	10	2	30	1447, 5/VIII	107
Гануш	участок		27	полностью		1448, 22/I	114 v
Велек	дом	16	30	—		1449, 6/I	115
12. Закройщики:							
Ондрашек	дом	21	30	полностью		1443, 24/IV	57
Михал	дом	26		5	30	1444, 20/IV	61
Янек	участок		37	полностью		1444, 14/VIII	62 v
Матей Венсрат	дом	4 без	16	—		1447, 8/VII	107 v
Янек	дом	37 без	15	27 без	15	1447, 16/XI	108 v
Ванек	дом	8	20	4		1450, 15/IV	121 v
13. Ткачи:							
Черношек	участок	30		—		1439, 25/VII	30 v
Вавржинец	дом	10	5	5		1448, 27/IX	114
Матей из Воднян	дом	5		2		1449, без даты	119
14. Красильщики:							
Янек из Пги	дом	4		—		1439, 22/IX	31 v
15. Чесальщики:							
Матей	дом	5		—		1445, 27/VII	69
16. Веревочники:							
Витек	участок		20	полностью		1440, 25/VIII	35 v
Матесек	дом+2 четверти	17		2		1448, 2/VII	112 v
17. Кожевенники:							
Ондрачек	дом	1	30	полностью		1439, 19/X	32
Мартин	дом	20+до-мик			10	1440, 22/VIII	35 v
Мартин	дом	11		1		1441, 11/IV	43
Мартин	дом в предместье	3			30	1442, 19/IV	50
Витек	полдома	3		—		1445, 22/IV	67
Мартин	лан	14		10		1440, 26/II	89 v

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
18. Дубильщики: Янек	дом		77	—		1448, 5/VI	111 v
19. Бочары: Прокоп	дом	7			следать бочки	1434, 7/X	8 v
Ира	дом	4 без	10		1	1438, 20/XI	26
Мартин	дом	3	30		—	1443, 1/IV	56 v
Пеха	дом	5			2	1443, 10/IV	56 v
Пеха	дом	5			1	1444, 14/IX	63
Душек	дом	13			3	1445, 4/X	71 v
Пеха	сад	1	30		полностью	1447, 1/III	103
Духек	дом	2	40		—	1448, 31/X	114
Павлик	дом	9			—	1449, 21/II	115
Ванек	дом	6	30		2	1449, 20/VI	117 v
Слайхар	домик	2			—	1436, 3/VII	14
20. Бондари: Шлайхар	дом	3 бочки за			30	1436, 21/IX	15
21. Столяры:							
Ванек	дом	1	30			1440, 10/II	33 v
22. Плотники: Микеш	дом+12 итров	34			4	1433, 11/II	3 v
Ян	баня, дом	16	30		—	1433, 7/XII	6
Петр	дом+4 итра	6	35		—	1440, 1/XII	39
Нос	итро	26			—	1439, без даты	87 v
Блага из Клатов	дом	5	30		3	1448, 19/II	110
Петр	дом	10 без	15		2	1448, 12/VIII	113 v
23. Сундучники: Ванек	дом	2	30		—	1439, 17/III	28
Ванек	дом	10 без	2		?	1449, 1/VIII	118
24. Колесники: Томан	дом	5 без	15		1	1438, 26/XII	26 v
Фома	дом	1				1439, 30/V	29 v
Рига	дом	9 без	10		1	1445, 27/V	68
Фома	сад	2 без	4		полностью	1437, 5/XII	85 v
Маковец	сад	?			?	1440, 23/V	90
Мартин	дом	15	30		—	1449, 2/XII	120
25. Мясники: Вавра	мясная лавка	5			3	1436, 24/VIII	14 v
Цига	дом	5			—	1437, 20/VI	19
Янек	мясная лавка	5	15		2	1440, 1/III	34
Янек Пикнос	мясная лавка	3 без	20		полностью	1440, 16/VI	35
Аугустин	дом	3 без	15		1	1441, 23/II	41 v
Аугустин	участок		50		—	1441, 21/VIII	44 v

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
Цига	дом	5			40	1442, 28/VIII	52
Ванек							
Трубачек	домик		32		3	1443, 22/I	54 v
Янак	дом	3	5	—		1443, без даты	56 v
Аугустин	луг + участок	12		5		1444, 21/V	61 v
Янек	полдома	4	20		20	1445, 13/IX	70 v
Микулаш	дом	2		1		1445, 29/X	72
Ян Пикносси	дом	2		—		1445, 2/XII	72 v
Бартош	3 итра	панцырь + 1 зол.		1 зол.		1437, 28/III	85
Валек	3 итра	4 без	20	1		1447, 10/XI	91
Бартошек	итро	2	5	1		1443, 4/I	93
Шимек	пол-участка		28		12	1443, 22/VIII	94 v
Валек	дом	9		2		1447, 2/III	103
Маржик из Пуркарца	дом	5 без	15	—		1447, 13/III	103 v
Гануш	дом	3 без	10	полностью		1447, 1/VIII	105
Данек	дом	3		2		1448, 12/II	111
Ванга	дом	6	20	3	20	1449, 28/III	121

26. Солодовники:

Ванек	кладовая	11 итров		20 должен получить		1437, 22/VI	19 v
Пех	дом	11		3		1438, 18/XI	25 v
Рынеш	аренда дома	заем в 20 секс Громаде				1439, без даты	23
Ванек	дом	5	20	2	20	1441, 17/III	42
Рынеш	солодовня		100		40	1441, 2/XI	47
Мацек	дом с солодовней	40		10		1444, 12/XI	64 v
Ванек	6 итров	12		10	30	1433, 29/VI	78 v
Рынеш	12 садов	2	25	1		1440, 20/II	89
Рынеш	2 сада		35	полностью		1440, 27/V	90
Михалец	сад	2	10	1		1443, 11/V	94
Михалец + Пеха	солодовня	7		1		1443, 22/VIII	94 v
Махек	2 итра	5		полностью		1444, без даты	96 v
Брус	дом	35		20		1446, 26/XII	102 v
Тобиаш	солодовня	12		2		1448, 13/V	112
Микулаш	дом	6	8	3	8	1448, 18/X	114
Рынеш	итро		24	полностью		1450, 3/III	121

27. Пекари:

Беран	дом	5	10		70	1433, 14/X	5 v
Беран из Усти	дом	5	20	—		1436, 20/IV	13 v
Ванек	полмельницы	13		3		1437, 4/II	16 v
Ванек	мельница на Тисмен- це	30		6		1437, 4/III	17 v
Якуб	дом	—		обмен		1438, без даты	23

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
Витек	дом	6	10	3		1438, 18/XI	26
Мартин	дом с мастерской	7	1	—		1441, 17/III	42
Янек	дом	9 без	10	?		1442, 19/VI	51 v
Микулаш	участок	3		—		1444, 29/X	64
Микулаш	2 итра	4		полностью		1448, 31/V	112
28. Пряничники:							
Вацлав	дом	4	1	2		1433, 13/I	2 v
29. Пивовары:							
Томек	дом	2		1		1442, 6/IV	50
Амброж	дом	3	15	—		1445, 30/I	65 v
Амброж	дом	2	3		33	1446, 27/VI	106 v
Петр Ссвук	пивоварня	?		?		1436, без даты	13
30. Мельники:							
Лето	мельница	30	30	6		1436, 1/XII	15
Маца	мельница в Плавной	20		7		1436, 1/XII	16
Мареш	домик	2	15	1		1439, без даты	29
Микулаш	дом	1			30	1440, без даты	37
Микулаш	дом	2 без	5		25	1442, 21/XII	54

Микулаш	дом	2	30	1		1445, 25/II	66
Бенеш	дом в предместье		68	полностью		1445, 16/III	66 v
Ян	6 итров и домик	10		—		1444, 12/VIII	97 v
Бенеш	итро		15	полностью		1445, 6/VII	99
Бенеш	4 итра	1		полностью		1445, 6/VIII	99
Микулаш	дом	5	10	—		1446, 14/IX	101 v
Микулаш	дом	7		2		1448, 10/VIII	113
Кубатова	дом в предместье	4	15	1		1449, 21/II	115 v
31. Салотопы:							
Анна	участок		5	?		1440, 22/VII	90 v
32. Сапожники:							
Петр	дом в предместье	4	15		45	1432, 25/VI	1 v
Якубек	мастерская	2	30	—		1432, 25/IX	2
Ондрачек	дом	6	10	1		1434, 27/I	7
Ондрачек	дом	6 без	5	1	30	1434, без даты	7 v
Машек	дом	1	35		40	1436, 19/IX	15
Ян из Писека	дом	4		4		1437, 1/V	18 v
Капр	дом	15		полностью		1438, 7/V	23
Голик	дом	1		—		1438, 2/XII	26 v
Казек	дом	5		—		1438, 3/XII	26 v
Ослик	дом	2	35		5	1439, без даты	28 v
Мартин-младший	дом	1	30 + туф-ли	—		1439, 11/IX	31
Петр	дом		70	—		1440, 18/IX	36
Ондрачек	дом	1		—		1441, 3/I	39

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
Никлас	дом	2 без	3		27	1441, 30/XII	48 v
Коблучек	дом	3	30	?		1442, 27/VII	51 v
Матейек	дом	9 без	20	5		1442, 5/X	53 v
Гуска	дом		36	2 жбана		1445, 30/III	66 v
				жита			
Ондрашек	дом	9	30	2	30	1445, 25/V	67 v
Никлас	дом	12		4		1445, 16/VIII	69 v
Одра+Гашек	полдома	1	30	—		1446, 24/V	75
Матейек	дом	8		4		1446, 4/VIII	101
Вавржинец	дом с мастерской	12		—		1447, 9/III	103 v
Ондрашек	дом	8 без	15	3		1447, 25/IX	105 v
Микулаш	дом	4 без	15	1		1447, 20/VII	108
Витек	дом	3		полностью		1448, 23/IV	111
Матейка	дом в предместье	8		2		1448, 18/X	116
33. Портные:							
Янек	место		15			1432, 21/IV	1
Микулаш	погреб+подвал	5	20	3		1433, 13/I	2
Маржик	дом	13	1	1		1436, 10/IV	13 v
Карффик	участок	4		2		1437, 26/IV	18 v

Ира	домик	3		1		1437, 8/VI	19
Петржик	дом	13		—		1437, без даты	20 v
Богуш	домик		45	—		1438, 10/II	22 v
Янек	дом	4	22		7	1441, 18/V	43 v
Янек	дом	5 без	5	2		1441, 4/XI	47
Петржик	дом	8		2		1444, 6/VII	62
Гануш	участок		66	—		1445, 5/VII	68 v
Михал	пол-участка		16,5	полностью		1432, 3/IX	76 v
Вавржинец	итро	2	20	полностью		1437, 25/X	83 v
Вавржинец	итро	3 без	10	полностью		1442, 25/VI	92
Зикмунд, в то время рихтарж	сад		50	полностью		1445, 5/I	98
Вавржинец	итро		26	полностью		1445, 5/I	98
Зикмунд	сарай+хмельник		82	по доверенности		1445, 9/III	100
Петржик	сад	2	40		30	1446, 26/IX	101 v
Петр	дом	16		6		1447, 27/VII	105
Петржик	дом	12	30	—		1448, 20/IX	114
Янек	дом	19		—		1449, 6/II	115
Янек	дом	11	10	4		1449, 25/IX	117
34. Меховщики:							
Прокоп	домик	3	30	2 без	15	1434, 11/I	6 v
Микулаш	дом	2		2		1436, 5/III	12 v
Янек	дом	30		10		1436, 14/V	14
Микулаш, сын Голуша	дом	27 без	20	22 без	20	1438, 1/XII	26

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
Ржига	дом	12	30	5		1439, 16/IX	31 v
Бартонь	дом	10		4		1441, 16/I	39 v
Прокоп	дом	16 венг. зол. + 13 гр.		полностью		1443, 28/I	54 v
Бартонь	дом	4 без	15		75	1443, 26/III	56
Микулаш	полдома	7		—		1443, 20/II	60
Никлас	дом	3	20	—		1444, 11/IX	63 v
Микулаш	дом	4	40	2		1446, 26/V	75 v
Якуб	луг		83	полностью		1440, 21/VI	88 v
Якуб	луг		62	полностью		1440, 24/VI	88 v
Куба	итро	1		полностью		около 1444	96
Якуб	луг		90	полностью		1440, 5/IX	88 v
Куба	сад, участок	1		полностью		около 1444	96
Янек	дом	12		—		1448, 22/VIII	113 v
Махне	дом	2	30		30	1446, 18/X	102
Мика	итро		50	полностью		1446, без даты	100
35. Банщики, лекари:							
Матей (лекарь)	баня	36		10		1434, без даты	8
Микулаш (лекарь)	дом	3	30	1		1436, 30/III	13

Давид	баня	22		10		1440, 2/V	35
Давид	дом	5		5		1442, 21/VIII	52
Давид	баня	14		5		1445, 15/X	71 v
Давид	дом	32		5		1449, 11/III	116
36. Шляпник:							
Индржих	дом с участком	2	10		40	1444, 28/VIII	63
37. Каменщики:							
Ондрашек	дом	2		—		1440, 16/II	34
Матей	домик	1	4		32	1440, 19/X	37 v
Ян	дом	2	30	—		1441, без даты	42 v
Микулаш	дом		28	—		1445, без даты	69
Микулаш	дом	11		—		1449, 25/III	117 v
38. Горшечники:							
Ян	дом	2	30	1		1436, без даты	12 v
Ванек	домик		42	—		1437, 28/II	17 v
Ванек	дом	10		—		1438, 7/XI	25 v
Янек	хлебная лавка		36	полностью		1439, 13/VII	30
Блага	дом	4	4	полностью		1443, 1/VIII	57 v
Ванек	кирпичная мастер- ская + сарай	5	20	2		1442, 8/VI	92
Ванек	двор в Устье	30		15		1443, 29/VIII	94 v
Ванек	сад в Устье	1	5	полностью		1443, 28/IX	95
Янек	дом	7 без	10	—		1446, 29/XII	102 v
Зикмунд	кирпичная мастер- ская + сарай	2000	кирпи- чей +				
		11.	30	4		1447, 25/IX	105 v

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
39. Глиновалы:							
Ян	участок		6	—		1437, 14/III	17 v
Ян	дом	1			30	1441, без даты	43
40. Лавочки:							
Мартин	участок		100		10	1439, 27/VI	30
Янек	дом	4			30	1443, 1/III	55 v
Янек	дом	14		5		1444, 18/XI	64 v
Прокоп+Янек	сад	3 без	15		45	1442, 1/V	91 v
Мартин	луг	2	10	полностью		1445, без даты	98 v
Прокоп	дом	3		—		1447, 31/I	103
Янек	пол-лана	12			30	1447, 7/III	103 v
Мартин	луг	3	14	полностью		1448, 25/VI	112 v
Лауринек	дом	5	37		7	1448, июнь	114 v
Янек	дом	8		?		1445, 30/XI	72 v
41. Мелкие торговки про- довольствием:							
Маржа	дом	11 без	15	3		1448, 8/II	109 v
42. Возчики:							
Микулаш	дом	5	30	2		1445, 1/I	65 v

36 И. Малец	43. Возничие:						
Лингарт	дом	7	15	—		1436, 28/XI	15 v
Индришек	дом	1		?		1441, 2/XI	47
Лингарт	дом	2	28	—		1445, 17/II	66
Лингарт	сарай	6		—		1442, 12/XII	93
Ян	дом	8 без	5	—		1448, 19/II	110
44. Торговцы солью:							
Мареш	домик		54	—		1436, 17/I	11 v
45. Всадники:							
Янек	дом	7 без	15	4		1448, 27/III	110 v
46. Чеканщики монет:							
Монетчик	дом беглого Фрицека	1	30	заплатит долги		1436, 13/III	12 v
47. Школьные учителя:							
Ондрачек	дом		45	полностью		1439, 11/III	27 v
Янек							
Паловец	участок	2 без	2	—		1449, 4/IV	116 v
48. Рассыльные:							
Ян	дом		105	полностью		1439, 19/X	32
Ванек	дом	3	10		70	1441, 15/V	43
49. Писари:							
Зикмунд	дом	8	30	1	30	1433, 3/III	3
Ян	дом	7		2		1433, 12/III	3 v
Якуб	место под сарай		35	полностью		1436, 3/X	15
Якуб	место под сарай		30	полностью		1437, 2/V	18 v

Имя	Предмет купли	Стоимость		Наличными		Дата	Лист
		коп	гроши	коп	гроши		
Якуб	домик	2 без	5	полностью		1437, 19/VII	19 v
Дуора	участок		28	—		1442, 17/IX	52
Янек	дом	2		—		1443, 10/IX	58 v
Якуб	сад	2		—		1436, 8/V	81 v
50. Вспомогательные рабочие суконщиков:							
Ватл	дом	3 без	20	—		1444, без даты	62 v
Вавра	дом	4 без	10	—		1448; 17/V	104 v
Мартин	дом	4		1		1450, 15/IV	121 v

ПРИЛОЖЕНИЕ IV

ОБЗОР ГЛАВНЫХ ИСТОЧНИКОВ ПО ТАБОРСКОМУ ХИЛИАЗМУ

Для того чтобы легче ориентироваться в главе о паломничествах на горы и об агитации хилиастических священников—провозвестников Табора, нужно было дать в этом исследовании обзор главных источников по таборскому хилиазму, критически определить их место в истории и оценить их. Я исходил не из изучения рукописей—абзацы о хилиазме являются лишь частью работы о развитии Табора до 1452 года,—я только дал обзор и критическую оценку материала, собранного К. Гохом (K. Hoš, *Husité a válka*, «Česká mysl», 1907, str. 131 п.), Н. В. Ястребовым (Этюды о Петре Хельчицком и его времени, Петроград, 1908 г.), а главное—Ф. Бартошем (F. M. Bartoš, *Do čtyř pražských artykulů, exkurs IV, Z dějin chiliasmu*, 1420, str. 561 п., SPDMP, V—2). Прежде всего, этой работе Ф. М. Бартоша я обязан тем, что смог составить обзор главных источников и найти таким образом ключ к решению важных проблем чешского хилиазма.

Источники я привожу в хронологическом порядке. Я стремился кратко охарактеризовать эти источники, их авторов, метод изложения и установить время их появления. Я считаю нужным критически отнестись к датированию отдельных документов потому, что исходя из этого делались самые различные комбинации и гипотезы (напр., Бартош, Пекарж и т. д.). Как будет видно ниже, я скептически отношусь к возможности точно установить время появления недатированных документов и потому считаю важной методической ошибкой построение на таком гипотетическом датировании каких-либо выводов и домыслов. В этом случае в критическом анализе источников проскальзывают догадки, которыми обосновывают последующие домыслы.

1. *Трактат магистра Яна Пришбрама «Ad occurrendum»*

а) Об авторстве см. J. Sedláček, *Táborské traktáty eucharistické*, 1918, и F. M. Bartoš, *Literární činnost M. Jana Rokycany*, M. Jana Příbrama a M. Petra Payna, 1928, str. 66, č. 7.

б) Содержание опубликовано Й. Седлаком (J. Sedláček, *op. cit.*, str. 7 п.).

в) Датирование: Седлак (J. Sedláček, *op. cit.*, str. 7), основываясь на толковании одной рукописи от 17—IV—1919 года относит его к 1418 году или к началу 1419 года.

Бартош (F. M. Bartoš, *Literární činnost M. Jana Rokycany*, str. 66, č. 7) относит его к марту 1421 года. Он относит толкуемую рукопись к 1429 году, что не убедительно, так как содержание

трактата находится в противоречии со всем, что нам до сих пор известно о пикарстве, которое, по сообщениям хроник (напр., Вавржинца) и полемических трактатов (Якоубек), упоминается еще в дискуссиях 1420 и 1421 годов. Мне кажется, что эти доводы недостаточны для того, чтобы отнести трактат к 1421 году, как это предлагает сделать Бартош, и что—по крайней мере временно—следует удовлетвориться более правдоподобным датированием Седлака (1419 год).

Совершенно нелогичным кажется мне утверждение историографов, что пикарство было всего лишь наиболее ярко выраженным и по времени последним пределом, до которого осмелились дойти хилиасты. Я считаю, что скорее пикарство (то есть учение, отрицающее присутствие тела и крови Христа в причастии) могло быть у некоторых священников-хилиастов с самого начала неотъемлемой частью их учения, резко направленного против старого строя, против авторитетов и догм. Тот факт, что полемическая литература, направленная против пикартов, появляется лишь в 1420 и 1421 годах, может быть объяснен либо тем, что мы имеем дело с отдельными сохранившимися отрывками источников, либо—и это вероятнее всего—с окончательной расправой над хилиастами. В 1420—1421 годы, когда священники-хилиасты уже были отстранены, против них была поднята активная пропагандистская кампания, долженствовавшая полностью дискредитировать их. Пикарство было удобно использовать для обвинения священников, от которых хотела избавиться бюргерская оппозиция. Поэтому при искоренении хилиазма говорится о «самой чудовищной ереси»—пикарстве.

2. Воззвание паломника на Бзи Горе.

а) Это—анонимная листовка.

б) Опубликовано Палацким в АС, III, 205.

в) Датирование точное—17 сентября 1419 года.

3. Хилиастическое воззвание.

а) Воззвание—анонимно. Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 564) высказал предположение, что это, быть может, «официальное воззвание деревенских священников». Я добавляю, что вероятным адресатом воззвания был один из пяти избранных городов (в тексте сказано: «Пишем вам, как совершенным, могущим пользоваться всеми благами...»).

б) Опубликовано впервые Ф. М. Бартошем (F. M. Bartoš, op. cit., str. 576).

в) Датирование: Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, op. cit., str. 564) относит к началу января 1420 года. С этим нельзя согласиться. Здесь нет и следа упоминаний о преследованиях и мучениях, которым подвергались сторонники гуситов после ноября 1419 года. Вместе с тем призывы к бою помещены относительно на втором плане; нет намека на дискуссию и полемику о справедливости войны. Общая задача воззвания—мобилизация сил, и ни в коем случае не утешение, и не поднятие духа (как, напр., в АС, IV, 41—44). Этот внутренний анализ воззвания заставляет предполагать, что оно относится к периоду до ноября 1419 года.

4. Хилиастическое воззвание пяти святых городов.

а) Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, op. cit., str. 568) считает автором воззвания Гуску (на том основании, что в тексте встречается много выражений, свойственных моравскому диалекту). Но Бар-

тош не опровергает предположение Ястребова (там же, стр. 52 п. 1), который на основании сопоставления этого воззвания и письма Якоубека Ичину считает автором его Ичина. К. Крофта (СЧН, XV, str. 66) соглашается с Ястребовым. Я считаю, что ни то, ни другое толкование не может быть окончательным. Анонимность воззвания никоим образом не ослабляет значимости этого источника.

б) Опубликовано Палацким (АС, VI, str. 41—43).

в) Датирование: Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, op. cit., str. 568) относит его к марту—апрелю 1420 года, основываясь на том, что это якобы ответ на письмо Якоубека Ичину. Вместо такой формальной, гипотетической связи следует путем внутреннего анализа искать связь с общей ситуацией. В начале воззвания автор (или авторы) обращаются к верным братьям и сестрам в «час сей грозный и опасный», который «есть часом величайшей смуты и днями мести». Такое введение могло бы показывать, что документ адресован пражской бедноте или вообще бедноте, где бы она ни жила, изнывая под гнетом. А это заставляет нас относить воззвание к ноябрю—декабрю 1419 года, к тому времени, когда все попытки сосредоточить революционные силы в Праге потерпели крушение. Логически такая датировка делала бы воззвание откликом на ответ Якоубека, который, согласно Голлу (G o l l, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder, II, Praha, 1882, S. 49), относится к ноябрю 1419 года (или к зиме 1419/20 года). В начале 1420 года Пльзень, откуда могло быть послано это воззвание (впрочем, это мог быть другой из пяти городов), был уже ослаблен внутренними стычками и осадой, и центр революционного движения уже переместился в Табор, о котором в воззвании не упоминается совсем. Тем самым мы устанавливаем временную границу появления этого документа, то есть 24 февраля 1420 года, когда было разрушено Усти Сезимово. Совершенно исключается датировка Бартоша (март—апрель 1420 года) по той причине, что тогда Прага и вся страна уже поднялась на борьбу против Сигизмунда (см., например, хотя бы тот факт, что 4 апреля Желивский призывает общину записываться на бой против Сигизмунда). Если же судить по характеру воззвания, то оно возникло в атмосфере гнета, когда искоренялась всякая мысль о борьбе. Но и другие более мелкие намеки показывают, что справедливо было бы отнести этот документ к ноябрю—декабрю 1419 года. Пришло время пришествия Христа, и Христос «возвещает об этом времени... пленением и мучениями прежде всего божьих избранников». Такими словами автор мог намекать или на наступление реакции в Праге против бедноты после перемирия от 13 ноября 1419 года или на репрессии против восставшего деревенского населения, когда повстанцев вводили в Кутную Гору в последнем квартале 1419 года (см. Staré letopisy, ed. Charvát, str. 45: «Хватали людей на полях и увозили их в гору» в 1419 году!). И толкование, содержащееся в воззвании, что «горы»—это и есть «верные люди», и упоминание о пяти городах как центре сосредоточения революционных сил—все это говорит о том, что ноябрь—декабрь 1419 года—наиболее вероятная дата появления этого документа, ибо зимой 1419 года, в условиях усилившегося нажима феодалов на мятежную бедноту, горы перестали быть местом сбора революционных сил, так как центр революционной борьбы переместился в города.

5. Хилиастическое воззвание.

а) Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, op. cit.) считает автором Мартина Гуску, Ястребов (Ястребов, цит. соч.)—магистра Ичина; здесь опять-таки нам придется удовлетвориться констатацией того факта, что воззвание было анонимным (как в п. 4).

б) Опубликовано Палацким (АС, VI, str. 43—44).

в) Бартош (F. M. Bartoš, op. cit.) относит воззвание к марту—апрелю 1420 года. Но это исключается по причинам, изложенным в пункте 4 (преследования, угнетение и т. д.). Особенно я обращаю внимание на слова документа: «А городов тех пять, кои не последуют за антихристом, не поддадутся ему», что опять не может быть не чем иным, как намеком на политику пражского бюргерства после перемирия, заключенного им 13 ноября 1419 года. Скорее всего этот документ следует отнести к концу декабря 1419 года или к началу января 1420 года, потому что в нем содержится упоминание о венгерском короле, «который множество язычников побил, выйдя из града своего, сиречь из Венгрии...» Мы знаем (V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, IV, str. 28), что Сигизмунд, разбив турок, уже 15 декабря 1419 года прибыл в Брно. Его приезд из Венгрии в Моравию, в Брно, мог уже тогда грозить опасностью хилиастам. Это определяет временную границу появления возвания; к тому же в нем ни словом не упоминается о разрушении Усти Сезимова и основании Табора, следовательно, вероятнее всего это воззвание следует отнести к декабрю 1419 года или к январю 1420 года.

6. Хилиастические песни.

а) Это—три анонимные песни: «Слыхивал ли кто прежде, «Верные, возрадуйтесь в господа!» и «Возрадуемся, дождавшись!».

б) Опубликовано Зд. Неядлы (Zd. Nejedlý, Dějiny husitského zřevu za váleku husitských, Praha, 1913, str. 798—803).

в) Зд. Неядлы (Zd. Nejedlý, op. cit., str. 195) относит их к 1419 году, вполне справедливо основываясь на внутреннем анализе текстов.

7. Слово Якоубека из Стржибра и Кржиштяна из Прахатиц в споре священников, проповедника Микулаша и Вацлава.

а) Автор: Й. Голл (J. Goll, Quellen, II, str. 48) высказал мнение, что авторами были Микулаш Бискупец и Вацлав Коранда, представители умеренных и радикалов среди таборитов, обратившиеся к университету за разрешением своего спора. В общем и целом это мнение признается обоснованным (напр., Ястребов, цит. соч., стр. 57; Ноех, op. cit., str. 155 и К. Кгофта, ССН, XV, str. 69). Только Й. Пекарж (Pekář, Žižka, I, str. 97 п.) не соглашается с этим, но не приводит убедительных доводов. Я считаю гипотезу Голла весьма правдоподобной.

б) Опубликовано Й. Голл (J. Goll, Quellen, II, str. 51—53).

в) Датирование: Ф. Палацкий (F. Paláců, Dějiny národu českého, III/1, 3 vyd., str. 328 п.) относит «Слово» к октябрю 1419 года, В. В. Томек (V. V. Tomek, Dějepis města Prahy, IV, str. 13 п.)—к октябрю 1419 года, Й. Голл (J. Goll, Quellen, II, str. 49)—к ноябрю 1419 года. В то время Микулаш и Вацлав скорее всего могли быть в Праге, а вопрос борьбы был весьма актуальным. Ф. М. Бартош (ССМ, 1914, str. 307) в первый раз, а затем снова в «Do čtyř pražských artykulů» (стр. 564) относит документ к январю 1420 года, Й. Пекарж (Pekář, Žižka, I, str. 243)—к началу 1420 года.

Как видно, во всех случаях речь идет о гипотезах, обоснование которых не может нас полностью убедить. Трудно установить точную дату, да это и не нужно. Этому «Слову» университетских магистров совершенно напрасно придают такое большое значение, начиная с Голла (J. Goll, Quellen, II, str. 12), который хотел видеть в этом «споре» перелом внутри течения хилиастов. До тех пор якобы хилиастические пророчества распространялись спокойно и мирно; спор между Микулашем и Вацлавом является сигналом наступления периода насилия и борьбы. Но такие общепринятые попытки определить «ступени» в развитии хилиазма вовсе не соответствуют действительности, потому что здесь обращается внимание только на идеологию, только на борьбу идей. В действительности же борьба народных масс протекала совершенно независимо от жизни университета и вопреки ей. Открытое сопротивление, как это показано в тексте, назревало в чешских деревнях еще задолго до 1419—1420 годов и выражалось в мелких стычках. Призывы хилиастических священников к борьбе также относятся к более раннему периоду, чем этот спор и «Слово» университета. Напоминаю, например, призывы паломников на Бзи Гору, речи Коранды у Кржижек, нападения народа на церковные приходы, монастыри и т. д. Отсюда совершенно ясно вытекает, что о подобном переломе нельзя вообще говорить, а тем более связывать его со «Словом» Якоубека и Кржиштяна.

Для того чтобы использовать этот документ, вполне достаточно будет отнести его к зиме 1419/20 года, то есть к периоду, которому он и соответствует всем своим тоном (растерянность и отрицание справедливости борьбы народных масс).

8. Письмо магистра Якоубека из Стржибра о хилиастических пророчествах.

а) Об авторстве см. Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Literární činnost M. Jakoubka ze Stříbra, Praha, 1925, str. 55, č. 79); по содержанию—почти бесспорно.

б) Выдержки опубликованы Й. Голлом (J. Goll, Quellen, II, str. 57—59).

в) Датирование: Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Literární činnost M. Jakoubka ze Stříbra, Praha, 1925, str. 56), а также в труде «Do čtyř pražských artykulů» (стр. 564), относит письмо к январю 1420 года; Й. Пекарж (Pekář, Žižka, I, str. 243)—к январю—февралю 1420 года; Й. Голл (Goll, Quellen, II, str. 57)—к ноябрю 1419 года.

Установление точной даты и в этом случае исключено; скорее всего, если учесть упоминания об агитации хилиастических священников относительно пяти городов, кроме Праги,—письмо следует отнести к зиме 1419/20 года.

9. Листовка против хилиастов из Раковника.

а) Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 563 и «Literární činnost M. Jakoubka», str. 55, č. 77) приписывает его Якоубеку только потому, что она имеет то же направление, что и труды, бесспорно принадлежавшие перу Якоубека. С методической точки зрения это совершенно неверно, ибо таким образом одной личности приписываются все родственные документы. Автор анонимен; это был представитель тех же классовых интересов, что и Якоубек.

б) Опубликовано с ошибками (Höfle, Geschichtsschreiber der hussitischen Bewegung, II, Videň, 1865, s. 635—636). Вторично и правильно опубликована Бартошем (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, příloze II, str. 577).

в) Точная дата содержится в самой листовке: 22 января 1420 года.

10. *Послание Пражского университета к неизвестному пану об условиях дозволенной войны.*

а) По Гоху (K. H o s h, Husité a válka, str. 292 n.) адресатом должен был быть Ян Жижка из Троцнова. Гох связывает это послание с рассказом брата Лукаша от 1527 года (см. ССН, 1883, str. 525). Более правдоподобно предположение Бартоша (Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 569) и Пекаржа (ССН, 1925, str. 86, p. 4 и P e k a ř, Žižka, I, str. 99) о том, что послание адресовано пану Брженеку Швиговскому, в то время—руководящей личности среди таборитов.

б) Впервые опубликовано Бартошем (Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 577—580).

в) Точная дата в самом послании: 17 февраля 1420 года.

11. *Письмо магистра Якоубека из Стржибра магистру Яну Ичину.*

а) Автор и адресат названы в тексте.

б) Опубликовано в выдержках Голлом (J. G o l l, Quellen, II, s. 59—60).

в) Датирование: Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Literární činnost M. Jakoubka, str. 56) относит письмо к февралю 1420 года. Я согласен с этим, ибо на этот срок указывает упоминание в тексте письма о том, что время пришествия Христа кончилось («nominastis certum tempus Scolastice et Valentini ... quod tempore illo plaga... debuisse venire»). По этому конъюнктиву плюсквамперфектума я, так же как и Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 566, p. 30), сужу, что «terminus a quo» относится ко времени после 14 февраля 1420 года. «Terminus ad quem» определен тем, что в тексте содержатся опасения по поводу возрастающей активности народных масс в Праге и в провинции, которая и отмечалась весной 1420 года. Ни в коем случае нельзя датировать время появления письма маем 1420 года. Таким образом, правдоподобнее всего мнение Бартоша, считавшего, что письмо появилось в конце февраля 1420 года.

12. *Трактат «Noverint universis».*

а) По Ястребову автором этого документа был Микулаш Бискупец (Ястребов, цит. соч., стр. 67). Основание: это—тот же автор, который написал трактат «De homicidio» (изд. Ястребов, цит. соч. стр. 111—115), Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Literární činnost M. Jakoubka, str. 62) приписывает, однако, и этот трактат Якоубеку. К. Крофта (ССН, XV, str. 71) считает авторство Бискупца правдоподобным. Ф. М. Бартош затронул вопрос об авторстве Якоубека еще в ССН (XVI, 1910, str. 414), а подробнее остановился на нем в своем труде «Do čtyř pražských artykulů» (стр. 572) и в «Literární činnost» (С 81, str. 56). Й. Пекарж (ССН, 1926, str. 374) в основном соглашается с выводами Бартоша и считает авторство Якоубека вероятным. Мне кажется, что доказательства Бартоша в пользу того, что автором этого трактата был Якоубек, являются более чем правдоподобными.

б) Опубликовано в сокращении Й. Голлом (J. G o l l, Quellen, II, str. 55—56, traktát C).

в) Датирование: Бартош (F. M. Bartoš, op. cit., str. 572) относит трактат к весне 1420 года. Внутренний анализ трактата подтверждает обоснованность этого мнения. Трактат призывает к борьбе—впрочем, с оговорками—только знать. Это означает, что пражскому бюргерству уже казалось почти неизбежным военное столкновение с Сигизмундом—следовательно, документ относится ко времени после марта 1420 года, когда провалились переговоры. И напротив, тот факт, что в трактате воспрещалась агитация священников и народная борьба, показывает, что появление трактата невозможно после 1420 года, то есть, когда в Праге уже собирались отряды таборитов и повстанцев из других мест Чехии. Этот трактат явно более ранний, чем тот документ, который мы разобрали под пунктом 7.

13. *Трактат «Bellandi materiam concernit infra scriptum».*

а) Авторство: Ястребов (Ястребов, цит. соч., стр. 70 и сл.) считает трактат анонимным, К. Крофта (ССН, XV, str. 69) тоже. Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 571) приписывает его перу Пршибрама, обосновывая это «национализмом» последнего. Й. Пекарж (J. P e k a ř, Žižka, I, str. 257, p. 5) считает трактат анонимным. Замечание Бартоша весьма точно; впрочем, автором трактата мог быть и кто-нибудь из сторонников Пршибрама, из представителей пражского бюргерства.

б) Опубликовано в сокращении Й. Голл (J. G o l l, Quellen, II, str. 53—55, traktát B).

в) Датирование: Ястребов (Ястребов, цит. соч., стр. 61) считал, что этот трактат является откликом на действия наемной армии Сигизмунда и что поэтому время его появления следует отодвинуть к возможно более раннему периоду. Но Крофта (ССН, XV, str. 69) правильно обращает внимание на то, что это слишком общее указание и что по этому нельзя судить о дате появления трактата. Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů) датирует его весной 1420 года; а в «Literární činnost M. Jana Rokycanu, Přibrama a Paupa» (стр. 63) он называет датой появления его август 1420 года. После анализа трактата я считаю, что он возник весной или летом 1420 года. «Terminus ad quem»—осада Праги. Я не могу себе представить, чтобы автор хотя бы одним словом—или даже общим характером всего трактата—не затронул столь крупного события, которое превратило Прагу на длительное время в военный революционный лагерь. «Terminus a quo»—скорее всего момент окончательного провала попыток пражского бюргерства примириться с Сигизмундом, предпринятых в марте и апреле 1420 года. О том, что трактат появился в период между апрелем и июнем, свидетельствуют и содержащиеся в тексте намеки на борьбу чехов против чехов и войны. Трактат вполне укладывается в рамки общей дискуссии по этому вопросу. В то время уже и пражское бюргерство и университет волей-неволей вынуждены были уступить революционному напору народных масс и угрозам Сигизмунда и дать согласие на борьбу. Итак, наиболее вероятная датировка—апрель—июнь 1420 года.

14. Трактат «De bello»

а) Автором является магистр Ян Пршибрам. Это доказал Ястребов (Ястребов, цит. соч., стр. 63); все историки соглашаются с его выводами (Krofta, ČSN, XV, str. 69; Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 571; Pekař, ČSN, 1925, str. 101, p. 4; ČSN, 1926, str. 374; Pekař, Žizka, I, str. 257). Доказательства Ястребова вполне убедительны.

б) Опубликован Й. Голлом (J. Goll, Quellen, II, str. 56—57, traktát D).

в) Датирование: Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, op. cit., str. 570) относит трактат к началу 1420 года, после сообщения о сожжении Яна Красы. Й. Пекарж (J. Pekař, Žizka, I, str. 139) называет время на грани начала сопротивления Сигизмунду.

Вряд ли можно назвать другое время для появления этого трактата, кроме июля 1420 года, в самый разгар патриотической борьбы всех чешских гуситов против иноземных захватчиков (во введении говорится: «undique bella strepant et crassetur plus solite gladius fratrum contra fratres et gencium contra gentes»). Только этот момент мог найти свое отражение в общем характере документа, содержащего, правда, еще множество оговорок против насилия, борьбы и войны; но все же в заключительной части трактата ясно высказано одобрение войны на благо родины, которой угрожает международная реакция. Этот трактат был пределом энтузиазма бюргерства; дальше оно уже не могло пойти.

15. Таборские хилиастические статьи.

а) Сохранились до наших дней лишь в трех списках, авторами которых были университетские магистры, собиравшие «таборскую ересь» (Vavřina, FRB, V), и магистр Ян Пршибрам (трактат «Contra articulos Picardorum» — см. Krofta, ČSM, 1899, str. 209 п.). Авторство статей, изданных в АС (III, s. 218 п.), невозможно определить.

б) Опубликованы: 1) АС, III, str. 218—225; здесь собраны 91+3 статьи. 2) FRB, V, str. 454 п.; здесь 72 (чешский перевод 73) статьи. 3) J. Dollinger, Beiträge zur Sektengeschichte des Mittelalters, II, s. 691—700 и еще ранее F. Procházka, Miscelaneen der böhm. und mähr. Literatur, Praha, 1784—1785, str. 280—293; здесь—76 статей.

в) Датирование: Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 574) считает наиболее древним текстом 1-й, остальные—2-й и 3-й—он относит к ноябрю и декабрю 1420 года. «О рецензиях» статей почти так же писал и Й. Голл (FRB, V, str. 454, p. 6) и К. Крофта (ČSM, 1899, str. 211).

По моему мнению, ясно, что статьи, включенные в «Хронику» Вавржинца (FRB, V, str. 454), следует рассматривать как материал, собранный университетскими магистрами для обоснования своей позиции в дискуссии, проводившейся в декабре 1420 года в Эмрзиковском соборе. На это правильно указал Пекарж в своей критике Ф. М. Бартоша (ČSN, 1926, str. 374 п.). Дело в том, что Бартош сомневался в том, насколько обоснованно Вавржинец относил эти статьи к декабрю 1420 года. Совершенно также следует согласиться с датированием трактата Пршибрама и содержащихся в нем статей ноябрем—декабрем 1420 года (см. F. M. Bartoš, Literární

činnost M. Jana Rokycany, M. Jana Příbrama a M. Petra Payna, str. 64, č. 5).

И, напротив, остается открытым вопрос о датировании статей из АС, III. Мне кажется неверным мнение Бартоша, что это—наиболее старый текст статей. (Бартош этого не обосновал.) «Terminus a quo» определяется наличием в дополнениях воззвания, чтобы верные бежали на горы «и на Табор», и, следовательно, они появились—или были собраны—после основания Табора весной 1420 года. «Terminus ad quem», видимо, определяется тем, что сюда же включены даже евхаристические статьи, укоряющие таборских священников в пикарстве. Все это могло бы соответствовать широкой кампании против таборского пикарства 1420 и 1421 годов. Поэтому я датировал бы скорее всего эти статьи из АС (III) концом 1420 года. Впрочем, установление точной даты появления этих статей—я сомневаюсь, можно ли это вообще сделать—не так уж важно. Таборские статьи, составленные противниками Табора, могут дать картину таборского хилиазма, только взятые в целом и в сопоставлении друг с другом. А нить, связующая эти разрозненные статьи, наверное, навеки утрачена.

16. Хилиастические статьи, включенные в «Výklad na zjevení sv. Jana» Якоубека.

а) Об авторстве см. В. Флайшганса (V. Flajšhans, VA, X, str. 597; VKČSN, 1903, str. 23 п. и ČSM, 1905, str. 131).

Ф. М. Бартош (LF, 1923, str. 119 п.) высказал предположение, что автором этого документа является Якоубек, еще в своем труде «Kniha Z. Nejedlého o husitské písní a bohoslužbě» (стр. 15, п. 4) и далее—в труде «Literární činnosti M. Jakoubka» (стр. 64, № 99). Й. Пекарж соглашается с конечным выводом Бартоша (ČSN, 1925, str. 88 и Žizka, I, str. 106 п., 247). Ф. Шимек во введении к изданию (стр. IX—X) только подтвердил мнение об авторстве Якоубека.

б) Издание: F. Šimek, M. Jakoubek ze Stríbra, Výklad na zjevení sv. Jana (Sbírka pramenů českého hnutí náboženského ve stol. XIV a XV, sv. 18—18, Praha, 1932—1933, str. 525 п.). Только хилиастические статьи опубликовал Флайшганс (VKČSN, 1903, str. 25—28).

в) Датирование: Ф. М. Бартош (Bartoš, Literární činnost M. Jakoubka, str. 64) относит примерно к 1421 году; Й. Пекарж (J. Pekař, Žizka, I, str. 106)—примерно к 1420—1422 годам, Ф. Шимек во введении к изданию (стр. XI и сл.)—от конца 1420 до 1422 года. Хилиастические статьи появились, видимо, зимой 1420/21 года.

17. Хилиастический трактат.

а) Авторство—анонимное, причем мы лишены возможности определить автора. Й. Пекарж (ČSN, 1926, str. 371) высказал даже сомнение, связан ли он вообще с чешским хилиазмом. Это, конечно, сверхкритично, хотя и не достаточно обоснованное мнение; ведь отдельные статьи трактата касаются пророчеств чешских хилиастов, известных по другим источникам.

б) Издал Ф. М. Бартош (F. M. Bartoš, Do čtyř pražských artykulů, str. 582—591).

в) Датирование: Ф. М. Бартош (Bartoš, op. cit., str. 573) считал, что трактат возник «после рокового кризиса, который пере-

живал хилиазм в середине февраля 1420 года...» Здесь Бартош исходит из одного места в трактате, в котором говорится о ехидных вопросах противников хилиазмов, а именно—«где же предсказанный конец света и пришествие Христа». Впрочем, возникновение трактата можно было бы отнести и к концу 1420 года. Так как все эти указания, как и самый трактат, весьма туманны и общи, то я не отваживаюсь точно определять время его возникновения. Лишь предположительно я отношу его к 1420—1421 годам.

18. *Трактат «О божи духовním»*

а) Автор—П. Хельчицкий (см. Krofta, op. cit., в предисловии к изданию).

б) Издан Крофтой во Всемирной библиотеке.

В этом издании на стр. 8 и 27 есть упоминания о хилиазме.

в) Датирование: К. Крофта в предисловии к изданию (стр. XI) относит время появления трактата к первой половине 1421 года. Такое датирование в общем признает, например, и Р. Урбанек (R. Urbánek, České dějiny, III/3, str. 910 atd.), Ястребов (Ястребов, цит. соч., стр. 120—137) относит трактат к 1420—1422 годам, Й. Пекарж (J. Pečář, Žižka, I, str. 155) к 1420—1421 годам. Отнесение трактата к первой половине 1421 года мне кажется убедительным. Определяя время появления трактата после истечения 1420 года, Крофта опирался на место в трактате, где Хельчицкий говорит о том, как хилиасты ожидали и предрекали конец света, и как «сроки их минули» (стр. 27). Известно, что мясупуст 1420 года должен был быть границей между гибелью царства антихриста и наступлением христового царства. В соответствии с этим время возникновения трактата можно было бы отнести и ко второй половине 1420 года.

19. *Трактаты священника Яна Чапека.*

а) Известны лишь по упоминаниям о них у Пржибрама (Příbram, Život kněží tábořských, č. 24). О Чапеке, его мировоззрении и песнях см. также Zdeněk, op. cit., str. 169 п.

б) Датирование: 1419—1421 годы.

20. *Труды Мартина Гуски по прозвищу Локвис.*

а) Это—статьи, перепечатанные Хёфлером (Höfler, Geschichtsschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen, II, S. 828); послание, опубликованное в FRB (V, str. 493—495) и в «Vyznání o chlebu živém a věčném» (ed. v JSH, I, str. 8 п.).

б) Датирование: 1420—1421 годы. Это—обрывки документов, касающиеся главным образом вопросов евхаристии.

21. *Священник Петр Каниш—«Vyznání víry a věčere Páně».*

а) Издал А. Фринта (JSH, I, str. 6 п.).

б) Датирование: Ф. М. Бартош (JSH, I, str. 2 п.) относит к 1421 году.

22. *Петр Хельчицкий—«Replika proti Mikuláši Biskupcovi tábořskému»*

а) Изд. Josef Straka в приложении к JSH (Табор, 1930). Это—упоминания о Мартине Локвисе и о хилиастах (главным образом—на стр. 54).

б) Датирование: Ф. М. Бартош (ČSM, 1914, str. 150 п.) и Ян Седлак (J. Sedláček, Tábořské traktáty eucharistické, 1918) относят этот документ приблизительно к 1425 году.

23. *Микулаш Бискупец—«Výklad na Zjevení sv. Jana».*

а) Указание о нем дал Ф. М. Бартош в ČSPSČ (XXIX, str. 110—111). Здесь есть упоминания об остатках хилиазма в Таборе в 1425—1426 годах, которыми и датируется этот документ.

24. *Магистр Ян Пршибрам—«Život kněží tábořských».*

а) Издал неполностью Винаржицкий в ČKD (1863, str. 420—450, str. 571—577). Заново и полностью издал Маецк (J. Maček, Ktož jsů boží bojovníci, Praha, 1950, str. 262—309).

б) Датирование: 1429 год (см. F. M. Bartoš, Literární činnost, str. 77, č. 19). В начале этого трактата Пршибрам описывает деятельность и идеи хилиастических священников в Таборе.

Основным источником для изучения хилиазма является у нас «Kronika Vavřince z Březové» (FRB, V, od str. 400); Вавржинец включил в свое повествование и хилиастическую жалобу (на стр. 417—424), а также и остальные сведения летописцев, как, например, «Staré letopisy české» (изд. Палацкий), где хилиазму отведена особая глава (стр. 478—479), не считая абзацев в летописном описании 1419—1421 годов. Обрывки сведений о хилиазме также мы найдем в «Staré letopisy» (изд. Шимек, стр. 27—29); важное значение приобретают сведения из «Táborské kroniky» Микулаша по прозвищу Бискупец (ed. Höfler, II, str. 477—481) и из «Monumenta concilio» (I, str. 425). Мелкие упоминания содержатся в «Anonymní invectiva» от 1431—1434 годов (ed. Höfler, I, s. 627), в «Книге казней» панов из Рожмберка (ed. F. Maček, s. 25) и др., в послании кардинала—легата королю польскому Владиславу от 1424 года, в письме Энея Сильвия Пикколомини кардиналу—легату Карваджалу от 1451 года (ed. Wolke, in FRA, 68, str. 23—27) и, наконец, упоминание о священнике Чапеке—Cochlae, Historiae Hussitarum, I, XII (Моуш, 1549, str. 544). Хилиастической является и шестнадцатая статья в перечислении 38 ересей, приписываемых «новым еретикам—гуситам» в Молдавии, которые, видимо, были связаны с агитацией таборских священников (Pokeš, Husitika vaticánské knihovny v Římě, str. 68).

Перечисленные и упорядоченные важные и мелкие сведения и источники о развитии таборского хилиазма позволили нам создать предположения для правильной интерпретации и для понимания всего процесса агитации хилиастических священников. Теперь мы не только можем составить себе общее представление об источниках для изучения таборского хилиазма—этот обзор дал нам возможность определить, какие именно источники можно использовать для характеристики зачатков хилиазма, агитации проповедников в период паломничества на горы и подготовки основания Табора. Это—документы, перечисленные здесь под 1—9, возникновение которых мы можем отнести ко времени, предшествующему основанию Табора в марте 1420 года; анализ этих материалов дает нам возможность изучить идеологию в период подготовки и создания революционного центра. Естественно, однако, что важным материалом является для нас летопись Вавржинца (а именно та ее часть, которая относится к 1419 и к началу 1420 годов), а также и особая часть, посвященная Табору (к стр. 403). Остальные источники будут использованы в другом труде, в главе, посвященной подробно разбору хилиазма в Таборе.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- AA —Agrární archiv
 AČ —Archiv český
 AÖG —Archiv für österreichische Geschichte
 ČČH —Český časopis historický
 ČČM —Časopis Musea království českého, později Časopis Národního musea
 ČDV —Časopis pro dějiny venkova
 ČKD —Časopis katolického duchovenstva
 ČMM —Časopis Matice Moravské
 ČSPSČ Documenta —Časopis společnosti přátel starožitností českých
 Erben I, II, III —F. Palacký, Documenta vitam et doctrinam Magistri Johannis Husi illustrantia, Praha
 —K. J. Erben, Mistra Jana Husi Sebrané spisy české, I—III, Praha, 1865—1868.
 FRA —Fontes rerum austriacarum
 FRB —Fontes rerum Bohemicarum
 Goll, Quellen —J. Goll, Quellen und Untersuchungen zur Geschichte der böhmischen Brüder, Praha, 1882.
 Höfler I, II, III —K. Höfler, Geschichtsschreiber der husitischen Bewegung in Böhmen, I—III, Praha, 1856—1866.
 JSH —Jihočeský sborník historický
 LF —Listy filologické
 MC —Monumenta conciliorum generalium saeculi XV
 MIÖG —Mitteilungen des Institutes für österreichische Geschichtsforschung
 MVGD B —Mitteilungen des Vereins für Geschichte der Deutschen in Böhmen
 PA —Památky archeologické
 Sitzungsberichte —Sitzungsberichte der philosophisch-historischen Classe der Akademie der Wissenschaften, Wien
 SPDM P —Sborník příspěvků k dějinám hlavního města Prahy
 UB —Urkundliche Beiträge zur Geschichte der Husitenkriege, ed. F. Palacký.
 VKČSN —Věstník Královské české společnosti nauk
 Cod. iur. munic. —Codex iuris municipalis, III, ed. J. Čelakovský a G. Friedrich, Praha, 1948

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Альбрехт Австрийский 486
 Альбрехт из Колдиц 348
 Алеш из Дубы (по прозвищу Шкопек) 340, 353
 Альжбета Ваварова 461, 462
 Амброж из Градца Кралове 308, 350
 Анна из Мохова 285
 Антон, Петр из Усти 286
 Антох 322
 Арий Александрийский 239, 276
 Арнольд Брешианский 59
 Арнольд Э. 27
 Арношт из Пардубиц 99, 235
 Бартошь 461, 462
 Бартош Ф. М. 34, 48—51, 90, 125, 127, 187, 195, 198, 204, 211, 227, 228, 231, 233, 234, 247, 248, 250, 251, 255, 263—265, 270, 271, 275, 288—291, 293, 295—297, 299, 305, 307, 314, 315, 323, 334, 336, 337, 340, 341, 344, 356, 357, 365—367, 380, 390, 432, 433, 465, 467, 484, 485, 489, 490, 563—573
 Бартошек из Драгениц 304, 334, 395
 Бедржих—немой патер 322
 Бецольд Фридрих фон 31, 195, 398, 467
 Блажек 322
 Богуслав из Швамберка 347
 Болл Джон 59, 77, 78, 86, 113
 Бранди 573
 Брженек из Швигова 347, 354, 355, 363, 568
 Бюхер К. 437
 Вавржинец из Бржезовы 304, 312, 313, 315, 316, 318, 322—325, 334, 340, 341, 347, 348, 350, 352, 355, 363, 366, 368, 375, 386, 393, 394, 428, 464—474, 481, 506, 507, 564, 570, 573
 Вальдгаузер Конрад 193, 207—210, 236, 260
 Валкун из Адлара 355
 Вальта из Уезда 403
 Ванек из Крумлова 420
 Ванек из Нетолиц 403
 Ванек Рыжий 322
 Ванек из Смерчи 405
 Ванчек 363, 470
 Варчик 322
 Вацек Ф. 159, 160, 167, 168
 Вацлав IV, чешский король 26, 105, 127, 128, 131, 140, 145, 166, 169, 187, 189, 201, 263, 266—268, 272, 275, 282, 296, 301, 306, 322, 323, 325, 327, 333, 339, 341, 344, 349, 350, 366, 372, 373, 391, 475
 Вацлав из Дубы 487
 Вацлав из Свице 402
 Вах из Загоржи 420, 421
 Вах из Лыготы Рагиборовой 420, 421
 Вах из Смедеча 420, 421
 Вебер М. 82
 Велеславин 467
 Венек 486
 Викторин из Кунштата 340
 Вилем из Хазмбурка 322, 341, 342, 353
 Виндеке Эбергард 134, 336, 338, 371, 394
 Винтер 233
 Владислав, неаполитанский король 297

- Владислав, польский король 573
 Войтех Раньков из Ежова 177
 Войтишек В. 431, 436, 450, 451
 Вокс из Вальдштейна 297
- Гавлик Чабельский 430, 431
 Галлер 102
 Гансен Й. 227
 Гарант из Бржезовика 419
 Гарибальди 57
 Гаупт Г. 241
 Гебауэр Ян 89, 127
 Гейнц Изачек 429
 Гержман 306
 Гержман из Градца 279
 Гильом Каль 74
 Гинек Крушина из Лихтенбур-
 ка 274
 Голик, сапожник 459
 Голик из Райова 416
 Голинка Р. 43, 195, 210, 227,
 231, 233, 240, 246, 290
 Голл Ярослав 39, 51, 55, 227,
 284, 356, 361, 366, 386, 387,
 464, 466, 467, 469, 565—570
 Голус Ян 460
 Гонорий из Отена 102
 Готвальд Клемент 22, 25, 47,
 63
 Гох К. 563, 568
 Гох из Милетинек 420
 Граус Фр. 24, 49, 71, 91, 97, 99,
 139, 147, 149, 160, 161, 166,
 168, 188, 208, 250, 257, 405,
 451, 461, 463
 Григорий XII, римский папа 297
 Григорий IX, римский папа 69
 Громадка, звонарь 363, 470
 Грубый 97, 160
 Гус Ян 44, 45, 49, 57—59, 64, 94,
 97—101, 108, 109, 111, 112, 115,
 127, 130, 137, 138, 142, 149,
 156, 159, 165, 171, 172, 180—
 182, 184, 193, 196, 198, 200,
 202, 210, —222, 238, 239, 242,
 243, 246—248, 250, 256—260,
 263—266, 268—270, 272, 275,
 278, 280, 281, 283, 285—292,
 294, 297—300, 302, 307, 309,
 314, 337, 338, 340, 344, 390,
 426, 476, 477
- Деллингер 227, 228
 Десител 407
- Детржих из Ниема 264
 Длугош 494
 Дольчино 233
 Домин из Доудлеб (из Славче)
 407
 Домин из Милетинек 420
 Домшик 300
 Донинский Вацлав 348
 Дорота из Радимовиц Ондра-
 кова 459
 Духонь из Ямы 420, 421
- Ениш из Тодня 407
 Есениц 293, 380, 388
- Железный Ян 264, 274, 275, 307
 Желивский Ян 28, 30, 88, 91—
 93, 150, 189, 193, 199, 250,
 257—259, 261, 289, 294, 296,
 302—305, 309, 329, 331, 333,
 350, 381, 385, 391, 468, 473,
 565
 Жижка Ян из Троцнова 23, 28,
 30—39, 42, 45, 48, 52, 126, 130,
 304, 332, 334, 349, 350, 355,
 363, 365, 394, 395, 399, 401,
 407, 436, 468—470, 472—474,
 486, 492, 493, 496, 502, 568
- Заннекин Николай 73
 Збынек из Бухова 496
 Збынек Заяц из Хазмбурка 296
 Зига из Кленового 407
 Зигмунд 322
 Зигмунд из Хотишан 308
 Зингер Г. 94
- Иероним Пражский 263, 265, 283,
 337, 390
 Иехт 463
 Индржих из Вартемберка 340
 Индржих Кржиж из Загоржи
 420, 421
 Индржих из Рожмберка 306
 Индржих из Хлума (по прозви-
 шу Лацембок) 274
 Индржих из Шумбурка 232, 233
 Иннокентий III, римский папа
 320
 Иоанн XXII, римский папа 72,
 102, 103, 105, 106, 233
 Иоанн XXIII, римский папа 274,
 283, 297
 Иоахим Флорский 224, 384, 385
- Иоган из Пржислопи 420, 422
 Ира из Розток 465
 Ира Тржикратэлий 417
 Иржи Подебрад 23, 47, 504, 506,
 510
 Ичин 286, 298, 322, 326, 375,
 378, 385, 565, 566, 568
- Йога, пекарь 286
- Кадлец Й. 98, 179, 187, 422, 423
 Калоусек 274, 275
 Камарит из Жировницы 407
 Каниш Петр 286, 322, 572
 Капр, сапожник 459
 Карваджал 573
 Кардинал Ян 293
 Карл IV 79, 104, 105, 140, 145,
 169, 180, 185, 187, 201, 208, 236
 Катержина из Правонина 430
 Каутский Карл 61, 62, 195
 Кветон из Планской 420
 Квирич 322
 Кларич Зикмунд 488
 Климент VI, 103, 105
 Клик из Загоржи 420, 421
 Коларж 285, 313, 369, 432
 Конрад 353
 Конрад из Вехты 306
 Конрад Курт 25, 31, 62, 63, 159,
 177, 331, 493,
 Коранда Вацлав 239, 263, 283,
 285, 293, 294, 322, 329, 330,
 332, 347, 354, 356, 363, 367,
 376, 377, 387, 392, 566, 567
 Крауз 485
 Крейбих Карел 25, 62
 Кржиж, основатель Вифлеем-
 ской часовни 251
 Кржиштян из Прахатиц 283—
 285, 292—294, 376, 566, 567
 Крофта Камил 36, 48, 102, 155,
 156, 283, 289, 565, 568—570,
 572
 Кужел из Крумлова 420
 Кунеш из Тржеблова 176, 177,
 347
- Ладислав Погробек 504
 Лецек из Загоржи 420, 421
 Ленин В. И. 46, 61, 88, 191, 192
 Леонардо Аретинский 265
 Лескова Нога 274
 Лефль из Лажан 314
- Лизна 407
 Ли Ч. 96, 227, 229, 230, 344
 Лозерт И. 213, 233
 Лоренц 467
 Лудольф Заганьский 394
 Лукаш 322
 Лупач Мартин 354, 467
 Лютер Мартин 60
- Майнуш из Бржезинца 407
 Майнуш из Пецлинова 407
 Марек из Радимовиц Ондракова
 459
 Мареш из Клатова 430
 Мареш Фр. 400, 402, 512
 Маржик из Ктише 420
 Маркольт 322
 Маркс Карл 25, 57, 58, 61, 65,
 69, 83, 85, 135, 139, 141,
 250, 280, 344, 396, 448
 Марсель Этьен 74, 75, 87
 Мартин, сапожник 459
 Мартин Гуска (по прозвищу Лок-
 вис) 382, 564, 566, 572
 Мартин из Кленовиц 420
 Мартинек 322
 Масарик Т. Г. 25, 42, 44—48,
 50, 55
 Матей Влк 322
 Матей Микшиков из Ямы 420,
 421
 Матей из Пржислопи 420, 422
 Матей из Хустника 407
 Матей из Янова 149, 150, 193,
 209, 210, 238, 260
 Матоуш из Кракова 112
 Мацек Й. 24, 286, 475, 573
 Мацек из Ямы 420, 421
 Машек 322
 Мендл В. 36, 114, 138, 152, 429,
 445, 446, 451, 463
 Микеш Дивучек из Емнишь 343
 Микеш Питлик из Загоржи 420
 Микулаш, кузнец 461
 Микулаш, писарь 462
 Микулаш Бискупец из Пельгр-
 жимова 239, 313, 367, 368,
 375—377, 381, 393—396, 433,
 489—491, 496—498, 502, 506—
 508, 566—568
 Микулаш из Баворова 415
 Микулаш из Гуси 263, 322, 323,
 347, 348, 350, 355, 407, 496
 Микулаш из Дражичек 430

- лаш из Дрездена 107, 193, 228, 250—258, 261, 289, 394, 395
- Микулаш из Жампаха (или из Потштейна) 274
- Микулаш Мнишек из Пльзенского края 307, 308
- Микулаш Сенатор из Собеслава 410
- Младеновиц 265
- Мюллер К. 195
- Мюнцер Томас 60
- Неедлы Зденек 25, 54—56, 200, 204, 287, 291, 295, 318, 369, 416, 566
- Нейман П. А. 94, 109, 227, 271
- Новак 102
- Новак К. 204
- Новачек 134
- Новотный В. 208, 270, 299, 301
- Ольдржих из Градца 233, 234
- Ольдржих из Рожмберка 134, 179, 306, 341, 351, 353, 393, 400, 486, 487, 491, 492, 500—502
- Ольдржих из Усти 286, 364
- Ондрачек, сапожник 459
- Ондржей из Брода 110, 124, 133, 134, 189, 239, 342, 343, 371, 411, 477, 478, 480—484, 506, 507
- Ондржей из Дубы 128
- Ондржей Ржезенский 163, 164, 194, 241, 393, 395, 476—478
- Ондржей из Эскобара 393, 484, 485
- Ота из Бергова 274, 275
- Палацкий Франтишек 25—30, 32, 38, 42, 44, 48, 52, 55, 61, 134, 157, 203, 233, 281, 283, 284, 293, 295, 388, 398, 424, 469, 485, 491, 519, 564—566, 573
- Палачек 322
- Паловар Иоанн 393, 495
- Пахта Ян 31
- Пекарж Йозеф 25, 31—39, 41, 43, 48, 52, 53, 125, 126, 130—132, 150, 153—156, 181, 195, 210, 228, 238—240, 249, 255, 258, 270, 276, 284, 289, 293, 295, 296, 301, 304, 305, 307, 314, 323, 328, 329, 334, 336, 337, 341, 344, 347, 350, 355, 366, 369, 390, 394, 395, 398—402, 410—412, 416, 418, 432, 464, 466, 467, 469, 470, 474, 478, 485, 492, 503, 563, 566—572
- Пелагий 239
- Пеликан И. 112, 411, 423
- Петр, сапожник 459
- Петр Большой 286
- Петр из Дрездена 252
- Петр из Ктише 420
- Петр Маловцов 274
- Петр Немец 322
- Петр из Острой Горы 420
- Петр Пейн (Энглиш) 239, 494, 495
- Петр из Пилихдорфа 237
- Петр из Уезда 416
- Петр из Штернберка и Конопиштя 272, 343, 348, 487
- Петржиж рудокоп 459
- Петрушевский Д. М. 76
- Пинта 460
- Пиренн Г. 71, 82
- Плеханов Г. В. 222
- Поберчка 407
- Поджо Браччолини 265
- Покровский М. Н. 53
- Прегер В. 233, 241
- Прокоп писарь 393, 474
- Прокоп Гольй (Великий) 24, 34, 53, 492, 493—495
- Прокоп из Пльзеня 241, 393, 398, 495
- Прокоп Сливен 322
- Прокоп из Усти и Каменце 363
- Пршех из Ольбрамовиц 269
- Пршибик из Жабовржеск 402
- Пршибик Глукса из Каменной 407
- Птачек из Ратай 348
- Пула из рода Скалы 272
- Путны Ян 265
- Пшеничка 286, 322
- Пытель, сукощик 286
- Рацек Кобыла 288, 289
- Рацек из Яновиц 357
- Ржегорж из Милетинек 420
- Ржегорж из Хрженового 414
- Робил 407
- Рогач из Дубы 24
- Рожмберк 410, 419, 507
- Руперсисс Жан де 222, 224, 225
- Руссо 158
- Свешта 322
- Седлак 195, 213, 238, 248, 250, 255, 256, 300, 382, 433, 563, 564
- Седлачек А. 255, 271, 313, 323, 355, 405, 519, 523, 525—528
- Сигизмунд, король 33, 38, 41, 58, 93, 134, 188, 267, 272, 283, 302, 336—339, 343—345, 348, 349, 351, 352, 354, 356, 362, 379, 393—395, 466, 468, 469, 471, 472, 474, 483, 487, 488, 491, 492, 494, 499—502, 565, 566, 569, 570
- Сигизмунд Корибутович 465
- Сикора из Яблонца 408, 416
- Скрживанец из Солописеска 407
- Славик Ян 25, 52, 53, 67, 82, 156, 390
- Сливка, гончар 365, 393, 419, 421, 423
- Сметана из Уступениц 407
- Смил Флашка из Пардубиц 127, 128, 201, 225
- Сова 322
- София, королева чешская 267, 274, 341, 345, 349, 351, 353, 355, 356, 379, 392
- Сталин 83
- Стоклицкая—Терешкович В. В. 66, 79
- Тайлер Уот 60, 76, 78
- Тиста из Пршимды 275
- Томан 400, 401, 407, 496
- Томан из Бржезовника 420
- Томаш 322
- Томаш Эбендорфер 241, 395
- Томек В. В. 25, 30—32, 109, 130, 233, 297, 302, 329, 388, 401, 465, 468, 566
- Тремельян 113
- Трейлч 195
- Удальцов И. И. 25
- Уиклиф Джон 59, 60, 77, 210, 212—214, 216, 220, 238, 239, 241, 255, 291, 385
- Урбанек Рудольф 51, 52, 90, 125, 126, 154, 157, 160, 167, 222, 223, 399, 432, 493, 572
- Фейфалик 96, 118, 282
- Фенцл 414
- Фетанар из Нетолиц 420, 421
- Филипп из Льготы Ратиборовой 420, 421
- Филус 322
- Флайшганс В. 467, 571
- Фридел из Рухштайна 403
- Фридрих II 223, 230
- Фридрих III 394, 395, 504
- Фридрих Эпинге 252
- Фучик Юлиус 62
- Фринт А. 572
- Фрицек 459
- Халоупецкий Вацлав 25, 36, 39—43, 47, 90, 94, 106, 138, 156—160, 168, 177, 179, 182, 210, 227, 233, 239, 340, 390, 399
- Хардт В. 283
- Хвала из Маховиц 347, 355, 365, 496
- Хельчицкий Петр 44, 45, 47, 88, 90—93, 116, 135, 144, 153, 159, 171, 172, 184, 185, 199, 200, 231, 238, 313, 367, 387, 394, 395, 563, 572
- Хёзиннга И. 66
- Хёфлер К. 233, 329, 572
- Хмел из Боршова 409, 411
- Цикхарт 51, 285, 427, 429, 431
- Цинк Бухард 395
- Црафла из Хроболов 417
- Чапек Й. Б. 127
- Чапек Ян 308, 322, 374, 375, 572, 573
- Челаковский Я. 154, 323
- Ченек из Вартемберка 284, 293, 294, 300, 306, 307, 323, 340—342, 353
- Швегла И. 286, 287, 313, 364, 365
- Шверма 62
- Шебанек 313
- Шимак 94, 287, 365
- Шимек Ф. 571, 573
- Шимон, кузнец 393, 433, 502, 503, 507, 508
- Шимон, бочар из Истебнице 459
- Шимон из Тишнова 394
- Ширж, сапожник 282
- Шмидт В. 125

Шоберг Ф. 397
 Шгейн 257
 Штепан из Долан 264, 267, 277—
 280, 308—310, 395
 Штепан Пальч 395
 Штитный Томаш 89, 91—93, 129,
 136, 138, 154, 158, 162, 165,
 166, 169, 176, 181, 182, 185,
 193, 196, 206—208, 210, 260,
 280, 320,
 Шголл Ладислав 56
 Шуста Иосиф 124—126, 131,
 420—424, 519
 Энгельс Фридрих 22, 25, 57—
 61, 66, 80, 82, 83, 106, 115,
 135, 139, 144, 193, 194, 197,
 250, 280, 344, 396, 416, 448,
 509
 Эней Сильвий Пикколомини
 (Пий II, римский папа) 211, 304,
 332, 334, 340, 363, 393, 394,
 475, 485, 486, 504—508, 573
 Якоубек из Стржибра 167, 210,
 239, 247, 248, 271, 290—292,
 295, 296, 315, 321, 326, 331,
 361, 363, 367, 375, 376, 378—
 380, 385, 386, 394, 432, 433,
 564—568, 571
 Якуб из Доудлебах 414
 Ян IV, пражский епископ 232
 Ян, литомышльский епископ 353
 Ян Брадатый 334, 339
 Ян из Быдлина 286, 363, 470
 Ян из Градца (Индрижкова) 270
 Ян из Енштейна 177, 187, 212
 267, 478, 480
 Ян Краса 570
 Ян Лесковец 269
 Ян Милич из Кромержижа 193,
 208—210, 260
 Ян Михалец из Михаловиц 340,
 348, 353
 Ян по прозвищу Накваса 357
 Ян Немец Жатецкий 322
 Ян из Опочна 274, 275
 Ян Папоушек из Собеслава 393,
 398, 474, 475, 507
 Ян из Пржибрама 241, 322,
 374, 375, 380, 382, 393—395,
 475, 476, 563, 569, 570, 572,
 573
 Ян Пушка из Отаславиц 274
 Ян из Ржечице 488, 489
 Ян из Ризенберка 491
 Ян Смилек из Кржемжа 407
 Ян Смолин 363, 428, 470
 Ян из Усти и Каменице 285, 286
 Ян Ходек 357
 Ян из Хотемииц и Влашима 348
 Ян Худоба из Ральска 341
 Ястребов Н. В. 313, 367, 387,
 563—566, 568—570, 572

УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ

Авиньон 103, 105
 Австрия 25, 132, 229, 232, 235,
 286, 303, 501
 Англия 40, 59, 60, 64, 68, 74,
 76, 77, 79, 80, 220, 232, 300
 301, 384
 Арреццо 69
 Аугсбург 79
 Бавария 229, 357
 Баворов 415
 Бельгия 71, 301
 Белец 417
 Белеч 513
 Бенешов 329, 407, 504
 Беранек 313, 314
 Бернартице 415
 Бероун 281
 Бехине 313—315, 386, 487
 Бзи Гора 314, 327, 328, 373, 564,
 567
 Битетице 178
 Блатна 413
 Бловице 314, 347
 Бордо 57
 Боротин 413
 Боршов 409, 414
 Бошилец 414
 Брадло 314
 Бранна 424, 425
 Братислава 274, 445, 494
 Брауншвейг 79
 Бржезнице 347
 Бржилице 424, 425
 Брно 139, 141, 145, 148, 362, 566
 Брод Высший 125, 414
 Брод Немецкий 467
 Брод Ческий 266, 270
 Бронец на Глубокой 410
 Брюгге 71
 Будеёвице Ческе 141, 148, 281,
 393, 402, 405—411, 414, 415,
 488
 Бурковак у Немец 313
 Быдлин 363
 Быстрице 405
 Вартемберг 233
 Велешин 413, 416
 Вена 265
 Венгрия 303, 362, 388, 566
 Венеция 142
 Винтерберг 413
 Витербо 485
 Витков 472
 Витне 355
 Влглавы 413
 Влтава 98, 314, 341, 349, 471
 Водняны 317, 413, 486
 Вожице 413
 Волянь 413
 Вышеград 336, 340, 349, 350,
 353, 471
 Гавлов 167
 Гелфмбург 413
 Гент 72
 Гержманы 283
 Германия 40, 58—60, 80, 131,
 145, 194, 229, 507, 509
 Глубокая 411, 413
 Горжице 413, 414
 Градец Кралове 145, 233, 234,
 245, 288, 313, 317, 356
 Градице 364, 365, 392, 427, 510
 Градчаны 340, 351
 Граховиште 424, 425
 Грбов 162
 Гротны 427

Двор Боржихов 428
Дворец 424, 425
Дворжы 414
Дейвице 167
Дештин 179
Доланы 347
Дольний Тржебанек 427
Домажлице 282, 288, 317, 347, 356
Доманин 424, 425
Донов 424, 425
Доубрава 427
Доудлебы 414
Држкрайовице 415
Дунайовице 424, 425

Жабовржеск 415
Жалавец 428
Жатец 283, 288, 326, 406, 410
Жерчице 99
Живгошть 348, 387, 392
Жинковы 347
Жумберк 414

Заблатие 417
Загоржи 421, 422
Затон 415
Злата Корона 98, 179, 414
Зноймо 145, 445—449

Иерусалим 223, 230
Индржихов Градец 504
Испания 68
Италия 40, 59, 73, 140

Кавчи 428
Кадань 326
Каплице 413, 414
Кардашова Ржечица 99, 245, 406
Кассель 73
Квасевице 425
Кельн 79, 85
Кент 77
Кии 99
Клатовы 274, 283, 288, 326, 347, 355, 356
Клермон 74
Книн 347, 348
Козий Замок 246, 247, 250, 285, 306, 428
Колин 352
Констанц 57, 219, 220, 275, 300, 390
Коратайе 414

Коуржим 352, 357
Коцлержов 424, 425
Кравин 428, 431
Кржижки у Ладви 327—332, 340, 342, 392
Кржиковице 415
Кромержиж 406
Кртелы 427
Крумлов Ческий 98, 123, 402, 405, 406, 413, 420
Ктиш 415, 421
Кунратице 333
Куртрэ 72
Кутная Гора 92, 141, 274, 288, 289, 343, 348, 352, 357, 359, 394, 474, 565

Лгенице 162
Льгота 428, 431
Льгота Ратиборова 421
Льготка 428
Льез 72
Лейпциг 477
Лештин 428
Либице 168
Липи 233, 428
Липаны 23, 52, 398, 435, 448, 450, 462, 499—502, 508, 509
Липнице 424, 425
Лондон 78, 81
Лоуньвице 414
Лоуны 281, 283, 288, 326, 445—450, 455, 462
Лужница 364

Магдебург 79, 81, 85, 146
Малая Страна 341, 350, 351, 354, 355, 387
Малое Место Пражское 114, 451
Манштейн 413
Меднице 179
Мешнице 430
Милетинки 421
Миличин 179
Млада Вожице 313, 424
Моравия 271, 274, 303, 317, 362, 566
Москва 63
Мост 145
Мюнхен 48, 63

Наксер 410
Немейц 314
Немецки Крженовы 427

Неплахов 424, 425
Нетолице 162, 317, 415, 421, 423
Нидерланды 67
Новое Место Пражское 257, 302, 325, 333, 340, 349, 350, 351, 353
Новая Церковь 179
Новы Грады 125, 181, 413
Новый Быдзов 123, 282
Нюрнберг 79, 85, 145, 397

Одржелсы 168
Оломоуц 145, 288
Опатовице 275
Ополамы 168
Ореб 350
Осек 168
Остра Гора 421

Париж 75, 81, 85
Пельгржимов 406
Пельцинов 407
Перна 409
Пикардия 301
Писек 283, 288, 317, 326, 356, 379, 406, 486
Планска 421
Пльзень 263, 283, 285, 288, 317, 326, 330, 331, 347, 354—356, 363, 365, 379, 392, 565

Подегусы 413
Пойбуки 424, 425
Польша 303, 304, 507
Поржешин 413
Поржич 302, 414
Поталов 428
Прага 23, 29, 30, 33, 92—95, 99, 110, 114, 115, 134, 140—142, 146—148, 150, 156, 157, 168, 211, 219, 235, 239, 247, 250, 252, 257, 263, 269, 275, 280, 281, 285, 289, 296, 299—305, 311, 317, 322, 326, 328, 329, 331—334, 336, 338—341, 346—350, 352, 354, 357, 359, 363, 368, 379, 387, 391, 392, 396, 400, 406, 410, 423, 433, 445, 447—449, 451, 452, 462, 465, 467, 468, 471—474, 477, 482, 485, 491, 504, 565—569
Прахатице 286, 402, 405—408, 487
Приндлов хутор 413
Пришибнице 123, 429, 431

Пришбрам 99, 281
Пришлуп 162, 421
Пуатге 74

Раби 405, 413
Раднице 179
Райов 413
Раковник 380, 567
Рейн 79
Речице 178
Ржезне 476
Рим 42, 44, 102, 103, 105, 106, 108, 171, 234
Ровне 413
Рожмберк 123
Рокицаны 99
Россия 40
Рочовице 427
Руан 75
Рудный 414

Сверазы 414
Свинны Тргове 307, 413, 414
Седлчаны 317, 406, 407
Славче 415
Сланы 326
Слатин 99
Смедеч 405, 421
Смедечек 421
Смолин 363, 428
Собенов 414
Собеслав 406, 413
Советский Союз 40, 42, 53
Споли 424
Средиземное море 68
Старое Место Пражское 139, 295, 333, 334, 336, 339—341, 350, 351, 353, 445, 448, 451
Стендаль 79
Стракачов 428
Страконице 405
Страсбург 79
Стропнице 179
Сулице 229
Сушице 347

Тахов 494
Тржебонь 400, 406
Тржисов 414
Тын 99, 414

Уезд 414—416
Усти Сезимово 242, 246, 247, 263, 285—288, 317, 347, 363—

366, 392, 428, 431, 471, 472, 499, 565, 566 Уступенице 407	114, 120, 121, 123, 125, 129— 132, 138—140, 148, 151, 159— 161, 167, 169, 171, 178, 179, 186, 187, 189, 195—197, 199, 202, 207, 211, 220, 223, 225, 229, 232—239, 242, 247, 261, 263, 264, 270, 272, 274—276, 284, 285, 287, 297, 300, 301, 303— 308, 311—315, 317, 324, 326, 327, 329, 332, 339, 344—347, 350, 357, 364, 368, 383, 385, 392, 395, 401, 408, 410, 426, 427, 473—475, 477, 484, 485, 492, 494, 569
Фландрия 64, 71, 73, 76, 79—81, 85, 86, 140, 229, 384 Франкфурт 79 Франция 40, 59, 64, 67, 71, 73— 76, 80, 87, 132, 229, 232, 301 Флоренция 64, 67—71, 76, 79— 81, 85, 384	Чехословакия 25, 32, 45, 46, 62, 63 Чимерж 424, 425
Хвалшины 219, 365, 413, 422 Хеб 141, 145 Хейнов 99 Хлумец 415 Храштяны 313, 314 Храштяны Нижние 162 Хрудим 141, 148, 406	Шалмановице 424, 425 Шитице 427 Шотландия 74, 220 Штепанов 307
Чабел 427, 430, 431 Часлав 352, 406 Чеканице 430 Червене-Ржечице 393, 488, 489, 494 Чехия 23, 27, 28, 33—36, 45, 46, 51, 52, 59—61, 87, 88, 90, 92— 95, 98, 100, 102—105, 109, 110.	Эссекс 77 Яма 421, 422 Яновице 317

22601

НБ ПНУС
122601

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
Предисловие	22
Глава первая	
Оценка Табора—мерило прогрессивности историка	25
Глава вторая	
Кризис феодализма в XIV и XV столетиях	64
Глава третья	
<u>Социально-экономическое положение в предгуситской Чехии в начале XV века</u>	<u>88</u>
Глава четвертая	
Идеология как отражение классовых противоречий	193
Глава пятая	
Феодальные междоусобицы и классовая борьба с начала XV века до основания Табора	<u>263</u>
Глава шестая	
Социальный состав таборитов в 1420—1452 годах	<u>393</u>
Приложение I	
Список деревень и городов, жители которых ушли в Табор или поддерживали таборитов	512
Приложение II	
Список названий деревень и городов, встречающихся в име- нах таборских горожан периода 1432—1450 годов и пояс- няющих их происхождение	521
	585

Приложение III

Список таборских горожан, род занятий которых установлен
(по Таборскому рихтаржскому реестру 1432—1450 годов) . 529

Приложение IV

Обзор главных источников по таборскому хилиазму 563
Список сокращений 574
Именной указатель 575
Указатель географических названий 581

И. Мацек

ТАБОР В ГУСИТСКОМ
РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

Редактор ЧАЙКОВСКАЯ О. Г.

Технический редактор Н. А. Иовлева

Художник Н. А. Муниц

Сдано в производство 4/1 1956 г.

Подписано к печати 29/IV 1956 г.

A03383. Бумага 84×108¹/₃₂. 9,7 бум. л.

31,8 печ. л. в т/ч. 11 вкл. Уч.-изд. л.
34,8.

Изд. № 6/2427. Цена 23 руб.

Заказ № 4.

Издательство иностранной литературы
Москва, Ново-Алексеевская, 52

16-я типография Главполиграфпрома
Министерства культуры СССР.
Москва, Трехпрудный пер., 9.